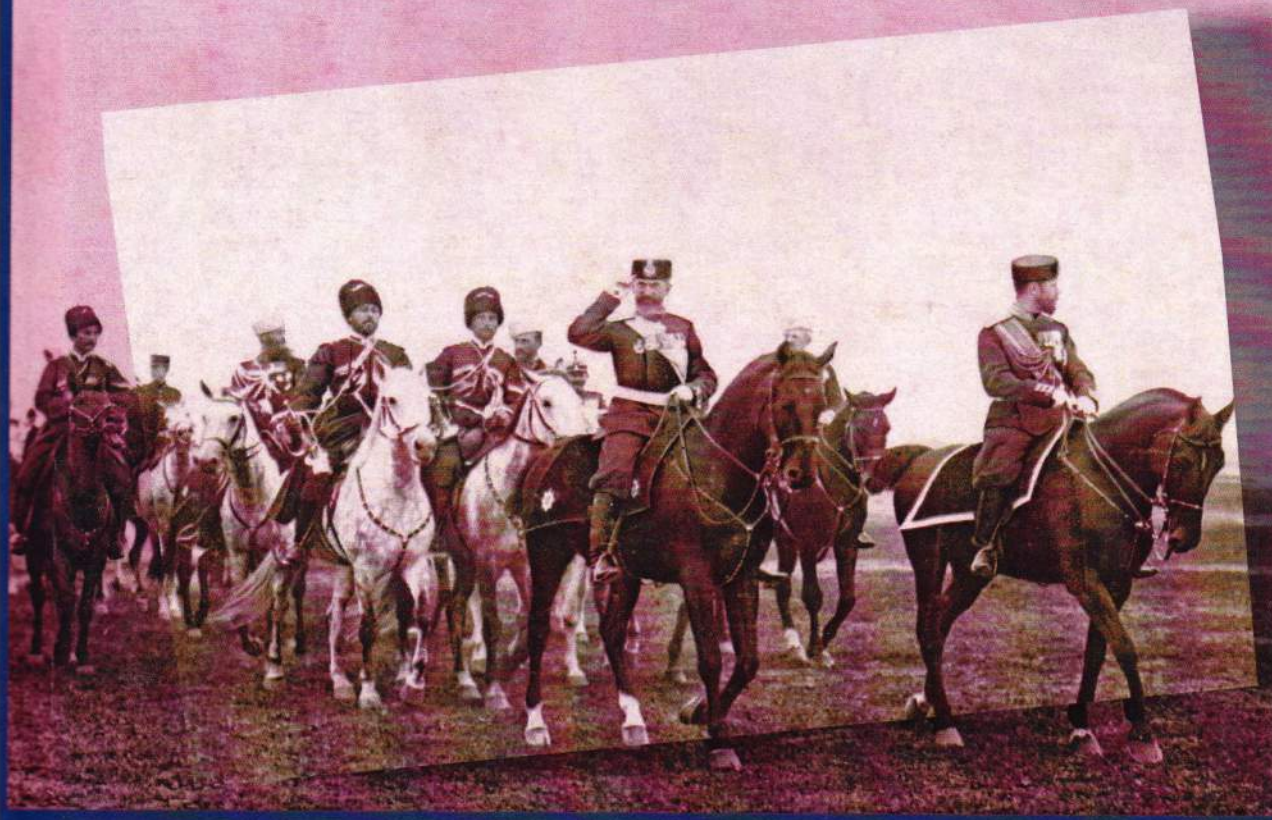
D O C U M E N T A



RAPOARTE DIPLOMATICE RUSE DIN ROMÂNIA

1888-1898

Flavius Solomon • Adrian-Bogdan Ceobanu
Andrei Cuşco • Grigorii Şkundin

Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" Iaşi

D O C U M E N T A

DOCUMENTA DIPLOMATICA
I

EDITURA UNIVERSITĂȚII „ALEXANDRU IOAN CUZA” IAȘI
2014

Colecţia **DOCUMENTA** este coordonată de prof.univ.dr. Petronel Zahariuc

Seria **DOCUMENTA DIPLOMATICA** este coordonată de Flavius Solomon

This work was supported by a grant of the Romanian CNCS-UEFISCDI,
project number PNII-RU-TE-2012-3-0078
With the assistance of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow)
and the Central National Historical Archives (Bucharest)

Redactor: Andi MIHALACHE
Coperta: Manuela OBOROCEANU
Tehnoredactor: Mihaela RĂDUCĂ
Pe copertă: Vizita regelui Carol I în Rusia (1898). ANIC, Colecţia *Fototecă*

I**SBN 978-606-714-087-3**

© Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza”, 2014
700109 – Iaşi, str. Pinului, nr. 1A, tel./fax: (0232) 314947
http:// www.editura.uaic.ro e-mail: editura@uaic.ro

D O C U M E N T A

RAPOARTE DIPLOMATICE RUSE DIN ROMÂNIA (1888-1898)

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В РУМЫНИИ (1888-1898)

Editori / Издатели

Flavius Solomon, Adrian-Bogdan Ceobanu, Andrei Cuşco, Grigorii Şkundin
Флавиус Соломон, Адриан-Богдан Чеобану, Андрей Кушко, Григорий Шкундин

EDITURA UNIVERSITĂȚII „ALEXANDRU IOAN CUZA” IAȘI
2014

Descrierea CIP a Bibliotecii Naţionale a României
Rapoarte diplomatice ruse din România 1888-1898 / ed.: Flavius Solomon, Adrian-Bogdan Ceobanu, Andrei Cuşco, Grigorii Şkundin. – Iaşi: Editura Universităţii „Al. I. Cuza”, 2014
Index
ISBN 978-606-714-087-3

I. Solomon, Flavius (ed.)
II. Ceobanu, Adrian Bogdan (ed.)
III. Cuşco, Andrei (ed.)
IV. Şkundin, Grigorii (ed.)
327(47+498)"1888/1898"

CUPRINS

NOTĂ ASUPRA EDIȚIEI 9
ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ 13
RAPOARTE DIPLOMATICE RUSE DIN ROMÂNIA (1888-1898). STUDIU INTRODUCTIV 17
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В РУМЫНИИ (1888-1898). ВВЕДЕНИЕ ... 49
LISTA DOCUMENTELOR 87
СПИСОК ДОКУМЕНТОВ 95
LISTA ABREVIERILOR / СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 105
DOCUMENTE / ДОКУМЕНТЫ 107
INDICE DE NUME DE PERSOANE 453
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 457

СОДЕРЖАНИЕ

NOTĂ ASUPRA EDIȚIEI 9
ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ 13
RAPOARTE DIPLOMATICE RUSE DIN ROMÂNIA (1888-1898). STUDIU INTRODUCTIV 17
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В РУМЫНИИ (1888-1898). ВВЕДЕНИЕ ... 49
LISTA DOCUMENTELOR 87
СПИСОК ДОКУМЕНТОВ 95
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LISTA ABREVIERILOR 105
ДОКУМЕНТЫ / DOCUMENTE 107
INDICE DE NUME DE PERSOANE 453
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 457

NOTĂ ASUPRA EDIȚIEI

Liberalizarea accesului la sursele de arhivă după 1989 a deschis pentru istoricii români noi direcții de cercetare. Alături de teme ca represiunea, colectivizarea, politicile restrictive față de minoritățile etnice şi religioase, care au avansat în prim-planul interesului istoriografic după ridicarea „cortinei de fier", având în vedere experiența traumatică din anii comunismului şi aşteptările mari ale unui important segment al populației, către mijlocul anilor 1990 aria tematică acoperită de noi ediții documentare s-a diversificat semnificativ.

În acest efort editorial, publicarea de documente externe privitoare la istoria relațiilor României cu alte state, în special pentru perioada cuprinsă între Congresul de la Berlin (1878) şi intrarea în Primul Război Mondial (1916), apare ca o direcție suficient de bine conturată. Pe de altă parte, chiar dacă numărul aparițiilor documentare subscrise acestei mari teme istoriografice nu este neglijabil[1], lipsesc încă marile serii, gândite ca proiecte de lungă durată, după modelul unor colecții străine devenite deja clasice[2], care ar consacra, şi sub această formă, racordarea şcolii istorice româneşti la tradiția marilor istoriografii europene[3].

---

[1] De exemplu: *35 de ani de relații italo-române, 1879-1914. Documente diplomatice italiene* / *35 anni di relazioni italo-romene, 1879-1914. Documenti diplomatici italiani*, volum editat de Rudolf Dinu şi Ion Bulei, Bucureşti, Editura Univers Enciclopedic, 2001; Sorin Liviu Damian, *Diplomați englezi în România, 1866-1880*, Craiova, Editura Universitaria, 2008; idem, *Diplomați englezi în România, 1881-1914*, Craiova, Editura Universitaria, 2009; Keith Hitchins, Miodrag Milin, *Relații româno-americane 1859-1901. Documente diplomatice şi consulare*, Bucureşti, Redacția Publicațiilor pentru Străinătate „România", 2001; *Regele Carol I în rapoartele diplomatice austro-ungare 1877-1914*, vol. I, *1877-1896*, studiul introductiv, traducerea, adaptarea şi notele de Sorin Cristescu, Bucureşti, Editura Paideia, 2013.

[2] Printre cele mai relevante: *Documents diplomatiques français. 1871-1914* (Sér. 1-3); *Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußern*; *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871-1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, im Auftrage des Auswärtigen Amtes* (Bände 1-40); *Международные отношения в эпоху империализма* (в 3 сериях); *British Documents on the Origins of the War, 1898-1914* (vol. I-XI); *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print* (Series A-M); *I documenti diplomatici italiani*.

[3] Un început, în acest sens, îl reprezintă colecția *Documente diplomatice române*, inițiată de Institutul Diplomatic Român. A se vedea: *Documente diplomatice române*, seria I, volumul 11, *1883*, cuvânt înainte de Mihai-Răzvan Ungureanu, volum realizat de Alin Ciupală, Rudolf Dinu, Antal Lukács, Bucureşti, Editura Academiei, 2006; *Documente diplomatice române*, seria I, volumul 12, *1884-1885*, editori Rudolf Dinu, Alin Ciupală, Antal Lukács, editori asociați Anca-Graziella Moga, Nicolae Nicolescu, Râmnicu Vâlcea, 2010.

Un exemplu concludent pentru posibilităţile, dar şi pentru subiectele încă puţin explorate de către istoricii români îl reprezintă valorificarea[4] documentelor diplomatice referitoare la Regatul Român, păstrate în arhive din Federaţia Rusă, în special în Arhiva de Politică Externă a Imperiului Rus de la Moscova (APEIR). În 1992, într-un context politic favorabil, între Roskomarhiv[5] şi Direcţia Generală a Arhivelor Statului din România a fost semnat un acord de colaborare, prin care erau garantate, pe bază de reciprocitate, condiţii pentru investigarea şi valorificarea documentelor de arhivă de interes istoric pentru părţile semnatare, inclusiv sub forma efectuării unor copii după documente originale[6]. În cadrul acestui acord, în anii următori, o echipă de istorici români a desfăşurat cercetări şi la APEIR, în urma cărora au fost xerografiate şi documente care reprezintă, în marea lor majoritate, depeşe, rapoarte şi telegrame ale diplomaţilor ruşi acreditaţi în România la sfârşitul secolului XIX şi începutul secolului XX. În prezent, copiile respective, inclusiv sub formă de microfilme, sunt păstrate la Arhivele Naţionale Istorice Centrale din Bucureşti (ANIC)[7]. Din cauza unor obstacole de ordin birocratic, apărute pe parcursul derulării acordului amintit, dar şi a resurselor financiare limitate ale părţii române[8], proiectul de xerografiere nu a putut fi încheiat, astfel încât o mare parte a fondurilor documentare a rămas neacoperită.

În mod firesc, publicarea documentelor diplomatice ruseşti referitoare la România din perioada de după obţinerea independenţei, care inaugurează seria *Documenta diplomatica*, ar fi trebuit să debuteze cu anul 1878. Însă, din motive invocate deja, tocmai anii 1880[9] sunt acoperiţi documentar în cea mai mică măsură în colecţia de xerografii păstrate la ANIC. În condiţiile în care, din toamna anului 2012, fondurile APEIR nu sunt accesibile cercetătorilor, din cauza transferului arhivei într-un alt sediu, iar redeschiderea a fost amânată de mai multe ori, s-a decis publicarea mai întâi a documentelor aferente anilor 1888-1898, cu observaţia că volumul cuprinzând anii 1878-1887 va fi editat

[4] Deşi pentru altă perioadă decât aceea asumată de noi, trebuie amintite eforturile istoricilor Ion Varta şi Tatiana Varta de a publica documente din arhivele ruseşti. A se vedea Ion Varta, *Revoluţia de la 1848 în Ţările Române. Documente inedite din arhivele ruseşti*, Chişinău, Editura Arc, 1998; Ion Varta, Tatiana Varta, *Moldova şi Ţara Românească în timpul domniilor regulamentare: documente inedite din arhivele din Federaţia Rusă, Ucraina şi Republica Moldova*, Chişinău, Editura Cartdidact, 2002.

[5] Comitetul pentru Problemele Arhivelor de pe lângă Guvernul Federaţiei Ruse (în prezent: Rosarhiv – Agenţia Federală a Arhivelor).

[6] Octavian Dascăl, *Demersurile Arhivelor Naţionale ale României pentru cercetarea şi recuperarea unor fonduri de documente româneşti din arhivele Federaţiei Ruse (1992-2004)*, în „Revista Arhivelor" (Bucureşti), LXXXVI, 2009, nr. 1 (în continuare: Dascăl, *Demersurile Arhivelor Naţionale ale României*), p. 32.

[7] A se vedea inventarele la „Colecţia Microfilme Rusia".

[8] Dascăl, *Demersurile Arhivelor Naţionale ale României*, p. 32 şi urm.

[9] Relativ la atitudinea Rusiei faţă de proclamarea Regatului României au fost publicate patru acte în studiul lui Adrian-Bogdan Ceobanu, *Câteva documente ruseşti privitoare la proclamarea Regatului României*, în „Anuarul Institutului de Istorie «A.D. Xenopol»", XLIX, 2012, p. 467-474.

ulterior, de îndată ce fondurile APEIR vor fi puse din nou la dispoziția istoricilor.

Cele 85 de documente[10], selectate potrivit relevanței informaționale şi analitice, acoperind un spectru foarte complex al relațiilor ruso-române în perioada cuprinsă între schimbarea de guvern din România din 1888 şi vizita regelui Carol I în Rusia în 1898, sunt publicate după copii aflate la ANIC (pentru anii: 1888, 1890, 1891, 1893, 1895, 1896, 1897 şi 1898) şi după originale păstrate la APEIR (pentru anii: 1889, 1892, 1894). Transcrierea documentelor din fondurile APEIR a fost efectuată de Flavius Solomon, iar a copiilor de la ANIC de către Flavius Solomon şi Andrei Cuşco. Toate documentele în versiunea originală în limba rusă au fost colaționate de Grigorii Şkundin. Traducerea documentelor din limba rusă aparține lui Flavius Solomon şi lui Andrei Cuşco, iar transcrierea şi traducerea celor în limba franceză lui Adrian-Bogdan Ceobanu şi lui Andrei Cuşco. Notele de subsol au fost elaborate de Adrian-Bogdan Ceobanu, Grigorii Şkundin şi Flavius Solomon, iar lista documentelor şi indicele de persoane au fost întocmite de Adrian-Bogdan Ceobanu. Menționăm că datarea documentelor corespunde originalelor. La transcrierea documentelor originale au fost folosite normele ortografice actuale ale limbilor rusă şi franceză, numele de persoane şi localități fiind adaptate, pe cât posibil, la standardele aflate actualmente în uz.

Pe această cale, editorii îşi exprimă gratitudinea față de Arhivele Naționale Istorice Centrale de la Bucureşti şi Arhiva de Politică Externă a Imperiului Rus de la Moscova pentru sprijinul acordat în timpul cercetărilor. De asemenea, suntem recunoscători Editurii Universității „Alexandru Ioan Cuza” şi directorului acesteia, domnului Andrei Corbea-Hoişie. Mulțumim, totodată, decanului Facultății de Istorie, domnului Petronel Zahariuc, pentru includerea seriei *Documenta diplomatica* în colecția *Documenta*. În pregătirea pentru tipar a volumului a fost esențială implicarea doamnei Mihaela Răducă, motiv pentru care se cuvin aceleaşi gânduri de gratitudine. În sfârşit, dar nu în ultimul rând, editorii mulțumesc domnului Andi Mihalache pentru lecturarea atentă a textului în limba română şi pentru corecturile sugerate.

[10] Dintre acestea, 84 sunt rapoarte diplomatice ale reprezentanților Imperiului Rus în România, iar un document este schița unei instrucțiuni ministeriale pentru trimisul de la Bucureşti, N. Fonton.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Расширение доступа к архивным источникам после событий 1989 г. открыло румынским историкам новые направления исследований. В этот период в румынской историографии стали актуальными такие темы, как репрессии, коллективизация, ограничительная политика по отношению к этническим и религиозным меньшинствам, во многом благодаря падению «железного занавеса», трагическому опыту коммунистической эпохи и большим ожиданиям значительной части населения. К середине 1990-х годов тематика новых исследований и публикаций источников стала гораздо более разнообразной.

В рамках этих издательских инициатив, публикации иностранных документов по истории взаимоотношений Румынии с другими государствами в период между Берлинским конгрессом (1878 г.) и вступлением Румынии в Первую мировую войну (1916 г.), стали одним из наиболее чётко выраженных направлений деятельности румынских историков. С другой стороны, даже с учётом значительного числа изданий документов по этой обширной тематике[1], всё ещё ощущается отсутствие больших долгосрочных проектов по публикации серий источников, задуманных по образцу классических зарубежных собраний источников.[2] Такого рода проекты могли бы способствовать синхронизации румынской исторической школы с традицией основных европейских историографий.[3]

---

[1] Например: *35 de ani de relaţii italo-române, 1879-1914. Documente diplomatice italiene* / *35 anni di relazioni italo-romene, 1879-1914. Documenti diplomatici italiani*. Volum editat de Rudolf Dinu şi Ion Bulei. Bucureşti: Univers Enciclopedic, 2001; Damian, S. L. *Diplomaţi englezi în România, 1866-1880*. Craiova: Universitaria, 2008; Damian, S. L. *Diplomaţi englezi în România, 1881-1914.* Craiova: Universitaria, 2009; Hitchins, K., Milin, M. *Relaţii româno-americane 1859-1901. Documente diplomatice şi consulare.* Bucureşti: Redacţia Publicaţiilor pentru străinătate „România", 2001; *Regele Carol I în rapoartele diplomatice austro-ungare 1877-1914*. Vol. I. 1877-1896. Studiul introductiv, traducerea, adaptarea şi notele de Sorin Cristescu. Bucureşti: Editura Paideia, 2013.

[2] Наиболее важными являются следующие публикации: *Documents diplomatiques français. 1871-1914* (Sér. 1-3); *Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußern*; *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871-1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, im Auftrage des Auswärtigen Amtes* (Bände 1-40); *Международные отношения в эпоху империализма* (в 3 сериях); *British Documents on the Origins of the War, 1898-1914* (vol. I-XI); *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print* (Series A-M); *I documenti diplomatici italiani.*

[3] Первым шагом, в этом смысле, является коллекция *Documente diplomatice române*, выходящая под редакцией Румынского Дипломатического Института. Более

Убедительным примером новых возможностей, открывающихся перед румынскими историками, но и новых, ещё мало исследованных, сюжетов, является введение в научный оборот[4] дипломатических источников, относящихся к Румынскому Королевству и хранящихся в архивах Российской Федерации, в первую очередь – в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве. В 1992 г., при благоприятной политической обстановке, между Роскомархивом[5] и Общим Управлением Государственных Архивов Румынии было подписано соглашение о сотрудничестве, которое гарантировало, на основе взаимности, необходимые условия для исследования и введения в научный оборот архивных документов, представляющих исторический интерес для обеих сторон, в том числе посредством ксерокопирования подлинников[6]. В рамках этого соглашения, в последующие несколько лет, группа румынских историков проводила исследования в российских архивах, в том числе в АВПРИ, в результате чего был ксерокопирован и ряд документов, представляющих собой, в основном, депеши, донесения и телеграммы российских дипломатов, аккредитованных в Румынии в конце XIX и начале XX века. В настоящее время данные копии хранятся, в том числе в форме микрофильмов, в Центральном Национальном Историческом Архиве в Бухаресте (ANIC)[7]. Из-за некоторых бюрократических препятствий, возникших в дальнейшем на протяжении действия упомянутого соглашения, а также по причине ограниченных финансовых ресурсов румынской стороны[8], проект ксерокопирования не мог быть успешно завершён. В результате, значительная часть архивных фондов осталась необработанной.

Было бы естественным начать проект издания российских дипломатических документов, относящихся к Румынии в период после

подробно см.: *Documente diplomatice române. S*eria I. Volumul 11 (1883) Cuvânt înainte de Mihai-Răzvan Ungureanu. Volum realizat de Alin Ciupală, Rudolf Dinu, Antal Lukács. Bucureşti: Editura Academiei, 2006; *Documente diplomatice române.* Seria I. Volumul 12 (*1884-1885)*. Editori: Rudolf Dinu, Alin Ciupală, Antal Lukács. Editori asociaţi: Anca-Graziella Moga, Nicolae Nicolescu. Râmnicu Vâlcea, 2010.

[4] В этой связи нужно отметить усилия историков Иона и Татьяны Варта по публикации документов из российских архивов (хотя и относящихся к более раннему периоду). Более подробно см.: Varta, I. *Revoluţia de la 1848 în Ţările Române. Documente inedite din arhivele ruseşti.* Chişinău: Editura Arc, 1998; Varta, I., Varta, T. *Moldova şi Ţara Românească în timpul domniilor regulamentare: documente inedite din arhivele din Federaţia Rusă, Ucraina şi Republica Moldova.* Chişinău: Editura Cardidact, 2002.

[5] Комитет по вопросам архивов при Правительстве Российской Федерации (ныне: Росархив – Федеральное архивное агентство).

[6] Dascăl, O. *Demersurile Arhivelor Naţionale ale României pentru cercetarea şi recuperarea unor fonduri de documente româneşti din arhivele Federaţiei Ruse (1992-2004)* // Revista Arhivelor (Bucureşti), LXXXVI, 2009, nr. 1 (в дальнейшем: Dascăl, *Demersurile Arhivelor Naţionale ale României*). P. 32.

[7] См. описи к коллекции микрофильмов: «Россия».

[8] Dascăl, *Demersurile Arhivelor Naţionale ale României*, P. 32 etc.

достижения ей независимости, с 1878 года. Именно эта дата открывает серию *Documenta diplomatica*, в которую входит данный сборник. Однако по вышеупомянутым причинам как раз документы 1880-х годов[9] не были подробно изучены и являются недостающим звеном в коллекции ксерокопий, хранящихся в ANIC. Учитывая что, начиная с осени 2012 г., фонды АВПРИ недоступны исследователям из-за переезда архива в новое здание, а открытие нового комплекса уже несколько раз откладывалось, было принято решение опубликовать, в первую очередь, документы, относящиеся к периоду 1888-1898 годов. При этом отметим, что сборник, включающий источники по 1878-1887 гг., будет опубликован позже, по мере того, как фонды АВПРИ вновь станут доступны историкам, что позволит полностью исследовать также и этот период.

Сборник состоит из 85 документов[10], отобранных на основе их аналитического значения. Они освещают довольно широкий и комплексный спектр русско-румынских отношений в период между сменой правительства в Румынии (в марте 1888 г.), положившей конец 12-летнему правлению либералов, и визитом короля Карла I в Россию в 1898 году. Документы публикуются согласно копиям, хранящимся в ANIC (по следующим годам: 1888; 1890; 1891; 1893; 1895; 1896; 1897 и 1898) и по подлинникам, хранящимся в АВПРИ (по годам: 1889, 1892, 1894). Документы из фондов АВПРИ были транскрибированы Флавиусом Соломоном, а копии, хранящиеся в ANIC – Флавиусом Соломоном и Андреем Кушко. Все документы, изначально составленные на русском языке, были сверены Григорием Шкундиным. Перевод источников с русского языка на румынский принадлежит Флавиусу Соломону и Андрею Кушко. Документы на французском языке были переписаны и переведены на румынский Адрианом-Богданом Чеобану и Андреем Кушко. Примечания составлены Адрианом-Богданом Чеобану, Григорием Шкундиным и Флавиусом Соломоном. Ответственный за список документов и именной указатель – Адриан-Богдан Чеобану. Отметим, что датировка документов соответствует подлинникам. При переписывании и редактировании оригинальных источников были использованы нынешние правила орфографии русского и французского языков. Имена собственные и географические названия приведены в соответствие с нынешними стандартами.

Пользуясь случаем, издатели хотели бы выразить благодарность Центральному Национальному Историческому Архиву в Бухаресте и

[9] Несколько документов, проливающих свет на отношение России к провозглашению Румынского Королевства, были опубликованы в статье: Ceobanu, Adrian-Bogdan. *Câteva documente ruseşti privitoare la proclamarea Regatului României* // Anuarul Institutului de Istorie „A.D. Xenopol", т. XLIX, 2012. P. 467-474.

[10] Из них 84 документа – это дипломатические донесения представителей Российской империи в Румынии. Один документ является наброском министерской инструкции, адресованной российскому посланнику в Бухаресте Н. Фонтону.

Архиву внешней политики Российской империи в Москве за поддержку, оказанную их сотрудниками во время проведения исследований в этих учреждениях. Издатели также выражают признательность Издательству Ясского Университета Александру Иоана Кузы и его директору Андрею Корбя-Хойшие. Мы также благодарим декана факультета истории, Петронела Захарюка, за включение серии *Documenta diplomatica* в общую коллекцию *Documenta* и госпожу Михаелу Рэдукэ за неоценимую помощь в редактировании текста и подготовке сборника к печати. Наконец, но не в последнюю очередь, мы хотели бы поблагодарить нашего коллегу Анди Михалаке за внимательное редактирование и корректуру текста на румынском языке.

RAPOARTE DIPLOMATICE RUSE DIN ROMÂNIA (1888-1898). STUDIU INTRODUCTIV

Considerații preliminare

Alături de documentele austro-ungare, germane, franceze, engleze şi otomane, actele diplomatice ruse de la sfârşitul secolului XIX şi începutul secolului XX continuă să rămână, şi la peste un secol de la primele ediții[1], un reper important pentru orice cercetare privitoare la istoria Marilor Puteri, la relațiile dintre acestea, la interacțiunea cu statele mai mici şi la relațiile internaționale pe plan regional, de pildă în Balcani. Chiar dacă ar părea surprinzător, având în vedere efortul editorial deloc neglijabil timp de câteva decenii[2], publicarea şi mai ales valorificarea acestei categorii de surse din arhivele ruse rămâne încă de mare actualitate. Într-un studiu apărut în 1988, recomandat între timp ca lectură formativă la facultățile de istorie şi arhivistică din Federația Rusă[3], A.V. Gheorghiev atrăgea atenția asupra faptului că folosirea încă insuficientă a documentelor din arhivele fostului Minister de Externe al Imperiului Rus se explică şi prin lipsa unor „metode de extragere" şi interpretare a informațiilor conținute în această categorie de surse[4].

La fel ca în cazul altor Mari Puteri, începând din a doua jumătate a secolului XVIII, Imperiul Rus a dezvoltat o rețea complexă de reprezentanțe în străinătate, care, către începutul secolului XX, era formată din *ambasade*, *misiuni*, *agenții diplomatice* şi *agenții politice*, acoperind, din punct de vedere geografic, o mare parte a mapamondului, din Australia până în Africa şi din Orientul Apropiat până pe litoralul pacific al Americii de Nord[5]. Asemănător aparatului central al Ministerului de Externe, rolul reprezentanțelor consulare şi

---

[1] A se vedea, în acest sens, „cărțile colorate", publicate în foarte multe țări începând cu secolul XIX.

[2] Cea mai cunoscută în acest sens este, desigur, ediția în trei serii *Международные отношения в эпоху империализма*.

[3] А.В. Георгиев, *Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия*, în „История СССР", 1988, nr. 4 (în continuare: Георгиев, *Документы посольств и миссий России*), p. 135-149.

[4] *Ibidem*, p. 135.

[5] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*, ред. колл. В.А. Емец и др., Москва, Международные отношения, 1997; în continuare: *История внешней политики России. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*, p. 68-70.

diplomatice din străinătate a fost definit prin actul constitutiv din 1868, rezumându-se, în cea mai mare parte, la îndeplinirea instrucţiunilor şi dispoziţiilor ministrului, acordarea de asistenţă şi ajutor supuşilor ruşi, colectarea de informaţii şi redactarea de rapoarte privind evenimentele şi situaţia din ţara în care se aflau[6]. Această din urmă activitate a diplomaţilor ruşi în străinătate se reflectă într-un număr impresionant de documente, păstrate în prezent în fondurile APEIR de la Moscova. Chiar dacă, din punct de vedere formal, al nomenclatorului oficial, existau *depeşe*[7], *rapoarte*, *scrisori oficiale* şi *comunicări telegrafice*, în realitate, de foarte multe ori, diferenţele dintre primele două categorii erau greu de sesizat, inclusiv de către autorii şi destinatarii unor astfel de documente[8]. Acest lucru se explică şi prin faptul că, în practica diplomatică rusă, între ele nu existau nici diferenţe privind formularul-tip[9].

În acest sens, nu reprezintă o excepţie nici documentele aparţinând reprezentanţilor oficiali ai Imperiului Rus din România de la sfârşitul secolului XIX şi începutul secolului XX. De pildă, în majoritatea acestora, informaţiile privind aspecte concrete din cotidianul politic al Regatului erau integrate într-un cadru mai larg, dominat de raţionamente determinate de contextul internaţional şi de politica externă a României. Asemănătoare, ca structură şi informaţie, sunt şi scrisorile oficiale, cu observaţia că, pentru perioada de după 1887, acestea continuă să fie redactate în limba franceză, spre deosebire de rapoarte, care sunt, în covârşitoarea lor majoritate, scrise în limba rusă[10]. Având în vedere considerentele de mai sus, vom folosi pentru documentele publicate în acest volum termenul generic de *raport*, respectiv *raport diplomatic*.

Revenind la observaţia de mai sus a lui A.V. Gheorghiev, pe exemplul rapoartelor diplomaţilor ruşi din România de la sfârşitul anilor 1880 şi din anii 1890, putem identifica mai multe dificultăţi în „extragerea" din aceste surse a unor informaţii, şi cu atât mai mult a unor interpretări. În primul rând, sub aspectul conţinutului factologic, rapoartele devin cu adevărat utile cercetătorului doar analizându-le într-un context mai larg şi confruntându-le cu alte surse de acest gen (de pildă, documente similare semnate de către diplomaţi germani, austro-ungari sau francezi acreditaţi în perioada respectivă în România), acte şi statistici oficiale româneşti, memorii, articole de presă etc. O altă cheie pentru citirea cât mai corectă a rapoartelor diplomatice ruse trebuie căutată şi în istoria

[6] Георгиев, *Документы посольств и миссий России*, p. 136.

[7] Iniţial, scurte relatări diplomatice (scrisori) trimise prin curier în situaţii urgente. Odată cu inventarea telegrafului, toate relatările transmise pe această cale au început să fie numite *depeşe*.

[8] *Ibidem*.

[9] Potrivit instrucţiunilor oficiale, *depeşele* conţineau informaţii privitoare la viaţa politică internă a ţării în care se aflau diplomaţii ruşi, în timp ce *rapoartele* ar fi trebuit să se refere la aspecte de politică externă. Ambele categorii de documente aveau aceleaşi elemente de identificare: data şi locul emiterii; numărul de ieşire; calitatea oficială a autorului; numele destinatarului; formula de încheiere; semnătura.

[10] Pentru impunerea limbii ruse în rapoartele reprezentanţilor diplomatici ai Imperiului Rus, a se vedea în continuarea acestui *studiu introductiv*.

diplomației ruse din ultimul sfert al secolului XIX, urmărind modul în care diverse facțiuni din aparatul central şi din reprezentanțele diplomatice s-au raportat la disputa dintre diferitele perspective asupra politicii externe. De asemenea, circumscrisă într-un fel acestui din urmă orizont interpretativ, foarte importantă este cunoaşterea gradului de instruire a autorilor acestor documente, dar şi poziționarea lor ideologică în disputele privind politica Rusiei în Balcani după Congresul de la Berlin.

Plecând de la aceste considerații preliminare, sursele publicate în prezentul volum pot deschide o perspectivă largă asupra felului în care reprezentanții diplomatici ruşi din România[11] au participat la procesul de elaborare de către Imperiul Rus a politicii în Balcani, în general, şi față de România, în particular. Confruntarea informațiilor şi a recomandărilor formulate de către diplomații ruşi de la Bucureşti şi Iaşi (în cazul consulului A.A. Giers), în rapoartele trimise pe adresa Ministerului de Externe, cu soluțiile stabilite la nivel central pentru o situație sau alta, poate aduce nuanțe importante în înțelegerea mecanismului de luare a deciziilor de politică externă în Imperiul Rus în deceniile premergătoare Primului Război Mondial. Un alt nivel de interpretare a documentelor publicate se referă la problema, încă puțin discutată de către istorici, a manierei în care diplomații ruşi au contribuit, prin rapoarte şi scrisori, la formarea unor imagini asupra României în mediul politic imperial rus şi a felului în care aceste imagini, deseori stereotipizate, dar aflate totuşi în continuă schimbare, au contribuit la poziționarea Rusiei față de România. Discutate în contextul dezbaterilor istoriografice privind originile, declanşarea şi desfăşurarea „Marelui Război", rapoartele diplomaților ruşi din anii 1878-1916 reprezintă şi o consistentă cronică a schimbării imaginii despre România: de la o țară ostilă, legată foarte strâns de Austro-Ungaria şi Germania, la un stat care, prin istoria şi interesele sale, aparținea „firesc" unor alianțe din care făcea parte şi Rusia.

Politica externă a Rusiei în anii 1880-1890. Context general, ideologie şi mecanisme decizionale

După Congresul de la Berlin (1878), situația politică de pe continentul european a fost marcată mai ales de creşterea influenței Germaniei şi Austro-Ungariei, legate, din 1879, printr-un tratat bilateral, care, în 1882, prin alăturarea Italiei, se va transforma în *Tripla Alianță*. Constituirea acestui bloc politico-militar, ce se va transforma într-un pol de atracție şi pentru alte state, a avut un impact direct şi asupra statutului Rusiei în Europa, în a doua jumătate a anilor 1880 şi în prima jumătate a anilor 1890. Izolarea relativă a Imperiului Romanovilor în perioada amintită era determinată nu doar de lipsa unor soluții

[11] Pentru unele repere biografice ale acestora, inclusiv pe baza materialului documentar românesc: Adrian-Bogdan Ceobanu, *Diplomați ruşi la Curtea Regelui Carol I*, în *Cultură, politică şi societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României*, coordonatori Gheorghe Cliveti, Adrian-Bogdan Ceobanu, Ionuț Nistor, Iaşi, Casa Editorială Demiurg, 2011 (în continuare: Ceobanu, *Diplomați ruşi*), p. 145-161.

diplomatice adecvate schimbărilor de pe scena politică internațională, ci şi de problemele interne, inclusiv de handicapul economic şi militar tot mai mare față de principalii concurenți europeni. Revelatoare în acest sens este, de pildă, opinia lui Nikolai K. Giers asupra stării generale a Rusiei, formulată într-o scrisoare adresată ambasadorului Rusiei în Anglia la începutul lunii ianuarie 1879: „slăbiciunea în competiția cu adversarii noştri constă, în principal, aşa cum se ştie, în epuizarea finanțelor. Din această cauză mijlocul cel mai indicat pentru a deveni din nou suficient de puternici şi de a putea face față adversarilor constă în refacerea echilibrului nostru financiar, iar pentru aceasta este nevoie de a evita complicații inutile şi inadecvate”[12].

Chiar dacă o parte a presei, unele cercuri de la Curtea Imperială şi demnitari importanți din Ministerul de Externe îşi doreau revizuirea rezultatelor Congresului de la Berlin şi cereau o mai mare implicare a Rusiei în afacerile europene, în special în Balcani, direcția generală avea în vedere promovarea unei politici care să asigure Imperiului răgazul necesar pentru depăşirea problemelor interne[13]. Pentru atingerea acestui scop, la inițiativa lui N.K. Giers, reprezentant al curentului moderat din Ministerul de Externe, numit ministru de către împăratul Alexandru III în aprilie 1882, în dauna lui Nikolai P. Ignatiev, un susținător fervent al implicării active a Rusiei în afacerile europene, au fost inițiate mai multe tatonări pentru încheierea unor acorduri de alianță sau de neagresiune cu celelalte Mari Puteri[14]. O prioritate în acest sens era considerată apropierea de Germania, căreia diplomația rusă îi rezerva şi rolul de mediator în relația cu Austro-Ungaria, în special în armonizarea punctelor de vedere asupra evoluțiilor din Balcani. Chiar dacă unele concesii făcute Germaniei şi Austro-Ungariei au provocat reacții vehemente din partea partidei care susținea o politică activă a Rusiei în Balcani, în iunie 1881 Alexandru III a fost de acord cu semnarea unui tratat prin care era refăcută, de fapt, Alianța celor Trei Împărați[15].

Alături de menținerea unor canale de comunicare în relația cu Germania şi Austro-Ungaria, apropierea de Franța a reprezentat o altă prioritate în timpul

[12] Apud Е.К. Вяземская, С.И. Данченко, *Россия и Балканы. Конец XIX в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография). Обзор*, Москва, Институт славяноведения и балканистики, 1990, p. 171. Pentru impactul situației economico-financiare asupra politicii externe a Rusiei: *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, ред. колл. А.В. Игнатьев, Москва, Международные отношения, 1999 (în continuare: *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*), p. 23-36.

[13] *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 220-221.

[14] *Ibidem.*

[15] *Ibidem*, p. 226-239; Gregor Schöllgen, *Deutsche Außenpolitik. Von 1815 bis 1945*, München, Verlag C.H. Beck, 2013, p. 47-51; F.R. Bridge, *From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866-1914*, London and Boston, Routledge & Kegan Paul, 1972, p. 103-153; Н.С. Киняпина, *Внешняя политика России второй половины XIX в.*, Москва, Высшая школа, 1974 (în continuare: Киняпина, *Внешняя политика России*), p. 195-199. Textul tratatului: *Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917*, под редакцией Е.А. Адамова, Москва, Государственное Издательство Политической Литературы, 1952 (în continuare: *Сборник договоров России*), p. 228-231.

ministeriatului lui N.K. Giers. Stabilirea unor raporturi cât mai strânse cu aceasta s-a impus mai ales în timpul crizei bulgare, când Rusia a trebuit să constate că apropierea excesivă de Germania ascundea mai multe riscuri decât beneficii reale. Chiar dacă Imperiul Rus avea, la fel ca Franța, interese majore în Orient, în relația dintre cele două state nu existau chestiuni litigioase acute, care ar fi împiedicat o colaborare strânsă. Mai mult, apropierea dintre Rusia şi Franța era încurajată de dorința reciprocă de a slăbi pozițiile Angliei şi Austro-Ungariei, cu care ambele state îşi disputau întâietatea în diferite zone cu potențial ridicat de conflict. De aceea, în anii 1886-1887, diplomația rusă a acționat în direcția apropierii de Franța, chiar dacă, în paralel, s-a încercat menajarea temerilor germane privind posibilitatea încheierii unei alianțe ruso-franceze[16]. Dată fiind creşterea neîncrederii față de Germania, pe de o parte, şi a gesturilor de deschidere ale Franței față de Rusia, pe de alta, timp de trei ani au avut loc tatonări şi negocieri privind oportunitatea şi condițiile încheierii unui acord politic între cele două țări[17]. Rezultatul acestor contacte a fost semnarea, la 5/17 august 1892, a proiectului unei convenții militare, bazată pe garanții de sprijin reciproc, în eventualitatea unui atac din partea unui stat membru al Triplei Alianțe; el intra în vigoare la începutul lunii ianuarie 1894 şi punea bazele alianței ruso-franceze[18].

După moartea lui Alexandru III şi urcarea pe tronul Romanovilor, în toamna anului 1894, a lui Nicolae II, politica externă a Rusiei nu a cunoscut modificări imediate, chiar dacă partida „națională" din cadrul Ministerului de Externe a continuat să câştige noi poziții[19]. Astfel, până în primii ani ai secolului XX, Rusia a fost în continuare preocupată mai mult de menținerea echilibrului european, în special în Balcani, considerându-se că o politică activă va fi posibilă abia după refacerea potențialului militar, în speță după crearea unei flote puternice în Marea Neagră. Rezultatul acestei politici prudente a fost şi încheierea, în 1897, a unui acord cu Austro-Ungaria, prin care era consacrat *status-quo*-ul din Balcani, rezultat după criza bulgară[20].

Refacerea Alianței celor Trei Împărați şi încheierea convenției militare cu Franța nu au fost singurele elemente la care a apelat Rusia pentru a reduce din riscurile izolării internaționale. Deoarece atitudinea față de Rusia a altor Mari Puteri, în special a Austro-Ungariei şi Germaniei, depindea, în mare parte, de modul în care Imperiul Romanovilor înțelegea să se implice în afacerile balcanice, N.K. Giers a dispus, inclusiv prin instrucțiuni trimise reprezentanților ruşi în

[16] Pentru aceasta, în luna iunie 1887 a fost încheiat, pe un termen de trei ani, un acord ruso-german care prevedea păstrarea neutralității celor două țări în cazul în care ar fi atacate de o terță parte (*История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 271).

[17] *Ibidem.*

[18] *Ibidem,* p. 259-296; Киняпина, *Внешняя политика России*, p. 213-221. Proiectul convenției: *Сборник договоров России*, p. 281-282.

[19] *История внешней политики России. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*, p. 91-112.

[20] *Ibidem*, p. 188-196; *Сборник договоров России*, p. 303-308.

statele balcanice, să evite orice gesturi care ar fi fost interpretate de Austro-Ungaria şi Germania drept o ameninţare la adresa echilibrului în Balcani. Semnificative în acest sens sunt, printre altele, memoriul din luna iulie 1886 al lui Alexandr I. Nelidov[21], aprobat de împărat, în care se insista asupra unei atitudini precaute în afacerile balcanice, potrivit „concertului" european[22], precum şi circulara din noiembrie acelaşi an, semnată de N.K. Giers, prin care reprezentanţii Rusiei din capitalele europene erau informaţi că toate acţiunile diplomatice vor rămâne în cadrul acordurilor semnate de către Imperiu[23]. Contrar aşteptărilor, politica de expectativă a condus însă la slăbirea poziţiilor Rusiei în Balcani. Un prim eşec major s-a consumat chiar în timpul crizei bulgare, când diplomaţia rusă nu a reuşit să reacţioneze adecvat la răscoala din Rumelia Orientală şi la conflictul armat dintre Bulgaria şi Serbia, astfel încât Imperiul Rus a trebuit să se recunoască învins, pentru moment, în disputa cu Dubla Monarhie şi cu Anglia pentru întâietate în afacerile balcanice. Una dintre consecinţele imediate ale acestui eşec a fost şi ruperea relaţiilor diplomatice cu Bulgaria[24]. În timp ce Rusia a pierdut rapid, după Congresul de la Berlin, influenţa sa în Balcani, irosind practic şi ascendentul moral pe care i-l asigurase războiul cu Imperiul Otoman, Austro-Ungaria şi Germania au reuşit să atragă, rând pe rând, statele sud-est europene în câmpul lor de gravitaţie. La începutul anilor 1890, vechilor focare de conflict li s-a adăugat şi Macedonia, unde lupta se dădea nu doar între facţiuni sprijinite de statele balcanice, ci şi între diplomaţiile Marilor Puteri[25].

Politica de alianţe, relaţiile cu celelalte Puteri europene şi eşecurile diplomatice tot mai dese au fost însoţite de polemici aprinse în cercurile influente de la Sankt-Petersburg. Aceste dezbateri au avut repercusiuni directe asupra raportului de forţe dintre diferitele grupuri de interese şi influenţă din aparatul politico-diplomatic rus, conducând, în Ministerul de Externe, la consolidarea poziţiilor partidei care milita pentru o politică activă în Balcani; ea era reprezentată, un timp, de Ivan A. Zinoviev, director al Departamentului Asiatic. Aflat în relaţii strânse cu Mihail N. Katkov, redactor al ziarului „Московские ведомости", unul dintre criticii influenţi ai politicii externe promovate de către N.K. Giers[26], la sfârşitul anului 1886 şi începutul anului 1887, Zinoviev a reuşit

[21] La acea vreme ambasador la Constantinopol.

[22] *Очерки истории Министерства Иностранных Дел России*, том первый, *860-1917 гг.*, отв. ред. А.Н Сахаров, Москва, Олма-Пресс, 2002 (în continuare: *Очерки истории Министерства Иностранных Дел России*, том первый), p. 456. Pe larg: М.Ю. Золотухин, *Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888)*, Москва, Наука, 1993, p. 150 şi urm.

[23] *Очерки истории Министерства Иностранных Дел России*, том первый, p. 458.

[24] Н.С. Киняпина, *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878-1898)*, Москва, Издательство Московского университета, 1994 (în continuare: Киняпина, *Балканы и проливы во внешней политике России*), p. 64 şi urm.; *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 240-254.

[25] Киняпина, *Балканы и проливы во внешней политике России*, p. 149-150.

[26] В.М. Хевролина, *Болгарский вопрос в российской общественной мысли 80-х годов XIX века (И.С. Аксаков, М.Н. Катков, С.С. Татищев)*, în „Славяноведение", nr. 2, 1998, p. 3-15.

să-l convingă pe împăratul Alexandru III, care ezita să tranşeze, într-un fel sau altul, disputa privind principiile politicii externe ruse, de necesitatea unor intervenţii directe în lupta dintre diferitele facţiuni bulgare, inclusiv prin acordarea unui sprijin financiar partidei filoruse[27]. Cu toate că a putut să-şi păstreze funcţia de ministru până la moarte, în 1895[28], Giers a fost constrâns să accepte existenţa, în cadrul Ministerului de Externe, a unei opoziţii puternice faţă de politica sa prudentă în chestiunile balcanice[29].

Criza bulgară a oferit aripii conservatoare a aparatului politico-diplomatic rus un bun prilej pentru a proiecta disputele din spatele culiselor în paginile principalelor ziare şi reviste din Sankt-Petersburg şi Moscova. Chiar dacă, la o primă vedere, cele două perspective, a conservatorilor slavofili, respectiv a „liberalilor" şi moderaţilor, păreau a fi ireconciliabile, în realitate între acestea existau şi unele tangenţe. Astfel, reprezentanţii curentului „naţionalizant" din publicistica privitoare la politica externă a Rusiei şi cei ai curentului de *Realpolitik* împărtăşeau concepţii asemănătoare în chestiuni privind direcţiile strategice ale politicii externe, diferenţele de opinie evidenţiindu-se în abordările punctuale privind tactica folosită în atingerea scopurilor majore. De asemenea, existau şi divergenţe majore în viziunile asupra rolului politicii externe în viaţa Imperiului. În timp ce primul curent vedea în afirmarea unei politici externe agresive un mijloc eficient pentru consolidarea sistemică a Imperiului, cel de-al doilea susţinea apelul la o politică externă activă, cu scopul creării unor condiţii favorabile pentru dezvoltarea Rusiei după model occidental[30].

Dintre marile teme de politică externă a Rusiei din anii 1880-1890, chestiunea orientală, discutată în publicistica rusă pe două paliere (unul religios/filosofic/civilizaţional şi altul al realismului politic), în continuarea controverselor din deceniile anterioare, oferă, fără îndoială, cel mai bun studiu de caz pentru o comparaţie dintre cele două perspective concurente privind direcţiile de dezvoltare a Rusiei şi locul acesteia în sistemul relaţiilor internaţionale. Pe de o parte, curentul conservator-slavofil[31] vedea în rezolvarea, în sensul dorit de Rusia, a chestiunii orientale (întâi de toate, în cucerirea

[27] *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 254.

[28] *Очерки истории Министерства Иностранных Дел России*, том третий, *Биографии министров иностранных дел 1802-2002*, отв. ред. А.Ю. Мешков, Москва, Олма-Пресс, 2002, p. 143-155.

[29] *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 255-258; *Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник докумеов*, составитель П. Павлович, Москва, Государственная социально-экономическое издательство, 1935 (în continuare: *Авантюры русского царизма в Болгарии*).

[30] В.М. Хевролина, *Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг.*, Москва, Институт российской истории РАН, 1999 (în continuare: Хевролина, *Власть и общество*), p. 12-51, 57-99, 199-291, 310; *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 302-343.

[31] Alături de M.N. Katkov, printre reprezentanţii cei mai cunoscuţi ai acestui curent în perioada analizată s-au numărat: I.S. Aksakov; N.Ia. Danilevskii; K.N. Leontiev; S.S. Tatişcev; S.F. Şarapov; V.I. Lamanskii.

Constantinopolului) calea către afirmarea rolului exclusiv al Imperiului Romanovilor şi al *slavităţii* în istorie, marcând astfel foarte clar separaţia de prezumtivul adversar al „lumii slave-ortodoxe", în special „lumea germană". Pe de altă parte, curentul liberal[32], mult mai eterogen ideologic, punea accentul pe atingerea unor ţinte concrete în politica externă, în contextul asimilării experienţelor occidentale ce se puteau dovedi utile modernizării Imperiului [33].

Renunţarea de către împăratul Alexandru III la elementele liberale reformatoare din politica tatălui său, Alexandru II, a cauzat, în mediul elitei politico-diplomatice ruse, o rupere a fragilului echilibru dintre cele două curente, asigurând, în consecinţă, un avantaj adepţilor direcţiei slavofil-conservatoare. Datând încă din timpul lui Nicolae I, sintagma „ortodoxie, autocraţie, naţionalitate" şi-a găsit ecoul nu doar în măsurile restrictive pe plan intern, ci şi în viziunile asupra politicii externe. Alexandru III era preocupat ca Rusia să îşi recâştige poziţia dominantă în politica europeană, fiind convins că acest lucru poate avea loc doar în condiţiile implicării sale directe în luarea deciziilor. În consecinţă, după modelul majorităţii monarhiilor europene, el a introdus controlul personal al şefului statului asupra activităţii ministrului de externe, a adjuncţilor săi şi a reprezentanţilor diplomatici ai Imperiului. În epocă, de notorietate era, de pildă, pasiunea lui pentru citirea corespondenţei diplomatice[34].

Cu toate că, din motive pragmatice, l-a numit în fruntea Ministerului de Externe pe N.K. Giers (un diplomat mai puţin sensibil la noile tendinţe ideologice de la Curtea Imperială), Alexandru III nu a ezitat să apeleze la diferite gesturi, inclusiv cu încărcătură simbolică, menite a marca punerea diplomaţiei în serviciul politicii sale „naţionale". Printre măsurile luate în acest sens, s-a numărat, de pildă, dispoziţia din ianuarie 1887, de trecere a corespondenţei diplomatice de la limba franceză la limba rusă[35]. Pe de altă parte, modul de organizare şi funcţionare a Ministerului de Externe era bazat pe tradiţia unei cvasi-autonomii în cadrul structurii de putere a Imperiului şi determinat de imposibilitatea de a renunţa la serviciile unor diplomaţi de carieră, foarte influenţi în mediile de putere ruse şi în afară. Acest lucru a impus lui Alexandru III şi succesorului său, Nicolae II, găsirea unui *modus vivendi*, care s-ar fi sincronizat cu tendinţele ideologice ale timpului, în sensul aşteptărilor „opiniei publice" reprezentate de curentul conservator slavofil, dar, în acelaşi timp, ar fi asigurat şi o bună funcţionare a aparatului diplomatic la nivelul central şi în reprezentanţele din străinătate. De aceea, la sfârşitul anilor 1880 şi în anii 1890, activitatea aparatului politico-diplomatic rus a fost marcată, pe de o parte, de tradiţiile şi practicile birocratice din deceniile

[32] Printre aceştia: M.I. Veniukov; V.A. Golţev; V.P. Danevskii; L.A. Kamarovskii.

[33] Хевролина, *Власть и общество*, p. 312.

[34] *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 19-21.

[35] *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 21; *Очерки истории Министерства Иностранных Дел России*, том первый, p. 460. Limba franceză a continuat totuşi să fie folosită de o parte a diplomaţilor vârstnici, în „scrisorile particulare" sau în cazul unor rapoarte privind discuţiile reprezentanţilor ruşi din străinătate cu diplomaţi străini.

anterioare şi, pe de altă parte, de creşterea implicării monarhilor şi a influenţelor din afara sistemului în procesul de luare a deciziilor[36].

În perioada vizată de noi, aparatul politico-diplomatic al Imperiului Rus avea o structură piramidală, foarte complexă în interior, la vârful căreia se afla împăratul şi care se extindea spre bază, cuprinzând Consiliul de Stat, Comitetul de Miniştri, diferite ministere (cu un accent special pe Ministerul de Externe), varii departamente şi comitete în cadrul ministerelor, administraţiile din guberniile de la periferiile imperiului etc. De asemenea, un rol important în luarea deciziilor aparţinea şi diferitelor comisii convocate *ad hoc*[37]. În afara aspectului strict instituţional, în analiza mecanismelor de negociere şi luare a deciziilor trebuie avut în vedere şi modul în care au interacţionat diferitele grupuri de influenţă, care îşi revendicau întâietatea la Curtea Imperială, în cadrul Ministerului de Externe sau în reprezentanţele din străinătate ale imperiului. Deseori, implicarea excesivă a împăratului în luarea deciziilor şi manevrele de culise afectau buna funcţionare a instituţiilor responsabile de elaborarea şi aplicarea politicii externe, conducând la numirea în funcţii-cheie a unor persoane cu o pregătire inadecvată, fapt care influenţa considerabil coeziunea şi continuitatea politicii externe[38].

Văzută din interior, activitatea personalului din cadrul Ministerului de Externe (centrala de la Sankt-Petersburg, arhivele, reprezentanţele diplomatice) se derula în instituţii cu atribuţii insuficient de clar definite sau împovărate cu activităţi birocratice excesive, într-o atmosferă marcată deseori de clientelism şi lupte pentru influenţă. În mod tradiţional, Cancelaria, considerată a fi laboratorul de idei al ministerului, era adevăratul fief al ministrului, unde îşi găseau de multe ori loc persoane din cercul de apropiaţi intimi ai acestuia. De cealaltă parte, Departamentul Asiatic, al cărui nume era legat de raţiuni istorice şi nu geografice, era responsabil pentru relaţiile politice şi de altă natură cu majoritatea statelor cu care Rusia avea legături diplomatice sau consulare. De la mijlocul anilor 1880, în contextul crizei bulgare, Departamentul Asiatic s-a transformat

[36] *История внешней политики России. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*, p. 60 şi urm.

[37] *Ibidem*, p. 60-61.

[38] Rolul împăratului în stabilirea direcţiilor politicii externe şi luarea deciziilor a crescut semnificativ în timpul lui Nicolae II. Chiar dacă formal un document care privea politica externă a Imperiului trebuia contrasemnat pentru a putea intra în vigoare, cea de-a doua semnătură nu trebuia să aparţină neapărat ministrului de Externe. De această prevedere legală Nicolae II s-a folosit, printre altele, în 1905, când l-a convins pe A.A. Birilev, ministru al Flotei, să semneze la Björkö tratatul secret de alianţă cu Germania (*Ibidem*, p. 62). La fel ca Alexandru III, Nicolae II citea cu pasiune corespondenţa diplomatică. În *Jurnalul* său, cu referire la anul 1895, V.N. Lamsdorff amintea un caz simptomatic, în care împăratul a corectat minuţios un raport aparţinând lui Fonton, ministrul plenipotenţiar rus în România: „Returnând hârtiile venite prin poştă, împăratul este reţinut în a face orice comentarii; în acelaşi timp, Majestatea Sa a făcut efort de a corecta nenumăratele greşeli de ortografie, din scrisoarea redactată în limba rusă a lui Fonton (trimisul de la Bucureşti); corecturile au fost făcute pe margini, aşa cum se obişnuieşte la şcoală” (В.Н. Ламздорф, *Дневник. 1894-1896*, изд. И.А. Дьяконова, Москва, Международные отношения, 1991, p. 134).

treptat într-un „minister" alternativ, care îşi revendica mai ales competenţa în gestionarea chestiunii orientale[39]. În timpul ministeriatului lui Giers, divergenţele privind chestiuni fundamentale ale politicii externe ruse au condus la o anumită „autonomizare", nu doar în cadrul aparatului central, ci şi în activitatea unor diplomaţi acreditaţi în statele europene. Este, de pildă, bine cunoscut faptul că, foarte frecvent, ambasadori ca A.I. Nelidov (la Constantinopol), A.P. Mohrenheim (la Paris) sau P.A. Şuvalov (la Berlin) au ignorat instrucţiunile ministeriale şi au acţionat potrivit propriilor raţionamente[40].

Imperiul Rus şi Regatul Român în anii 1888-1898 în rapoartele diplomaţilor ruşi din România. Privire de ansamblu

Relaţiile româno-ruse din ultimele două decenii ale secolului XIX, investigate de istoricii ruşi şi români în sinteze, monografii, teze de doctorat sau studii de specialitate[41], nu pot fi suficient de bine înţelese fără a fi luată în calcul „preistoria" scurtă a acestora, din anii războiului de la 1877-1878. Revendicarea de către Rusia a judeţelor din sudul Basarabiei şi legiferarea, la Congresul de la Berlin, a trecerii acestora la Imperiul Rus, în schimbul Dobrogei, obţinute de România în dauna Imperiului Otoman, a marcat puternic imaginea elitei politice şi intelectuale româneşti asupra Rusiei, alimentând-o constant cu temeri şi angoase ce vor reprezenta adevărate bariere psihologice în calea stabilirii unor relaţii bazate pe încredere[42]. Cu toate că Rusia a încercat, după 1878, să înlăture această adevărată „piatră de încercare[43], diplomaţilor ruşi de la Bucureşti solicitându-li-se constant să trimită autorităţilor române semnale de reconciliere[44], problemele din relaţiile bilaterale rezultate de pe urma războiului din 1877-1878 au cântărit mult, dacă nu decisiv chiar, în orientarea exclusivă a României către Germania şi Austro-Ungaria, materializată, la 1883, prin aderarea la

[39] *История внешней политики России. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*, p. 70.

[40] *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 263.

[41] Amintim aici, inclusiv pentru repere istoriografice şi documentare: A.C. Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в.*, Кишинёв, Издательство Штиинца, 1976 (în continuare: Агаки, *Русско-румынские отношения*); Adrian-Bogdan Ceobanu, *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse (1878-1893)*. Teză de doctorat, Iaşi, 2013 (în continuare: Ceobanu, *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse*). A se vedea, pe larg, în continuare.

[42] В.Н. Виноградов, *Бессарабия – камень преткновения в российско-румынских отношениях*, în *Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)*, ред. колл. В.Н. Виноградов и др., Москва, Институт славяноведения и балканистики, 1994 (în continuare: Виноградов, *Бессарабия – камень преткновения*), p. 11-54; В.Н. Виноградов, М.Д. Ерещенко, Л.Е. Семёнова, Т.А. Покивайлова, *Бессарабия на перекрёстке Европейской дипломатии. Документы и материалы*, Москва, Издательство Индрик, 1996, p. 119-167; Ceobanu, *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse*, p. 52 şi urm.

[43] Виноградов, *Бессарабия – камень преткновения*.

[44] Киняпина, *Балканы и проливы во внешней политике России*, p. 44-45. În acest sens trebuie înţelese şi instrucţiunile ministeriale trimise periodic diplomaţilor ruşi de la Bucureşti.

Tripla Alianţă[45]. În anii crizei bulgare[46] şi în timpul schimbării de guvern din România, din 1888, acestei „moşteniri" i se vor adăuga noi temeri, intens tematizate de către diplomaţii ruşi din România în rapoartele trimise către Ministerul de Externe. De fapt, informaţiile din documentele publicate în acest volum sunt revelatoare pentru starea tensionată a relaţiilor bilaterale la sfârşitul secolului XIX, mai ales până la 1893.

Chiar dacă în unele rapoarte nemulţumirile provocate în România de decizia Congresului de la Berlin de a retroceda cele trei judeţe din sudul Basarabiei Imperiului Rus sunt aduse în discuţie, perspectiva diplomaţilor ruşi asupra cauzelor care au condus la deteriorarea relaţiilor dintre cele două ţări diferă radical de punctele de vedere ale oamenilor politici şi presei din România. Mai mult chiar, la o privire atentă, se pot observa diferenţe importante de interpretare a realităţilor româneşti şi a legăturilor dintre cele două ţări chiar între diplomaţii ruşi înşişi. De exemplu, într-un raport al consulului Alexandr A. Giers din Iaşi, din 10 noiembrie 1894[47], Grigore Ventura, prefect de Iaşi la acea vreme, este acuzat de atitudini ostile Rusiei. O lună mai târziu însă, la 7 decembrie 1894, într-un raport al lui Nikolai A. Fonton, acelaşi înalt funcţionar român este recomandat autorităţilor de la Sankt-Petersburg pentru a fi decorat cu ordinul Sf. Stanislav de gradul I tocmai pentru serviciile aduse Rusiei[48]. Pentru a înţelege substratul acestor diferenţe de perspectivă din rapoartele diplomaţilor ruşi din România, referitor la aceleaşi persoane sau evenimente, se impune nu doar o radiografie a întregului corp diplomatic rus din ultimul sfert al secolului XIX şi începutul secolului XX, ci şi pătrunderea în universul imaginar al semnatarilor actelor publicate în acest volum.

Recrutarea şi numirea diplomaţilor în cadrul centralei Ministerului de Externe sau în reprezentanţele diplomatice din străinătate constituie un capitol foarte interesant şi încă insuficient cercetat al istoriei Imperiului Rus în deceniile premergătoare Primului Război Mondial, nu doar din perspectiva istoriei diplomatice, ci şi din aceea a istoriei sociale sau a mentalităţilor. O caracteristică importantă a corpului diplomatic rus, care îl individualiza foarte clar în raport cu alte structuri ministeriale şi departamentale, era caracterul său

[45] Sorin Liviu Damean, *Carol I şi politica externă a României (1866-1914)*, în *Cultură, politică şi societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României*, coordonatori Gheorghe Cliveti, Adrian-Bogdan Ceobanu, Ionuţ Nistor, Iaşi, Casa Editorială Demiurg, 2011, p. 59 şi urm.; Ceobanu, *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse*, p. 107-114; Sorin Cristescu, *Carol I şi politica României (1878-1912)*, Bucureşti, Paideia, 2007, p. 11-31; Edda Binder-Iijima, *Jahre der Entscheidungen: Weichenstellungen in den rumänisch-deutschen Beziehungen 1866-1871-1914*, în *130 ani de relaţii diplomatice româno-germane*, editori Flavius Solomon, Peter Mario Kreuter. Supliment al „Anuarului Institutului de Istorie «A. D. Xenopol»", XLIX, 2012, p. 51-74; Rudolf Dinu, *King Charles I and decision making process in the Romanian foreign policy before the first world war*, în Idem, *Studi Italo-Romeni. Diplomazia e società, 1879-1914*, Seconda edizione, Bucureşti, Editura Militară, 2009, p. 185-210.

[46] Daniel Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*, Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012, p. 107-113.

[47] Documentul 53 din 21 noiembrie 1894.

[48] Documentul 54 din 7 decembrie 1894.

cvasi-autonom, determinat inclusiv de originea socială a membrilor acestuia. Acest lucru era valabil şi pentru corpul diplomatic de la reprezentanţele din străinătate[49], format, în majoritatea lui, din membri ai unor familii nobiliare, strâns legate de vârfurile puterii din Imperiul Rus[50]. De asemenea, personalitatea diplomaţilor ruşi era marcată şi de specificul activităţii diplomatice. Astfel, aflarea îndelungată în afara Imperiului se reflecta şi în apariţia unor tipare de gândire (construite în paradigmă cosmopolită sau naţionalist-patriotică) marcate de diverse „filii" sau „fobii"[51]. Profilul reprezentaţilor diplomatici ruşi din România din anii 1888-1898 se înscrie, la fel ca şi cel al predecesorilor, în tipologia invocată mai sus, din perspectiva originilor sociale şi a experienţelor formative.

În continuare, vom discuta aspectele menţionate mai sus, pe exemplul unor diplomaţi ruşi din România în perioada amintită, aşa cum rezultă din documentele publicate în acest volum.

Născut la 1/13 februarie 1837, Mihail A. Hitrovo provenea dintr-o veche familie nobiliară, cu rădăcini probabile în Hoarda de Aur[52]. Bunicul său pe linie paternă făcuse carieră în armata rusă, ajungând până la gradul de general-maior, iar tatăl, după câţiva ani lucraţi în arhiva Ministerului de Externe, urma un *cursus honorum* în administraţia imperială, devenind în 1839 vice-guvernator al guberniei Kaluga. Tânărul Mihail a intrat în serviciul diplomatic în 1859, ca traducător al Departamentului Asiatic, ocupând rând pe rând funcţii în aparatul ministerial central şi serviciile consulare şi diplomatice din Imperiul Otoman, Balcani şi Egipt[53]. La momentul venirii sale în România, în 1886, în calitate de trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar[54], M.A. Hitrovo avea deja conturat un orizont de gândire, din care făceau parte ataşamentul necondiţionat faţă de Casa Imperială a Romanovilor, religiozitatea profundă şi convingerea în rolul excepţional al Rusiei în politica internaţională şi, în special, în Balcani[55]. Acest *Weltanschauung* se va regăsi din plin şi în rapoartele trimise Ministerului de Externe în perioada misiunii sale la Bucureşti[56]. Astfel, în rapoartele sale, Hitrovo revine constant la „misiunea sacră istorică a Rusiei

[49] Pentru modul de reprezentare diplomatică a Imperiului Rus la Bucureşti în anii 1880: Adrian-Bogdan Ceobanu, *La Légation de Russie à Bucarest (1880-1886)*, în „Revue des études sud-est européennes", L, 2012, 1-4, p. 295-308.

[50] Георгиев, *Документы посольств и миссий России*, p. 138-139.

[51] *Ibidem*, p. 139.

[52] Pentru neamul Hitrovo: Князь А.Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, том второй, издание второе, С.-Петербург, Издание А.С. Суворина, 1895, p. 316-334.

[53] С.А. Никитин, *Славянские комитеты в России в 1858-1876*, Москва, Издательство Московского университета, 1960, p. 52-53, 146; И.Г. Сенкевич, *Новые материалы по истории южных славян (из рукописного наследства М.А. Хитрово)*, în *Славянский архив. Сборник статей и материалов*, Москва, Издательство Академии Наук СССР, 1963 (în continuare: Сенкевич, *Новые материалы*), p. 238-240.

[54] Ceobanu, *Diplomaţi ruşi*, p. 151-155.

[55] Сенкевич, *Новые материалы*.

[56] Din 1891, Hitrovo a fost trimis al Rusiei în Portugalia, iar din 1893 şi până la moarte, în 1896, consul în Japonia.

Pravoslavnice în Orient”[57] şi la simpatiile de care se bucură aceasta printre creştinii din Balcani, inclusiv în masele ţărăneşti din România.

Pentru a marca şi mai clar aspectul politico-civilizațional al analizelor sale, Hitrovo insista în mod special asupra confruntării Rusiei cu Germania şi Austro-Ungaria în Balcani, ajungând la concluzia că statele mici, de felul României, erau doar mici piese dintr-un angrenaj complex, în care se ciocneau două „lumi”, cea „slavă-ortodoxă” (reprezentată de Rusia) şi cea „occidental-germană” (dominată pentru moment de cele două imperii central europene)[58]. În rapoartele lui Hitrovo, o explicație foarte des întâlnită pentru atitudinea rezervată a oamenilor politici români față de Rusia (atât a liberalilor cât şi a conservatorilor) şi apartenența României „la o alianță ostilă nouă” este aceea a statutului României, de „țară subordonată intereselor austro-ungare”: un ecou al „acelei intrigi străine îndreptate împotriva noastră, care trebuie căutată dincolo de sferele minuscule ale uneltirilor din politica bucureşteană, acea intrigă de care ne lovim peste tot în Orientul european în ultimii zece ani”[59].

Plecând de la astfel de raționamente, inspirate din curentul de gândire conservator-slavofil, care, în perioada respectivă, devenea, aşa cum observam mai sus, influent şi în cercurile diplomatice, Hitrovo atribuie elitei politice de la Bucureşti responsabilitatea pentru „eşecurile programate” ale politicii externe româneşti. Astfel, în contextul crizei politice din 1888, a schimbării de guvern şi a polemicilor din presă, mai ales din cea liberală, Hitrovo ajunge la concluzia că vina principală pentru starea relațiilor dintre Rusia şi România o poartă „colectiviştii” şi, în mod special, liderul acestora, „bătrânul sinistru” Brătianu[60]. În documentul invocat, cu referire la manifestul liberal, diplomatul rus spune că acest document reprezintă un „amestec monstruos de minciună istorică şi calomnie brutală intenționată la adresa binefăcătoarei poporațiilor balcanice”; în aceeaşi tonalitate, condamnă „delirul dement al unui partid pierdut definitiv”. Şi în continuare:

> „Fără a se mulţumi cu înjurături de tot felul la adresa Rusiei, foştii potentați au cutezat să aducă în discuție chestiuni mărețe ale istoriei contemporane, încercând să păteze cu murdărie proprie misiunea sacră istorică a Rusiei Pravoslavnice în Orient. Acuzând-o de dorința de a înrobi prin orice mijloace România, acest manifest lipsit de sens, cu o înclinare tipică românilor pentru autoglorificare până la cer, preamărește misiunea civilizatoare a României în Orient, rezistența seculară față de invaziile barbare şi laudă pretinsele victorii, necunoscute nimănui, obținute cică de România împotriva ruşilor în anii [18]21 şi [18]48”[61].

Pe de altă parte, Hitrovo nu pare deloc îngrijorat de eventualitatea ca România să devină un concurent serios al Rusiei la Dunărea de Jos şi în Balcani. De aceea, în rapoartele sale, Regatul Român apare ca un stat mic, „cu

[57] Documentul 1 din 19 mai 1888.
[58] Documentul 3 din 19 mai 1888.
[59] Documentul 7 din 11 decembrie 1888.
[60] Documentul 1 din 19 mai 1888.
[61] *Ibidem*.

un circuit limitat al vieţii sociale", puţin relevant pentru relaţiile internaţionale, cu o armată slabă, incapabilă să facă faţă chiar şi tulburărilor ţărăneşti interne şi, cu atât mai puţin, unei confruntări militare directe cu o ţară ca Rusia[62]. În acelaşi timp, statul român ar fi însă foarte „sensibil" la chestiuni care îl privesc direct sau indirect. Aceste sensibilităţi, specifice nu doar românilor, ci şi tuturor „popoarelor mici", se reflectă, potrivit unui raport redactat de Hitrovo pe data de 22 iunie 1889, în reacţii disproporţionate la orice mic atac din afară, de pildă, în presa străină[63]. Hitrovo apelează la aceleaşi nuanţe ironic-depreciative la adresa elitei politice româneşti şi atunci când discută despre starea armatei, despre situaţia ţăranilor, despre cultul creştin ortodox, despre politicile economice etc.

Asemănătoare textelor lui Hitrovo sunt şi rapoartele din iarna-primăvara anului 1889, ale însărcinatului cu afaceri Alexandr Lodâjenski, dar şi cele ale consulului de la Iaşi, Alexandr A. Giers. Înrudit cu ministrul de Externe Nikolai K. Giers, Alexandr avea o pasiune deosebită pentru istorie, în special pentru istoria diplomaţiei[64], astfel încât romantismul naţional specific epocii ia, în rapoartele sale analitice, forma unor meditaţii personale asupra statutului internaţional al Imperiului şi a poziţiei sale în Balcani.

În opoziţie clară faţă de M.A. Hitrovo şi A.A. Giers se află profilul lui Nikolai A. Fonton. Dincolo de picanteriile din viaţa personală, de pildă, posibilele relaţii amoroase din timpul aflării în România, invocate de către Iu. Ia. Soloviev[65], biografia acestui diplomat exemplifică foarte bine vechea tradiţie diplomatică rusă, pe care Emil Ghika, ministrul român în capitala Rusiei, o numea „şcoala lui Giers"[66]. Nici din rapoartele acestuia nu lipsesc întru totul perspectivele ideologizante, specifice „revoluţiei diplomatice" de la sfârşitul secolului XIX – începutul secolului XX[67]. Slaba cunoaştere a limbii ruse de către Fonton era un motiv de ironie în rândul altor colegi[68]. Totuşi, informaţiile furnizate centralei Ministerului de Externe de la Sankt-Petersburg (de pildă, analizele privind mişcarea naţională a românilor transilvăneni şi posibilitatea exploatării acesteia) au permis elaborarea unei politici mai coerente faţă de România; unul dintre efectele ei avea să fie detensionarea relaţiilor dintre cele două ţări şi vizita în Rusia, în anul 1898, a regelui Carol I.

---

[62] A se vedea, de pildă, raportul lui Hitrovo din 17 iunie 1888 (documentul 5).

[63] Documentul 16.

[64] Lui Alexandr A. Giers îi aparţine, printre altele, şi un studiu privind începuturile reprezentării consulare a Rusiei la Iaşi: Из прошлого Российского консульства в Яссах, în А.А. Гирс, *Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией*, С.-Петербург, Типография А.С. Суворина, 1906, p. 1-46.

[65] În anii 1906-1908, Soloviev a fost membru al misiunii imperiale ruse de la Bucureşti Ю.Я. Соловьёв, *Воспоминания дипломата, 1893-1922*, Москва, Издательство Социально-экономической литературы, 1939, p. 180.

[66] Apud Ceobanu, *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse*, p. 244.

[67] A se vedea mai jos, la *Discuţii şi concluzii*.

[68] A se vedea nota 35.

Imagini fluctuante ale României reflectate în rapoartele diplomaților ruși

Analizate în oglindă, cele două perspective de receptare și interpretare a realităților din România și a raporturilor acesteia cu Imperiul Rus oferă un prețios material documentar pentru înțelegerea modului în care ideologiile moderne (în special naționalismul) au contribuit la slăbirea și, într-un final, disoluția sistemului relațiilor internaționale bazat pe *echilibrul de putere*.

Înainte ca viziunile despre România să devină o preocupare a diplomaților ruși, exista deja o tradiție destul de bogată, articulată pe fondul temei „misiunii civilizatoare" ruseşti și structurată pe baza opoziției binare dintre „civilizație" și „barbarie". Împrumutând cadre interpretative și retorice din literatura de călătorie franceză și britanică din secolele XVIII și XIX, precum și din descrierile statistice ale Moldovei și Valahiei, autorii ruși reproduceau anumite motive ale discursului (semi)orientalist. Printre acestea, se remarcau exotismul cadrului natural, despotismul oriental, depravarea morală a boierimii române, starea de ignoranță și superstiție a majorității populației și situația materială extrem de precară a țărănimii române. Desigur, aceste imagini serveau auto-legitimării statutului superior al observatorilor ruși, care își puteau revendica apartenența la civilizația europeană, asumându-și misiunea „luminării" populației „barbare" din Principate. Astfel, elita rusă își justifica propriile aspirații (exprimate printr-un complex de superioritate evident) de a reprezenta Rațiunea și Ordinea într-o zonă aflată încă sub dominația Imperiului Otoman[69].

Situația începe să se modifice în perioada regulamentară, dar mai ales după Revoluția din 1848 și războiul Crimeii, când are loc o reevaluare completă, pe de o parte, a rolului Rusiei în Principate și, pe de alta, a românilor în ochii observatorilor ruși. Din punctul de vedere al elitelor modernizatoare paşoptiste, imperiile vecine (și, în special, Imperiul Romanovilor) devin surse fundamentale ale înstrăinării și amenințării la adresa „existenței naționale" a poporului român[70]. Pe lângă rolul „chestiunii basarabene" (destul de marginal, în acest context), alteritatea ireconciliabilă a spațiului rusesc este consolidată și prin participarea intelectualilor români la discursul „rusofob" occidental, care își atingea apogeul în a doua treime a secolului XIX[71]. Atât în mediile liberale, cât și în cele conservatoare, Rusia era percepută ca o putere cel puțin duplicitară, dacă nu direct ostilă românilor. Strategii retorice radicale (și, pe alocuri, violente) la adresa amenințării reprezentate de „colosul de la Nord" pot fi întâlnite într-o paletă destul de largă de scrieri polemice, aparținând unor figuri

[69] Pentru mai multe detalii, a se vedea: Victor Taki, *Moldavia and Wallachia in the Eyes of Russian Observers*, în „East-Central Europe/L'Europe Du Centre-Est. Eine wissenschaftliche Zeitschrift", 32, 2005, nr. 2, p. 199-224.

[70] Un studiu interesant al percepțiilor despre Rusia în tradiția literară românească dintre 1840 și 1948 (urmând modelul „imagologiei") îi aparține lui Leonte Ivanov, *Imaginea rusului și a Rusiei în literatura română, 1840-1948*, Chișinău, Editura Cartier, 2004.

[71] A se vedea: Martin Malia, *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*, Cambridge, Mass., Belknap Press, 2000.

altminteri foarte diferite, deseori situate pe poziţii ideologice diametral opuse (este suficient să amintim aici lucrările lui Mihai Eminescu, B.P. Hasdeu sau D.A. Sturdza)[72].

Această schimbare fundamentală a atitudinii elitelor româneşti faţă de Rusia a coincis cu o modificare la fel de semnificativă a percepţiilor ruse faţă de români, în perioada postpaşoptistă. Criza identităţii „europene" a elitelor imperiale ruse din prima treime a secolului XIX a avut drept consecinţă formularea unui proiect imperial alternativ, pe baza panslavismului. Această schimbare de perspectivă a revelat, pentru observatorii ruşi, caracterul cultural şi lingvistic distinct al poporului român, care începe să fie perceput drept un obstacol în calea realizării unităţii panslave. Cea mai importantă problemă pentru discursul panslavist este tocmai *diferenţa* românilor faţă de slavi. Tema alterităţii românilor degenerează, către mijlocul secolului, în stigmatizarea frecventă a acestei comunităţi. Această stigmatizare se referă, întâi de toate, la elite, masele fiind descrise drept oprimate şi reduse la un statut deplorabil, din cauza rapacităţii nelimitate a aristocraţiei române. Subiectul diferenţei profunde şi al rupturii ireconciliabile dintre elite (imorale şi occidentalizate) şi mase (virtuoase şi pure în simplitatea lor, dar ignorante) va reveni în mod repetat în discursul rus privind România din a doua jumătate a secolului XIX. În general, către începutul anilor 1860, tranziţia de la vechea retorică a unui popor ortodox, apropiat de ruşi prin moravuri şi credinţă, spre o viziune critică asupra procesului de occidentalizare a elitelor româneşti, este aproape completă. Sigur, printre autorii ruşi există şi anumite viziuni „disidente", cum este cea a cunoscutului publicist ultraconservator Konstantin Leontiev. El afirma, contrar poziţiei panslaviste, că existenţa aristocraţiei autohtone (adică a boierilor) i-ar fi permis României să reziste mai bine în faţa influenţei pernicioase a democraţiei europene decât Serbiei sau Bulgariei, unde lipsa unei nobilimi proprii a dus la agravarea tendinţelor populiste implicite oricărei mişcări de eliberare naţională[73]. În pofida acestor excepţii, evaluarea statului român modern, articulată de majoritatea publiciştilor şi politicienilor ruşi, accentuează caracterul „artificial" şi imitativ al agendei modernizatoare paşoptiste.

a. Filogermanismul

Aceeaşi imagine rezultă şi din relatările unor trimişi diplomatici ruşi în România. Într-un raport din 17 martie 1889, însărcinatul cu afaceri Lodâjenski nu ezita să afirme:

> „Educaţi la Jena, Heidelberg sau Viena, actualii conducători ai destinelor României, fiind peste măsură de entuziasmaţi de forţa Germaniei şi necunoscând deloc Rusia, şi nefiind în stare să înţeleagă politica Guvernului Imperial,

[72] Broşura acestuia din urmă, *L'Europe, la Russie et la Roumanie* (1890), figurează şi în prezentul volum de documente. A se vedea documentul 83 din 5 august 1898.

[73] Константин Леонтьев, *Плоды национальных движений на православном востоке*, în Idem, *Собрание сочинений*, том 6, Москва, Типография Саблина, 1912, p. 233.

> consideră că, demonstrând față de noi un comportament deosebit de neprietenos, vor obține prin aceasta laudele și încrederea protectorilor lor aliați. Necesitățile poporului, aspirațiile și tradițiile sale nu au pentru ei, în această chestiune, se pare, nici o importanță, mai ales că ei nici nu le-au studiat vreodată în mod nepărtinitor și, visând la crearea unei Românii reînnoite cu 12 milioane de locuitori de același neam, sperând să își extindă influența atât asupra Bulgariei, cât și asupra cuțo-vlahilor macedoneni, miniștrii Regelui Carol, în entuziasmul lor, uită că nu le este sortit să își răspândească influența asupra Bulgariei, că cele cinci milioane de români transilvăneni și bucovineni care le lipsesc se află sub sceptrul aliatului lor, Împăratul Austriei, și că contradicția dintre tendințele lor politice și aspirațiile sacre și intime ale poporului român sunt premisele unei pieiri inevitabile atât pentru teoriile lor himerice, cât și pentru ei înșiși”[74].

Într-un alt raport, din 14 aprilie 1890, amintit deja, de această dată dedicat impactului pe care l-a avut în înalta societate și la Curte vestea demisiei lui Otto von Bismarck, Hitrovo se exprimă la fel de tranșant despre înrâurirea factorului german asupra politicienilor români, făcând anumite aluzii la panslavism și la „antagonismul” dintre Rusia și Germania, care ar structura imaginarul politic al conducătorilor României moderne:

> „În România s-a dezvoltat o întreagă pleiadă de oameni politici, orbiți complet de măreția Germaniei și încrezători în indestructibilitatea și atotputernicia politicii sale. În fruntea acestor fanatici ai influenței germane se află indivizi oarecare ca Dimitrie Sturdza, Carp și alții. Acești pretinși politicieni români au creat o întreagă teorie politică bazată pe pretinsa incompatibilitate dintre Germania și Rusia, antagonism care ar fi fost personificat de principele Bismarck. În conformitate cu această teorie, potrivit autorilor ei, România, legându-și soarta de interesele ligii central-europene, va trebui să obțină în viitorul apropiat întâietatea la Dunărea de Jos și în Peninsula Balcanică, întâietate pe care Rusia nu i-ar fi oferit-o niciodată. Aceste teorii, răspândite puternic și energic prin toate adevărurile și neadevărurile și stimulate de sentimente ale ambiției populare nesănătoase, au început să-și facă treptat loc în straturile profunde ale societății românești, iar acolo, alături de ura naturală față de germani, înrădăcinată în masele populare, încep să apară deja dubii dacă nu ar fi într-adevăr mai bine să se meargă orbește pe urmele Germaniei, Austriei și Italiei, iar cu ajutorul acestora să se încerce realizarea idealurilor naționale românești”[75].

b. Imaginea societății românești prin prisma modernizării

Dacă aceste aprecieri pot fi interpretate și prin grila competiției geopolitice crescânde dintre Rusia și Puterile Centrale, pentru influență în regiunea balcanică, mizele discursive nu se opresc aici, ci au în vedere chiar esența modernității politice românești. Calificarea de „scandalos” dată regimului constituțional românesc de același Hitrovo, în raportul citat mai sus,

[74] A se vedea documentul 11.
[75] Documentul 24 din 14 aprilie 1890.

sună destul de firesc din partea reprezentantului unui imperiu bazat pe criterii opuse de legitimare politică. Această viziune negativă asupra sistemului politic românesc este însă mult mai largă şi reprezintă, de fapt, un fel de replică „în oglindă" a polemicii contemporane din România privind „formele fără fond". Următorul pasaj din instrucţiunea oficială redactată pentru succesorul lui Hitrovo, Fonton, în mai 1891, ni se pare revelator:

> „Cu toate că România a depăşit prin dezvoltarea sa alte părţi ale peninsulei amintite, structura sa politică internă reprezintă, totuşi, aceleaşi inconsecvenţe şi contradicţii, care există şi în alte state balcanice. Instituţiile sale politice, reprezentând copii trunchiate după constituţiile liberale occidentale, nu răspund nevoilor naţionale adevărate şi servesc deseori la promovarea intereselor şi calculelor meschine de partid"[76].

Deosebit de interesante în acest sens sunt şi analizele detaliate ale relaţiilor ruso-române făcute de consulul rus de la Iaşi, Alexandr Giers. Într-un amplu raport „panoramic" redactat în septembrie 1896, cu ocazia vizitei împăratului Franz Josef în România, Giers consideră România drept un stat artificial, format „prematur şi fără un fundament istoric propriu", în care „nu contează masa poporului, fiind important a cunoaşte doar starea de spirit şi intenţiile claselor conducătoare". Mai mult, chiar dacă tânărul regat „a fost îndrumat" chiar de Rusia spre „o existenţă politică independentă", din atitudinea ostilă a elitelor româneşti faţă de Imperiul Rus, „în special din timpul celor mai importante succese ale sale, adică din epoca războiului din 1877-78, se desprinde, dacă nu domină chiar, un sentiment care ar putea fi definit mai corect prin expresia «la haine de l'obligé»"[77]. Pe lângă tema recognoscibilă a „nerecunoştinţei istorice" din partea românilor pentru eforturile ruseşti de eliberare de sub dominaţia otomană (prezentă în discursul diplomatic rusesc încă în contextul conflictului ruso-român din 1878), „artificialitatea" construcţiei politice româneşti este subliniată în mod pregnant. În fine, în august 1898, glosând pe marginea vizitei regelui Carol I la Sankt-Petersburg şi a potenţialelor ei consecinţe, Giers acuză direct „inteligenţia românească" de imoralitate, corupţie şi oportunism, considerând că întreg eşafodajul politic al României moderne este doar o abilă schemă de camuflare a unei competiţii acerbe pentru putere şi resurse. Este foarte interesantă combinaţia dintre anumite trăsături ale orientalismului tradiţional şi insistenţa asupra „cosmopolitismului" noii elite, influenţată într-adevăr de ideile occidentale, dar pe care le aplică doar spre propriul profit:

> „În lipsa unui fundament moral stabil, care să influenţeze şi aspiraţiile lor la idealuri politice superioare, inteligenţia românească a ridicat, în esenţă, pe post de idol doar câştigul personal; goana după acesta, intrată în trupul şi sângele românilor care fac politică – iar de politică se ocupă toţi, deoarece aceasta oferă pâinea cea de toate zilele –, induce o stare neobişnuită de

[76] Documentul 27 din 29 mai 1891.
[77] Documentul 68 din 27 septembrie 1896.

> dezbinare în raționamentele lor privind treburile țării și privind ceea ce trebuie să fie considerat bunăstare pentru țară. Nu există partide politice cu programe de politică internă și externă bazate pe principii clare, ci doar straturi sociale, care nu au dispărut, în pofida eforturilor de democratizare, doar grupuri de oameni care luptă pentru putere și care, pentru obținerea acesteia, nu se opresc de la confesări oficiale nici atunci când sunt avute în vedere chestiuni de politică externă, azi în versiunea germanofilismului și austrofilismului, iar mâine în cea a rusofilismului ș.a.m.d. Călătoria regelui Carol în Rusia nu are cum să aducă vreo modificare a preferințelor lor politice, iar în suflet ei vor rămâne adepți ai obiceiurilor occidentale, pe care și le-au însușit pentru totdeauna, fie doar și superficial, iar deseori și fals, ca urmare a specificului caracterului lor; de aceea ei nu au cum să-și modifice nici atitudinea față de Rusia"[78].

Societatea românească apare astfel, în discursul diplomaților ruși, drept un fel de amalgam de vechi și de nou, o versiune caricaturală a unei „societăți sedimentare"[79], care nu se poate desprinde până la capăt de obiceiurile „orientale" și preia în mod necritic schemele de dezvoltare importate din Occident; prin urmare, ea asigură libertatea de activitate unor forțe politice cu totul periculoase pentru stabilitatea fundamentului social și politic, cum ar fi „nihiliștii" și „anarhiștii". Erau avuți în vedere în special socialiștii români, dintre care mulți aveau rădăcini în Imperiul Rus. Contrapunctul elitelor înstrăinate și tributare „liberalismului extrem" occidental sau „activiștilor criminali de diferite naționalități"[80] sunt, în ochii observatorilor ruși, „masele" (în special, țăranii), care reprezintă stratul „autentic", cu adevărat „național", al populației României (și, prin extensie, acea parte „fundamentală" a poporului român care simpatizează cu Rusia, prin tradiție și datorită religiei ortodoxe comune). Imaginea țărănimii române este însă una ambiguă. Aceiași săteni care reprezintă, se pare, singura șansă de revenire a României, într-un viitor nebulos, în orbita politicii ruseşti, sunt totodată descriși drept inerți, apatici, indiferenți și absolut incapabili de a influența politica reală a statului (în afară de anumite izbucniri violente, dar iraționale, precum răscoala din 1888). În contextul acestui eveniment și al căderii guvernării Brătianu, trimisul rus Hitrovo neagă cu vehemență zvonurile despre rolul Rusiei în incitarea țăranilor la revoltă, dar nu se poate abține de la comentarii personale asupra rolului acestei clase în societatea românească. Într-un raport detaliat din 17 iunie 1888, privind cauzele răscoalei și rolul „factorului rusesc", Hitrovo, insistând pe „slăbiciunea completă actuală a construcției administrative și militare a Regatului", se lansează într-o lungă meditație pe tema „idealurilor politice" autentice ale țăranilor (în răspăr evident cu cele ale elitelor) și a rusofilismului lor instinctiv:

---

[78] Documentul 84 din 9 august 1898.

[79] Pentru conceptul de „societate sedimentară", în care coexistă straturi „moderne" (la suprafață) și „tradiționale" (în adâncul structurii sociale), aplicat Imperiului Rus, a se vedea: Alfred J. Rieber, *The Sedimentary Society*, în *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*, ed. by E. Clowes *et al.*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1991, p. 353-376.

[80] Raportul lui Hitrovo din 22 august 1888 (documentul 6).

„Cât privește idealurile politice, idealuri ca adorarea autorității numelui regelui, acestea nici nu au existat vreodată; în ochii țăranului român, germanul regele Carol a fost și rămâne un necredincios oarecare, care nu îi oferă categoric nimic, în afară de supunere față de ceva străin și urât de instinctele sale firești și istorice… Toate aceste zvonuri ajunse printre populația răsculată, venite Dumnezeu știe de unde, zvonurile despre banii care le-ar fi fost donați de Rusia, despre faptul că ar urma să vină rușii pentru a-i elibera de sub guvernul german detestat, nu trimit oare aceste zvonuri la dragostea de care se bucură până acum Rusia ortodoxă în ochii românilor simpli? Și, într-adevăr, în ciuda tuturor intrigilor, a propagandei adversarilor noștri, în ochii românilor simpli, Țarul Rus rămâne până în prezent înaltul protector și stăpân, care le poate înlocui și în prezent domnii după judecata proprie. Iar acest lucru este firesc, deoarece în conștiința poporului, anii cei mai buni de prosperitate și de măsuri în favoarea sa sunt legați de amintirea aflării rușilor în România. Nu reprezintă oare toate acestea o dovadă a faptului că doar cu ajutorul Rusiei și sub drapelul rus poporul român poate fi mișcat înainte către ceva serios și comun?”[81]

Acest romantism de inspirație panslavistă îi putea deseori determina pe diplomații ruși să descrie societatea românească în termenii unei rupturi totale dintre clasele suprapuse și majoritatea populației rurale, care apare drept o victimă inocentă a mașinațiunilor și manipulărilor cinice ale elitelor. Idealizarea țăranului și transformarea sa într-un fel de „nobil sălbatic” și depozitar al autenticității ancestrale este desigur un loc comun al discursurilor identitare din toată regiunea Europei de Est, inclusiv în interiorul Imperiului Rus. De aceea, aceste accese de populism nu sunt deloc surprinzătoare. În cazul României însă, se adaugă condamnarea, fără echivoc, a politicii statului, care ar impune o identitate falsă și distorsionată maselor țărănești, grefată pe fondul tradițional al ruralității. Iată un exemplu elocvent:

„Obișnuite cu munca și resemnarea, masele poporului român, supuse până la un timp, au și până în prezent cele mai modeste dorințe. Îngrijindu-se exclusiv de satisfacerea necesităților lor modeste, prețuind doar câteva idei tradiționale, respectând sfințenia Bisericii Ortodoxe, care, după cum ele, fără îndoială, conștientizează în mod instinctiv, le-a salvat specificul de-a lungul secolelor, masele poporului român îi lasă pe politicieni, care le rămân la fel de străini precum le sunt și necunoscuți, să se ocupe de treburile statului, cu condiția ca greutățile lor să nu fie excesive. Între timp, aceiași conducători ai destinelor României, fie urmărind scopuri personale, fie tinzând spre crearea unei Românii inexistente, plăsmuite în solitudinea muncii lor de cabinet, încearcă să șteargă din memoria poporului, încet, dar sigur, obiceiurile sale ancestrale și să scadă în ochii săi importanța Bisericii, care este în dezacord cu viziunile lor filosofice moderne. Istoria României este predată copiilor după manuale aprobate de guvern, într-o formă completamente distorsionată și tendențioasă, trecutul patriei lor le este prezentat drept un fel de luptă continuă împotriva năzuințelor Rusiei, se încearcă umilirea cu premeditare a clerului, iar bisericile sunt lăsate în paragină pentru a se distruge”[82].

[81] Documentul 5 din 17 iunie 1888.
[82] Documentul 13 din 17 martie 1889.

Astfel, modernizarea (reprezentată metonimic, prin tema secularizării forțate și a subminării Ortodoxiei tradiționale) atacă fundamentele vieții rurale și, prin aceasta, însăși esența comunitară (aproape atemporală) a țăranilor români, care rămân „tăcuți și supuși propriului destin, necunoscându-l”[83]. Pe de o parte, țăranii simbolizează cea mai trainică legătură (prin istorie, religie și tradiție) dintre Rusia și România. Pe de altă parte însă, ei sunt un element aproape anistoric, care se poate manifesta drept o „forță a naturii”, în mod anarhic, ca la 1888, dar nu poate oferi o alternativă față de agenda elitelor. În raportul deja citat al lui Giers din 27 septembrie 1896, este schițată aceeași imagine a unei mase inerte și maleabile, trăind cumva într-un „univers paralel” față de preocupările elitelor bucureștene:

> „Țăranii, care reprezintă majoritatea covârșitoare a populației țării, au o atitudine cu totul indiferentă față de sărbătoarea organizată în capitală; inertă, foarte slab evoluată în general și obișnuită să se supună oricui, în vremurile de demult creaturilor turcești, iar astăzi autorităților de soi nou, indiferent de porecla politică pe care o poartă, ea rămâne în afara agitației care cuprinde clasele conducătoare. Sentimentul de apartenență la dinastie îi este străin…”[84].

Această viziune „romantică” a diferenței ireconciliabile dintre elite și mase, de a căror soartă s-ar fi îngrijit, pentru prima și ultima dată, tot Rusia, prin Regulamentul Organic al contelui Kiseleff[85], era desigur foarte convenabilă pentru diplomații ruși, care își puteau păstra astfel anumite iluzii în privința lipsei de perspectivă a statului român, văduvit de un „fundament sănătos”. În plus, trebuie să se ia în considerare și tendințele de atunci ale monarhiei Romanovilor, care încerca să își creeze (sub Alexandru III și Nicolae II) un nou „scenariu al puterii”, bazat pe legătura directă dintre monarh și popor[86].

c. Casa Regală românească

Tocmai prezumtiva lipsă a acestei conexiuni aproape mistice dintre suveran și supușii săi (în presupus contrast cu Imperiul Rus) este unul dintre laitmotivele relatărilor trimise de la București, despre rolul dinastiei străine în România, care simboliza (și intensifica) dezrădăcinarea elitelor față de popor și caracterul „de import” al modernității românești. Problema dinastiei străine, strâns legată de prioritățile politicii externe românești, trece ca un fir roșu prin rapoartele diplomatice dedicate temelor politice. Chiar dacă îi recunoaște lui Carol I calitățile personale, printre care „inteligența vastă” și abilitățile politice, peste cele ale multor „români din naștere”[87], Hitrovo este totuși consecvent în a sublinia statutul de „străin” al monarhului, lipsa lui de popularitate în țară,

[83] *Ibidem*.
[84] Documentul 68 din 19 septembrie 1896.
[85] Documentul 5 din 17 iunie 1888.
[86] A se vedea: Richard S. Wortman, *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in the Russian Monarchy*, vol. 2, Princeton, Princeton University Press, 2000 (în continuare: Wortman, *Scenarios of Power*).
[87] Documentul 12 din 17 martie 1889.

eşecul acomodării sale la realităţile româneşti şi rolul nefast de promotor al intereselor austro-germane (sau al ambiţiilor sale personale)[88]. Nici înlocuitorul temporar al lui Hitrovo la conducerea misiunii Rusiei din Bucureşti, Lodâjenski, nu este mai blând în raport cu persoana regelui Carol I[89]. În contextul abdicării regelui Milan al Serbiei, diplomatul rus făcea o comparaţie puţin măgulitoare între soarta monarhului sârb şi suveranul român, care ar fi rămas „străin pentru România". Lodâjenski continua: „Deosebirea dintre politica externă personală urmată de Rege şi aspiraţiile poporului român, care este străin de orice complicaţii internaţionale şi nu le înţelege, a trebuit să apară înaintea ochilor Regelui şi ai actualilor săi miniştri cu o deosebită claritate şi putere, în pofida tuturor autoamăgirilor lor incredibile"[90]. Astfel, Lodâjenski conchidea că politica rusă „va trebui să distrugă cu timpul acel edificiu artificial, care este în prezent făurit pe pământul românesc şi să întoarcă România pe calea politicii îndepărtării de orice complicaţii internaţionale, [a unei politici] naţionale, modeste, a singurei [politici] avantajoase pentru România, iar, prin urmare, şi a unei înţelegeri şi concordii mai apropiate cu noi"[91].

Asemenea exemple pot fi extrase şi din multe alte rapoarte diplomatice ale anilor 1890. Totuşi, în acest sens nu există o unanimitate în rândul diplomaţilor ruşi: pe lângă linia dominantă a discursului, care subliniază poziţia şubredă a Hohenzollernilor şi lipsa unei tradiţii dinastice autentice, sunt şi excepţii notabile, care confirmă existenţa unei abordări mai echilibrate a situaţiei din România. Unul dintre cele mai interesante texte din „curentul realist" îi aparţine însărcinatului cu afaceri Lvov, care îl înlocuieşte temporar pe Fonton. Într-un raport din data de 6 august 1895, Lvov prezintă o imagine foarte diferită a lui Carol I: este portretul unui rege care s-a adaptat foarte bine contextului românesc, fiind din ce în ce mai popular şi în acord perfect cu politicienii români. Mai mult, diplomatul îşi permite să conteste atât consensul implicit al rapoartelor referitoare la provizoratul şi lipsa de popularitate a monarhiei române, pe de o parte, cât şi existenţa unei pături „loiale Rusiei" în societatea românească, pe de altă parte. Constatând că „atât conservatorii, cât şi liberalii nutresc faţă de noi aceeaşi neîncredere şi ostilitate şi că cea mai bună tactică ar fi să rămânem în afara oricăror partide", el recomandă o politică prudentă şi echilibrată în raporturile Rusiei cu politicienii români[92]. De altfel, Lvov nu ezită să îşi exprime părerile personale cu privire la adevărata stare de lucruri din politica românească, contrar instrucţiunii Ministerului Rus de Externe din 22 august 1888 şi contrar clişeelor puternic înrădăcinate în mediile diplomatice din Sankt-Petersburg:

[88] A se vedea, de exemplu, documentul 7, în care regele este acuzat deschis de „atitudine duşmănoasă" faţă de Rusia.

[89] A se vedea documentul 10 din 22 februarie 1889.

[90] Documentul 13 din 17 martie 1889.

[91] *Ibidem.*

[92] Documentul 56 din 6 august 1895.

„Eu însă îmi voi permite să opinez că regele s-a acomodat demult şi în totalitate în România, că Majestatea Sa priveşte situaţia actuală ca fiind destul de sigură şi de durată, că toate circumstanţele sunt favorabile suprapunerii totale a viziunilor claselor conducătoare de aici cu viziunile monarhului lor asupra necesităţii armonizării dintre acţiunile de politica externă a României şi cele ale Austriei şi Germaniei. Având în vedere toate aceste premise, realizarea scopului de a menţine în rândurile părţii sănătoase a societăţii din România a unei simpatii faţă de principiile care ar satisface propriile noastre interese devine tot mai dificilă”[93].

Într-o cheie la fel de realistă se exprimă, un an mai târziu, şi consulul Imperiului Rus din Iaşi, Alexandr Giers, care, în contextul vizitei monarhului austro-ungar în România, ajunge la concluzii similare, pe care le exprimă destul de plastic, invocând năruirea a două „legende” reconfortante pentru diplomaţii ruşi – cea a „rusofilismului” conservatorilor şi cea privind „politica externă personală” şi nepopulară a regelui Carol I:

„Din descrierea sumară a evenimentelor, care au însoţit aflarea la putere în ultimii douăzeci de ani a unui sau altui partid, se poate trage uşor concluzia că direcţia politicii externe a României, reflectată, nu fără claritate, în toată atmosfera festivităţii de primire a împăratului Franz Josef, a fost elaborată cu efortul comun al tuturor forţelor intelectuale ale ţării, fără deosebire de partid. Se poate crede cu greu că în România există rusofili şi că doar liberalii sunt adversarii noştri inveteraţi. Şi unii şi alţii se delimitează demonstrativ de noi; totuşi, pentru comoditate şi reuşita relaţiilor ar fi poate de preferat a colabora cu răuvoitori pe faţă, decât cu aceia care, vorbind pe limba Orientului, apelează constant în relaţiile internaţionale la astfel de procedee, care pot fi numite cu blândeţe «bizantine». Sosirea în România a împăratului Franz Josef şi importanţa pe care o acordă acestei vizite înşişi românii încununează eforturi conjugate întinse pe durata mai multor ani; totodată, aceasta marchează limita pentru existenţa în continuare a legendelor, puse în circulaţie chiar de politicienii români: prima legendă – privind rusofilismul conservatorilor, iar cea de-a doua – privind politica externă personală a regelui Carol, care ar fi în contradicţie cu starea de spirit a populaţiei”[94].

În aceste documente, este subliniat destul de clar consensul fundamental al politicienilor români faţă de direcţiile politicii externe a ţării, camuflat însă de pretinsele divergenţe dintre partide. Unele texte (de pildă, chiar raportul citat mai sus) lasă impresia că politicienii români cultivau cu bună ştiinţă aceste mituri ale „rusofilismului” şi izolării regalităţii pe plan intern pentru a induce în eroare observatorii străini.

d. Ortodoxia ca factor identitar

Problema Ortodoxiei ca element esenţial al identităţii tradiţionale româneşti (dar şi ca liant dintre poporul român şi cel rus) ocupă un spaţiu deloc neglijabil în textele publicate de noi. Accentul pus pe comunitatea religioasă

[93] *Ibidem.*
[94] Documentul 68 din 19 septembrie 1896.

dintre ruşi şi români este unul dintre subiectele cele mai durabile ale discursului imperial rus şi constituie un element de continuitate cu tradiția mai veche a „misiunii civilizatoare" ruseşti în Balcani. Totuşi, odată cu consolidarea statului național român, bazat pe o concepție rațională şi laică, perspectiva rusă asupra Ortodoxiei româneşti devine mai complexă, împletindu-se cu interpretarea generală a modernizării politice şi instituționale din Regat. Astfel, diplomații ruşi exprimă o atitudine ambiguă față de locul Ortodoxiei în noile condiții create după reformele radicale ale lui Al. I. Cuza şi după instalarea lui Carol I pe tronul României. Pe de o parte, este condamnată tendința accentuată de secularizare şi imitare a modelelor preluate din Occidentul liberal (în special, Franța). Elitele occidentalizate din Regat sunt acuzate, fără echivoc, de subminarea Ortodoxiei tradiționale, iar Imperiul Rus se erijează în protector al Ortodoxiei româneşti şi, prin extensie, al tuturor valorilor tradiționale asociate cu aceasta. Diplomații ruşi sunt deosebit de vehemenți la adresa guvernării liberale, care este percepută drept continuatoarea directă a politicii radicale de secularizare promovate de Al. I. Cuza. În contextul crizei politice şi sociale din anul 1888, trimisul rus Hitrovo vede în guvernul liberal al lui I.C. Brătianu un agent necruțător al distrugerii valorilor tradiționale (în primul rând, religioase) ale poporului român:

> „La aceasta ar mai trebui adăugată şi nimicirea sistematică a sentimentelor religioase în mediul populației țărăneşti, la care a contribuit atât de asiduu aşa-zisul guvern progresist liberal. Prin umilirea consecventă a clerului ortodox superior şi de mir, prin impunerea unor prevederi nefireşti, cum ar fi obligativitatea căsătoriei civile, predarea laică a religiei în şcolile populare de către învățători nihilişti etc., au fost şubrezite până la extrem idealurile religioase ale oamenilor simpli… Este de la sine înțeles că o astfel de erodare a sentimentelor religioase şi lipsa idealurilor politice, alături de agravarea de la o zi la alta a situației economice, trebuiau să contribuie la transformarea populației țărăneşti într-un element periculos, receptiv la orice propagandă revoluționară, indiferent de forma pe care o lua"[95].

Legătura dintre religie şi politică devine astfel destul de transparentă, iar „antirusismul" şi atitudinea negativă față de Ortodoxie merg mână în mână, reprezentând tot atâtea dovezi ale îndepărtării elitelor româneşti de „fundamentul vieții naționale". În acest context, este interesantă invocarea exemplului episcopului Melchisedec al Romanului, într-un raport anterior al aceluiaşi Hitrovo. Acest prelat, cunoscut pentru legăturile sale destul de strânse cu mediile ecleziastice din Imperiul Rus, este apreciat de Hitrovo drept un „credincios şi vigilent apărător al Ortodoxiei în România, dar din păcate aproape singurul în mediul clerului superior de aici"[96].

Biserica Ortodoxă apare astfel ca un ultim bastion al unei presupuse „românități" tradiționale, orientate spre Est şi spre Imperiul Rus. În pofida acestor tendințe nostalgice, diplomația rusă era destul de conştientă că această

[95] Documentul 5 din 17 iunie 1888.
[96] Documentul 4 din 11 iunie 1888.

instituție nu era capabilă să reziste presiunii modernizatoare a statului, care submina, încet dar sigur, structurile ecleziastice. O astfel de impresie, destul de pesimistă, este articulată, de exemplu, în instrucțiunea oficială către Nikolai Fonton, redactată cu prilejul preluării de către acesta a postului de la București:

> „Ortodoxia a reprezentat o legătură puternică între Rusia și populațiile balcanice. Se poate spune că în timpul jugului mahomedan biserica a întruchipat drapelul politic al independenței naționale. Din păcate însă, nu se poate ignora faptul că indiferentismul religios a înregistrat de atunci succese importante în Orient. Biserică română, în special, a ieșit umilită și înjosită după loviturile încasate prin politica principelui Cuza în anii șaizeci ai acestui secol”[97].

În consecință, rolul de protector al Ortodoxiei rămâne aproape singura ipostază prin care Imperiul Rus poate să se manifeste, în mod activ, în viața internă a Regatului. Este destul de relevant faptul că instrucțiunea citată mai sus acordă un spațiu extins informării diplomatului rus despre asistența acordată de guvernul imperial Ortodoxiei din România „prin toate căile și mijloacele dependente de noi”. Printre prioritățile noului trimis se afla „chestiunea Asociațiunii Ortodoxe din Iași, a absolvenților români din seminarele noastre teologice și, în sfârșit, a bisericii ruse din Sulina”. Prima dintre aceste instituții avea menirea să „lupte împotriva propagandei occidentale tot mai puternice și împotriva teoriilor sociale dăunătoare”[98], reprezentând astfel o pârghie directă de influență a Imperiului Rus în țara vecină. Chestiunea susținerii Bisericii din România în fața ingerințelor și presiunilor guvernamentale va rămâne o preocupare centrală a diplomației ruse[99] și la începutul secolului XX, demonstrând astfel importanța acordată acestui aspect în cadrul strategiei generale a politicii externe ruse în regiune.

Legătura dintre Ortodoxie și identitatea colectivă românească este abordată, în mod indirect, prin intermediul poziției regalității (și a lui Carol I, personal) față de religia tradițională a românilor. Această temă este legată de subiectul „lipsei de rădăcini” a dinastiei străine, abordat mai sus. Mai mult decât atât, în sursele rusești se accentuează „catolicismul” lui Carol I ca un element central al consolidării influenței occidentale și al îndepărtării de Rusia. În același timp, tendințele antiruse ale „inteligheției” românești sunt frecvent legate de „înclinația spre latinism” atribuită acesteia (cel puțin începând din anii 1860, avându-se în vedere secularizarea averilor mănăstirești și alte reforme inițiate de guvernul lui Al. I. Cuza). Aparent insensibili la natura contradictorie și întrucâtva paradoxală a argumentării lor, diplomații ruși insistă asupra secularizării și „propagandei catolice” ca procese simultane care definesc tendințele de

[97] A se vedea documentul 27 din 29 mai 1891.

[98] *Ibidem.*

[99] Un alt document interesant în acest sens este raportul lui Fonton către Șișkin, din 20 februarie 1893, care abordează problema demisiei Mitropolitului Iosif Gheorghian, în semn de nemulțumire față de reformele din sfera ecleziastică (documentul 37). A se vedea și exemplul epitropiei Sf. Spiridon, invocat în documentul 53. Această instituție era patronată de guvernul rus, având „legături și relații cu Rusia, prea bine cunoscute de toată lumea”.

occidentalizare a societății românești. În acest sens, regele Carol I este frecvent acuzat că reprezintă un „agent al catolicizării" tacite a elitelor românești[100]. Totuşi, anumiți diplomați ruşi au o poziție mai nuanțată față de rolul regelui în raport cu Biserica Ortodoxă. De exemplu, într-un raport din februarie 1892, Fonton afirmă, reproducând astfel clişeul regelui izolat şi nepopular, că „regele Carol rămâne… un <străin> în această țară; până în prezent, el nu a reuşit să se acomodeze cu poporul care l-a chemat la tron, în ochii căruia el rămâne încă, la fel ca în trecut, un «neamț». El vorbeşte româna, ca, de altfel, şi franceza, cu un puternic accent german"[101]. Totuşi, în acelaşi raport Fonton remarcă atitudinea binevoitoare şi „corectă" a regelui față de Ortodoxie:

> „Regele Carol, în pofida confesiunii sale, şi-a conştientizat fără îndoială datoria şi a avut, în mod constant, o atitudine absolut ireproşabilă față de Biserica Ortodoxă. Având în totalitate posibilitatea de a inaugura o capelă catolică în palatul său, regele nu s-a folosit niciodată de acest drept… Cele expuse mai sus demonstrează în mod suficient cât de exagerat este tot ceea ce se spune în legătură cu tendințele clericale ale regelui" [102].

Astfel, în documentele ruseşti nu există o unanimitate în privința rolului regelui în sfera religioasă, chiar dacă tema catolicismului regal este un motiv recurent şi foarte puternic în retorica diplomației şi publicisticii ruse pe tot parcursul domniei primului Hohenzollern în România. În mod previzibil, preocuparea subzista pentru a se accentua caracterul „neautohton" al dinastiei.

O problemă deosebit de prezentă în rapoartele ruseşti este chestiunea apartenenței religioase a succesorilor regelui Carol I. Venirea în țară a principelui Ferdinand şi potențiala consolidare a dinastiei, precum şi căsătoria lui Ferdinand cu principesa Maria de Edinburgh au suscitat interesul explicabil al reprezentanților ruşi la Bucureşti. Chestiunea spinoasă a confesiunii succesorilor la tron este abordată într-o serie de rapoarte de la începutul anului 1889 şi de câteva rapoarte din anii 1893-1894; evident, se acordă atenție şi ritului în care aveau să fie botezați copiii cuplului princiar, Carol (viitorul rege Carol II) şi Elisabeta[103]. Dincolo de aspectele constituționale, diplomații ruşi sunt preocupați de încărcătura simbolică a introducerii confesiunii ortodoxe în familia regală şi, prin extensie, a „românității" asumate, prin acest gest, de Casa Domnitoare. Dacă rapoartele din 1889 şi 1890 sunt destul de sceptice în privința consolidării poziției principelui Ferdinand şi a popularității sale viitoare, după căsătoria principelui moştenitor cu prințesa Maria (probabil, şi

[100] Astfel de acuzații nu se regăsesc direct în documentele din acest volum, dar apar periodic atât până în perioada 1888-1898, cât şi după aceea (de ex., în câteva rapoarte diplomatice din 1886 şi 1909-1910).

[101] Documentul 30 din 5 februarie 1892.

[102] *Ibidem.*

[103] A se vedea documentul 30 din 16 ianuarie 1889, documentul 12 din 17 martie 1889, documentul 16 din 22 iunie 1889, documentul 17 din 22 iunie 1889, documentul 18 din 22 iunie 1889, documentul 25 din 25 iulie 1890, documentul 35 din 5 ianuarie 1893, documentul 50 din 7 octombrie 1894, documentul 52 din 19 octombrie 1894.

datorită conexiunilor dinastice ruseşti ale Mariei) poziţia observatorilor ruşi se schimbă treptat. Astfel, în legătură cu pretinsa controversă privind botezul prinţesei Elisabeta în rit catolic, Fonton relatează, în octombrie 1894, că „miniştrii i-au declarat în unanimitate Regelui că o asemenea încălcare a legii strămoşeşti a ţării este absolut imposibilă şi că ar aduce o adâncă ofensă sentimentului religios al poporului, care ţine foarte mult la propria credinţă, şi ar submina atracţia şi loialitatea faţă de familia regală. Ei i-au amintit Regelui despre manifestările înflăcărate de fericire şi bucurie, când acum un an a avut loc Sf. Botez în credinţa ortodoxă a primului prinţ român". La rândul său, monarhul era destul de conştient de acest lucru, deşi Fonton îşi exprimă „mirarea" cu privire la ezitările regelui în această privinţă, care ar constitui „un atentat serios asupra sentimentelor religioase ale unui popor ortodox"[104]. În următorul raport, din 19 octombrie, trimisul rus constată „bucuria poporului român că credinţa strămoşilor săi a pătruns în familia Casei Domnitoare" (exprimată prin intermediul presei bucureştene)[105]. În chestiunea consolidării dinastiei, poziţia trimişilor ruşi oscilează astfel între scepticismul iniţial, potenţat prin tema izolării regalităţii, şi recunoaşterea ulterioară a abilităţii regelui Carol I în întărirea poziţiilor acesteia, prin politica sa prudentă şi inteligentă în privinţa confesiunii religioase a succesorilor săi.

e. Chestiunea identitară şi diferenţele regionale

În fine, viabilitatea proiectului naţional românesc şi ierarhia priorităţilor naţionale este abordată destul de sistematic în sursele publicate în acest volum. Având în vedere atitudinea generală a discursului imperial rus faţă de statul român modern, dimensiunea naţională ocupă un loc mai modest în meditaţiile diplomaţilor ruşi. Totuşi, există observaţii interesante despre disensiunile interne dintre provinciile Regatului şi, mai ales, despre sensibilităţile naţionale ale elitelor româneşti în raport cu Transilvania, pe de o parte, şi Basarabia, pe de alta.

Deşi interesul faţă de poziţia Moldovei în cadrul statului român este în vădită scădere în comparaţie cu anii 1860-1880, într-un raport analitic al lui Hitrovo, din ianuarie 1891, putem urmări o resurgenţă (ce e drept, episodică) a chestiunii „specificului moldovenesc" şi a nemulţumirilor din această provincie faţă de centralismul de la Bucureşti. Spre deosebire de perioada anterioară (sau chiar de unele aluzii privind „rusofilismul" mai accentuat din Moldova, observabil cu ocazia răscoalei din 1888), de această dată potenţialul „separatismului moldovenesc" este perceput ca o reflectare a slăbiciunii interne a Regatului, şi nu ca o alternativă realistă la situaţia existentă. Subliniind caracterul „haotic" al vieţii politice din Regat şi reapariţia „chestiunii poziţiei privilegiate a Valahiei în cadrul regatului în comparaţie cu Moldova", Hitrovo afirmă următoarele:

[104] Documentul 50 din 7 octombrie 1894.
[105] Documentul 52 din 19 octombrie 1894.

> „…cu toate că presa oficială încerca să înăbuşe începutul agitaţiei şi demonstra nevoia consolidării tuturor românilor şi protejării intangibilităţii unităţii naţionale, conştientizarea situaţiei inegale a celor două jumătăţi ale regatului devenea tot mai evidentă. În prezent, se constituie la Iaşi un comitet special pentru «apărarea drepturilor Moldovei», care trimite în oraşe diverşi mesageri speciali pentru difuzarea ideilor sale. În curând va fi creat clubul moldovenesc, care va milita la modul serios pentru apărarea jumătăţii exploatate a regatului”[106].

Chestiunea Basarabiei apare explicit doar în două documente din volum şi indirect în alte câteva cazuri, confirmând astfel locul marginal al acestei provincii nu doar în cadrul discursului naţional românesc din epocă, ci şi în cadrul relaţiilor ruso-române (cel puţin, între 1878 şi începutul secolului XX). Instrucţiunea pentru Fonton din mai 1891 constată cu satisfacţie că „agitaţia provocată de alipirea la Rusia, în urma războiului din anul 1877, a judeţului Izmail s-a calmat deja”[107]. Provincia de peste Prut apare, după această dată, mai întâi într-un scurt raport al lui Fonton din 20 februarie 1892, unde diplomatul se referă la studenţii de origine basarabeană emigraţi în România, care „afirmă, că ei au părăsit Rusia din cauza afecţiunii lor deosebite faţă de tot ce este românesc şi a imposibilităţii de a trăi altfel decât în mijlocul «societăţii româneşti înalt dezvoltate»”. Invocând efectul „măgulitor” pe care le-ar avea asemenea cazuri asupra „orgoliului românilor”, Fonton menţionează, în continuare, protecţia oferită acestor tineri de către B.P. Hasdeu şi constituirea Societăţii „Milcov”, fondată în acea perioadă sub patronajul acestuia la Bucureşti[108]. Totuşi, atât tonul semi-ironic al diplomatului, cât şi sublinierea aspectelor pecuniare şi „pragmatice” – care explicau interesul studenţilor basarabeni pentru România – par să indice o preocupare destul de scăzută a diplomaţiei ruse faţă de „iredentismul românesc” în Basarabia[109].

Al doilea document cu referire directă la Basarabia apare în contextul analizei impactului călătoriei regelui Carol I la Sankt-Petersburg, în vara anului 1898. Cu această ocazie, diplomaţia rusă este mai optimistă decât de obicei, preconizând o posibilă schimbare (sau cel puţin echilibrare) a vectorului politicii externe româneşti şi o potenţială apropiere de Rusia. Impresiile pozitive ale regelui după vizita sa în Rusia se bucură de atenţie în rapoartele din vara anului 1898. Tocmai în acest context şi, se pare, pentru a confirma eventualitatea unei asemenea evoluţii, însărcinatul cu afaceri Somov scrie la Petersburg într-o cheie destul de optimistă:

> „Pe lângă aceasta, nu poate fi trecut cu vederea faptul îmbucurător că chestiunea Basarabiei nu mai interesează opinia publică şi că această chestiune

[106] Documentul 26 din 12 ianuarie 1891.
[107] Documentul 27 din 29 mai 1891.
[108] Documentul 31 din 20 februarie 1892.
[109] Această impresie pare să fie confirmată de faptul că misiunea rusă de la Bucureşti era cel puţin la fel de preocupată de activităţile lui Zamfir Ralli-Arbore şi ale socialiştilor ruşi în general, cărora acelaşi B.P. Hasdeu le oferea protecţia sa, apelând la Rege pentru a stopa încercările diplomaţiei ruse de a-i expulza din ţară. Vezi, în acest sens, documentul 14 din 17 martie 1889.

> este adusă din ce în mai rar în discuție de către presă. O astfel de schimbare poate fi explicată prin faptul că, pe de o parte, toată atenția Regatului este absorbită în prezent de discriminările cu adevărat fără precedent aplicate de către guvernul maghiar supușilor săi români, iar pe de altă parte prin interesul pe care îl trezește în prezent românilor Dobrogea, cu noul port la Constanța, cu flota comercială și militară, de care românii se ocupă cu o pasiune copilărească specifică lor. Și este foarte puțin probabil ca ei să fie de acord să schimbe acum Dobrogea pe Basarabia. În aceste condiții, lor nu le rămâne decât să o ocolească pe ultima prin tăcere. În sfârșit, nu poate fi trecut cu vederea modul înțelept de acțiune a Regelui în această chestiune, care, chiar de la început, înțelegând toată zădărnicia lamentărilor pentru pierderea Basarabiei, dezaprobă cu fermitate orice agitație, reușind să le trezească românilor interesul pentru Dobrogea și să le canalizeze activitatea în direcția acestei regiuni noi și bogate"[110].

În acest caz, este deosebit de relevantă comparația directă dintre Basarabia și alte direcții ale proiectului național românesc. Basarabia pare, astfel, a fi defavorizată nu doar de canalizarea „construcției naționale" românești înspre regiunea mult mai promițătoare a Dobrogei, ci și de rolul secundar ocupat, în raport cu Transilvania, de provincia dintre Prut și Nistru în imaginarul național român. Acest contrast se evidențiază și mai pregnant în contextul „chestiunii memorandiste", care a captat atenția diplomaților ruși pe parcursul celei mai mari părți ai anilor 1893 și 1894[111]. Se înțelege că Basarabia reapare explicit în „ierarhia" priorităților naționale, pe fondul discuțiilor din Parlament privind poziția oficială a României în „chestiunea memorandumului". În două rapoarte din decembrie 1893, Fonton se referă la dezbaterile din Camera Deputaților și Senat, citând direct opiniile unor politicieni români despre situația basarabenilor în raport cu transilvănenii și a pericolului de asimilare cu care se confruntă cele două comunități[112].

Intenția acestor rapoarte era, de fapt, să sublinieze oportunismul oamenilor politici români din diferite tabere, confirmând, implicit, viziunea rusă despre lipsa de principii și flexibilitatea extremă a clasei noastre politice. Totuși, pe măsura desfășurării evenimentelor din Transilvania, atitudinea diplomaților ruși devine mai favorabilă poziției exprimate de guvernul de la București, ei recunoscând implicit legitimitatea revendicărilor naționale românești și situația delicată a autorităților române, care trebuie să adopte o politică extrem de prudentă față de Austro-Ungaria, fără a uita să menajeze sentimentele naționale exprimate în interiorul țării[113]. Sigur că atitudinea înțelegătoare față de guvernul român era determinată, în acest caz, și de o strategie de evidențiere a importanței Transilvaniei în detrimentul Basarabiei. Concentrarea atenției

[110] A se vedea documentul 80.

[111] În acest sens, a se vedea documentul 38 din 21 iunie 1893, documentul 39 din 6 august 1893, documentul 40 raportul lui Vranghel din 29 august/10 septembrie 1893, documentul 41 din 7 septembrie 1893, documentul 43 din 6 decembrie 1893, documentul 44 din 21 decembrie 1893, documentul 47 din 21 mai 1894 etc.

[112] Documentul 43 din 6 decembrie 1893, documentul 44 din 21 decembrie 1893.

[113] A se vedea, în special, documentul 47 din 21 mai 1894.

politicienilor bucureşteni în direcţia vestică era cât se poate de convenabilă pentru observatorii ruşi. Oscilaţiile diplomaţilor ruşi în evaluarea iredentismului românesc se corelează şi cu anumite gesturi simbolice: de exemplu, călătorii ale monarhilor Franz Josef la Bucureşti, în 1896, sau a lui Carol I la Sankt-Petersburg, în 1898. În contextul vizitei din 1898, diplomaţia rusă a salutat reacţia energică a guvernului faţă de manifestarea de „iredentism românesc" organizată la Iaşi cu prilejul unui spectacol de la Teatrul Naţional, la care au participat anumiţi reprezentanţi ai Statului Major român[114]. În aceeaşi serie de evenimente, se înscrie şi polemica din jurul broşurii „antiruse" a lui Dimitrie Sturdza, *L'Europe, la Russie et la Roumanie*, care, pe lângă manipularea în luptele politice din Regat, a servit şi la discreditarea parţială a prim-ministrului român în cercurile din Sankt-Petersburg[115].

Discuţii şi concluzii

Relaţiile româno-ruse în perioada discutată s-au înscris în cadrul general al raporturilor internaţionale, al jocurilor de putere dintre marile state europene, în special al interacţiunii acestora în regiunea balcanică. Analizând informaţiile din documentele publicate şi confruntându-le cu alte surse privitoare la situaţia politică din fosta „Turcie europeană", se poate observa că politica Rusiei faţă de România a fost determinată în mare parte de evoluţia relaţiilor Imperiului cu alte Mari Puteri, în special cu Austro-Ungaria şi Germania. Astfel, momentele tensionate din raporturile dintre Rusia şi Austro-Ungaria, din timpul crizelor bulgară şi sârbă, şi-au găsit reflectarea şi în disensiunile diplomatice ruso-române. În mod similar, detensionarea relaţiilor internaţionale în regiune (de pildă, încheierea acordului ruso–austro-ungar în 1897) a condus la o anumită destindere în contactele dintre cele două state.

Imaginea fluctuantă a României în rapoartele diplomaţilor ruşi din Regat, de la sfârşitul anilor 1880 şi din anii 1890, provocată de viziunile deseori diferite ale autorilor asupra unor aspecte concrete ale politicii externe ruse şi, mai ales, de modul în care puteau fi atinse anumite obiective în relaţia cu statul român, impune o contextualizare a informaţiilor din aceste surse. S-ar cuveni, de pildă, ca acestea să fie comparate cu alte documente din epocă, inclusiv cu rapoarte aparţinând diplomaţilor de altă naţionalitate, acreditaţi la Bucureşti.

Chiar dacă opiniile şi concluziile diplomaţilor ruşi din România exprimă deseori un anumit consens (mai ales în chestiuni esenţiale ale politicii externe ruse), există totuşi diferenţe majore privind modul de interpretare a unor realităţi româneşti şi a politicii externe a Regatului. Aceste divergenţe se referă, de exemplu, la orizontul ideologic al elitei politice româneşti, la sistemul politic, la rolul regelui Carol I, la statutul Bisericii Ortodoxe, la contactele

[114] Documentul 79 din 1 mai 1898. Îngrijorarea trimisului rus a fost provocată, printre altele, de menţionarea Basarabiei printre provinciile înstrăinate, dar şi de organizarea evenimentului la Iaşi, „în apropierea graniţei" ruseşti.

[115] A se vedea detalii în documentul 83 din 5 august 1898.

strânse cu lumea germană etc. Comparând rapoartele aparținând lui M. Hitrovo cu cele semnate de N. Fonton, nu se poate trece cu vederea că în cele dintâi se recurge constant la formule inspirate din scrierile curentului conservator-panslavist. Ultimele însă, chiar dacă nu sunt lipsite de priviri critice asupra României (în general) şi a politicii sale externe (în particular), au ca dominantă o analiza mai degrabă aplicată, chemată să informeze decidenții de la Sankt-Petersburg şi să-i ajute în luarea unor decizii adecvate.

Privite în contextul general al dezbaterilor din mediile diplomatice şi din publicistica rusă din perioada respectivă – de pildă, al redefinirii relațiilor cu Austro-Ungaria şi Germania, al discuțiilor privind încheierea unei alianțe cu Franța, sau în cel al crizelor ciclice din Balcani –, sursele publicate în acest volum arată că atitudinile deseori contradictorii ale diplomaților ruşi din România sunt expresii fireşti ale schimbărilor de strategie din politica externă rusă, aflată atunci în faza de tranziție de la abordările specifice *Realpolitik*-ului la cele cu o încărcătură ideologică mai puternică. Acest lucru poate fi urmărit, în special, pe exemplul dezbaterilor privind politica de alianțe a Rusiei, din care nu lipseşte nici Regatul Român. „Revoluția diplomatică", reflectată în Rusia anilor 1880-1890 în creşterea importanței „partidei naționale", a contribuit semnificativ la îndepărtarea treptată a țării de cele două imperii central-europene, în schimbul unei apropieri de Franța, chiar dacă o alianță bazată pe solidaritatea monarhică ar fi părut, judecând din perspectiva deceniilor anterioare, mult mai firească. Expresia plastică a acestei schimbări paradigmatice în politica externă a Rusiei se regăseşte, printre altele, în sintagma atribuită lui Alexandru III: „Nu putem avea o altă politică, decât o politică rusă autentică, națională; o altă politică nu poate şi nici nu trebuie să existe"[116].

Această schimbare fundamentală în politica externă este consonantă cu tendințele similare de transformare din domeniul politicii interne. În opoziție cu scenariile reformatoare şi de raționalizare a aparatului de stat promovate de guvernul lui Alexandru II, succesorul său urmează o traiectorie „naționalizantă". Aceasta presupunea, pe de o parte, repudierea modelului occidentalizant inaugurat de Petru I şi reabilitarea ideologică a moştenirii statului moscovit premodern; şi, pe de altă parte, introducerea unor elemente ale naționalismului rus în legitimarea oficială a regimului[117]. Fără îndoială, această modificare nu este nici imediată, nici univocă. Ea îşi are începutul în anii 1860 şi este deseori legată, în istoriografie, de impactul revoltei poloneze din 1863-1864, care a afectat profund opiniile elitelor ruse privind legătura dintre politica internă, externă şi loialitatea periferiilor neruse. Continuitatea dintre anii 1860 şi 1880 este simbolizată de figura emblematică a lui Mihail Katkov, unul dintre cei mai activi publicişti naționalişti ruşi şi un ideolog proeminent al regimului până la moartea sa, în 1887[118]. Katkov rivaliza, în acest sens, cu Konstantin P. Pobiedonoştev,

[116] Apud *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, p. 264.

[117] Wortman, *Scenarios of Power*, mai ales capitolele 5 şi 7.

[118] Martin Katz, *Mikhail N. Katkov: A Political Biography, 1818-1887*, New York, Mouton, 1966.

întruchipând o viziune modernă a naţionalismului rus, în contrast cu conservatorismul tradiţionalist al celui dintâi. Spre deosebire de Pobiedonosţev însă, Katkov a articulat o agendă destul de consistentă şi în domeniul politicii externe, după cum am arătat mai sus. Totuşi, dominaţia curentului „naţionalizant" în diplomaţie a fost mereu doar relativă, din cauza solidarităţii corporative a diplomaţilor de „şcoală veche" şi a imposibilităţii dislocării lor din poziţiile-cheie ale corpului diplomatic. Până la urmă, la sfârşitul secolului XIX, politica externă rusă se dovedea oscilantă, ezitând între cele două curente.

Trecând la următorul nivel al comparaţiilor, am putea spune că actele publicate în acest volum reprezintă piese documentare importante pentru cercetarea modului în care factorul ideologic a perturbat, iar apoi a dislocat sistemul relaţiilor internaţionale bazat pe „balanţa de putere", sau „echilibrul european"[119]. Acesta a fost preludiul eşecului definitiv al diplomaţiei în aplanarea diferendelor dintre actorii principali ai scenei politice europene. Mişcările tectonice din câmpul diplomaţiei, care au condus, în ultimă instanţă, la constituirea şi impunerea a două blocuri ireconciliabile – Antanta şi Tripla Alianţă (Puterile Centrale) – au fost explicate şi prin „revoluţia diplomatică" din ultimele decenii ale secolului XIX şi anii de început ai secolului XX. La originea acestei „revoluţii" s-au aflat cauze cum ar fi: geneza opiniei publice, creşterea importanţei presei, apariţia unor noi canale de comunicare, afirmarea unor noi lideri politici, scăderea rolului diplomaţilor de carieră în luarea deciziilor[120]. Cumulaţi, toţi aceşti factori au condus la ideologizarea diplomaţiei, aspect ce devine o dominantă a relaţiilor internaţionale în întreg secolul XX.

Flavius Solomon, Andrei Cuşco

[119] Jacques-Alain de Sédouy, *Le concert européen. Aux origines de l'Europe, 1814-1914*, Paris, Fayard, 2009; Jennifer Mitzen, *Power in Concert. The Nineteenth-Century Origins of Global Governance*, Chicago, The University of Chicago Press, 2013.

[120] Gordon A. Craig, Alexander L. George, *Force and Statecraft: Diplomatic Problems of Our Time*, New York, Oxford University Press, 1985, p. 286. Pentru o discuţie a teoriei lui Craig şi George, aplicată pe un studiu de caz: Flavius Solomon, Andrei Cuşco, *How much Ideology can Diplomacy Endure? The Early Phase of Soviet-Romanian Relations, November 1917 – February 1918* (în curs de publicare).

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В РУМЫНИИ (1888-1898). ВВЕДЕНИЕ

Предварительные соображения

Наряду с австро-венгерскими, германскими, французскими, британскими и османскими документами, российские дипломатические акты конца XIX – начала XX вв., продолжают оставаться, даже по прошествии века с момента первых публикаций[1], важным ориентиром для любого исследования по истории великих держав, их взаимоотношений, взаимодействия с малыми государствами и международных отношений на региональном уровне, например, на Балканах. Хотя это может показаться удивительным, принимая во внимание довольно интенсивную издательскую деятельность последних десятилетий[2], публикация и введение в научный оборот этой категории российских архивных источников остаются крайне актуальными. В вышедшей в 1988 г. работе, рекомендованной для изучения на исторических и архивных факультетах в Российской Федерации[3], А.В. Георгиев, помимо прочего, обратил внимание на то, что всё ещё недостаточное использование документов из архивов бывшего Министерства иностранных дел Российской империи объясняется отсутствием «методов извлечения» и интерпретации сведений, содержащихся в этой категории источников[4].

Подобно другим Великим державам, Российская империя, начиная с конца XVIII в., развила сложную сеть зарубежных представительств, состоявшую к началу XX в. из *посольств*, *миссий*, *дипломатических агентств* и *политических агентств*, и охватывавшую, с точки зрения географии, большую часть мира, от Австралии до Африки и от Ближнего Востока до тихоокеанского побережья Северной Америки[5]. Как и в случае

---

[1] В этой связи см. «цветные книги», публиковавшиеся во многих странах, начиная с XIX века.

[2] Наиболее известной в этом смысле попыткой безусловно является многотомное издание «Международные отношения в эпоху империализма», состоящее из трёх серий.

[3] Георгиев А.В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия // История СССР, 1988. № 4. С. 135–149.

[4] Там же. С.135.

[5] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). Ред. колл.: В. А. Емец и др. М., 1997. С. 68–70.

центрального аппарата Министерства иностранных дел, роль зарубежных консульских и дипломатических представительств была определена в «Учреждении Министерства иностранных дел» 1868 г. и сводилась, в значительной мере, к выполнению инструкций и распоряжений министра, оказанию помощи и поддержки российским подданным, сбору сведений и составлению отчётов о событиях и ситуации в странах, в которых они находились[6]. Последний вид деятельности российских дипломатов за границей нашёл отражение во внушительном числе документов, в настоящее время хранящихся в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве. Хотя с формальной точки зрения официальной номенклатуры, дипломатические акты делились на *депеши*[7], *донесения*, *официальные письма* и *телеграфные сообщения*, в реальности, очень часто, различия между первыми двумя категориями были слабо уловимы, в том числе и самими авторами и получателями такого рода документов[8]. Это также объясняется и тем, что в российской дипломатической практике подобного рода документы не различались даже с точки зрения типовой формы[9].

В этом смысле не представляют исключения и документы, составленные официальными представителями Российской империи в Румынии в конце XIX – начале XX веков. Например, в большинстве своём, сведения о конкретных аспектах политической повседневности Румынского королевства, были интегрированы в более широкие рамки, в которых преобладали рассуждения о международном контексте и внешней политике Румынии. Подобными по структуре и содержанию были официальные письма, с той лишь разницей, что в период после 1887 г. они продолжали редактироваться на французском языке, в отличие от донесений, написанных в подавляющем большинстве по-русски[10]. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, мы будем пользоваться для опубликованных в этом сборнике документов общим термином *донесение*, и, соответственно, *дипломатическое донесение*.

Возвращаясь к утверждению Георгиева, о котором шла речь выше, на примере российских дипломатических донесений из Румынии в конце 1880-х – 1890-х гг., мы можем выявить множество трудностей в деле

[6] Георгиев А. В. Указ. соч. С. 136.

[7] Изначально, короткие дипломатические обзоры. С изобретением телеграфа все отношения, переданные этим путём, стали называться *депешами*.

[8] Там же.

[9] Согласно официальным предписаниям, *депеши* содержали сведения о внутриполитической жизни страны, в которой находились российские дипломаты, в то время как *донесения* должны были относиться к аспектам внешней политики. Обе категории документов содержали одни и те же идентификационные элементы: дата и место составления; исходящий номер; официальный статус автора; имя получателя; заключительная формулировка; подпись.

[10] О введении русского языка в донесениях дипломатических представителей Российской империи см. далее.

«извлечении» сведений из этих источников, а также их интерпретации. В первую очередь, с точки зрения фактологии, донесения становятся по-настоящему полезными исследователю, только при анализе в более широком контексте и при сравнении их с другими источниками подобного рода (например, похожими документами, составленными германскими, австро-венгерскими или французскими дипломатами, аккредитованными в рассматриваемый период в Румынии), румынскими официальными актами и статистикой, воспоминаниями, статьями в прессе и т.д. Другой ключ к как можно более корректному прочтению русских дипломатических донесений необходимо искать на уровне истории российской дипломатии последней четверти XIX в., и тех методов, к которым прибегали различные группировки из центрального аппарата и дипломатических представительств в их отношении к противостоянию различных идеологических подходов к сути внешней политики, направлениям и политическим стратегиям во взаимоотношениях с другими государствами. В том же интерпретативном ключе, крайне важно понимать как формировалось мировоззрение авторов документов и их идеологическая позиция в дискуссиях о политике России на Балканах после Берлинского конгресса.

Исходя из этих предварительных замечаний, источники, опубликованные в этом сборнике, могут открыть широкую перспективу того, каким образом российские дипломатические представители в Румынии[11] участвовали в процессе выработки Российской империей политики на Балканах, в целом, и в Румынии в частности. Сопоставление сведений и рекомендаций, сформулированных русскими дипломатами в Бухаресте и Яссах (в случае консула А. А. Гирса), в донесениях, отправленных в адрес Министерства иностранных дел, с решениями, принимаемыми на центральном уровне в той или иной ситуации, может выявить важные нюансы в понимании механизмов принятия внешнеполитических решений в Российской империи в десятилетия накануне Первой мировой войны. Другая плоскость интерпретации опубликованных документов относится к ещё мало обсуждавшейся историками проблеме того, каким образом российские дипломаты внесли вклад, благодаря своим донесениям и письмам, в формирование образов Румынии в политической среде империи и того, как эти зачастую стереотипные, но постоянно меняющиеся, образы, способствовали выработке позиции России по отношению к Румынии. Обсуждаемые в контексте историографических дебатов об истоках, возникновении и развязывании «великой войны», донесения российских дипломатов в

[11] О некоторых деталях их биографий, в том числе основанных на румынском документальном материале: Ceobanu A.-B. *Diplomaţi ruşi la Curtea Regelui Carol I // Cultură, politică şi societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României* / Coord. Gheorghe Cliveti, Adrian-Bogdan Ceobanu, Ionuţ Nistor. Iaşi, 2011. P. 145-161.

Румынии 1878–1916 гг. представляют собой насыщенную хронику эволюции образа Румынии в русской политической среде от враждебной страны, очень тесно связанной с Австро-Венгрией и Германией до государства, которое, благодаря своей истории и интересам, «естественно» принадлежит к союзу, в котором состоит и Россия.

Внешняя политика России в 1880–1890 годы. Общий контекст, идеология и механизмы принятия решений

После Берлинского конгресса 1878 г. политическая ситуация на европейском континенте характеризовалась в первую очередь ростом влияния Германии и Австро-Венгрии, связанных с 1879 г. двусторонним договором, эволюционировавшим с присоединением Италии в 1882 г. в *Тройственный союз*. Создание этого военно-политического блока, позднее трансформировавшегося в центр притяжения для других государств, имело прямое влияние и на положение России в Европе во второй половине 1880-х – первой половине 1890-х годов. Относительная изоляция империи Романовых в упомянутый период была обусловлена не только отсутствием дипломатических решений, соответствующих изменениям на сцене международной политики, но и внутренними проблемами, включая всё большее экономическое и военное ослабление России перед лицом основных европейских конкурентов. Показательно в этом отношении, например, мнение Николая Карловича Гирса об общем состоянии России, сформулированное в письме послу России в Великобритании в начале января 1879 г.: «Наша слабость по сравнению с нашими противниками заключается, главным образом, в том, что, как известно, наши финансы истощены. В связи с этим лучшее средство для того, чтобы вновь стать достаточно сильными и иметь возможность импонировать нашим противникам, заключается в восстановлении нашего финансового равновесия, а для этого прежде всего необходимо избегать бесполезных и неуместных осложнений»[12].

Хотя часть публицистов, некоторые круги при императорском дворе и важные сановники в Министерстве иностранных дел желали пересмотра результатов Берлинского конгресса и требовали большего вмешательства России в европейские дела, в особенности на Балканах, общее направление политики, ставшее результатом конкуренции двух внешнеполитических тенденций, было нацелено на обеспечение империи необходимой передышки для разрешения внутренних проблем[13]. Для достижения этой цели, по инициативе Гирса, представителя умеренного

[12] Цит. по: Вяземская Е. К., Данченко С. И. Россия и Балканы. Конец XIX в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография). Обзор. М., 1990. С. 171. О влиянии финансово-экономического положения на внешнюю политику России: История внешней политики России. Вторая половина XIX века / Ред. колл. А. В. Игнатьев и др. М., 1999. С. 23–36.

[13] История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 220–221.

течения в Министерстве иностранных дел, назначенного министром императором Александром III в апреле 1882 г. вместо Николая Павловича Игнатьева, рьяного сторонника активного вмешательства России в европейские дела, было инициировано зондирование почвы для заключения договоров о согласии или ненападении с другими великими державами[14]. Приоритетом в этом отношении считалось сближение с Германией, которой российская дипломатия предназначала и роль посредника в сношениях с Австро-Венгрией, в особенности в деле согласования точек зрения на развитие событий в балканском регионе. Хотя некоторые уступки, сделанные Германии и Австро-Венгрии, вызвали бурную реакцию партии, поддерживавшей самостоятельную активную политику России на Балканах, в июне 1881 г. Александр III согласился подписать договор, по которому фактически восстанавливался Союз трех императоров[15].

Помимо сохранения каналов связи с Германией и Австро-Венгрией, сближение с Францией стало другим приоритетом министерства Гирса. Установление с ней максимально тесных отношений встало на повестку дня во время болгарского кризиса, когда Россия была вынуждена признать, что чрезмерное сближение с Германией таит больше рисков, чем реальной выгоды. Хотя Российская империя имела, подобно Франции, значительные интересы на Востоке, в отношениях между двумя странами не существовало острых спорных вопросов, которые могли бы помешать тесному сотрудничеству. Более того, сближение Франции и России стимулировалось взаимным желанием ослабить позиции Великобритании и Австро-Венгрии, с которыми обе страны оспаривали первенство в различных зонах с высоким конфликтным потенциалом. Поэтому, в 1886–1887 гг., российская дипломатия действовала в направлении сближения с Францией, несмотря на то, что параллельно предпринимала попытки сгладить немецкие опасения относительно возможности заключения русско-французского союза[16]. На фоне роста недоверия к Германии, с одной стороны, и жестов открытости Франции по отношению к России, с другой, в течение трёх лет происходили зондирование почвы и переговоры относительно возможности и условий

[14] Там же.

[15] Там же. С. 226–239; Schöllgen G. *Deutsche Außenpolitik. Von 1815 bis 1945.* München, 2013. S. 47–51; Bridge F.R. *From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866-1914*. L.; Boston, 1972. P. 103–153; Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974. С. 195–199. Текст договора см.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917 / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1952. С. 228–231.

[16] Для этого в июне 1887 г. был заключён на трехлетний срок российско-германский договор, который предусматривал сохранение нейтралитета двумя странами в случае нападения на них третей стороны (История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 271).

заключения политического соглашения между двумя странами[17]. Результатом этих контактов стало подписание 5/17 августа 1892 г. проекта военной конвенции, основанной на гарантиях взаимопомощи в случае нападения государства члена Тройственного союза. Эта конвенция вступила в силу в начале января 1894 г. и заложила основу русско-французского союза[18].

После смерти Александра III и восшествия на трон Романовых, осенью 1894 г., Николая II, внешняя политика России не претерпела немедленных изменений, хотя представители «национальной» партии в Министерстве иностранных дел продолжили получать новые должности[19]. Таким образом, до первых лет XX в. Россия была и дальше озабочена в большей степени поддержанием европейского равновесия, особенно на Балканах, полагая, что активная политика будет возможна только после возрождения военного потенциала, и особенно после создания сильного флота на Чёрном море. Результатом этой осторожной политики стало и заключение в 1897 г. договора с Австро-Венгрией, подтвердившего *status quo*, сложившийся на Балканах после болгарского кризиса[20].

Восстановление Союза трех императоров и заключение военной конвенции с Францией не были единственными элементами, к которым апеллировала Россия, чтобы снизить риски международной изоляции. Поскольку отношения других Великих держав, особенно Австро-Венгрии и Германии, к России по большей части зависели от того, каким образом империя Романовых участвовала в балканских делах, Гирс распорядился в инструкциях, отправленных русским представителя в балканских странах, избегать любых жестов, которые могли бы быть интерпретированы Австро-Венгрией и Германией как угроза равновесию на Балканах. Показательна в этом смысле докладная записка Александра Ивановича Нелидова[21], написанная в июле 1886 г. и утвержденная императором, в которой он настаивает на осторожном отношении к балканским делам, в согласии с европейским «концертом»[22], а также изданный в ноябре того же года циркуляр Гирса, согласно которому представителей России в европейских столицах уведомляли о том, что все дипломатические действия должны оставаться в рамках соглашений, заключенных империей[23].

[17] Там же.

[18] Там же. С. 259-296; Киняпина Н. С. Внешняя политика России… С. 213–221. Проект соглашения см.: Сборник договоров России. С. 281–282.

[19] История внешней политики России. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). С. 91-112.

[20] Там же. С. 188-196. Сборник договоров России. С. 303-308.

[21] На тот момент посол в Константинополе.

[22] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. I. 860-1917 гг. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2002. С. 456. См. подробно: Золотухин М. Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888). М., 1993. С. 150 и далее.

[23] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. I. С. 458.

Вопреки ожиданиям, выжидательная политика привела к ослаблению позиции России на Балканах. Первая неудача случилась во время болгарского кризиса, когда русская дипломатия не смогла адекватно отреагировать на восстание в Восточной Румелии и на вооруженный конфликт между Болгарией и Сербией, вследствие чего Российская империя была вынуждена признать себя побеждённой, на какой-то момент, в споре с Двуединой монархией и Великобританией за первенство в балканских делах. Одним из немедленных результатов провальной политики России на Балканах стал разрыв дипломатических отношений с Болгарией[24]. В то время как Россия после Берлинского конгресса стремительно теряла влияние на Балканах, практически утратив и моральный авторитет, обеспеченный войной с Османской империей, Австро-Венгрии и Германии удалось, в свою очередь, привлечь государства Юго-востока Европы в своё поле притяжения. В начале 1890-х гг. к старым очагам конфликта прибавилась и Македония, где борьба шла не только между течениями, поддерживаемыми балканскими государствами, но и между дипломатиями великих держав[25]. Политика заключения союзов, отношения с другими европейскими державами и все более частые дипломатические неудачи, сопровождались горячими дебатами во влиятельных петербургских кругах. Эти дебаты оказали прямое воздействие на соотношение сил между различными группами интересов и влияния в российском политико-дипломатическом аппарате, приведя к укреплению в Министерстве иностранных дел позиций партии, боровшейся за активную политику на Балканах, представленной, одно время, Иваном Алексеевичем Зиновьевым, начальником Азиатского департамента. Находившемуся в близких отношениях с Михаилом Никифоровичем Катковым, редактором газеты «Московские Ведомости», одним из влиятельных критиков внешней политики Гирса[26], в конце 1886 – начале 1887 гг., Зиновьеву удалось убедить императора Александра III, не спешившего разрешить спор о принципах российской внешней политики, в необходимости прямого вмешательства в борьбу между различными болгарскими партиями, в том числе путем оказания финансовой поддержки русофильской партии[27]. Хотя Гирсу удалось сохранить министерскую должность до своей смерти в 1895 г.[28], он был вынужден

[24] Киняпина Н. С. Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994. С. 64 и далее; Она же. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 240–254.

[25] Киняпина Н.С. Балканы и Проливы… С. 149-150.

[26] Хевролина В. М. Болгарский вопрос в российской общественной мысли 80-х годов XIX века (И. С. Аксаков, М. Н. Катков, С. С. Татищев) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 3–15.

[27] История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 254.

[28] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. Биографии министров иностранных дел 1802–2002 / Отв. ред. А. Ю. Мешков. М., 2002. С. 143–155.

принять существование внутри МИДа сильной оппозиции по отношению к своей осторожной политике в балканском вопросе[29].

Болгарский кризис дал консервативному крылу российского политико-дипломатического аппарата хороший повод перенести закулисные споры из кулуаров на страницы ведущих газет и журналов Санкт-Петербурга и Москвы. Хотя, на первый взгляд, два подхода, консерваторов славянофилов и соответственно «либералов» и умеренных, казались непримиримыми, в реальности между ними существовали линии соприкосновения. Так, представители «национализаторского» течения в публицистике относительно внешней политики России и течения *Realpolitik* разделяли схожие концепции в вопросах о стратегических направлениях внешней политики, а различия во мнениях проявлялись в вопросах тактики, используемой для достижения главных целей. Так же существовали и крупные разногласия во взглядах на роль внешней политики в жизни империи. В то время как первое течение видело в – утверждении агрессивной внешней политики эффективное средство системной консолидации империи, второе поддерживало призыв к активной внешней политике с целью создания благоприятных условий для развития России по западному образцу[30].

Среди основных внешнеполитических тем в 1880-1890 гг., лучший пример для сравнительного исследования двух конкурирующих подходов относительно направления развития России и её места в системе международных отношений, несомненно, представляет восточный вопрос, обсуждавшийся в русской публицистике с двух точек зрения (религиозной/философской/цивилизаторской и опиравшейся на принципы политического реализма), продолжая традицию жарких дебатов предыдущих десятилетий. С одной стороны, консервативно-славянофильское течение[31] видело в разрешении, в желательном для России ключе, восточного вопроса (прежде всего, в смысле захвата Константинополя) путь к утверждению исключительной исторической роли империи Романовых и *славянства*, чётко обозначая таким образом очень ясно линию разграничения по отношению к вероятным противникам «славянско-православного мира», особенно к «германскому миру». С другой стороны, либеральное течение[32], более идеологически разнородное, делало акцент на

[29] История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 255-258; Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов / Составитель П. Павлович. М., 1935.

[30] Хевролина В. М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. С. 12–51, 57–99, 199–291, 310; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 302–343.

[31] Наряду с М. Н. Катковым, наиболее известными представителями этого течения в исследуемый период считались И. С. Аксаков; Н. Я. Данилевский; К. Н. Леонтьев; С. С. Татищев; С. Ф. Шарапов; В. И. Ламанский.

[32] Среди них М. И. Венюков; В. А. Гольцев; В. П. Данилевский; Л. А. Камаровский.

достижении конкретных целей внешней политики, в контексте адаптации западного опыта, который мог бы оказаться полезным для модернизации империи[33].

Отказ императора Александра III от либерально-реформаторских элементов политики своего отца, Александра II, привёл в среде русской политико-дипломатической элиты к разрушению хрупкого равновесия между этими двумя течениями, предоставив в последствии преимущество сторонникам консервативно-славянофильского направления. Относящаяся ещё к временам Николая I синтагма «православие, самодержавие, народность», нашла новый отклик не только в ограничительных внутриполитических мерах, но и во взглядах на внешнюю политику. Александр III озабочен возвращением России доминирующего положения в европейской политике и был убеждён в том, что это возможно только при условии его непосредственного участия в принятии решений. В следствии, как и в случае большинства европейских монархов, он ввёл личный контроль за деятельностью министра иностранных дел, его заместителей и дипломатических представителей империи. В ту эпоху была общеизвестна, например, его страсть к чтению дипломатической корреспонденции[34].

Хотя Александр III, по исключительно прагматичным соображениям, и назначил Гирса министром иностранных дел (дипломата, далеко не чувствительного к новым идеологическим веяниям, исходящим от императорского двора), он зачастую использовал различные стратегические приёмы, включая символические, призванные отметить постановку дипломатии на службу своей «национальной» политике. Среди принятых в этом духе мер, значилось, например, распоряжение за январь 1887 г. перевести дипломатическую переписку с французского языка на русский[35]. С другой стороны, способ организации и функционирования Министерства иностранных дел базировался на традиции квази-автономии в рамках властных структур империи и определялся практической невозможностью отказаться от услуг некоторых кадровых дипломатов, весьма влиятельных в русской властной среде и за границей. Это заставляло Александра III и его преемника Николая II искать *modus vivendi*, который бы соответствовал идеологическим веяниям времени и ожиданиям «общественного мнения», выражавшихся консервативным славянофильским течением, но, в то же время, и обеспечивал бы слаженное функционирование дипломатического аппарата на центральном уровне и в зарубежных представительствах.

[33] Хевролина В. М. Власть и общество. С. 312.

[34] История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 19–21.

[35] История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 21; Очерки истории Министерства иностранных дел России. Том первый. С. 460. Французский язык всё же продолжал использоваться частью старшего поколения дипломатов, а также в случае донесений о дискуссиях российских представителей с иностранными дипломатами или в «частной переписке».

Поэтому, к концу 1880-х и в 1890-е гг. деятельность российского политико-дипломатического аппарата характеризовалась, с одной стороны, традициями и практиками прошлых десятилетий, а, с другой – ростом участия монархов и внешним влиянием на процесс принятия решений[36].

В анализируемый период, структура политико-дипломатического аппарата Российской империи представляла собой пирамидальную конструкцию, крайне сложную изнутри, на вершине которой находился император и которая расширялась к основанию, охватывая Государственный совет, Комитет министров, различные министерства (с особым акцентом на Министерстве иностранных дел), различные департаменты и комитеты в рамках министерств, администрации окраинных губерний и т.д. Также важная роль в принятии решений принадлежала и различным комиссиям, созванным *ad hoc*[37]. Кроме строго институционального аспекта, при анализе механизмов обсуждения и принятия решений необходимо иметь в виду также способ взаимодействия различных групп влияния, оспаривавших первенство при императорском дворе, в среде МИДа или в зарубежных представительствах империи. Во многих ситуациях, чрезмерная вовлеченность императора в принятие решений и закулисные маневры влияли на слаженное функционирование учреждений, ответственных за выработку и осуществление внешней политики, приводили к назначению на ключевые должности людей с неподходящей подготовкой, что заметно сказывалось на единстве и преемственности внешней политики[38].

Рассматриваемая изнутри, деятельность персонала МИДа (центральное отделение в Санкт-Петербурге, архив, дипломатические представительства) осуществлялась в учреждениях с недостаточно ясно определенными функциями или нагруженными чрезмерной бюрократической деятельностью, в атмосфере, часто отмеченной клиентелизмом и борьбой

[36] История внешней политики России. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). С. 60 и далее.

[37] Там же. С. 60–61.

[38] Роль императора в определении направления внешней политики и принятии решений значительно выросла при Николае II. Хотя формально документы, касавшиеся внешней политики империи, должны были скрепляться второй подписью, чтобы вступить в силу, последняя не обязательно должна была принадлежать министру иностранных дел. Это законоположение Николай II использовал, между прочим, в 1905 г., когда уговорил морского министра А. А. Бирилёва контрассигновать в Бьёрке секретный союзный договор с Германией (Там же. С. 62). Как и Александр III, Николай II охотно читал дипломатическую корреспонденцию. В своём *Дневнике*, ссылаясь на 1895 г., Владимир Николаевич Ламсдорф вспоминал, например, показательный случай, когда император тщательно скорректировал донесение из Бухареста российского посланника Фонтона: «Возвращая бумаги, прибывшие с почтой, государь воздерживается от всяких помет; в то же время его величество взял на себя труд исправить многочисленные орфографические ошибки, имеющиеся в написанном по-русски письме Фонтона (посланника в Бухаресте); исправления сделаны на полях, как это обычно принято в школе!» (Ламздорф В.Н. Дневник. 1894-1896. Изд. И.А. Дьяконова. М., 1991. С. 134).

за влияние. Традиционно, Канцелярия, считавшаяся лабораторией идей министерства, была настоящей вотчиной министра, где неоднократно находили место люди из его близкого круга. С другой стороны, Азиатский департамент, название которого было связанно с историческими соображениями, а не географическими причинами, отвечал за политические и прочие сношения с большинством государств, с которыми Россия имела дипломатические или консульские связи. С середины 1880-х гг., в контексте болгарского кризиса, Азиатский департамент постепенно трансформировался в альтернативное «министерство», которое добивалось особых полномочий в управлении восточным вопросом[39]. Во время пребывания в должности министра Гирса, разногласия относительно фундаментальных вопросов русской внешней политики привели к определенной «автономизации» не только в среде центрального аппарата, но и в деятельности некоторых дипломатов, аккредитованных в европейских государствах. Например, хорошо известен факт, что зачастую послы, такие как А. И. Нелидов (в Константинополе), А. П. Моренгейм (в Париже) или П. А. Шувалов (в Берлине) зачастую игнорировали министерские инструкции и действовали по своему усмотрению[40].

Российская империя и Румынское королевство в 1888–1898 гг. в донесениях русских дипломатов из Румынии. Общий обзор

Русско-румынские отношения последних двух десятилетий XIX в., анализировавшиеся российскими и румынскими историками в различных обобщающих трудах, монографиях, диссертациях и специализированных исследованиях[41], не могут быть достаточно хорошо поняты во всей своей сложности без обращения к их краткой «предыстории» – периоду войны 1877–1878 годов. Требование возврата России южных уездов Бессарабии и подтверждение на Берлинском конгрессе их передачи Российской империи в обмен на Добруджу, полученную Румынией за счет Османской империи, способствовало формированию у румынской политической и интеллектуальной элиты образа России, постоянно питаемого страхами и беспокойством, что станет психологическим барьером на пути к установлению отношений, основанных на доверии[42]. Хотя Россия после

[39] История внешней политики России. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). С. 70.

[40] История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 263.

[41] Здесь можно упомянуть в качестве историографического и археографического ориентира: Агаки А. С. Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в. Кишинёв, 1976. Ceobanu A.-B. *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse (1878-1893). Teză de doctorat*. Iaşi, 2013.

[42] Виноградов В. Н. Бессарабия – камень преткновения в российско-румынских отношениях // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / Ред. колл. В.Н. Виноградов и др. М., 1994. С. 11–54; Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семёнова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрёстке Европейской дипломатии.

1878 г. попыталась устранить этот настоящий «камень преткновения»[43] а русским дипломатам в Бухаресте требовалось постоянно посылать румынским властям сигналы примирения[44], проблемы двусторонних отношений, ставшие следствием войны 1877–1878 гг. были весомыми, даже если не решающими, в деле ориентации Румынии на Германию и Австро-Венгрию, материализовавшийся в 1883 г. в присоединение к Тройственному союзу[45]. В годы болгарского кризиса[46] и во время смены румынского правительства в 1888 г., к этому «наследству» добавились новые страхи, которые будут интенсивно освещаться российскими дипломатами в Румынии в своих донесениях в Министерство иностранных дел. По сути, сведения из опубликованных в этом сборнике документов раскрывают напряжённое состояние двусторонних отношений в конце XIX в., в особенности до 1893 г.

Хотя в некоторых донесениях, раздражение, порожденное в Румынии решением Берлинского конгресса о передачи трех южных уездов Бессарабии Российской империи, ставится под сомнение, позиция русских дипломатов по вопросу о причинах, которые привели к ухудшению отношений двух стран, радикально отличались от точек зрения политиков и публицистов в Румынии. Ещё более заметны, при внимательном взгляде, существенные различия восприятия румынских реалий и связей между двумя странами среди самих русских дипломатов. Например, в донесении Гирса из Ясс от 10 ноября 1894 г. Григорий Вентура, в то время ясский префект, обвинён во враждебном отношении к России[47]. Но месяцем позже, 7 декабря, в донесении Фонтона тот же высокопоставленный служащий рекомендован властям в Санкт-Петербурге для награждения орденом Св. Станислава I степени именно за услуги, оказанные России[48].

Документы и материалы. М., 1996 С. 119-167; Ceobanu. *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse*. P. 52 и далее.

[43] Виноградов В. Н. Бессарабия – камень преткновения…

[44] Киняпина Н. С. Балканы и Проливы… С. 44-45. В этом смысле нужно понимать и министерские инструкции, которые периодически посылались русским дипломатам в Бухаресте.

[45] Damean S. L. *Carol I şi politica externă a României (1866-1914) // Cultură, politică şi societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României*. Coordonatori Gheorghe Cliveti, Adrian-Bogdan Ceobanu, Ionuţ Nistor. Iaşi, 2011. P. 59 и далее; Ceobanu. *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse*. P. 107–114; Cristescu S. *Carol I şi politica României (1878-1912)*. Bucureşti, 2007. P. 11-31; Binder-Iijima E. *Jahre der Entscheidungen: Weichenstellungen in den rumänisch-deutschen Beziehungen 1866–1871–1914 // 130 ani de relaţii diplomatice româno-germane* / Ed. F. Solomon, P. M. Kreuter. Supliment al Anuarului Institutului de Istorie A. D. Xenopol. XLIX. 2012. P. 51–74. Dinu R. *King Charles I and decision making process in the Romanian foreign policy before the first world war //* Dinu R. *Studi Italo-Romeni. Diplomazia e società, 1879-1914*. Seconda edizione. Bucureşti, 2009. P. 185-210.

[46] Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*. Bucureşti, 2012. P. 107–113.

[47] Док. № 53 от 21 ноября 1894 г.

[48] Док. № 54 от 7 декабря 1894 г.

Для понимания подоплёки этих (как и многих других) различий в подходах в донесениях российских дипломатов из Румынии в исследуемый период, относительно одних и тех же людей и событий, необходимо не только рентгенографическое изучение всего русского дипломатического корпуса последней четверти XIX - начала XX вв., но и проникновение во вселенную личного воображения составителей документов, опубликованных в этом сборнике.

Подбор и назначение на дипломатические должности в рамках центрального аппарата МИДа или зарубежных дипломатических представительств, представляет собой крайне интересную и ещё не достаточно изученную главу в истории Российской империи в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, не только с точки зрения истории дипломатии, но и социальной истории, а также истории ментальности. Важной характеристикой русского дипломатического корпуса, чётко отличавшей его от других министерских структур, был его квази-автономный характер, определявшийся, в том числе, социальным происхождением его членов. Это справедливо и в отношении дипломатического корпуса в иностранных представительствах, сформированного[49], в большинстве своём, из членов благородных семей, тесно связанных с властной верхушкой Российской империи[50]. Равным образом, индивидуальность русских дипломатов, была обусловлена и спецификой дипломатической деятельности. Так, длительное пребывание за пределами Российской империи находило отражение в возникновении определённых шаблонов мышления (построенных на космополитической или национал-патриотической парадигме), отмеченных различными «филиями» и «фобиями»[51]. Специфика русских дипломатических представителей в Румынии в 1888-1898 гг. вписывается, как и в случае их предшественников, в вышеуказанную типологию, с точки зрения социального происхождения и жизненного опыта.

Далее мы обсудим вышеуказанные аспекты на примере русских дипломатов в Румынии в указанный период, на основании документов, опубликованных в этом сборнике.

Родившийся 1/13 февраля 1837 г., Михаил Александрович Хитрово происходил из древнего дворянского рода, возможно уходящего корнями в Золотую Орду[52]. Его дед по отцовской линии сделал карьеру в русской армии, дослужившись до чина генерал-майора, а отец, после нескольких лет работы в архиве МИДа, служил на различных должностях в имперской

[49] О дипломатическом представительстве Российской империи в Бухаресте в 1880-е годы см.: Ceobanu A.-B. *La Légation de Russie à Bucarest (1880-1886)* // Revue des études sud-est européennes. L, 2012, 1-4. P. 295–308.

[50] Георгиев А. В. Указ. соч. С. 138–139.

[51] Там же. С. 139.

[52] О роде Хитрово см.: Князь Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Том второй. Издание второе. СПб., 1895. С. 316-334.

администрации, став в 1839 г. вице-губернатором Калужской губернии. Юный Михаил поступил на дипломатическую службу в 1859 г., в качестве переводчика в Азиатском департаменте, занимая шаг за шагом должности в центральном аппарате министерства и в консульских и дипломатических учреждениях Османской империи, на Балканах и в Египте[53]. На момент своего приезда в Румынию в 1886 г. в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра[54], М.А. Хитрово уже обладал сформировавшимися взглядами, частью которых были безоговорочная преданность Императорскому дому Романовых, глубокая религиозность и убеждённость в особой роли России в международной политике, в особенности, на Балканах[55].Это мировоззрение сполна проявится и в донесениях, отправленных в Министерство иностранных дел в период его пребывания в Бухаресте[56]. В них Хитрово постоянно возвращается к «святой, исторической задаче православной Руси на Востоке»[57] и к симпатиям, которыми она пользовалась у балканских христиан, в том числе и среди крестьянской массы в Румынии.

Чтобы ещё более четко обозначить политико-цивилизационный аспект своих рассуждений, Хитрово делал особый упор на противостоянии России с Германией и Австро-Венгрией на Балканах, приходя к выводу, что малые страны, такие как Румыния, являются только пешками в сложной партии, в которой фактически сталкиваются два «мира» – «славянско-православный» (представленный Россией) и «западно-германский» (на тот момент возглавляемый двумя центрально-европейскими империями)[58].Часто встречающееся в донесениях Хитрово объяснение сдержанного отношения румынских политиков (как либералов, так и консерваторов) по отношению к России и нахождения Румынии во «враждебном против нас союзе» состояло в статусе Румынии как «страны, подчинённой австро-венгерским интересам», отражением «той иностранной враждебной нам интриги, которой начало следует искать выше мелких сфер бухарестской политической стряпни, той интриги, на которую в продолжение с лишком десяти лет натыкаемся мы всюду на европейском Востоке»[59].

Отталкиваясь от подобного рода соображений, инспирированных консервативно-славянофильской мыслью, ставшей, как указывалось выше,

---

[53] Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876. М.,1960. С. 52–53, 146; Сенкевич И. Г. Новые материалы по истории южных славян (из рукописного наследства М. А. Хитрово) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С. 238–240.

[54] Ceobanu A.-B. *Diplomaţi ruşi*. P. 151–155.

[55] Сенкевич И. Г. Указ. соч.

[56] В 1891 г. Хитрово был назначен посланником в Португалию, а с 1893 г. до смерти в 1896 г. являлся посланником в Японии.

[57] Док. № 1 от 19 мая 1888 г.

[58] Док. № 3 от 19 мая 1888 г.

[59] Док. № 7 от 11 декабря 1888 г.

в этот период влиятельной и в дипломатических кругах, Хитрово возлагает на плечи политической элиты в Бухаресте ответственность за «запрограммированные неудачи» румынской внешней политики. Так, в контексте политического кризиса 1888 г., смены правительства и полемики в печати, особенно либеральной, Хитрово приходит к заключению, что основная вина за состояние отношений между Россией и Румынией лежит на «коллективистах» и, особенно, на их лидере «зловещем старце» Брэтиану[60]. В своём донесении, ссылаясь на манифест либералов, русский дипломат говорит, что этот документ представляется «чудовищной совокупностью исторической лжи с преднамеренной грубой клеветой на вековую благодетельницу балканских народностей» и «сумасшедшим бредом партии, чувствующей себя окончательно потерянной». И далее:

> Не довольствуясь осыпать всяческими ругательствами Россию, бывшие заправилы осмелились святотатственно коснуться величайших дел современной истории, силясь забрызгать своей собственной грязью святую, историческую задачу православной Руси на Востоке. Обвиняя её в желании всеми средствами поработить Румынию, этот бессмысленный манифест, со свойственной румынам склонностью к самопрославлению до небес, превозносит цивилизаторскую миссию Румынии на Востоке, её вековое сопротивление варварским нашествиям и выхваляет какие-то, никому не известные, победы, одержанные, якобы Румынией над русскими в [18]21 и [18]48 годах[61].

С другой стороны, Хитрово не слишком беспокоит возможность того, что Румыния станет серьёзным конкурентом России на Нижнем Дунае и на Балканах. Поэтому, в его донесениях, Румынское королевство представляется маленькой страной с «ограниченным круговоротом общественной жизни», незначительным с точки зрения международных отношений, со слабой армией, неспособной действовать даже против внутренних крестьянских волнений, и тем более, в случае прямого столкновения с такой страной как Россия[62]. В то же время, румынское государство было «до крайности щепетильным» к вопросам, прямо или косвенно его касавшимся. Эта чувствительность, свойственная не только румынам, но и всем «малым народам», выражалась, согласно донесению Хитрово от 22 июня 1889 г., в чрезмерной реакции на любую даже самую несущественную нападку извне, например, в зарубежной прессе[63]. К подобному иронически-уничижительному тону в адрес румынской политической элиты Хитрово прибегал и тогда, когда рассуждал о состоянии армии, положении крестьян, статусе православной веры, экономической политике и т.д.

---

[60] Док. № 1 от 19 мая 1888 г.
[61] Там же.
[62] См., например, доклад Хитрово от 17 июня 1888 г. (док. № 5).
[63] Док. № 16.

Подобны текстам Хитрово и обзоры в донесениях зимы и весны 1889 г. поверенного в делах Александра Лодыженского, а также в донесениях консула в Яссах Александра Александровича Гирса. Родственник министра иностранных дел Николая Гирса, Александр имел особую страсть к истории, особенно к истории дипломатии[64], так что национальный романтизм, характерный для эпохи, принимал в его аналитических донесениях форму частных рассуждений о международном положении империи и ее позиции на Балканах.

Противоположностью Хитрово и Гирсу был Фонтон. Помимо пикантных подробностей личной жизни, например, предполагаемой любовной связи во время пребывания в Румынии, на которую указывал Ю. Я. Соловьев[65], биография этого дипломата представляет собой пример старой российской дипломатической традиции, которую румынский посланник в столице России Эмиль Гика называл «школой Гирса»[66]. Но и в его донесениях порой присутствуют идеологизированные взгляды, характерные для «дипломатической революции» конца XIX - начала XX веков[67]. Плохое знание Фонтоном русского языка предоставляло повод для иронии со стороны его коллег[68]. Всё же сведения, предоставляемые в центральное управление МИД в Санкт-Петербурге (например, рассуждения о национальном движения трансильванских румын и возможности его использования) позволили выработать более последовательную политику по отношению к Румынии, одним из следствий которой стало снятие напряжения во взаимоотношениях двух стран и визит в 1898 г. короля Карла I в Россию.

Изменчивые образы Румынии в донесениях русских дипломатов

Рассматриваемые зеркально, две перспективы восприятия и интерпретации румынских реалий и их связей с Российской империей, предоставляют ценный документальный материал для понимания того, как современные идеологии (в особенности национализм) внесли вклад в ослабление и, в итоге, в распад системы международных отношений, основанной на *балансе силы*.

До того как видения и образы Румынии стали заботить российских дипломатов, уже существовала достаточно богатая традиция, основанная

[64] А. А. Гирсу принадлежит, среди прочих, исследование о началах консульского представительства России в Яссах. См.: Из прошлого российского консульства в Яссах // Гирс А. А. Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906. С. 1–46.

[65] В 1906–1908 гг. Соловьев был членом русской миссии в Бухаресте. См.: Соловьёв Ю. Я. Воспоминания дипломата, 1893–1922. М., 1939. С. 180.

[66] Цит. по: Ceobanu A.-B. *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse*. P. 244.

[67] См. ниже раздел *Дискуссии и выводы*.

[68] См. прим. 35.

на теме русской «цивилизаторской миссии» и структурированная на основе бинарной оппозиции между «цивилизацией» и «варварством». Заимствуя способы интерпретации и риторику из французских и британских травелогов середины XVIII – XIX вв., а также из статистических описаний Молдавии и Валахии, русские авторы воспроизводили некоторые мотивы (полу)ориенталистского дискурса. Среди них можно выделить природную экзотику, восточный деспотизм, моральную распущенность румынского боярства, печальное состояние невежества и суеверия большинства населения и крайне непрочное материальное положение румынского крестьянства. Безусловно, эти образы служили самооправданию высокого положения русских наблюдателей, претендовавших на принадлежность к европейской цивилизации и взявших на себя миссию «цивилизовать» и «просветить» «варварское» население Дунайских княжеств. Таким образом, русская элита оправдывала собственные стремления (выраженные через очевидный комплекс превосходства) олицетворять собой разум и порядок в регионе, еще находившемся под владычеством Османской империи[69].

Ситуация начала меняться довольно радикально в эпоху Органических регламентов, а в особенности после революции 1848 г. и Крымской войны, когда происходила полная переоценка, с одной стороны, роли России в княжествах, а, с другой, образа румын в глазах русских наблюдателей. С точки зрения модернизирующихся элит поколения 1848 г., соседние империи (и особенно империя Романовых) стали основными источниками отчуждения и угрозы «национальному бытию» румынского народа[70]. Помимо роли «бессарабского вопроса» (довольно маргинального в этом контексте), непримиримая чужеродность русского пространства усиливалась и через участие румынских интеллектуалов в западном «русофобском» дискурсе, достигшем апогея во второй трети XIX века[71]. Как в либеральной, так и в консервативной среде, Россия воспринималась как держава, по крайней мере, двуличная, если не прямо враждебная румынскому государству. Радикальные (и, местами, жестокие) стратегические рекомендации в отношении угроз, исходивших от «северного колосса» могут встретиться в широком спектре полемических сочинений, принадлежащих, впрочем, весьма разным лицам, зачастую находившимся на диаметрально противоположных позициях (здесь достаточно упомянуть труды Михая Эминеску, Б. П. Хашдеу или Д. А. Стурдзы)[72].

---

[69] Подробнее см.: Taki V. *Moldavia and Wallachia in the Eyes of Russian Observers* // East-Central Europe / L'Europe du Centre-Est. Eine wissenschaftliche Zeitschrift, 32, 2005, 2. P. 199–224.

[70] Об эволюции восприятия России в румынской литературной традиции между 1840 и 1948 гг. (основанное на модели имагологии): Ivanov L. *Imaginea rusului şi a Rusiei în literatura română, 1840–1948*. Chişinău, 2004.

[71] См.: Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, Mass., 2000.

[72] Брошюра последнего, *L' Europe, la Russie et la Roumanie* (1890) фигурирует в данном сборнике документов. См. док. № 83 от 5 августа 1898 г.

Это основополагающее изменение отношения румынских элит к России совпало с такой же знаковой трансформацией русского восприятия румын в период после 1848 г. Следствием кризиса «европейской» идентичности русских имперских элит в первой трети XIX в. стало формулирование нового альтернативного имперского проекта, основанного на панславизме. Это изменение перспективы зрения выявило, для русских наблюдателей, отличный культурный и лингвистический характер румынского народа, который стал восприниматься как препятствие на пути воплощения в жизнь идеи пан-славянского единства. Наиболее важной проблемой для панславистского дискурса стало именно *отличие* румын от славян. Тема инаковости румын вырождается к середине века в постоянную стигматизацию этого сообщества. Эта стигматизация относится, прежде всего, к элитам, в то время как массы описываются угнетенными и низведенными до почти нечеловеческого состояния безграничной алчностью румынской аристократии. Тема глубинных различий и непримиримых расколов между элитой (аморальной и вестернизированной) и массами (добродетельными и чистыми в своей простоте) станет вновь и вновь повторяться в русском дискурсе касательно Румынии во второй половине XIX века. В целом, к началу 1860-х гг. переход от риторики православного народа, близкого русским по нравам и вере, к критическому взгляду на процесс вестернизации румынских элит был практически завершен. Безусловно, среди русских авторов существовали и определенные «диссидентские» взгляды, как например, у известного крайне консервативного публициста Константина Леонтьева, утверждавшего вопреки пан-славистской позиции, что именно существование автохтонной аристократии (т.е. боярства) позволило Румынии лучше противостоять тлетворному влиянию европейской демократии, чем Сербии или Болгарии, где отсутствие собственного дворянства привело к скрытому усилению популистских тенденций во всяком национально-освободительном движении[73]. Несмотря на такие исключения, в восприятии современного румынского государства большинством российских публицистов и политиков, акцент делался на «искусственном» и имитационном характере программы модернизации выдвинутой поколением 1848 года.

а. Германофильство

Эти образы следуют и из донесений русских дипломатических представителей в Румынии. В донесении от 17 марта 1889 г. поверенный в делах Лодыженский, не колеблясь, утверждал:

[73] Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном востоке // Он же. Собр. соч. Т. 6. М., 1912. С. 233.

> Воспитанные в Йене, Гейдельберге или Вене нынешние руководители судеб Румынии, увлекаясь чрез меру могуществом Германии и совершенно не зная России и не понимая политики императорского правительства, полагают, что, выказывая относительно нас особое недружелюбие, они тем заслужат похвалы и доверие своих союзных покровителей. Нужды народа, его стремления и традиции для них в данном вопросе не имеют, по-видимому, никакого значения, тем более, что они их беспристрастно и не изучали и, мечтая о создании обновленной Румынии с 12 м[иллионами] единоплеменного народа, надеясь распространить своё влияние и на Болгарию и на македонских куцо-влахов, министры короля Карла в увлечении своем забывают, что на Болгарию влиянию их не суждено распространиться, что недостающие им пять миллионов трансильванских и буковинских румын находятся под скипетром их союзника, австрийского императора, и что противоречие между их политическим направлением и заветными стремлениями румынского народа готовит их несбыточным теориям и им самим непредотвратимую гибель[74].

В другом, уже упоминавшемся, донесении от 14 апреля 1890 г., на этот раз посвященном воздействию, которое имела в высшем обществе и при дворе весть об отставке канцлера Бисмарка, Хитрово так же категорично выражается относительно влияния германского фактора на румынских политиков, делая определённые намёки на панславизм и «антагонизм» между Россией и Германией, определявший политическое воображение руководства современной Румынии:

> В Румынии создалась целая плеяда политических деятелей, совершенно ослеплённых величием Германии и преисполненных слепой веры в несокрушимость и всемогущество германской политики. Во главе этих фанатиков германского влияния стоят разные Димитрии Стурдзы, Карпы и пр. Эти румынские политиканы создали целую политическую теорию, основанную на якобы непримиримом антагонизме Германии с Россией, который будто бы олицетворялся в лице князя Бисмарка. В силу этой теории, по мнению её авторов, Румыния, совершенно связав судьбы свои с интересами среднеевропейской лиги, должна была приобрести в близком будущем то первенствующее значение на нижнем Дунае и на Балканском полуострове, которое никогда не предоставила бы ей Россия. Теории эти, усиленно и деятельно распространяемые всеми правдами и неправдами и подогреваемые чувствами народного честолюбия, стали мало-помалу проникать в более глубокие слои румынского общества, и там, рядом с прирождённою ненавистью к немцам, в народных массах неискоренимою, начинают уже возникать сомнения в том, не лучше ли действительно идти слепо за Германией, Австрией и Италией и через них искать осуществления румынских национальных идеалов[75].

[74] См. док. № 11.
[75] Док. № 24 от 14 апреля 1890 г.

b. Образ румынского общества сквозь призму модернизации

Если эти суждения могут быть интерпретированы и сквозь призму растущего геополитического противостояния между Россией и Центральными державами за влияние в балканском регионе, дискурсивное противостояние не сводится к этому, но относится к самой сути румынской политической модерности. Классификация румынского конституционного режима как «скандального», данная тем же Хитрово в процитированном выше донесении звучит достаточно естественно из уст представителя империи, построенной на диаметрально противоположных принципах политической легитимации. Это негативное видение румынской политической системы является более широким и представляет собой, фактически, своего рода «зеркальную» реплику современной полемике в Румынии относительно «формы без содержания». Следующий пассаж преемника Хитрово, Фонтона, в мае 1891 г., как нам кажется, многое проясняет:

> Хотя Румыния опередила по своему развитию прочие части вышеупомянутого полуострова, её внутренний политический строй представляет, однако, те же несообразности и противоречия, кои существуют в других балканских государствах. Политические учреждения её, являясь сколком либеральных западных конституций, едва ли соответствуют истинным национальным потребностям и часто служат проводниками своекорыстных партийных видов или личных расчётов[76].

Особенно интересен в этом смысле и детальный анализ русско-румынских отношений, сделанный русским консулом в Яссах Гирсом. В пространном «панорамном» донесении, составленном в сентябре 1896 г. по случаю визита императора Франца Иосифа в Румынию, Гирс называет Румынию искусственным государством, «скороспелым и имеющем столь мало собственной исторической подготовки», в котором «народные массы пока в счёт не идут и важно лишь знать истинное настроение и замыслы правящих классов». Более того, хотя молодое королевство «было направлено» Россией к «самостоятельному политическому существованию», во враждебном отношении румынских элит к Российской империи «в особенности со времени наибольших её, Румынии, успехов, т.е. с эпохи войны 1877-78 года, проглядывает, если не преобладает, чувство, которое вернее всего обозначить выражением «la haine de l'obligé»[77]. Кроме узнаваемой темы «исторической неблагодарности» румын за попытки русских освободить их от османского ига (представленной в русском дипломатическом дискурсе ещё в контексте русско-румынского конфликта 1878 г.), явно подчеркивается и «искусственность» румынского политического устройства. Наконец, в августе 1898 г., размышляя о визите

[76] Док. № 27 от 29 мая 1891 г.
[77] Док. № 68 от 27 сентября 1896 г.

короля Карла I в Санкт-Петербург, и его потенциальных последствиях, Гирс прямо обвиняет «румынскую интеллигенцию» в безнравственности, коррупции и оппортунизме, считая, что весь политический фундамент современной Румынии представляет собой лишь схему маскировки для беспощадного соревнования за власть и ресурсы. Представляет крайний интерес сочетание определённых черт традиционного ориентализма и упор на «космополитизм» новой элиты, находившейся под влиянием западных идей, но употребляющих их только для собственной выгоды.

> За отсутствием устойчивой нравственной основы и связанных с ней стремлений к высшим политическим идеалам, румынская интеллигенция возвела в сущности в кумир лишь личную выгоду; погоня за последней, вошедшая в плоть и кровь политикующих румын – а политикой занимаются все, ибо она даёт насущный хлеб – вносит поэтому необычайную смуту в их суждения о делах страны и о том, что должно считаться благом для неё. Политических партий с ясно установленными и различающимися программами внутренней или внешней политики нет, а имеются лишь общественные слои, не исчезнувшие, вопреки усилиям демократизации, отдельные группы людей, борющиеся из-за власти и для достижения её не останавливающиеся, когда дело идёт о вопросах внешней политики, перед официальным исповеданием сегодня германо- и австрофилизма, завтра русофилизма и т. п. Поездка короля Карла в Россию едва ли внесёт какую-либо перемену в их политические вкусы, и в душе они останутся приверженцами западных обычаев, усвоенных, хотя и поверхностно, а часто и ложно, благодаря свойствам своего характера, но навсегда; едва ли они изменят, поэтому, свои отношения к России[78].

Румынское общество представляется таким образом русским дипломатам как своего рода курьезная амальгама старого и нового, карикатурная версия «осадочного общества»[79], которое не может до конца отделаться от «восточных» обычаев и некритически воспринимает модели развития, импортированные с Запада, обеспечивающие свободу деятельности политических сил и абсолютно опасные для стабильности социального и политического фундамента, такие как «нигилизм» и «анархизм». В частности, здесь подразумевались румынские социалисты, многие из которых были родом из Российской империи. Противовесом элитам, отчуждённым и зависимым от западного «крайнего либерализма» или «преступных деятелей всяких национальностей»[80] были, в глазах российских наблюдателей, «массы» (в особенности крестьяне), представлявшие «исконный», по истине «национальный», класс населения

[78] Док. № 84 от 9 августа 1898 г.

[79] О концепции «осадочного общества», в котором сосуществуют «современные» слои (на поверхности) и «традиционные» (в глубине социальной структуры), применительно к Российской империи см.: Rieber A.J. *The Sedimentary Society* // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. E. Clowes et al. Princeton, N.J., 1991. P. 353–376.

[80] Доклад Хитрово от 22 августа 1888 г. (док. № 6).

Румынии (и в широком смысле, ту «фундаментальную» часть румынского народа, которая симпатизировала России, по традиции и благодаря общей православной вере). Образ румынского крестьянства был глубоко двойственным. Те же деревенские обыватели, которые предоставляли, как казалось, единственный шанс для возвращения Румынии, в туманном будущем, в орбиту российской политики, одновременно описывались как инертные, апатичные, безразличные и абсолютно неспособные влиять на реальную политику государства (кроме некоторых жестоких, но иррациональных вспышек, таких как восстание 1888 года). В контексте этого события и падения правительства Брэтиану, русский посланник Хитрово страстно опровергает слухи о роли России в подстрекательстве крестьян к восстанию, но не может воздержаться от субъективных размышлений о роли этого класса в румынском обществе. В донесении за 17 июня 1888 г. о причинах восстания и роли «русского фактора», Хитрово, настаивая на «полнейшей административной и военной несостоятельности нынешнего устройства королевства», пускается в долгие рассуждения на тему исконного «политического идеала» крестьян (естественно, противопоставленного идеалу элит) и их подсознательной русофилии:

> Что же касается до идеалов политических, до таких идеалов, как обаяние авторитета королевского имени, то их никогда и не существовало; в глазах румынского крестьянина немец король Карл был и остаётся каким-то басурманом, решительно ему ничего не предоставляющим, кроме подчинения чему-то чуждому и ненавистному его естественным и историческим инстинктам… Самые эти смутные слухи, Бог знает, откуда взявшиеся и заходившие среди восставшего народонаселения, слухи о деньгах, будто бы пожертвованных в их пользу Россией и что будто бы русские придут для освобождения их от ненавистного немецкого правительства, не указывают ли эти слухи на то обаяние, которым до сих пор пользуется православная Россия в глазах румынского простолюдина? И действительно, несмотря на все происки, на всю пропаганду врагов наших, в глазах этого бесхитростного румынского простолюдина русский царь до сих пор ещё остался тем высшим покровителем и повелителем, который и теперь может по своему усмотрению сменять его господарей. И это естественно, ибо в сознании народа лучшие годы богатства и полезных ему мероприятий связаны с воспоминаниями о пребывании русских в Румынии. Не доказывает ли всё это, что единственно именем России и единственно выставлением вперёд русского знамени возможно подвинуть румынский народ на что-либо серьёзное и общее?[81]

Этот воодушевленный панславизмом романтизм часто будет заставлять русских дипломатов описывать румынское общество в терминах полного раскола между высшими классами и большинством крестьянского населения, которое выставлялось невинной жертвой

[81] Документ № 5 от 17 июня 1888 г.

циничных махинаций и манипуляций со стороны элит. Идеализация крестьянства и трансформация его в своего рода «благородного дикаря» и хранителя прадедовской аутентичности были, безусловно, общим местом дискурса идентичности во всём восточноевропейском регионе, включая саму Российскую империю. Поэтому, эти вспышки народничества не являются совсем удивительными. Однако в случае Румынии добавляется недвусмысленное осуждение политики государства, навязывающего ложную и искажённую идентичность крестьянским массам, пересаженную на традиционную крестьянскую почву. Приведём красноречивый пример:

> Привыкшие к труду и смирению, покорные до времени массы румынского народа имеют доныне самые скромные вожделения. Исключительно озабочиваясь удовлетворением своих умеренных нужд, дорожа лишь несколькими традиционными идеями, почитая святость православной церкви, которая, как они, несомненно, инстинктивно сознают, спасла в течение веков их самобытность, массы румынского народа предоставляют столь же чуждым, сколь и неизвестным ему политикам вести дела государственные, лишь бы его тягости не были чрезмерны. Между тем, эти же руководители судеб Румынии, преследуя либо личные цели, либо стремясь к созданию какой-то несуществующей Румынии, вымышленной в уединении их кабинетных трудов, осторожно, но верно пытаются изгладить из памяти народа его заветные предания и уронить в глазах его значение церкви, несогласное с их философскими современными взглядами. Историю Румынии преподают детям по одобренным правительством учебникам, совершенно в искаженном и тенденциозном виде, прошлое их родины представляют им как какую-то постоянную борьбу против вожделений России, духовенство умышленно стараются унизить и церквам дают разрушиться от ветхости[82].

Таким образом, модернизация (метонимически представленная через тему насильственной секуляризации и подрыва традиционного православия) наносит удар по основам сельской жизни и, через неё, по самой общинной (почти вневременной) сущности румынских крестьян, которые «покорятся своей участи, не зная её»[83]. С одной стороны, крестьяне символизируют самую прочную связь (через историю, религию и традиции) между Россией и Румынией. Однако с другой, они почти внеисторический элемент, который может проявлять «природную силу» анархическим способом, как в 1888 г., но не может создать альтернативу программе элит. В уже цитировавшемся донесении Гирса от 27 сентября 1896 г., сделана зарисовка такого образа инертной и податливой массы, живущей где-то в «параллельной вселенной» в сравнении с заботами бухарестских элит: «Что касается до крестьянства, составляющего громадное большинство всего населения страны, то оно относится совершенно безучастно к устроенному в столице празднеству; неподвижное, мало

[82] Док. № 13 от 17 марта 1889 г.
[83] Там же.

развитое вообще и привыкшее одинаково повиноваться, во времена оные турецким ставленникам, а ныне властям новейшего пошиба, какую бы политическую кличку они ни носили, оно остаётся в стороне от охватившего правящие классы оживления. Чувство привязанности к династии ему чуждо …»[84].

Это «романтическое» видение непреодолимой разницы между элитами и массами, о судьбе которых позаботилась, в первый и последний раз, все та же Россия, с помощью Органического регламента графа Киселева[85], было конечно же очень выгодным русским дипломатам, которые могли таким образом сохранять некоторые иллюзии относительно бесперспективности направления развития румынского государства, лишённого «здорового фундамента». Кроме того, нужно принять во внимание и тогдашние попытки монархии Романовых создать (при Александре III и Николае II) новый «сценарий власти», основанный на прямой связи между монархом и народом[86].

c. Румынский царствующий дом

Именно предполагаемое отсутствие этой почти мистической связи суверена и подданных (в отличие от Российской империи) стало одним из лейтмотивов повествований посланников в Бухаресте о роли иностранной династии в Румынии, символизировавшей (и усиливавшей) отрыв элит от народа и «импортированный» характер румынской модерности. Проблема иностранной династии, тесно связанной с приоритетами румынской внешней политики, проходит красной нитью через дипломатические донесения, посвящённые политическим темам. Хотя и признавая за королем Карлом I такие качества как «широкий ум» и политические способности выше многих «природных румын»[87], Хитрово всё же был последователен в акцентировании его «инородного» характера, отсутствия популярности в стране, неудачного приспособления монарха к румынским реалиям и его роли проводника австро-германских интересов (или своих личных амбиций)[88]. Временный заместитель Хитрово в руководстве российской миссии в Бухаресте, Лодыженский, был не более благожелательным в отношении короля Карла I[89]. В контексте отречения сербского короля Милана, русский дипломат сделал нелестное сравнение судьбы сербского монарха и румынского суверена, который остался «чуждым Румынии». Лодыженский продолжает: «Рознь между

[84] Док. № 68 от 19 сентября 1896 г.

[85] Док. № 5 от 17 июня 1888 г.

[86] См.: Wortman R.S. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in the Russian Monarchy*. Vol. 2. Princeton, 2000.

[87] Док. № 12 от 17 марта 1889 г.

[88] См., например, док. № 7, в котором король открыто обвиняется во «враждебном отношении» к России.

[89] См. док. № 10 от 22 февраля 1889.

преследуемой королем личной его внешней политикой и стремлением румынского народа, чуждого всяких международных осложнений и не понимающего их, должна была с особой силой восстать перед очами короля и его нынешних министров, несмотря на всё их невероятное самообольщение»[90], и заключает, что российская политика «должна разрушить со временем искусственное здание, созидаемое ныне на румынской земле, и обратить Румынию на путь её национальной, скромной и единственно выгодной для неё политики устранения от всяких международных осложнений, а следовательно, и более близкое единение с нами»[91].

Примеры подобного рода могут быть найдены и во многих других дипломатических донесениях 1890-х годов. Но всё же, в этом отношении не существовало единства среди российских дипломатов: наряду с магистральной линией дискурса, подчеркивавшего шаткое положение монархии и отсутствие исконной династической традиции, были и заметные исключения, подтверждавшие существование более реалистичного подхода к румынским реалиям. Один из наиболее интересных текстов «реалистского направления» принадлежит поверенному в делах Львову, который временно замещал Фонтона. В донесении от 6 августа 1895 г. Львов предлагал своеобразный образ Карла I: это портрет короля, хорошо приспособившегося к румынскому контексту, всё более популярного и находившегося в идеальном согласии с румынскими политиками. Более того, дипломат позволяет себе прямо оспорить само собой разумеющийся консенсус в среде русских дипломатов относительно временности и непопулярности румынского монарха, с одной стороны, и относительно существования «лояльной России» прослойки в румынском обществе, с другой. Констатировав, что «как консерваторы, так и либералы, питают к нам одинаковое недоверие и неприязнь, и что лучшая тактика – стоять вне всяких партий» и порекомендовав осторожную и взвешенную политику в сношениях России с румынскими политиками[92], Львов не упускает возможность выразить собственное мнение относительно истинного положения дел в румынской политике, согласно инструкции российского МИДа от 22 августа 1888 г. и вопреки стандартам, строго принятым в дипломатических кругах в Санкт-Петербурге:

> Я же позволю себе высказать мнение, что король давно вполне освоился в Румынии, что Его Величество смотрит на своё положение как на вполне прочное и постоянное, что все обстоятельства благоприятствуют отождествлению взглядов здешних руководящих классов со взглядами их монарха на необходимость согласного действия Румынии с Австрией и Германией во внешней политике. При всех этих условиях осуществление задачи поддержания в благомыслящей части общества Румынии

[90] Док. № 13 от 17 марта 1889 г.
[91] Там же.
[92] Док.№ 56 от 6 августа 1895 г.

> сочувствия к каким-либо удовлетворяющим нашим интересам принципам становится всё труднее[93].

В подобном реалистическом духе высказался, годом позже и российский консул в Яссах Александр Гирс, который в контексте визита австро-венгерского монарха в Румынию, пришёл к весьма похожим выводам, изложенным довольно гибко. Он призывал к разрушению двух «легенд», в которых питали надежду русские дипломаты – мифа о «русофилии» консерваторов и о «личной» внешней политике короля Карла I:

> Из приведённого беглого перечня событий, обусловливавших в течение последних двадцати лет присутствие у власти той или другой партии, легко вывести заключение, что направление внешней политики Румынии, не без ясности выразившееся во всей обстановке торжества приёма императора Франца Иосифа, выработано совместными усилиями всех интеллигентных сил страны, без различия партий. Трудно долее верить тому, что в Румынии есть русофилы, и что лишь либералы наши завзятые противники. И те, и другие от нас открещиваются; но ради удобства и успеха сношений, быть может, предпочтительнее иметь дело с открытыми недоброжелателями, нежели с теми, кто, говоря языком востока, в международных сношениях постоянно прибегает к приёмам, смягченно называемым «византийскими». Приезд в Румынию императора Франца Иосифа и значение, которое придают этому приезду сами румыны, венчают многолетние и совокупные усилия; но вместе с тем они полагают предел дальнейшему существованию двух легенд, пускаемых в ход самими румынскими деятелями: первой – о русофильстве консерваторов и второй – о личной, не справляющейся будто бы с настроением населения, внешней политике короля Карла[94].

В этих документах достаточно чётко подчеркивается фундаментальный консенсус румынских политиков относительно направлений внешней политики страны, скорее всего закамуфлированный кажущимися различиями между партиями. Некоторые тексты (например, только что процитированное выше донесение) оставляют впечатление, что румынские политики намеренно культивировали эти мифы о «русофилии» и изолированности королевской власти, чтобы ввести в заблуждение зарубежных наблюдателей.

d. Православие как фактор идентичности

Проблема православия, как узлового элемента румынской традиционной идентичности (и как связующего звена между румынским народом и Российской империей), занимает значительное место в текстах российских дипломатов. При этом, акцентирование внимания на религиозной общности румын и русских было одной из наиболее

[93] Док. № 56 от 6 августа 1895 г.
[94] Док. № 68 от 19 сентября 1896 г.

устойчивых тем русского имперского дискурса в регионе, выступая элементом преемственности со старой традицией «цивилизаторской миссии» на Балканах. Однако, одновременно с консолидацией румынского национального государства, основанного на модерных рациональных и светских представлениях, российские взгляды на румынское православие становятся всё более сложными, переплетающимися с общей интерпретацией политической и институциональной модернизации Румынского королевства. Так, российские дипломаты выражали двойственное отношение к роли православия в новых условиях, созданных радикальными реформами А. И. Кузы и восшествием на румынский престол Карла I. С одной стороны, ими осуждалась ярко выраженная тенденция к секуляризации и имитации моделей, позаимствованных на либеральном Западе (в особенности из Франции). Вестернизированные элиты Румынии недвусмысленно обвинялись в подрыве традиционного православия, а Российская империя объявлялась его защитником и, в широком смысле, всех связанных с ним традиционных ценностей. Российские дипломаты особенно бурно реагировали на пребывание у власти либералов, воспринимавшееся как прямое продолжение радикальной политики секуляризации, проводимой Кузой. В контексте политического и социального кризиса 1888 г., российский посланник Хитрово, видел в либеральном правительстве И. К. Брэтиану безжалостного агента разрушения традиционных ценностей (в первую очередь, религиозных) румынского народа:

> К этому надо ещё прибавить то систематическое уничтожение религиозного чувства среди крестьянского населения, над которым так усердно работало пресловутое прогрессивно-либеральное правительство. Последовательным унижением высшего и низшего православного духовенства, введением разных, противоестественных установлений, как то: обязательного гражданского брака, лаического преподавания в народных школах Закона Божия учителями-нигилистами и т.п. донельзя ослабили религиозные идеалы румынского простолюдина. Что же касается до идеалов политических, до таких идеалов, как обаяние авторитета королевского имени, то их никогда и не существовало; в глазах румынского крестьянина немец король Карл был и остаётся каким-то басурманом, решительно ему ничего не предоставляющим, кроме подчинения чему-то чуждому и ненавистному его естественным и историческим инстинктам. Вполне понятно, до чего такое ослабление религиозных и отсутствие политических идеалов, рядом с ухудшающимся со дня на день экономическим положением, должно было способствовать превращению сельского населения в опасный элемент, готовый к восприятию всякой революционной пропаганды, в каком бы виде она не представлялась[95].

Связь религии и политики становится, таким образом достаточно ясной, а «анти-русскость» и негативное отношение к православию идут

[95] Док. № 5 от 17 июня 1888 г.

рука об руку, выступая также доказательствами отдаления румынских элит от «фундамента народной жизни». В этом контексте представляет интерес упоминание в предыдущем донесении того же Хитрово румынского епископа Мелхиседека. Хитрово оценивал этого высокопоставленного священнослужителя, известного своими достаточно близкими связями с церковной средой Российской империи, как «защитника православия в Румынии, но, к сожалению, чуть ли не единственного в среде здешнего высшего духовенства»[96].

Православная церковь, таким образом, казалась последним бастионом воображаемой традиционной «румынскости», ориентированной на восток, и сохраняла последние следы былых эксклюзивных связей между Дунайскими княжествами и Российской империей. Вопреки этим ностальгическим стремлениям, российские дипломаты в достаточной мере осознавали, что церковь была не в силах противостоять модернизаторскому давлению государства, которое медленно, но верно подрывало церковные структуры. Подобные довольно пессимистические взгляды высказывались, например, в официальной инструкции Фонтону, составленной по случаю его назначения на должность в Бухаресте:

> Православие служило могущественной связью между Россией и балканскими народностями. Церковь во времена магометанского ига являлась, так сказать, политическим знаменем национальной независимости. К сожалению, однако, нельзя не сознать, что религиозный индифферентизм сделал с тех пор большие успехи на Востоке. Румынская церковь в особенности вышла умалённой и приниженной после удара, нанесённого ей политикой князя Кузы в шестидесятых годах настоящего столетия[97].

Итак, роль покровителя православия осталась практически единственной, через которую Российская империя могла активно проявлять себя во внутренней жизни Румынии. Показательно, что цитируемая выше инструкция подробно информирует российского дипломата о помощи, которую петербургское правительство оказывало румынскому православию: «всеми зависящими от нас путями и средствами». Среди приоритетов для нового посланника находились «вопросы о Ясском православном обществе, о румынских воспитанниках в наших духовных училищах и, наконец, о русской сулинской церкви». Предназначением первого из этих учреждений выступала «борьба против усиливающихся западных пропаганд и вредных социальных учений»[98], что представляло собой рычаг прямого влияния Российской империи на соседнюю страну. Вопрос поддержки румынской церкви перед лицом правительственного давления останется центральной заботой русской

[96] Док. № 4 от 11 июня 1888 г.
[97] Док. № 27 от 29 мая 1891 г.
[98] Там же.

дипломатии[99] и в начале XX в., что показывает значение, придаваемое этому аспекту в рамках общей внешнеполитической стратегии в регионе.

С другой стороны, связь между православием и румынской коллективной идентичностью косвенно затрагивалась через позицию королевской власти (и Карла I лично) в отношении к традиционной религии румын. Эта тема связана с вопросом «отсутствия корней» иностранной династии в стране, затронутым выше. Кроме того, в русских источниках акцентируется внимание на «католицизме» Карла I как центральном элементе консолидации западного влияния и отдаления от России. В то же время, анти-российские настроения румынской «интеллигенции» зачастую напрямую связывались с приписываемой ей (как минимум, начиная с 1860 гг., в связи с секуляризацией монастырского имущества и другими реформами, начатыми правительством Кузы) «склонностью к латинизму». По-видимому, нечувствительные к противоречивой и в известной степени парадоксальной природе своей аргументации, российские дипломаты подчеркивали, что секуляризация и «католическая пропаганда» были одновременными процессами, определявшими тенденции вестернизации румынского общества. В этом отношении короля Карла I часто обвиняли в том, что он был «агентом молчаливой католицизации» румынских элит[100]. Тем не менее, некоторые русские дипломаты занимали более нюансированную позицию относительно роли короля в отношениях с православной церковью. Например, в одном из донесений за февраль 1892 г. Фонтон, воспроизводя штамп об изолированном и непопулярном короле, утверждает, что «Карл остаётся… в стране этой „инородцем“; он доныне не успел освоиться с призвавшим его народом, в глазах коего он по-прежнему остаётся „немцем“. Он говорит по-румынски так же, как впрочем, и по-французски, с сильным немецким акцентом»[101]. Хотя с другой стороны, в том же донесении Фонтон отмечает доброжелательное и «правильное» отношение короля к православию:

> … король Карл, несмотря на своё исповедание, безусловно, сознал свой долг и неизменно был совершенно безукоризнен по отношению к православной церкви. Имея полную возможность устроить во дворце своём католическую часовню, король никогда не воспользовался этим правом… Вышеизложенное достаточно доказывает, насколько

[99] Другой интересный в этой связи документ – доклад Фонтона Шишкину от 20 февраля 1893 г., в котором затрагивается проблема отставки митрополита Иосифа Георгяна, в знак недовольства реформами в духовной сфере (док. № 37). См. также пример попечительства Св. Спиридона в док. № 53. Это учреждение, «связь и сношения которого с Россией слишком хорошо всем известны», пользовалось покровительством российского правительства.

[100] Подобные обвинения не встречаются непосредственно в документах этого тома, но периодически появляются как до 1888–1898 гг., так и после (напр., в нескольких дипломатических донесениях за 1886 и 1909–1910 гг.).

[101] Док.№ 30 от 5 февраля 1892 г.

преувеличено всё то, что говорится относительно клерикальных тенденций короля…[102].

Таким образом, в российских документах не существовало полного единогласия относительно роли короля в религиозной сфере, хотя тема королевского католицизма оставалась повторяющимся и крайне сильным аргументом в риторике русской дипломатии и публицистики на всём протяжении правления первого румынского Гогенцоллерна, подчеркивавшим «неавтохтонный» характер династии.

Проблема религиозной принадлежности преемников Карла I была особо представлена в донесениях российских дипломатов. Приезд в страну принца Фердинанда и потенциальное упрочение династии, а также женитьба Фердинанда на принцессе Марии Эдинбургской, вызывали понятный интерес российских представителей в Бухаресте. Щекотливый вопрос о вероисповедании преемников затрагивался в серии донесений в начале 1889 г. и в нескольких донесениях 1893-1894 гг. в связи с крещением детей наследной пары: Карла (будущего короля Карла II) и Елизаветы[103]. Кроме вопросов, связанных с конституционными предписаниями по поводу религиозной принадлежности монарха, российские дипломаты интересовались символической нагрузкой проникновения в королевскую семью православной веры и, в широком смысле, «румынскости», принятой вместе с этим жестом Царствующим домом. Если донесения 1889 и 1890 гг. достаточно скептичны в отношении укрепления положения принца Фердинанда и его популярности, то после его женитьбы на принцессе Марии (возможно и с учётом её династических связей с Россией) позиция российских наблюдателей постепенно менялась. Так, в связи с предполагаемым спором о крещении принцессы Елизаветы по католическому обряду, Фонтон в октябре 1894 г. пишет, что «министры единогласно заявили Королю о крайней невозможности подобного нарушения коренного закона страны, которое нанесло бы глубокое оскорбление религиозному чувству народа, дорожащего своею верою и подорвало бы обаяние и преданность к королевской семье. Они напомнили о пламенном проявлении счастья и радости, когда год тому назад состоялось Св. крещение первого румынского принца в православной вере». В свою очередь, монарх казался достаточно сознательным в этом деле, хотя Фонтон и высказывал «удивление» по поводу нерешительности короля в отношении того, что могло бы составить «серьёзное покушение на религиозное чувство православного народа»[104]. В следующем донесении за 19 октября

[102] Там же.

[103] См. док. № 30 от 16 января 1889 г., док. № 12 от 17 марта 1889 г., док. № 16 от 22 июня 1889 г., док. № 17 от 22 июня 1889 г., док. № 18 от 22 июня 1889 г., док.№ 25 от 25 июля 1890 г., док. № 35 от 5 января 1893 г., док. № 50 от 7 октября 1894 г., док. № 52 от 19 октября 1894 г.

[104] Док. № 50 от 7 октября 1894 г.

российский посланник констатировал «радость румынского народа, что вера его предков проникла в семью царствующего дома» (высказанная через бухарестскую прессу)[105]. В вопросе консолидации династии позиция российских посланников колебалась, таким образом, между изначальным скептицизмом, усиленным темой изоляции королевской власти, и последующим признанием способности Карла I укрепить ее позиции благодаря осторожной и умелой политике в отношении конфессиональной принадлежности своих преемников.

е. Вопрос идентичности и региональные различия

Наконец, жизнеспособность румынского национального проекта и вопрос иерархии национальных приоритетов достаточно систематически затронут в источниках, опубликованных в данном томе. С учётом общего отношения русского имперского дискурса к современному румынскому государству, национальное измерение занимает скромное место в рассуждениях российских дипломатов. Всё же, встречаются интересные наблюдения на тему внутренних региональных разногласий в Румынском королевстве и, особенно, анализа национальных чувств румынских элит относительно Трансильвании с одной стороны и Бессарабии с другой.

Хотя интерес к положению Молдовы в составе румынского государства заметно снизился в сравнении с 1860–1880 гг., в аналитическом донесении Хитрово в январе 1891 г. можно проследить возрождение (правда эпизодическое) вопроса о «молдавской специфике» и недовольстве бухарестским централизмом, высказываемом в этой провинции. В отличие от предшествующего периода (или от более ранних намёков на ярко выраженную «русофилию» молдавских масс по случаю восстания 1888 г.) на этот раз потенциал «молдавского сепаратизма» воспринимается как отражение внутренней слабости Румынского королевства, а не как реалистичная альтернатива существующему *status quo*. Подчеркивая «хаотичный» характер политической жизни Румынии и повторное появление вопроса «о неравном в королевстве положении Валахии сравнительно с Молдовой», Хитрово утверждает следующее:

> … Хотя официозная печать всячески старалась заглушить начинавшееся движение и доказывала необходимость сплочения всех румын и охранения неприкосновенности национального единства, сознание неравенства положения обеих половин королевства получало всё большую силу. Ныне в Яссах образуется особый комитет «защиты прав Молдавии», который посылает особых агентов в города для распространения своей идеи. Вскоре будет основан Молдавский клуб, который серьёзно выступит защитником половины королевства[106].

Бессарабский вопрос открыто появляется только в двух документах, представленных в сборнике, и косвенно в нескольких других

[105] Док. № 52 от 19 октября 1894 г.
[106] Док. № 26 от 12 января 1891 г.

случаях, что подтверждает маргинальную роль этой провинции не только в рамках румынского национального дискурса этой эпохи, но и в рамках русско-румынских отношений (как минимум между 1878 и началом XX в.) В инструкции Фонтону (май 1891 г.) с удовлетворением констатируется, что «возбуждение, вызванное после турецкой войны 1877 года присоединением к России Измаильского округа уже улеглось»[107]. Запрутская провинция появляется после этого впервые в коротком донесении Фонтона за 20 февраля 1892 г., где дипломат ссылается на студентов бессарабского происхождения, эмигрировавших в Румынию и «утверждающих, что они покинули Россию ввиду особой привязанности их ко всему румынскому и невозможности жить иначе как среди „высокоразвитого румынского общества"». Ссылаясь на эффект «лести», который подобные случаи якобы имели бы для «румынского самолюбия», Фонтон упоминает далее защиту, предоставленную этим молодым людям Б.П. Хашдеу, и учреждение общества «Милков», основанного в это время под его патронажем в Бухаресте[108]. Всё же, как наполовину иронический тон дипломата, так и подчёркивание денежных и «прагматических» аспектов интереса бессарабских студентов к Румынии, кажется, указывают на достаточно низкую степень интереса российской дипломатии к потенциальному влиянию «румынского ирредентизма» в Бессарабии[109].

Второй документ, содержащий прямую отсылку к Бессарабии, появляется в связи с анализом эффекта от поездки короля Карла I в Санкт-Петербург летом 1898 г. По этому случаю, русская дипломатия была более оптимистичной, чем обычно ввиду возможного изменения (или как минимум уравновешивания) вектора румынской внешней политики и потенциального сближения с Россией. Позитивные впечатления короля после его прибытия в Россию стали излюбленными темами донесений летом 1898 г. Именно в этом контексте и, кажется, для подтверждения возможности такого рода эволюции, поверенный в делах Сомов пишет в Петербург в достаточно оптимистическом ключе:

> Нельзя не отметить, вместе с тем, того отрадного явления, что вопрос о Бессарабии не волнует более общественное мнение и всё реже и реже затрагивается в печати. Такую перемену можно объяснить тем, что, с одной стороны, всё внимание Королевства поглощено ныне действительно небывалыми притеснениями, которым венгерское правительство подвергнуло своих румынских подданных; с другой, тем интересом, который возбуждает ныне в румынах Добруджа с новым портом в

[107] Док. № 27 от 29 мая 1891 г.

[108] Док. № 31 от 20 февраля 1892 г.

[109] Это впечатление, кажется, подтверждается тем, что русская миссия в Бухаресте была, по меньшей мере, озабочена деятельностью Замфира Арборе-Ралли и российских социалистов в целом, которым тот же Хашдеу предлагал своё покровительство, обратившись к королю с просьбой прекратить попытки русских дипломатов выселить их из страны. См. док.№ 14 от 17 марта 1889 г.

> Констанце, торговым и военным флотом, которыми румыны занимаются со свойственной им детским увлечением. И вряд ли согласились бы они ныне поменять обратно Добруджу на Бессарабию. При таких условиях им остаётся обходить последнюю молчанием. Наконец, нельзя не упомянуть и о мудром образе действия в этом вопросе самого короля, который, с самого начала, поняв всю беспомощность сетований на потерю Бессарабии, крайне неодобрительно относится ко всякой агитации и сумел заинтересовать румын Добруджей и направить их деятельность на эту новую и богатую область[110].

В этом случае особенно интересно прямое сравнение Бессарабии и других направлений румынского национального проекта. Бессарабия, таким образом, находится в менее благоприятном положении не только из-за переориентации румынского «национального строительства» на более перспективный регион, Добруджу, но и с точки зрения второстепенной роли, занимаемой провинцией между Прутом и Днестром в румынском национальном воображении, по сравнению с Трансильванией. Этот контраст проявляется и более явно в контексте «меморандистского вопроса», который привлекал внимание русских дипломатов течении большой части 1893 и 1894 годов[111]. Бессарабия вновь появляется открыто в рамках дискурса «иерархии» национальных приоритетов в связи с парламентскими дебатами о позиции Румынии в «вопросе меморандума». В двух донесениях за декабрь 1893 г. Фонтон ссылается на дебаты в палате депутатов и в Сенате, прямо цитируя мнения румынских политиков о положении бессарабцев в сравнении с трансильванцами и степени опасности ассимиляции, с которой столкнулись обе группы[112].

Замысел этих донесений был фактически в том, чтобы подчеркнуть оппортунизм румынских политиков из различных лагерей, явно подтверждающих, русское представление о беспринципности и крайней гибкости румынского политического класса. Всё же по мере развития событий в Трансильвании, отношение российских дипломатов становилось всё более благожелательным к позиции бухарестского правительства. Они даже имплицитно признавали законность румынских национальных требований и деликатность положения румынских властей, которым необходимо было проводить как можно более осторожную политику по отношению к Австро-Венгрии, не забывая об удовлетворении национальных чувств, выражаемых внутри страны[113]. Несомненно, что сочувственное отношение к румынскому правительству было продиктовано в данном

[110] См. док. № 80.

[111] В этой связи см.: док. № 38 от 21 июня 1893 г., док. № 39 от 6 августа 1893 г., док. № 40 доклад Врангеля от 29 августа/10 сентября 1893 г., док. № 41 от 7 сентября 1893 г., док. № 43 от 6 декабря 1893 г., док. № 44 от 21 декабря 1893 г., док. № 47 от 21 мая 1894 г. и т.д.

[112] Док. № 43 от 6 декабря 1893 г., док.№ 44 от 21 декабря 1893 г.

[113] См., в частности, документ 47 за 21 мая 1894 года.

случае и стратегией увеличения значения Трансильвании в ущерб Бессарабии. Концентрация внимания бухарестских политиков в западном направлении не могла не приветствоваться русскими наблюдателями. Колебания позиции русских дипломатов в оценке румынского ирредентизма находилось в зависимости от определённых символических жестов, например, поездок монархов (Франца Иосифа в Бухарест, 1896; Карла I в Санкт-Петербург, 1898). В контексте путешествия 1898 г. русская дипломатия приветствовала энергичную реакцию правительства на проявление «румынского ирредентизма» в Яссах по случаю спектакля в Национальном театре, в котором участвовали некоторые представители румынского генштаба[114]. В эту серию событий вписывается и полемика вокруг «антироссийской» брошюры Димитрия Стурдзы *L'Europe, la Russie et la Roumanie*, которая кроме использования во внутриполитической борьбе в Румынском королевстве, послужила и частичной дискредитации румынского премьер-министра в петербургских кругах[115].

Дискуссии и выводы

Русско-румынские отношения в анализируемый период вписывались в общие рамки международных связей, противостояния между крупными европейскими государствами, и в особенности их взаимодействия в балканском регионе. Анализируя сведения, содержащиеся в публикуемых документах, и сопоставляя их с другими источниками по политической ситуации в бывшей «Европейской Турции», можно заметить, что политика России по отношению к Румынии определялась по большей части эволюцией взаимодействий империи с другими Великими державами, особенно с Австро-Венгрией и Германией. Так, напряжённые моменты в сношениях между Россией и Австро-Венгрией во время болгарского и сербского кризисов нашли отражение и в русско-румынских дипломатических разногласиях. Подобным образом, снятие напряжения в международных отношениях в регионе (например, заключение русско-австро-венгерского соглашения в 1897 г.) привело к определённой разрядке в контактах между двумя государствами.

Изменчивый образ Румынии в донесениях русских дипломатов в Румынском королевстве конца 1880–1890-х гг., обусловленный часто различными взглядами их авторов на конкретные аспекты российской внешней политики и, особенно на способ, которым могли достигаться определённые цели в отношении румынского государства, требует контекстуализации сведений из этих источников. Было бы целесообразно,

[114] Док. № 79 от 1 мая 1898 г. Озабоченность российского посланника была, помимо прочего, вызвана упоминанием Бессарабии среди отчуждённых провинций и организацией события в Яссах «вблизи российской границы».

[115] Подробнее см.: док. № 83 от 5 августа 1898 г.

например, сопоставить их с прочими документами эпохи, включая донесения дипломатов других стран, аккредитованных в Бухаресте.

Хотя во мнениях и выводах российских дипломатов в Румынии зачастую существовал определённый консенсус (особенно по существенным вопросам российской внешней политики), между авторами публикуемых донесений были всё же и заметные различия касательно способа интерпретации румынских реалий и внешней политики королевства. Эти расхождения относились, например, к идеологическому кругозору румынской политической элиты, политическому устройству, роли короля Карла I, статусу православной церкви, тесным контактам с германским миром и т.д. Сравнивая донесения Хитрово с донесениями Фонтона, нельзя не обратить внимания, что в первых постоянно используются формулировки, навеянные сочинениями идеологов консервативно-панславистского толка. Вторые же, хотя и не лишены критического подхода в отношении Румынии (в целом) и её внешней политики (в частности), характеризуются анализом, ориентированным на практические цели, призванным информировать ответственных лиц во властных кабинетах в Санкт-Петербурге, о реальной ситуации в Румынском королевстве и помочь в принятии решений, соответствующих реальности.

Анализируемые в общем контексте вопросов, обсуждавшихся в дипломатической среде и русской публицистике того времени (например, о пересмотре отношений с Австро-Венгрией и Германией, дискуссий о заключении союза с Францией или относительно кризиса на Балканах), опубликованные в этом томе источники, показывают, что подчас противоречивые подходы русских дипломатов в Румынии, являются естественным отражением глубинных изменений в российской дипломатии, находившейся в этот период в стадии перехода от подхода, свойственного *Realpolitik*, к подходу с серьезной идеологической нагрузкой. Это может быть прослежено, в частности, на примере дебатов относительно политики создания Россией альянсов, из которой не выпадала и Румыния. «Дипломатическая революция», выразившаяся в России 1880-90 гг. в росте значения «национальной партии», внесла вклад и в постепенное отдаление страны от двух центрально-европейских империй, взамен сближения с Францией, несмотря на то, что союз, основанный на монархической солидарности, казался бы более естественным. Образное выражение этого основополагающего изменения во внешней политике России, обнаруживается среди прочего в синтагме, приписываемой Александру III: «Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно» [116].

[116] Цит. по: История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 264.

Это фундаментальное изменение во внешней политике практически полностью коррелирует с аналогичными трансформациями в сфере внутренней политики. В отличие от сценариев реформаторства и бюрократической рационализации государственного аппарата, продвигавшихся правительством Александра II, его преемник пошёл по пути «национализации». Она предполагала, с одной стороны, отказ от вестернезированной модели, заложенной Петром I и идеологическую реабилитацию наследия домодерного московского государства, а с другой, внедрение новых элементов русского национализма в официальную легитимацию режима[117]. Несомненно, эта трансформация не была ни внезапной, ни одномоментной. Она началась в 1860-х гг. и зачастую связывается в историографии с польским восстанием 1863–1864 гг., глубоко повлиявшим на представления русских элит о связи между внутренней и внешней политикой и лояльностью нерусских окраин. Преемственность между 1860 и 1880-ми гг. отмечена символической фигурой Михаила Каткова, одного из наиболее активных русских националистических публицистов и выдающегося идеолога режима до самой своей смерти в 1887 г.[118]. Катков соперничал в этом отношении с Константином Петровичем Победоносцевым, олицетворяя современное виденье русского национализма, в противоположность традиционалистскому консерватизму Победоносцева. В отличие от Победоносцева, Катков выступал с достаточно ярко выраженной программой также и в сфере внешней политики, как было показано выше. Всё же, доминирование «национализирующего» течения в дипломатии всегда было лишь относительным, вследствие корпоративной солидарности дипломатов «старой школы» и невозможности их устранения с ключевых позиций в дипломатическом корпусе. В итоге, к концу XIX в. российская внешняя политика колебалась в изменчивом и нестабильном равновесии между этими двумя центрами.

Переходя к следующему уровню сравнений, мы можем сказать, что документы, опубликованные в этом томе, представляют собой важные составные части для исследования того, каким образом идеологический фактор сперва нарушил, а потом и расшатал систему международных отношений, основанную на «балансе сил» или «европейском равновесии»[119]. Этот процесс стал прелюдией окончательного провала дипломатии в деле сглаживания конфликтов между основными игроками на европейской политической сцене. Тектонические движения на поле

[117] Wortman R. S. Op. cit. См. в особенности главы 5 и 7.

[118] Katz M. *Mikhail N. Katkov: A Political Biography, 1818-1887*. N. Y., 1966.

[119] Sédouy de, J.-A. *Le concert européen. Aux origines de l'Europe, 1814–1914*. Paris, 2009; Mitzen J. *Power in Concert. The Nineteenth-Century Origins of Global Governance*. Chicago, 2013.

дипломатии, приведшие в конечном счёте к образованию и усилению двух непримиримых блоков – Антанты и Тройственного союза (Центральных держав), – были объяснены также «дипломатической революцией» последних десятилетий XIX в. и первых лет XX в., на которую мы ссылались выше. В происхождении этой революции находились такие факторы, как генезис общественного мнения, рост влияния прессы, появление новых способов коммуникации, утверждение новых политических лидеров, снижение роли профессиональных дипломатов в принятии решений[120]. Будучи совмещёнными, все эти обстоятельства привели к идеологизации дипломатии – доминанте международных отношений на протяжении всего XX века.

Флавиус Соломон, Андрей Кушко

[120] Craig G.A., George A.L. *Force and Statecraft: Diplomatic Problems of Our Time*. New York, 1985. C. 286. Для обсуждении теории Крэйга и Джорджа применительно к данному исследованию см.: Solomon F., Cușco A. *How much Ideology can Diplomacy Endure? The Early Phase of Soviet-Romanian Relations, November 1917 – February 1918* (в печати).

LISTA DOCUMENTELOR

1. **Bucureşti, 19 mai 1888.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministrul de Externe al Rusiei, despre căderea guvernului Brătianu şi acuzele din presa românească la adresa Imperiului Rus.
2. **Bucureşti, 19 mai 1888.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministrul de Externe al Rusiei, despre discursurile liderilor liberali şi atacurile la adresa Rusiei.
3. **Bucureşti, 19 mai 1888.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministrul de Externe al Rusiei, despre discuţiile purtate cu Ministrul Afacerilor Străine al României, P.P. Carp, în contextul acuzaţiilor privitoare la o presupusă implicare a Rusiei în răscoalele ţărăneşti.
4. **Bucureşti, 11 iunie 1888.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministrul de Externe al Rusiei, despre noi atacuri ale periodicelor de orientare liberală, aducându-se în discuţie şi chestiunea pretendenţilor la tronul României.
5. **Bucureşti, 17 iunie 1888.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre chestiunea agrară în România, cauzele răscoalelor ţărăneşti şi implicarea armatei în reprimarea acestora.
6. **Bucureşti, 22 august 1888.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea guvernului român faţă de prezenţa şi activitatea socialiştilor pe teritoriul României.
7. **Bucureşti, 11 decembrie 1888.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre luptele politice interne între diverse grupări şi partide.
8. **Bucureşti, 16 ianuarie 1889.** Al. Lodâjenski, însărcinat cu afaceri al Legaţiei ruse în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre zvonurile referitoare la sosirea prinţului Ferdinand şi o eventuală stabilire a acestuia la Iaşi.
9. **Bucureşti, 19 februarie 1889.** Al. Lodâjenski, însărcinat cu afaceri al Legaţiei ruse în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre retragerea pe motive de sănătate a ministrului plenipotenţiar al României la Sankt Petersburg, Gh. Mihail Ghica.
10. **Bucureşti, 22 februarie 1889.** Al. Lodâjenski, însărcinat cu afaceri al Legaţiei ruse în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei,

despre atitudinea antidinastică a periodicului „Adevărul”, al cărui redactor era Alexandru V. Beldiman.

11. **Bucureşti, 17 martie 1889.** Al. Lodâjenski, însărcinat cu afaceri al Legației ruse în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre rolul fortificațiilor în strategia de politică externă a României şi fondurile alocate ridicării acestora de către guvern.
12. **Bucureşti, 17 martie 1889.** Al. Lodâjenski, însărcinat cu afaceri al Legației ruse în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre sosirea prințului Ferdinand în România şi implicațiile acestui fapt asupra consolidării dinastiei.
13. **Bucureşti, 17 martie 1889.** Al. Lodâjenski, însărcinat cu afaceri al Legației ruse în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre evenimentele din Serbia şi reacția regelui, a politicienilor şi a societății în contextul abdicării regelui sârb Milan Obrenović.
14. **Bucureşti, 19 martie 1889.** Al. Lodâjenski, însărcinat cu afaceri al Legației ruse în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre activitatea socialiştilor pe teritoriul României şi legăturile acestora cu anarhiştii ruşi.
15. **Bucureşti, 4 aprilie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre formarea guvernului Lascăr Catargiu şi poziția acestuia față de politica externă.
16. **Bucureşti, 22 iunie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea presei şi a societății româneşti față de recunoaşterea oficială a prințului Ferdinand de Hohenzollern-Sigmaringen în calitate de moştenitor al Tronului României.
17. **Bucureşti, 22 iunie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre ceremonialul primirii în țară a prințului Ferdinand şi prezența la acest eveniment a corpului diplomatic acreditat la Bucureşti.
18. **Bucureşti, 22 iunie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre scrisorile de răspuns ale monarhilor europeni la anunțul oficial al regelui Carol cu privire la recunoaşterea drept moştenitor a nepotului său, prințul Ferdinand de Hohenzollern-Sigmaringen.
19. **Bucureşti, 22 iunie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre plecarea din țară a familiei regale şi legăturile reginei Elisabeta cu Societatea Poeților Provensali.
20. **Bucureşti, 22 iunie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre planurile de finanțare a opoziției din Bulgaria.

21. **Bucureşti, 22 iunie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre activitatea Clubului Albanezo-Macedonean din Bucureşti.
22. **Bucureşti, 1 noiembrie 1889.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuţiile purtate cu Lascăr Catargiu în chestiuni de politică internă şi externă.
23. **Bucureşti, 14 aprilie 1890.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre eforturile înfiinţării unei societăţi de navigaţie naţionale româneşti.
24. **Bucureşti, 14 aprilie 1890.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre demisia cancelarului german Otto von Bismarck şi poziţia ministrului german la Bucureşti, Bernhard von Bülow, în societatea românească.
25. **Bucureşti, 25 iulie 1890.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre plecarea din ţară a reginei Elisabeta şi problemele de sănătate ale acesteia.
26. **Bucureşti, 12 ianuarie 1891.** M.A. Hitrovo, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre viaţa politică din România.
27. **[Sankt-Petersburg], 29 mai 1891.** Proiect de instrucţiuni pentru N.A. Fonton, numit ministru plenipotenţiar al Rusiei în România. I-au fost transmise directive în chestiuni politice, economice şi religioase.
28. **Bucureşti, 20 decembrie 1891.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre eventuale acorduri semnate de suveranul român în timpul vizitelor în Italia şi Germania, privitoare la politica externă.
29. **Bucureşti, 5 ianuarie 1892.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuţiile avute cu diplomatul român Alexandru I. Ghica, numit agent diplomatic al României la Sofia.
30. **Bucureşti, 5 februarie 1892.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre rolul factorului religios în politica suveranului român.
31. **Bucureşti, 20 februarie 1892.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre prezenţa pe teritoriul României a unor imigranţi ruşi.
32. **Bucureşti, 20 mai 1892.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre prezenţa la Bucureşti a principelui moştenitor şi a principesei de Saxa-Meiningen.

33. **Bucureşti, 5 iunie 1892.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre evenimentele de la sud de Dunăre, referindu-se la un presupus complot, al cărui scop era declanşarea simultană a unei revoluții în Armenia Occidentală şi Bulgaria.
34. **Bucureşti, 20 septembrie 1892.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.P. Şişkin, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre îndoielile pe care le avea asupra raportului consulului rus din Dobrogea, conform căruia Carol I ar sprijini personal, din fonduri proprii, mişcarea românilor din Transilvania.
35. **Bucureşti, 5 ianuarie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.P. Şişkin, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre căsătoria principelui moştenitor al României, Ferdinand cu principesa Maria de Edinburgh.
36. **Bucureşti, 5 februarie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.P. Şişkin, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre nivelul de trai al țăranilor şi incapacitatea guvernelor de a găsi soluții pentru îmbunătățirea situației acestora.
37. **Bucureşti, 20 februarie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.P. Şişkin, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre legea privitoare la ameliorarea condițiilor de trai ale clerului mirean şi implicațiile acesteia.
38. **Bucureşti, 21 iunie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre reacțiile din presa românească la auzul veştii că membri ai Partidului Național Român din Transilvania au fost trimişi în judecată de către guvernul maghiar.
39. **Bucureşti, 6 august 1893.** N. Vranghel, secretar al Legației Rusiei în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre simpatia românilor din Vechiul Regat față de evenimentele din Transilvania şi rolul Ligii Culturale a Românilor.
40. **Bucureşti, 29 august 1893.** N. Vranghel, secretar al Legației Rusiei în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre trimiterea în judecată a lui Aurel Popovici.
41. **Bucureşti, 7 septembrie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre rolul studenților în sprijinirea românilor din Transilvania.
42. **Bucureşti, 7 octombrie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre articolele din periodicul „Patria”, referitoare la orientarea politicii externe a României.
43. **Bucureşti, 6 decembrie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuțiile din Senatul României referitoare la situația românilor

din Transilvania şi despre diferenţele de opinie dintre D.A. Sturdza şi Alexandru Lahovari.

44. **Bucureşti, 21 decembrie 1893.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuţiile din Adunarea Deputaţilor referitoare la situaţia românilor din Transilvania şi luările de poziţie ale lui Nicolae Fleva, Take Ionescu şi Alexandru Lahovari.
45. **Bucureşti, 6 ianuarie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre rechemarea ministrului plenipotenţiar german la Bucureşti, Bernhard von Bülow.
46. **Bucureşti, 6 februarie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre vizita colonelului Slavomir Djurković, trimisul Principelui de Muntenegru.
47. **Bucureşti, 21 mai 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre reacţiile societăţii româneşti la aflarea sentinţei judecătoreşti date împotriva memorandiştilor.
48. **Bucureşti, 21 septembrie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre congresul studenţilor de la Constanţa, la care au luat parte şi studenţi din Transilvania şi Bucovina.
49. **Bucureşti, 21 septembrie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre discursul contelui Kálnoky în Dieta Maghiară şi reacţiile presei româneşti.
50. **Bucureşti, 7 octombrie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre naşterea principesei Elisabeta şi discuţiile purtate între Carol I şi membrii guvernului privind o eventuală botezare a acesteia într-un alt rit decât cel ortodox.
51. **Bucureşti, 7 octombrie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre sosirea la Sinaia a marii ducese Maria Alexandrovna.
52. **Bucureşti, 19 octombrie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre botezul principesei Elisabeta în rit ortodox.
53. **Bucureşti, 21 noiembrie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către D.A. Kapnist, director al Departamentului asiatic din cadrul Ministerului de Externe al Rusiei, despre un raport al consulului rus de la Iaşi, A.A. Giers, în care sunt prezentate reacţiile întârziate ale autorităţilor locale la aflarea veştii despre decesul împăratului Alexandru III.

54. **Bucureşti, 7 decembrie 1894.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către N.K. Giers, Ministru de Externe al Rusiei, despre necesitatea acordării unor decoraţii pentru Alexandru I. Ghica şi Grigore Ventura.
55. **Bucureşti, 21 mai 1895.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuţiile purtate cu Ministrul Român de Externe şi ministrul plenipotenţiar francez la Bucureşti, în contextul demisiei contelui Kálnoky, Ministrul Austro-Ungar de Externe, şi înlocuirea acestuia cu Agenor Maria Gołuchowski.
56. **Bucureşti, 6 august 1895.** V.E. Lvov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre o eventuală venire la putere a unui guvern liberal condus de D.A. Sturdza.
57. **Bucureşti, 6 august 1895.** V.E. Lvov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre opiniile lui Take Ionescu în materie de politică externă.
58. **Bucureşti, 21 octombrie 1895.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre prezenţa la Iaşi a lui D.A. Sturdza, unde acesta a prezentat programul noului guvern.
59. **Bucureşti, 6 noiembrie 1895.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre luptele electorale, în contextul alegerilor pentru Senat şi Adunarea Deputaţilor.
60. **Bucureşti, 21 noiembrie 1895.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre campania negativă a presei socialiste la adresa Rusiei.
61. **Bucureşti, 6 martie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre situaţia aromânilor din Imperiul Otoman.
62. **Bucureşti, 21 aprilie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre situaţia de la sud de Dunăre, în contextul restabilirii relaţiilor diplomatice între Bulgaria şi Rusia.
63. **Bucureşti, 21 mai 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A. B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre reluarea relaţiilor diplomatice între Grecia şi România.
64. **Bucureşti, 6 iulie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către A.B. Lobanov-Rostovski, Ministru de Externe al Rusiei, despre zvonurile privitoare la o eventuală vizită a împăratului Franz Josef în România.
65. **Bucureşti, 21 august 1896.** V.E. Lvov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către D.A. Kapnist, director al Departamentului Asiatic din

cadrul Ministerului de Externe al Rusiei, despre poziția României în eventualitatea intrării trupelor bulgare în Macedonia.

66. **Bucureşti, 21 septembrie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către V.N. Lamsdorff, director al Cancelariei Ministerului de Externe al Rusiei, despre vizita împăratului Franz Josef în România.
67. **Bucureşti, 21 septembrie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către V.N. Lamsdorff, director al Cancelariei Ministerului de Externe al Rusiei, despre situația din Peninsula Balcanică şi atitudinea României.
68. **Bucureşti, 27 septembrie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către V.N. Lamsdorff, director al Cancelariei Ministerului de Externe al Rusiei, despre un memoriu al consulului rus de la Iaşi, A.A. Giers, ce prezintă reacțiile presei româneşti la vizita împăratului Franz Josef şi despre situația politică din România.
69. **Bucureşti, 6 octombrie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.P. Şişkin, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre vizitele în România a marelui duce Boris Vladimirovici şi a împăratului Franz Josef.
70. **Bucureşti, 21 octombrie 1896.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către N.P. Şişkin, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre posibilitatea semnării unei convenții militare între România şi Austro-Ungaria sau chiar aderarea la Tripla Alianță şi mai ales opiniile lui Take Ionescu în această privință.
71. **Bucureşti, 25 aprilie 1897.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre atacurile conservatorilor la adresa liberalilor, pe fondul evenimentelor din Peninsula Balcanică.
72. **Bucureşti, 7 august 1897.** A.S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre încercările statului român privind crearea unei flote comerciale.
73. **Bucureşti, 23 august 1897.** A.S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre intervențiile statului român în favoarea instituirii în Macedonia a unei mitropolii româneşti.
74. **Bucureşti, 21 septembrie 1897.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către V.N. Lamsdorff, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre reacțiile negative ale presei româneşti la vizita regelui Carol I la Pesta.
75. **Bucureşti, 19 octombrie 1897.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar rus în România, către V.N. Lamsdorff, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre reacțiile din presa maghiară la vizita regelui Carol I la Pesta şi atitudinea negativă a presei româneşti la decorarea lui Sándor Jeszenszky de către suveranul român.

76. **Bucureşti, 6 noiembrie 1897.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre vizita la Iaşi a lui Carol I, cu prilejul inaugurării palatului universitar din Copou şi despre întâlnirea cu A.P. Konstantinovici, guvernatorul Basarabiei.
77. **Bucureşti, 6 noiembrie 1897.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre o eventuală călătorie a regelui Carol I în Rusia şi reacţia presei româneşti.
78. **Bucureşti, 23 aprilie 1898.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre prezenţa lui D.A. Sturdza în suita suveranului român cu ocazia călătoriei regelui Carol I în Rusia.
79. **Bucureşti, 1 mai 1898.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre punerea în scenă a unei piese la Teatrul din Iaşi cu unele conotaţii iredentiste.
80. **Bucureşti, 7 iulie 1898.** Raport al consilierului de colegiu A.S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei la Bucureşti, despre reacţiile presei româneşti la vizita suveranului român în Imperiul Rus.
81. **Bucureşti, 22 iulie 1898.** A.S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre impresiile pozitive din presa românească ca urmare a vizitei regelui Carol I în Rusia.
82. **Bucureşti, 1 august 1898.** A.S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre sosirea suveranului român la Sinaia şi impresiile pozitive ale acestuia faţă de primirea din Rusia.
83. **Bucureşti, 5 august 1898.** A.S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuţiile din presa românească privitoare la oportunitatea prezenţei lui D.A. Sturdza în suita lui Carol I şi interesul manifestat, pe de o parte, de presa austriacă, iar pe de altă parte, de ministrul plenipotenţiar german la Bucureşti faţă de vizita suveranului român în Rusia.
84. **Bucureşti, 9 august 1898.** A.A. Giers, consulul Rusiei la Iaşi, către A.S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei la Bucureşti, despre importanţa călătoriei suveranului român în Imperiul Rus.
85. **Bucureşti, 4 decembrie 1898.** N.A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către M.N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuţiile din Senatul României referitoare la chestiunea subsidiilor acordate de către guvernul român şcolilor din Transilvania.

СПИСОК ДОКУМЕНТОВ

1. **Бухарест, 19 мая 1888 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о падении правительства Брэтиану и об обвинениях румынской печати в адрес Российской империи.
2. **Бухарест, 19 мая 1888 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о выступлениях лидеров либеральной партии и их нападках в адрес Российской империи.
3. **Бухарест, 19 мая 1888 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о его беседе с Министром иностранных дел Румынии П. П. Карпом, в контексте обвинений, касающихся предполагаемого возбуждения Россией крестьянских восстаний.
4. **Бухарест, 11 июня 1888 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о новых нападках печати либерального направления, включая обсуждение вопроса о претендентах на трон Румынии
5. **Бухарест, 17 июня 1888 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об аграрном вопросе в Румынии, причинах крестьянских восстаний и вовлечении армии в их подавление.
6. **Бухарест, 22 августа 1888 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении румынского правительства к присутствию и деятельности социалистов на территории Румынии.
7. **Бухарест, 11 декабря 1888 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о внутриполитической борьбе между различными партиями и группировками.

8. **Бухарест, 16 января 1889 г**. Ал. Лодыженский, поверенный в делах российской миссии в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о слухах, касающихся прибытия принца Фердинанда и его возможного поселения в Яссах.
9. **Бухарест, 19 февраля 1889 г.** Ал. Лодыженский, поверенный в делах российской миссии в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об отставке, по состоянию здоровья, полномочного министра Румынии в Санкт-Петербурге, Г. Михаила Гики.
10. **Бухарест, 22 февраля 1889 г.** Ал. Лодыженский, поверенный в делах российской миссии в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской Империи, об антидинастической позиции печатного органа „Adevărul”, чьим главным редактором являлся Александру В. Белдиман.
11. **Бухарест, 17 марта 1889 г.** Ал. Лодыженский, поверенный в делах российской миссии в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о роли военных укреплений во внешнеполитической стратегии Румынии и о финансовых средствах, ассигнованных правительством на их строительство.
12. **Бухарест, 17 марта 1889 г.** Ал. Лодыженский, поверенный в делах российской миссии в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о прибытии принца Фердинанда в Румынию и о возможных последствиях этого события для укрепления династии.
13. **Бухарест, 17 марта 1889 г.** Ал. Лодыженский, поверенный в делах российской Миссии в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о событиях в Сербии и реакции короля, политиков и общества в контексте отречения сербского короля Милана Обреновича.
14. **Бухарест, 19 марта 1889 г.** Ал. Лодыженский, поверенный в делах российской миссии в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о деятельности социалистов на территории Румынии и об их связях с русскими анархистами.
15. **Бухарест, 4 апреля 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о формировании правительства Ласкэра Катарджиу и о его внешнеполитической позиции.
16. **Бухарест, 22 июня 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении румынской печати и общественного мнения к официальному признанию принца Фердинанда Гогенцоллерн-Зигмарингенского наследником румынского престола.
17. **Бухарест, 22 июня 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу,

Министру иностранных дел Российской империи, об официальной церемонии встречи принца Фердинанда в Румынии и о присутствии на этом событии дипломатического корпуса, аккредитованного в Бухаресте.

18. **Бухарест, 22 июня 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об ответных письмах европейских монархов на официальное извещение короля Карла о признании его племянника, принца Фердинанда Гогенцоллерн-Зигмарингенского, в качестве наследника румынского престола.
19. **Бухарест, 22 июня 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об отбытии королевской семьи за границу и о связях королевы Елизаветы с Обществом провансальских поэтов.
20. **Бухарест, 22 июня 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о планах по финансированию оппозиции в Болгарии.
21. **Бухарест, 22 июня 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о деятельности Албано-македонского клуба в Бухаресте.
22. **Бухарест, 1 ноября 1889 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о его беседе с Ласкэром Катарджиу по поводу некоторых вопросов внутренней и внешней политики.
23. **Бухарест, 14 апреля 1890 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об усилиях по созданию румынской национальной пароходной компании.
24. **Бухарест, 14 апреля 1890 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об отставке германского канцлера Отто фон Бисмарка и о положении германского посланника в Бухаресте, Бернгарда фон Бюлова, в румынском обществе.
25. **Бухарест, 25 июля 1890 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об отбытии за границу королевы Елизаветы и о её проблемах со здоровьем.
26. **Бухарест, 12 января 1891 г.** М. А. Хитрово, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии –

Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о политической жизни в Румынии.

27. **[Санкт-Петербург], 29 мая 1891 г.** Проект министерской инструкции Н. А. Фонтону, назначенному полномочным министром Российской империи в Румынии. Инструкция содержит директивы по политическим, экономическим и религиозным вопросам.
28. **Бухарест, 20 декабря 1891 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о гипотетических внешнеполитических соглашениях, подписанных румынским монархом во время его визитов в Италию и Германию.
29. **Бухарест, 5 января 1892 года.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской Империи, о его беседе с румынским дипломатом Александром И. Гикой, назначенным дипломатическим агентом Румынии в Софии.
30. **Бухарест, 5 февраля 1892 года.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о роли религиозного фактора в политике румынского монарха.
31. **Бухарест, 20 февраля 1892 года.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о присутствии российских иммигрантов на территории Румынии.
32. **Бухарест, 20 мая 1892 года.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о присутствии в Бухаресте наследных принца и принцессы Саксен-Мейнингенских.
33. **Бухарест, 5 июня 1892 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о последних событиях к югу от Дуная, а именно о предполагаемом заговоре, целью которого являлась одновременная организация революции в Западной Армении и в Болгарии.
34. **Бухарест, 20 сентября 1892 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. П. Шишкину, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о его сомнениях насчет донесения российского консула в Добрудже, согласно которому Карл I якобы лично поддерживал, из своих собственных финансовых средств, движение румын в Трансильвании.
35. **Бухарест, 5 января 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. П.

Шишкину, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о бракосочетании наследного принца Румынии, Фердинанда, с принцессой Марией Эдинбургской.

36. **Бухарест, 5 февраля 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. П. Шишкину, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, об уровне жизни румынских крестьян и о неспособности правительства найти подходящие решения для улучшения их положения.
37. **Бухарест, 20 февраля 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. П. Шишкину, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о законопроекте, касающемся улучшения быта белого духовенства, и о его возможных последствиях.
38. **Бухарест, 21 июня 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о реакции румынской печати на известие о том, что члены Румынской национальной партии в Трансильвании были привлечены к суду венгерским правительством.
39. **Бухарест, 6 августа 1893 г.** Н. Врангель, секретарь миссии Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о сочувственном отношении жителей Румынского Королевства к событиям в Трансильвании и о роли Румынской Культурной Лиги.
40. **Бухарест, 29 августа 1893 г.** Н. Врангель, секретарь миссии Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о привлечении к суду Аурела Поповича.
41. **Бухарест, 7 сентября 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о роли студентов в поддержке трансильванских румын.
42. **Бухарест, 7 октября 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о ряде статей в печатном органе „Patria”, касающихся направления румынской внешней политики.
43. **Бухарест, 6 декабря 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о дебатах в Сенате Румынии по поводу положения трансильванских румын и о разногласиях по этому вопросу между Д. А. Стурдзой и Александром Лаховари.

44. **Бухарест, 21 декабря 1893 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о дебатах в палате депутатов по поводу положения трансильванских румын и о выступлениях Николая Флевы, Таке Ионеску и Александра Лаховари.
45. **Бухарест, 6 января 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, об отзыве германского полномочного министра в Бухаресте, Бернгарда фон Бюлова.
46. **Бухарест, 6 февраля 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о визите полковника Славомира Джурковича, посланника князя Черногории.
47. **Бухарест, 21 мая 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о реакции румынского общества на известие о судебном приговоре, вынесенном по делу деятелей меморандистского движения.
48. **Бухарест, 21 сентября 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о студенческом конгрессе в Констанце, в котором также приняли участие студенты из Трансильвании и Буковины.
49. **Бухарест, 21 сентября 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о речи графа Кальноки в венгерском сейме и о реакции румынской печати.
50. **Бухарест, 7 октября 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о рождении принцессы Елизаветы и о дискуссиях, возникших между Карлом I и членами правительства, по поводу её возможного крещения вне православного вероисповедания.
51. **Бухарест, 7 октября 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о прибытии в Синаю великой княгини Марии Александровны.
52. **Бухарест, 19 октября 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о крещении принцессы Елизаветы по православному обряду.

53. **Бухарест, 21 ноября 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Д. А. Капнисту, директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи, о донесении российского консула в Яссах, А. А. Гирса, в котором говорится о запоздалой реакции местных властей на известие о кончине императора Александра III.
54. **Бухарест, 7 декабря 1894 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. К. Гирсу, Министру иностранных дел Российской империи, о необходимости представления к наградам Александра И. Гики и Григория Вентуры.
55. **Бухарест, 21 мая 1895 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, о его беседах с румынским министром иностранных дел и с полномочным министром Франции в Бухаресте, в контексте отставки графа Кальноки, австро-венгерского министра иностранных дел, и его замены Агенором Голуховским.
56. **Бухарест, 6 августа 1895 г.** В. Е. Львов, поверенный в делах российской Миссии в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, о возможности прихода к власти либерального правительства во главе с Д. А. Стурдзой.
57. **Бухарест, 6 августа 1895 г.** В. Е. Львов, поверенный в делах российской миссии в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, министру иностранных дел Российской империи, о взглядах Таке Ионеску в области внешней политики.
58. **Бухарест, 21 октября 1895 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, министру иностранных дел Российской империи, о присутствии Д. А. Стурдзы в Яссах, где последний представил программу нового правительства.
59. **Бухарест, 6 ноября 1895 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, о предвыборной борьбе, в контексте выборов в Сенат и палату депутатов.
60. **Бухарест, 21 ноября 1895 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, об антироссийской пропагандистской кампании в социалистической печати.
61. **Бухарест, 6 марта 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б.

Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, о положении влахов (арумын) в Османской империи.

62. **Бухарест, 21 апреля 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, о положении в задунайском регионе, в контексте восстановления дипломатических отношений между Болгарией и Российской империей.
63. **Бухарест, 21 мая 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, о возобновлении дипломатических отношений между Грецией и Румынией.
64. **Бухарест, 6 июля 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – А. Б. Лобанову-Ростовскому, Министру иностранных дел Российской империи, о слухах, касающихся возможного визита императора Франца Иосифа в Румынию.
65. **Бухарест, 21 августа 1896 г.** В. Е. Львов, поверенный в делах российской Миссии в Румынии – Д. А. Капнисту, директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи, об официальной позиции Румынии в случае вступления болгарских войск в Македонию.
66. **Бухарест, 21 сентября 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, директору канцелярии Министерства иностранных дел Российской империи, о визите императора Франца Иосифа в Румынию.
67. **Бухарест, 21 сентября 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, директору канцелярии Министерства иностранных дел Российской империи, о положении на Балканском полуострове и о позиции Румынии в этом вопросе.
68. **Бухарест, 27 сентября 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, директору канцелярии Министерства иностранных дел Российской империи, о записке российского консула в Яссах, А. А. Гирса, в которой он излагает реакцию румынской печати на визит императора Франца Иосифа, и о политическом положении в Румынии.
69. **Бухарест, 6 октября 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. П. Шишкину, и.о. Министра иностранных дел Российской империи, о

визитах в Румынию великого князя Бориса Владимировича и императора Франца Иосифа.

70. **Бухарест, 21 октября 1896 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – Н. П. Шишкину, и.о. Министра иностранных дел Российской империи, о возможном подписании военной конвенции между Румынией и Австро-Венгрией и о предположениях по поводу присоединения Румынии к Тройственному Союзу, в особенности о взглядах Таке Ионеску в этом вопросе.
71. **Бухарест, 25 апреля 1897 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о нападках консерваторов на либеральное правительство, на фоне событий, происходящих на Балканском полуострове.
72. **Бухарест, 7 августа 1897 г.** А. С. Сомов, секретарь миссии Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о попытках румынского государства создать собственный коммерческий флот.
73. **Бухарест, 23 августа 1897 г.** А. С. Сомов, секретарь Миссии российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о мерах, предпринимаемых румынским государством в пользу учреждения в Македонии румынской митрополии.
74. **Бухарест, 21 сентября 1897 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, об отрицательной реакции румынской печати на визит короля Карла I в Пешт.
75. **Бухарест, 19 октября 1897 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о реакции венгерской печати на визит короля Карла I в Пешт и об отрицательном отношении румынской печати к награждению Шандора Йесенски румынским монархом.
76. **Бухарест, 6 ноября 1897 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о визите Карла I в Яссы, по случаю торжественного открытия университетского комплекса на холме Копоу и о встрече короля с А. П. Константиновичем, губернатором Бессарабии.
77. **Бухарест, 6 ноября 1897 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о

возможном визите короля Карла I в Россию и о реакции румынской печати на эти слухи.

78. **Бухарест, 23 апреля 1898 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о присутствии Д. А. Стурдзы в свите румынского короля по случаю путешествия Карла I в Россию.
79. **Бухарест, 1 мая 1898 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о спектакле, поставленном в ясском театре и содержавшем некоторые ирредентистские мотивы.
80. **Бухарест, 7 июля 1898 г.** Донесение коллежского советника А. С. Сомова, секретаря миссии Российской империи в Бухаресте, о реакции румынской печати на визит румынского монарха в Российскую империю.
81. **Бухарест, 22 июля 1898 г.** А. С. Сомов, секретарь миссии Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о положительных впечатлениях, высказанных румынской печатью в результате визита короля Карла I в Россию.
82. **Бухарест, 1 августа 1898 г.** А. С. Сомов, секретарь миссии Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о прибытии румынского монарха в Синаю и о его положительных впечатлениях в связи с приёмом, оказанным ему в России.
83. **Бухарест, 5 августа 1898 г.** А. С. Сомов, секретарь миссии Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о дискуссиях, возникших в румынской печати по поводу уместности присутствия Д. А. Стурдзы в свите Карла I и об интересе, проявленном по отношению визита румынского монарха в Россию, с одной стороны, австрийской печатью, и, с другой стороны, германским полномочным министром в Бухаресте.
84. **Бухарест, 9 августа 1898 г.** А. А. Гирс, консул Российской Империи в Яссах – А. С. Сомову, секретарю миссии Российской империи в Бухаресте, о значении путешествия румынского монарха в Российскую империю.
85. **Бухарест, 4 декабря 1898 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о дебатах, возникших в Сенате Румынии по поводу вопроса о субсидиях, выделяемых румынским правительством школам в Трансильвании.

LISTA ABREVIERILOR / СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ANHC – Archives Nationales Historiques Centrales (Bucarest).
ANIC – Arhivele Naţionale Istorice Centrale (Bucureşti).
APEER – Archives de la Politique Étrangère de l'Empire Russe (Moscou).
APEIR – Arhiva de Politică Externă a Imperiului Rus (Moscova).
MO – „Monitorul Oficial".
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва).
ЦНИА – Центральные национальные исторические архивы (Бухарест).

DOCUMENTE / ДОКУМЕНТЫ

1

Бухарест, 19 мая 1888 г., № 18. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Газетная кампания, предпринятая против нас коллективисткой печатью, была лишь первым симптомом того открытого враждебного России настроения, которое павшая партия ныне громко провозглашает и проповедует. Брэтиану и его клевреты сбросили личину, в течение 12 лет их прикрывавшую. Достойные союзники нигилистов, друзья Майканов[1], Ангелеску[2] и Раду Михаев наконец высказали во всеуслышание свои сокровенные мысли и без всякого удержу излили на нас пену своего бессильного бешенства.

9го мая, впервые после своего падения, Брэтиану, этот «зловещий старец», как его здесь называют, устроил политическую сходку своей партии. На этой сходке корифеи румынского либерализма подписали своё пресловутое «воззвание к народу», прилагаемое при сём в переводе[3]. Эта чудовищная совокупность исторической лжи с преднамеренной грубой клеветой на вековую благодетельницу балканских народностей представляется каким-то сумасшедшим бредом партии, чувствующей себя окончательно потерянной. Не довольствуясь осыпать всяческими ругательствами Россию, бывшие заправилы осмелились святотатственно коснуться величайших дел современной истории, силясь забрызгать своей собственной грязью святую, историческую задачу православной Руси на Востоке. Обвиняя её в желании всеми средствами поработить Румынию, этот бессмысленный манифест, со свойственной румынам склонностью к самопрославлению до небес, превозносит цивилизаторскую миссию Румынии на Востоке, её вековое сопротивление варварским нашествиям и выхваляет какие-то, никому не известные, победы, одержанные, якобы Румынией над русскими в [18]21 и [18]48 годах.

Этот манифест подписан почти всеми бывшими министрами брэтиановского кабинета, депутатами выбранного из-под палки большинства и разными, выгнанными со службы чиновниками. Многие, однако, видные члены коллективисткой партии отказались подписывать этот смертный приговор своему когда-либо возвращению к власти. Отсутствуют подписи князя Д. Гики, президента сената, Д. Морузи,

бывшего префекта полиции, господ Георгиана и Гане, бывших министров, А. Столожана[4] и многих других.

Невольно приходит на мысль вопрос о причинах, побудивших Брэтиану и его клевретов, так категорически заявить себя врагами России. В городе упорно держится слух, подтверждённый мне компетентными лицами, что бывший первый министр, зная австро-германские симпатии короля, хотел раз навсегда и бесповоротно доказать Его Величеству, что он может при всех обстоятельствах рассчитывать на коллективистскую партию; кроме того, предвидя скорую, будто бы неминуемую войну между Австрией и Россией и полагая, что симпатии Берлина и Вены к павшему правительству несколько остыли, Брэтиану желал заранее расположить в свою пользу обе среднеевропейские империи и обеспечить, таким образом, возвращение к власти в случае международных усложнений и разрыва с Россией. Вообще, как видно, все надежды свои коллективисты возлагают на случайность русско-австрийской войны. В самообольщении своим собственным значением эти политиканы воображают даже, что они могут сделать её неминуемою, и в этом смысле направлена вся их политика.

С другой стороны, желая доказать, что оппозиция подкуплена Россией и действует в её интересах, здешние либералы надеются смыть с себя позор, которым они покрыты в глазах всех честных людей; сознавая свою непопулярность в стране, разорённой и деморализованной 12-летним режимом, «терпевшим грабежи и убийства», они стремятся оклеветать своих политических противников.

Негодование, возбуждённое грубой выходкой Брэтиану, – всеобще. Даже «Lupta», орган здешних социалистов, порицает обнародование манифеста и обвиняет его в преднамеренном и вероломном искажении фактов. Как бы то ни было, но отныне, по моему крайнему разумению, возвращение к власти Брэтиану становится невозможным. После дерзкого вызова, брошенного нам бывшими заправилами, я осмеливаюсь полагать, что Россия не может допустить возвращения к делам партии, нагло обвиняющей императорское правительство в возбуждении внутренних смут в Румынии и даже в покушениях на убийства.

Каков бы ни был исход предстоящей избирательной борьбы, каковы бы ни были внешние замешательства, призвание к власти Брэтиану после официально высказанных им принципов, было бы со стороны короля мерою, открыто враждебной России.

С истинным почтением и неограниченной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 627, Листы 157-161.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Коррупционный скандал, в который были вовлечены генерал Николае Думитреску-Майкан, командующий флотом, и полковник Майкан, командир артиллерийской бригады, дал толчок падению правительства Брэтиану. Эти двое братьев состояли в переписке с неким американцем Бродвеллом с целью облегчить ему получение заказов на поставку военного снаряжения. Братья Майканы были вынуждены оправдываться перед военным советом.

[2] Генерал Ангелеску, вовлечённый в «дело Майканов».

[3] Собрание руководства Национал-либеральной партии состоялось в воскресенье, 8 мая 1888 г. в помещении клуба «Националь» на ул. Доамней в Бухаресте. В нем приняли участие сенаторы и депутаты от Национал-либералов из всех уездов Румынии. Собрание вел генерал Димитрие Лекка, а партийный манифест «Воззвание к стране» зачитал К.И. Стойческу. В воззвании лидеры либералов призывали к «объединению всех здравых сил страны в энергичном сопротивлении против иностранных происков, которые нацелены на уничтожение нашей национальности». Прежде всего, в виду имелась Россия, хотя она прямо в документе не упоминалась („Voința Națională”, Bucureşti, marți, 10/22 mai 1888, anul V, nr. 1107, p. 1).

[4] Анастасие Столожан, Василе Георгиан и Николае Гане возглавляли министерство сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ соответственно с 2 февраля 1885 до 17 октября 1886 г, с 29 апреля 1887 по 1 марта 1888 г. и 1–20 марта 1888 г. (Scurtu I. et al. *Enciclopedia de istorie a României*. Bucureşti, 2001, P. 126).

Bucureşti, 19 mai 1888, **nr. 18. Hitrovo către Giers**

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Campania de presă inițiată împotriva noastră de către presa colectivistă a reprezentat doar primul indiciu al existenței unei stări de spirit ostile față de Rusia, afişată şi propagată în prezent de partidul căzut de la putere. Brătianu şi acoliții săi au aruncat masca în spatele căreia s-au ascuns în ultimii 12 ani. Aliați de nădejde ai nihiliştilor, prieteni ai Maicanilor[1], Angheleştilor[2] şi ai lui Radu Mihai, aceştia şi-au exprimat în sfârşit cu voce tare adevăratele gânduri şi au vărsat fără nici o reținere asupra noastră spuma lor de turbare fără putere.

Pe data de 9 mai, pentru prima oară după căderea sa, Brătianu, acest „bătrân sinistru”, cum este numit aici, a organizat o întrunire politică a partidului său. La respectiva întrunire, corifeii liberalismului românesc au adoptat așa zisa „proclamațiune către popor”, alăturată acestui raport în traducere[3]. Acest amestec monstruos de minciună istorică şi calomnie brutală intenționată la adresa binefăcătoarei popoarelor balcanice reprezintă delirul dement al unui partid pierdut definitiv. Fără a se mulțumi cu înjurături de tot felul la adresa Rusiei, foştii potentați au cutezat să aducă în discuție chestiuni mărețe ale istoriei contemporane, încercând să păteze cu murdărie proprie

misiunea sacră istorică a Rusiei pravoslavnice în Orient. Acuzând-o de dorința de a înrobi prin orice mijloace România, acest manifest lipsit de sens, cu o înclinare tipică românilor pentru autoglorificare până la cer, preamărește misiunea civilizatoare a României în Orient, rezistența seculară față de invaziile barbare şi laudă pretinsele victorii, necunoscute nimănui, obținute cică de România împotriva ruşilor în anii [18]21 şi [18]48.

Acest manifest este semnat de aproape toți foştii miniştri în Guvernul Brătianu, de deputați din fracțiunea majoritară, aleşi sub amenințarea forței, şi de diverşi funcționari îndepărtați din slujbe. Totuşi, foarte mulți dintre membrii importanți ai partidului colectivist au refuzat să semneze această condamnare la moarte, gândindu-se la posibilitatea de a reveni la putere cândva. Lipsesc semnăturile principelui D. Ghica, preşedinte al Senatului, a lui D. Moruzi, fostul prefect al Poliției, ale domnilor Gheorghian şi Gane, foşti miniştri, a lui A. Stolojan[4] şi ale altora.

Involuntar, te întrebi care sunt raționamentele ce i-au făcut pe Brătianu şi acoliții săi să se declare atât de categoric inamici ai Rusiei. În oraş circulă insistent zvonul, care mi-a fost confirmat de persoane competente, că fostul prim-ministru, cunoscând simpatiile regelui pentru Austria şi Germania, a dorit să-i arate Majestății Sale că el poate conta în orice situație pe partidul colectivist; în afară de aceasta, anticipând declanşarea în curând a unui pretins război între Austria şi Rusia şi considerând că simpatiile Berlinului şi Vienei pentru guvernul căzut au dispărut în parte, Brătianu a dorit să câştige din timp susținerea celor două imperii central-europene şi să-şi asigure revenirea la putere în condițiile agravării situației internaționale şi a rupturii cu Rusia. În genere, cum se vede, colectiviştii îşi îndreaptă toate speranțele către declanşarea războiului ruso-austriac. Mizând exagerat pe propria lor importanță, aceşti pretinşi politicieni îşi imaginează chiar că îl pot face inevitabil, iar sensul politicii lor este tocmai acesta.

Pe de altă parte, dorind să demonstreze că opoziția este cumpărată de Rusia şi acționează în interesele acesteia, liberalii de aici speră să spele ruşinea de care s-au umplut în ochii tuturor oamenilor cinstiți; recunoscând lipsa oricărei popularități într-o țară devastată şi demoralizată în timpul celor 12 ani de un regim care „tolera jafurile şi omorurile”, aceştia încearcă să-i calomnieze pe adversarii lor politici.

Indignarea provocată de ieşirea grosolană a lui Brătianu este generalizată. Chiar şi „Lupta”, organul de presă al socialiştilor de aici, condamnă adoptarea manifestului şi îl acuză de denaturarea intenționată şi perfidă a faptelor. Indiferent de aceasta, din punctul meu de vedere, din acest moment, revenirea la putere a lui Brătianu devine imposibilă. După provocarea impertinentă a foştilor potentați la adresa noastră, îmi permit să presupun că Rusia nu poate să accepte preluarea frâielor puterii de către un partid care acuză cu impertinență Guvernul imperial de provocarea de răzmerițe interne în România şi chiar de tentative de asasinat.

Indiferent de rezultatul campaniei electorale actuale şi indiferent de ingerinţele externe, aducerea la putere a lui Brătianu, după ce şi-a expus oficial principiile, ar fi din partea regelui o acţiune deschis ostilă la adresa Rusiei.

Cu sinceră consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 627, filele 157-161.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Scandalul de corupţie în care au fost implicaţi generalul Nicolae Dumitrescu-Maican, comandantul flotilei, şi colonelul Maican, comandantul unei brigăzi de artilerie, s-a aflat la originea căderii guvernului Brătianu. Cei doi fraţi ar fi purtat corespondenţă cu un oarecare Broadwell, cetăţean american, pentru a înlesni achiziţionarea unor comenzi de furnituri militare. Ambii fraţi au fost trimişi în faţa Consiliului de Război.

[2] Trimitere la generalul Al. Anghelescu implicat şi el în „afacerea Maican".

[3] Întrunirea Partidului Naţional Liberal a avut loc duminică, 8 mai 1888, în localul clubului bucureştean de la „Naţionala" din strada Doamnei. Au participat senatori şi deputaţi liberali din toate judeţele României. Adunarea a fost prezidată de generalul Dimitrie Lecca, iar manifestul partidului intitulat „Apel către ţară" a fost citit de C.I. Stoicescu. Apelul, lansat de liderii liberali, îndemna „la unirea tuturor forţelor vii ale ţării într-o energică rezistenţă contra uneltirilor străine, ce tind la nimicirea naţionalităţii noastre". Trimiterile sunt la adresa Rusiei, chiar dacă nu apare menţionat numele acesteia („Voinţa Naţională", Bucureşti, marţi, 10/22 mai 1888, anul V, nr. 1107, p. 1).

[4] Anastasie Stolojan, Vasile Gheorghian şi Nicolae Gane au condus Ministerul Agriculturii, Industriei şi Domeniilor Publice între 2 februarie 1885 şi 17 octombrie 1886, 29 aprilie 1887 şi 1 martie 1888, 1 martie şi 20 martie 1888, respectiv (Ioan Scurtu et al., *Enciclopedia de istorie a României*, Bucureşti, 2001, p. 126).

2

Бухарест, 19 мая 1888 г., № 19. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Как образчик тех нелепостей, до которых доходят ныне павшие коллективисты в нападках на Россию, якобы подкупившую оппозицию, позволю себе обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на некоторые наиболее курьёзные места из речи[1] генерала Лекка, произнесённой им в собрании 9-го мая и ныне обнародованной.

Президент палаты депутатов, говоря о крестьянском движении, замечает: «ниспровергшая нас партия явилась с иностранным золотом, которое заставило взяться за оружие не крестьян-собственников, а лишь жалких бродяг… Я сам видел, как в Молдавии иностранцы возбуждали

крестьян к восстанию». Переходя далее к покушениям на драгоценную жизнь великого гражданина Брэтиану, Лекка восклицает с пафосом: «Не помните ли вы, Господа, как три года тому назад[2], он, Ион Брэтиану, едучи в Котрочень, был вывален в канаву? Кто вёз его? Его вёз русский извозчик. Нет, господа, это не было простой случайностью; то было преднамеренное покушение против жизни нашего великого государственного человека. Тут очевидна рука России».

Из многоглагольствований румынских либералов оказывается, что у России в продолжение 20 лет не было иной заботы, как коллективисты с господином Брэтиану, эти бдительные стражи, охраняющие европейскую цивилизацию против русского обскурантизма. Всё это было бы только смешно; но, если принять в соображение официальное положение господина Лекка в качестве президента палаты депутатов, становишься в тупике от дерзости и цинизма обвинений, произнесённых против России лицом, занимающим видное место в якобы дружеском нам Королевстве.

Нынешнее Министерство[3], продолжая упорствовать в своём нежелании распустить палату, тем самым ставит себя в весьма ложное положение. Во всех конституционных государствах, в особенности в вопросах внешней политики, Министерство должно являться выражением мнения большинства палат. Разногласие не может долго продолжаться; либо падает Министерство, либо распускаются палаты. Здесь же мы присутствуем при совершенно иных, анормальных условиях существования Министерства. Большинство палат враждебно кабинету жунимистов, который, тем не менее, не может легально отрицать ответственности за публичные речи президента палаты депутатов, пока последняя не распущена[4].

Вследствие всех этих соображений я счёл нужным поставить императорское министерство в известность телеграммой от 16-го мая с. г. № 90 о вышеизложенном и вместе с тем указать на некоторую неправильность отношений к нам со стороны нынешнего слабого и бесцветного румынского кабинета, который, несмотря на мою последнюю ноту и на объяснения Вашего Высокопревосходительства с господином Гикой, о коих мне говорил сам господин Карп, тем не менее, не принимает достаточно радикальных мер к официальному опровержению ежедневно распространяемой печатью клеветы против России.

Дело в том, что прежние убеждения господина Карпа, Майореску и прочих, их крайнее германо- и австрофильство весьма известны, и на это-то рассчитывают коллективисты, желая во чтобы то ни стало добиться, если не фактического разрыва между нами и нынешним Министерством, то, по крайней мере, усложнения отношений. Они рассчитывают на то, что, несмотря на наши требования, жунимистское Министерство не может пойти слишком далеко в опровержении распространяемой против России лжи, ибо в этом случае ему пришлось бы в известной степени противоречить давнишним принципам его корифеев и компрометироваться в

глазах австро-венгерского правительства и затаённой политики короля. Поэтому, будучи слишком требовательным к нынешнему Министерству, мы до известной степени рисковали бы сыграть в масть коварным проискам коллективистов, но с другой стороны мы едва ли можем пропустить без последствий тот, до сих пор неслыханный факт, что правительство, состоящее с нами в официально дружественных отношениях, в лице президента нераспущенной палаты позволяет себе явно обвинять императорское правительство в уголовных преступлениях и в возбуждении народа к насильственному ниспровержению существующего порядка.

О всём вышеизложенном считаю долгом представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Сущность доверительных переговоров моих с господином П. Карпом по сему предмету излагаю в следующей за сим особой депеше.

При сём препровождается перевод речи[5] господина Брэтиану, произнесённой им 9-го мая, как яркий образец исторической лжи и бестолковой болтовни впадающего в детство демагога.

С истинным почтением и неограниченной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 627, Листы 165-169 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] После того как К.И. Стойческу зачитал манифест, с речью выступил генерал Димитрие Лекка, подчеркнувший, что в настоящий момент «речь уже идет не о борьбе за партию, а о борьбе за страну». Этот лидер либералов согласился оказать поддержку любому патриотическому правительству, хотя, по его словам, нельзя «доверять ни одному правительству, куда входят лица, возводящие в культ револьвер и политические убийства» („Voinţa Naţională”, Bucureşti, marţi, 10/22 mai 1888, anul V, nr. 1107, p. 2).

[2] Российский дипломат растолковал слова генерала Лекка. Упоминая покушения на И.К. Брэтиану, Лекка произнёс следующее: „Он ускользнул от ножа Пьетрару, от покушения извозчика, потому что, господа, не будем предаваться иллюзиям, что тогда, когда Ион Брэтиану свалился в канаву в Котрочень, это не было случайностью. По моему убеждению, это было покушением». Вмешавшийся Стойческу подтвердил заявление Димитрие Лекка, указав, что извозчик был русским. (См. там же). Вечером 6 июля 1877 г. Брэтиану возвращался домой в пролётке, которой управлял русский извозчик. В какой-то момент лошади вышли из-под контроля, пролётка перевернулась, и Брэтиану выпал в придорожный ров, где находился без сознания около 45 минут, пока не был приведён в чувство.

[3] 23 марта (4 апреля) 1888 г. было сформировано жунимистское правительство, главой которого и министром внутренних дел стал Теодор Росетти. В кабинет вошли министр иностранных дел П.П. Карп, министр финансов Менелас Германи, министр юстиции Александру Маргиломан; министр культов и народного просвещения Титу Майореску. Последний также временно возглавил министерство сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ. Портфель военного министра

получил генерал Константин Барощци, а министра общественных работ Александру Б. Штирбей.

[4] В тот период оппозиция не была организованной и единой силой. Поручение короля жунимистам сформировать правительство было встречено в парламенте враждебно. Консерваторы остались в оппозиции и рассматривали кабинет жунимистов как временный. С другой стороны, и сами жунимисты не спешили распускать парламент, а скорее, пытались привлечь к себе как можно больше сторонников.

[5] После генерала Лекка с речью выступил Брэтиану. Он говорил о положении румынских крестьян, проводя сравнение с ситуацией в России. Упомянул он и Павла Дмитриевича Киселёва, «автора несчастного Органического регламента», и притеснения румынского населения в Бессарабии („Voinţa Naţională", Bucureşti, marţi, 10/22 mai 1888, anul V, nr. 1107, p. 2).

Bucureşti, 19 mai 1888, nr. 19. Hitrovo către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Ca dovadă a inepţiilor la care recurg colectiviştii îndepărtaţi de la putere în atacurile la adresa Rusiei, care ar fi cumpărat opoziţia, îmi permit să atrag atenţia Excelenţei Voastre asupra câtorva aspecte stranii din discursul[1] generalului Lecca, ţinut la întrunirea din 9 mai şi făcut public azi.

Vorbind despre mişcarea ţărănească, preşedintele Camerei Deputaţilor observă următoarele: „partidul care ne-a înlăturat de la putere a venit cu aur străin, care i-a făcut să pună mâna pe arme nu pe ţăranii proprietari, ci pe haimanalele nenorocite… Am văzut eu însumi cum îi incitau în Moldova străinii pe ţărani la răscoală". Discutând în continuare despre atentatul la viaţa preţioasă a marelui cetăţean Brătianu, Lecca exclamă cu patos: „Vă mai aduceţi cumva aminte, domnilor, întâmplarea de acum trei ani[2], când, mergând cu trăsura spre Cotroceni, Ion Brătianu a fost aruncat în şanţ? Cine îl ducea? Îl ducea un birjar rus. Nu, domnilor, acel accident nu a fost întâmplător; acela a fost un atentat la viaţa marelui nostru om de stat. Aici este evidentă mâna Rusiei".

Din vorbăria liberalilor români rezultă că timp de 20 ani Rusia nu a avut altă grijă decât pentru colectivişti şi domnul Brătianu, aceste santinele vigilente care apără civilizaţia europeană de obscurantismul rus. Toate aceste acuzaţii ar fi doar ridicole; însă, având în vedere statutul oficial al domnului Lecca, în calitate de preşedinte al Camerei Deputaţilor, ajungi în impas din cauza impertinenţei şi cinismului acuzaţiilor la adresa Rusiei, din partea unei persoane cu o poziţie foarte importantă, într-un regat pretins aliat nouă.

Guvernul actual[3], continuând să insiste în refuzul de a dizolva Camera, se situează într-o poziţie profund greşită. În toate statele cu regim constituţional, în special în chestiuni de politică externă, guvernul trebuie să reprezinte expresia opiniei majorităţii din Camere. Diferenţele de opinie nu pot să continue

mult; fie cade guvernul, fie sunt dizolvate Camerele. Aici însă, asistăm la condiţii cu totul diferite, anormale, de funcţionare a guvernului. Majoritatea din Camere este ostilă Guvernului junimiştilor, care, totuşi, nu poate nega legal răspunderea pentru discursurile publice ale preşedintelui Camerei Deputaţilor, până când aceasta nu este dizolvată[4].

Având în vedere aceste raţionamente, am considerat că este de datoria mea să aduc la cunoştinţa Guvernului imperial, prin telegrama nr. 90 din 16 mai a.c., cele relatate mai sus, atrăgând totodată atenţia asupra atitudinii pe alocuri incorecte faţă de noi din partea Guvernului român actual, slab şi fără culoare, care, ignorând ultima mea notă şi discuţiile Excelenţei Voastre cu domnul Ghica, despre care mi-a vorbit personal domnul Carp, nu recurge la suficient de multe măsuri radicale pentru combaterea oficială a calomniilor zilnice la adresa Rusiei difuzate de presă.

În esenţă, convingerile anterioare ale domnilor Carp, Maiorescu şi ale altora, sentimentele lor filogermane şi filoaustriece radicale sunt destul de cunoscute, pe aceasta mizând şi colectiviştii, în dorinţa de a obţine cu orice preţ dacă nu întreruperea de fapt a contactelor dintre noi şi actualul guvern, atunci, cel puţin, agravarea acestora. Ei mizează pe faptul că, chiar şi confruntat cu cererile noastre, Guvernul junimist nu poate să meargă prea departe în dezavuarea minciunii răspândite la adresa Rusiei, deoarece acest gest ar intra într-o oarecare măsură în contradicţie cu principiile vechi ale corifeilor acestora şi i-ar compromite în faţa Guvernului austro-ungar şi a politicii de culise a regelui. De aceea, fiind prea exigenţi faţă de guvernul actual, noi am risca, până la un punct, să facem jocul maşinaţiunilor perfide ale colectiviştilor, totuşi, pe de altă parte, noi nu prea putem lăsa fără consecinţe un fapt neauzit până acum, când un guvern care se află în relaţii oficiale de amiciţie cu noi să-şi permită să acuze Guvernul imperial, prin vocea preşedintelui Camerei nedizolvate, de activităţi criminale şi de agitarea poporului la lichidarea prin forţă a ordinii actuale.

În legătură cu cele relatate mai sus, consider că este de datoria mea să le aduc la cunoştinţa Excelenţei Voastre.

Esenţa discuţiilor confidenţiale purtate cu domnul P. P. Carp în această chestiune o expun într-o depeşă specială care va urma.

Acestui raport îi este alăturată traducerea discursului domnului Brătianu[5], ţinut pe data de 9 mai, ca dovadă elocventă a minciunii istorice şi a vorbăriei fără sens a unui demagog pe cale de a fi posedat de infantilism.

Cu sinceră consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 627, filele 165-169 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] După citirea manifestului de către C.I. Stoicescu, a urmat discursul generalului Dimitrie Lecca, cel care aprecia că, în acele momente, „nu mai este vorba de lupta pentru partid, ci de lupta pentru țară". Liderul liberal era de acord cu susținerea oricărui guvern patriotic, însă nu putea avea „încredere într-un guvern care are în sânul său oameni care au făcut apologia revolverului și a asasinatelor politice" („Voința Națională", București, marți, 10/22 mai 1888, anul V, nr. 1107, p. 2).

[2] Cuvintele generalului Lecca au atras atenția diplomatului rus. Amintind de atentatele la adresa lui I.C. Brătianu, Lecca făcea următoarea mențiune: „A scăpat de cuțitul lui Pietraru, de atentatul birjarului, căci, de, domnilor, să nu ne facem iluzii și atunci când Ioan Brătianu a fost răsturnat la Cotroceni în șanț, n-a fost o întâmplare, pentru mine și acela a fost un atentat". A intervenit C.I. Stoicescu, care spunea că birjarul era rus, afirmație aprobată de Dimitrie Lecca (*Ibidem*). În seara zilei de 6 iulie 1877, I.C. Brătianu se întorcea acasă cu o trăsura condusă de un birjar rus. La un moment dat, caii nu au mai putut fi controlați, iar trăsura s-a răsturnat, Brătianu rămânând circa 45 minute întins pe trotuar.

[3] La 23 martie 1888, s-a format guvernul junimist, preşedinte al Consiliului de Miniştri şi ministru de Interne fiind Theodor Rosetti. Din guvern mai făceau parte: P.P Carp, la Ministerul Afacerilor Străine; Menelas Ghermani, la Finanțe; Alexandru Marghiloman la Justiție; Titu Maiorescu la Ministerul Cultelor și Instrucțiunii Publice, dar și *ad-interim* la Agricultură, Industrie, Comerț și Domenii; generalul Constantin Barozzi la Ministerul de Război; Alexandru B. Știrbei la Ministerul Lucrărilor Publice.

[4] În acele momente, opoziția nu era o forță organizată, unitară. Faptul că junimiștii fuseseră însărcinați în formarea guvernului a fost primit în Parlament cu ostilitate. Conservatorii au rămas în opoziție și priveau guvernul junimist ca un provizorat. Pe de altă parte, junimiștii nu se grăbeau să dizolve Parlamentul, ci mai degrabă încercau să atragă cât mai mulți partizani.

[5] După discursul generalului Lecca, a urmat cel al lui I.C. Brătianu. Acesta a făcut referiri la situația țăranului român, făcând comparații și cu situația din Rusia. A amintit de Pavel Kiseleff „autorul nenorocitului Regulament Organic", dar și de asuprirea elementului românesc în Basarabia („Voința Națională", București, marți, 10/22 mai 1888, anul V, nr. 1107, p. 2).

3

Бухарест, 19 мая 1888 г., № 20. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

С самого вступления во власть нынешнего Министерства отношения между мною и господином Карпом установились довольно дружелюбные и откровенные. В первые же наши свидания на уверение его в том, что Министерство жунимистов приложит всякие старания удовлетворить нас во всех с ним сношениях, я отвечал господину Карпу, что мне очень хорошо известна его репутация крайнего германо- и австрофильства, но что это не может нисколько повлиять на наши взаимные отношения. – Мы не призваны, сказал я, определять и предрешать здесь главные черты общей политики. Для нас гораздо важнее

искренность ежедневных сношений по ежедневным текущим делам. В Вас и Ваших коллегах я приветствую вступление во власть честных и порядочных людей, с которыми, я не сомневаюсь, мне будет несравненно легче и приятнее вести сношения, чем с теми постоянными политическими конспираторами, каковыми всегда оказывались ваши предшественники. Далее, разразившиеся в коллективистской прессе нападки[1], площадная брань и клеветы против меня лично и против императорского правительства, послужили поводом весьма частых свиданий моих и продолжительных разговоров с господином Карпом. Вследствие первого моего заявления он весьма охотно поспешил напечатать в «Мониторе»[2] официальное сообщение, которое было мною своевременно представлено на усмотрение Вашего Высокопревосходительства. Но сообщение это нисколько не уняло враждебную нам прессу коллективистов. Поэтому я неоднократно[3] снова обращался к господину Карпу, выставляя ему на вид необходимость категорических со стороны правительства опровержений на неприличные выходки, инсинуации и клеветы разнузданной печати. Помимо моей ноты, в копии мною представленной Вашему Высокопревосходительству, я в разговорах постоянно приглашал господина Карпа к проявлению большей энергии в отношении заносчивости брэтиановских газет. Господин Карп постоянно хвастался мне статьями, помещёнными с этой целью в «România Liberă»[4], официальном органе его политического кружка.

Но в статьях этих я не мог признать достаточной категоричности в опровержении собственно ложных фактов, приводимых против нас. Статьи эти в «România Liberă» большею частью сводятся к разоблачению собственно коллективистов с целью доказать, что все их измышления и вся их агитация направлены исключительно в партийном интересе для возвращения себе утраченной власти. Статьями этими изобличаются более лгуны, а не самая их ложь. Притом официозный орган политического кружка не представляется мне достаточно официальным в данном случае; я предпочёл бы ряд категорических опровержений в «Официальном Мониторе». Но господин Карп старался меня уверить, что румынский «Монитор» не имеет собственно политического отдела, что в нём могут быть помещаемы лишь лаконические сообщения и что политическая полемика гораздо удобнее в официозном органе.

Положение господина Карпа и его министерских товарищей действительно довольно затруднительно. Дабы категорически опровергнуть ложь коллективистов, им нужно официально и громко заявить о чистоте и правоте действий и намерений России по отношению к Румынии и чрез то нанести удар, как самим себе, так и успехам той австрофильской политики, которой они всегда были и остаются приверженцами. По политике внутренней жунимисты вполне разделяют принципы консерваторов и являются явными противниками коллективистов, в области же политики внешней они являются ещё более приверженными

западно-германскому направлению, чем сии последние, которые собственно никаких принципов не имеют и добиваются лишь власти и бюджета. Коллективисты это вполне сознают и стараются поставить нынешнее правительство в неловкое положение[5].

Впрочем, вначале я не слишком настаивал пред господином Карпом в надежде, что правительство обнародует результаты официального следствия по поводу крестьянских движений, и обнародование это положит конец всем распространённым и распространяемым в этом отношении вымыслам. Но теперь, как оказывается, следствие это едва ли будет обнародовано. Дело в том, что, как я уже имел честь доносить Вашему Высокопревосходительству, главная причина крестьянского движения заключается в тех заискиваниях, которые были проявлены в отношении к крестьянам в разное время вожаками разных партий и в тех лживых обещаниях, которые ими давались крестьянам в избирательных видах и партийных интересах. Говорят, что обнародование произведённого следствия могло бы компрометировать многих лиц, близко стоящих к нынешнему правительству. Вот почему оно старается потушить это дело и избегает опубликования следствия. Коллективисты всё это очень хорошо знают и, ведая затруднения правительства обнародовать всю истину, пользуются этим, чтобы взводить на нас всевозможные небылицы и нагло обвинять в восстании крестьян императорское правительство и каких-то русских агентов.

При последнем свидании моём с господином Карпом вчерашнего числа мы подробно разговаривали о предпринятой коллективистами ожесточённой кампании против России. Я обратил внимание министра иностранных дел на обнародованное коллективистами их чудовищное воззвание к народу и в особенности на подпись под этим документом генерала Лекка, председателя палаты депутатов и на неприличную произнесённую им речь.

– Но та палата будет распущена[6], поспешил мне возразить господин Карп, и Вы знаете, что мы с ней не имеем ничего общего.

– Да, отвечал я ему, я это знаю, но этого не знает вся читающая европейская публика, и Вы, как правительство, не можете легально отрицать ответственности за слова, публично произнесённые официальным лицом, председателем палаты, пока палата эта не распущена. Я дал понять моему собеседнику, что, несмотря на всё моё желание не возбуждать нынешнему кабинету затруднений и не играть в масть коллективистам, я нашёл себя вынужденным обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на неприличную выходку председателя палаты и что мне неизвестно, как посмотрит на это императорское правительство.

Помимо этой выходки господина Лекка я вновь обратил внимание господина Карпа на ежедневные неприличные выходки коллективистской прессы против меня, на постоянное неприличное обсуждение ими моих

действительных или мнимых действий, даже намерений и мыслей. Коллективистские журналы беспрестанно печатают о том, что я будто бы доношу моему правительству, и что правительство моё мне отвечает на мои донесения. Я высказал господину Карпу, что нисколько не отрицаю право местной печати обсуждать какое либо действительное действие иностранного государства, предложение какого-либо договора, какой-либо конвенции или трактата, но что нападки её на никому не известные и ничем не проявляемые действия иностранного государства и его официального представителя составляют неприличие, которое не может быть терпимо. Нападки такого рода и такого рода вторжение в ежедневную официальную и частную жизнь иностранного представителя оскорбительны не только для него и его правительства, но и для того государя, при котором он аккредитован. Вот почему всюду иностранные представители более или менее гарантированы против такого рода нападок и вторжений прессы. Я цитировал, между прочим, господину Карпу прошлогодний случай возбуждения императорским правительством по собственной инициативе уголовного преследования за оскорбление против газеты «Новое Время», позволившей себе назвать германского военного агента шпионом.

Совершенно разделяя основательность моих доводов, господин Карп отвечал мне, что первым действием Министерства по созвании новых палат будет внесение в них законопроекта против разнузданности печати в этом смысле. Он прибавил, что провести такой закон будет весьма трудно, но что он надеется, что закон будет проведён. До проведения же такого закона правительство совершенно бессильно против распущенности печати[7].

По поводу речи генерала Лекка и манифеста коллективистов господин Карп мне сказал:

– В том-то и беда, что в нашей стране не существует пока никакого сознания о значении произнесённого слова. И это происходит от того, что у нас беспрестанно встречаются примеры явных антидинастиков и анархистов, превращающихся со дня на день в представителей правительства и защитников трона и vice-versa, и всё это без всяких последствий. Брэтиану и Стурдза, несколько лет тому назад громко проповедовавшие низвержение короля[8], делаются ближайшими его советниками.

– И, – прибавил я, – председатель Плоештской республики, когда-то объявивший князя Карла низложенным, ныне является первым флигель-адъютантом короля Карла[9], и это никого не удивляет.

– Да, прибавил господин Карп, и Брэтиану, и Лекка, сегодня разражающиеся в нападках на Россию, быть может, завтра найдут более выгодным прикидываться её приверженцами, и это их нисколько не стесняет. Господин Карп, как видно, невысокого мнения о большинстве своих соотечественников.

Далее разговор наш перешёл на предстоящие выборы. Я выразил господину Карпу опасение, что в виду недостаточной энергии нынешнего Министерства в разоблачении злоупотреблений его предшественников, быть может, сим последним удастся вновь пробраться в будущие палаты, если не в большинстве, то хоть значительною группою.

– Это немыслимо, возразил господин Карп. Коллективисты чувствуют себя потерянными и все надежды ныне возлагают исключительно на случайность европейской войны. Но, во-первых, случайность эта весьма проблематична, во-вторых, и в случае войны расчёт их ошибочен. Без войны они надолго вновь к власти возвратиться не могут, а если и возвратятся чрез много лет, то в совершенно изменённом виде их партии, с новыми вождями, ибо нынешние слишком дискредитированы в глазах страны. Что же касается до случайности европейской войны, то я вполне убеждён, что вопрос об участии в ней Румынии не может быть решён какою-либо одною партиею. Для разрешения этого вопроса нужно будет созвать представителей всех партий, групп и оттенков, и в этом случае коллективисты несомненно окажутся в крайнем меньшинстве.

Разговор этот казался мне настолько интересным, что я позволил себе утруждать внимание Вашего Высокопревосходительства его подробным изложением.

Возвращаясь же ко всему вышеизложенному, я позволю себе выразить моё мнение что, как бы ни желательно было нам не усложнять положение нынешнего Министерства, мы не можем, однако же, в виду ежедневно повторяющихся наглых нападок прессы, не потребовать со стороны правительства энергического против них воздействия. Равным образом едва ли можем мы пропустить совершенно незамеченной грубую и неприемлемую выходку председателя палаты депутатов. Без предварительного разрешения императорского министерства я не счёл возможным предъявить положительные требования. Если же Ваше Высокопревосходительство изволите это одобрить, я полагал бы полезным положительно потребовать от господина Карпа категорического заявления в «Официальном Мониторе» о том, что никаких русских происков и интриг не существует, что никаких русских агентов, возбуждавших крестьян к восстанию, не открыто и открыто быть не могло, ибо таковых не имеется, и что все сведения о сём, сообщенные газетами, суть чистый вымысел и наглая ложь, что королевское правительство состоит с императорским в самых дружественных отношениях, не имея ни малейших поводов жаловаться ни на императорское правительство, ни на его представителя, и что все газетные измышления по этому поводу, распространяемые с целью скомпрометировать правительство в глазах соседней дружественной державы, суть действия антипатриотические, могущие иметь для страны самые вредные последствия[10].

О всём вышеписанном, представляя на благоусмотрение Императорского Министерства, буду почтительнейше ожидать благосклонных указаний Вашего Высокопревосходительства.

С истинным почтением и неограниченной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 627, Листы 174-183. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Хитрово имеет в виду статьи, появившиеся в газетах «Телеграфул», «Воинца националэ», «Демократия», а также в периодическом издании на французском языке «Ла либертэ».

[2] Действительно, российский дипломат имел основания быть недовольным содержанием сообщения в «Официальном мониторе». Эта информация была помещена в разделе «Неофициальные известия» и содержала следующее: «Многие столичные газеты поспешили высказаться о причинах недавних беспорядков в уезде Ильфов. Одна из них, «Телеграфул», дошла в своей непристойности до того, что прямо обвинила представителя одной дружественной державы и потребовала его отзыва. У правительства же нет никаких оснований верить в то, что в интересах той или иной великой державы провоцировать беспорядки в нашей стране; что же касается истинных причин восстания, то судебные органы представят информацию, и истина станет явной» («Monitorul Oficial», vineri, 8/20 aprilie 1888, nr. 7, p. 141).

[3] Например, в письме от 6 мая 1888 г., подписанном М.А. Хитрово и адресованном министру иностранных дел П. Карпу, российский дипломат выразил недовольство по поводу кампании, предпринятой либеральными газетами, и требовал вмешательства румынского правительства. Хитрово считал ниже своего достоинства вступать в полемику с румынскими газетами.

[4] См., например, „România Liberă”, Bucureşti, joi 7/19 aprilie 1888, anul XII, nr. 3179, p. 1; *Ibidem*, sâmbătă 9/21 aprilie 1888, p. 1; *Ibidem*, joi 21 aprilie/3 mai 1888, p. 1. Эти статьи не опровергали обвинения в адрес России, а скорее, имели общий характер. Возможно лишь в последнем из указанных номеров, где делалась попытка объяснить причины, которые привели к крестьянскому восстанию, исключалась версия о том, что «какая-то иностранная рука была бы в состоянии спровоцировать в Румынии опасное движение против нас. Образованные слои румынского общества, какими бы страстями они ни увлекались, никогда не будут служить инструментом для иностранного вмешательства. Те или иные обвинения, которые нам вбрасываются через прессу, носят в высшей степени балканский характер и не могут никем восприниматься всерьёз».

[5] Жунимисты формально оставались в составе консервативной партии вплоть до 1884 г., хотя и после этого имели место контакты и сотрудничество. В период до 1888 г., когда эти две группы находились в оппозиции либеральному правительству, они по-разному понимали модель оппозиционности. В 1888 г., придя к власти, жунимисты предложили ряд реформ в сферах социальной (меры по улучшению положения крестьян), административной (улучшение управления в сельских коммунах), экономической (отмена ажио). Александру Лаховари, один из лидеров консерваторов, способствовал поддержке этих идей и внутри своей партии (Bulei I. *Conservatori şi conservatorism în România.* Bucureşti, 2000. P. 93-96).

[6] Парламент предстояло распустить лишь в сентябре 1888 г.

[7] В конце XIX в. никакого подобного закона принято не было.

[8] Вероятнее всего, российский дипломат имел в виду события 70-х гг., когда Д. А. Стурдза, находясь в оппозиции, выпускал под псевдонимом в иностранной прессе статьи против Карла I.

[9] Речь идет об Александру Кандиано-Попеску, который возглавлял республиканское движение от 8(20) августа 1870 г., имевшее непосредственной целью свержение князя Карла I.

[10] Пометка, сделанная другим почерком на краю листа 183: «Если он этого добьётся, то было бы хорошо».

Bucureşti, 19 mai 1888, nr. 20. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Chiar la preluarea puterii de către actualul guvern, între mine şi domnul Carp s-au dezvoltat nişte relații destul de amicale şi sincere. De la primele noastre întâlniri, la asigurările sale că Guvernul junimist va face tot ce este posibil pentru a ne mulțumi în toate contactele, eu i-am răspuns domnului Carp că mie îmi este foarte bine cunoscută reputația sa de filogerman şi filoaustriac radical, fapt care nu poate afecta însă relațiile noastre comune. – Noi nu suntem chemați, am spus eu, să stabilim şi să decidem aici direcțiile de bază ale politicii generale. Pentru noi, mult mai importantă este sinceritatea în relațiile cotidiene în chestiuni de interes curent. În persoana dumneavoastră şi a colegilor dumneavoastră noi salutăm preluarea puterii de persoane cinstite şi corecte, cu care, neîndoielnic, îmi va fi mult mai uşor şi plăcut să comunic, decât cu acei conspiratori politici permanenți, aşa cum s-au dovedit a fi predecesorii dumneavoastră. În continuare, atacurile din presa colectivistă[1], înjurăturile ordinare şi calomniile la adresa mea şi a Guvernului imperial, au reprezentat pretextul pentru alte întrevederi frecvente şi discuții prelungite cu domnul Carp. Ca urmare a primei mele declarații, el s-a grăbit să publice în „Monitor”[2] o declarație oficială pe care am pus-o la dispoziția Excelenței Voastre în timp util. Însă această declarație nu a potolit deloc presa colectivistă ostilă nouă. De aceea, eu m-am adresat de mai multe ori[3] domnului Carp, atrăgându-i atenția asupra faptului că guvernul este obligat să reacționeze prin dezmințiri oficiale la ieşirile inamicale, insinuările şi calomniile presei dezmățate. Alături de nota mea, pusă la dispoziția Excelenței Voastre în copie, în discuții eu l-am invitat constant pe domnul Carp să arate mai multă energie în atitudinea față de obrăznicia ziarelor brătieniste. Domnul Carp se lăuda mereu cu articolele inserate în acest scop în „România Liberă”[4], oficiosul cercului său politic.

Însă în respectivele articole eu nu am reuşit să recunosc o atitudine suficient de categorică în dezmințirea faptelor mincinoase atribuite nouă. Aceste articole din „România Liberă” se reduc, în cea mai mare parte, la deconspirarea propriu-zisă a colectiviştilor, cu scopul de a demonstra că toate invențiile şi agitația urmăresc doar exclusiv interese politice, pentru recâştigarea puterii pierdute. Prin respectivele articole sunt demascați mai degrabă plăsmuitorii de

minciuni, decât minciuna însăşi. Este de observat faptul că organul de presă al amintitului cerc politic nu mi se pare suficient de oficial; eu aş prefera câteva dezmințiri categorice în „Monitorul Oficial". Domnul Carp a încercat totuşi să mă convingă că „Monitorul" românesc nu conține şi o rubrică politică, aici putând fi inserate doar anunțuri scurte, şi că polemica politică este mult mai convenabilă în oficiosul de presă.

Poziția domnului Carp şi a camarazilor săi din guvern este într-adevăr destul de complicată. Pentru a dezminți categoric minciuna colectiviştilor, ei ar trebui să asume oficial şi tranşant sinceritatea şi justețea acțiunilor şi intențiilor Rusiei față de România, aplicând însă prin aceasta o lovitură atât lor înşişi, cât şi succeselor acelei politici austrofile, ai cărei adepți au fost şi rămân încă. În politica internă, junimiştii împărtăşesc destul de clar principiile conservatorilor, fiind astfel adversari ai colectiviştilor, în timp ce în domeniul politicii externe ei susțin într-o şi mai mare măsură orientarea occidental-germană decât aceştia din urmă, care, de fapt, nu au nici un principiu şi urmăresc doar puterea şi bugetul. Colectiviştii sunt destul de conştienți de acest lucru şi încearcă să pună guvernul într-o poziție delicată[5].

De fapt, inițial eu nu am insistat foarte mult pe lângă domnul Carp, în speranța că guvernul va face publice rezultatele anchetei oficiale în chestiunea mişcărilor țărăneşti, că această publicare a rezultatelor va pune capăt tuturor insinuărilor care au fost şi mai sunt încă răspândite. Acum însă, cum se pare, rezultatele acestei anchete nu vor mai fi publicate probabil. Aşa cum am avut deja onoarea de a aduce la cunoştința Excelenței Voastre, cauza principală a mişcării țărăneşti constă în măgulirea țăranilor de-a lungul timpului de către conducătorii diferitor partide şi în promisiunile mincinoase făcute țăranilor în activitățile electorale şi în interes de partid. Se spune că publicarea rezultatelor anchetei ar putea compromite foarte multe persoane din anturajul actualului guvern. Este motivul pentru care acesta încearcă să îngroape întregul dosar şi refuză publicarea rezultatelor anchetei. Colectiviştii înțeleg foarte bine acest lucru şi, cunoscând dificultățile guvernului în a face public adevărul, se folosesc de situație pentru a îndrepta împotriva noastră tot felul de plăsmuiri mincinoase şi pentru a acuza cu neruşinare Guvernul imperial şi pretinşi agenți ruşi de răscoala țăranilor.

În timpul ultimei întrevederi cu domnul Carp de ieri, am discutat în detaliu despre campania exasperantă a colectiviştilor împotriva Rusiei. I-am atras ministrului Afacerilor Externe atenția asupra oribilei proclamațiuni a colectiviştilor către popor şi în special asupra semnăturii generalului Lecca, preşedinte al Camerei Deputaților, la fel ca şi asupra discursului indecent al acestuia.

– Însă această Cameră va fi dizolvată[6], s-a grăbit să-mi replice domnul Carp, şi dumneavoastră ştiți că noi nu avem nici o legătură cu ea.

– Da, am răspuns eu, sunt la curent, dar acest lucru nu este cunoscut de către tot publicul cititor european, iar dumneavoastră, ca guvern, nu puteți ignora legal răspunderea pentru cuvintele rostite în public de către o persoană

oficială, președintele Camerei, atâta timp cât această Cameră nu a fost dizolvată. I-am dat de înțeles interlocutorului meu că, chiar dacă personal nu doresc să creez dificultăți inutile actualului guvern și că nu vreau să fac jocul colectiviștilor, am considerat că este obligația mea de a aduce la cunoștința Excelenței Voastre ieșirea indecentă a președintelui Camerei și că nu pot să știu cum va reacționa la aceasta Guvernul imperial.

În afară de această ieșire a domnului Lecca, i-am atras din nou atenția domnului Carp asupra ieșirilor zilnice indecente din presa colectivistă împotriva mea, la discutarea indecentă continuă a acțiunilor mele adevărate sau imaginate, chiar și a intențiilor și gândurilor mele. Ziarele colectiviste scriu fără întrerupere despre faptul că eu aș informa cu regularitate guvernul meu și că guvernul meu îmi răspunde la informări. I-am spus domnului Carp că eu nu neg dreptul presei locale de a discuta despre orice acțiune reală a unui stat străin, despre orice propunere de acord, convenție sau tratat, dar că atacurile acesteia, prin invocarea unor acțiuni necunoscute nimănui sau inexistente la adresa unui stat străin și a reprezentantului său oficial constituie un act indecent care nu poate fi tolerat. Atacurile de această factură și ingerințele de acest gen în viața cotidiană oficială și privată a unui reprezentant străin sunt ofensatoare nu doar pentru acesta și guvernul său, dar și pentru acel suveran pe lângă care este acreditat. Iată de ce peste tot reprezentanții străini sunt mai mult sau mai puțin protejați împotriva unor astfel de atacuri și ingerințe ale presei. I-am adus aminte printre altele domnului Carp de cazul inițierii anul trecut, la inițiativa Guvernului imperial, a urmăririi penale împotriva ziarului „Novoe Vremea", care și-a permis să-l numească spion pe ataşatul militar german.

Împărtășind principial justețea raționamentelor mele, domnul Carp mi-a răspuns că prima acțiune a guvernului după convocarea noilor Camere va fi inițierea unei inițiative legislative împotriva dezmățului de acest gen din presă. El a mai adăugat că promovarea unei astfel de legi va fi destul de dificilă, dar că el speră că legea va fi adoptată. Totuși, până la adoptarea unei astfel de legi, guvernul este cu totul neputincios în fața desfrâului presei[7].

Cât privește discursul generalului Lecca și manifestul colectiviștilor, domnul Carp mi-a spus:

– În aceasta și constă nenorocirea, că în țara noastră încă nu este conștientizată importanța cuvântului rostit. Iar acest lucru se explică prin faptul că la noi se întâlnesc fără întrerupere exemple de persoane cu convingeri antidinastice și anarhiste, care se transformă de pe o zi pe alta în reprezentante ale guvernului și apărătoare ale Tronului și viceversa, toate acestea fără nici o consecință. Acum câțiva ani, Brătianu și Sturdza militau cu voce tare pentru detronarea regelui[8], pentru a deveni apoi sfătuitori apropiați ai săi.

– Și, am adăugat eu, președintele republicii de la Ploiești, care l-a declarat cândva detronat pe principele Carol, este în prezent primul aghiotant al regelui Carol[9], iar acest lucru nu miră pe nimeni.

– Da, a completat domnul Carp, și Brătianu și Lecca, care se dezlănțuie în prezent în atacuri la adresa Rusiei, mâine vor considera poate că este mult

mai profitabil să se erijeze în adepți ai acesteia, iar acest lucru nu-i deranjează câtuşi de puțin. Domnul Carp, cum se vede, nu are o părere foarte bună despre majoritatea compatrioților săi.

În continuare, în discuția noastră ne-am referit la viitoarele alegeri. I-am exprimat domnului Carp temerea că, în lipsa unor acțiuni suficient de energice din partea actualului guvern, de demascare a abuzurilor predecesorilor săi, se poate întâmpla ca aceştia din urmă să reuşească să intre din nou în viitoarele Camere, dacă nu în majoritate, atunci într-un grup important.

– Acest lucru este de neimaginat, a obiectat domnul Carp. Colectiviştii se simt pierduți şi îşi pun în prezent toate speranțele exclusiv în posibilitatea unui război european. În primul rând însă, posibilitatea declanşării unui astfel de război este foarte problematică, iar în al doilea rând, în cazul unui război, calculul lor este greşit. Fără un război ei nu vor putea reveni mult timp la putere, iar dacă se vor întoarce după mulți ani, atunci într-o cu totul altă formă a partidului lor, cu noi conducători, deoarece actualii sunt discreditați în ochii țării. Cât priveşte posibilitatea declanşării unui război european, sunt profund convins că participarea României la acesta nu poate fi decisă de un oarecare partid singur. Pentru o decizie în această chestiune vor trebui convocați reprezentanții tuturor partidelor, grupurilor şi curentelor, iar în acest caz colectiviştii se vor afla cu siguranță într-o minoritate clară.

Această discuție mi s-a părut atât de interesantă, încât mi-am permis să solicit atenția Excelenței Voastre cu o descriere detaliată.

Revenind la cele relatate mai sus, mi-aş permite să-mi expun propriul punct de vedere. Chiar dacă nu ar fi de dorit să complicăm situația guvernului actual, totuşi, având în vedere atacurile impertinente ce se repetă zilnic în presă, noi nu putem să nu cerem guvernului luarea de acțiuni energice împotriva lor. În mod egal, nu putem lăsa neobservată ieşirea grosolană şi indecentă a preşedintelui Camerei Deputaților. Fără acordul prealabil al Guvernului imperial, eu nu am considerat de cuviință să pun condiții în acest sens. Însă, dacă Excelența Voastră îmi va permite să fac acest lucru, eu aş considera că ar fi util să solicit domnului Carp publicarea în „Monitorul Oficial" a unei declarații categorice că nu există nici un fel de uneltiri şi intrigi ruseşti, că nu au fost identificați şi nici nu pot fi identificați nici un fel de agenți ruşi care i-ar fi incitat pe țărani la răscoală, deoarece nu există astfel de agenți, şi că toate relatările de acest gen comunicate de ziare reprezintă pure invenții şi minciuni neruşinate, că Guvernul regal se află în cele mai amicale relații cu Guvernul imperial, că nu are nici cele mai mici motive de a se plânge nici de Guvernul imperial şi nici de reprezentantul său şi că toate invențiile de presă în această chestiune sunt răspândite cu scopul de a compromite guvernul în ochii puternicului stat vecin şi prieten, că acestea sunt în esență acțiuni antipatriotice, care pot avea cele mai dăunătoare urmări pentru țară[10].

Despre toate cele scrise mai sus, supunându-le analizei Ministerului imperial, voi rămâne respectuos în aşteptarea indicațiilor binevoitoare ale Excelenței Voastre.

Cu sinceră considerație și devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 627, filele 174-183.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Hitrovo se referă la articole apărute în ziarele „Telegraful", „Voința Națională", „Democrația", dar și la periodicul de limbă franceză „La Liberté".

[2] Diplomatul rus era nemulțumit pe bună dreptate de comunicatul din „Monitorul Oficial". Această informație era inserată în secțiunea „Parte neoficială" și cuprindea următoarele: „Mai multe jurnale din capitală se pronunță în mod pripit asupra cauzelor ce au provocat ultimele dezordini prin satele din județul Ilfov. Unul, și anume «Telegraful», merge cu necuviința până a acuza direct pe reprezentantul unei puteri amice și cere rechemarea lui. Guvernul nu are nici un motiv de a crede că una sau alta din puteri ar avea interese să provoace tulburări în țară; cât pentru adevăratele cauze ale răscoalei, justiția va informa și adevărul se va da la lumină" („Monitorul Oficial", vineri, 8/20 aprilie 1888, nr. 7, p. 141).

[3] De exemplu, într-o scrisoare din 6 mai 1888, semnată de Mihail Hitrovo, adresată ministrului român al Afacerilor Străine, P.P. Carp, diplomatul rus își exprima îngrijorarea față de campania inițiată de gazetele liberale, cerând intervenția guvernului român. Ministrul rus considera că era sub demnitatea sa de a polemiza cu ziarele românești.

[4] A se vedea, în acest sens, „România Liberă", București, joi 7/19 aprilie 1888, anul XII, nr. 3179, p. 1; *Ibidem*, sâmbătă 9/21 aprilie 1888, p. 1; *Ibidem*, joi 21 aprilie/3 mai 1888, p. 1. Aceste articole nu se concentrau pe dezmințirea acuzelor aduse Rusiei, ci aveau mai degrabă un caracter general. Poate doar în ultimul număr amintit de noi, căutând să se explice cauzele care duseseră la apariția răscoalei țăranilor, se exclude ipoteza că „o mână străină ar fi fost în stare să provoace în România o mișcare periculoasă pentru noi. Păturile culte ale societății române, oricât de pasionate ar fi ele, nu vor servi niciodată de instrument străinului. Acuzațiile ce ne aruncăm unii altora prin presă sunt superlative meridionale, pe care nimeni nu le ia în serios".

[5] Junimiștii au rămas în interiorul Partidului Conservator până în 1884, însă au existat și după acest moment contacte și colaborări. În perioada de până la 1888, cât s-au aflat în opoziție față de guvernul liberal, cele două grupări au înțeles diferit lupta cu acesta. La 1888, ajunși la putere, junimiștii propuneau câteva reforme în domeniul social (măsuri privind îmbunătățirea situației țăranilor), administrativ (o mai bună administrare a comunelor rurale), economic (înlăturarea agiou-lui). Alexandru Lahovari, unul dintre cei mai importanți lideri ai conservatorilor, admitea că aceleași idei se regăseau și în interiorul partidului său (Ion Bulei, *Conservatori și conservatorism în România*, București, 2000, p. 93-96).

[6] Parlamentul a fost dizolvat abia în septembrie 1888.

[7] Nu cunoaștem, pentru sfârșitul secolului XIX, ca o astfel de inițiativă să se fi adoptat.

[8] Cel mai probabil, diplomatul rus se referă la anii 1870, când D.A. Sturdza, aflat în opoziție, semna, în presa străină, sub pseudonim, articole împotriva lui Carol I.

[9] Referire la Alexandru Candiano-Popescu, aflat în fruntea mișcării din 8/20 august 1870, care a avut drept scop înlăturarea prințului Carol I.

[10] La fila 183, în partea de sus, pe margine, a fost făcută cu alt scris următoarea însemnare: „Dacă el va reuși acest lucru, ar fi foarte bine".

4

Бухарест, 11 июня 1888 г., № 28. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

В виду упорно продолжающихся нападок на нас со стороны коллективистской печати, долгом считаю обратить благосклонное внимание Вашего Высокопревосходительства на некоторые приёмы борьбы враждебных нам газет, а также на сочувственное отношение к ним со стороны германской официозной печати. Так, например, в «Северогерманской Всеобщей Газете» появилась корреспонденция[1], видимо официального характера, которая в весьма лестных выражениях отзывается о пресловутом коллективистском манифесте и о «том благотворном влиянии, которое, судя по этому манифесту, павшая партия имела на политическое воспитание румынского народа».

Эта корреспонденция была воспроизведена здешней печатью[2] как признак явного одобрения Германией неблаговидных происков господина Брэтиану и К°.

Подобные, далеко не дружественные нам отзывы берлинских официозов лишь подливают масла в огонь наших противников, одобряя и возбуждая их к новым, ещё более ожесточённым нападкам на Россию.

Печатая ежедневно в течение двух месяцев направленные против нас дерзкие статьи, здешние коллективистские органы истощили запас всевозможных выдумок и клеветы на почве вмешательства России в борьбу партий и возбуждения ею внутренних смут в Румынии.

Дабы продолжать с успехом начатую кампанию, требовался новый сюжет для брани и звучных фраз.

Нас стали обвинять в желании подчинить нашему исключительному влиянию румынскую церковь; посыпались доносы на Преосвященного Мельхиседека, Епископа Романского, этого верного и бдительного защитника православия в Румынии, но, к сожалению, чуть ли не единственного в среде здешнего высшего духовенства. Орган нигилиста и анархиста Ралле (Арборе), пресловутый «Telegraful», с необыкновенным нахальством, вдруг почувствовав в себе религиозные православные вожделения, становится на почву каноническую. Он строго[3] упрекает нас в ереси, утверждая, что Россия – отступница от Православия – возвела-де на степень главы церкви царя.

Видя, что почва окончательно ускользает из-под их ног, обезумевшие клевреты Брэтиану огрызаются на всех. Не довольствуясь нападками на консерваторов, они обвиняют даже социалистический орган

«Lupta» в том, что он подкуплен Россией, за то что «Lupta» отозвалась насмешливо о заявлениях коллективистских органов относительно мнимых русских интриг, русских рублей и русских агентов, якобы возбудивших крестьянские восстания[4].

«Telegraful», «Voinţa Naţională» и «Democraţia» не оставляют никого в покое; по их словам, даже жунимисты работают сознательно или бессознательно в вероломных видах России. Сам Теодор Росетти, председатель комитета министров, обвиняется ими в том, что он, будто бы, тайно действует в интересах молодого сына князя Кузы и мечтает о регентстве. Вообще вопрос о претендентах на румынский престол[5] и тревога о разоблачении их замыслов тоже составляет с некоторых пор любимую тему коллективистской прессы.

Из прилагаемых при сём переводов некоторых статей «Телеграфула» и «Воинца Националэ», Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть, до каких чудовищных размеров дошли бессмысленные наветы павшей партии.

С истинным почтением и неограниченной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 627, Листы 228-231.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] „Norddeutsche Allgemeine Zeitung” (Berlin), 10 mai 1888.

[2] См., например: *Apelul Partidului naţional-liberal şi presa străină* // „Voinţa Naţională”, vineri 20 mai/1 iunie 1888, anul V, nr. 1115, p. 1.

[3] „Telegraful”, miercuri 8 iunie 1888, anul XIX, nr. 4777, p. 1. Здесь в статье «Отец Мельхиседек и империя святого кнута» епископ обвинялся в русофильстве.

[4] Директором газеты «Лупта» являлся Георге Пану, известный своими нападками по адресу короля Карла I. В номере от 13 апреля 1887 г. Пану опубликовал статью «Опасный человек», которая была прямой атакой на монарха. На основе фактов о крестьянских восстаниях весны 1888 г. многочисленные статьи в газете «Лупта» описывали плачевное состояние румынского крестьянства. Они доказывали, что именно недальновидное управление либералов и внутренние причины вызвали бунты. Что же касается нападок на Россию со стороны либеральной прессы, то «Лупта» полагала, что они представляют собой «самые настоящие псевдопатриотические бредни».

[5] В статье под заглавием «Заговоры сторонников Кузы», которая была опубликована в газете «Телеграфул», утверждалось, что сыну бывшего господаря Александру Иона Кузы протежирует «Восточная империя» и что он-де «желает сделать общеизвестными свои претензии на румынский трон». См.: „Telegraful”, sâmbătă, 7 mai 1888, anul XIX, nr. 4752, p. 1. Также см. статью «Куза и Россия»: *Ibidem*, vineri, 6 mai 1888, nr. 4751, p. 1; vineri, 20 mai 1888, anul XIX, nr. 4763, p. 1.

Bucureşti, 11 iunie 1888, nr. 28. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Având în vedere atacurile insistente împotriva noastră din presa colectivistă, consider de datoria mea în a atrage atenția binevoitoare a Excelenței Voastre asupra câtorva metode de luptă utilizate de către ziarele ostile nouă şi asupra atitudinii binevoitoare față de acestea din partea presei oficioase germane. Astfel, de exemplu, în ziarul „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" a apărut o corespondență[1] cu un caracter aparent oficial, în care se vorbeşte în termeni măgulitori despre mult trâmbițatul manifest colectivist şi despre „influența benefică pe care partidul căzut de la putere îl avea, potrivit acestui manifest, asupra educației politice a poporului român".

Această corespondență a fost reprodusă de presa locală[2] ca dovadă a aprobării clare de către Germania a intrigilor necuviincioase a domnului Brătianu şi C°.

Astfel de reacții deloc amicale la adresa noastră ale oficioaselor berlineze doar toarnă gaz pe focul încins de inamicii noştri, încurajându-i şi instigându-i la noi, şi mai înverşunate, atacuri contra Rusiei.

Publicând în fiecare zi, în ultimele două luni, articole impertinente împotriva noastră, organele de presă ale colectiviştilor locali au epuizat rezerva posibilelor invenții şi calomnii la adresa noastră, pornind de la ingerințele Rusiei în lupta dintre partide şi provocarea de către ea a răzmeriților interne din România.

Pentru continuarea cu succes a campaniei era nevoie de un nou subiect creator de înjurături şi fraze vocale.

Au început să ne acuze de dorința de a supune influenței noastre exclusive biserica românească; au început să curgă delațiuni la adresa Preasfințitului Melchisedec Episcop al Romanului, acest credincios şi vigilent apărător al Ortodoxiei în România, dar din păcate aproape singurul în mediul clerului superior de aici. Organul de presă al nihilistului şi anarhistului Ralle (Arbore), mult trâmbițatul „Telegraful", cu o neobişnuită impertinență, a fost cuprins deodată de sentimente religioase ortodoxe, situându-se pe poziții canonice. El ne acuză[3] pe noi dur de erezie, afirmând că Rusia s-a îndepărtat de la Ortodoxie prin pretinsa ridicare a Țarului la gradul de cap al Bisericii.

Văzând că pământul le fuge definitiv de sub picioare, acoliții înnebuniți ai lui Brătianu se aruncă asupra tuturor. Fără a se mulțumi cu atacurile asupra conservatorilor, aceştia acuză chiar şi organul de presă al socialiştilor, „Lupta" că este cumpărat de Rusia, din cauza faptului că „Lupta" a comentat cu ironie declarațiile din organele de presă ale colectiviştilor, despre pretinsele intrigi ruseşti, rublele ruseşti şi agenții ruşi, care ar fi provocat răscoalele țărăneşti[4].

„Telegraful", „Voința Națională" şi „Democrația" nu lasă pe nimeni în pace; după spusele acestora chiar şi junimiştii lucrează, conştient sau

inconştient, pentru planurile perfide ale Rusiei. Însuşi Theodor Rosetti, preşedintele Consiliului de Miniştri, este acuzat de aceştia de faptul că ar acționa în secret în interesul tânărului fiu al principelui Cuza şi speră în obținerea regenței. În genere, chestiunea pretendenților la Tronul românesc[5] şi frica de a le fi demascate intrigile reprezintă de ceva timp o altă temă preferată a presei colectiviste.

Din traducerile ataşate la acest raport după câteva articole din „Telegraful" şi „Voința Națională", vă rog să observați, Excelența Voastră, ce dimensiuni au atins insinuările absurde ale partidului căzut.

Cu sinceră considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 627, filele 228-231.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" (Berlin), 10 mai 1888.

[2] A se vedea în acest sens secțiunea intitulată *Apelul Partidului național-liberal şi presa străină* din „Voința Națională", vineri 20 mai/1 iunie 1888, anul V, nr. 1115, p. 1.

[3] A se vedea „Telegraful", miercuri 8 iunie 1888, anul XIX, nr. 4777, p. 1, articolul *P.S. Părintele Melkisedec şi Imperiul sfântului Knut*", în care episcopul Melchisedec este acuzat de rusofilie.

[4] Directorul ziarului „Lupta" era George Panu, cunoscut în epocă pentru atacurile sale la adresa regelui Carol I. În numărul din 13 aprilie 1887, Panu publica articolul *Omul periculos*, un atac direct la adresa suveranului român. Pe fondul răscoalelor țărăneşti din primăvara anului 1888, numeroase articole din periodicul „Lupta" surprindeau starea deplorabilă a țăranului român, insistând pe guvernarea deficitară a liberalilor şi pe cauze interne care ar fi declanşat revoltele. Pe fondul atacurilor la adresa Rusiei venite din partea ziarelor de orientare liberală, cei de la „Lupta" considerau că acestea reprezentau o „gogoaşă patriotică pură".

[5] În articolul din „Telegraful", intitulat *Comploturi cuziste*, se considera că fiul fostului domnitor Alexandru Ioan Cuza era protejat de „Imperiul de la Răsărit" şi că „vrea să facă ştiut tuturor că e pretendent la tronul României" („Telegraful", sâmbătă, 7 mai 1888, anul XIX, nr. 4752, p. 1). A se mai vedea şi „Telegraful", vineri, 6 mai 1888, anul XIX, nr. 4751, p. 1, articolul *Cuza şi Rusia*, „Telegraful", vineri, 20 mai 1888, an XIX, nr. 4763, p. 1, articolul *Cuza în Rusia*.

5

Бухарест, 17 июня 1888 г., № 29. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Самым крупным, серьёзным и чуть ли не самым знаменательным во многих отношениях событием, пережитым за последнее время Румынией, было, без сомнения, то вспыхнувшее в среде крестьянского

населения некоторых уездов Валахии движение, о котором я имел честь доносить Вашему Высокопревосходительству телеграммами от 4-го и 7-го апреля с. г. №№ 70 и 75.

Движение это с несомненно аграрным и в то же время политическим характером, представляется особенно знаменательным не только само по себе, но и по причине обнаружившейся по сему поводу полнейшей административной и военной несостоятельности нынешнего устройства королевства, коим так гордилось павшее правительство.

Я настолько запоздал доставлением подробных по сему предмету сведений в ожидании обнародования правительством производящегося формального следствия. Но, как видно, правительство окончательно отказалось от обнародования этого следствия; задержанные лица одно за другим освобождаются, и, по всей вероятности, всё дело будет потушено и предано забвению. В виду сего долгом считаю ныне представить подробности и причины сего интересного явления, насколько я имел возможность их выяснить и проверить.

Крестьянское движение вспыхнуло тотчас вслед за падением брэтиановского Министерства. Движение это началось в волости Урзичени, недалеко от Бухареста; восставшие крестьяне избили арендаторов, мэров, волостных писарей и некоторых местных мелких торговцев и разграбили принадлежащие помещикам и арендаторам хлебные магазины. Посланные войска подавили восстание в Урзичени, но оно стало быстро распространяться и перешло в смежные округа; подавляемое в одном месте, восстание вспыхивало в другом; войска едва успевали переноситься из одной местности в другую.

В Бухарест прибывали беспрестанно самые тревожные известия: то говорили о поджогах помещичьих и арендаторских домов и о разграблении хлебных магазинов, то об убийствах арендаторов и должностных лиц и о разбитии мэрий. Во всех этих слухах были неточности и преувеличения, но восстание само по себе, тем не менее, принимало всё более и более угрожающее значение вследствие своего распространения; оно охватило всю Большую Валахию и отчасти юг Молдавии. Толпа в несколько тысяч человек ворвалась в г. Кэлэраши, выгнала префекта и в течение нескольких часов владела городом. Испуганные умы предвидели даже нападение крестьян на самый Бухарест; и действительно, у нескольких застав произошли стычки с войсками. Только что вступившему во власть правительству пришлось на первых же порах проявить необычайную энергию для сколь возможно скорейшего подавления восстания. Все войска, какими можно было располагать, были введены в дело, и тут-то обнаружилась полная несостоятельность нынешнего военного устройства. На территориальную армию расчёты оказались плохие; доробанцы и калараши[1] во многих местах братались с восставшими крестьянами; регулярная же армия оказалась недостаточною

для занятия всех возмутившихся округов. Пришлось донельзя ослабить гарнизоны всех окраин; были вызваны войска из Молдавии и даже из Добруджи.

Как только вспыхнуло крестьянское восстание, в здешней публике начали ходить самые смутные и странные слухи, как о причинах движения, так и о его проявлениях. Рассказывали, что крестьяне во многих местностях требовали каких-то денег, то будто бы оставленных Россией для раздачи им, то будто бы пожертвованных господарём Кузою, по 5.000 на каждую общину. Рассказывали, будто крестьяне в некоторых местностях громко заявили, что скоро придут русские их избавить и защитить от ненавистного немецкого правительства страны.

Всё это, разумеется, дало повод к всевозможным измышлениям, как возбуждённой общественной фантазии, так и открыто враждебной нам коллективистской печати.

В органах коллективистов[2] стали беспрестанно появляться преднамеренно измышленные, нелепые сведения о присутствии в стране тайных русских агентов, возбуждавших крестьян к восстанию, о каких-то русских продавцах икон, подымавших своею проповедью целые округа, о каких-то липованах и скопцах, агитировавших в пользу России, о деятельности в том же самом смысле запроданных России консерваторов и о русских рублях, будто бы щедро мною раздаваемых через разных агентов по бухарестским кабакам.

Между тем как усердно распространялись все эти нелепые слухи, истинные причины восстания были очевидны для каждого благомыслящего и беспристрастного наблюдателя.

Почва для неудовольствий крестьянского населения в Румынии, и в особенности в Валахии, была готова издавна. О судьбе румынского крестьянина законодательство чуть ли не в первый раз озаботилось во времена русского управления. Органический статут графа Киселёва впервые определил в известной степени отношения крестьян к помещикам, но эти установившиеся отношения были вполне изменены множеством последующих законоположений. Реформа князя Кузы даровала крестьянам земельные наделы, но в довольно ограниченном размере; дальнейшие же переделы были причиною уменьшения до крайности первоначальных наделов, сделавшихся совершенно недостаточными. Всегда крестьяне были поставлены в необходимость, не довольствуясь собственными участками, нанимать землю у помещиков, как под хлебопашество, так и для прокормления своего рабочего скота. При этом свободный выбор земли не мог принадлежать крестьянам; они всегда должны были пользоваться землями тех помещиков или тех государственных имуществ, на коих они поселены. Уплата за пользование землёю производилась в редких случаях деньгами, большею же частью обязательным трудом. Точно определённых законом взаимных отношений

не существует; они определяются контрактом на добровольном, якобы, соглашении. Контракты в разных местностях весьма разнообразны.

Эти неопределённые взаимные отношения между крестьянами и помещиками, а в особенности их арендаторами, всегда подавали повод к жалобам со стороны крестьян. В Молдавии, где помещики большею частью живут по местам и сами управляют своими имениями, эксплуатация крестьянского населения не была так сильна, как в Валахии, где земли находятся большею частью в аренде у фермеров, всячески притесняющих крестьян[3].

Эти основные причины неудовольствия крестьянского населения усугублялись испорченностью и безнравственным началом, лежавшим в основании режима павшей партии, при которой всё делалось исключительно в видах, с одной стороны, увеличения во что бы ни стало государственных доходов, с другой же в видах избирательных для удержания за собою власти. Действительно, брэтиановское Министерство хвасталось, например, перед палатами последней сессии, что за время пребывания его у власти арендные цены на казённые земли возросли с 10 до 23 миллионов! Спрашивается: на кого же падают эти 13 миллионов, уплачиваемых арендаторами казне сверх действительной доходности земли, как не на труд и на благосостояние эксплуатируемого ими поселянина. Жалобы сего последнего на злоупотребления арендатора и на чудовищные контракты, принужденно с ним заключаемые, всегда оставлялись администрацией без всяких последствий, так как правительство нуждалось в избирательной пропаганде арендаторов и их голосах. На этот счёт приводят примеры вопиющей несправедливости, переходящие всякое вероятие.

Все эти обстоятельства, с давних пор угнетающие румынское сельское население, создали из него элемент, в высшей степени восприимчивый на всякую пропаганду, дающую ему надежду на улучшение его жалкого быта.

К этому надо ещё прибавить то систематическое уничтожение религиозного чувства среди крестьянского населения, над которым так усердно работало пресловутое прогрессивно-либеральное правительство. Последовательным унижением высшего и низшего православного духовенства, введением разных, противоестественных установлений, как то: обязательного гражданского брака, лаического преподавания в народных школах Закона Божия учителями-нигилистами и т.п. донельзя ослабили религиозные идеалы румынского простолюдина. Что же касается до идеалов политических, до таких идеалов, как обаяние авторитета королевского имени, то их никогда и не существовало; в глазах румынского крестьянина немец король Карл был и остаётся каким-то басурманом, решительно ему ничего не предоставляющим, кроме подчинения чему-то чуждому и ненавистному его естественным и

историческим инстинктам. Вполне понятно, до чего такое ослабление религиозных и отсутствие политических идеалов, рядом с ухудшающимся со дня на день экономическим положением, должно было способствовать превращению сельского населения в опасный элемент, готовый к восприятию всякой революционной пропаганды, в каком бы виде она не представлялась.

Неурожай прошлого года, истощивший все запасы крестьянина, не имеющего ни кукурузы для собственного прокормления, ни кормов для скота, ещё более обострил положение.

Нужен был лишь толчок, чтобы вывести население из его пассивного недовольства и ропота.

Толчком этим явилась та ожесточённая избирательная борьба, которая предшествовала падению Брэтиану. Как правительство, так и оппозиция, стараясь привлечь на свою сторону голоса крестьянского населения, не призадумались над опасною игрою несбыточных обещаний.

После первой отставки Брэтиану его приверженцы стали собирать в некоторых волостях, и, между прочим, в Урзичени, подписи под прошениями на имя короля об удержании у власти брэтиановского кабинета; причём безграмотным крестьянам объясняли, что в прошениях этих заключается ходатайство о новом земельном наделе. Агенты же оппозиции, проведав об этом, поспешили разъяснить крестьянам, что они вводятся в заблуждение, что и послужило первою причиной восстания в Урзичени. С другой стороны, и оппозиция возбуждала крестьян против правительства, подготовляя их призыв из окрестных деревень в Бухарест для уличных демонстраций. Столичные события 14-го и 15-го марта имели в этом отношении решающее значение. Для крестьянина правительство представляется в лице ближайшего начальства. Услыхав, что оппозиция, свергнув в Бухаресте правительство, добилась исполнения своих притязаний, крестьяне окрестных деревень поспешили сделать то же, восстав против волостных писарей, мэров и префектов. Притязания же крестьян, по их естественному стремлению, заключаются в присвоении земли и кукурузы; поэтому они, прежде всего, разграбили хлебные магазины и завладели помещичьими землями. Возбуждённое партийными целями восстание само собою и естественно превратилось в аграрное.

Здесь помещается рассказ о Яломицком супрефекте, который, прибыв в Урзичени для усмирения восстания и будучи окружён возмутившимися крестьянами, в виду собственного спасения сказал им, что они могут забирать помещичьи земли.

Независимо от этого факта, как впоследствии было доказано, во многих местах мелкие, местные власти, назначенные брэтиановским Министерством и ожидавшие своего смещения, прямо подстрекали население к мятежу. Действовали ли они по собственной инициативе или по приказанию своих бывших начальников, осталось неразъяснённым.

В проявлениях своих крестьянское восстание доказало всю несостоятельность военной организации, которой так гордится Румыния. Во всех сёлах во главе восставших оказались начальники местных резервистов; сами резервисты представляли собою самый буйный элемент. Толпы возмутившихся крестьян двигались, предводимые унтер-офицерами, горнистами и барабанщиками. К счастью для правительства, самая внезапность и очевидное отсутствие всякого предварительного плана были причиною того, что повстанцы не захватили ружейные и патронные склады территориальной армии, находящиеся в каждой деревне. Как сказано выше, находящиеся в сборе части территориальной армии отказывались идти против земляков, и приходилось наскоро перетасовывать доробанцев и каларашей из одной в другую отдалённую волость. Между прочим, посланный для усмирения капитан Брацу, командир роты доробанцев, был выдан собственными солдатами крестьянам и избит до полусмерти.

Претерпев на первых порах неудачи и видя, что восстание принимает всё более и более угрожающие размеры, правительство вынуждено было прибегнуть к самым энергическим мерам. Посланные для усмирения войска были разделены на три отряда, начальникам которых было передано всё военное и гражданское управление в возмутившихся округах. Без объявления военного положения, оно было осуществлено на деле. Войскам приказано было стрелять. Крестьянское движение удалось усмирить лишь мерами крайней жестокости: захваченных людей на месте избивали палками до полусмерти; сколько было убитых и раненых ружейными залпами, определить с точностью невозможно; во всяком случае, не менее 200 одних убитых.

До 4000 человек было приведено в Бухарест; в продолжение нескольких недель они переполняли здешние тюрьмы. Благодаря этим мерам удалось потушить, но не уничтожить общее восстание, ибо частные вспышки до сих пор то там, то сям проявляются.

Над приведёнными в Бухарест крестьянами[4] началось формальное следствие; судебные следователи и прокуроры были командированы во все концы с тою же целью. Ожидали, что по завершении следствия правительство обнародует его результаты. Но всё это продолжалось недолго; арестованных начали освобождать одних за другими, и возбуждённая деятельность начала мало-помалу утихать. Говорят, что правительство, ходатайствуя перед королём об амнистии всех обвинённых и замешанных в это дело, решилось замять его ввиду раскрытых обстоятельств, которые могли бы сильно компрометировать некоторых из поддерживающих его лиц, и ввиду вообще того невыгодного света, который бросают эти обстоятельства на весь внутренний строй жизни юного королевства в глазах европейского общественного мнения.

Таковы, в общих чертах, причины и проявления пережитых Румынией крестьянских волнений. Глядя со стороны на эти явления, невольно задаёшь себе вопрос, чего в действительности были бы мы в состоянии достигнуть в этой стране, если бы мы в самом деле вздумали проявить ту мнимую деятельность, в которой нас обвиняют. Самые эти смутные слухи, Бог знает, откуда взявшиеся и заходившие среди восставшего народонаселения, слухи о деньгах, будто бы пожертвованных в их пользу Россиею и что будто бы русские придут для освобождения их от ненавистного немецкого правительства, не указывают ли эти слухи на то обаяние, которым до сих пор пользуется православная Россия в глазах румынского простолюдина? И действительно, несмотря на все происки, на всю пропаганду врагов наших, в глазах этого бесхитростного румынского простолюдина русский царь до сих пор ещё остался тем высшим покровителем и повелителем, который и теперь может по своему усмотрению сменять его господарей. И это естественно, ибо в сознании народа лучшие годы богатства и полезных ему мероприятий связаны с воспоминаниями о пребывании русских в Румынии. Не доказывает ли всё это, что единственно именем России и единственно выставлением вперёд русского знамени возможно подвинуть румынский народ на что-либо серьёзное и общее?

С другой стороны, не смешными ли кажутся мечтания некоторых из здешних обзападнившихся политиканов о возможности ввести Румынию в активный союз с Западом против православной России? Если теперь, в мирное время, армия оказалась едва достаточною для усмирения в существе незначительного, неподготовленного и не вооружённого крестьянского движения и пришлось отзывать войска со всех окраин, то можно себе представить, какие затруднения могли бы произойти внутри страны в случае войны с Россиею.

Коли могли быть в Румынии серьёзные и чистосердечные приверженцы антирусской политики, то ряды их должны были значительно поредеть перед размышлением над недавними крестьянскими событиями.

Если же на нас так бешено нападает печать нам враждебных коллективистов, то это именно потому, что они вполне сознали своё бессилие перед народными симпатиями и традициями, которые не могут быть уничтожаемы никаким обаянием чуждых народу идеалов.

С истинным почтением и неограниченной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 627, Листы 243-258 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Соответственно пехотинцы и кавалеристы в румынской армии.

[2] Очевидно, Хитрово имел в виду газеты «Телеграфул» и «Воинца националэ», которые в мае 1888 г. обвиняли Россию в причастности к крестьянским восстаниям.

[3] Об аграрной проблеме в Румынии в конце XIX – начале XX вв. см.: Sturdza-Şcheeanu D. C. *Acte şi legiuri privitoare la chestia ţărănească*. Ser. I. Vol. II. Bucureşti, 1907; Ilincioiu I. *Ţăranii, pământul şi moşierii în România (1864-1888)*. Bucureşti, 1982; Barbu P.-E., Marinescu N. *Agricultura României în perioada 1864-1918.* Craiova, 1996; Mareş A. *Repartiţia proprietăţii funciare din România în primele decenii ale secolului al XX-lea* // Studii şi articole de istorie. T. LXXI, Bucureşti, 2006. P. 106-173.

[4] Есть несколько библиографий о восстании 1888 г., хотя они и были изданы в период сильной идеологизации исторической науки. См.: Harşa A., Gergel Y. *Ecoul internaţional al răscoalei ţăranilor români din 1888* // Analele Institutului de Istorie al Partidului Comunist Român. Bucureşti, 1968. An. 14. Nr. 1. P. 57-68; Hurezeanu D. *Cu privire la poziţia mişcării socialiste faţă de răscoala ţăranilor din 1888* // Studii. Revistă de Istorie. Bucureşti, 1962. An. 15. Nr. 3. P. 557-587.

Bucureşti, 17 iunie 1888, nr. 29. Hitrovo către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Cel mai important, serios şi poate chiar semnificativ eveniment din foarte multe puncte de vedere, trăit de România în ultimul timp, a fost, fără îndoială, mişcarea izbucnită în mediul populaţiei ţărăneşti din unele judeţe din Valahia, despre care am avut onoarea de a raporta Excelenţei Voastre prin telegramele din 4 şi 7 aprilie, cu nr. 70 şi 75.

Această mişcare, cu un caracter neîndoielnic agrar şi în acelaşi timp politic, este semnificativă nu doar prin sine însăşi, ci şi datorită constatării, cu această ocazie, a slăbiciunii complete a actualei construcţii administrative şi militare a Regatului, cu care se mândrea atât de mult guvernul căzut.

Eu am întârziat atât de mult cu prezentarea unor relatări detaliate despre aceste evenimente în aşteptarea publicării de către guvern a rezultatelor anchetei formale. Însă, aşa cum se poate vedea, guvernul a renunţat definitiv la publicarea rezultatelor acestei anchete; persoanele reţinute sunt eliberate una după alta şi, după toate probabilităţile, tot dosarul va fi îngropat şi dat uitării. În legătură cu aceasta, consider că este de datoria mea să prezint detaliile şi cauzele acestui fenomen interesant, aşa cum le-am putut clarifica şi verifica.

Mişcarea ţărănească a izbucnit imediat după căderea Guvernului Brătianu. Această mişcare a început în plasa Urziceni, nu departe de Bucureşti; ţăranii răsculaţi i-au bătut pe arendaşi, primari, secretari de plasă şi pe unii dintre micii comercianţi locali şi au jefuit magazinele de pâine aparţinând

moşierilor şi arendaşilor. Armatele trimise au înăbuşit răscoala în Urziceni, dar aceasta a început să se răspândească şi a cuprins regiunile învecinate; înăbuşită într-un loc, răscoala izbucnea în altul; armatele abia de mai reuşeau să se deplaseze dintr-o localitate în alta.

În Bucureşti soseau fără întrerupere cele mai îngrijorătoare veşti: se vorbea ba despre incendierea caselor moşierilor şi arendaşilor şi despre jefuirea magazinelor de pâine, ba despre uciderea arendaşilor şi persoanelor oficiale şi devastarea primăriilor. În toate aceste zvoniri au existat inexactităţi şi exagerări, totuşi răscoala lua de la sine o formă din ce în ce mai ameninţătoare ca urmare a propagării sale; aceasta a cuprins toată Valahia Mare şi parţial sudul Moldovei. Gloata, în număr de câteva mii de oameni, a pătruns cu forţa în oraşul Călăraşi, l-a alungat pe prefect şi timp de câteva ore a controlat oraşul. Minţi speriate prevedeau chiar un atac al ţăranilor asupra Bucureştiului însuşi; şi, într-adevăr, la câteva posturi de gardă au avut loc ciocniri cu armatele. Guvernul, care abia preluase puterea, a trebuit să dea dovadă chiar de la început de o energie neobişnuită pentru înăbuşirea cât mai rapidă a răscoalei. Au fost antrenate toate trupele de care se putea dispune, ocazie cu care a ieşit la suprafaţă toată slăbiciunea construcţiei militare actuale. Miza pe armata teritorială a fost greşită; dorobanţii şi călăraşii[1] au fraternizat în multe locuri cu ţăranii răsculaţi; armata regulată s-a dovedit insuficientă pentru ocuparea tuturor regiunilor răsculate. A fost nevoie de slăbirea până la imposibil a garnizoanelor din toate regiunile de margine; au fost chemate armatele din Moldova şi chiar din Dobrogea.

Imediat după izbucnirea răscoalei ţărăneşti, prin publicul de aici au început să circule cele mai tulburi şi ciudate zvonuri, atât în legătură cu cauzele mişcării, cât şi cu privire la manifestările acesteia. Se relata că în unele localităţi ţăranii solicitau nu se ştie ce bani, care ar fi fost lăsaţi de Rusia pentru a fi distribuiţi lor, sau ar fi fost donaţi de către Domnul Cuza, câte 5.000 pentru fiecare comună. Se relata că în unele localităţi ţăranii ar fi declarat cu voce tare că în curând vor veni ruşii pentru a-i salva şi apăra împotriva Guvernului german urât de către ţară.

Toate acestea au constituit, evident, pretextul pentru lansarea a tot felul de scorneli, atât de către fantezia publică excitată, cât şi de presa colectivistă făţiş ostilă nouă.

În organele de presă ale colectiviştilor[2] au început să apară fără întrerupere relatări absurde scornite cu premeditare, despre prezenţa în ţară a unor agenţi secreţi ruşi, care îi provocau pe ţărani la răscoală, despre anumiţi comercianţi ruşi de icoane, care ridicau prin predicile lor la răscoală regiuni întregi, despre anumiţi lipoveni şi scapeţi care agitau în favoarea Rusiei, despre activitatea în acelaşi sens a conservatorilor vânduţi Rusiei şi despre rublele ruseşti, care ar fi fost distribuite de mine prin intermediul diferitor agenţi în cârciumile bucureştene.

În timp ce erau răspândite cu insistenţă aceste zvonuri absurde, cauzele adevărate ale răscoalei erau evidente oricărui observator raţional şi imparţial.

Terenul pentru nemulțumirile populației țărănești din România, și în special din Valahia, era pregătit de mult timp. De soarta țăranului român legislația s-a îngrijit pentru prima dată cu adevărat în timpul administrării ruse. Regulamentul Organic al contelui Kiseleff a clarificat pentru prima dată, într-o oarecare măsură, raporturile țăranilor cu moșierii, dar aceste relații au fost modificate destul de mult prin mai multe reglementări legislative ulterioare. Prin reforma principelui Cuza, țăranilor le-au fost puse la dispoziție loturi de pământ, însă de mărimi destul de mici; fragmentările ulterioare au constituit cauza reducerii la extrem a loturilor de pământ inițiale, devenite evident insuficiente. Puși în situația de a nu se putea mulțumi cu propriile loturi de pământ, țăranii au fost obligați să închirieze pământ de la moșieri atât pentru agricultură, cât și pentru cultivarea furajelor pentru animalele lor de muncă. Aceasta în condițiile în care alegerea liberă a pământului nu putea aparține țăranilor; ei erau obligați să se folosească de terenurile acelor moșieri sau de domeniile de stat pe care locuiau. Plata pentru folosirea pământului se făcea rareori cu bani, ci, în cea mai mare parte, prin prestarea de munci obligatorii. Nu există prevederi legale care să reglementeze exact relațiile reciproce; acestea sunt stabilite prin contracte, încheiate aparent benevol. Forma contractelor este destul de diferită în foarte multe localități.

Aceste relații nedefinite dintre țărani și moșieri, în special cu arendașii acestora, au constituit mereu pretextul pentru petiții din partea țăranilor. În Moldova, unde moșierii locuiesc în cea mai mare parte în localitățile unde au proprietăți și își administrează singuri domeniile, exploatarea populației țărănești nu a fost atât de puternică precum în Valahia, unde pământurile sunt arendate în cea mai mare parte de către fermieri, care îi asupresc pe țărani[3].

Respectivele motive de bază pentru nemulțumirile populației țărănești se agravau din cauza stării de depravare și desfrâu, aflată la baza guvernării partidului căzut, în timpul căreia toate politicile vizau, pe de o parte, creșterea cu orice preț a veniturilor statului și, pe altă parte, menținerea la putere prin promisiuni electorale. Într-adevăr, Guvernul Brătianu se lăuda, de pildă, în fața Camerelor, la ultima sesiune, că în timpul aflării sale la putere prețul de arendare a pământurilor statului crescuse de la 10 la 23 milioane! Întrebarea este pe ai cui umeri cad aceste 13 milioane vărsate de arendași în visteria statului, peste rentabilitatea reală a pământului, dacă nu pe munca și bunăstarea săteanului exploatat de către aceștia. Plângerile acestuia din urmă față de abuzurile arendașilor și față de contractele monstruoase, încheiate prin constrângere, erau ignorate mereu de către funcționari, deoarece guvernul avea nevoie de propaganda electorală a arendașilor și de voturile acestora. În legătură cu aceasta sunt aduse exemple de nedreptate strigătoare la cer, care depășesc orice imaginație.

Toate aceste condiții, prin care, din vremuri de demult, era exploatată populația rurală românească, au creat din aceasta un element deosebit de receptiv la orice propagandă prin care i se oferă o speranță pentru ameliorarea existenței sale triste.

La aceasta ar mai trebui adăugată şi nimicirea sistematică a sentimentelor religioase în mediul populaţiei ţărăneşti, la care a contribuit atât de asiduu aşa-zisul guvern progresist liberal. Prin umilirea consecventă a clerului ortodox superior şi de mir, prin impunerea unor prevederi nefireşti, cum ar fi obligativitatea căsătoriei civile, predarea laică a religiei în şcolile populare de către învăţători nihilişti etc. au fost şubrezite până la extrem idealurile religioase ale oamenilor simpli. Cât priveşte idealurile politice, idealuri ca adorarea autorităţii regelui, acestea nici nu au existat vreodată; în ochii ţăranului român, regele german Carol a fost şi rămâne un necredincios oarecare, care nu îi oferă categoric nimic, în afară de supunere faţă de ceva străin şi urât de instinctele sale fireşti şi istorice. Este de la sine înţeles că o astfel de erodare a sentimentelor religioase şi lipsa idealurilor politice, alături de agravarea de la o zi la alta a situaţiei economice, trebuia să contribuie la transformarea populaţiei ţărăneşti într-un element periculos, receptiv la orice propagandă revoluţionară, indiferent de forma pe care o lua.

Recolta săracă de anul trecut, ce a secat toate rezervele ţăranului, care nu are nici porumb pentru hrana proprie, nici furaje pentru animale, a agravat şi mai mult situaţia.

A fost nevoie doar de un impuls, pentru a scoate lumea din nemulţumirea pasivă şi rumoare.

Un astfel de impuls a fost lupta electorală cumplită, care a premers căderii lui Brătianu. Atât guvernul, cât şi opoziţia, încercând să se asigure de voturile populaţiei ţărăneşti, nu s-au gândit la jocul periculos cu promisiuni irealizabile.

După prima demisie a lui Brătianu, adepţii săi au început să adune în unele plăşi, printre altele şi în Urziceni, semnături pentru petiţii pe numele regelui, prin care se cerea menţinerea la putere a Guvernului Brătianu, ţăranilor analfabeţi spunându-li-se că prin respectivele petiţii se cere o nouă împroprietărire cu loturi de pământ. Agenţii opoziţiei, aflând despre aceasta, s-au grăbit să le explice ţăranilor că sunt induşi în eroare, fapt care a şi constituit prima cauză a răscoalei din Urziceni. Pe de altă parte, şi opoziţia îi agita pe ţărani împotriva guvernului, pregătind chemarea acelora din satele apropiate la demonstraţii de stradă în Bucureşti. Evenimentele din capitală din zilele de 14 şi 15 martie au avut în acest sens un rol decisiv. Pentru ţăran, guvernul este reprezentat de cel mai apropiat funcţionar. Auzind că opoziţia, înlăturând în Bucureşti guvernul, a obţinut satisfacerea cererilor sale, ţăranii din satele apropiate s-au grăbit să facă acelaşi lucru, ridicându-se împotriva secretarilor de plăşi, primarilor şi prefecţilor. Cererile ţăranilor, potrivit năzuinţelor lor naturale, constau în acapararea pământului şi a porumbului; de aceea, ei au jefuit întâi de toate magaziile de pâine şi au pus stăpânire pe pământurile moşiereşti. Astfel, răscoala provocată de cauze politice s-a transformat de la sine şi firesc în una agrară.

În acest sens, este semnificativ cazul subprefectului de Ialomița, care, venind la Urziceni pentru reprimarea răscoalei şi fiind înconjurat de țăranii revoltați, pentru a se salva, le-a spus că pot să ocupe pământurile moşiereşti.

Indiferent de aceasta, aşa cum s-a dovedit ulterior, în foarte multe aşezări, autoritățile locale, numite de Guvernul Brătianu, fiind în aşteptarea înlocuirii, au incitat deschis populația la rebeliune. Dacă acestea au acționat din proprie inițiativă sau la ordinul foştilor şefi a rămas neclarificat.

Prin formele sale de exprimare, răscoala țărănească a demonstrat întreaga inconsistență a organizării militare, cu care se mândreşte atât de mult România. În toate satele, în fruntea răsculaților s-au aflat şefii rezerviştilor locali; înşişi rezerviştii au reprezentat cel mai turbulent element. Mulțimile de țărani revoltați se mişcau sub conducerea subofițerilor, gorniştilor şi toboşarilor. Spre norocul guvernului, caracterul spontan şi lipsa evidentă a oricărui plan preliminar de acțiune au făcut ca rebelii să nu pună mâna pe depozitele de armament şi muniție ale armatei teritoriale aflate în fiecare sat. Aşa cum s-a spus mai sus, unitățile armatei teritoriale aflate în concentrare refuzau să meargă împotriva propriilor concetățeni şi a fost nevoie ca dorobanții şi călăraşii să fie redislocați dintr-o plasă în alta, mai îndepărtată. Printre altele, căpitanul Brațu, comandantul unei companii de dorobanți, trimis pentru înăbuşirea răscoalei, a fost predat de propriii soldați țăranilor şi a fost snopit în bătăi până aproape de moarte.

Suferind la început mai multe eşecuri şi văzând că răscoala ia forme din ce în ce mai amenințătoare, guvernul a fost nevoit să apeleze la cele mai energice măsuri. Armatele trimise pentru înăbuşirea răscoalei au fost divizate în trei detaşamente, ai căror conducători au fost înzestrați cu toate competențele militare şi civile în regiunile cuprinse de revolte. Fără a fi decretată oficial, a fost introdusă de fapt starea de război. Armatelor li s-a dat ordinul de a deschide focul. Mişcarea țărănească a putut fi înăbuşită doar prin mijloace de duritate extremă: persoanele capturate erau bătute cu bastoane până aproape de moarte; nu se poate stabili numărul celor omorâți şi răniți cu armele de foc; în orice caz, au existat nu mai puțin de 200 morți.

Aproape 4.000 de persoane au fost aduse în Bucureşti; timp de câteva săptămâni acestea au umplut închisorile de aici. Cu ajutorul acestor măsuri, s-a reuşit stingerea, nu însă şi lichidarea în totalitate a răscoalei, deoarece se mai constată încă şi în prezent focare de revoltă în diverse locuri.

Împotriva țăranilor[4] aduşi la Bucureşti a început urmărirea penală formală; anchetatorii şi procurorii au fost delegați în toate colțurile cu acelaşi scop. Se aştepta, ca la încheierea anchetei, guvernul să publice rezultatele acesteia. Acest lucru nu a durat însă foarte mult; persoanele arestate au început să fie eliberate una după alta, iar activitățile de anchetare s-au liniştit încetul cu încetul. Se spune că guvernul, intervenind pe lângă rege pentru amnistierea tuturor celor acuzați şi implicați în acest dosar, a decis să îngroape dosarul, având în vedere atât circumstanțele descoperite, care ar putea să-i compromită puternic pe unii dintre susținătorii săi, cât şi contextul general, care pune într-o

lumină proastă, în faţa opiniei publice europene, toată structura internă a tânărului Regat.

Acestea sunt în linii generale cauzele şi manifestările tulburărilor ţărăneşti trăite de România. Privind din afară aceste manifestări, te întrebi involuntar ce am fi putut obţine noi în realitate în această ţară, dacă noi ne-am fi gândit să desfăşurăm, în realitate, acea pretinsă activitate de care suntem acuzaţi. Toate aceste zvonuri ajunse printre populaţia răsculată, venite Dumnezeu ştie de unde, zvonurile despre banii care le-ar fi fost donaţi de Rusia, despre faptul că ar urma să vină ruşii pentru a-i elibera de sub guvernul german detestat, nu trimit oare aceste zvonuri la dragostea de care se bucură până acum Rusia ortodoxă în ochii românilor simpli? Şi, într-adevăr, în ciuda tuturor intrigilor, a propagandei adversarilor noştri, în ochii românilor simpli, ţarul rus rămâne până în prezent înaltul protector şi stăpân, care le poate înlocui şi în prezent domnii după judecata proprie. Iar acest lucru este firesc, deoarece, în conştiinţa poporului, anii cei mai buni de prosperitate şi de măsuri în favoarea sa sunt legaţi de amintirea aflării ruşilor în România. Nu reprezintă oare toate acestea o dovadă a faptului că doar cu ajutorul Rusiei şi sub drapelul rus poporul român poate fi mişcat înainte către ceva serios şi comun?

Pe de altă parte, nu sunt oare ridicole speranţele unora dintre politicienii occidentalizaţi de aici privind posibilitatea includerii României într-o alianţă activă cu Occidentul împotriva Rusiei ortodoxe? Dacă în prezent, pe timp de pace, armata s-a dovedit aproape insuficientă pentru înăbuşirea unei mişcări ţărăneşti nesemnificative, nepregătite şi neînarmate în esenţă, şi a fost nevoie de aducerea armatei din regiunile de margine, ne putem imagina cu ce fel de dificultăţi s-ar fi confruntat ţara în cazul unui război cu Rusia.

Dacă în România ar fi putut exista adepţi serioşi şi sinceri ai unei politici antiruseşti, rândurile lor ar fi trebuit să se răărească semnificativ după reflecţiile pe marginea ultimelor manifestări ţărăneşti.

Faptul că suntem atacaţi turbat de către presa colectiviştilor ostilă nouă înseamnă că aceştia au conştientizat pe deplin neputinţa lor în faţa simpatiilor şi tradiţiilor, care nu pot fi distruse prin închinarea în faţa unor idealuri străine poporului.

Cu sinceră consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 627, filele 243-258 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Respectiv, trupele de infanterie şi cavalerie din armata română.

[2] Hitrovo are în vedere, cel mai probabil, periodicele „Telegraful" şi „Voinţa Naţională" din luna mai 1888, care acuzau implicarea Rusiei în răscoalele ţărăneşti.

[3] Despre problema agrară din Vechiul Regat la sfârşitul secolului XIX şi începutul secolului XX, a se de vedea D.C. Sturdza-Şcheeanu, *Acte şi legiuri privitoare la chestia ţărănească*, seria I, vol. II, Bucureşti, 1907; Ion Ilincioiu, *Ţăranii, pământul şi moşierii în România (1864-1888)*, Bucureşti, 1982; Paul-Emanoil Barbu, Nicu Marinescu, *Agricultura României în perioada 1864-1918*, Craiova, 1996; Alexandru Mareş, *Repartiţia proprietăţii funciare din România în primele decenii ale secolului al XX-lea*, în „Studii şi articole de istorie", LXXI, Bucureşti, 2006, p. 106-173.

[4] Există puţine referinţe bibliografice privitoare la răscoala din 1888. Chiar dacă au fost scrise într-o perioadă puternic ideologizată, le redăm aici: A. Harşa, Y. Gergel, *Ecoul internaţional al răscoalei ţăranilor români din 1888*, în „Analele Institutului de Istorie al Partidului Comunist Român", Bucureşti, 1968, 14, nr. 1, p. 57-68; Damian Hurezeanu, *Cu privire la poziţia mişcării socialiste faţă de răscoala ţăranilor din 1888*, în „Studii. Revistă de Istorie", Bucureşti, 1962, 15, nr. 3, p. 557-587.

6

Бухарест, 22 августа 1888 г., № 47. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н.К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Хотя результаты следствия о причинах охватившего минувшею весною многие округа Румынии крестьянского движения и хранятся в строгой тайне, в общество, тем не менее, проникли некоторые по этому поводу сведения.

Ныне не подлежит сомнению, что кроме целого ряда причин, кроющихся в самом экономическом и общественном положении крестьянства, немаловажным поводом к началу движения была социалистическая пропаганда.

Сделав из Румынии приют преступных деятелей всяких национальностей, правительство короля Карла, то увлекаясь обманчивым престижем крайнего либерализма, то намеренно преследуя цели, противные нашему спокойствию, достигло того, что социализм[1] пустил корни и в среде добродушного и смиренного крестьянского сословия и даже в войсках.

Кроме ряда случаев, когда целые части отказывались стрелять по бунтовщикам и, провозглашая теории социализма, громко заявляли, что присоединяются к требованиям крестьян о передаче земли и проч., многие офицеры оказались последователями социалистов и распространителями их учения в среде вверенных им войск. Впрочем, наказания виновных в

подобных случаях едва ли можно признать тяжкими. Так, между прочим, один из доробанческих офицеров, обративший свою роту в противников всяких установленных порядков, поручик Кинцу приговорён был на днях к годичному заключению.

Не желая, по видимому, изменять либерализму своей политики и не будучи вместе с тем в состоянии не сознать опасности распространения социализма, министры короля Карла нашли нужным прибегнуть к средним мерам, предупредив социалистические сообщества, что им следует вести себя осторожно и не привлекать на себя особого внимания. В противном случае правительство вынуждено будет для удовлетворения общественного мнения принять относительно них некоторые ограничительные меры.

Насколько подобные советы и предупреждения могут повлиять на деятельность лиц, поставивших себе задачею ниспровержение существующих порядков, судить нетрудно.

Позволяю себе при настоящем случае довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о разговоре, который я недавно имел с генеральным секретарём министерства иностранных дел[2] и который имеет некоторое соотношение с вопросом о праве убежища, предоставленном русским социалистам в Румынии.

Как Вам, Милостивый Государь, известно из прежних донесений императорской миссии, румынское правительство крайне дорожит уничтожением протекционных билетов и окончательным урегулированием положения наших протеже. Австрия со своей стороны в недавнее время уже отказалась от права выдачи подобных билетов[3] и тем немало увеличила нетерпение Румынии в означенном деле. Правительству разрешение этого вопроса тем более желательно, что оно усматривает в существующем порядке умаление своего достоинства и воспоминание тяжёлого прошлого.

В разговоре, о котором я имел честь выше сего упомянуть, господин Джувара коснулся вопроса о протеже и выразил мне, насколько румынское правительство было бы довольно благоприятным его разрешением.

Указав моему собеседнику на некоторые из причин, по которым уничтожение протекционных билетов представляется для нас несколько неудобным, я объяснил господину Джуваре, что настойчивость румынского правительства в деле этом меня удивляет. Если бы румыны на самом деле дорожили не одними внешними формальностями, а действительным урегулированием положения всех пребывающих в королевстве иностранцев, правительство, вероятно, обратило бы внимание и на русских социалистов, которых, по-видимому, нимало не тревожат, хотя у них нет даже и протекционных билетов.

«Справедливость требует», прибавил я, «чтобы прежде, чем притеснять лиц, снабжённых легальными документами, приняты были

меры к выяснению положения тех иностранцев, которые без всяких видов свободно проживают в пределах Румынии».

Позволяю себе предположить, что на этой почве нам возможно будет сохранить нынешние права наших протеже, впредь до наступления более благоприятного времени, когда румынское правительство окажется более сговорчивым и менее равнодушным к нашим желаниям[4].

С глубочайшим почтением и неизменною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 627, Листы 303-305 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Зарождение социалистического движения в Румынии связано с обоснованием там к концу 1870-х гг. эмигрантов из Российской империи, в том числе из Бессарабии. В 1879 г. доктор Руссель (Николай Судзиловский) и Иоан Нэдежде основали в Яссах газету «Бессарабия» с сильной антицаристской ориентацией. Важной частью деятельности румынских социалистов в 80-е гг. стала нелегальная транспортировка литературы левого толка из Европы в Россию. (См.: Hitchins K. *Rumania* // *The Formation of LabourMovements: 1870-1914. An International Perspective*. Vol. I. / Ed. M. van der Linden, Jü. Rojahn. Leiden, 1990. P. 369-392; Ornea Z. *Curentul cultural de la „Contemporanul”*. Bucureşti, 1977. P. 3 etc). Российская миссия в Бухаресте пристально следила за деятельностью прибывших из России социалистов и пыталась создать в общественном мнении атмосферу враждебности к ним при посредничестве некоторых румынских газет. Так, весной 1890 г. газета «Попорул» развернула кампанию против Константина Добруджану-Геря. См.: Ornea Z. *Viaţa lui C. Dobrogeanu-Gherea*. Bucureşti, 1982. P. 31-34.

[2] В то время генеральным секретарём министерства иностранных дел являлся Трандафир Джувара. В соответствии с регламентом центрального аппарата министерства, генеральный секретарь выполнял различные функции: ведение части министерской корреспонденции, руководство текущей работой чиновников ведомства, организация службы дипломатического персонала.

[3] 14 мая 1887 г. с румынской стороны было подписано «Соглашение об обмене нотами с Австро-Венгрией о прекращении австро-венгерской протекции в Румынии нежеланным лицам австро-венгерской национальности». Это покровительство было прекращено с 1 января 1888 г. Также были подписаны подобные соглашения с Германией и Францией.

[4] 22 ноября (4 декабря) 1869 г. была подписана российско-румынская консульская конвенция. Это была первая конвенция, заключённая Румынией с другим государством на равноправной основе еще до признания её независимости и без учета мнения Османской империи как государства-сюзерена. Конвенция состояла из 37 статей, которые касались статуса российских консулов, вице-консулов и подданных в Румынии и положения румын в Российской империи. По нашим сведениям, в конце XIX в. между двумя странами более не подписывались конвенции, хотя тенденции к их заключению имели место.

Bucureşti, 22 august 1888, nr. 47. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Chiar dacă rezultatele anchetei privind cauzele mişcării țărăneşti care a cuprins primăvara trecută mai multe regiuni ale României sunt păstrate în mare secret, la opinia publică au ajuns unele informații referitoare la această anchetă.

Nu mai încape în prezent nici o îndoială că, alături de o serie de cauze legate de situația economică şi socială a țărănimii, la declanşarea mişcării a contribuit şi propaganda socialistă.

După ce a făcut din România un adăpost pentru activiştii criminali de diferite naționalități, Guvernul regelui Carol, cochetând cu prestigiul mincinos al liberalismului extrem, sau urmărind conştient scopuri străine liniştii noastre, a ajuns până acolo încât socialismul[1] să prindă rădăcini în mediul stării țărăneşti, blajină şi credincioasă până atunci, şi chiar în armată.

În afară de cazurile când unități întregi refuzau să tragă în răsculați şi, proclamând teorii ale socialismului, declarau cu voce tare că susțin cererile țăranilor privind redistribuirea pământului etc., au existat şi cazuri de ofițeri care s-au dovedit a fi adepți ai socialiştilor şi propagatori ai învățăturii acestora în mediul armatelor încredințate spre a fi conduse. De fapt, pedepsele aplicate vinovaților de aceste fapte nu au fost nici pe departe aspre. Astfel, de pildă, unul dintre ofițerii dorobanților, care a transformat compania sa într-un adversar al instaurării ordinii, locotenentul Chințu, a fost condamnat zilele acestea la un an de închisoare.

Fără a dori, se pare, să renunțe la liberalism în politica sa şi fără a fi în stare să conştientizeze pericolul propagării socialismului, miniştrii regelui Carol au considerat necesar să recurgă la mijloace blânde, prevenind cercurile socialiste că ar trebui să se comporte cu precauție şi să nu atragă asupra lor atenția generală. În caz contrar, guvernul, pentru a da curs doleanțelor opiniei publice, va fi obligat să ia împotriva lor unele măsuri coercitive.

Cât de mult pot influența astfel de sfaturi şi avertismente activitatea acelora care au ca scop lichidarea ordinii actuale nu este deloc greu să ne dăm seama.

Folosind această ocazie, îmi permit să aduc la cunoştința Excelenței Voastre discuția pe care am avut-o recent cu secretarul general din Ministerul Afacerilor Externe[2], discuție care are o anumită legătură cu dreptul la azil, oferit socialiştilor ruşi în România.

Aşa cum vă este cunoscut, stimate domn, din rapoartele anterioare ale misiunii imperiale, Guvernul român ține foarte mult la lichidarea biletelor de protecție şi la reglementarea definitivă a situației supuşilor noştri. În ceea ce o priveşte, Austria[3] a renunțat recent la dreptul de a elibera astfel de bilete, sporind prin aceasta nerăbdarea românilor în chestiunea respectivă. Pentru guvern, soluționarea acestei probleme este cu atât mai importantă cu cât el vede în regimul actual o desconsiderare a onoarei sale şi o amintire a trecutului greu.

În discuția, despre care am avut onoarea să amintesc mai sus, domnul Djuvara s-a referit la chestiunea supușilor străini şi mi-a comunicat că Guvernul român ar fi foarte mulțumit cu o rezolvare favorabilă a acesteia.

Atrăgându-i interlocutorului meu atenția asupra unora dintre cauzele pentru care lichidarea biletelor de protecție prezintă anumite disconforturi pentru noi, i-am explicat domnului Djuvara că insistența Guvernului român în această chestiune mă miră. Dacă românii ar ține cu adevărat nu doar la formalitățile exterioare, dar şi la reglementarea situației tuturor străinilor din Regat, guvernul şi-ar fi îndreptat, probabil, atenția şi către socialiştii ruşi, care, după toate aparențele, nu sunt deranjați deloc, chiar dacă nu au nici măcar bilete de protecție.

„Echitatea cere", am adăugat eu, „ca, înainte de a discrimina persoanele dotate cu acte legale, să fie luate măsuri pentru clarificarea situației acelor străini, care locuiesc liber pe teritoriul României fără nici un fel de acte".

Îmi permit să presupun că pe această bază vom putea păstra drepturile actuale pentru supuşii noştri, până la sosirea unor timpuri mai bune, când Guvernul român se va dovedi mult mai maleabil şi mai puțin indiferent față de dorințele noastre[4].

Cu sinceră considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 627, filele 303-305 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Începuturile mişcării socialiste în România sunt legate de stabilirea aici, la sfârşitul anilor 1870, a unor emigranți din Imperiul Rus, inclusiv din Basarabia. În anul 1879, doctorul Russel (Nikolai Sudzilovskii) şi Ioan Nădejde au înființat la Iaşi ziarul „Besarabiea", cu o puternică orientare antițaristă. Printre activitățile importante ale socialiştilor români din anii 1880 s-a numărat transportarea ilegală a literaturii de stânga din Europa în Rusia (Keith Hitchins, *Rumania*, în, *The Formation of Labour Movements: 1870-1914. An International Perspective*, vol. I, ed. by Marcel van der Linden and Jürgen Rojahn, Leiden, 1990, p. 369-392; Z. Ornea, *Curentul cultural de la „Contemporanul"*, Bucureşti, 1977, p. 3 şi urm.). Misiunea rusă de la Bucureşti urmărea cu atenție activitatea socialiştilor de origine rusă şi încerca să creeze în opinia publică o stare de ostilitate la adresa acestora prin intermediul unor ziare româneşti (A se vedea, în acest sens, campania de presă dusă în primăvara anului 1890 împotriva lui Constantin Dobrogeanu-Gherea de ziarul „Poporul" – Z. Ornea, *Viața lui C. Dobrogeanu-Gherea*, Bucureşti, 1982, p. 31-34).

[2] În acele momente, funcția de secretar general al Ministerului Afacerilor Străine era ocupată de Trandafir Djuvara. Potrivit regulamentului administrației centrale a ministerului, secretarul general avea mai multe atribuții: de a expedia o parte din corespondența ministrului, de a conduce lucrările funcționarilor din minister, de a supraveghea întocmirea statului de serviciu pentru personalul ministerului.

[3] La 14 mai 1887, partea română semna „Învoiala prin schimb de note cu Austro-Ungaria, privitoare la încetarea protecției austro-ungare dată în România unor persoane nebucurându-se de naționalitatea austro-ungară". Această protecție a încetat la 1 ianuarie 1888. Se mai semnaseră astfel de „învoieli" şi cu Germania şi Franța.

[4] La 22 noiembrie/4 decembrie 1869, a fost semnată convenţia consulară dintre România şi Rusia. Era prima convenţie încheiată de România cu un alt stat, pe picior de egalitate, înainte de recunoaşterea independenţei şi fără a se ţine seama de punctul de vedere al puterii suzerane, în speţă Imperiul Otoman. Convenţia conţinea 37 de articole referitoare la statutul consulilor, vice-consulilor şi supuşilor ruşi pe teritoriul României, dar şi la situaţia românilor în Rusia. După ştiinţa noastră, la sfârşitul secolului XIX nu a mai fost semnată o altă convenţie consulară între cele două state, deşi au existat tentative în acest sens.

7

Бухарест, 11 декабря 1888 г., № 70. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Из всех прений, происходивших до сих пор в палатах, из всей этой борьбы политических партий, при которой мы ныне присутствуем в Румынии, и из всех интриг, сопровождающих эту борьбу, одно, что выделяется для нас с полною ясностью, это непримиримая, почти уже нескрываемая враждебность в отношении к нам короля Карла и его послушного, усердствующего правительства. Принадлежность Румынии к враждебному против нас союзу[1], принятие ею в этом отношении некоторых положительных обязательств, едва ли могут подлежать ныне какому либо сомнению.

Коллективисты, пока они находились у власти, по крайней мере, не сознавались открыто в своей в отношении к нам враждебности. Напротив, они всё время старались нас уверить в своей дружбе, парадировали перед страною своими с Россией, якобы, дружественными отношениями и официально провозглашали во внешней политике принцип строгой нейтральности. Лишь после своего падения они окончательно сбросили эту личину. Жунимисты их перещеголяли[2].

Господин Карп не довольствуется отказом заявить, что политика его будет нейтральною; он несколько раз громко и торжественно заявляет своё полное одобрение политики брэтиановского кабинета и объявляет, что он будет её ревностным продолжателем. Какова же была в отношении к нам эта политика павшего Министерства коллективистов, теперь уже вполне известно из обнародованного их партией, после их падения, пресловутого их воззвания к стране, представленного мною на воззрение Вашего Высокопревосходительства при депеше моей от 19-го мая сего года, № 18.

Мне кажется, что таковое вполне выяснившееся положение дел для нас выгодно, ибо оно нам развязывает руки. Мы, по крайней мере, знаем, с

кем мы имеем дело и не имеем надобности стесняться. С одной стороны, король с его к нам ненавистною враждебностью, опирающийся на жунимистов, как прежде он опирался на коллективистов с Ионом Брэтиану во главе. В основании всей этой тёмной деятельности, без сомнения, лежит та иностранная враждебная нам интрига, которой начало следует искать выше мелких сфер бухарестской политической стряпни, та интрига, на которую в продолжение с лишком десяти лет натыкаемся мы всюду на европейском Востоке[3]. С другой стороны, враждебная этой политике и следовательно нам сочувственная партия консерваторов, борющаяся против личной политики короля и угождающих ей жунимистов и коллективистов, но в борьбе своей не окрепшая, вялая, бессильная, вследствие разладов в её собственной среде и податливости некоторых её членов из-за личных честолюбивых видов на приманки правительственной деморализации[4]. Наконец, за этой консервативной партией стоит вся масса румынского народа, всеми национальными инстинктами своими враждебная лично-иностранной политике короля, но сдавливаемая в выражении истинных чувств сложною машиною конституционной лжи[5].

Нынешняя политическая борьба партий может прийти лишь к одному из следующих трёх результатов: 1) либо король окончательно восторжествует, и консервативная партия потерпит такие удары, от которых она не скоро оправится. В таком случае надолго водворится господство враждебной нам личной политики короля. Но на таковой исход данных ещё пока не много; 2) или консерваторы восторжествуют, и тогда королю придётся уступить перед легальным давлением большинства и изменить свою нынешнюю лично-иностранную политику на политику национальную, во всяком случае, нам более выгодную; или, наконец, 3) борьба выйдет из легальных форм и перейдёт из стен парламента на улицу, выводя на первое место вопрос антидинастический, уже достаточно созревший в глубоких массах румынского народа. Во всяком случае, нынешнее обострённое положение представляет уже ту выгоду, что оно отодвигает на неопределённое время вопрос об упрочении на румынском престоле династии Гогенцоллернов. Едва ли при нынешних обстоятельствах приверженцы мысли о признании ныне же принца Фердинанда Гогенцоллернского законным наследником короля Карла решатся поднять этот вопрос, который готов был быть поднятым в прошлом году перед падением коллективистов. Вот почему нынешняя партийная борьба представляет для нас особенный интерес[6].

Конечно, Румыния сама по себе слишком ничтожна, чтобы смешные бравады г-на Карпа могли нас беспокоить. Но они находят, к сожалению, отголосок по другую сторону Дуная и одобряют тамошних наших противников. Всё это в связи, и я более чем когда либо убеждён в том, что мы не можем рассчитывать на возвращение в сферу полного

политического влияния задунайских стран, пока не восторжествует и не водворится вновь наше историческое политическое тяготение на Румынию. Мне кажется, мы должны сделать всё, что от нас зависит, для достижения этой цели и в этом отношении мы должны не упустить настоящую минуту.

С отличным почтением и совершенною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 627, Листы 448-452. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] 18(30) октября 1883 г. Румыния подписала договор о союзе с Австро-Венгрией, к которому Германия примкнула в тот же день. Договор был секретным, содержал 7 статей, имел оборонительный характер и срок действия 5 лет с последующим автоматическим продлением каждый раз еще на 3 года.

[2] 12 ноября 1888 г. был сформирован второй кабинет Теодора Росетти, в который вошли и либерал-консерваторы Г. Ману в качестве военного министра, А. Лаховари в должности министра сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ, Дж. Вернеску как министр юстиции. Портфель министра иностранных дел остался за П. Карпом, убежденным сторонником союзного договора с Германией и Австро-Венгрией. Возможно, это был главный фактор в расчетах короля, принявшего решение доверить жунимистам формирование правительства.

[3] Об этом см. подробнее в историческом комментарии к данному тому.

[4] Хотя после формирования правительственного кабинета консерваторы Ласкэр Катарджиу и генерал Флореску посетили короля для того, чтобы заверить его в своей парламентской поддержке, в действительности они были недовольны новой формулой формирования правительства.

[5] Своё отношение к новому кабинету и к новой политической ситуации король Карл I выразил в письме к брату Леопольду от 27 ноября (9 декабря) 1888 г.: «При правительстве Брэтиану я обсуждал с ним все вопросы и принимал решения; к тому же он располагал в палате организованным большинством, с помощью которого самые щекотливые проблемы могли быть решены без нескончаемых дискуссий. Теперь же я должен договариваться с каждым министром в отдельности, имеют место различного вида заявления, объяснения; часто и в совете [министров] невозможно теперь быстро прийти к единогласию, и я должен убеждать каждого в отдельности уступить […] Старые консерваторы хотят чисто консервативное правительство и „обрабатывают" в этом смысле славного Л. Катарджиу, который пока что вел себя очень корректно. Частью правительства являются П. П. Карп и А. Лаховари, два лидера, каждый из которых не поддерживает другого, и это отражается на деятельности палат». См.: *Scrisorile regelui Carol I din arhiva de la Sigmaringen 1878-1905* / Ed. S. Cristescu. Bucureşti, 2011. P. 171–172.

[6] Князь Фердинанд был провозглашен «предположительным наследником короны» и принцем Румынии в марте 1889 г.

Bucureşti, 11 decembrie 1888, nr. 70. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Din toate dezbaterile care au loc în prezent în Camere, din toată această luptă politică dintre partide, la care asistăm azi în România, şi din toate intrigile care însoțesc această luptă, ceea ce se poate desprinde pentru noi cu toată claritatea este atitudinea ireconciliabilă şi deja necamuflată față de noi a regelui Carol şi a guvernului zelos supus lui. Apartenența României la o alianță[1] ostilă nouă, asumarea de către ea, față de această alianță, a unor obligații pozitive, sunt realități care nu mai pot fi puse la îndoială.

Atâta timp cât s-au aflat la putere, colectiviştii, cel puțin, nu îşi expuneau deschis atitudinea ostilă față de noi. Dimpotrivă, aceştia au încercat să ne asigure mereu de prietenia lor, afişau relațiile pretins amicale cu Rusia şi declarau oficial în politica externă principiul neutralității stricte. Abia după pierderea puterii ei au aruncat definitiv această mască. Junimiştii i-au întrecut în această privință[2].

Domnul Carp, fără a se mulțumi cu refuzul de a afirma că politica sa va fi una a neutralității, s-a declarat cu voce tare şi solemn întru totul de acord cu politica Guvernului Brătianu şi anunță că o va continua cu râvnă. Care a fost însă politica guvernului căzut al colectiviştilor față de noi este în prezent bine cunoscut, din proclamațiunea către țară publicată de partidul lor după îndepărtarea de la putere, care a fost pusă la dispoziția Excelenței Voastre odată cu raportul din 19 mai anul curent, nr. 18.

Sunt de părere că această clarificare a lucrurilor este convenabilă pentru noi, deoarece aceasta ne dezleagă mâinile. Acum ştim, în orice caz, cu cine avem de-a face şi nu există nici o nevoie de a ne jena. De o parte se află regele, cu ostilitatea sa dușmănoasă, bazat pe junimişti, aşa cum se baza înainte pe colectiviști în frunte cu Ion Brătianu. La originea acestei întregi activități obscure se află, fără îndoială, acea intrigă străină îndreptată împotriva noastră, care trebuie căutată dincolo de sferele minuscule ale uneltirilor din politica bucureşteană, acea intrigă de care ne lovim peste tot în Orientul european în ultimii zece ani[3]. De cealaltă parte se situează partidul conservatorilor, ostil acestei politici şi, în consecință, binevoitor nouă, care se luptă împotriva politicii personale a regelui şi a junimiştilor şi colectiviştilor care o susțin, dar care, în lupta sa, este însă neconsolidat, slab, fără putere, ca urmare a discordiei interne şi a vulnerabilității unor membri ai săi, avizi de onoruri la momelile demoralizante guvernamentale[4]. În sfârşit, în spatele acestui partid conservator se află întreaga masă a poporului român, care este, prin toate instinctele sale naționale, ostil politicii externe personale a regelui, dar care este împiedicat în exprimarea sentimentelor sale adevărate de către maşinăria complicată a minciunii constituționale[5].

Lupta politică actuală a partidelor poate conduce doar către unul dintre următoarele trei rezultate posibile: 1) fie că regele va avea definitiv câştig de cauză şi partidul conservator va încasa astfel de lovituri după care nu-şi va reveni foarte curând; în acest caz se va impune pentru mult timp politica personală a regelui ostilă nouă; dar pentru un astfel de scenariu nu există încă suficiente date; 2) fie că vor triumfa conservatorii şi în acest caz regele va fi obligat să cedeze în faţa presiunii legale a majorităţii şi să-şi modifice politica personală externă din prezent într-una naţională, în orice caz mai convenabilă nouă; sau, în sfârşit, 3) lupta va ieşi din formele legale şi va trece dincolo de zidurile Parlamentului în stradă, avansând în prim-plan chestiunea antidinastică, care s-a copt deja destul de mult în masele profunde ale poporului român. În orice caz, situaţia acută actuală prezintă un anumit avantaj, amânând pentru o perioadă nedeterminată chestiunea consolidării pe Tronul românesc a dinastiei de Hohenzollern. Este puţin probabil ca, în condiţiile actuale, adepţii ideii privind recunoaşterea acum a prinţului Ferdinand de Hohenzollern drept succesor legal al regelui Carol să ridice această chestiune, problemă care era pe cale de a fi pusă anul trecut înainte de căderea colectiviştilor. Iată de ce lupta politică actuală prezintă pentru noi un interes deosebit[6].

Desigur, România însăşi este prea neînsemnată pentru ca bravadele domnului Carp să ne neliniştească. Dar acestea au, din păcate, ecouri în partea cealaltă a Dunării, încurajându-i pe duşmanii noştri de acolo. Între toate acestea există o legătură, şi eu sunt ca niciodată convins că noi nu putem să mizăm pe revenirea totală sub influenţă noastră a ţărilor de dincolo de Dunăre, până când influenţa noastră istorică şi politică asupra României nu va triumfa şi nu se va impune din nou. Consider că noi ar trebui să facem tot ce depinde de noi pentru atingerea acestui scop, iar pentru aceasta nu ar trebui să ratăm şansa actuală.

Cu exemplară consideraţie şi devotament nelimitat, am onoare de a fi, Stimate Domn, supusul Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 627, filele 448-452.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] La 30 octombrie 1883, România a semnat tratatul de alianţă cu Austro-Ungaria, la care Germania a aderat în aceeaşi zi. Tratatul era secret, conţinea şapte articole, avea un caracter defensiv şi o valabilitate de cinci ani, urmând a fi prelungit automat pe încă trei ani.

[2] La 12 noiembrie 1888, a fost constituit al doilea guvern Theodor Rosetti, din care au făcut parte şi liberal-conservatorii G. Manu, ministru de Război, Al. Lahovari, ministru al Agriculturii, Industriei, Comerţului şi Domeniilor, G. Vernescu, ministru al Justiţiei. Portofoliul Externelor a rămas la P.P. Carp, susţinător al încheierii tratatului de alianţă cu Austro-Ungaria şi Germania. A fost poate factorul principal care a contat în decizia regelui de a încredinţa junimiştilor formarea guvernului.

[3] A se vedea, pe larg, studiul introductiv la acest volum.

[4] Chiar dacă, după formarea guvernului, conservatorii Lascăr Catargiu şi generalul Florescu au mers la rege pentru a-l încredinţa de sprijinul lor în Parlament, în realitate aceştia erau nemulţumiţi de noua formulă ministerială.

[5] Poziția regelui Carol I față de noul cabinet şi noua situație politică este exprimată într-o scrisoare din 27 noiembrie/9 decembrie 1888, către fratele său Leopold: „Sub guvernul Brătianu discutam şi fixam cu el toate chestiunile, în plus dispunea în Camere de o majoritate organizată prin care cele mai spinoase probleme puteau fi rezolvate fără discuții interminabile. Astăzi trebuie să tratez cu fiecare ministru în parte, au loc tot felul de declarații, de explicații; adesea în consiliu nu se mai poate ajunge prea uşor la consens şi eu trebuie să conving pe fiecare parte să cedeze […]. Bătrânii conservatori cer un guvern pur conservator şi îl prelucrează în acest sens pe bunul L. Catargiu, care până acum a fost foarte corect. Din guvern fac parte P.P Carp şi Al. Lahovari, doi lideri care nu se suportă unul pe celălalt, lucru care se repercutează în activitatea Camerelor": *Scrisorile regelui Carol I din arhiva de la Sigmaringen 1878-1905*, studiul introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea şi notele de Sorin Cristescu, Bucureşti, 2011 (în continuare: *Scrisorile regelui Carol I*), p. 171-172.

[6] Principele Ferdinand a fost proclamat moştenitor al Tronului şi principe de România în martie 1889.

8

Бухарест, 16 января 1889 г., № 3. Лодыженский – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

За последнее время, как в бухарестском обществе, так и в печати, держится упорно слух о предстоящем весною нынешнего года прибытии в Румынию на постоянное пребывание принца Фердинанда Гогенцоллернского, имеющего, насколько ныне можно судить [намерение] занять со временем румынский престол.

В подтверждение этого слуха в здешних газетах напечатан был текст телеграммы, присланной, будто бы, принцем по случаю Нового года командиру квартирующего в Бухаресте 3-го линейного пехотного полка, в списках коего он состоит.

В телеграмме этой значилось, что принц весною прибудет в Яссы, где и намерен окончательно поселиться. Хотя впоследствии командир означенного полка, полковник Паллади, и заявил, что полученная им телеграмма была не более как простое со стороны принца Фердинанда поздравление с Новым годом своих товарищей, распространившееся в то же время известие о переводе полка в Яссы придало означенному выше слуху новую достоверность.

Я воспользовался недавним моим свиданием с господином Карпом, чтобы спросить его, насколько правдоподобно прибытие принца Фердинанда на окончательное пребывание в Румынии, и получил от министра иностранных дел ответ, вполне подтверждающий вероятие этого события, которое при настоящих обстоятельствах нельзя не считать немаловероятным.

Если принц Фердинанд еще не находится здесь, объяснил мне мой собеседник, то лишь потому, что внутреннее положение королевства было до последнего времени весьма трудное и что упорная борьба политических партий могла неблагоприятно отразиться на взглядах и убеждениях молодого и впечатлительного принца[1].

Пребывание же его в Яссах в течение более или менее продолжительного времени привлечет на сторону его, по мнению господина Карпа, молдаван, оставшихся доныне весьма равнодушными к судьбе королевского дома.

Вместе с тем вероятная женитьба принца прекратит в значительной мере антидинастическую агитацию, одним из наиболее существенных оснований коей является бездетность короля и необеспеченность престолонаследия.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Высокопревосходительства, позволю себе вместе с тем высказать, что, кроме указанных господином Карпом причин отсутствия принца Фердинанда в Румынии, главным [объяснением] подобного явления является нескрываемое королевою Елизаветою недружелюбное отношение Её Величества к будущему вероятному заместителю короля Карла. Кроме того, что королева находит принца Фердинанда несоответствующим по нравственным его качествам предстоящей ему деятельности, Её Величество не может еще помириться с мыслью, что наследник престола не родился у подножия его.

Для дополнения вышеизложенного возьму смелость напомнить Вашему Высокопревосходительству, что приезд осенью минувшего года принца Валлийского[2] в Румынию был, между прочим, объясняем как первый шаг к будущему браку одной из дочерей Его Высочества с принцем Фердинандом.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Лодыженский.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 21-24.

[1] Необходимо отметить факт, что к тому моменту принц Фердинанд не снискал особой популярности среди населения. Он посещал Румынию лишь дважды: в 1881 г. во время коронационных торжеств, и в 1887 г., когда пробыл там несколько недель. Его же возможное проживание в Яссах имело двойное значение: с одной стороны, сближение правящей династии со второй «столицей» страны, а с другой стороны, стремление к уменьшению взаимного непонимания между молдаванами и выходцами из Валахии.

[2] Принц Уэльский (в старой русской транскрипции принц Валлийский), будущий король Великобритании Эдуард VII (1901–1910) находился в Румынии в конце сентября 1888 г. В письме к своему брату Леопольду король Карл I свидетельствовал, что «визит принца Уэльского нам доставил большую радость; он был очень сердечным и держал себя как истинный родственник. Уехал сегодня с наилучшими впечатлениями и пригласил нас приехать как можно скорее в Англию; это его желание я бы с удовольствием осуществил" (*Scrisorile regelui Carol I*, p. 171).

Bucureşti, 16 ianuarie 1889, nr. 3. Lodâjenski către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

În ultimul timp, atât în societatea bucureşteană, cât şi în presă, se menține cu persistență zvonul despre viitoarea sosire în România, în primăvara acestui an, cu intenția de a se stabili permanent în țară, a prințului Ferdinand de Hohenzollern, care ar avea [intenția], din câte putem judeca acum, să ocupe, cu timpul, Tronul românesc.

Drept confirmare a acestui zvon, în ziarele de aici s-a tipărit textul unei telegrame, care ar fi fost, chipurile, trimisă de prinț cu ocazia Anului Nou, comandantului Regimentului 3 infanterie de linie, încartiruit la Bucureşti, în listele căruia este inclus.

În această telegramă se spunea că prințul va sosi primăvara la Iaşi, unde intenționează să se şi stabilească definitiv. Deşi după aceea comandantul regimentului sus-menționat, colonelul Pallady, a declarat că telegrama pe care a primit-o nu era decât o simplă felicitare, cu ocazia Anului Nou, din partea prințului Ferdinand pentru camarazii săi, vestea despre transferul regimentului la Iaşi, care s-a răspândit în acelaşi timp, i-a conferit zvonului menționat mai sus o nouă credibilitate.

Eu am profitat de recenta mea întâlnire cu domnul Carp, pentru a-l întreba cât de verosimilă este sosirea prințului Ferdinand în România şi stabilirea sa definitivă în țară, şi am primit de la ministrul Afacerilor Externe un răspuns care confirmă pe deplin probabilitatea acestui eveniment, care, în circumstanțele actuale, poate fi considerat destul de probabil.

Dacă prințul Ferdinand nu se află încă aici, mi-a explicat interlocutorul, este doar pentru că situația internă a Regatului a fost, până nu demult, destul de dificilă, şi pentru că lupta acerbă a partidelor politice ar fi putut să se repercuteze într-un mod nefavorabil asupra viziunilor şi convingerilor tânărului şi impresionabilului prinț[1].

Şederea sa la Iaşi însă, pentru un timp mai mult sau mai puțin îndelungat, îi va atrage de partea sa, conform părerii domnului Carp, pe moldoveni, care până acum rămăseseră extrem de indiferenți față de soarta Casei Regale.

Totodată, probabila căsătorie a prințului va curma, în mare măsură, agitația antidinastică, unul dintre motivele ei substanțiale fiind acela că regele nu avea urmaşi care să asigure succesiunea la tron.

Aducând la cunoştința Excelenței Voastre cele menționate mai sus, îmi permit totodată să afirm că, în afara cauzelor absenței prințului Ferdinand din România indicate de domnul Carp, principala [explicație] a acestui fenomen este atitudinea vădit neprietenoasă a reginei Elisabeta pe care o afişează Majestatea Sa față de viitorul înlocuitor probabil al regelui Carol. În afară de

faptul că regina îl consideră pe prinţul Ferdinand necorespunzător, din punct de vedere al trăsăturilor morale, pentru viitoarea sa activitate, Majestatea Sa nu se poate încă împăca cu gândul că moştenitorul tronului nu s-a născut în apropierea acestuia.

Pentru completarea celor menţionate mai sus, voi îndrăzni să reamintesc Excelenţei Voastre că sosirea în România, în toamna anului trecut, a prinţului de Wales[2], a fost, printre altele, explicată ca fiind primul pas pentru viitoarea căsătorie a uneia dintre fiicele Alteţei Sale cu prinţul Ferdinand.

Cu profundă consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, Lodâjenski.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 21-24.

[1] Trebuie amintit faptul că la acel moment prinţul Ferdinand nu se bucura de o mare popularitate în rândul populaţiei. Vizitase România doar de două ori: în 1881, la serbările încoronării, şi în 1887, când a stat câteva săptămâni. În ceea ce priveşte stabilirea la Iaşi, aceasta avea o dublă semnificaţie: pe de o parte, apropierea între dinastie şi cea de-a doua „capitală" a ţării, iar pe de altă parte, de a limita neînţelegerile dintre moldoveni şi munteni.

[2] Prinţul de Wales, viitorul rege Eduard VII al Marii Britanii (1901-1910), a fost în România la sfârşitul lunii septembrie 1888. Într-o scrisoare trimisă fratelui său, Leopold, regele Carol I mărturisea că „vizita prinţului de Wales ne-a făcut mare bucurie, a fost foarte cordial şi s-a purtat ca o adevărată rudă. A plecat de aici cu cele mai bune impresii şi ne-a invitat să venim cât mai curând în Anglia, o dorinţă căreia cu plăcere i-aş da curs" (*Scrisorile regelui Carol I*, p. 171).

9

Бухарест, 19 февраля 1889 г., № 8. Лодыженский – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

На днях меня посетил недавно покинувший свой пост бывший Чрезвычайный посланник господин Григорий[1] Гика, дабы просить меня передать Вашему Высокопревосходительству чувства неизменной преданности его по случаю сообщенного ему мною содержания телеграммы от 3 января, которою Вам, милостивый государь, угодно было поручить мне передать господину Гике Высочайшую Государя Императора благодарность за поднесенные господином Гикою, по случаю Нового года, почтительнейшие поздравления.

Выразив мне искреннее и глубокое сожаление свое по поводу невозможности, ввиду совершенно расстроенного здоровья[2], продолжать свою службу в С.-Петербурге, господин Гика просил меня передать Вашему Высокопревосходительству ходатайство его о повержении к

стопам Его Императорского Величества выражения его глубочайшего благоговения и всепочтительнейшей преданности.

В то же время, господин Гика просил меня сделаться пред Вашим Высокопревосходительством выразителем одушевляющих его чувств глубочайшего почтения и живейшей благодарности за неизменно оказанные ему Вами, милостивый государь, благосклонность и содействие к исполнению возложенной на него при императорском правительстве миссии.

Состояние здоровья господина Гики, по словам его, лишает его возможности прибыть в С.-Петербург для личного представления Величайшему Государю Нашему своих отзывных грамот.

С глубочайшим почтением и неизменной преданностью, имею честь быть, милостивый государь,

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Лодыженский.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 48-49 об.

[1]Вычеркнуто и написано карандашом: Георгий.

[2] Георге Михаил Гика был чрезвычайным посланником и полномочным министром Румынии в Санкт-Петербурге в 1886–1889 гг. Он сменил на этом посту Николае Крецулеску, преемником же его самого стал Эмиль И. Гика. Пост в российской столице стал последним в его служебной карьере. 1 февраля 1889г. он ушел отставку по состоянию здоровья. Скончался семью годами позже, 1 июля 1896 г.

Bucureşti, 19 februarie 1889, nr. 8. Lodâjenski către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Acum câteva zile m-a vizitat fostul trimis extraordinar domnul Grigore[1] Ghica, care şi-a părăsit recent funcţia, pentru a mă ruga să transmit Excelenţei Voastre sentimentele sale de neschimbat devotament, cu ocazia conţinutului telegramei din 3 ianuarie, pe care i l-am adus la cunoştinţă, şi prin care dumneavoastră, stimate domn, aţi binevoit să îmi încredinţaţi sarcina de a-i transmite domnului Ghica înalta gratitudine a Majestăţii Sale împăratului pentru respectuoasele felicitări prezentate de domnul Ghica cu ocazia Anului Nou.

Exprimându-mi regretele sale sincere şi profunde în legătură cu imposibilitatea de a-şi continua serviciul la St. Petersburg, având în vedere sănătatea sa cu totul şubrezită[2], domnul Ghica m-a rugat să transmit Excelenţei Voastre solicitarea sa de a depune la picioarele Majestăţii Sale Imperiale expresia profundei sale veneraţii şi foarte respectuosului său devotament.

În acelaşi timp, domnul Ghica m-a rugat să exprim în numele său, în faţa Excelenţei Voastre, sentimentele sale de profund respect şi cea mai vie recunoştinţă care îl animă în legătură cu bunăvoinţa şi sprijinul pe care dumneavoastră, stimate domn, i le-aţi acordat în mod constant în îndeplinirea misiunii care i-a fost încredinţată pe lângă Guvernul imperial.

Starea sănătăţii domnului Ghica, după spusele sale, nu îi va da posibilitatea de a sosi la St. Petersburg pentru a-şi prezenta personal scrisorile de rechemare din funcţie în faţa măreţului nostru monarh.

Cu profundă consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, Lodâjenski.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 48-49 verso.

---

[1] Tăiat şi scris cu creionul: Георгий [Gheorghe].

[2] Gheorghe Mihail Ghica a fost ministru plenipotenţiar al României la Sankt Petersburg între 1886 şi 1889. L-a urmat în funcţie pe Nicolae Kretzulescu şi avea să fie înlocuit de Emil I. Ghica. Postul din capitala Rusiei a fost ultimul în diplomaţie, demisionând la 1 februarie 1889, pe motive de sănătate. A decedat şapte ani mai târziu, la 1 iulie 1896.

10

Бухарест, 22 февраля 1889 г., № 10. Лодыженский – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н.К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Из донесения моего от 31-го Августа № 52 Вашему Высокопревосходительству известно о существовании в Румынии специального антидинастического органа «Adevărul», издаваемого господином Белдиманом[1] и провозглашающего необходимость водворения на румынском престоле князя Александра Кузы.

Наиболее выдающиеся статьи означенной газеты, всегда, впрочем, отличающейся точностью и простотой своих взглядов, неоднократно сообщались миссией императорскому министерству. Имею честь представить при сём на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства перевод появившейся сего числа в «Adevărul» статьи, отмечающейся несравненною энергией и преисполненной самых резких нападок против короля Карла[2].

Распространяющаяся в обществе обыкновенно в числе до 4 т[ысяч] экземпляров газета эта сегодня распродана, по слухам, в числе более 11 т[ысяч] экземпляров. Такой усиленный интерес, возбужденный в обществе

особо энергическими нападками на короля, еще раз доказывает, насколько даже в среде образованных сравнительно лиц процветают антидинастические стремления и насколько мало король Карл успел приобрести симпатии народа своего в течение 23-хлетнего управления им.

По слухам, судебного преследования против подписавшего статью политического редактора, Белдимана, произведено не будет, в виду особого по этому вопросу повеления короля.

С истинным почтением и неограниченною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Лодыженский.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 50-51 об.

---

[1] 15 августа 1888 г. вышел в свет первый номер газеты «Адевэрул», директором которой являлся Александру В. Белдиман. Приобретя в свое время известность нападками по адресу Карла I и королевской династии, Белдиман поддерживал идею возведения на румынский трон Александру Кузы, старшего сына бывшего господаря Александру Иона Кузы.

[2] В номере от 22 февраля 1889 г. Александру Белдиман назвал две цели, которые он желал бы видеть реализованными прежде, чем умереть: „Освобождение румын из-под мадьярского ига с их присоединением к независимой Румыниии" и "Изгнание иностранного принца и замена его господарем, избранным народом". Он откровенно признавался на страницах газеты «Адевэрул»: „Да! Я русофил! Я противник династии". Также Белдиман выдвинул на страницах этого бухарестского периодического издания лозунг «Долой Карла I, чуждого нашему народу, чуждого нашему вероисповеданию!" („Adevărul". 1889. 22 febr. Nr. 155. P. 1).

Bucureşti, 22 februarie 1889, nr. 10. Lodâjenski către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Din cuprinsul raportului meu din data de 31 august (nr. 52), Excelența Voastră cunoaşteți despre existența în România a unui organ de presă specializat în luări de poziție antidinastice, „Adevărul", editat de domnul Beldiman[1], şi care proclamă necesitatea instalării pe Tronul României a domnitorului Alexandru Cuza.

Cele mai remarcabile articole ale ziarului menționat, care, de altfel, s-a distins întotdeauna prin acuratețea şi simplitatea viziunilor sale, au fost în repetate rânduri comunicate de misiunea noastră Ministerului imperial. Am onoarea de a prezenta în anexă la acest raport, la aprecierea şi latitudinea Excelenței Voastre, traducerea unui articol apărut astăzi în ziarul „Adevărul", care se remarcă printr-o energie incomparabilă şi este plin de cele mai tăioase atacuri împotriva regelui Carol[2].

Deşi se distribuie, de obicei, în societate într-un număr de până la 4 mii de exemplare, acest ziar a fost astăzi vândut, conform unor zvonuri, într-un tiraj de peste 11 mii de exemplare. Un asemenea interes sporit, stârnit în societate de atacurile deosebit de energice la adresa regelui, demonstrează încă o dată în ce măsură, chiar şi în mediul persoanelor relativ cultivate, înfloresc tendinţele antidinastice şi cât de puţin a reuşit regele Carol să câştige simpatia poporului său pe parcursul celor 23 de ani de guvernare asupra acestui popor.

Judecând după zvonuri, nu va fi iniţiată urmărirea judiciară contra redactorului politic, Beldiman, care a semnat acest articol, ca urmare a unui ordin special al regelui referitor la această chestiune.

Cu sinceră consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, Lodâjenski.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 50-51 verso.

[1] Pe 15 august 1888 a apărut primul număr al ziarului „Adevărul", al cărui director era Alexandru V. Beldiman. Cunoscut în epocă pentru atacurile sale la adresa lui Carol I şi a dinastiei Hohenzollern-Sigmaringen, Alexandru V. Beldiman susţinea ideea urcării pe tronul României a lui Alexandru Cuza, fiul mai mare al domnitorului Alexandru Ioan Cuza.

[2] În numărul din 22 februarie 1889, Alexandru V. Beldiman prezenta cele două obiective pe care le dorea realizate înainte de a muri: „Dezrobirea românilor de sub jugul maghiar şi alipirea lor la România independentă" şi „Izgonirea prinţului străin şi înlocuirea lui prin un domn ales de popor". Acesta recunoştea franc în paginile ziarului „Adevărul": „Da! Sunt rusofil, sunt antidinastic". De asemenea, era prezentată şi lozinca periodicului bucureştean: „Jos Carol I, străin de neamul nostru, străin de legea noastră" („Adevărul", anul I, nr. 155, miercuri, 22 februarie 1889, p. 1).

11

Бухарест, 17 марта 1889 г., № 12. Лодыженский – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Как Вашему Высокопревосходительству небезызвестно из предыдущих донесений императорской миссии, румынское правительство обратило особое внимание на скорейшее окончание укреплений[1], строящихся как вокруг Бухареста, так и по линии р. Серет.

Представляя результат целой системы внешней политики, укрепления эти, как я уже позволил себе в прежних моих донесениях Вам, милостивый государь, высказать, должны были, по-видимому, придать Румынии, как военному государству, больший вес в ожидаемом здесь недалеком разрешении тех существенных вопросов европейской

политики, которые остаются не разрешенными между великими державами. В вознаграждение за свое содействие в этом случае Румыния надеялась получить заслуженные выгоды.

Принимая во внимание нынешнее настроение правительства, особо гордящегося своею откровенностью, и из наблюдения за неизменным его образом действий, едва ли можно сомневаться в том, что политическая программа его, установленная уже несколько лет тому назад, безусловно, втягивает Румынию в сферу австро-германских интересов.

Воспитанные в Йене, Гейдельберге или Вене нынешние руководители судеб Румынии, увлекаясь чрез меру могуществом Германии и совершенно не зная России и не понимая политики императорского правительства, полагают, что, выказывая относительно нас особое недружелюбие, они тем заслужат похвалы и доверие своих союзных покровителей. Нужды народа, его стремления и традиции для них в данном вопросе не имеют, по-видимому, никакого значения, тем более, что они их беспристрастно и не изучали и, мечтая о создании обновленной Румынии с 12 м[иллионами] единоплеменного народа, надеясь распространить своё влияние и на Болгарию и на македонских куцо-влахов, министры короля Карла в увлечении своем забывают, что на Болгарию влиянию их не суждено распространиться, что недостающие им пять миллионов трансильванских и буковинских румын находятся под скипетром их союзника, австрийского императора, и что противоречие между их политическим направлением и заветными стремлениями румынского народа готовит их несбыточным теориям и им самим непредотвратимую гибель.

Как Вашему Высокопревосходительству небезызвестно, по проектам коллективистского Министерства, всецело, впрочем, одобренных королём, вся система укреплений Румынии была исключительно направлена против возможности занятия королевства русскими войсками. Под предлогом того, что карпатские ущелья могут легко быть сделаны непроходимыми для неприятеля, все усилия румынского правительства были направлены к созданию препятствий для возможного вступления императорских армий на румынскую территорию.

Насколько известно, расходы по укреплению Бухареста, линии Серета и, со временем, и правого берега Прута, были исчислены стоимостью до 500 мил[лионов] франков. Начатые весною минувшего года, по указу Короля, укрепления Галац–Фокшань уже стоили Румынии значительные суммы денег и ныне, для поверхностного их даже завершения, оказалось необходимым испросить у палат немаловажные кредиты.

Вступивший с ноября месяца минувшего года в управление военным министерством генерал Ману, бывший дотоле сторонником нейтральной для Румынии внешней политики, со времени получения

министерского портфеля и, несомненно, под влиянием короля, изменил свои взгляды и энергически стал домогаться продолжения тех самых вооружений, против которых он в свое время не менее энергически восставал.

Я уже позволил себе однажды, в донесении от 13 августа 1888 г. № 45, предвидеть что, в случае, если сооружение укреплений на нашей границе будет оставлено без надлежащего внимания, то и последующие после коллективистов и жунимистов Министерства вынуждены будут, несмотря на возможное свое нежелание, продолжать начатое дело, дабы не скомпрометировать окончательно в глазах народа самый принцип верховной власти. То же, с некоторыми видоизменениями, случилось и ныне.

Предвидя вероятное противодействие немалого числа консервативных депутатов в вопросе об укреплениях, генерал Ману, желая, тем не менее, получить на это необходимые кредиты, просил в первой половине минувшего февраля палату избрать из среды своей двадцать депутатов, которым он мог бы подробно и на свободе доказать необходимость сооружения укреплений и которые могли бы, со своей стороны, надлежащим образом разъяснить вопрос своим сотоварищам. Предложение это было, впрочем, весьма несочувственно встречено народными представителями, которые, по-видимому, не объясняли себе пользы избрания подобной комиссии, тогда как военный министр мог непосредственно сообщить свои соображения всей палате, для чего заседание могло быть объявлено секретным. Уже при выборе комиссии выяснилось указанное выше несочувствие как тем, что в составе её было назначено немалое число открыто враждебных сооружению укреплений депутатов, так и тем, что из 125 представителей, заседавших в тот день в Камере, 68 отказались от подачи голосования. Тем не менее, комиссия была избрана, имела несколько секретных вечерних заседаний, но, по-видимому, совещания её не привели ни к каким положительным результатам, так как ныне известно стало, что вопрос об ассигновании кредитов, необходимых для укреплений, будет рассматриваться одновременно и в связи с общим бюджетом военного министерства.

По полученным мною секретным сведениям, генерал Ману, в виду явного несочувствия большинства палаты к этому делу, по возможности сократил расходы на укрепления, каковые имеют быть испрошены лишь в размере 70 м[иллионов] с рассрочкою этих денег на 5 лет.

О результатах помянутых обсуждений императорская миссия будет иметь честь своевременно донести Вашему Высокопревосходительству.

К вышеизложенному возьму смелость присовокупить, что означенные 12 м[иллионов] в год составят приблизительно ту сумму денег, с которою магдебургская[2] фабрика Грюзон будет в состоянии и впредь вести с успехом свои дела.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Лодыженский.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 71-76.

[1] В 1884 г. начались фортификационные работы близ города Бухареста, а весной 1888 г. началось строительство системы оборонительных укреплений по линии Фокшань–Нэмолоаса–Галац.

[2] Металлургический завод Грюзона в Магдебурге (Grusonwerk AG Buckau) получил в тот период очень много заказов на возведение оборонительных укреплений из стали в Германии, Италии и Румынии. См.: Feldhaus F.M. *Gruson, Hermann* // *Allgemeine Deutsche Biographie.* Bd. 49. Leipzig, 1904. P. 606–612; Nix H. *Gruson, Hermann* // *Neue Deutsche Biographie.* Bd. 7. Berlin, 1966. P. 237–238.

Bucureşti, 17 martie 1889, nr. 12. Lodâjenski către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

După cum Excelența Voastră cunoaşteți deja din rapoartele anterioare ale misiunii imperiale, Guvernul român a acordat o atenție deosebită încheierii cât mai grabnice a construcției fortificațiilor[1] care sunt proiectate atât în jurul Bucureştiului, cât şi pe linia râului Siret.

Reprezentând rezultatul unui întreg sistem de politică externă, aceste fortificații, după cum mi-am permis deja să menționez în rapoartele mele din trecut către dumneavoastră, stimate domn, au trebuit, se pare, să îi confere României, în ipostaza sa de stat militar, o mai mare pondere în cadrul rezolvării apropiate, aşteptate deja aici, a acelor chestiuni substanțiale a politicii europene, care rămân încă nerezolvate între Marile Puteri. Ca recompensă pentru asistența sa în această eventualitate, România spera să primească avantajele meritate.

Luând în considerație actuala stare de spirit a guvernului, care se mândreşte în mod deosebit de propria sinceritate, şi din observațiile asupra modului său constant de acțiune, abia dacă ne putem îndoi de faptul că programul său politic, stabilit acum câțiva ani, atrage România, cu siguranță, în sfera intereselor austro-germane.

Educați la Jena, Heidelberg sau Viena, actualii conducători ai destinelor României, fiind peste măsură de entuziasmați de forța Germaniei şi necunoscând deloc Rusia, şi nefiind în stare să înțeleagă politica Guvernului imperial, consideră că, demonstrând față de noi un comportament deosebit de neprietenos, vor obține astfel laudele şi încrederea protectorilor lor aliați. Necesitățile poporului, aspirațiile şi tradițiile sale nu au pentru ei, în această chestiune, se pare, nici o importanță, mai ales că ei nici nu le-au studiat vreodată

în mod nepărtinitor şi, visând la crearea unei Românii reînnoite cu 12 milioane de locuitori de acelaşi neam, sperând să îşi extindă influenţa atât asupra Bulgariei, cât şi asupra cuţo-vlahilor macedoneni, miniştrii regelui Carol, în entuziasmul lor, uită că nu le este sortit să îşi răspândească influenţa asupra Bulgariei, că cele cinci milioane de români transilvăneni şi bucovineni care le lipsesc se află sub sceptrul aliatului lor, împăratul Austriei, şi că tensiunea dintre tendinţele lor politice şi aspiraţiile sacre şi intime ale poporului român este premisa unei pieiri inevitabile atât pentru teoriile lor himerice, cât şi pentru ei înşişi.

După cum Excelenţa Voastră cunoaşteţi deja, conform proiectelor ministerului colectivist, aprobate, de altfel, întru totul de rege, întregul sistem de fortificaţii al României a fost îndreptat, în mod exclusiv, contra posibilităţii ocupării Regatului de către trupele ruse. Sub pretextul faptului că trecătorile din Carpaţi pot fi uşor făcute inaccesibile pentru inamic, toate eforturile Guvernului român au fost îndreptate spre crearea obstacolelor în calea posibilei intrări a armatelor imperiale pe teritoriul românesc.

Din câte se ştie, cheltuielile pentru fortificarea Bucureştiului, a liniei Siretului şi, cu timpul, a malului drept al Prutului, au fost estimate în sumă de până la 500 de milioane franci. Fortificaţiile Galaţi – Focşani, începute în primăvara anului trecut, conform unui decret regal, au costat deja România sume importante de bani, iar acum, până şi pentru o încheiere superficială a acestor lucrări, s-a dovedit necesar de a cere, din partea Camerelor, credite destul de importante.

Generalul Manu, care a fost numit în funcţia de ministru de Război începând din luna noiembrie a anului trecut şi care fusese până atunci partizan al unei politici externe româneşti de neutralitate, din momentul primirii portofoliului ministerial şi, fără îndoială, sub influenţa regelui, şi-a schimbat viziunile şi a început să pledeze, în mod energic, pentru continuarea aceloraşi măsuri de înarmare, împotriva cărora, la timpul său, protestase la fel de energic.

Eu mi-am permis deja o dată, în raportul meu din 13 august 1888 cu nr. 45, să prevăd că, în cazul când construcţia fortificaţiilor la frontiera noastră va fi lăsată fără atenţia cuvenită, atunci şi guvernele care vor urma după colectivişti şi junimişti vor fi nevoite, în pofida lipsei lor de disponibilitate, să continue lucrul început deja, pentru a nu compromite definitiv în ochii poporului însuşi principiul puterii supreme. Acelaşi lucru, cu unele schimbări, s-a întâmplat şi acum.

Prevăzând probabila împotrivire a unui mare număr de deputaţi conservatori în chestiunea fortificaţiilor, generalul Manu, dorind, cu toate acestea, să primească creditele necesare pentru acest proiect, a cerut Camerei, în prima jumătate a lunii februarie, să aleagă din propria componenţă douăzeci de deputaţi, cărora el le-ar fi putut demonstra în detalii şi în libertate necesitatea construirii fortificaţiilor şi care ar fi putut, din partea lor, să clarifice în mod corespunzător această chestiune colegilor lor. Această propunere a fost, totuşi, primită extrem de nefavorabil de reprezentanţii poporului, care, se pare, nu îşi puteau explica utilitatea alegerii unei asemenea comisii, în condiţiile în care

ministrul de Război şi-ar fi putut comunica reflecţiile şi consideraţiile direct, în plenul Camerei, în care scop şedinţa ar fi putut fi declarată secretă. Deja la selectarea comisei a devenit evidentă tendinţa nefavorabilă menţionată mai sus, atât prin faptul că în componenţa acesteia a fost numit un mare număr de deputaţi care afişau o ostilitate deschisă faţă de construirea fortificaţiilor, cât şi prin faptul că din cei 125 de reprezentanţi aflaţi în acea zi la şedinţa Camerei, 68 au refuzat să îşi exprime votul. Cu toate acestea, Comisia a fost aleasă, a avut câteva şedinţe secrete, de seară, dar, aparent, aceste deliberări nu au adus nici un rezultat pozitiv, deoarece la moment s-a aflat că chestiunea legată de acordarea creditelor necesare pentru fortificaţii se va discuta în acelaşi timp şi în legătură cu bugetul general al Ministerului de Război.

Conform unor informaţii secrete pe care le-am primit, generalul Manu, având în vedere lipsa vădită de susţinere a majorităţii Camerei faţă de această iniţiativă, a redus cheltuielile pentru fortificaţii, în măsura posibilităţilor, astfel încât se va cere un credit în mărime de doar 70 de milioane, cu o eşalonare a acestor bani pe o perioadă de 5 ani.

Despre rezultatele discuţiilor amintite misiunea imperială va avea onoarea să vă raporteze în timp util Excelenţei Voastre.

La cele relatate mai sus, voi îndrăzni să adaug că respectivele 12 milioane pe an vor constitui aproximativ acea sumă de bani, graţie căreia uzina Gruson din Magdeburg[2] va fi în stare să îşi continue afacerile cu succes şi de acum încolo.

Cu profundă consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, Lodâjenski.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 71-76.

---

[1] În 1884 au început lucrările de fortificare a oraşului Bucureşti, iar din primăvara anului 1888 au început lucrările la sistemul defensiv pe linia Focşani-Nămoloasa-Galaţi.

[2] Uzina siderurgică Gruson din Magdeburg (Grusonwerk AG Buckau) a obţinut în perioada respectivă mai multe comenzi pentru ridicarea unor turnuri de apărare din oţel în Germania, Italia şi România (Franz Maria Feldhaus, *Gruson, Hermann*, în *Allgemeine Deutsche Biographie*, Band 49, Leipzig, 1904, p. 606-612; Heinz Nix, *Gruson, Hermann*, în *Neue Deutsche Biographie*, Band 7, Berlin, 1966, p. 237-238).

12

Бухарест, 17 марта 1889 г., № 14. Лодыженский – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н.К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

В донесении моем от 16-го января с. г. № 3 я счел долгом довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о распространившихся в начале сего года в Бухаресте слухах относительно возможности прибытия

в пределы королевства на постоянное жительство принца Фердинанда Гогенцоллернского, имеющего со временем занять румынский престол.

Как я имел честь в то время Вам, милостивый государь, донести, поводом к распространению означенных слухов послужила в то время полученная командиром 3-го линейного полка, в списках коего числится принц, телеграмма по случаю Нового года от Его Высочества и последовавшие вслед за тем приготовления к переводу означенного полка в Яссы, где, по-видимому, принц Фердинанд имел поселиться.

В помянутом выше донесении я позволил себе также упомянуть о разговоре, который я по сему предмету имел с министром иностранных дел и в течение коего господин Карп высказал мне, насколько румынское правительство сознает пользу пребывания принца Фердинанда в Яссах, где он будет в состоянии привлечь на сторону династии проявлявших доныне мало верноподданнических чувств молдаван. Как господин Карп объяснил тогда, единственная причина, которая препятствует еще этому прибытию, заключается в обострившейся борьбе политических партий и неустойчивости внутреннего положения страны[1].

Между тем, в течение нескольких последних месяцев положение этого вопроса значительно изменилось. Жунимистское правительство, не имея ни поддержки в стране, ни её доверия и исключительно представляя из себя орудие королевской воли, не стеснялось при всяких затруднениях опираться на покровительство Его Величества и, по возможности, прикрывать свои действия авторитетом главы государства. Вся деятельность господина Карпа и его сотоварищей была направлена во имя начала усиления королевской власти и увеличения её престижа к тому, чтобы умалить значение палат, изъять, по возможности, из их ведения попечение о наиболее существенных интересах королевства и в ущерб значению избранников народа дать в руки короля средства бесконтрольного управления.

Подобный образ действий имел, впрочем, некоторый успех. С одной стороны, внешняя политика, столь много влияющая на внутреннюю жизнь государства, бесконтрольно осталась в руках короля, с другой, казавшиеся дотоле сплоченными политические партии раздробились, и престиж парламента не мог не упасть значительно в глазах народа. Успехи эти, впрочем, оплачены были, по-видимому, дорогою ценою, и, как я имел честь высказать в другом донесении моем от сего же числа, оппозиция, недовольная политикой нынешнего правительства, мало-помалу принуждена была изменить свой строго легальный характер и с почвы теоретической и свободной борьбы в палате постепенно переходить на почву стремлений антидинастических и осторожно пока, но несомненно переносить, хотя нигде явно это не высказывает, на личность короля ту ответственность, которую при нормальных обстоятельствах должны были исключительно и всецело нести министры Его Величества.

Едва ли можно сомневаться в том, что король Карл, благодаря обширному уму своему лучше и тоньше многих природных румын понимающий политическое положение Румынии, сознал вышеизложенное и поспешил принять возможные меры к устранению грозящей его дому опасности. Первою и самой лучшею, по-видимому, в этом смысле мерою, далеко, впрочем, не прекращающей сущности неудовольствия, было призвание наследника в пределы королевства и ослабление, таким образом, антидинастической пропаганды, находившей в необеспеченности престолонаследия благодарный и обильный повод к агитации.

Сего числа, в ответе на запрос сенатора Гречану, потребовавшего у правительства объяснений, на каком основании наследник престола не значится в списках сенаторов, тогда как 76-я ст. Конституции устанавливает, что наследник, имея 18 лет от роду, становится членом высшего законодательного учреждения, министр-президент Росетти объявил, что Его Высочество прибудет нынешнею весною в Румынию, дабы занять принадлежащее ему место и новым звеном соединить народ с его главой.

Вслед за сим президент сената генерал Флореску предложил внести имя принца Фердинанда в списки сенаторов, что и было единогласно принято высшей палатой[2].

Таким образом, один из вопросов, послуживший поводом антидинастической пропаганды в стране, окажется с прибытием принца Фердинанда разрешенным, и опасения по вопросу о престолонаследии закончатся, вероятно, самым благоприятным для нынешней династии образом.

Но такое устранение более или менее отдаленных опасностей не прекратит, конечно, столь заметного ныне в стране негодования против короля Карла и его личной политики, и следует предположить, что неудовольствие это примет лишь несколько иное направление и, взамен более общего вопроса о всей династии, явится вопросом о благе или невыгоде нахождения личности короля Карла на румынском престоле.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Лодыженский.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 83-87.

[1] Вероятнее всего, П. Карп имел в виду перемены в правительстве, которые произошли после падения кабинета либералов в марте 1888 г., и отсутствие единомыслия в составе объединённой оппозиции.

[2] Спустя два месяца, 21 мая 1889 г., принц Фердинанд участвовал впервые в качестве полноправного сенатора в открытии чрезвычайной сессии палат.

Bucureşti, 17 martie 1889, nr. 14. Lodâjenski către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

În raportul meu din 16 ianuarie a.c. cu nr. 3 am considerat de datoria mea să aduc la cunoştința Excelenței Voastre informațiile despre zvonurile răspândite în Bucureşti la începutul acestui an referitor la posibilitatea sosirii în cuprinsul Regatului cu intenția de a se stabili definitiv în țară a prințului Ferdinand de Hohenzollern, care urmează cu timpul să ocupe Tronul României.

După cum am avut onoarea să vă raportez atunci, stimate domn, drept pretext pentru răspândirea zvonurilor menționate a servit o telegramă primită atunci de la Alteța Sa cu ocazia Anului Nou de comandantul Regimentului 3 de linie, în listele căruia este inclus prințul, precum şi pregătirile care au urmat acestui eveniment în vederea transferului regimentului menționat la Iaşi, unde, se pare, prințul Ferdinand intenționa să se stabilească.

În raportul amintit mai sus, eu mi-am permis, de asemenea, să menționez convorbirea pe care am avut-o la acest subiect cu ministrul Afacerilor Externe şi pe parcursul căreia domnul Carp mi-a relatat cât de mult este conştient Guvernul român de utilitatea aflării prințului Ferdinand la Iaşi, unde acesta va fi în stare să îi atragă de partea dinastiei pe moldoveni, care manifestaseră până în prezent puține sentimente de loialitate față de monarhie. După cum mi-a explicat atunci domnul Carp, singurul motiv care împiedică încă această sosire rezidă în acutizarea luptei dintre partidele politice şi în instabilitatea situației interne a țării[1].

Între timp, pe parcursul ultimelor câtorva luni, starea acestei chestiuni s-a modificat considerabil. Guvernul junimist, neavând nici sprijinul țării, nici încrederea ei şi reprezentând exclusiv un instrument al voinței regelui, nu se jena, în fața oricăror dificultăți, să se sprijine pe protecția Majestății Sale şi, în măsura posibilităților, să îşi acopere acțiunile cu autoritatea şefului statului. Toată activitatea domnului Carp şi a colegilor săi era orientată spre principiul întăririi puterii regale şi creşterii prestigiului acesteia, în scopul de a scădea importanța Camerelor, de a exclude, în măsura posibilităților, din competența lor, grija pentru cele mai substanțiale interese ale Regatului şi, în detrimentul importanței aleşilor poporului, de a oferi regelui mijloacele necesare pentru o guvernare lipsită de mecanisme de control.

Acest fel de a acționa a avut, totuşi, un oarecare succes. Pe de o parte, politica externă, care influențează atât de mult viața internă a statului, a rămas în mâinile regelui, în afara oricărui control, iar pe de altă parte, partidele politice, care păreau până atunci unitare, s-au fărâmițat, iar prestigiul parlamentului nu a putut decât să scadă simțitor în ochii poporului. Aceste succese au avut totuşi, se pare, un preț destul de mare, şi, aşa cum am avut onoarea să vă relatez într-un alt raport de-al meu din aceeaşi dată, opoziția, nemulțumită de politica

actualului guvern, a fost nevoită să îşi schimbe treptat caracterul său strict legal şi să treacă de pe terenul luptei teoretice şi libere din Cameră pe terenul tendinţelor antidinastice, transferând, deocamdată în mod precaut, dar sigur, deşi nicăieri nu exprimă acest lucru în mod vădit, asupra persoanei regelui acea responsabilitate, pe care, în circumstanţe normale, ar fi trebuit să o poarte exclusiv şi întru totul miniştrii Majestăţii Sale.

Abia dacă putem să ne îndoim de faptul că regele Carol, datorită vastei sale inteligenţe, înţelegând situaţia politică a României mai bine şi mai subtil decât mulţi români din naştere, a conştientizat cele relatate mai sus şi s-a grăbit să ia toate măsurile posibile pentru a înlătura pericolul care îi ameninţa Casa Domnitoare. Se pare că prima şi cea mai bună măsură întreprinsă în acest sens, deşi nu elimină nici pe departe esenţa nemulţumirilor, a fost chemarea moştenitorului în Regat şi slăbirea, în acest fel, a propagandei antidinastice, care găsea în neasigurarea succesiunii la tron un pretext rodnic şi fertil pentru agitaţie.

Astăzi, în răspunsul la interpelarea senatorului Greceanu, care a cerut guvernului explicaţii privind motivul pentru care moştenitorul tronului nu este inclus în lista senatorilor, în timp ce art. 76 al Constituţiei stabileşte că moştenitorul, la împlinirea vârstei de 18 ani, devine membru al forului legislativ suprem, prim-ministrul Rosetti a declarat că Alteţa Sa va sosi în România în această primăvară pentru a-şi ocupa locul care i se cuvine şi pentru a uni, printr-o nouă verigă, poporul şi conducătorul său.

După aceasta, preşedintele Senatului, generalul Florescu, a propus ca numele prinţului Ferdinand să fie inclus în listele senatorilor, ceea ce a şi fost aprobat unanim de Camera Superioară[2].

Astfel, una dintre chestiunile care a servit drept pretext pentru propaganda antidinastică din ţară va fi rezolvată odată cu sosirea prinţului Ferdinand, iar temerile legate de chestiunea succesiunii la tron se vor încheia pentru actuala dinastie, probabil, în cel mai favorabil mod.

Dar o astfel de înlăturare a pericolelor mai mult sau mai puţin îndepărtate nu va curma, desigur, indignarea contra regelui Carol şi a politicii sale personale, nemulţumire care în prezent este atât de vizibilă în ţară, şi ar trebui să presupunem că această nemulţumire se va îndrepta doar într-o direcţie ceva mai diferită şi, în locul chestiunii mai generale legate de întreaga dinastie, se va transforma în problema legată de beneficiul sau dezavantajul aflării persoanei regelui Carol pe tronul României.

Cu profundă consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, Lodâjenski.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 83-87.

[1] Cel mai probabil, P.P Carp făcea trimitere la schimbările de guvern care au avut loc după căderea liberalilor, în martie 1888, şi la neînţelegerile din opoziţia unită.

[2] Două luni mai târziu, pe 21 mai 1889, prinţul Ferdinand participa pentru prima dată în calitate de senator de drept la deschiderea sesiunii extraordinare a Camerelor.

13

Бухарест, 17 марта 1889 г., № 15. Лодыженский – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь, Николай Карлович,

Недавние события в Сербии произвели на румынское правительство самое сильное впечатление. Невозможность, в которой оказался бывший сербский король, продолжать управлять народом, из коего он вышел, и с историей коего связано было прошлое его предков, не могли не навести чуждого Румынии короля Карла на целый ряд весьма тягостных для Его Величества сравнений с его собственным положением[1].

Рознь между преследуемой королем личной его внешней политикой и стремлением румынского народа, чуждого всяких международных осложнений и не понимающего их, должна была с особой силой восстать перед очами короля и его нынешних министров, несмотря на все их невероятное самообольщение.

Привыкшие к труду и смирению, покорные до времени массы румынского народа имеют доныне самые скромные вожделения. Исключительно озабочиваясь удовлетворением своих умеренных нужд, дорожа лишь несколькими традиционными идеями, почитая святость православной церкви, которая, как они, несомненно, инстинктивно сознают, спасла в течение веков их самобытность, массы румынского народа предоставляют столь же чуждым, сколь и неизвестным ему политикам вести дела государственные, лишь бы его тягости не были чрезмерны.

Между тем, эти же руководители судеб Румынии, преследуя либо личные цели, либо стремясь к созданию какой-то несуществующей Румынии, вымышленной в уединении их кабинетных трудов, осторожно, но верно пытаются изгладить из памяти народа его заветные предания и уронить в глазах его значение церкви, несогласное с их философскими современными взглядами. Историю Румынии преподают детям по одобренным правительством учебникам, совершенно в искаженном и тенденциозном виде, прошлое их родины представляют им как какую-то постоянную борьбу против вожделений России, духовенство умышленно стараются унизить и церквам дают разрушиться от ветхости. В то же время, наезжающие в провинцию пред выборами адвокаты и другие лица, не нашедшие себе пристанища, желая получить наибольшее количество голосов, стараются льстить самолюбию народа и объясняют ему его всемогущество. Лица эти, впрочем, ему так же чужды, как и непонятны

ему произносимые ими громкие и изысканные речи. Он предоставляет им заседать в Бухаресте и бесплодно обсуждать какие-то общие принципы и все-таки желает исключительно одного – возможности заработать свое пропитание и спокойно прожить свой век в родном селении.

Пусть та или другая группа политических деятелей, заправляя временно и случайно делами страны, содействует чуждому Румынии королю увлекать государство в опасные и бесплодные политические союзы, пусть на границах дружественного государства и вокруг Бухареста строят многомиллионные укрепления, пусть борются партии и финансовое положение ухудшается, народ безмолвен и покоряется своей участи, не зная ее. Но если наступит то время, когда налоги станут непосильными, когда даже чрезмерный труд не в состоянии будет обеспечить семью селянина, когда эксплуатация арендатора и крупного помещика приведут его к нищете и разорению, тот же самый покорный и безобидный народ грозно возвысит голос и неудержимо опрокинет тех, кто привел его к такому положению.

Король Карл, несомненно, ясно сознает вышеизложенное и не может не отдавать себе отчета в той опасности, которая грозит его престолу при дальнейшем, как и прежде, образе его действий, и болгарские события, хотя имеющие несколько другие причины, должны были особо повлиять на повелителя румынского народа. Восстания крестьян округов Ильфовского, Праховского и Яломицкого были, впрочем, в этом отношении грозными предвещаниями.

Румынские министры оказались тем более поражены отречением короля Милана, что, как я имел честь выше заметить, событие это было для них неожиданным. Ещё на днях, преследуя свою заветную цель освобождения балканских государств от влияния России, министры всеми мерами старались угодить правительству короля Милана и, твердо веруя в могущество Австрии и её поддержку, равнодушно относились к впечатлению, которое образ действий их мог произвести на императорский кабинет. Напрасно агентство Гавас сообщало о сосредоточении австрийских войск в Петервардейне и Земуне. Румыны, несомненно, убедились, что австрийскому влиянию нанесен неисправимый удар в Сербии, и что безграничные надежды на поддержку соседней империи были бы тщетны.

В обществе и среди депутатов отречение короля Милана произвело, если не большие, то ясно высказавшиеся впечатления. Особое внимание обратила на себя, между прочим, случайная заметка, появившаяся в № 4665 «Нового Времени» от 23 минувшего февраля, переданная сюда по телеграфу, и в коей упоминалось, что после принца Александра и короля Милана наступила очередь короля Карла Румынского. В той же заметке говорилось, что все эти государи следовали враждебной России политике, за что двое из них пали уже.

По поводу этих нескольких строк бухарестские газеты в течение нескольких дней были переполнены статьями, то доказывавшими полную неосновательность означенных предсказаний и угрожавшими даже России, то, как например, «Adevărul», с радостью встречавшими подобные предвидения[2].

Уже одно такое возбуждение, произведенное несколькими строками, написанными безответственным и непричастным к политике журналистом, еще раз доказывает, насколько существующее здесь положение непрочно и насколько умеренное, но достойное спокойствие наше, также как и твердое и неуклонное ограждение непосредственных и реальных интересов наших и наших подданных, должно разрушить со временем искусственное здание, созидаемое ныне на румынской земле, и обратить Румынию на путь её национальной, скромной и единственно выгодной для неё политики устранения от всяких международных осложнений, а следовательно, и более близкое единение с нами.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Лодыженский.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 88-93.

[1] 22 февраля 1889 г. сербский король Милан Обренович отрёкся от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра. До совершеннолетия нового короля был назначен регентский совет из лидера либералов Й. Ристича и генералов К. Протича и Й. Белимарковича.

[2] См. Например: „Adevărul”. 1889. 3 martie. Nr. 163. P. 1; 6-7 martie. Nr. 166. P. 1.

Bucureşti, 17 martie 1889, nr. 15. Lodâjenski către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Evenimentele recente din Serbia au produs cea mai puternică impresie asupra Guvernului român. Imposibilitatea, în care s-a pomenit fostul rege al Serbiei, de a continua să guverneze un popor, din sânul căruia a ieşit el însuşi şi de istoria căruia a fost legat trecutul strămoşilor săi, nu puteau decât să îi sugereze regelui Carol, străin de România, un întreg şir de comparaţii cu propria sa situaţie extrem de apăsătoare pentru Majestatea Sa[1].

Deosebirea dintre politica externă personală urmată de rege şi aspiraţiile poporului român, care este străin de orice complicaţii internaţionale şi nu le înţelege, a trebuit să apară înaintea ochilor regelui şi ai actualilor săi miniştri cu o deosebită claritate şi putere, în pofida tuturor autoamăgirilor lor incredibile.

Obişnuite cu munca şi resemnarea, masele poporului român, supuse până la un timp, au şi până în prezent cele mai modeste dorinţe. Îngrijindu-se exclusiv de satisfacerea necesităţilor lor modeste, preţuind doar câteva idei tradiţionale, respectând sfinţenia Bisericii Ortodoxe, care, după cum ele, fără îndoială, conştientizează în mod instinctiv, le-a salvat specificul de-a lungul secolelor, masele poporului român îi lasă pe politicieni, care le rămân la fel de străini precum le sunt şi necunoscuţi, să se ocupe de treburile statului, cu condiţia ca greutăţile lor să nu fie excesive.

Între timp, aceiaşi conducători ai destinelor României, fie urmărind scopuri personale, fie tinzând spre crearea unei României inexistente, plăsmuite în solitudinea muncii lor de cabinet, încearcă să şteargă din memoria poporului, încet, dar sigur, obiceiurile sale străvechi şi să scadă în ochii săi importanţa Bisericii, care este în dezacord cu viziunile lor filosofice moderne. Istoria României este predată copiilor după manuale aprobate de guvern, într-o formă completamente distorsionată şi tendenţioasă, trecutul patriei lor le este prezentat drept un fel de luptă continuă împotriva năzuinţelor Rusiei, se încearcă umilirea cu premeditare a clerului, iar bisericile sunt lăsate în paragină pentru a se distruge. În acelaşi timp, avocaţii şi alte persoane care vizitează periodic provincia înainte de alegeri şi care nu-şi găsesc alt rost în viaţă, dorind să acumuleze numărul maxim de voturi, încearcă să flateze orgoliul poporului şi îi explică acestuia omnipotenţa şi măreţia sa. Aceste persoane îi sunt însă poporului străine, la fel cum îi sunt neînţelese şi discursurile răsunătoare şi pretenţioase ţinute de ei. Poporul îi lasă să ţină şedinţe la Bucureşti şi să discute fără sens nişte principii generale, şi totuşi doreşte doar un singur lucru – posibilitatea de a-şi câştiga existenţa şi de a-şi duce liniştit veacul în localitatea natală.

Chiar dacă un grup sau altul de oameni politici, dirijând temporar şi din întâmplare treburile ţării, îl sprijină pe regele străin faţă de România în atragerea statului în alianţe politice periculoase şi sterile, chiar dacă la frontierele unui stat-prieten şi în jurul Bucureştiului sunt construite fortificaţii care costă multe milioane, chiar dacă partidele luptă între ele, iar starea financiară se înrăutăţeşte, poporul rămâne tăcut şi se supune propriului destin, necunoscându-l. Dar, dacă va veni timpul, când impozitele vor deveni imposibil de suportat, când nici măcar munca istovitoare nu va fi în stare să asigure familia săteanului, când exploatarea din partea arendaşului şi a marelui moşier îl vor aduce într-o stare de mizerie şi ruină, exact acelaşi popor supus şi inofensiv îşi va ridica ameninţător vocea şi îi va răsturna năprasnic pe cei care l-au adus într-o asemenea stare.

Regele Carol, fără îndoială, conştientizează clar cele expuse mai sus şi nu poate să nu îşi dea seama de acel pericol, care îi ameninţă Tronul dacă va continua să acţioneze în acelaşi fel ca şi în trecut. De altfel, evenimentele din Bulgaria, deşi având cauze oarecum diferite, au trebuit să aibă o influenţă deosebită asupra suveranului poporului român. Răscoalele ţăranilor din judeţele Ilfov, Prahova şi Ialomiţa au fost, desigur, proroci ameninţătoare în acest sens.

Miniştrii români s-au dovedit cu atât mai uluiți de abdicarea regelui Milan, cu cât, aşa cum am avut onoarea să observ mai sus, acest eveniment a fost neaşteptat pentru ei. Încă acum câteva zile, urmându-şi scopul cel mai drag, de eliberare a statelor balcanice de sub influența Rusiei, miniştrii încercau în fel şi chip să intre în grațiile Guvernului regelui Milan şi, având o credință fermă în forța Austriei şi în sprijinul acesteia, afişau o indiferență totală față de impresia, pe care felul lor de a acționa ar fi putut-o produce asupra cabinetului imperial. În zadar Agenția Havas informa despre concentrarea trupelor austriece la Petrovaradin şi Zemun. Românii s-au convins, fără nici o îndoială, că influenței austriece din Serbia i-a fost aplicată o lovitură iremediabilă şi că speranțele nelimitate legate de sprijinul Imperiului vecin ar fi fost zadarnice.

În societate şi printre deputați abdicarea regelui Milan a produs, dacă nu o mare impresie, atunci una destul de clar exprimată. O atenție deosebită a fost acordată, printre altele, unei note de ziar ocazionale, apărute în nr. 4665 al ziarului „Novoe Vremea" din 23 februarie trecut, transmisă aici prin telegraf, şi în care se amintea că, după principele Alexandru şi regele Milan, i-a venit rândul regelui Carol al României. În aceeaşi notă se afirma că toți aceşti monarhi urmau o politică duşmănoasă față de Rusia, pentru care motiv doi dintre ei au şi căzut deja.

În legătură cu aceste câteva rânduri ziarele bucureştene, pe parcursul câtorva zile, au fost arhipline de articole, care ba demonstrau totala lipsă de temei a prezicerilor respective şi chiar amenințau Rusia, ba, ca, de exemplu, „Adevărul", întâmpinau cu bucurie asemenea predicții[2].

Chiar această singură agitație, produsă de câteva rânduri scrise de un ziarist iresponsabil şi neimplicat în politică demonstrează, încă o dată, cât de şubredă este situația existentă aici şi în ce măsură atitudinea noastră calmă, cumpătată, dar demnă, precum şi protejarea fermă şi nestrămutată a intereselor noastre imediate şi reale şi a intereselor supuşilor noştri va trebui să distrugă cu timpul acel edificiu artificial, care este în prezent făurit pe pământul românesc şi să întoarcă România pe calea politicii îndepărtării de orice complicații internaționale, a unei politici naționale, modeste, a singurei politici avantajoase pentru România, iar, prin urmare, şi a unei înțelegeri şi concordii mai apropiate cu noi.

Cu profundă considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, Lodâjenski.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 88-93.

[1] La 22 februarie 1889, regele sârb Milan Obrenović a abdicat în favoarea fiului său, Alexandru. Deoarece acesta era minor, puterea a fost încredințată unei regențe formată din Jovan Ristić şi generalii K. Protić şi J. Belimarković.

[2] A se vedea în acest sens: „Adevărul", anul I, nr. 163, vineri, 3 martie 1889, p. 1; *Ibidem*, nr. 166, luni şi marți, 6-7 martie 1889, p. 1.

14

Бухарест, 17 марта 1889 г., № 16. Лодыженский – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Императорская миссия своевременно имела честь доносить Вашему Превосходительству о деятельности русских социалистов в Румынии. Найдя в пределах королевства надежный приют, лица эти, пользуясь близостью нашей границы, продолжали и здесь преследовать свои преступные цели по отношению к установившемуся в империи порядку вещей.

Между тем, как от русских подданных, пребывающих в Румынии и мирно занимающихся своими делами, здешнее правительство строго требовало предъявления паспортов и упорно преследовало всякое нарушение существующих по этому поводу установлений, оно с полнейшей снисходительностью относилось к бежавшим в Румынию деятелям преступных сообществ и никогда не беспокоило их по поводу нелегальности их положения. Полагая, вероятно, доказать Европе степень своего либерального развития и высоту своих принципов, надеясь, по-видимому, в то же время, причинить нам некоторое беспокойство, прежнее Министерство не только относилось равнодушно к незаконному положению социалистов наших, но и оказывало им явное покровительство.

Анархист Арборе (Ралли), принявший, впрочем, румынское подданство, имел во время Иона Брэтиану немалое политическое в стране значение, влиял на многие дела, и издаваемая им газета «Telegraful» являлась даже как бы несколько официальным министерским органом[1]. Как известно, в 1887 году министры Брэтиану и Раду Михай официально посетили кумысное заведение на Киселёвском шоссе, содержавшееся исключительно бежавшими сюда русскими анархистами, и впоследствии опубликовали подробности этого посещения, расточая похвалы энергии и искусству хозяев этого заведения. Позволю себе упомянуть при этом, что в Румынии не находится таких русских социалистов, которые уже не успели бы принять участие в котором-либо из совершавшихся в прежнее время в России преступных деяний и что, следовательно, румынское правительство ни в каком случае не могло полагать, что они являлись лишь свободомыслящими теоретиками.

Союз между нашими анархистами и возникшей в Румынии партией местных социалистов состоялся скоро и прочно. В Румынии

социализм развивается с поразительной быстротой и является несомненным результатом как того бедственного положения, в коем находится крестьянское население, так и впоследствии ничем не ограничиваемой пропаганды, спутавшей несбыточными обещаниями и громкими словами простые умы. Во главе этого движения в Румынии, имеющего особенный успех в Молдавии, стоит некто Морцун, человек богатый и не щадящий средств к приобретению для себя и единомышленников своих выдающегося положения. На последних выборах в октябре минувшего года Морцун и сотоварищ его, Нэдежде, были избраны депутатами в крестьянских избирательных округах близ города Романа. Желая, вероятно, протестовать против установившихся порядков, они – при открытии заседания палат Его Величеством – явились на это торжество в светлых летних платьях и крайне неприличным поведением своим во все время тронной речи, старались привлечь к себе общее, хотя и нелестное для них, внимание. В течение последующих заседаний деятельность этих социалистов представилась в самом печальном виде. Кроме бесплодных настояний и пустых, хотя и громких фраз, возбуждавших в большинстве случаев смех Камеры, они, как и следовало ожидать, ничего не сделали для своей партии.

В виду открывшейся впоследствии в палате депутатской вакансии, Морцун и Нэдежде, подкупом и устрашением успели заставить в том же Романском округе избрать представителем крестьян некоего Веньямина, их единомышленника. Комиссия депутатов, коей поручена поверка правильности избраний, признала, впрочем, выбор этот незаконным и удавшимся благодаря вопиющим насилию и давлению. Палата огромным большинством утвердила этот вердикт. Надеясь, вероятно, энергическим заступничеством за Веньямина своевременно предупредить подобное голосование, Морцун, признанный главным руководителем всех совершенных социалистами в случае этом деяний, объявил, что, если палата уничтожит выборы, и, следовательно, подтвердит справедливость взводимых на него комиссией обвинений, он будет просить о предании его в руки правосудия и, во всяком случае, подаст в отставку. Как я выше имел честь упомянуть, палата одобрила взгляд Комиссии, а вслед за тем приняла и поданную Морцуном отставку.

Ныне социалист этот принимает все меры к тому, чтобы быть снова избранным в том же, как и прежде, округе. Администрация, впрочем, намерена энергически ему противодействовать[2].

Пользуясь тем, что румыны – под предлогом тревожного положения крестьянского населения – не стеснялись изгонять из пределов страны иностранцев некоторых национальностей, в числе коих, как Вашему Высокопревосходительству не безызвестно, оказалось, к сожалению, немало безобидных и скромных коробейников наших, я воспользовался удобным случаем и объяснил бухарестскому префекту, полковнику Альжиу, насколько незаконный образ действий румын

относительно наших торговцев не соответствует тому покровительству, которое правительство оказывает беспаспортным и преступникам, тайно бежавшим из России. Полковник Альжиу немедленно обещал мне вызвать в префектуру для объяснений всех проживающих в Бухаресте эмигрантов наших и, в случае непредставления ими в определенный срок законных паспортов, что, несомненно, представлялось невозможным, выслать их собственной властью за границу Румынии, предоставив им, впрочем, выбор этой границы.

Позволяю себе при этом случае довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о довольно характерном обстоятельстве. Передавая мне помянутые выше заявления, господин Альжиу убедительно просил меня не входить по сему поводу в какие-либо переговоры с господином Карпом, что будто бы испортит все дело.

На самом деле социалисты наши в числе 15 мужчин и одной женщины (Ольги Эпштейн), вызваны были к префекту, который объяснил им указанное выше свое решение. Возбуждение, которое подобное распоряжение произвело среди социалистов, весьма понятно. Находящиеся среди них четыре студента здешнего университета обратились за покровительством к профессору Хашдеу, директору Государственного архива, который поспешил испросить аудиенции у короля и, объясняя, что помянутые четыре студента происходят, будто бы, из Бессарабии и пострадают лишь за свои симпатии к Румынии, достиг того, что Его Величество разрешил им продолжать пребывание в Бухаресте и воспретил тревожить их по поводу столь ничтожной причины, как неимение какого-то русского паспорта. После такого королевского повеления весьма естественно было, что и полковник Альжиу значительно умерил свое рвение в делах преследования наших социалистов, которые и поныне продолжают спокойно и невозбранно проживать в Бухаресте. Нельзя не сожалеть о том, что королю не угодно было, прежде чем принять указанного выше решения, обратиться за некоторыми сведениями о помянутых студентах к лицам, более сведущим и менее пристрастным, чем господин Хашдеу.

Я позволил себе высказать такое сожаление, так как, имев случай говорить весной минувшего года с королем по поводу усиливающегося в Западной Европе социалистического движения, Его Величеству угодно было высказать мне в самой категорической форме свои опасения относительно возможного развития этого опасного движения и в Румынии.

Возьму смелость присовокупить, что подобное несоответствие между отвлеченными теоретическими взглядами короля и его правительства на существующее в Румынии положение и их образом действий неудивительно, ибо руководящие ныне судьбами королевства лица нимало, насколько можно судить, не озабочены более отдаленного будущего его и имеют в виду лишь ближайшие личные свои цели и

ничтожные, по существу, успехи. Если же они прикрывают пустоту и эгоизм своей деятельности громкими заявлениями о благе государства, то едва ли, впрочем, даже и они полагают, что кто-либо поверит их бесплодным заявлениям и примет за истины обильно провозглашаемые ими теории и принципы.

С истинным почтением и неизменною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Лодыженский.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 94-102 об.

[1] Газета «Телеграфул» либеральной ориентации стала выходить в Бухаресте с апреля 1871 г. Через несколько лет её редактором стал И. К. Фундеску. В 1880 г. Замфир Арборе был назначен первым редактором, а затем и шефом-редактором газеты.

[2] В III избирательном округе Романа депутатом был избран социалистический кандидат Ласкэр Веньямин. Поскольку сам способ проведения выборов вызвал много нареканий, на уровне палаты депутатов было решено создать комиссию по расследованию этого вопроса. Были собраны доказательства, на основании которых палата приняла 108 голосами «за» при 34-х «против» решение признать результаты выборов недействительными. Василе Морцун подал в отставку, которая была принята 69 голосами «за» при 66 «против».

Bucureşti, 17 martie 1889, nr. 16. Lodâjenski către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Misiunea imperială a avut onoarea să raporteze Excelenței Voastre, la timpul oportun, despre activitatea socialiştilor ruşi din România. Găsindu-şi în cuprinsul Regatului un adăpost sigur, aceste persoane, profitând de proximitatea graniței noastre, au continuat şi aici să îşi urmărească scopurile criminale față de ordinea lucrurilor stabilită în imperiu.

În timp ce de la supuşii ruşi care se află în România şi se ocupă, în mod paşnic, de propriile treburi, guvernul de aici cerea cu strictețe prezentarea paşapoartelor şi urmărea cu perseverență orice încălcare a reglementărilor existente în această privință, acelaşi guvern îi trata cu deplină îngăduință pe membrii activi ai asociațiilor criminale care fugiseră în România şi nu îi deranja niciodată în legătură cu ilegalitatea situației lor. Intenționând, probabil, să demonstreze Europei gradul dezvoltării sale liberale şi înalta noblețe a principiilor sale, precum şi sperând, se pare, în acelaşi timp, să ne provoace o oarecare îngrijorare, precedentul cabinet de miniştri avea nu doar o atitudine indiferentă față de situația ilegală a socialiştilor noştri, ci şi le acorda o protecție vădită.

Anarhistul Arbore (Ralli), care a primit, de altfel, cetățenia română, avea, pe timpul lui Ion Brătianu, o importanță politică destul de mare în țară, exercita influență asupra multor chestiuni, iar ziarul „Telegraful" editat de el era chiar, într-o oarecare măsură, un organ guvernamental oficial[1]. Din câte se cunoaşte, în anul 1887 miniştrii Brătianu şi Radu Mihai au vizitat în mod oficial un stabiliment din şoseaua Kiseleff specializat în vânzarea kumâsului, ținut exclusiv de anarhişti ruşi refugiați aici, iar ulterior au publicat detaliile acestei vizite, împărțind cu dărnicie laude energiei şi măiestriei proprietarilor acestui stabiliment. Cu această ocazie îmi voi permite să amintesc că în România nu se află nici un socialist rus care să nu fi reuşit deja să ia parte la oricare dintre acțiunile criminale înfăptuite în trecut în Rusia şi că, prin urmare, Guvernul român în nici un caz nu putea să presupună că aceştia erau doar nişte teoreticieni liber-cugetători.

Alianța dintre anarhiştii noştri şi partidul socialiştilor locali apărut în România s-a constituit rapid şi temeinic. În România, socialismul se dezvoltă cu o viteză uimitoare şi reprezintă un rezultat indubitabil atât al acelei situații dezastruoase în care se află populația țărănească, cât şi o consecință a propagandei lipsite de orice opreliști, care a semănat confuzie în mințile oamenilor simpli prin promisiuni irealizabile şi cuvinte răsunătoare. În fruntea acestei mişcări din România, care are un succes deosebit în Moldova, se află un anume Morțun, om bogat şi care nu precupețește nici un mijloc pentru a dobândi pentru el însuşi şi adepții săi o situație deosebită. La ultimele alegeri din octombrie anul trecut, Morțun şi camaradul său Nădejde au fost aleşi deputați în colegiile electorale țărăneşti din apropierea oraşului Roman. Dorind, probabil, să protesteze împotriva ordinii stabilite, aceştia, la deschiderea şedinței Camerelor de către Majestatea Sa, s-au prezentat la această solemnitate în haine de vară de culori deschise şi, prin comportamentul lor extrem de necuviincios pe întreaga durată a discursului regal, au încercat să atragă asupra lor atenția generală, fie şi puțin măgulitoare pentru ei. Pe durata următoarelor şedințe activitatea acestor socialişti s-a manifestat în modul cel mai jalnic. În afara unor insistențe sterile şi a unor fraze deşarte, fie şi răsunătoare, care provocau de cele mai multe ori ilaritatea Camerei, ei, aşa cum şi era de aşteptat, nu au făcut nimic pentru propriul partid.

Având în vedere apariția ulterioară a unui loc vacant în Camera Deputaților, Morțun şi Nădejde, prin corupere şi intimidare, au reuşit să impună alegerea ca reprezentant al țăranilor, în acelaşi județ Roman, a unui oarecare Veniamin, tovarăş al lor. Comisia deputaților care a fost însărcinată cu verificarea corectitudinii acestor alegeri a declarat însă această alegere ilegală şi obținută ca urmare a unor violențe şi presiuni strigătoare la cer. Camera, cu o majoritate covârşitoare, a confirmat acest verdict. Sperând, probabil, cu ajutorul unei intervenții energice în favoarea lui Veniamin, să preîntâmpine din timp un asemenea vot, Morțun, recunoscut ca principal îndrumător al tuturor faptelor săvârşite de socialişti în acest caz, a declarat că, dacă Camera va anula alegerile, şi, prin urmare, va confirma justețea acuzațiilor aduse pe nedrept de Comisie la

adresa sa, el va cere să fie dat pe mâna justiției și, în orice caz, își va da demisia. După cum am avut onoarea să amintesc mai sus, Camera a aprobat poziția Comisiei, iar după aceea a acceptat și demisia prezentată de Morțun.

În prezent, acest socialist ia toate măsurile pentru a fi din nou ales în același colegiu ca și mai devreme. Administrația însă intenționează să i se opună energic[2].

Profitând de faptul că românii, sub pretextul situației alarmante a populației țărănești, nu ezitau să expulzeze din țară străinii de anumite naționalități, printre care, după cum Excelența Voastră cunoaște deja, s-a pomenit, din păcate, un mare număr de negustori ambulanți de-ai noștri, comercianți inofensivi și modești, am profitat de ocazia care s-a prezentat și i-am explicat prefectului de București, colonelului Algiu, în ce măsură acțiunile ilegale ale românilor în raport cu negustorii noștri intră în contradicție cu acea protecție pe care o acordă guvernul persoanelor fără pașaport și infractorilor fugiți pe ascuns din Rusia. Colonelul Algiu mi-a promis imediat să îi convoace la Prefectură pentru explicații pe toți emigranții noștri care locuiau la București și, în cazul neprezentării de către ei, într-un anumit termen, a pașapoartelor legale, ceea ce, fără îndoială, s-ar fi dovedit imposibil, să îi expulzeze pe cale administrativă și pe proprie răspundere în afara hotarelor României, lăsându-le însă posibilitatea de a alege hotarul respectiv.

Îmi permit, cu această ocazie, să aduc la cunoștința Excelenței Voastre o împrejurare destul de specifică. Transmițându-mi declarațiile amintite mai sus, domnul Algiu m-a rugat insistent să nu inițiez nici un fel de discuții referitor la acest subiect cu domnul Carp, pentru că acest lucru ar compromite, chipurile, întreaga chestiune.

Într-adevăr, socialiștii noștri, în număr de 15 bărbați și o femeie (Olga Epstein), au fost convocați de prefect, care le-a explicat decizia sa menționată mai sus. Agitația pe care o asemenea dispoziție a produs-o în sânul socialiștilor poate fi mai mult decât înțeleasă. Patru studenți ai Universității de aici, aflați printre ei, au apelat la protecția profesorului Hasdeu, directorul Arhivelor Statului, care s-a grăbit să ceară o audiență la rege, și, explicând că cei patru studenți amintiți ar proveni, chipurile, din Basarabia, și vor suferi doar din cauza simpatiilor lor față de România, a izbutit să obțină permisiunea Majestății Sale ca ei să continue să locuiască la București. Regele a interzis să fie deranjați dintr-un motiv atât de neînsemnat precum lipsa unui oarecare pașaport rusesc. După un asemenea ordin al regelui a fost absolut previzibil că și colonelul Algiu și-a redus semnificativ zelul în ceea ce privește urmărirea socialiștilor noștri, care și până acum continuă să locuiască în liniște și netulburați de nimeni la București. Nu putem să nu regretăm faptul că regele nu a binevoit, înainte de a lua decizia menționată mai sus, să solicite anumite informații despre studenții amintiți de la persoane mai competente și mai puțin părtinitoare decât domnul Hasdeu.

Mi-am permis să îmi exprim un asemenea regret deoarece, având ocazia să discut în primăvara anului trecut cu regele despre subiectul mișcării socialiste

aflate în ascensiune în Europa de Vest, Majestatea Sa a binevoit să îmi exprime, în cea mai categorică formă, temerile sale referitoare la posibila dezvoltare, şi în România, a acestei mişcări periculoase.

Voi îndrăzni să adaug că o asemenea necorespundere dintre viziunile abstracte şi teoretice ale regelui şi guvernului său asupra situaţiei existente în România şi modul lor de acţiune nu este surprinzătoare, fiindcă persoanele care conduc în prezent destinele Regatului nu se îngrijesc deloc, în măsura în care se poate judeca, de viitorul mai îndepărtat al statului şi au în vedere doar scopurile lor personale imediate şi nişte succese, în esenţă, infime. Dacă însă ei îşi acoperă nimicnicia şi egoismul activităţii lor prin declaraţii răsunătoare despre binele statului, atunci este puţin probabil, de altfel, ca până şi ei să considere că cineva va da crezare declaraţiilor lor sterile şi va lua drept adevăruri teoriile şi principiile copios proclamate de ei.

Cu sinceră consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, Lodâjenski.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 94-102 verso.

---

[1] Periodicul bucureştean de orientare liberală „Telegraful" a apărut din aprilie 1871. Peste câţiva ani, directorul cotidianului a devenit I.C. Fundescu, iar din 1880, Zamfir C. Arbore a fost numit mai întâi redactor, iar mai apoi redactor-şef.

[2] În colegiul III de Roman a fost ales ca deputat candidatul socialist Lascăr Veniamin. Deoarece au existat semne de întrebare asupra modului în care se desfăşuraseră alegerile, s-a decis, la nivelul Camerei Deputaţilor, constituirea unei comisii de anchetă. Au fost adunate probe, iar la nivelul Camerei s-a luat următoarea decizie: invalidarea alegerilor cu 108 voturi pentru şi 34 contra. Vasile Morţun şi-a prezentat şi el demisia, care i-a fost acceptată cu 69 voturi pentru şi 66 contra.

15

Бухарест, 4 апреля 1889 г., № 18. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Представляясь 31 марта во главе нового Министерства[1] сенату и палате депутатов, Ласкэр Катарджиу прочел декларацию, при сем прилагаемую в вырезке из газеты.

Ваше Высокопревосходительство изволите заметить, что самая декларация эта уже существенно отличается от редактированной господином Карпом тронной речи, которою была открыта минувшею осенью нынешняя сессия палат. В речи этой говорилось об «искренней дружбе наших соседей Балканского полуострова» («l'amitié sincère de nos

voisins de la Péninsule Balcanique»). Господин Катарджиу не нашел нужным повторить эту неуместную и тенденциозную фразу; он говорит о «благорасположении великих держав и дружбе соседних государств» («la bienveillance des grandes puissances, l'amitié des états voisins»).

Еще категоричнее высказался господин Катарджиу в словесных объяснениях в ответе на запросы о внешней его политике, которыми в первое же заседание встретила его враждебная оппозиция. В ответах своих председатель нового кабинета, не выходя из пределов необходимой сдержанности, с полным самообладанием и с замечательным тактом не поколебался, однако же, высказать твердо свои политические убеждения, столь противоположные образу действий его предшественников.

В запальчивой речи молодой депутат Таке Ионеску, очевидно, старался подзадорить старого вождя консервативной партии и вызвать его на неосторожные объяснения. Заносчивый оратор упомянул в своей речи и о прежнем протесте господина Катарджиу против внешней политики Иона Брэтиану, и о недавнем изгнании из Румынии русских коробейников, и о предстоящем приезде в Бухарест господина Цанкова и запрашивал господина Катарджиу, как относится он к этим обстоятельствам, требуя категорического ответа; намерен ли он продолжать внешнюю политику мартовского Министерства или нет.

С презрением отвечая инсинуации господина Ионеску, председатель кабинета отвечал: «Я не из тех, которые надевают личины, я сегодня тот же, каким был вчера и каким буду завтра». Далее он высказал, что «Румыния не должна быть вызывающей ни к одной державе, она должна быть благодарна всем, ибо благорасположению и содействию всех обязана она тем положением, которое она ныне занимает». Эти слова председателя совета были встречены громкими рукоплесканиями.

Что же касается изгнания русских коробейников, о которых упомянул Таке Ионеску, председатель совета ответил, что он еще не имел времени ознакомиться с этим делом. Он полагает, что изгнания эти были законны, ибо «мы хозяева на нашей территории, но если в числе их были необдуманные, то правительство, исследовав дело, свободно их отменить».

Объяснения на запросы о внешней политике, данные министром иностранных дел господином Александром Лаховари, были более туманны и менее категоричны. Очевидно, господину Лаховари не совсем удобно ораторствовать на этой почве после министерского его сотрудничества с господином Карпом.

На следующий день прения о внешней политике продолжались, и на этот раз, возражая господину Карпу, Ласкэр Катарджиу повторил, что «он будет соблюдать нейтралитет самый строгий, который есть традиционная политика этой страны. Г-н Карп, – прибавил он, – не осмелится высказать всей своей мысли, ибо, если бы он обнаружил свою

мысль чистосердечно, он не мог бы оставаться в этой стране. Не желает ли г-н Карп такой политики, которая может иметь последствием потерю еще одной провинции? Нет, мы должны быть нейтральны». Но господин Карп сказал, что настанет минута, когда нейтралитет сделается невозможным. «Будем спокойно ожидать этой минуты и, когда она настанет, испросим волю страны».

Господин Катарджиу закончил, повторив, что он будет следовать политике абсолютно нейтральной и просил Камеру, если она не имеет к нему доверия, высказать это ныне же, не стесняясь.

Речь председателя совета была покрыта громкими, долго не умолкавшими рукоплесканиями.

Вообще, в это интересное заседание палаты не поздоровилось бывшему министру иностранных дел господину Карпу. Возражая на его самоуверенную и самохвальную речь, в которой, между прочим, господин Карп требовал со стороны Румынии деятельного отпора происка м и интригам славянофильской пропаганды, господа Ласкэр Катарджиу и Александр Лаховари подняли его на смех, бросая ему в лицо не простые фразы, а неотразимые факты.

Приводить здесь все подробности и все инциденты этого интересного бурного заседания палаты было бы слишком длинно и обременительно. Существенными в нем остаются точные заявления председателя совета и его взгляд на внешнюю политику Румынии. Из всех этих прений ясно определяется, насколько внешняя политика кабинетов Брэтиану и Карпа была нам определенно враждебна. Становится ясно, что нынешняя перемена Министерства не есть простой замен одних лиц другими; она носит в себе задатки серьезного поворота на новый политический путь. Но считать эту перемену вполне обеспеченною и ликовать по этому случаю было бы преждевременно. Ласкэру Катарджиу, дабы окрепнуть во власти, предстоит еще трудная и продолжительная борьба со всевозможными препятствиями.

С истинным почтением и неизменною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

P.S. В дополнение имею честь при сем препроводить в вырезке[2] из газет речь Ласкэра Катарджиу в палате депутатов, ныне появившуюся in extenso во французском переводе[3].

Ut in litteris, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 109-114.

[1] 29 марта 1889 г. было сформировано правительство во главе с Ласкэром Катарджиу, в которое вошли Александру Лаховари, Джордже Вернеску, Николае Герасси, Константин Боереску, генерал Джордже Ману и Григоре Пэуческу. Назначение Катарджиу главой кабинета было встречено с настороженностью аккредитованными в Бухаресте германскими и австро-венгерскими дипломатами, которые подозревали его в русофильстве.

[2] Не публикуется.

[3] Известны знаменитые слова П. Карпа, который расценил формирование правительства Ласкэра Катарджиу как «досадную случайность». Этот политический деятель подчеркнул, что заявление Ласкэра Катарджиу о нейтралитете во внешней политике Румынии «было сделано или по наивности, или для наивных». См.: „România Liberă". 1889. 1(13) apr. Nr. 3461. P. 1–3.

Bucureşti, 4 aprilie 1889, nr. 18. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Prezentându-se pe 31 martie Senatului şi Camerei Deputaților, în fruntea noului guvern[1], Lascăr Catargiu a dat citire unei declarații, care se anexează la acest raport sub forma unui extras din ziar.

Excelența Voastră veți binevoi să observați că însăşi această declarație deja se deosebeşte substanțial de Mesajul Tronului redactat de domnul Carp, prin care a fost deschisă toamna trecută actuala sesiune a Camerelor. În acel discurs se vorbea despre „prietenia sinceră a vecinilor noştri din Peninsula Balcanică" («l'amitié sincère de nos voisins de la Péninsule Balcanique»). Domnul Catargiu nu a găsit de cuviință să repete această frază nepotrivită şi tendențioasă; el vorbeşte despre „bunăvoința marilor puteri şi prietenia statelor vecine" («la bienveillance des grandes puissances, l'amitié des états voisins»).

Domnul Catargiu s-a exprimat într-un mod şi mai categoric în timpul explicațiilor verbale ca răspuns la interpelările legate de politica sa externă, cu care a fost întâmpinat chiar la prima şedință de opoziția ostilă. În răspunsurile sale preşedintele noului cabinet, fără a depăşi limitele rezervei cuvenite, cu deplină stăpânire de sine şi cu tact remarcabil nu a şovăit însă să îşi exprime ferm convingerile politice, atât de contrare modului de acțiune a predecesorilor săi.

Într-un discurs înflăcărat, tânărul deputat Take Ionescu a încercat în mod evident să îl incite pe bătrânul lider al Partidului Conservator şi să îl provoace la anumite declarații şi afirmații nechibzuite. Arogantul orator a amintit în discursul său şi despre protestul de odinioară al domnului Catargiu împotriva politicii externe a lui Ion Brătianu, şi despre recenta expulzare din România a negustorilor ambulanți ruşi, şi despre viitoarea sosire la Bucureşti a domnului Țankov, interpelându-l pe domnul Catargiu în legătură cu atitudinea

sa față de aceste circumstanțe şi solicitând un răspuns categoric: intenționează oare domnia sa să continue politica externă a guvernului din martie sau nu.

Reacționând cu un oarecare dispreț la insinuările domnului Ionescu, preşedintele cabinetului a răspuns: „Eu nu sunt dintre cei care îmbracă măşti; astăzi eu sunt acelaşi precum am fost ieri şi precum voi fi mâine". În continuare, el a afirmat că „România nu trebuie să fie sfidătoare față de nici o mare putere, ea trebuie să fie recunoscătoare tuturor, deoarece bunăvoinței şi sprijinului tuturor îi datorează ea acea situație, de care se bucură în prezent". Aceste cuvinte ale preşedintelui Consiliului au fost întâmpinate cu aplauze furtunoase.

În ceea ce priveşte expulzarea negustorilor ambulanți ruşi, despre care a amintit Take Ionescu, preşedintele Consiliului a răspuns că nu a avut încă suficient timp să se familiarizeze cu această chestiune. El consideră că aceste expulzări au fost legale, căci „noi suntem stăpâni pe teritoriul nostru, dar, dacă printre acestea au fost şi cazuri nechibzuite, atunci guvernul, după cercetarea acestui caz, este liber să le anuleze".

Explicațiile ca răspuns la interpelările despre politica externă date de ministrul Afacerilor Externe domnul Alexandru Lahovari au fost mai nebuloase şi mai puțin categorice. Este evident că domnul Lahovari nu se simte foarte confortabil să-şi exercite talentele oratorice pe acest teren după colaborarea sa guvernamentală cu domnul Carp.

A doua zi deliberările privind politica externă au continuat, şi de această dată, obiectându-i domnului Carp, Lascăr Catargiu a repetat că „el va respecta cea mai strictă neutralitate, care reprezintă politica tradițională a acestei țări. Domnul Carp – a adăugat el – nu va îndrăzni să îşi exprime gândul până la capăt, deoarece, dacă el şi-ar fi dezvăluit gândul cu deplină sinceritate, el nu ar fi putut să rămână în această țară. Oare domnul Carp doreşte o astfel de politică care poate avea drept consecință pierderea a încă unei provincii? Nu, noi trebuie să fim neutri". Domnul Carp însă a afirmat că va veni momentul când neutralitatea va deveni imposibilă. „Să aşteptăm cu calm acel moment şi, atunci când va veni, vom consulta voința țării".

Domnul Catargiu a încheiat, reiterând că el va urma o politică de neutralitate absolută şi a cerut Camerei, în cazul în care aceasta nu mai are încredere în el, să se exprime în acest sens chiar acum, fără sfială.

Discursul preşedintelui Consiliului a fost acoperit de aplauze puternice şi prelungite.

În general, în această interesantă şedință a Camerei, fostul ministru al Afacerilor Externe, domnul Carp a încasat mai multe lovituri. În replică la discursul său încrezut şi extrem de laudativ, în care, printre altele, domnul Carp cerea o rezistență activă din partea României față de uneltirile şi intrigile propagandei slavofile, domnii Lascăr Catargiu şi Alexandru Lahovari l-au luat în derâdere, aruncându-i în față nu doar simple vorbe, ci fapte de netăgăduit.

Ar lua prea mult timp şi ar fi prea anevoios să descriu aici toate amănuntele şi toate incidentele acestei şedințe interesante şi furtunoase a Camerei. Cele mai substanțiale în acest context rămân declarațiile exacte ale

preşedintelui Consiliului şi viziunea sa asupra politicii externe a României. Din toate aceste deliberări reiese cu claritate, în ce măsură politica externă a Cabinetelor Brătianu şi Carp ne era în mod evident duşmănoasă. Devine destul de clar că actuala schimbare de guvern nu este o simplă înlocuire a unor persoane cu altele; această schimbare conţine premisele pentru o serioasă reorientare pe un nou făgaş politic. Ar fi însă prematur să considerăm această schimbare pe deplin asigurată şi să jubilăm cu această ocazie. Pentru a se consolida la putere, pe Lascăr Catargiu îl aşteaptă încă o luptă complicată şi îndelungată cu tot felul de obstacole.

Cu sinceră consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

P.S. În completare, am onoarea să anexez la acest raport articole[2] decupate din ziare conţinând discursul lui Lascăr Catargiu din Camera Deputaţilor, apărut acum *in extenso* în traducere franceză[3].

Ut in litteris, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 109-114.

[1] La 29 martie 1889 s-a constituit guvernul condus de Lascăr Catargiu, din care mai făceau parte Alexandru Lahovari, George Vernescu, Nicolae Gherassi, Constantin Boerescu, generalul George Manu şi Grigore Păucescu. Numirea lui Catargiu în fruntea cabinetului a fost privită cu suspiciune de către diplomaţii germani şi austro-ungari acreditaţi la Bucureşti, care îl suspectau de atitudini filoruse.

[2] Nu se publică.

[3] Rămân celebre cuvintele lui P.P. Carp, care considera formarea guvernului Lascăr Catargiu „comme un facheux accident". Acelaşi politician aprecia că declaraţia de neutralitate a lui Lascăr Catargiu privind politica externă a României „e făcută din naivitate, sau e făcută pentru naivi" („România Liberă", an XIII, nr. 3461, sâmbătă 1/13 aprilie 1889, p. 1-3).

16

Бухарест, 22 июня 1889 г., № 28. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н.К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Официальное признание принца Фердинанда Гогенцоллернского в качестве наследника румынского престола дало повод к весьма оживленной и страстной полемике во всей здешней прессе[1].

При этом надо заметить, что некоторые органы нашей печати[2] крайне неумело взялись за этот чисто внутренний румынский вопрос, уже чересчур ярко нападая на ныне царствующую в Румынии династию.

Румыны, как и все маленькие народы, до крайности щепетильны в деле охранения от иноземного вмешательства своих внутренних вопросов. Всякому суждению, высказываемому по этим вопросам иностранною, а в особенности русскою печатью, они придают чрезмерное значение. Несдержанные, а частью и несправедливые статьи наших газет возбуждают целую бурю в столь ограниченном круговороте их общественной жизни.

Факт признания принца Фердинанда наследником румынского престола далеко не новость. Еще в 1880 году брэтиановские Камеры негласно утвердили за ним это достоинство; оставалось лишь оформить уже в принципе решенный вопрос.

На основании 83-й статьи румынской Конституции, гласящей, между прочим, что «в случае отсутствия прямого мужского потомства от Е. К. В. принца Карла Гогенцоллерн-Зигмарингенского права на румынский престол переходят к старшему из его братьев или к их потомству», наследником румынского престола становился старший брат короля Карла, принц Леопольд, но сей последний в официально обнародованном ныне письме от 22-го ноября 1880 года, как наследник дома Гогенцоллерн-Зигмаринген, отрекся от своих прав на румынский престол.

Примеру своего отца последовал и старший сын принца Леопольда, принц Вильгельм, который по той же самой причине и в подобной же форме 29-го декабря 1886 года передал права свои брату, принцу Фердинанду.

Тем не менее, законность признания принца Фердинанда, не без некоторого основания, оспаривалась частью здешней печати, органы которой требовали от принца предварительно принять православие. Действительно, 82-я статья Конституции говорит, что «конституционные права на румынский престол наследственны и переходят к прямым и законным потомкам князя Карла Гогенцоллерн-Зигмарингенского, от отца к сыну по праву первородства и за вечным исключением женщин и их потомства».

«Потомки Его Величества должны быть воспитаны в восточной православной вере»[3].

Следующая за сим вышеприведенная 83-я статья Конституции, устанавливая права престолонаследия в случае отсутствия потомства короля, прибавляет следующие слова: «согласно правилам, установленным предшествующею, т. е. 82-й статьею»[4]. Опираясь на эти слова Конституции, противники законности совершившегося факта требовали, чтобы принц Фердинанд, дабы удовлетворить всем требованиям Конституции, принял православие. Защитники же законности признания принца наследником румынского престола возражали, доказывая, что вышеприведенные слова относятся лишь к правилам, устанавливающим 82-й статьей Конституции порядок престолонаследия по прямой нисходящей линии, но никоим образом не касается до вероисповедания наследника престола по боковой линии.

По этому вопросу князь Григорий Стурдза, между прочим, готовился интерпеллировать сенат, но все дело признания принца Фердинанда наследником румынского престола произошло с такою поспешностью, и, надо сознаться, было сделано так ловко, что всякое легальное противодействие со стороны антидинастиков запоздало и сделалось невозможным.

Прибытию в Румынию принца Фердинанда, получившего первоначальное образование в дюссельдорфской гимназии, а затем в кассельской «Kriegsschule» и служившего в 1-ом гвардейском прусском полку, постоянно препятствовало упорное сопротивление королевы Елизаветы, до последней минуты не покидавшей надежды иметь прямого наследника. В последнее же время это, уже решённое осенью 1887-го года, прибытие принца Фердинанда было отложено вследствие тех внутренних смут, которые породила в стране страстная борьба соединенной оппозиции с Министерством коллективистов.

Но в течение этой зимы здоровье короля Карла, как оказывается, страдающего болезнью спинного мозга, настолько ухудшилось, что доктора, лечащие Его Величество, начали опасаться, как бы король не был вынужден в более или менее отдаленном будущем, либо в значительной степени сложить с себя свои разнообразные и трудные обязанности, либо даже совсем устраниться от дел[5].

Жунимисты, находившиеся тогда у власти, воспользовались этим для обеспечения румынского престола за германской династией. В заседании сената 14-го марта сего года была разыграна ловко подготовленная господином Карпом сцена. На сделанный сенатором С. Гречану запрос, почему до сих пор наследник престола не заседает в сенате, на основании 76-ой статьи Конституции, председатель сената, генерал Флореску, предложил внести имя принца Фердинанда в список сенаторов и приготовить для Его Королевского Высочества особое почетное кресло для присутствования на сенатских заседаниях.

19-го минувшего апреля, как я имел честь доложить Вашему Высокопревосходительству секретною телеграммою от того же числа, наследник румынского престола прибыл в Румынию. Встреча, оказанная ему, была чисто официальной. На вокзале находились, кроме Их Величеств, министры, весь двор, дипломатический корпус и высшие должностные лица. Городское население встретило принца холодно. На всем пути следования торжественного поезда не раздавалось никаких радостных криков; многие из толпы даже не снимали шапок.

На следующий день по прибытии принца, ему были представлены самим королём представители иностранных держав, затем ему представились в том же и в следующие дни все высшие чиновники администрации королевства. 9-го мая принц Фердинанд был торжественно введён в сенат и в палату депутатов.

На это торжество, как я имел честь доложить Вашему Высокопревосходительству секретною телеграммою от того же числа, был приглашен дипломатический корпус в мундирах. Король не присутствовал при приеме принца в сенате; его сопровождала королева. При вступлении своем в сенат принц был встречен приветственной речью генерала Флореску; в ответ принц прочел заранее приготовленную на румынском языке длинную речь, в которой выразил готовность посвятить себя всецело служению интересам своего нового отечества.

До сих пор страна относится совершенно равнодушно к этому новому и весьма важному факту в жизни юного королевства; но пребывание Его Королевского Высочества в стране, конечно, будет иметь последствием постепенно приучить общественное мнение к тому, чтобы видеть в нём наследника престола.

Таким образом, нет сомнения, что жунимисты оказали важную услугу королю, приведя в исполнение, по почину своих предшественников, коллективистов, заветное стремление Его Величества к прочному водворению на румынском престоле Гогенцоллернской династии через официальное признание наследником принца Фердинанда.

Если же Их Величествам удастся достойно женить их племянника, то будущность ныне царствующей в Румынии династии можно считать надолго, если не навсегда, обеспеченною.

С отличным почтением и глубочайшей преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 173-179.

---

[1] Антидинастическая печать, в особенности газета «Адевэрул», встретила прибытие Фердинанда очень холодно. Постоянно публиковались материалы с нападками на принца Фердинанда, в надежде, что румынский народ примет его лишь «как гостя, как немца на румынской земле». Наоборот, пресса либеральной ориентации, в частности, «Воинца националэ» подробно информировала о прибытии Фердинанда в Румынию, о его пребывании в Бухаресте, а также публиковала его выступления в сенате и в Румынской академии.

[2] Вероятнее всего, Хитрово имел в виду кампанию, которую вели газеты «Новое время» и «Свет», считавшие неконституционным назначение Фердинанда наследником румынского престола.

[3] Статья 82 провозглашала: «Конституционные полномочия князя [с 1881 г. – короля. – Ред.] являются наследственными по прямой и законной нисходящей линии от Его Величества князя Карла I Гогенцоллерн-Зигмарингена, от мужчины к мужчине в порядке первородства с постоянным устранением женщин и их потомков. Потомки Его Величества будут воспитаны в восточно-православной религии».

[4] Статья 83 Конституции 1866 г. гласила: „При отсутствии потомков по мужской линии Его Величества Гогенцоллерн-Зигмарингена право наследования трона будет принадлежать старшему из его братьев или же потомков последнего, согласно правилам, установленным предшествующей статьёй [т.е. ст. 82]. Если ни один из братьев или их потомков не останется ещё в живых, или же он заявит заранее, что не принимает трон,

тогда господарь может назначить себе преемника из какой-либо правящей в Европе династии с получением согласия национального представительства, данным в форме, предписанной статёй 84. Если ни одно, ни другое не будут иметь место, трон является вакантным».

[5] В письме к своей сестре Марии Фландрской от 24 мая (5 июня) 1889 г. король Карл I признавал факт, что он чувствует себя «ослабленным и истощенным» после долгой зимы и напряженной государственной деятельности, хотя и не ставил вопрос об уходе из общественной жизни.

Bucureşti, 22 iunie 1889, nr. 28. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Recunoaşterea oficială a prințului Ferdinand de Hohenzollern în calitatea de moştenitor al Tronului României a suscitat o polemică extrem de vioaie şi pasionată în toată presa de aici[1].

În acelaşi timp, trebuie să remarcăm că unele organe ale presei de la noi[2] au abordat extrem de stângaci această chestiune românească de interes pur intern, atacând deja mult prea energic actuala dinastie domnitoare din România.

Românii, ca şi toate popoarele mici, sunt extraordinar de sensibili în privința protejării chestiunilor lor interne de orice amestec din străinătate. Ei îi acordă oricărei opinii exprimate cu privire la aceste chestiuni de presa străină şi, îndeosebi, de cea rusă, o importanță exagerată. Articolele lipsite de rețineri, iar parțial chiar injuste din ziarele noastre provoacă o întreagă furtună în circuitul atât de limitat al vieții lor sociale.

Faptul recunoaşterii prințului Ferdinand drept moştenitor al Tronului României nu este nici pe departe o noutate. Încă din 1880, Camerele lui Brătianu i-au confirmat prințului, în mod tacit şi secret, această demnitate; rămânea doar să fie formalizată o chestiune deja, în principiu, rezolvată.

Pe baza articolului 83 din Constituția României, care stipulează, printre altele, că „în cazul absenței urmaşilor direcți de sex masculin ai A. S. R. Principelui Carol de Hohenzollern-Sigmaringen, drepturile asupra Tronului României îi revin celui mai mare dintre frații săi sau urmaşilor acestuia”, moştenitor al Tronului României devenea fratele mai mare al regelui Carol, principele Leopold, însă acesta din urmă, într-o scrisoare din 22 noiembrie 1880, dată publicității în mod oficial în prezent, în calitatea sa de moştenitor al Casei de Hohenzollern-Sigmaringen, a renunțat la drepturile sale asupra Tronului României.

Exemplul tatălui său a fost urmat şi de fiul cel mai mare al principelui Leopold, prințul Wilhelm, care din exact acelaşi motiv şi într-o formă asemănătoare i-a transmis drepturile sale, pe 29 decembrie 1886, fratelui său, prințul Ferdinand.

Cu toate acestea, legalitatea recunoaşterii prinţului Ferdinand a fost contestată, nu fără un oarecare temei, de o parte a presei de aici, organele căreia îi cereau prinţului să se convertească, întâi de toate, la ortodoxie. Într-adevăr, articolul 82 din Constituţie spune că „Drepturile constituţionale asupra Tronului României sunt ereditare şi sunt transmise urmaşilor direcţi şi legitimi ai Principelui Carol de Hohezollern-Sigmaringen, de la tată la fiu, conform dreptului de primogenitură, şi cu eterna excludere a femeilor şi a urmaşilor acestora".

„Urmaşii Majestăţii Sale trebuie să fie educaţi în credinţa creştin-ortodoxă de rit oriental"[3].

Articolul 83 al Constituţiei, citat mai sus, care urmează după aceea, stabilind drepturile de succesiune la tron în cazul absenţei urmaşilor regelui, adaugă următoarele cuvinte: „conform reglementărilor stipulate de articolul anterior, adică art. 82"[4]. Sprijinindu-se pe aceste cuvinte din Constituţie, adversarii legalităţii faptului împlinit cereau insistent ca prinţul Ferdinand, pentru a corespunde tuturor cerinţelor Constituţiei, să se convertească la ortodoxie. Apărătorii legalităţii recunoaşterii prinţului drept moştenitor al Tronului României obiectau însă, demonstrând că expresiile citate mai sus se referă doar la reglementările prin care articolul 82 din Constituţie stabileşte ordinea de succesiune la tron în linie descendentă directă, dar nu priveşte în nici un fel problema confesiunii moştenitorului Tronului dintr-o linie colaterală.

Principele Grigore Sturdza se pregătea, printre altele, să interpeleze Senatul referitor la această chestiune, dar întreaga afacere de recunoaştere a prinţului Ferdinand drept moştenitor al Tronului României s-a întâmplat cu o asemenea grabă şi, trebuie să recunoaştem, a fost gestionată atât de abil, încât orice împotrivire legală din partea antidinasticilor este acum prea târzie şi a devenit imposibilă.

Sosirea în România a prinţului Ferdinand, care şi-a urmat educaţia primară la gimnaziul din Düsseldorf, continuând-o la „Kriegsschule" din oraşul Kassel şi făcându-şi serviciul militar în Regimentul I de gardă din Prusia a fost constant împiedicată de rezistenţa îndârjită a reginei Elisabeta, care până în ultima clipă nu abandonase speranţa de a avea un moştenitor direct. În ultimul timp însă, această sosire a prinţului Ferdinand, hotărâtă deja în toamna anului 1887, a fost amânată ca urmare a acelor tulburări interne pe care le-a produs în ţară lupta acerbă a opoziţiei unite cu Guvernul colectiviştilor.

Totuşi, pe parcursul acestei ierni, sănătatea regelui Carol, care, după cum se dovedeşte, suferă de o afecţiune a măduvei spinării, s-a înrăutăţit atât de mult, încât medicii care îl tratează pe Majestatea Sa au început să aibă temeri că regele ar putea fi nevoit, într-un viitor mai mult sau mai puţin îndepărtat, fie să renunţe, în mare măsură, la obligaţiile sale variate şi dificile, fie chiar să se retragă completamente din viaţa publică[5].

Junimiştii, care se aflau atunci la putere, au profitat de acest lucru pentru a asigura definitiv poziţia dinastiei germane la Tronul României. În şedinţa Senatului din 14 martie anul curent, a fost jucat un spectacol pregătit din timp cu abilitate de domnul Carp. Ca răspuns la interpelarea făcută de senatorul

S. Greceanu în legătură cu motivul pentru care, până în prezent, moştenitorul Tronului nu participă la şedinţele Senatului, în conformitate cu articolul 76 din Constituţie, preşedintele Senatului, generalul Florescu, a propus includerea numelui prinţului Ferdinand pe lista senatorilor şi pregătirea pentru Alteţa Sa Regală a unui fotoliu onorific, special destinat prezenţei prinţului la şedinţele Senatului.

La 19 aprilie trecut, aşa cum am avut onoarea să raportez Excelenţei Voastre prin telegrama secretă din aceeaşi dată, moştenitorul Tronului românesc a sosit în România. Întâlnirea care i-a fost rezervată a fost una pur oficială. La gară se aflau, în afara Majestăţilor Lor, miniştrii, întreaga Curte, corpul diplomatic şi oficialii de rang înalt. Populaţia oraşului l-a întâmpinat pe prinţ cu răceală. Pe întregul itinerar al alaiului solemn nu puteau fi auzite nici un fel de strigăte de bucurie; mulţi dintre cei prezenţi în mulţime nici măcar nu îşi descopereau capetele.

A doua zi după sosirea prinţului, i-au fost prezentaţi personal de rege reprezentanţii puterilor străine, după care i s-au prezentat, atât în ziua respectivă, cât şi în zilele următoare, toţi funcţionarii superiori din cadrul administraţiei Regatului. În data de 9 mai, prinţul Ferdinand a fost introdus, în mod solemn, în Senat şi Camera Deputaţilor.

La această solemnitate, aşa cum am avut onoarea să raportez Excelenţei Voastre prin telegrama secretă din aceeaşi dată, a fost invitat corpul diplomatic în uniforme de gală. Regele nu a fost prezent în timpul primirii solemne a prinţului din Senat; acesta a fost însoţit de regină. La intrarea sa în Senat, prinţul a fost întâmpinat printr-un discurs de bun venit al generalului Florescu; ca răspuns, prinţul a dat citire unui lung discurs în limba română, pregătit din timp, în care şi-a exprimat disponibilitatea de a se dedica întru totul protejării şi servirii intereselor noii sale patrii.

Până în acest moment, ţara are o atitudine de indiferenţă absolută faţă de acest fapt nou şi extrem de important pentru viaţa tânărului Regat; însă aflarea Alteţei Sale Regale în ţară va avea, firesc, drept consecinţă, acomodarea treptată a opiniei publice la faptul de a vedea în el pe moştenitorul Tronului.

Astfel, nu există nici o îndoială că junimiştii i-au făcut un serviciu destul de important regelui, aducând la îndeplinire, la iniţiativa predecesorilor lor, colectiviştii, aspiraţia intimă a Majestăţii Sale spre instaurarea durabilă pe Tronul României a dinastiei de Hohenzollern, prin recunoaşterea oficială a prinţului Ferdinand drept moştenitor al Tronului.

Dacă însă Majestăţile Lor vor reuşi să găsească o partidă matrimonială demnă pentru nepotul lor, atunci viitorul actualei dinastii domnitoare a României poate fi considerat asigurat pentru mult timp de acum înainte, dacă nu pentru totdeauna.

Cu deosebită consideraţie şi cel mai profund devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 173-179.

[1] Presa antidinastică, îndeosebi ziarul „Adevărul”, a tratat venirea lui Ferdinand cu multă răceală. Erau lansate frecvent atacuri asupra prințului Ferdinand, în speranța că poporul român îl va privi „ca un musafir, ca un neamț mai mult pe pământul românesc”. În schimb, presa de orientare liberală, în speță „Voința Națională”, a apreciat venirea lui Ferdinand în România, stabilirea acestuia la București precum și discursul ținut în fața Senatului și a Academiei Române.

[2] Cel mai probabil, Hitrovo face trimitere la campania de presă dusă de periodicele „Novoe Vremea” și „Svet”, care considerau neconstituțională numirea lui Ferdinand ca moștenitor al Tronului României.

[3] La articolul 82, se prevedea că „Puterile constituționale ale Domnului sunt ereditare, în linie coborâtoare directă și legitimă a Măriei Sale Principelui Carol I de Hohenzollern Sigmaringen, din bărbat în bărbat prin ordinul de primogenitură și cu esclusiunea perpetuă a femeilor și coborâtorilor lor. Coborâtorii Măriei Sale vor fi crescuți în religiunea ortodoxă a Răsăritului”.

[4] Articolul 83 al Constituției din 1866: „În lipsă de coborâtori în linie bărbătească ai Măriei Sale Carol I de Hohenzollern Sigmaringen, succesiunea Tronului se va cuveni celui mai în vârstă dintre frații săi sau coborâtorilor acestora, după regulile statornicite în articolul precedent [n.n., art. 82]. Dacă nici unul dintre frații sau coborâtorii lor nu s-ar mai găsi în viață, sau ar declara mai dinainte că nu primesc Tronul, atunci Domnitorul va putea numi succesorul său dintr-o dinastie suverană din Europa cu primirea reprezentațiunii naționale, dată în forma prescrisă de articolul 84. Dacă nici una nici alta nu va avea loc, Tronul este vacant”.

[5] Într-o scrisoare trimisă surorii sale, Maria de Flandra, la 24 mai/5 iunie 1889, regele Carol I recunoștea că se simțea „slăbit și stresat”, după o iarnă lungă, cu multă muncă; însă nu se punea problema retragerii din viața publică.

17

Бухарест, 22 июня 1889 г., № 29. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Официальная встреча, оказанная принцу Фердинанду, вступающему в столицу на этот раз в качестве признанного наследника румынского престола, с участием дипломатического корпуса, казалась устроителям этого признания недостаточною для засвидетельствования торжественности этого события. Так как все это произошло без всякого участия, даже без ведома, не только массы румынского народа, но и высших слоев общества, король и его приближенные, очевидно, изыскивали всякий случай похвастаться перед страною признанием этого знаменательного факта иностранными державами. С этой целью дипломатический корпус был весьма усердно приглашаем к участию во всех торжествах и церемониях, устраиваемых по случаю прибытия принца Фердинанда в Румынию.

После встречи принца Фердинанда на вокзале железной дороги король очень любезно благодарил дипломатический корпус за принятое им участие в этой встрече. В эту минуту я оказался к королю ближе всех

моих коллег, и слова его, как будто, обращались преимущественно ко мне. Это случайное обстоятельство было очень замечено присутствующей публикой, что, однако, не помешало появившимся на другой день коллективистским газетам утверждать, что признание принца Фердинанда наследником есть тяжелый удар, наносимый России, и что значение этого удара читалось на моем, будто бы, грустном лице на церемонии, в которой я должен был принять участие якобы поневоле. Вообще, нет предела желчной изобретательности здешних ядовитых газет, редактируемых разными Димитриями Стурдзами, Статесками[1] и тому подобными безутешными приверженцами павшего брэтиановского режима.

На другой день по прибытии принца Фердинанда мы были приглашены представиться Его Величеству, и это представление дипломатического корпуса было обставлено особенною, необычною торжественностью. В 11 часов утра весь дипломатический корпус в полном составе и в нарядной форме собрался в приемных покоях дворца. Король и королева в сопровождении наследного принца вступили в зал, предшествуемые фрейлинами, двором и чинами военной свиты короля. Его Величество лично представил принцу всех начальников миссий, которые, в свою очередь, представили Его Высочеству свои персоналы. Королева любезно и долго беседовала с каждым из представителей отдельно и со всеми вместе в общей беседе, причем, разумеется, не обошлось без обычных сентиментальностей королевы-писательницы.

Она сказала нам, что «дом без детей то же, что пустая клетка», что до сих пор, после кончины единственной их дочери[2], жизнь ее и короля была одинока и безотрадна и что теперь освещается она как бы новым лучом солнца присутствием наследника, делающегося их дитятею. «Точно у нас новорожденный (c'est comme si nous avions un nouveauné)», говорила она взволнованным, несколько декламирующим голосом. Затем королева говорила нам, как она мечтает теперь о женитьбе юного принца, что ей недостаточно сына, что ей нужна дочь, что тогда лишь дом их будет полон.

«Не могу без умиления подумать, – прибавила она, – о том, как мы будем вступать в бальные залы, я, опираясь на руку принца, король, ведя под руку нашу будущую дочь».

Я позволил себе привести эти подлинные слова Её Величества для характеристики этого любопытного женского типа, в котором личность королевы так нераздельно смешивается с причудливою личностью сентиментальной Кармен Сильва.

С совершенным почтением и неограниченною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 180-183.

[1] Имеется в виду Эуджен Стэтеску, один из видных членов национал-либеральной партии.

[2] 28 марта (9 апреля) 1874 г. в возрасте трёх с половиной лет ушла из жизни принцесса Мария, единственная дочь румынской королевской четы.

Bucureşti, 22 iunie 1889, nr. 29. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Ceremonia oficială de întâmpinare organizată pentru prințul Ferdinand, care intră în capitală de această dată în calitate de moştenitor recunoscut al Tronului României, cu participarea corpului diplomatic, li s-a părut organizatorilor acestei recunoaşteri insuficientă pentru confirmarea publică a solemnității acestui eveniment. Deoarece toate acestea au avut loc fără nici un fel de participare, şi chiar fără cunoştința nu doar a masei poporului român, ci şi a straturilor superioare ale societății, regele şi apropiații săi erau evident în căutarea oricărei ocazii de a se lăuda în fața țării cu recunoaşterea acestui fapt remarcabil de către puterile străine. În acest scop, corpul diplomatic a fost invitat extrem de asiduu să participe la toate solemnitățile şi ceremoniile organizate cu ocazia sosirii prințului Ferdinand în România.

După întâmpinarea prințului Ferdinand la gara feroviară, regele a mulțumit foarte amabil corpului diplomatic pentru faptul de a fi participat la această întâmpinare oficială. În acest moment, eu m-am pomenit cel mai aproape de rege față de toți colegii mei şi se părea că vorbele sale îmi erau adresate cu precădere mie. Această întâmplare accidentală a fost foarte bine observată de publicul prezent la eveniment, ceea ce însă nu a împiedicat ziarele colectiviste apărute a doua zi să afirme că recunoaşterea prințului Ferdinand ca moştenitor este o grea lovitură aplicată Rusiei şi că semnificația acestei lovituri se putea citi pe fața mea, cică, tristă în timpul ceremoniei la care a trebuit să particip, chipurile, contrar voinței mele. În general, nu există limite pentru inventivitatea malițioasă a ziarelor veninoase de aici, redactate de diverşi Dimitrii Sturdza, Stăteşti[1] şi alți asemenea partizani neconsolați ai regimului căzut al lui Brătianu.

În ziua următoare după sosirea prințului Ferdinand, noi am fost invitați să ne prezentăm în fața Majestății Sale, şi această prezentare a corpului diplomatic a fost concepută şi însoțită de o solemnitate deosebită, neobişnuită. La ora 11 a.m., întregul corp diplomatic, în componență deplină şi în uniforme de sărbătoare, s-a adunat în sala de recepții de la Palat. Regele şi regina, însoțiți de prințul moştenitor, şi-au făcut intrarea în sală, fiind precedați de domnişoarele de onoare, Curte şi ofițerii superiori din suita militară a regelui. Majestatea Sa i-a prezentat în persoană prințului pe toți şefii de Misiune, care, la

rândul lor, i-au prezentat Alteței Sale pe angajații misiunilor. Regina a discutat amabil şi un timp îndelungat cu fiecare dintre reprezentanții diplomatici în parte, dar şi cu toți laolaltă în timpul unei discuții comune, cu care ocazie, fireşte, nu am fost scutiți de obişnuitele sentimentalisme ale reginei-scriitoare.

Ea ne-a spus că „o casă fără copii este precum o colivie goală", că până acum, după decesul singurei lor fiice[2], viața ei şi a regelui era solitară şi lipsită de bucurii şi că acum ea ar fi parcă luminată de o nouă rază de soare datorită prezenței moştenitorului, care devine copilul lor. „Este de parcă am avea un nou-născut (c'est comme si nous avions un nouveauné)", ne spunea ea cu o voce emoționată şi un pic declamatoare. După aceea regina ne-a spus cât de mult visează ea acum la căsătoria tânărului prinț, adăugând că nu îi este suficient doar un fiu, că ea are nevoie de o fiică şi că doar atunci casa lor va fi plină.

„Nu pot să mă gândesc fără înduioşare – a adăugat ea – la faptul cum ne vom face intrarea în sălile de bal: eu, sprijinindu-mă de brațul prințului, iar regele – mergând la braț cu viitoarea noastră fiică".

Mi-am permis să reproduc aceste cuvinte autentice ale Majestății Sale pentru a caracteriza această curioasă tipologie feminină, în care personalitatea reginei se confundă atât de inseparabil cu bizara personalitate a sentimentalei Carmen Sylva.

Cu deplină considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 180-183.

[1] Referire la Eugen Stătescu, unul dintre membri importanți ai Partidului Național Liberal.

[2] La 28 martie/9 aprilie 1874 s-a stins din viață la o vârstă fragedă (trei ani, şase luni şi o zi) principesa Maria, singura fiică a familiei regale române.

18

Бухарест, 22 июня 1889 г., № 30. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

В виду тех же мотивов, которые изложены в моей предыдущей депеше за № 29, здесь придавали особенное значение ответным письмам государей на извещение короля Карла о признании наследником его племянника принца Фердинанда Гогенцоллернского; письма эти ожидались с лихорадочным нетерпением. При этом нельзя не заметить, что быстрота, с коей было здесь получено ответное письмо императора Вильгельма, ясно доказывает, что все дело о признании принца

Фердинанда было издавна подготовлено в Берлине. На четвертый или пятый день по прибытии принца, когда извести тельные письма о его признании были едва лишь разосланы, германский посланник господин Бюлов уже вручал королю на частной аудиенции ответное письмо германского императора.

Все прочие ответные письма прибыли одни за другими почти одновременно. Как я имел честь телеграфировать Вашему Высокопревосходительству, письмо[1] Его Императорского Величества нашего августейшего государя было мною вручено Его Величеству королю Карлу на частной аудиенции 20 мая.

Король весьма долго и любезно беседовал со мною, высказывая, насколько он счастлив, что ему удалось упрочить будущность страны благополучным разрешением столь знаменательного для ее грядущих судеб вопроса о престолонаследии.

С совершенным почтением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 184-185.

[1] Король Карл I был глубоко разочарован письмом, полученным им от императора Александра III. Об этом он упомянул в телеграмме своей сестре, Марии Фландрской: „Почти все суверены ответили самым сердечным образом на мое извещение об урегулировании вопроса с престолонаследием. Только письмо царя не содержало ничего желательного, а лишь ледяной холод. Было бы лучше, если бы он мне вообще не ответил, так как этого и хотела российская пресса». См.: Cristescu S. *Carol I. Corespondenţa personală, 1878-1912.* Bucureşti, 2005. P. 250.

Bucureşti, 22 iunie 1889, nr. 30. Hitrovo către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

În virtutea aceloraşi motive pe care le-am expus în precedenta mea depeşă cu nr. 29, aici s-a acordat o importanţă deosebită scrisorilor de răspuns ale monarhilor la anunţul oficial al regelui Carol cu privire la recunoaşterea drept moştenitor a nepotului său, prinţul Ferdinand de Hohenzollern; aceste scrisori erau aşteptate cu o nerăbdare febrilă. În acelaşi timp, nu putem să nu observăm că rapiditatea cu care a fost primită aici scrisoarea de răspuns a împăratului Wilhelm demonstrează cu claritate că toată afacerea legată de recunoaşterea prinţului Ferdinand a fost pregătită cu mult timp în urmă la Berlin. În a patra sau a cincea zi după sosirea prinţului, când scrisorile oficiale

care îi anunţau recunoaşterea abia dacă fuseseră trimise, ambasadorul german, domnul Bülow, deja îi înmâna regelui într-o audienţă privată scrisoarea de răspuns a împăratului german.

Toate celelalte scrisori de răspuns au sosit unele după altele, aproape în acelaşi timp. Aşa cum am avut onoarea să telegrafiez Excelenţei Voastre, i-am înmânat personal Majestăţii Sale regelui Carol scrisoarea[1] Majestăţii Sale Imperiale augustului nostru monarh în timpul unei audienţe private pe data de 20 mai.

Regele a discutat cu mine un timp îndelungat şi extrem de amabil, spunându-mi cât este de fericit că el a reuşit să consolideze viitorul ţării prin rezolvarea cu succes a chestiunii succesiunii la tron, care este atât de semnificativă pentru viitorul ei destin.

Cu deplină consideraţie şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 184-185.

[1] Regele Carol I a fost profund dezamăgit de scrisoarea primită de la împăratul Alexandru III, aspect surprins într-o telegramă trimisă surorii sale, Maria de Flandra: „Aproape toţi suveranii au răspuns într-un mod cordial la notificările mele privind reglementarea succesiunii la tron. Numai scrisoarea ţarului nu a lăsat nimic de dorit în ceea ce priveşte răceala glacială. Cel mai bine ar fi fost să nu-mi răspundă deloc, aşa cum a cerut presa rusă": Sorin Cristescu, *Carol I. Corespondenţa personală, 1878-1912*, Bucureşti, 2005 (în continuare: Cristescu, *Carol I. Corespondenţa personală*), p. 250.

19

Бухарест, 22 июня 1889 г., № 31. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Их Величества король и королева румынские с наследником престола, принцем Фердинандом, выехали 11-го июня, как я имел честь донести о том Вашему Высокопревосходительству секретною телеграммою от 12-го июня, в Вену, а оттуда в Зигмаринген для присутствования на бракосочетании племянника Его Величества принца Вильгельма Гогенцоллернского с принцессой Марией Бурбонской.

Отсутствие короля продлится, вероятно, не менее шести недель, так как предполагается, что после семейного торжества Его Величество отправится на воды лечиться. Королева же Елизавета, по полученным мною частным сведениям, собирается проехать инкогнито на парижскую выставку. Предположение это, составляющее заветную мечту королевы,

содержится в тайне. Но едва ли удастся Её Величеству сохранить предполагаемое инкогнито. Мечтательная королева, подчинившаяся за последнее время всецело влиянию новой своей фрейлины, девицы Вэкэреску, такой же поэтессы, как и сама королева, вместе с нею коронованной Французской академией за томик стихотворений, по всей вероятности, при соблюдении предполагаемого строгого инкогнито попадет в Париж исключительно в кружки всевозможных второстепенных литераторов, друзей госпожи Вэкэреску, и которые не преминут протрубить в журналах о сношениях своих с августейшей писательницей. Уже и теперь в газетах появились любопытные сентиментально-поэтические письма, которыми Кармен Сильва, не довольствуясь академическими лаврами, нашла нужным обменяться с членами Общества провансальских поэтов, известного под именем фелибров[1]. Большинство этих фелибров, по политическим убеждениям, социал-радикалы. В письмах своих к этим господам королева выражает желание быть «королевою-феей всемирной республики». Господа же фелибры величают ее: „la bonne petite Reine" и посылают ей свои произведения, любезно вычеркивая из своих печатных титулов качество «socialiste», но сохраняя «démocrate et radical». Можно себе представить, что произойдет, если нервно-мечтательной королеве удастся вместе с её таковою же фрейлиной, под кровом инкогнито, пробраться в Париж, и какие нескромности не замедлят появиться во всевозможных парижских бульварных листках по поводу таинственных путешественниц. Едва ли король согласится на осуществление этой новой затеи своей поэтической супруги.

С отличным почтением и глубочайшей преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 186-188.

[1] Речь идёт о членах литературного общества, существовавшего на юге Франции. Его основали в 1854 г. поэты Жозеф Руманиль и Фредерик Мистраль с целью развития литературы на провансальском языке.

Bucureşti, 22 iunie 1889, nr. 31. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Majestățile Lor regele şi regina României, împreună cu moştenitorul Tronului, prințul Ferdinand, au plecat pe data de 11 iunie la Viena, aşa cum am avut onoarea să vă raportez Excelenței Voastre prin telegrama secretă din 12 iunie,

iar de acolo vor pleca la Sigmaringen pentru a asista la ceremonia de căsătorie a nepotului Majestății Sale, prințul Wilhelm de Hohenzollern, cu prințesa Maria de Bourbon.

Absența regelui se va prelungi, probabil, pentru nu mai puțin de șase săptămâni, deoarece se presupune că după această ceremonie familială Majestatea Sa va pleca la băi pentru tratament. În ceea ce o privește pe regina Elisabeta, conform unor informații particulare primite de mine, ea are de gând să plece incognito la expoziția de la Paris. Această intenție, care reprezintă un vis arzător al reginei, este ținută în secret. Însă Majestatea Sa abia dacă va reuși să păstreze acest presupus incognito. Visătoarea regină, care a căzut în ultimul timp cu totul sub influența noii sale domnișoare de onoare, o oarecare duduie Văcărescu, care este și ea poetă, precum însăși regina, și care a fost încoronată, împreună cu regina, de Academia Franceză, pentru un volumaș de poezii, după toată probabilitatea, în condițiile respectării acelui presupus strict incognito, va ajunge la Paris exclusiv în cercurile unor diverși literați de mâna a doua, prieteni ai doamnei Văcărescu, și care nu vor ezita deloc să proclame zgomotos prin reviste despre legăturile lor cu augusta scriitoare. Chiar și acum deja în ziare au apărut niște scrisori curioase, sentimental-poetice, prin care Carmen Sylva, nefiind satisfăcută doar de laurii Academiei, a găsit de cuviință să corespondeze cu membrii Societății Poeților Provensali[1], cunoscuți mai ales sub numele de Felibri. Majoritatea acestor Felibri sunt, după convingerile lor politice, social-radicali. În scrisorile sale adresate acestor domni, regina își exprimă dorința de a deveni „regina-zână a republicii mondiale". Din partea lor, domnii Felibri o gratulează cu apelativul „la bonne petite Reine" și îi trimit operele lor, ștergând cu amabilitate din titulaturile publicațiilor lor calitatea de „socialiste", dar păstrând „démocrate et radical". Se poate deci imagina ce se va întâmpla, dacă regina nervos-visătoare va reuși, împreună cu domnișoara ei de onoare, având aceeași fire, sub acoperirea acelui incognito, să se strecoare la Paris și ce fel de lucruri indiscrete nu vor întârzia să apară în tot felul de foițe pariziene de bulevard în legătură cu misterioasele călătoare. Cu greu se poate crede că regele va fi de acord cu realizarea acestei noi fantezii a poeticei sale consoarte.

Cu deosebită considerație și cel mai profund devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 186-188.

[1] Referire la membrii grupării literare din sudul Franței, înființată în 1854 de Frederic Mistral, cu scopul dezvoltării literaturii provensale.

20

Бухарест, 22 июня 1889 г., № 32. Хитрово – Гирсу[1]

С двумя приложениями на французском языке

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Приезжавший сюда на этих днях из Белграда исключительно для свидания со мною господин Цанков представил мне господина Станчова, присланного к нему в качестве уполномоченного от его единомышленников в Болгарии для переговоров с ним и для обсуждения и изыскания средств поднятия духа и оживления оппозиции[2].

Я имел с господами Цанковым и Станчовым продолжительные беседы, о содержании коих долгом считаю подробно донести Вашему Высокопревосходительству.

По словам уполномоченного главного комитета народной партии, господина Станчова, деятельность противников принца Фердинанда и его правительства совершенно почти прекратилась. Организация партии крайне слаба. Отделения комитета в провинции или расстроились, или вовсе не собираются, или ограничиваются лишь простою передачею сведений о происходящем. Активной деятельности никакой не существует. Печатных органов, за исключением еженедельного бесцветного журнала «Напред», выходящего в Филиппополе, оппозиция совсем не имеет. Со времени протеста, поданного блаженному Иосифу софийскими гражданами по поводу столкновения болгарского правительства с собравшимся в Софии Синодом, народная партия ничем себя не проявила. Между тем, нельзя не сознаться, что настоящий режим значительно упрочился и продолжает укрепляться. Если такое пассивное отношение оппозиции не изменится, то несомненно, что многие из недовольных, окончательно обезнадёженные, утратят всякую веру в собственные силы и невольно начнут мириться с установившимся положением дел.

Элементов же для борьбы с принцем Кобургским и его министрами более чем достаточно. Оставляя в стороне массу сельского населения, бесспорно симпатизирующего России, но мало подвижного и не могущего иметь влияние на государственный ход дела, вследствие своей неподготовленности пользоваться чуждыми ему конституционными формами, всё, что есть лучшего в Болгарии, недовольно положением, в котором находится страна, ввиду ее ненормальных отношений к России: лучшие граждане, устраненные от участия в управлении, торговый класс, страдающий от экономического кризиса, и, наконец, духовенство, уже находящееся в открытой вражде с князем. По мнению Станчова, главная

причина бездействия оппозиции заключается в отсутствии денежных средств у её руководителей.

Чтобы прекратить это пассивное отношение болгарского народа и вызвать его к деятельности, центральный комитет народной партии поставил себе задачей найти необходимые средства для ведения антиправительственной агитации и решил для этой цели уполномочить Драгана Цанкова заключить заём от имени всей партии. Ввиду невозможности найти нужные средства в самой стране, таковой заем комитет предполагает совершить вне пределов Болгарии, а именно в России, если императорское правительство соблаговолит оказать содействие к осуществлению оного. Заём предполагается в один миллион франков. Условия займа следующие:

Комитет народной партии, которую представляет господин Цанков, обязывается, по низложении принца Фердинанда, приложить все свои старания, чтобы провести на болгарский трон кандидата, указанного императорским правительством.

Занятая сумма должна быть предоставлена в распоряжение господина Цанкова. Расходование её будет производиться центральным комитетом народной партии, или специально для этого назначенной комиссией. Господин Цанков и члены центрального комитета обязуются заставить принять обыкновенное Народное собрание, вслед за избранием нового князя, уплату долга в расчете из 5% годовых, за истекшее время.

Глава партии и члены центрального комитета никакой другой легально материальной ответственности, кроме вышеупомянутой, относительно уплаты долга принять на себя не могут.

Вышепоименованные условия будут внесены в протокол комитета и, по подписании его всеми членами, последний вручен будет господину Цанкову для предъявления кому следует.

Передавая это положение своих единомышленников, господин Станчов высказал, что борьбу предполагается вести на строго легальной почве, путем прессы и воздействия на общественное мнение, и что другого способа к осуществлению целей, преследуемых господином Цанковым и его партией, нет. Всякая мысль о соглашении со Стамболовым в настоящее время должна быть отброшена. Положение Стамболова не настолько непрочно, чтобы ему нужно было искать опоры и помощи, и вряд ли желание его изменить свою программу может быть искренним. С другой стороны, он значительно утратил то неограниченное влияние, которым пользовался ещё год тому назад, и присоединение его к взглядам народной партии не может иметь решающего значения. Теперь уже Стамболову приходится считаться с принцем Фердинандом, успевшим приобрести личных сторонников, в особенности в среде военной.

Господин Цанков, разделяя вполне взгляды господина Станчова на положение дел в Болгарии и мнение своих единомышленников о необходимости изыскания денежных средств для организации оппозиции,

просил меня сообщить императорскому правительству о сделанном ему членами комитета предложении, причём особенно настаивал на необходимости иметь в своем распоряжении хотя бы и незначительную сумму в 3 тысячи франков в месяц для возобновления газеты «Светлина».

Сообщая мне о вышеизложенном, господа Цанков и Станчов в то же время представили на мое обсуждение несколько проектов полномочий, которыми мог бы снабдить центральный комитет оппозиции главу оной, господина Цанкова, для заключения предполагаемого займа. При сём имею честь препроводить два из этих проектов sub lit. А и Б.

Возражая моим собеседникам, я им заметил, прежде всего, что проект полномочий за lit. А, в котором заем предполагается сделать у того безымянного лица, которое согласится авансировать искомую сумму за признание себя кандидатом на болгарский престол, я считаю совершенно неприличным и неподходящим. Действительно, полномочия эти, которые рано или поздно перестанут быть тайной, дадут повод, не без основания, обвинять оппозицию в том, что она, в безвыходности своего положения, как будто бы заблаговременно запродала себя *au plus offrant*. Что же касается до второго проекта за lit. Б, то, отнюдь не предрешая вопроса, я выразил согласие представить оный на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства вместе с подробностями предложений господ Цанкова и Станчова и с высказанными ими мотивами. При этом я отнюдь не счел возможным их сколько либо обнадёжить.

Представляя ныне предложения господ Цанкова и Станчова на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, долгом считаю со своей стороны, заметить, что предложения эти сводятся, в сущности, к тем мыслям, которые были уже не раз мною высказываемы по этому сложному, запутанному вопросу, а именно к тому, что легальная деятельность оппозиции в Болгарии ввиду этого положения, до которого дошла эта несчастная страна, и вообще всякое противодействие установившемуся в ней противоестественному порядку вещей, возможны с некоторыми шансами на успех лишь под условием значительных материальных средств и серьезных единовременных затрат. При этом средства эти должны быть предоставлены в полное распоряжение благонадёжных вождей оппозиции, без всякого с нашей стороны непосредственного участия. Но и при этих условиях за достижение желаемых результатов поручиться всё-таки невозможно. Отсутствие же всяких попыток и полное бездействие оппозиции, лишённой средств действовать, несомненно, упрочивают нынешнее положение дел, созидаемое и поддерживаемое как внутреннею работою враждебных нам элементов, так и внешними нам враждебными влияниями. И чем долее существует это положение вещей, тем труднее будет справиться с ним впоследствии, ибо продолжительность оного влечёт за собой постепенное, но неизбежное нравственное растление болгарского народа, его политическую деморализацию. Что же касается до всяких частных

попыток и вспомоществований по мелочам, то все это представляет собою лишь совершенно непроизводительную трату денег и деятельность совершенно бесполезную, способную лишь создавать нам бесполезные затруднения, без всяких шансов серьезных результатов.

Входит ли в виды императорского правительства удовлетворить выше излагаемому ходатайству Драгана Цанкова и его единомышленников, рискнув предоставить в их распоряжение испрашиваемую ими заимообразно серьёзную денежную поддержку, судить принадлежит не мне. Я считал лишь долгом представить это ходатайство на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства вместе с вышеизложенными моими личными впечатлениями. Что же касается до ходатайства господина Цанкова о предоставлении в его распоряжение, по крайней мере, 3 тысяч франков ежемесячно на возобновление газеты «Светлина», то я позволю себе заметить, что считаю эту поддержку совершенно недостаточною, а потому и бесполезною. Это будет лишь новая беспроизводительная затрата, в дополнение к стольким уже беспроизводительно понесенным нами по мелочам жертвам на это несчастное болгарское дело.

Донеся о вышеописанном, я осмелился бы почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство для передачи господину Цанкову, так как он пребывает в Белграде, сообщить непосредственно действительному статскому советнику Персиани, меня же лишь уведомить для личного моего сведения.

С истинным почтением и совершенной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 189-197 об.

Приложение А.

I. Vu la nécessité absolue des moyens pour renverser le régime actuel en Bulgarie, avec l'usurpateur Coburg en tête, et de le remplacer par un gouvernement qui doit renouer les relations amicales avec la Russie; vu, d'un autre côté, l'impossibilité absolue de trouver ces moyens dans le pays, le chef du Parti National, Mr. Zancoff, est chargé par le bureau central du dit parti de contracter en son nom un emprunt d'un million de francs, en s'adressant à cet effet, de préférence, à la garantie de ceux, dont il trouve la candidature avantageuse d'être proposée à la Grande Assemblée Nationale pour le trône de Bulgarie.

II. Le Parti National, représenté par Mr. Zancoff, s'engage à mettre en première ligne sur la liste des candidats pour le trône bulgare la personne de celui qui aurait garanti cet emprunt.

III. L'emprunt sera tenu à la disposition de Mr. Zancoff et son emploi sera fait par le bureau central du Parti National ou par une commission spéciale nommée à cet effet.

IV. En cas de non réussite de faire élire par la Grande Assemblée Nationale pour le trône bulgare le candidat qui a garanti l'emprunt, le chef, ainsi que tous les membres du bureau central du Parti National, s'engagent de faire voter par la première session de l'Assemblée Nationale Ordinaire, immédiatement après l'élection du nouveau Prince, le paiement de l'emprunt, avec les intérêts de 5% pour le temps écoulé.

En cas de refus de la part de l'Assemblée Nationale Ordinaire de voter cette proposition, le chef, ainsi que les membres du Bureau Central du Parti National, s'engagent de donner leur démission et à se désister, ainsi que leur parti, de la formation de tout gouvernement, tant que la Chambre n'accède à leur proposition.

V. Le chef et les membres du bureau central du Parti National n'acceptent aucune autre responsabilité personnelle pour le paiement du dit emprunt, excepté ce qui a été stipulé dans les paragraphes qui précèdent.

VI. Les clauses exposées ci-dessus seront consignées dans un protocole signé par les membres du bureau central du Parti National et remis à Mr. Zancoff pour qu'il puisse dûment contracter le dit emprunt.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 198-199 об.

Приложение Б.

I. Vu la nécessité absolue des moyens pour renverser le régime actuel en Bulgarie, avec l'usurpateur Coburg en tête, et de le remplacer par un gouvernement qui doit renouer les relations amicales avec la Russie; vu, d'un autre côté, l'impossibilité absolue de trouver ces moyens dans le pays, le chef du Parti National, Mr. Zancoff, est chargé par le bureau central du dit parti de contracter en son nom un emprunt d'un million de francs.

II. L'emprunt sera tenu à la disposition de Mr. Zancoff et son emploi sera fait par le bureau central du Parti National ou par une commission spéciale nommée à cet effet.

III. Le chef ainsi que tous les membres du bureau central du Parti National s'engagent de faire voter par la première session de l'Assemblée Nationale Ordinaire immédiatement après l'élection du nouveau prince le paiement de l'emprunt avec les intérêts de 5% pour le temps écoulé.

En cas de refus de la part de l'Assemblée Nationale Ordinaire de voter cette proposition, le chef, ainsi que les membres du Bureau Central du Parti National, s'engagent de donner leur démission et à se désister, ainsi que leur parti, de la formation de tout gouvernement, tant que la Chambre n'accède à leur proposition.

IV. Le chef et les membres du bureau central du Parti National n'acceptent aucune autre responsabilité personnelle pour le paiement du dit emprunt, excepté ce qui a été stipulé dans les paragraphes qui précèdent.

V. Les clauses exposées ci-dessus seront consignées dans un protocole signé par les membres du bureau central du Parti National et remis à Mr. Zancoff pour qu'il puisse dûment contracter le dit emprunt.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 200-201.

[1] Данный документ был опубликован без приложений и с некоторыми транскрипционными ошибками в кн.: *Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов* / Сост. П. Павлович. М., 1935. С. 153–157.

[2] Там же см. документы о российской политике в отношении Болгарии в конце 80-х гг. XIX в. О международном контексте описываемых событий и роли Хитрово в динамике российско-болгарских отношений см. вводную статью к данному тому, а также: Киняпина Н.С. *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878-1898)*. Москва, 1994. С. 93–101.

Bucureşti, 22 iunie 1889, nr. 32. Hitrovo către Giers[1]

Cu două anexe în limba franceză.

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Domnul Țankov, sosit aici zilele acestea din Belgrad numai pentru a avea o întrevedere cu mine, mi l-a prezentat pe domnul Stancev, trimis la el în calitate de plenipotențiar din partea camarazilor săi din Bulgaria, pentru a purta negocieri cu el şi pentru a discuta şi identifica mijloacele necesare îmbunătățirii stării de spirit şi înviorării opoziției[2].

Eu am avut convorbiri îndelungate cu domnii Țankov şi Stancev, despre conținutul cărora consider de datoria mea să raportez detaliat Excelenței Voastre.

După spusele plenipotențiarului comitetului central al Partidului Național, domnul Stancev, activitatea adversarilor principelui Ferdinand şi ai Guvernului său este pe cale să înceteze aproape cu totul. Organizarea partidului este extrem de slabă. Secțiile comitetului din provincie fie sunt dezorganizate, fie nu se mai întrunesc deloc, fie se limitează doar la o simplă transmitere de informații despre ceea ce se întâmplă. Nu există nici un fel de activitate energică. Opoziția nu dispune de absolut nici un organ de presă, cu excepția revistei săptămânale „Napred", care se tipăreşte la Filippopol. Din momentul protestului înaintat către Preafericitul Iosif de către cetățenii din Sofia, în legătură cu confruntarea dintre Guvernul bulgar şi Sinodul convocat la Sofia, Partidul Național nu s-a remarcat prin nimic deosebit. În acelaşi timp, nu putem să nu recunoaştem că prezentul regim s-a consolidat în mod semnificativ şi continuă să se întărească. Dacă această atitudine pasivă a opoziției nu se va schimba, atunci nu există nici

o îndoială că mulți dintre cei nemulțumiți, fiind lipsiți definitiv de orice speranță, își vor pierde orice încredere în propriile puteri și vor începe să se împace, *volens-nolens*, cu starea de lucruri statornicită în prezent.

Totuși, există elemente mai mult decât suficiente pentru lupta cu principele de Coburg și miniștrii săi. Lăsând la o parte masa populației rurale, care simpatizează, fără putință de tăgadă, cu Rusia, dar care este puțin mobilă și care nu poate avea nici o influență asupra cursului afacerilor de stat, ca urmare a lipsei sale de pregătire pentru utilizarea formelor constituționale, care îi sunt străine, tot ceea ce este mai bun în Bulgaria este nemulțumit de situația în care se află țara în prezent, având în vedere relațiile ei nefireşti cu Rusia: cei mai buni cetățeni, înlăturați de la participarea la guvernare, clasa comercială, care suferă din cauza crizei economice și, în fine, clerul, care se află deja într-o stare de ostilitate deschisă față de principe. În opinia domnului Stancev, cauza principală a acestei inactivități din partea opoziției constă în lipsa mijloacelor financiare la conducătorii săi.

Pentru a curma această atitudine pasivă a poporului bulgar și a-i trezi din nou impulsul spre activitate, comitetul central al Partidului Național și-a propus să găsească mijloacele necesare pentru desfășurarea agitației antiguvernamentale și a hotărât, în acest scop, să îi acorde depline puteri lui Dragan Țankov pentru a contracta un împrumut în numele întregului partid. Având în vedere imposibilitatea de a găsi mijloacele necesare în interiorul țării, comitetul intenționează să încheie un astfel de împrumut dincolo de fruntariile Bulgariei, și anume în Rusia, dacă Guvernul imperial va binevoi să îi acorde asistență în înfăptuirea acestui proiect. Se preconizează ca împrumutul să fie în sumă de un milion de franci. Condițiile împrumutului sunt următoarele:

Comitetul Partidului Național, care este reprezentat de domnul Țankov, se obligă, după detronarea principelui Ferdinand, să depună toate eforturile în scopul asigurării alegerii la tronul Bulgariei a unui candidat indicat de Guvernul imperial.

Suma împrumutată trebuie să îi fie pusă la dispoziție domnului Țankov. Cheltuirea acesteia va fi efectuată de către comitetul central al Partidului Național sau de către o comisie numită special în acest scop. Domnul Țankov și membrii comitetului central se obligă să impună ca Adunarea Națională ordinară, imediat după alegerea noului principe, să aprobe achitarea datoriei respective, calculându-se o dobândă de 5% pe an, pentru perioada de timp scursă de la contractarea împrumutului.

Șeful partidului și membrii comitetului central nu își pot asuma nici o altă responsabilitate materială, din punct de vedere legal, în legătură cu achitarea datoriei respective, în afară de cea amintită mai sus.

Condițiile menționate mai sus vor fi introduse într-un proces-verbal special al comitetului și, după semnarea sa de către toți membrii comitetului, acesta va fi înmânat domnului Țankov pentru a fi prezentat acolo unde va fi nevoie.

Relatându-mi această situație a camarazilor săi, domnul Stancev s-a exprimat în sensul că intenția lor este de a iniția viitoarea luptă pe un teren strict legal, prin intermediul presei şi al influenței opiniei publice, şi că nu există nici o altă modalitate pentru realizarea scopurilor urmărite de către domnul Țankov şi de partidul său. Orice gând legat de vreun acord cu Stambolov trebuie să fie, în prezent, respins. Situația lui Stambolov nu este într-atât de şubredă încât să fie nevoit să îşi caute sprijin şi ajutor, şi este puțin probabil ca dorința sa de a-şi schimba propriul program să poată fi sinceră. Pe de altă parte, el şi-a pierdut considerabil din acea influență nelimitată de care se bucura încă şi acum un an, iar adeziunea sa la viziunile Partidului Național nu mai poate avea o însemnătate decisivă. Acum Stambolov este nevoit deja să țină cont de ponderea principelui Ferdinand, care a reuşit să îşi recruteze adepți, în special în cercurile militare.

Domnul Țankov, împărtăşind pe deplin viziunile domnului Stancev referitoare la starea de lucruri din Bulgaria, precum şi opinia camarazilor săi despre necesitatea de a procura mijloace financiare pentru organizarea opoziției, m-a rugat să comunic oficial Guvernului imperial despre propunerea pe care i-au făcut-o membrii comitetului, insistând, totodată, în mod special asupra necesității de a avea la dispoziția sa cel puțin o sumă neînsemnată, de 3 mii de franci pe lună, în scopul reluării tipăririi ziarului „Svetlina".

Comunicându-mi cele expuse mai sus, domnii Țankov şi Stancev, în acelaşi timp, mi-au prezentat spre examinare câteva proiecte de descriere a împuternicirilor, cu care l-ar putea investi comitetul central al opoziției pe şeful acesteia, domnul Țankov, pentru contractarea presupusului împrumut. Am onoarea să vă transmit, în anexă la acest raport, două dintre aceste proiecte, sub lit. A şi B.

Obiectându-le interlocutorilor mei, eu le-am făcut observația, înainte de toate, că proiectul împuternicirilor sub lit. A, care ar presupune contractarea împrumutului față de acea persoană necunoscută, care ar fi de acord să avanseze suma necesară în schimbul recunoaşterii sale drept candidat la Tronul Bulgariei, l-aş considera absolut indecent şi nepotrivit. Într-adevăr, aceste împuterniciri, care, mai devreme sau mai târziu, vor înceta să mai fie secrete, vor furniza desigur pretextul, nu fără o anumită justificare, de a acuza opoziția de faptul că aceasta, având în vedere situația sa disperată, s-ar fi vândut, chipurile, în prealabil, *au plus offrant*. În ceea ce priveşte cel de-al doilea proiect, sub lit. B, fără a anticipa deloc vreo decizie asupra acestei chestiuni, eu mi-am exprimat acordul să prezint acest document spre examinare şi la discreția Excelenței Voastre, împreună cu detaliile propunerilor făcute de către domnii Țankov şi Stancev şi cu motivațiile expuse de ei. În acelaşi timp, nu mi-am permis nici pe departe şi nu am considerat necesar să le inspir oarecare speranțe.

Prezentându-vă acum propunerile domnilor Țankov şi Stancev, la discreția binevoitoare a Excelenței Voastre, consider de datoria mea să remarc, din partea mea, că aceste propuneri se reduc, în esență, la acele idei, pe care le-am exprimat deja nu o singură dată în legătură cu această chestiune complicată şi

încâlcită; şi anume la faptul că activitatea legală a opoziţiei în Bulgaria, având în vedere acea situaţie, în care s-a pomenit această nenorocită ţară şi, în general, orice împotrivire faţă de starea de lucruri absolut nefirească instaurată în acest stat este posibilă, cu anumite şanse de reuşită, doar în condiţiile existenţei unor mijloace materiale considerabile şi a unor cheltuieli simultane consistente şi serioase. Totodată, aceste mijloace trebuie să fie puse completamente la dispoziţia liderilor opoziţiei demni de încredere, fără nici un fel de participare directă din partea noastră. Dar, chiar şi în aceste condiţii, este totuşi imposibil de a avea vreo garanţie în privinţa obţinerii rezultatelor dorite. Iar absenţa oricăror încercări concrete şi inacţiunea totală a opoziţiei, lipsită de mijloace pentru a acţiona, consolidează, fără îndoială, starea actuală de lucruri, creată şi susţinută atât de munca elementelor ostile nouă din interiorul ţării, cât şi de influenţele externe care ne sunt la fel de ostile. Şi, cu cât persistă această stare de lucruri, cu atât mai dificil va fi să o înfruntăm ulterior, întrucât durata îndelungată a acestei situaţii are drept consecinţă pervertirea morală treptată, dar inevitabilă, a poporului bulgar, precum şi demoralizarea sa politică. În ceea ce priveşte tot felul de încercări particulare şi tot felul de ajutoare materiale în chestiuni mărunte, toate acestea nu reprezintă decât o cheltuire absolut neproductivă a banilor şi o activitate completamente zadarnică, care este capabilă doar să ne creeze dificultăţi inutile, fără nici un fel de şanse de obţinere a unor rezultate serioase.

Nu sunt eu cel în măsură să judec dacă în intenţiile Guvernului imperial intră satisfacerea solicitării din partea lui Dragan Ţankov şi a camarazilor săi, expuse mai sus, având în vedere riscurile pe care le presupune punerea la dispoziţia acestui sprijin financiar serios, cerut de ei sub forma unui împrumut. Eu am considerat doar de datoria mea să prezint această solicitare spre examinarea şi la discreţia binevoitoare a Excelenţei Voastre, împreună cu impresiile mele personale menţionate mai sus. În ceea ce priveşte cererea domnului Ţankov de a i se pune la dispoziţie, cel puţin, 3 mii de franci pe lună pentru reluarea tipăririi ziarului „Svetlina”, eu îmi voi permite să observ că aş considera un asemenea sprijin financiar cu totul insuficient şi, din această cauză, absolut inutil. Acest lucru ar însemna doar o nouă cheltuială zadarnică, care s-ar adăuga la atâtea alte sacrificii pe care le-am suportat fără nici un rost, şi în chestiuni mărunte, legate de această nefericită afacere bulgară.

Raportându-vă despre cele descrise mai sus, eu aş îndrăzni să o rog respectuos pe Excelenţa Voastră să comunicaţi informaţiile care vor trebui transmise domnului Ţankov direct consilierului de stat efectiv Persiani, deoarece domnul Ţankov locuieşte permanent la Belgrad, iar pe mine să mă înştiinţaţi în legătură cu acestea doar în scopul informării personale.

Cu sinceră consideraţie şi absolut devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 189-197 verso.

Anexa A

I. Având în vedere necesitatea absolută a identificării unor mijloace pentru răsturnarea regimului actual din Bulgaria, în frunte cu uzurpatorul Coburg, şi pentru înlocuirea acestuia de către un guvern care va trebui să restabilească relațiile amicale cu Rusia; având în vedere, pe de altă parte, imposibilitatea absolută de a găsi astfel de mijloace în interiorul țării, conducătorul Partidului Național, domnul Țankov, este însărcinat de către biroul central al partidului sus-menționat să contracteze, în numele său, un împrumut de un milion de franci, adresându-se, în acest scop, de preferință, în calitate de giranți, celor, ai căror candidatură o va considera avantajoasă pentru a fi propusă Marii Adunări Naționale pentru Tronul Bulgariei.

II. Partidul Național, reprezentat de domnul Țankov, se obligă să pună în capul listei candidaților pentru Tronul bulgar, în primul rând, numele acelei persoane care va fi garantat acest împrumut.

III. Împrumutul va fi pus la dispoziția domnului Țankov, iar folosirea acestuia se va face de către biroul central al Partidului Național sau de către o comisie specială, numită în acest scop.

IV. În cazul eşecului alegerii de către Marea Adunare Națională pentru Tronul bulgar a candidatului care a garantat împrumutul, şeful partidului, precum şi toți membrii biroului central al Partidului Național, se obligă de a impune votarea, de către prima sesiune a Adunării Naționale ordinare, imediat după alegerea noului principe, a plății împrumutului, împreună cu dobânda de 5% calculată pentru perioada de timp scursă.

În cazul refuzului din partea Adunării Naționale Ordinare de a vota această propunere, şeful partidului, precum şi membrii biroului central al Partidului Național, se obligă să îşi dea demisia şi să renunțe, ca şi întregul lor partid, la formarea oricărui guvern, atâta timp cât Camera nu va accepta propunerea lor.

V. Şeful partidului şi membrii biroului central al Partidului Național nu acceptă nici o altă responsabilitate personală pentru plata împrumutului sus-menționat, cu excepția celor stipulate în paragrafele precedente.

VI. Clauzele expuse mai sus vor fi consemnate într-un proces-verbal semnat de către membrii biroului central al Partidului Național şi transmis domnului Țankov astfel încât el să poată contracta împrumutul sus-menționat în mod corespunzător.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, dosar 633, filele 198-199 verso.

Anexa B

I. Având în vedere necesitatea absolută a identificării unor mijloace pentru răsturnarea regimului actual din Bulgaria, în frunte cu uzurpatorul Coburg, şi pentru înlocuirea acestuia de către un guvern care va trebui să restabilească relaţiile amicale cu Rusia; având în vedere, pe de altă parte, imposibilitatea absolută de a găsi astfel de mijloace în interiorul ţării, conducătorul Partidului Naţional, domnul Ţankov, este însărcinat de către biroul central al partidului sus-menţionat să contracteze, în numele său, un împrumut de un milion de franci.

II. Împrumutul va fi plasat la dispoziţia domnului Ţankov, iar folosirea acestuia se va face de către biroul central al Partidului Naţional sau de către o comisie specială, numită în acest scop.

III. Şeful partidului, precum şi toţi membrii biroului central al Partidului Naţional, se obligă de a impune votarea, de către prima sesiune a Adunării Naţionale ordinare, imediat după alegerea noului principe, a plăţii împrumutului, împreună cu dobânda de 5% calculată pentru perioada de timp scursă.

În cazul refuzului din partea Adunării Naţionale ordinare de a vota această propunere, şeful partidului, precum şi membrii biroului central al Partidului Naţional, se obligă să îşi dea demisia şi să renunţe, ca şi întregul lor partid, la formarea oricărui guvern, atâta timp cât Camera nu va accepta propunerea lor.

IV. Şeful partidului şi membrii biroului central al Partidului Naţional nu acceptă nici o altă responsabilitate personală pentru plata împrumutului sus-menţionat, cu excepţia celor stipulate în paragrafele precedente.

V. Clauzele expuse mai sus vor fi consemnate într-un proces-verbal semnat de către membrii Biroului central al Partidului Naţional şi transmis domnului Ţankov astfel încât el să poată contracta împrumutul sus-menţionat în mod corespunzător.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, dosar 633, filele 200-201.

---

[1] Documentul a fost publicat, fără anexe şi cu unele greşeli de transcriere, şi în *Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов*, составитель П. Павлович, Москва, 1935, p. 153-157.

[2] Pentru partea documentară privind politica Rusiei în Bulgaria, la sfârşitul anilor 1880, a se vedea *Ibidem.* Cu privire la contextul internaţional şi rolul lui Hitrovo în gestionarea relaţiilor ruso-bulgare, a se vedea studiul nostru introductiv şi H.C. Киняпина, *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878-1898)*, Москва, 1994, p. 93-101.

21

Бухарест, 22 июня 1889 г., № 33. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Из прежних донесений моих, между прочим, от 11 декабря 1888 г. № 72, Вашему Превосходительству небезызвестно о той подпольной деятельности, которую проявляет существующий в Бухаресте албано-македонский клуб, и о той роли, которую играет в этом отношении издающаяся в Бухаресте на албанском и румынском языках газета «Шчиптари»[1], получающая тайные субсидии от здешней итальянской миссии. Газета эта принадлежит к целой плеяде здешних крупных и мелких органов печати, которые, состоя под покровительством непримиримо враждебных нам личностей, стремящихся во что бы то ни стало искоренять всюду всякие признаки русских симпатий и русского влияния в пользу разных влияний иностранных, посвящают свою деятельность на изображение возможных небылиц и клевет против России, и измышляемых русских интриг, против меня и против членов и деятельности вверенной мне миссии. Во всем этом хоре не последнее место занимает «Шчиптари». Для образчика позволяю себе при сем препроводить несколько выписок[2] из этой газеты.

Между тем в Бухаресте проживает с давних пор довольно значительная колония выходцев из различных местностей Албании и Македонии, большею частью занимающихся торговлею и насчитывающей в своей среде много личностей зажиточных и пользующихся довольно высоким общественным положением. Члены этой довольно многочисленной колонии не имеют ничего общего ни с деятельностью албано-македонского клуба, – порождением чисто румынского искаженного ирредентизма, – ни с газетой «Шчиптари», самозванно выдающей себя за представителя интересов албано-македонских народонаселений.

Выведенные из терпения и приведенные в негодование наглою ложью «Шчиптара» и его дерзкими неприличными выходками против России, члены здешней албано-македонской колонии решились опубликовать протест против мыслей и действий «Шчиптара» и гласно заявить об отсутствии какой-либо с их стороны солидарности с редакциею этой газеты.

Представившаяся ко мне депутация от здешних албанцев вручила мне адрес на мое имя в этом смысле, с коего копию в переводе имею честь при сём препроводить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства[3].

При сём имею честь представить копию с донесения консула нашего в Добрудже от 15-го сего июня, относящегося к сему же предмету[4].

С совершенным почтением и неограниченною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 202-204.

[1] Газета «Шчиптари» («Албанец») начала издаваться с 1888 г. на румынском и албанском языках. Она выходила под эгидой общества «Дрита» («Свет») и получала субвенции от румынского правительства. Президентом общества являлся Никола Начо, а одним из его почётных членов был Ион Бэлэчану.

[2] Не публикуются.

[3] Хитрово имел в виду письмо, подписанное 35-ю проживавшими в Румынии православными албанцами, в котором они отмежевались от статей, появившихся в газете «Шчиптари» и объявляли себя верноподданными Османской империи.

[4] Не публикуется.

Bucureşti, 22 iunie 1889, nr. 33. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Din rapoartele mele anterioare, printre altele, din data de 11 decembrie 1888, cu nr. 72, Excelența Voastră cunoaşteți despre activitatea clandestină pe care o manifestă Clubul Albanezo-Macedonean existent la Bucureşti şi despre rolul pe care îl are în această privință ziarul „Squiptari”[1], editat la Bucureşti în limbile albaneză şi română şi care primeşte subsidii secrete de la Misiunea italiană de aici. Acest ziar face parte dintr-o întreagă pleiadă de organe locale de presă mai mari sau mai mici care, aflându-se sub protecția unor persoane ce manifestă o ostilitate ireconciliabilă față de noi şi care încearcă cu orice preț să dezrădăcineze pretutindeni orice semne ale simpatiilor față de Rusia şi ale influenței ruseşti în favoarea diverselor influențe străine, îşi dedică activitatea imaginării feluritelor scorneli şi calomnii contra Rusiei, precum şi unor intrigi ruseşti inventate, împotriva mea şi împotriva membrilor şi activității Misiunii conduse de mine. În cadrul acestui cor „Squiptari” ocupă un loc ce nu poate fi neglijat. În calitate de mostră îmi permit să anexez la acest raport câteva extrase[2] din acest ziar.

Cu toate acestea, la Bucureşti locuieşte de foarte mult timp o colonie destul de importantă compusă din persoane originare din diverse localități din Albania şi Macedonia, care se îndeletnicesc în cea mai mare parte cu comerțul şi care numără în sânul ei multe persoane înstărite care se bucură de un statut social destul de înalt. Membrii acestei colonii destul de numeroase nu au nimic în comun nici cu activitatea Clubului Albanezo-Macedonean, care este o

emanație a iredentismului distorsionat pur românesc, nici cu ziarul „Squiptari", care se autoproclamă în chip mincinos drept reprezentant al intereselor populațiilor albanezo-macedonene.

Fiind scoşi din sărite şi aduşi într-o stare de indignare de minciunile sfruntate ale „Squiptari"-ului şi de apucăturile sale obraznice şi indecente îndreptate împotriva Rusiei, membrii coloniei albanezo-macedonene de aici au hotărât să publice un protest contra ideilor şi acțiunilor ziarului „Squiptari" şi să declare în mod public că din partea lor nu există nici un fel de solidaritate cu redacția acestui ziar.

Delegația comunității albaneze locale, care s-a prezentat în fața mea, mi-a înmânat o declarație în acest sens adresată mie personal, o copie tradusă pe care am onoarea să o anexez la acest raport spre atenția Excelenței Voastre[3].

Am onoarea să vă prezint, ca anexă[4] la acest raport, o copie a raportului consulului nostru din Dobrogea din 15 iunie curent, care se referă la aceeaşi chestiune.

Cu profundă considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 202-204.

[1] Ziarul „Shqiptari" („Albanezul") începea să fie editat din 1888, în limbile română şi albaneză. A apărut sub egida societății *Drita*, ce primea subvenții de la guvernul român. Preşedintele societății era Nikolla Naço, iar printre membrii de onoare se număra Ion Bălăceanu.

[2] Nu se publică.

[3] Hitrovo face referire la o scrisoare semnată de 35 albanezi de religie creştină ortodoxă, stabiliți în România, ei afirmând că se delimitează de articolele apărute în ziarul „Shqiptari" şi se declară supuşi fideli ai Imperiului Otoman.

[4] Nu se publică.

22

Бухарест, 1 ноября 1889 г., № 43. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Долгом считаю передать Вашему Высокопревосходительству содержание длинного весьма интимного разговора, который я только что имел с посетившим меня сегодня Ласкэром Катарджиу.

Он лишь несколько дней как возвратился из деревни, и это было первым нашим свиданием по его возвращении. Свидание это при

нынешних здешних политических обстоятельствах и ввиду ожидаемого кризиса представляет собою особенный интерес[1].

Разговор наш, с самого начала принявший характер полной интимности, естественно перешел на события дня.

– «Не опасаетесь ли Вы, – заметил я господину Катарджиу, – что все эти интриги и раздоры в среде Вашей партии в конце концов обратятся в пользу коллективистов и будут иметь результатом ускорение возвращения к власти Брэтиану или, по крайней мере, его приверженцев?»

– «Что мне с этим делать», – ответил он мне, – «если наши оказываются столь нетерпеливыми принять моё наследство? Они не понимают, что, отбирая у меня его заживо, они его готовят не себе, а другим. Теперь они хотят заставить меня расстаться с Вернеску. Но я очень хорошо понимаю, что им нас уничтожить зараз обоих неудобно, и вот почему они хотят сначала съесть Вернеску, чтобы потом съесть и меня самого. Но я с Вернеску ни за что не расстанусь и ни на какие компромиссы не пойду. Если это им не нравится, пусть выходят из Министерства, или выйду я. Впрочем», – прибавил он, – «все эти интриги ведутся свыше» (он намекал на короля). «И я вполне решился выяснить мое положение. Я потребую декрета о немедленном распущении палат; пусть король выбирает между мною и моими, расходящимися со мною во мнениях, коллегами».

Говоря это, Катарджиу казался совершенно спокойным. Видно было, что он не сделает никаких уступок и бесповоротно решился либо добиться того, что он считает для себя необходимым, либо выйти в отставку. Из разговора этого я понял, что все ходящие по городу слухи о каком-то соглашении между председателем совета и его коллегами и о каких-то частных изменениях в составе Министерства, построенных на удалении Вернеску и вступлении в кабинет новых элементов, лишены всякого основания.

– «Не слишком ли мало у Вас солдат в Вашем лагере?», заметил я ему.

– «На этот счет не беспокойтесь, господин министр», – с улыбкой отвечал мне старый политик, – «лишь бы был у меня в руках декрет о распущении, и тогда Вы увидите, сколько у меня окажется солдат. Впрочем», – прибавил он, – «требуя декрет о немедленном распущении, я вовсе не намерен им тотчас же воспользоваться. С декретом распущения в кармане, я справлюсь и с этой Камерой. Мне необходимо обеспечить себя со стороны короля, дабы положить конец тем интригам, которые меня окружают».

Старый Ласкэр очень хорошо знает своих витиеватых, легкомысленных соотечественников с их искусственными выборами и бесхарактерными палатами, которых большинство всегда готово преклоняться перед властью, если только власть эта представляет все залоги прочности. Они, как маленькие дети в школе, будут всегда сидеть

смирно, если у учителя в руках розга, которую для них вполне олицетворяет декрет о распущении. Вот что составляет силу короля.

Из дальнейшего нашего всё более и более интимного разговора выяснилось, что Ласкэру Катарджиу вполне известно о тех разговорах, которые, по доходившим своевременно и до меня слухам, происходили, якобы, в Вене во время последнего пребывания там короля между Его Величеством и графом Кальноки[2].

Ему известно, что, желая успокоить венское правительство относительно призыва ко власти катарджистского кабинета, король, будто бы, уверял графа Кальноки, что пребывание у власти Катарджиу есть лишь временное неизбежное зло, что он был вынужден поручить ему составление кабинета по причине внутренних политических обстоятельств, но что он его окончательно дискредитирует и даст износиться у власти и ему, и его партии, и затем не замедлит возвратить её враждебным коллективистам, которых испытанное направление представляет в смысле венского кабинета все необходимые гарантии.

Я спросил Л. Катарджиу, не ручался ли при этом король графу Кальноки, что, какие бы здесь не сменялись кабинеты, правительство его, во всяком случае, останется верно тем обязательствам, которые приняло оно на себя в 1883 году перед Австрией и Германией.

На это мне Ласкэр Катарджиу отвечал, что король совершенно скрыл от него существование каких бы то ни было обязательств, если таковые действительно существуют.

– «Изъявляя согласие на составление кабинета по просьбе короля», – сказал он мне, – «я тогда просил его сказать мне категорически, не имеет ли он каких-либо обязательств, заранее связывающих его в вопросах внешней политики, и король мне отвечал, что он никаких формальных обязательств не имеет и что руки его свободны. (Il m'a répondu: «Je n'ai aucuns engagements formels et j'ai les mains libres»).

Со своей стороны, я весьма склонен верить чистосердечности Ласкэра Катарджиу[3] в этом отношении. Весьма вероятно, что король скрыл от него о существовании каких-либо ранее принятых им на себя обязательств в области внешней политики. Об этом свидетельствуют те публичные заявления, которые были сделаны в Камерах прошлою весною Ласкэром Катарджиу по поводу его политической программы. Впрочем, как я имел уже случай это высказать ранее, я весьма склонен думать, что, действительно, о формальном вступлении Румынии в состав так называемой Среднеевропейской Лиги Мира, едва ли существуют какие-либо письменные документы. По всей вероятности, как в 1883 году, так и позже, все переговоры по сему предмету происходили словесно. В 1883 году представителем Румынии в Австрии был господин Карп, которому приписывают заключение формальной конвенции. Весьма вероятно, что с тех пор Румынией по отношению к Австрии и Германии были приняты самые положительные и, вероятно, подробно исчисленные и оговоренные

обязательства. Но едва ли всё это было облечено в форму официального международного акта. Существование такового акта вполне заменялось всеми подробностями образа действий румынского правительства: постройкой укреплений и военными реформами под германо-австрийским контролем, разными льготами, предоставляемыми Румынией австрийскому дунайскому Ллойду и австро-венгерским железным дорогам, неявным, но деятельным участием представителей Германии и Австрии во внутренних делах королевства, полным подчинением всех подробностей внешней политики Румынии советам из Берлина и Вены и прочее. Гарантии же того, что правительство Румынии останется верным принятым им на себя, вероятно, словесным обязательствам, Вена и Берлин находили достаточные – в личном их доверии к королю Карлу и его министрам. В письменном договоре не было и надобности. Вот чем и объясняется тот переполох, который произвело прошлой весной в Вене и Берлине известие о призвании к власти Ласкэра Катарджиу, и то успокоение, которое вслед за тем последовало после личных объяснений короля.

С истинным почтением и неизменной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 633, Листы 269-276 об.

---

[1] Через два дня после означенного разговора Ласкэр Катарджиу подал в отставку, и было сформировано новое правительство во главе с генералом Джордже Ману. В правящий кабинет вошли Александру Лаховари, Менелас Германи, Теодор Росетти, генерал Матей Влэдеску, Григоре Пэуческу и Александру Маргиломан.

[2] В июне 1889 г. румынский монарх присутствовал в Зигмарингене на свадьбе Вильгельма Гогенцоллерн-Зигмарингена, сына своего брата Леопольда. По пути в Германию он остановился на один день в Вене, где встретился также и с императором Францем Иосифом I. См.: *Carol I al României. Jurnal.* Vol. II. 1888-1892 / Ed. V. Docea. Iaşi, 2014. P. 117.

[3] В действительности к тому моменту Ласкэр Катарджиу ещё не знал о существовании договора, подписанного Румынией с Германией и Австро-Венгрией в 1883г. О существовании этого документа он узнал лишь в 1892 г., в связи с его продлением.

Bucureşti, 1 noiembrie 1889, nr. 43. Hitrovo către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Consider de datoria mea să transmit Excelenţei Voastre conţinutul unei conversaţii lungi şi foarte deschise, pe care tocmai am avut-o cu Lascăr Catargiu, care m-a vizitat astăzi.

El s-a întors de la ţară abia acum câteva zile, şi aceasta a fost prima noastră întâlnire de după revenirea sa. Această întâlnire prezintă un interes

deosebit, având în vedere circumstanțele politice actuale de aici și ținând cont de criza anticipată de toată lumea[1].

Conversația noastră, care a avut de la bun început un caracter de deplină intimitate, s-a referit în mod firesc la evenimentele curente.

„Nu aveți oare temerea – i-am spus eu domnului Catargiu – că toate aceste intrigi și disensiuni din sânul partidului domniei voastre se vor întoarce, până la urmă, în favoarea colectiviștilor și vor avea ca rezultat grăbirea revenirii la putere a lui Brătianu sau, cel puțin, a partizanilor săi?"

„Ce pot să fac în această privință" – mi-a răspuns el –, „dacă ai noștri se dovedesc atât de nerăbdători să ia în primire moștenirea mea? Ei nu înțeleg că, deposedându-mă de viu de această moștenire, o pregătesc nu pentru ei, ci pentru alții. Acum ei vor să mă forțeze să mă despart de Vernescu. Însă eu înțeleg foarte bine că lor nu le este comod să ne distrugă deodată pe ambii, și iată de ce ei vor mai întâi să îl mănânce pe Vernescu, ca după aceea să mă mănânce și pe mine însumi. Dar eu nu mă voi despărți nici într-un chip de Vernescu și nu voi accepta nici un fel de compromisuri. Dacă nu le place acest lucru, sunt liberi să iasă din guvern, sau voi ieși eu. De altfel" – a adăugat el –, „toate aceste intrigi provin de sus" (el făcea aluzie la rege). „Și eu am hotărât definitiv să îmi clarific situația. Eu voi cere un decret de dizolvare imediată a Camerelor; să aleagă regele între mine și colegii mei care au opinii diferite față de ale mele".

Spunând aceste lucruri, Catargiu părea de un calm perfect. Era evident că el nu va face nici o cedare și că s-a hotărât în mod irevocabil fie să atingă acel scop pe care îl consideră necesar pentru sine, fie să își dea demisia. Din această conversație, am înțeles că toate zvonurile care circulă prin oraș privind un oarecare acord dintre președintele Consiliului și colegii săi și privind niște presupuse schimbări individuale în componența Guvernului, care s-ar baza pe îndepărtarea lui Vernescu și pe intrarea în Cabinet a unor elemente noi sunt lipsite de orice temei.

„Nu aveți oare prea puțini soldați în tabăra domniei voastre?", i-am replicat eu.

„Nu vă faceți griji în această privință, domnule ministru", mi-a răspuns zâmbind bătrânul politician. „De aș avea doar în mână decretul de dizolvare, și atunci veți vedea câți soldați voi avea de partea mea. De altfel" – a adăugat el –, „cerând decretul de dizolvare imediată a Camerelor, eu nu am de gând deloc să mă folosesc de el în aceeași clipă. Cu decretul de dizolvare în buzunar, eu mă voi descurca și cu această Cameră. Eu am nevoie să primesc asigurări din partea regelui, pentru a pune capăt acelor intrigi care mă înconjoară".

Bătrânul Lascăr își cunoaște foarte bine compatrioții iubitori de discursuri sofisticate și frivoli, cu alegerile lor artificiale și Camerele lipsite de caracter, a căror majoritate este întotdeauna pregătită să se încline în fața puterii, cu singura condiție ca această putere să prezinte toate garanțiile de trăinicie. Ei, ca niște copii mici la școală, vor sta mereu în poziție de drepți, dacă profesorul va avea în mână o nuia, pe care o întruchipează pentru ei în mare măsură decretul de dizolvare. Iată ce constituie de fapt puterea regelui.

Din conversația noastră de mai departe, din ce în ce mai deschisă, a devenit evident că Lascăr Catargiu este destul de informat cu privire la acele convorbiri, care, conform unor zvonuri care au ajuns şi până la mine la timpul lor, ar fi avut loc, chipurile, la Viena între Majestatea Sa şi contele Kálnoky în timpul ultimei aflări a regelui acolo[2].

El cunoaşte faptul că, dorind să calmeze Guvernul vienez în privința chemării la putere a cabinetului condus de Catargiu, regele l-ar fi asigurat, se pare, pe contele Kálnoky că prezența la guvernare a lui Catargiu este doar un rău temporar şi inevitabil, că el a fost nevoit să îi încredințeze formarea cabinetului din cauza circumstanțelor politice interne, dar că el îl va discredita în mod definitiv şi îi va permite să se erodeze la putere atât lui Catargiu, cât şi partidului său, şi apoi nu va întârzia să o înapoieze partidului ostil al colectiviştilor, direcția politică verificată a acestora asigurând toate garanțiile necesare în sensul cerut de Cabinetul vienez.

Eu l-am întrebat pe L. Catargiu dacă nu cumva regele l-a asigurat în mod oficial pe contele Kálnoky, cu această ocazie, că, indiferent de schimbările de cabinet de aici, guvernul său va rămâne oricum fidel acelor angajamente pe care şi le-a asumat în 1883 în fața Austriei şi Germaniei.

Lascăr Catargiu mi-a răspuns la această întrebare că regele i-a ascuns cu totul existența unor astfel de angajamente, în orice formă, dacă acestea într-adevăr există.

„Atunci când mi-am exprimat acordul de a forma cabinetul la rugămintea regelui" – mi-a spus el –, „eu l-am rugat să îmi spună în mod clar dacă nu are cumva Majestatea Sa vreo obligație care i-ar fi limitat mai devreme libertatea de acțiune în chestiunile de politică externă, şi regele mi-a răspuns că el nu are nici un fel de angajamente formale şi că are mâinile libere". (Il m'a répondu: „Je n'ai aucuns engagements formels et j'ai les mains libres".)

Din partea mea, eu sunt destul de dispus să dau crezare sincerității lui Lascăr Catargiu[3] în această privință. Este destul de probabil că regele nu i-a destăinuit existența vreunei obligații pe care şi-ar fi asumat-o mai devreme în domeniul politicii externe. Despre acest lucru mărturisesc acele declarații publice făcute în plenul Camerelor primăvara trecută de Lascăr Catargiu, în legătură cu programul său politic. În afară de aceasta, aşa cum am avut deja ocazia să afirm mai devreme, înclin destul de mult să cred că, într-adevăr, abia dacă există vreun document scris referitor la intrarea formală a României în componența aşa-numitei Ligi Central Europene a Păcii. După toată probabilitatea, atât în 1883, cât şi mai târziu, toate negocierile privitoare la această chestiune aveau loc în formă verbală. În 1883, reprezentantul României în Austria era domnul Carp, căruia i se atribuie încheierea unei convenții formale. Este destul de probabil că, de atunci, România şi-a asumat angajamente foarte clare şi concrete față de Austria şi Germania, care au fost, probabil, enumerate şi stipulate în mod detaliat. Dar este greu de crezut că toate acestea au fost consfințite în forma unui act oficial internațional. Existența unui astfel de act era înlocuită, în deplină măsură, de toate detaliile concrete ale modului de acțiune a

Guvernului român, inclusiv de: construirea fortificaţiilor şi reformele militare sub control germano-austriac, diverse înlesniri acordate de România companiei austriece dunărene Lloyd şi căilor ferate austro-ungare, participarea şi influenţa camuflată, dar activă a reprezentanţilor Germaniei şi Austriei asupra afacerilor interne ale Regatului, precum şi supunerea completă a tuturor detaliilor politicii externe a României faţă de sfaturile venite din Berlin şi Viena, şi aşa mai departe. Viena şi Berlinul aveau însă siguranţa unor garanţii suficiente ale faptului că Guvernul României va rămâne fidel angajamentelor verbale pe care, probabil, şi le-a asumat, găsindu-le în încrederea lor personală faţă de regele Carol şi miniştrii săi. Nici nu era nevoie de un tratat scris. Iată cum se şi explică acea agitaţie, pe care a produs-o primăvara trecută la Viena şi Berlin, vestea despre chemarea la putere a lui Lascăr Catargiu, precum şi acel efect de calmare a spiritelor care a urmat după aceea în urma explicaţiilor oferite personal de rege.

Cu sinceră consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 633, filele 269-276 verso.

---

[1] La câteva zile după această discuţie, Lascăr Catargiu şi-a dat demisia, formându-se un nou guvern condus de generalul George Manu. Din noul guvern mai făceau parte Alexandru Lahovari, Menelas Ghermani, Theodor Rosetti, generalul Matei Vlădescu, Grigore Păucescu şi Alexandru Marghiloman.

[2] În iunie 1889, suveranul român a fost prezent la nunta lui Wilhelm de Hohenzollern-Sigmaringen, fiul principelui Leopold, fratele regelui Carol I, oficiată la Sigmaringen. În drum spre Germania a rămas pentru o zi la Viena, unde a avut o întrevedere şi cu împăratul Franz Josef: *Carol I al României. Jurnal*, volumul al II-lea, *1888-1892*, stabilirea textului, traducere din limba germană, cuvânt înainte şi note de Vasile Docea, Iaşi, 2014 (în continuare: *Carol I al României. Jurnal*), p. 117.

[3] Într-adevăr, la acel moment Lascăr Catargiu nu ştia de existenţa tratatului încheiat de România cu Austro-Ungaria şi Germania în 1883. Avea să afle însă în 1892, cu ocazia reînnoirii acestuia.

23

Бухарест, 14 апреля 1890, № 8. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н.К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Проявляющееся во всех действиях румынского правительства стремление занять несоответствующее действительному могуществу королевства положение побудило румын с особым нескрываемым чувством ревности смотреть на Дунай, свободные воды коего не подлежат их исключительному контролю.

Не может быть сомнения в том, что если бы Дунай даже и находился в полном подчинении румын, они не оказались бы в состоянии ни с экономической, ни с чисто финансовой точки зрения, воспользоваться выгодами такого положения. Между тем, указанные выше стремления проявляются всё с большею настойчивостью. Румынское правительство не перестаёт изобретать новые стеснительные [меры] для плавающих по Дунаю и имеющих на румынском берегу пристани пароходных компаний. Требования[1] о записи иностранных пароходных фирм в румынские трибуналы, постановление о внесении обязательного денежного залога для всякой иностранной компании, могущей образоваться в будущем для плавания по Дунаю; правила об устройстве бечевника, ввиду чего румынам приходится уступить часть принадлежащей агентствам обществ земли и, наконец, взыскание пятипроцентного налога с получаемого агентами содержания, достаточно подтверждают указанные мною выше сего намерения румынского правительства.

Между тем румыны сознают, что одного преследования иностранных компаний недостаточно для преобладания на нижнем Дунае, и что необходимо и создание национального румынского торгового флота. По этому вопросу здесь давно существуют грандиозные предположения, и едва ли одна сессия палат проходила без того, чтобы сенаторы, депутаты и министры не пользовались этим вопросом, дабы высказать с высоты трибуны целый поток столь же пустых и бессодержательных по существу, сколько блестящих по форме патриотических фраз. То же повторилось и в нынешнюю сессию. Сенатор Аурелиан, указав на усилия прилагаемые Россией, Австрией и даже Сербией к увеличению своих интересов на Дунае, упомянув о том, что, по слухам, и Болгария намерена будто бы выработать в ближайшем будущем проект национальной пароходной компании, высказал, что настало время и для Румынии серьёзно заняться осуществлением подобного же предприятия, тем более, что румыны не должны забывать выдержанной ими на Лондонской конференции[2] борьбы для защиты своих прав на этом водном пути. Министр публичных работ, вполне соглашаясь со взглядами господина Аурелиана, объяснил, что в недалёком будущем румынские железные дороги привлекут к себе всю массу грузов этой части Европы. Создание румынского флота явится тогда настоятельной потребностью. Правительство вполне сознаёт это и лишь колеблется между тем предположением, чтобы создать собственными усилиями торговый флот или предоставить подобную концессию какому либо предпринимателю. Министр предполагал, что это второе предположение является более удобным для значительно обременённого предприятиями коммерческого характера. Созданный этим способом флот не должен ограничиться одним речным судоходством, а имеет предпринимать рейсы и за границу – в Антверпен и Марсель. Господин Маргиломан прибавил, что правительство готово дать необходимую для

этого дела субсидию, что оно будет ожидать соответствующих предложений, и в случае, если таковых не окажется, само испросит необходимые кредиты у палат.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Высокопревосходительства, считаю долгом присовокупить, что по дошедшим до меня слухам, в Бухарест приезжал, основываясь на изложенном выше заявлении министра публичных работ, агент одной серьёзной бельгийско-голландской пароходной компании с намерением заняться разработкой вопроса об учреждении, при содействии румынского правительства, румынского пароходства. Агент этот, впрочем, пробыл здесь весьма короткое время и, убедившись в полной неподготовленности румын и несостоятельности заявлений румынского правительства в вопросе столь серьёзном и трудном как создание национального пароходства, выехал обратно.

С истинным почтением и совершенною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 636, Листы 32-35.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Эти требования возникли вследствие принятия нового Торгового кодекса. Российская миссия в Бухаресте интересовалась этими предписаниями, поскольку в Румынии действовало российское акционерное общество «Черноморско-Дунайское пароходство», которое совершало регулярные рейсы в Одессу.

[2] На всём протяжении 80-х гг. проходили оживлённые дискуссии по поводу создания в Румынии национальной судоходной компании. Наконец, в 1890 г. были заложены основы общества «Румынская речная навигация» (NFR), а в 1895 г. была создана «Румынская морская служба» (SMR). 14 августа 1895 г. состоялся первый рейс по маршруту Брэила–Стамбул, а в сентябре того же года официально открылась перевозка пассажиров на принадлежащей румынскому государству линии Констанца–Стамбул.

Bucureşti, 14 aprilie 1890, nr. 8. Hitrovo către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Aspiraţiile de a ocupa un loc care nu corespunde puterii reale a Regatului, care transpar din toate acţiunile Guvernului român, i-au făcut pe români să se uite cu un sentiment de gelozie făţişă deosebită înspre Dunăre, ale cărei ape libere nu intră sub controlul lor exclusiv.

Nu poate exista nici o îndoială că, chiar dacă Dunărea s-ar afla sub autoritatea deplină a românilor, ei nu ar fi în stare, nici din punct de vedere economic, nici financiar, să profite de avantajele unei astfel de situaţii. Totuşi,

aspirațiile amintite mai sus revin cu o insistență tot mai puternică. Guvernul român nu încetează în a inventa noi reglementări deranjante pentru companiile care navighează pe Dunăre şi ancorează în porturile de pe malul românesc. Solicitările[1] adresate firmelor străine proprietare de vapoare de a se înregistra la tribunale româneşti, decizia de introducere a unei garanții financiare obligatorii pentru orice companie străină aflată în proces de constituire şi având ca scop desfăşurarea de activități comerciale pe Dunăre; regulile privind amenajarea edecului, din care cauză românii sunt obligați să cedeze o parte din teren către agenții şi, în sfârşit, încasarea unui impozit de cinci la sută din soldele reprezentanților acestor companii, toate acestea confirmă cât se poate de clar intențiile Guvernului român invocate de mine mai sus.

Totuşi, românii conştientizează faptul că doar simpla persecutare a companiilor străine nu este suficientă pentru a-şi asigura controlul la Dunărea de Jos şi că se impune crearea unei societăți de navigație naționale româneşti. În acest sens, aici există de mai mult timp propuneri ambițioase. Nu au existat aproape deloc şedințe ale Parlamentului pe care senatorii, deputații şi miniştrii să nu le folosească pentru a lăsa să curgă de la înălțimea tribunei un torent de fraze patriotice, pe cât de goale şi lipsite de conținut, pe atât de splendide ca formă. Acest lucru s-a repetat şi în sesiunea actuală. Senatorul Aurelian, aducând ca argument eforturile Rusiei, Austriei şi chiar Serbiei pentru protejarea intereselor lor la Dunăre şi amintind de zvonurile că şi Bulgaria are în vedere constituirea unei societăți de navigație naționale, a susținut că a venit timpul şi pentru România să se preocupe la modul serios de o astfel de inițiativă, cu atât mai mult cu cât românii nu trebuie să uite de drepturile ce li se cuvin aici, apărate cu multă insistență la Conferința de la Londra[2]. Ministrul Lucrărilor Publice, fiind întru totul de acord cu opiniile domnului Aurelian, a explicat că în viitorul apropiat Căile Ferate Române vor atrage tot volumul de mărfuri din această parte a Europei. Crearea societății româneşti de navigație va fi atunci o prioritate națională. Guvernul este conştient de acest lucru şi oscilează doar între propunerea de a crea prin eforturi proprii o flotă comercială sau de a oferi o astfel de concesiune unui întreprinzător. Ministrul considera că cea de-a doua variantă este mai convenabilă pentru guvern, care este deja împovărat cu multe alte inițiative cu caracter comercial. O societate de navigație creată în acest mod nu ar trebui să se rezume doar la comerțul naval fluvial, ci să aibă curse şi în străinătate, la Antwerpen şi Marseille. Domnul Marghiloman a adăugat că guvernul este pregătit să acorde o subvenție pentru aceasta şi că el va aştepta oferte în acest sens, iar în cazul în care ofertele vor lipsi, va solicita aprobarea unor credite de către Parlament.

Aducând toate acestea la cunoştința Excelenței Voastre, consider de datoria mea de a mai spune că, potrivit zvonurilor care au ajuns la mine, în Bucureşti s-a aflat în vizită, ca urmare a declarațiilor ministrului Lucrărilor Publice, reprezentantul unei companii navale serioase belgiano-olandeze, cu intenția de a crea, cu concursul Guvernului român, o societate de navigație românească. Şederea acestui reprezentant aici a fost însă de scurtă durată. După

ce s-a convins de faptul că românii nu sunt deloc pregătiți și că declarațiile Guvernului român într-o chestiune atât de serioasă și dificilă, cum este crearea unei societăți de navigație naționale, sunt neîntemeiate, a plecat.

Cu sinceră considerație și devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 636, filele 32-35.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Aceste solicitări au apărut ca urmare a adoptării unui nou Cod Comercial. Legația Rusiei de la Bucureşti era interesată de aceste prevederi, deoarece în România opera societatea rusă pe acțiuni „Черноморско-Дунайское пароходство", care efectua curse regulate spre Odesa.

[2] Pe parcursul anilor 1880, au existat numeroase discuții privitoare la înființarea unei societăți de navigație națională. În cele din urmă, în 1890, s-au pus bazele Navigației Fluviale Române, iar în 1895 a luat ființă Serviciul Maritim Român. La 14 august 1895, a avut loc prima călătorie pe direcția Brăila–Istanbul, iar în septembrie acelaşi an s-a inaugurat prima cursă oficială de călători care aparținea unei instituții de stat româneşti, linia Constanța–Istanbul.

24

Бухарест, 14 апреля 1890, № 11. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Известие об отставке князя Бисмарка[1] произвело здесь на первых порах потрясающее впечатление, в особенности в сферах правительственных. Действительно, официальная Румыния так давно привыкла жить, или по крайней мере думать и верить, что она живёт под диктовку из Берлина. Весь строй политического миросозерцания большинства здешних политиканов столько лет слагался исключительно на действительных или мнимых, ими самими измышляемых видах и целях германского государственного канцлера. И вдруг этот маяк, эта путеводная звезда исчезает, и они оказываются в потёмках перед полною неизвестностью. Что будет дальше? Вот вопрос, который как-то вдруг изобразился здесь на всех лицах. Чувство какой-то болезненной неизвестности, внезапно заменившее собою что-то уже определённое и обычное, вот что на первых порах, казалось, выделялось здесь из всех проявлений общественной жизни, смутно слышалось во всех разговорах и отзывалось во всех разглагольствованиях местной прессы[2].

Известие об отставке князя Бисмарка близко совпало с обычным ежегодным парадным обедом во дворце в честь дипломатического корпуса. Обед этот состоялся через несколько дней после получения здесь

этого известия, когда впечатление было совершенно свежее. На обеде по обыкновению присутствовали весь дипломатический корпус с дамами, румынские министры и высшие сановники с жёнами и свиты короля и королевы[3]. Нельзя было не заметить какой-то необычной озабоченности на лицах всех присутствующих. Заметна была какая-то неловкость, натянутость; разговоры как-то не клеились. Даже королева, которая живёт обыкновенно так далеко от мира сего, постоянно витая в области воображения и поэзии, в этот день казалась более обыкновенного сосредоточенной. Она очень долго и оживлённо разговаривала после обеда наедине с германским посланником, и на этот раз едва ли о стихах. Король тоже после обеда, поговорив с каждым из нас, вступил с германским посланником в уединённую беседу, которая обратила всеобщее внимание своей необыкновенной продолжительностью. Лица короля и господина Бюлова казались озабоченными[4]; они, очевидно, говорили о берлинских событиях.

В разговоре со мною, не представлявшем, впрочем, ничего особенно знаменательного, король тоже коснулся отставки князя Бисмарка. Разговор шёл более о самой личности Бисмарка, об умении его обворожить своего собеседника, о его пресловутой железной воле и замечательной практичности при обсуждении всякого вопроса. В конце нашего разговора у короля как бы вырвалось невольно несколько слов, ясно указывающих на единственную озабочивающую его мысль. «Да, сказал он, нет сомнения, что это огромное мировое событие. Человек этот 25 лет стоял во главе всей европейской политики».

Надо заметить, что король Карл, как известно, никогда не любил князя Бисмарка и, как говорят, сам никогда не пользовался особенным расположением германского канцлера. Князь Бисмарк, говорят, относился к нему с некоторым пренебрежением, и король Карл это знал и в глубине оскорблённой души не мог простить этого пренебрежения. Но, умея тщательно скрывать это чувство, на практике привык вполне подчиняться приказаниям из Берлина и вместе с тем умел очень ловко пользоваться видимыми отношениями своими к Берлину для достижения своих личных целей.

Вокруг имён таких личностей, какою является личность Бисмарка, всегда слагаются целые легенды, и личности эти, заправляющие мировыми событиями, в то же самое время служат, в свою очередь, орудиями тех, кто умеет пользоваться, для собственных интересов, этими сложившимися вокруг имён их легендами.

Нет сомнения, что король Карл умел весьма ловко пользоваться именем князя Бисмарка и действительно ли ему принадлежавшими или ему приписываемыми видами и целями для достижения своих собственных личных целей, как в обиходных событиях румынской конституционной жизни, так и в своих затаённых личных честолюбивых видах на будущее.

В Румынии создалась целая плеяда политических деятелей, совершенно ослеплённых величием Германии и преисполненных слепой веры в несокрушимость и всемогущество германской политики. Во главе этих фанатиков германского влияния стоят разные Димитрии Стурдзы, Карпы и пр. Эти румынские политиканы создали целую политическую теорию, основанную на якобы непримиримом антагонизме Германии с Россией, который будто бы олицетворялся в лице князя Бисмарка. В силу этой теории, по мнению её авторов, Румыния, совершенно связав судьбы свои с интересами среднеевропейской лиги, должна была приобрести в близком будущем то первенствующее значение на нижнем Дунае и на Балканском полуострове, которое никогда не предоставила бы ей Россия. Теории эти, усиленно и деятельно распространяемые всеми правдами и неправдами и подогреваемые чувствами народного честолюбия, стали мало-помалу проникать в более глубокие слои румынского общества, и там, рядом с прирождённою ненавистью к немцам, в народных массах неискоренимою, начинают уже возникать сомнения в том, не лучше ли действительно идти слепо за Германией, Австрией и Италией и через них искать осуществления румынских национальных идеалов. В глазах всех этих уже убеждённых и ещё усердно убеждаемых приверженцев германской политики король Карл является её ближайшим выражением. Всех их он сумел уверить в том, что именно он посвящён во все тайны основательно или безосновательно приписываемых князю Бисмарку мировых политических замыслов. В силу этого убеждения, король Карл всегда успевал достигать весьма существенных результатов своей личной политики среди страстной разнузданности вечно окружающей его партийной борьбы на жгучей почве самого безобразного конституционного режима.

И в этом отношении за последний год немаловажные услуги оказал королю Карлу новый здешний германский посланник господин Бюлов. Этот ещё очень молодой дипломат, говорят, любимец князя Бисмарка и друг его сына графа Герберта, сделавший замечательно быструю карьеру, с самого своего сюда приезда принял положение в высшей степени очерченное и крайне тенденциозное. Желая во чтобы то ни стало и как можно скорее играть первенствующую роль, он с легкомыслием, в известной степени оправдываемым его молодостью, слишком поспешил окружить себя элементами лишь одного исключительного направления, именно больными русофобией господами Димитрием Стурдзой, Карпом, жунимистами и их многочисленными убеждёнными и не убеждёнными последователями, верующими не в то, что они действительно видят, а в то, что, по мнению их, может нравиться их корифеям. С другой стороны, господин Бюлов тотчас же подпал под влияние здешнего закулисно-политизирующего немецкого кружка, душою которого является доктор Кремниц[5] и в особенности его жена[6], литературная сотрудница королевы[7].

Кремницы – немцы либерал-национального пошиба, но, как вообще все немцы, обжившиеся на Востоке, фанатические приверженцы пресловутого «Drang nach Osten» и, следовательно, двояко убеждённые враги России. С Кремницами Бюлов считал нужным сблизиться для сближения с королевой, чего он, впрочем, и достиг. С другой стороны, господин Бюлов с особенною аффектациею старался всюду, где возможно, поддерживать солидарность германских интересов с австрийскими и единство политических видов этих двух держав. Господин Бюлов и австрийский посланник граф Голуховский сделались неразлучными, и эта постоянная выставка в публике аффектированно интимных отношений оказывалась как нельзя более сподручной и полезной, в особенности последнему. Вследствие же этой интимности равным образом облепило господина Бюлова всё, что есть в бухарестском финансовом и общественном мире австрийско-жидовского. Все эти элементы не замедлили создать вокруг юного германского посланника непроницаемою атмосферу, совершенно отрезавшую его от соприкосновения со всеми другими элементами, из которых он мог бы почерпать более беспристрастные и менее односторонние сведения.

Обуреваемый нетерпеливым честолюбием, черпающий сведения лишь из одного источника, подстрекаемый окружающей его средой, и при этом, вероятно, рассчитывавший на своё личное положение в Берлине, юный германский посланник относился к событиям здешней внутренней политической жизни и к борьбе политических партий со страстностью, далеко не подобающей характеру дипломатического деятеля. Он заодно с австрийским посланником громко порицал деяния вождей и приверженцев той или другой партии, громко предсказывал торжество одних или падение других, не скрывая ни своей радости, ни своей досады по поводу событий из чисто внутренней жизни страны. Разные Карпы, Стурдзы и пр. эксплуатировали его страстность, комментируя и иногда, быть может, переиначивая его выражения для улавливания и переманивания приверженцев из одной партии в другую и для других своих партийных нужд. Таким образом, в силу своего рьяного усердия, господин Бюлов, сам того не замечая, часто превращался в орудие тех румынских политических деятелей, которых он мнил руководить и распространителем разных политических уток и всевозможных измышлений, которые они выпускали под его фирмою. В конце концов, надо думать, оказывалось, что господин Бюлов не столько упрочивал влияние Берлина на здешние правительственные и некоторые другие политические сферы, сколько сферы эти через него тяготели на мнения Берлина, куда факты представлялись в том именно виде, какой им был желателен. Король со свойственным ему тактом и хладнокровною сдержанностью умел очень ловко пользоваться заносчивой деятельностью молодого германского посланника, предоставляя ему высказываться там, где он считал опасным высказываться самому. Нет ничего мудреного, если в увлечениях этой

деятельности господин Бюлов мог высказываться перед некоторыми из здешних деятелей в смысле, быть может, далеко опережающем виды и мнения его собственного правительства. В этом, быть может, разгадка того потрясающего впечатления по поводу отставки князя Бисмарка, которое высказывалось на лицах короля и германского посланника[8] во время длинного разговора их на вышеописанном придворном обеде.

Господин Бюлов теряет в Бисмарке могущественного покровителя, которого он успел приобрести доверие своим прошедшим и при котором он находил сильную поддержку в дружественных сношениях своих с Гербертом Бисмарком. Он в неизвестности о том, будет ли одобрен его образ действий при тех ещё загадочных новых порядках, которые ныне водворяются на оставленном Бисмарком месте. Во всяком случае, ему придётся перед этими новыми порядками оправдывать, какими-либо аргументами, то остро определенное направление, которое он придал своей здесь деятельности.

Король с удалением с политической сцены маститого берлинского канцлера, с одной стороны, избавляется от в сущности ненавистного ему Бисмарка, но, с другой, он теряет с этим удалением то могущественное громадное политическое пугало, которое он столько лет умел в затруднительные минуты столь ловко возбуждать для достижения своих целей и видов, всегда в предумышленном хорошо обдуманном освещении, перед взорами своих государственных людей и вожаков политических партий. Чем заменит он в будущем это могущественное ныне утраченное оружие?

Интересна та перемена, которая произошла в высказываемых осторожным королём мнениях после сошествия со сцены Бисмарка, ввиду ещё не выяснившихся новых веяний из Берлина.

На этих днях, по поводу происходившего тогда примирения либералов-диссидентов с коллективистами, король призвал Михаила Когэлничану. В разговоре с ним он, между прочим, выразил порицание по отношению к партии Иона Брэтиану за изданное ею после её падения воззвание к народу, в котором коллективисты «слишком обозначили своё направление» (ils ont trop accentué leurs tendances). Мы должны, прибавил король, прежде всего, избегать возбуждения нашими действиями опасений и недоверия кого-либо из наших соседей. Подробности эти мне были переданы самим господином Когэлничану.

С истинным почтением и совершенною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 636, Листы 47-56 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] 8(20) марта 1890 г. произошла отставка Отто фон Бисмарка с поста рейхсканцлера. В качестве предлога для неё кайзер Вильгельм II использовал желание «железного канцлера» ввести исключительный закон против социал-демократов. На место Бисмарка был назначен генерал Лео фон Каприви.

[2] Бухарестские газеты либерального направления комментировали отставку германского канцлера или перепечатывали статьи из европейской прессы. В этом смысле показательны статьи: *Император Германии и князь Бисмарк* („Voinţa Naţională". 1890. 15(27) martie. P. 2); *Уход канцлера Бисмарка* (Там же. 17(29) martie. P. 2); *Князь Бисмарк* и *Отставка г-на Бисмарка* (Там же. 1890. 18(30) martie. P. 1–2); *Император Вильгельм и Бисмарк* („Românul", 1890. 1–4(13–16) apr. P. 1–2).

[3] Обед, в котором приняли участие около 60 человек, состоялся 15(27) марта 1890 г. В своём дневнике король Карл I отметил, что германский полномочный министр «был очень удручён по причине ухода Бисмарка». См.: *Carol I al României. Jurnal*, p. 168.

[4] В письме к своему брату Фрицу фон Гогенцоллерну от 31 марта (12 апреля) 1890 г. король Карл I повествует о беседе, которую он имел с германским полномочным министром в Бухаресте, Бернгардом фон Бюловом: „На последнем дипломатическом обеде я напомнил Бюлову о моём разговоре с ним, и он мне сказал, что сейчас, вследствие отставки Бисмарка, он считает положение в Берлине действительно серьёзным […] И он сожалеет о падении великого канцлера так же сильно, как и я. Уход Бисмарка не меняет ничего во внешней политике; Тройственный Союз силён более, чем когда бы то ни было, но всё же есть опасность, что малые международные конфликты теперь могли бы легко приобрести поистине тяжелые последствия по сравнению с временем, когда вмешательство железного канцлера со всем его огромным престижем устраняло любую опасность». Цит. по: Cristescu, *Carol I Corespondenţa personală*, p. 255. См. также Berindei D. *Bernhard von Bülow in Rumänien in den ersten Jahren seiner Mission in Bukarest* // *Deutsche Frage und europäisches Gleichgewicht. Festschrift für Andreas Hillgruber* // Hrsg. K. Hildebrand, R. Pommerin. Köln, 1985. S. 47f.; Fesser G. *Reichskanzler von Bülow. Architekt der deutschen Weltpolitik*, Leipzig, 2003. S. 36–39.

[5] Вильгельм Кремниц.

[6] Мите Кремниц, урождённая Мария Шарлотта фон Барделебен.

[7] См. подробно: Tartler G. *Carmen Sylva şi Mite Kremnitz între Orient şi Occident* // „Însemnări ieşene". Iaşi. Ser. 3. 2011. Nr. 10. P. 54–63; Grebing R. *Mite Kremnitz (1852–1916): eine Vermittler in der rumänischen Kultur in Deutschland*. Frankfurt a/M., 1976.

[8] В своих мемуарах Бюлов высказал некоторые суждения о румынских политических лидерах – П. Карпе, Д. Стурдзе, Таке Ионеску. Если первых двух он характеризует как порядочных людей и истинных патриотов, то Таке Ионеску, наоборот, воспринимается Бюловым как коррупировонная личность.

Bucureşti, 14 aprilie 1890, nr. 11. Hitrovo către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Vestea despre demisia principelui Bismarck[1] a produs aici, la început, o impresie puternică, mai ales în sferele guvernamentale. Într-adevăr, România oficială s-a obişnuit demult să trăiască, sau, în orice caz, să considere şi să creadă că trăieşte după ordine venite de la Berlin. Toată structura viziunii

politice a majorității politicienilor de aici s-a clădit atâția ani exclusiv pe opiniile şi scopurile reale sau pretinse, inventate de aceştia, ale cancelarului de stat german. Şi iată că deodată dispare acest far, această stea călăuzitoare, iar ei se trezesc în întuneric, în fața unei necunoscute totale. Ce va urma? Iată întrebarea care s-a imprimat pe neașteptate aici pe toate chipurile. Sentimentul unei oarecare necunoscute dureroase, care a înlocuit o anumită rutină obişnuită, iată ce părea a se desprinde la început din toate manifestările vieții publice, iată ce se auzea în toate discuțiile şi se reflecta în toate perorările din presa locală[2].

Vestea despre demisia principelui Bismarck a coincis îndeaproape cu cina de gală anuală obişnuită, oferită la Palat în onoarea corpului diplomatic. Cina aceasta a avut loc la câteva zile după sosirea aici a acestei veşti, când impresia era foarte proaspătă. La cină au participat, conform uzanțelor, întregul corp diplomatic împreună cu doamnele, miniştri români, înalți demnitari împreună cu soțiile şi alaiurile regelui şi ale reginei[3]. Era imposibil să treacă neobservată o oarecare îngrijorare neobişnuită înscrisă pe chipurile tuturor celor prezenți. Se putea observa o oarecare stângăcie, tensiune; discuțiile nu se legau cumva. Chiar şi regina, care trăieşte în mod obişnuit atât de departe de lumea aceasta, rătăcind permanent în sfera imaginației şi a poeziei, părea în acea zi mai concentrată decât de obicei. După cină, ea a discutat separat, îndelung şi animat, cu trimisul german, de data aceasta mai degrabă nu despre poezie. Şi regele, discutând după cină cu fiecare dintre noi, a intrat într-o conversație intimă cu trimisul german, care a captat atenția tuturor prin durata sa neobişnuită. Pe chipul regelui şi al domnului Bülow se putea citi sentimentul îngrijorării[4]; ei discutau evident despre evenimentele berlineze.

În discuția purtată cu mine, care nu a reprezentat, de altfel, ceva deosebit, regele a atins şi chestiunea demisiei principelui Bismarck. Discuția a fost mai degrabă despre însăşi personalitatea lui Bismarck, despre capacitatea sa de a-şi încânta interlocutorul, despre voința sa de fier notorie şi simțul practic deosebit în dezbaterea oricărei chestiuni. La încheierea conversației noastre, regele a scăpat fără să vrea câteva cuvinte care trimit foarte clar la singurul gând ce îl preocupă. „Da, a spus el, nu există nici o îndoială că ne aflăm în fața unui eveniment de importanță mondială. Omul acesta s-a aflat timp de 25 ani în fruntea întregii politici europene".

Trebuie observat că regele, după cum se ştie, nu l-a iubit niciodată pe principele Bismarck şi, aşa cum se vorbeşte, nu s-a bucurat niciodată de un tratament special din partea cancelarului german. Din cele auzite, principele Bismarck îl trata cu un oarecare dispreț, iar regele ştia acest lucru şi, în adâncul sufletului rănit, nu putea ierta această desconsiderare. Totuşi, ştiind să ascundă cu grijă acest sentiment, s-a obişnuit să se supună ordinelor venite de la Berlin, iar, prin aceasta, s-a putut folosi de relațiile cu Berlinul pentru a-şi atinge scopurile personale.

În jurul numelor unor astfel de personalități, aşa cum este personalitatea lui Bismarck, s-au clădit mereu legende întregi, iar personalitățile acestea, care dirijează evenimentele la scară mondială, servesc, în acelaşi timp, ca unelte

pentru aceia care se pot folosi, în interes personal, de legendele construite în jurul acestor nume.

Nu există nici o îndoială că regele Carol s-a putut folosi mereu cu destulă dibăcie de numele lui Bismarck, de intenţiile şi scopurile adevărate sau atribuite acestuia, pentru atingerea obiectivelor personale, atât în chestiuni curente ale vieţii constituţionale româneşti, cât şi pentru realizarea în viitor a viziunilor sale personale ambiţioase ascunse.

În România s-a dezvoltat o întreagă pleiadă de oameni politici, orbiţi complet de măreţia Germaniei şi încrezători în indestructibilitatea şi atotputernicia politicii sale. În fruntea acestor fanatici ai influenţei germane se află indivizi oarecare ca Dimitrie Sturdza, Carp şi alţii. Aceşti pretinşi politicieni români au creat o întreagă teorie politică bazată pe pretinsa incompatibilitate dintre Germania şi Rusia, antagonism care ar fi fost personificat de principele Bismarck. În conformitate cu această teorie, potrivit autorilor ei, România, legându-şi soarta de interesele ligii central-europene, va trebui să obţină în viitorul apropiat întâietatea la Dunărea de Jos şi în Peninsula Balcanică, întâietate pe care Rusia nu i-ar fi oferit-o niciodată. Aceste teorii, răspândite puternic şi energic prin toate adevărurile şi neadevărurile şi stimulate de sentimente ale ambiţiei populare nesănătoase, au început să-şi facă treptat loc în straturile profunde ale societăţii româneşti, iar acolo, alături de ura naturală faţă de germani, înrădăcinată în masele populare, încep să apară deja dubii dacă nu ar fi într-adevăr mai bine să se meargă orbeşte pe urmele Germaniei, Austriei şi Italiei, iar cu ajutorul acestora să se încerce realizarea idealurilor naţionale româneşti. În ochii tuturor acestor adepţi ai politicii filogermane, deja convinşi sau încă pe cale de a fi convinşi, regele Carol reprezintă cea mai la îndemână întruchipare. Pe toţi aceştia el a reuşit să-i convingă că anume el este iniţiat în toate dedesubturile proiectelor politice mondiale atribuite cu sau fără motiv principelui Bismarck. Ca urmare a acestei convingeri, regele Carol a reuşit să obţină de fiecare dată rezultate apreciabile în politica sa personală într-un mediu dezorganizat al luptei politice, pe terenul arzător al celui mai scandalos regim constituţional.

În acest sens, în ultimul an, regelui Carol i-a oferit servicii deloc neglijabile noul trimis german de aici, domnul Bülow. Acest diplomat foarte tânăr, despre care se spune că ar fi un preferat al principelui Bismarck şi prieten cu fiul acestuia, contele Herbert, care a făcut o carieră surprinzător de rapidă, de la venirea sa aici a adoptat o atitudine foarte tranşantă şi extrem de tendenţioasă. Dorind să joace cu orice preţ şi cât mai repede un rol de frunte, el s-a grăbit prea mult, cu o uşurinţă explicabilă într-un fel prin tinereţea sa, să se înconjoare cu elemente doar dintr-o singură tabără, anume de persoane bolnave de rusofobie ca domnii Dimitrie Sturdza, Carp, junimiştii şi adepţii mai mult sau mai puţin convinşi ai acestora, care nu cred în ceea ce văd cu adevărat, ci în ceea ce le place, după părerea lor, corifeilor proprii. Pe de altă parte, domnul Bülow a intrat de îndată sub influenţa cercului german politic din culisele de aici, al cărui

suflet este doctorul Kremnitz[5] şi în special soția acestuia[6], o colaboratoare literară a reginei[7].

Soții Kremnitz sunt germani de factură liberal-națională, dar, ca toți germanii stabiliți în Est, sunt adepți fanatici ai principiului „Drang nach Osten" şi, prin urmare, de două ori inamici convinşi ai Rusiei. Bülow a considerat că trebuie să se apropie de familia Kremnitz pentru a se apropia de regină, lucru pe care l-a şi obținut de altfel. Pe de altă parte, domnul Bülow, cu o pasiune deosebită, a încercat, cu orice ocazie, acolo unde era posibil, să susțină solidaritatea intereselor germane şi austriece şi unitatea viziunilor politice ale acestor două puteri. Domnul Bülow şi trimisul austriac, contele Gołuchowski, au devenit nedespărțiți, iar această expunere permanentă în public a relațiilor strânse s-a dovedit, cum nu se poate mai bine, convenabilă şi utilă în special celui din urmă. Ca urmare a acestei intimități, domnul Bülow a fost orbit, în egală măsură, de tot ce este austriaco-jidovesc în lumea financiară şi publică a Bucureştiului. Toate aceste elemente nu au întârziat să creeze în jurul tânărului trimis german o atmosferă impenetrabilă, care l-a rupt complet de la contactul cu celelalte elemente, de unde ar fi putut culege informații mult mai corecte şi mai puțin unilaterale.

Copleşit de o ambiție nerăbdătoare, culegându-şi informațiile doar dintr-o singură sursă, provocat de mediul care îl înconjoară şi mizând în acelaşi timp pe poziția personală pe care o are probabil la Berlin, tânărul trimis german se raporta la evenimentele din viața politică internă de aici, la fel ca şi la lupta dintre partidele politice, cu o pasiune deloc adecvată caracterului unui actor diplomatic. Împreună cu trimisul austriac, el critica în public atitudinile conducătorilor sau adepților unui sau altui partid, anticipa dominarea unora sau căderea altora, fără să ascundă nici bucuria şi nici regretul în chestiuni ce țineau direct de viața politică internă a țării. Persoane de genul lui Carp, Sturdza etc. exploatau pasiunea sa, comentând, iar uneori chiar interpretând opiniile sale cu scopul de a racola şi atrage adepți dintr-un partid în altul, sau pentru alte scopuri de partid. Astfel, ca urmare a zelului său înfocat, domnul Bülow, fără să observe acest lucru, se transforma deseori în unealtă a acelor oameni politici români, pe care considera că îi conduce, şi în propagator al diferitor dezinformări politice şi invenții de tot felul, pe care aceştia le produceau în numele său. Se poate crede, în cele din urmă, că domnul Bülow nu consolida într-atâta influența Berlinului asupra sferelor guvernamentale şi a altor sfere politice de aici, pe cât aceste sfere influențau prin el pozițiile Berlinului, unde faptele erau prezentate în forma în care erau interesate acestea. Regele, cu tactul şi reținerea sa rece, putea să se folosească cu dibăcie de activitatea arogantă a tânărului trimis german, oferindu-i acestuia ocazia de a se exprima acolo unde considera că este periculos să se exprime personal. Nu este nimic deosebit în faptul că, în vâltoarea acestei activități, domnul Bülow se putea pronunța în fața unora dintre actorii politici de aici într-un sens care devansa poate cu mult viziunile şi opiniile propriului său guvern. Aici se află poate cheia înțelegerii impresiei extraordinare produse de demisia principelui Bismarck, imprimată pe chipul

regelui şi al trimisului german[8] în timpul conversației prelungite de la cina de la palat descrisă mai sus.

În persoana lui Bismarck, domnul Bülow pierde un protector puternic, a cărui încredere reuşise să o câştige prin trecutul său şi în timpul căruia a găsit o susținere puternică prin relațiile de prietenie cu Herbert Bismarck. Încă nu ştie dacă modul său de acțiune va fi agreat în condițiile unor noi reguli necunoscute, care sunt impuse acum pe locul lăsat liber de Bismarck. În orice caz, în aceste noi condiții, el va trebui să susțină, cu orice fel de argumente, direcția clar definită pe care a imprimat-o activității sale de aici.

Odată cu îndepărtarea de pe scena politică a venerabilului cancelar de la Berlin, regele scapă, pe de o parte, de un Bismarck pe care îl urăşte, iar, pe de altă parte, el pierde prin această îndepărtare de la putere o puternică şi imensă sperietoare politică, pe care o putea folosi cu dibăcie atâția ani în momente grele, pentru atingerea scopurilor şi viziunilor sale, de fiecare dată foarte bine gândite şi puse în scenă, în fața privirilor oamenilor săi de stat şi a conducătorilor partidelor politice. Cu ce va înlocui el în viitor această armă puternică pierdută acum?

Este interesantă acea schimbare care a avut loc în opiniile exprimate de atentul rege după ieşirea din scenă a lui Bismarck, în condițiile unor noi sufluri încă neclarificate de la Berlin.

Zilele acestea, cu ocazia împăcării liberalilor disidenți cu colectiviştii, regele l-a convocat pe Mihail Kogălniceanu. În discuțiile cu acesta, el a criticat, printre altele, partidul lui Ion Brătianu pentru publicarea, după căderea de la putere, a manifestului către popor, în care colectiviştii „au marcat prea clar direcția lor" (ils ont trop accentué leurs tendances). Noi ar trebui, a adăugat regele, să evităm să generăm prin acțiunile noastre temeri şi neîncrederi din partea oricăruia dintre vecini. Aceste detalii mi-au fost comunicate de însuşi domnul Kogălniceanu.

Cu sinceră considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 636, filele 47-56 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] La 8/20 martie 1890, Otto von Bismarck demisiona din funcția de cancelar. Pretextul folosit de împărat pentru a-l îndepărta a fost dorința bătrânului demnitar de a introduce o lege foarte restrictivă în ceea ce-i privea pe socialişti. În locul lui Bismarck a fost numit generalul Leo von Caprivi.

[2] Ziarele bucureştene de orientare liberală au comentat demisia cancelarului german sau au preluat articole din presa europeană. A se vedea în acest sens *Împăratul Germaniei şi Principele Bismarck* în „Voința Națională", anul VII, joi 15/27 martie 1890, p. 2; *Retragerea Principelui Bismarck*, în *Ibidem*, sâmbătă, 17/29 martie, p. 2; *Principele Bismarck* şi *Demisia d-lui de Bismarck*, în Idem, duminică 18/30 martie 1890, p. 1-2; *Împăratul Wilhelm şi Bismarck*, în „Românul", anul XXXIV, duminică, 13-miercuri, 16 aprilie (1-4 aprilie st.v.) 1890, p. 1-2.

[3] Cina la care au luat parte aproximativ 60 de persoane a avut loc pe 15/27 martie 1890. În jurnalul său, regele Carol I avea să noteze că ministrul plenipotențiar german era „foarte deprimat din cauza retragerii lui Bismarck" (*Carol I al României. Jurnal*, p. 168).

[4] Într-o scrisoare trimisă fratelui său, Fritz von Hohenzollern, la 31 martie/12 aprilie 1890, regele Carol I îi relata discuția avută cu ministrul plenipotențiar al Germaniei la București, Bernhard von Bülow: „La ultimul dineu diplomatic i-am amintit lui Bülow de convorbirea mea cu el şi i-am spus că acum, ca urmare a retragerii lui Bismarck, consider situația de la Berlin drept gravă […]. Şi el deplânge căderea marelui cancelar la fel de mult ca şi mine. Retragerea lui Bismarck nu schimbă nimic în politica externă; Tripla Alianţă este mai tare ca niciodată, doar că există temeri că micile conflicte internaționale ar putea mai uşor acum să aibă drept urmare complicații grave, față de vremea când cancelarul de fier intervenea cu marele său prestigiu şi înlătura orice pericol" (Cristescu, *Carol I Corespondența personală*, p. 255). A se vedea şi Dan Berindei, *Bernhard von Bülow in Rumänien in den ersten Jahren seiner Mission in Bukarest*, în *Deutsche Frage undeuropäisches Gleichgewicht. Festschrift für Andreas Hillgruber*, hrsg. Von Von Klaus Hildebrand und Reiner Pommerin, Köln, 1985, p. 47 şi urm.; Gerd Fesser, *Reichskanzler von Bülow. Architekt der deutschen Weltpolitik*, Leipzig, 2003, p. 36-39.

[5] Wilhelm Kremnitz.

[6] Mite Kremnitz, născută Marie Charlotte von Bardeleben.

[7] Pe larg: Grete Tartler, *Carmen Sylva şi Mite Kremnitz între Orient şi Occident*, în „Însemnări ieşene" (Iaşi), seria a treia, an III, nr. 10, octombrie 2011, p. 54-63; Renate Grebing, *Mite Kremnitz (1852-1916): eine Vermittler in der rumänischen Kultur in Deutschland*, Frankfurt am Main, 1976.

[8] În memoriile sale Bülow a lăsat câteva aprecieri asupra liderilor politici români P.P. Carp, D.A. Sturdza, Take Ionescu. Dacă pe primii doi îi considera oameni de onoare şi buni patrioți, în schimb Take Ionescu era perceput ca fiind coruptibil.

25

Бухарест, 25 июля 1890 г., № 31. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Королева Елизавета выехала за границу 17го июля. По установившемуся здесь обычаю, дипломатический корпус обыкновенно отправляется на станцию провожать короля и королеву при их отъездах за пределы страны. Поэтому ко дню отъезда королевы я отправился в Синаю. Но в самый день отъезда Её Величества, утром министр иностранных дел сообщил мне, что Королева чувствует себя чрезвычайно утомлённой и поручила ему просить дипломатический корпус её не провожать и передать нам выражения её признательности.

Действительно, здоровье королевы, уже давно крайне расстроенное, за последнее время значительно ухудшилось[1]. Королева страдает подагрой желудка и не может принимать почти никакой пищи. При этом она ведёт образ жизни самый негигиенический. Предаваясь с лихорадочной деятельностью своим литературным занятиям, она почти не спит и находится постоянно в неестественно экзальтированном состоянии. В последнее время упадок сил её дошёл до того, что с ней бывают частые

обмороки. При отъезде, входя в вагон, с ней сделалось дурно, и едва успели её поддержать.

Окружающие королеву возлагают большие надежды на путешествие. Несколько дней принуждённой перемены жизни с отсутствием литературных занятий могут принести лишь пользу её расстроенному здоровью. Королева выехала за границу в сопровождении генерала Гречану, префекта дворца, доктора Теодори и двух фрейлин госпож Вэкэреску и Миклеску.

Как я уже имел честь доносить, королева отправляется, прежде всего, к своей матери, потом она намерена отправиться на морские купанья, но не в Голландию, как предполагалось прежде, а в Англию. В придворных кружках рассказывают, что затаенная цель этой поездки – устройство брака между принцем Фердинандом и дочерью принца Валлийского.

Вопрос о женитьбе наследного принца[2] чрезвычайно озабочивает короля. И действительно, вопрос этот весьма важен. По румынской конституции дети наследного принца должны быть крещены в православной вере. Если бы его будущая супруга была католичка, обстоятельство это представило бы бесконечные затруднения. И спросить разрешения папы немыслимо. Между тем, для короля Карла и всей его семьи, убеждённо приверженных католической вере, было бы весьма трудно обойтись без согласия главы католичества. Вот почему желают приискать для принца Фердинанда невесту протестантского вероисповедания. Но и тут вопрос нелегко разрешается. Действительно, непонятной аномалией представляется семья, состоящая из отца-католика, матери-протестантки и православных детей.

С истинным почтением и совершенною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 636, Листы 171-173.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В письмах, отправленных своим родственникам, король Карл I также выражает озабоченность состоянием здоровья королевы Елизаветы. Монарх признаёт, что его супруга была «очень больна», «невиданно похудела и пребывает в плачевном состоянии». Королева Елизавета направилась, прежде всего, в Нейвид, затем в Лландидно, бальнеологический курорт в Уэльсе, а затем в октябре 1890 г. приехала в шотландский замок Бальмораль на встречу с британской королевой Викторией.

[2] Российский дипломат очень хорошо вскрыл трудности, которые могли возникнуть в связи с вопросом о женитьбе принца Фердинанда. Он мог жениться либо на протестантке, либо на православной. Иначе же с трудом верилось, что папа римский мог бы примириться с тем фактом, что наследники Фердинанда станут «схизматиками».

Bucureşti, 25 iulie 1890, nr. 31. Hitrovo către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Regina Elisabeta a plecat peste hotare pe data de 17 iulie. Potrivit uzanțelor încetățenite aici, corpul diplomatic se deplasează de obicei la gară pentru a-i petrece pe rege şi regină la plecările lor dincolo de frontierele țării. Din această cauză, la data plecării reginei, eu m-am deplasat spre Sinaia. Dar, chiar în ziua plecării Majestății Sale, dimineața, ministrul Afacerilor Externe mi-a comunicat că regina se simte foarte obosită şi că l-a însărcinat să solicite corpului diplomatic să nu o petreacă şi să ne transmită sentimentele recunoştinței sale.

Într-adevăr, sănătatea reginei, afectată deja destul de mult, s-a înrăutățit în ultimul timp în mod considerabil[1]. Regina suferă de podagră la stomac şi nu poate mânca aproape nici un fel de hrană. În acelaşi timp, modul ei de viață este cel mai neigienic. Consacrându-se cu o implicare febrilă ocupațiilor sale literare, ea aproape că nu doarme şi se află mereu într-o stare nenaturală de exaltare. În ultima vreme puterile ei au scăzut până într-acolo încât ea îşi pierde deseori cunoştința. La plecare, intrând în vagon, i s-a făcut rău şi abia au apucat să o țină.

Anturajul reginei îşi pune foarte multe speranțe în această călătorie. Câteva zile de schimbare forțată a modului de viață, cu lipsa ocupațiilor literare, ar putea să-i fie de folos. Cu sănătatea deranjată, regina a plecat peste hotare fiind însoțită de către generalul Greceanu, prefectul Palatului, doctorul Teodori şi două domnişoare de onoare, Văcărescu şi Miclescu.

Aşa cum am avut deja onoarea să vă comunic, regina va merge mai întâi la mama sa, după care intenționează să se ducă la mare, dar nu în Olanda, aşa cum se presupunea inițial, ci în Anglia. În cercurile de la Palat se vorbeşte că scopul ascuns al acestei călătorii este căsătoria principelui Ferdinand cu fiica principelui de Wales.

Chestiunea căsătoriei[2] „principelui moştenitor" îi provoacă îngrijorări mari regelui. Şi, într-adevăr, chestiunea aceasta este foarte importantă. Potrivit constituției româneşti, copiii principelui moştenitor trebuie să fie botezați în confesiune ortodoxă. Dacă viitoarea sa soție ar fi catolică, această situație ar crea complicații interminabile. Iar să se ceară acordul Papei este de neimaginat. Pentru regele Carol şi întreaga sa familie, adepți convinşi ai confesiunii catolice, ar fi foarte greu să treacă peste acordul capului Bisericii Catolice. Iată de ce se doreşte căutarea pentru principele Ferdinand a unei mirese de confesiune protestantă. Dar şi în acest caz există destule dificultăți. Într-adevăr, o familie compusă dintr-un tată catolic, o mamă protestantă şi copii ortodocşi reprezintă o anomalie de neînțeles.

Cu sinceră considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 636, filele 171-173.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Chiar şi în scrisorile trimise membrilor familiei, regele Carol I îşi exprima îngrijorarea față de sănătatea reginei Elisabeta. Recunoştea că era „foarte bolnavă", „nemaipomenit de slăbită şi într-o stare deplorabilă". Regina Elisabeta a mers mai întâi la Neuwied, apoi la Llandudno, o stațiune balneară din Țara Galilor, pentru ca în octombrie 1890, la castelul Balmoral din Scoția, să aibă loc întâlnirea cu regina Victoria a Angliei.

[2] Diplomatul rus sesiza foarte bine dificultățile ce puteau interveni în chestiunea căsătoriei prințului Ferdinand. Acesta putea să se căsătorească fie cu o protestantă, fie cu o ortodoxă. Altfel, era greu de crezut că Papa ar fi acceptat ca urmaşii prințului Ferdinand să devină „schismatici".

26

Бухарест, 12 января 1891 г., № 2. Хитрово – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Закончившаяся 22 числа мин[увшего] декабря осенняя сессия румынских палат оказалась столь же бесплодной для действительных нужд страны, сколько и бессодержательной в смысле проявления того хаотического положения, в коем находится ныне политическая жизнь Румынии. Выборы бюро [палат], дебаты по поводу ответа на тронную речь, несколько натурализаций и поспешное голосование железнодорожного бюджета заполнили собой заседания народных представителей в течение полутора месяцев, причём и «друзья правительства», и корифеи оппозиции успели высказать друг другу немало горьких упрёков и обвинений[1].

Значительное время было, между прочим, потеряно на выяснение вопроса о том, конституционально ли правительство генерала Ману[2] или нет. Эти бесполезные при нынешнем положении дел пререкания дали, впрочем, возможность ораторам из числа «друзей правительства» неоднократно высказать теории и взгляды, иногда совершенно противоречащие самому принципу народного представительства и служащие характерным признаком переживаемого Румынией кризиса. Так, между прочим, в ответе на обвинение нынешнего правительства в том, что оно не имеет в стране партии, не олицетворяет мнения и

стремлений части румынского народа и не представляется ничем иным, как результатом компромисса между несколькими такими же беспартийными, как и оно само, политическими искателями приключений, депутат Арион, автор ответа на тронную речь, убеждённо доказывал, что в существе ни сенат, ни палата депутатов ничуть не призваны олицетворять собою взглядов нескольких не знакомых с политикою и часто неразвитых избирателей.

Господин Арион, при шумных аплодисментах правительственного большинства, стремился в тоже время доказать, что народные избранники имеют более серьёзную и более важную миссию, чем обсуждение мелких временных и часто изменчивых вожделений массы, а именно вести народ к тем, может быть, и отдалённым, но высоким целям, к коим он призван в силу своего прошлого, своих качеств и своей численности. Ввиду этого поддержка или осуждение, встречаемые в стране тою или другою политической партией, является, по существу, вопросом второстепенным и не может ослабить права на предержание власти. Подобные взгляды впервые открыто высказываются пред лицом представителей румынского народа, и дальнейшее развитие их, несомненно, должно низвести политическую борьбу на ещё более низкий, чем ныне, нравственный уровень.

В течение прений, между прочим, в палате был поднят, несколько оригинальный в принципиальном отношении, но имеющий немалое значение в реальной жизни, вопрос о неравном в королевстве положении Валахии сравнительно с Молдавией. Вопрос этот был впервые обсуждаем с парламентской трибуны в минувшем году господином Когэлничану, который по поводу вотирования кредитов на Галац-Фокшанские укрепления заявил, что правительство, предвидя необходимость защиты Валахии, расходуя на этот предмет миллионы франков, уплачиваемые всем населением королевства, оставляет беззащитной Молдавию[3]. Другие ораторы возвращались впоследствии к тому же вопросу, но министры отвечали уклончиво, и опасения о судьбе Молдавии остались неуспокоенными. В минувшую сессию один из депутатов оппозиции потребовал у генерала Ману объяснить причины, по которым в нынешнем кабинете нет ни одного министра из молдаван, что будто бы даёт Валахии значительное, сравнительно с Молдавией, преобладание в королевстве. Генерал Ману с особым жаром отвечал, что давно не существует более ни молдаван, ни валахов, а есть одни румыны, и что он удивляется тому, что с парламентской трибуны раздаются подобные запросы, бросающие тень на единство и единодушие всего румынского народа. Но красноречие президента Совета не имело ожидаемого успеха, и ему точными данными было доказано, что заботы о Валахии имеют, несомненно, более места в советах руководителей Румынии, чем попечения о будущности молдавских провинций королевства. Кроме вопроса о защите от возможного нападения неприятеля, все суммы, вотируемые палатами на шоссейные и железнодорожные дороги, обращаются на нужды Валахии, и

только ничтожная часть их уделяется северным и восточным провинциям. Между другими данными было указано и на то, что университету ассигнуется 120 тысяч франков в год, тогда как ясский университет получает лишь 30 тысяч франков[4]. В то же время правительство, всеми мерами охраняя валахские провинции от чрезмерного наплыва еврейского элемента, всецело предоставляет ему Молдавию. Так, по официальным сведениям, пять седьмых населения Ясс состоит из евреев. В большинстве же других городов Молдавии (Ботошань, Дорохой, Фэлтичень, Хырлэу и других) процент этот ещё больше[5].

Заявления эти произвели во всей Молдавии значительное впечатление, и хотя официозная печать всячески старалась заглушить начинавшееся движение и доказывала необходимость сплочения всех румын и охранения неприкосновенности национального единства, сознание неравенства положения обеих половин королевства получало всё большую силу. Ныне в Яссах образуется особый комитет «защиты прав Молдавии»[6], который посылает особых агентов в города для распространения своей идеи. Вскоре будет основан Молдавский клуб, который серьёзно выступит защитником половины королевства. Таким образом, в Румынии, благодаря непредусмотрительности, несправедливости и равнодушию правительства, возникает не существовавшее доныне в столь определённой форме серьёзное неудовольствие одной части государства против другой, и соединённые с ним идеи сепаратизма, зависти и соревнования. Едва ли можно сомневаться в том, что эти начала, в случае дальнейшего их развития, могут оказать пагубное влияние, как на внутреннее, так и на международное положение королевства, в особенности, когда Румынии придётся выдерживать тот кризис, к коему, несомненно, ведут её нынешние руководители её судеб.

Небезынтересной является и речь депутата Балша, произнесённая им при обсуждении ответа на тронную речь, а именно той её части, в которой дословно повторяются высказанные королём восхваления финансового положения Румынии. Предоставив себе подробно обсудить бюджет королевства при предстоящем рассмотрении его в палате, господин Балш высказал лишь, что он энергически протестует против умышленного обмана, в который вводят страну, провозглашая, что финансы находятся в цветущем состоянии и что бюджет уравновешен. Равновесие это чисто фиктивное, так как, между прочим, в числе нормальных доходов сочтены и суммы, поступающие в казну от продажи крестьянам государственных земель и некоторые другие поступления, источник коих должен вскоре естественным образом иссякнуть. В то же время государственный долг постоянно увеличивается, так как всякие расходы, которых в каждом году бывает несоразмерно со средствами страны много, покрываются выпуском государственной ренты. Господин Балш резко осуждал финансовые операции министра Германи и предсказывал Румынии в недалёком будущем серьёзный финансовый

кризис. Заявления господина Балша остались без последствий и без надлежащего ответа, и покорное правительству большинство поспешно вотировало ответный на тронную речь адрес [в том виде], как он составлен был депутатом Арионом.

Из числа других пререканий, имевших место в минувшей сессии, немалый интерес возбудило требование генерала Влэдеску о разрешении вызвать под знамёна в предстоящий призыв не 14 тысяч человек, как установлено, а 17 тысяч. В течение этих прений, в коих принимали участие господин Вернеску и другие выдающиеся консервативные деятели, затронут был вопрос и финансовый, и правовой, и политический. Тем не менее, генерал Влэдеску вышел победителем, и на требование его последовало согласие большинства палаты.

Как я имел честь донести Вашему Высокопревосходительству по телеграфу, заседания палаты откроются лишь 15 января. Обыкновенный праздничный перерыв продолжается лишь до 7го числа того же месяца. Но в нынешнем году, ввиду исполнившегося ныне намерения господ Ману и Карпа съездить на вакационное время в Париж, возобновление трудов представителей отложено на неделю против обычного срока. Этой отсрочкой, впрочем, все довольны – и министры, освобождённые от запросов и столкновений, и сенаторы, и депутаты, продолжающие получать ежедневное вознаграждение как бы, если они посвящали своё время трудам о благе Румынии. Может быть недоволен этой беспечностью своих представителей народ, интересы коего попраны и нужды коего остаются без удовлетворения. Но народ терпелив и до времени безмолвен, и о нём, в сущности, никто не заботится.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностью, имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, М. Хитрово.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 639, Листы 9-15.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] С целью заручиться поддержкой жунимистов, 16(28) ноября 1890 г. генералу Ману пришлось реорганизовать правящий кабинет, доверив Титу Майореску портфель министра культов и народного образования, а также временное управление министерством общественных работ. Одновременно министром юстиции стал Григоре Триандафил.

[2] Король Карл I также не слишком верил в «жизнеспособность» кабинета Ману. В конце 1890 г. в телеграмме своей сестре, Марии Фландрской, он писал: «Прения по тронной речи были долгими и вывели на первый план раздражённые политические страсти. Правительство имеет большинство, но подвергается самым жестоким нападкам со стороны обеих традиционных партий и не является достаточно сильным». См.: Cristescu, *Carol I. Corespondenţa personală*, p. 258.

[3] Подробнее о финансировании системы фортификационных сооружений см.: *Dezbaterile Adunării Deputaţilor*, сессия 1888–1889, сессия 1889–1890.

[4] В последние два десятилетия XIX в. и в первом десятилетии XX в. привилегированное положение бухарестского университета выразилось в переезде в

столицу значительного количества ясских университетских профессоров. Недостаточное финансирование и опасность закрытия ряда факультетов или даже всего университета проявились в направлении многочисленных меморандумов по адресу правительства. См.: Xenopol A.D. *Istoricul Universităţei din Iaşi* // Anuarul General al Universităţei din Iaşi, tipărit cu prilejul jubileului de cincizeci ani. Iaşi, 1911. P. X-XXXI. Об эволюции университетского образования в Яссах в общем контексте с конца XIX в. до 1930-х гг. см.: Rados L. *Complexul provincial în viaţa academică interbelică. Cazul Universităţii din Iaşi* //Archiva Moldaviae. Vol. III. Iaşi, 2011. P. 103–123.

[5] В 1899 г. евреи составляли 4% городского населения в Олтении, 6,9% в Мунтении, 5,6% в Добрудже, 38,7% в Молдове и 14,7% в столице Бухаресте. Тогда же общий удельный вес евреев в этнической структуре населения Румынского королевства составлял 19%. См.: Ronnås P. *Urbanization in Romania. A Geography of Social and Economic Change Since Independence*. Stockholm, 1984. P. 96. См. также: *Recensământul general al populaţiunei din decembre 1899*. Bucureşti, 1905. P. 72–91. Более высокая доля евреев в этнической структуре населения городов и местечек Молдовы объясняется близостью мест их эмиграции – Галиции и западных губерний Российской империи.

[6] Константин Бакалбаша тоже упоминал о «сепаратистских планах» молдаван, которые считал эфемерными: «В Яссах формируется Молдавская лига во главе с неким полковником Ланга. Лига образовалась – так говорится – из-за страданий Молдовы, которая испытывает пренебрежение и оскорбления со стороны бухарестских правителей. Этой Лиге не придается слишком большое значение в политических кругах, а её противники в Яссах назвали её Лигой Ланга». См.: Bacalbaşa C. *Bucureştii de altădată 1885-1901*. Vol. II. Bucureşti, 1928. P. 127.

Bucureşti, 12 ianuarie 1891, nr. 2. Hitrovo către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Sesiunea de toamnă a celor două camere ale Parlamentului român, încheiată pe data de 22 a lunii decembrie trecut, s-a dovedit pe cât de sterilă pentru nevoile adevărate ale ţării, pe atât de lipsită de conţinut, reflectând situaţia haotică în care se află în prezent viaţa politică din România. Alegerile pentru biroul [camerelor], dezbaterea răspunsurilor la Mesajul Tronului, câteva naturalizări şi votarea în grabă a bugetului pentru căile ferate au umplut şedinţele aleşilor poporului timp de o lună şi jumătate, în timpul cărora „prietenii guvernului" şi corifeii opoziţiei au reuşit să-şi adreseze unii altora destule reproşuri şi acuzaţii dure[1].

De fapt, foarte mult timp a fost pierdut pentru clarificarea constituţionalităţii Guvernului generalului Manu[2]. În situaţia actuală, aceste certuri inutile au oferit de fapt posibilitatea oratorilor din mediul „prietenilor guvernului" de a expune de nenumărate ori teorii şi puncte de vedere aflate în contradicţie cu însuşi principiul reprezentativităţii populare, fapt care constituie o dovadă grăitoare a crizei prin care trece România. Astfel, printre altele, ca răspuns la acuzaţiile la adresa guvernului actual că nu reprezintă un partid anume, că nu personifică opiniile şi năzuinţele unei părţi a poporului român şi că nu este decât

rezultatul unui compromis dintre câțiva indivizi fără de partid, amatori de aventuri, ca şi guvernul însuşi, deputatul Arion, autorul răspunsului la Mesajul Tronului, demonstra cu convingere că în esență nici Senatul şi nici Camera Deputaților nu sunt chemate să reprezinte opiniile câtorva persoane care nu sunt familiarizate cu politica sau opiniile unor alegători insuficient maturizați.

În aplauzele majorității guvernamentale, domnul Arion a încercat să demonstreze, în acelaşi timp, că aleşii poporului au o misiune mult mai serioasă şi importantă decât discutarea unor doleanțe mărunte de moment şi deseori schimbătoare ale maselor, anume misiunea de a conduce poporul către scopuri mărețe, chiar dacă îndepărtate, de care acesta este legat prin trecutul, numărul şi calitățile sale. De aceea, susținerea sau reproşul venite din partea unor partide politice reprezintă în esență o chestiune secundară, prin care nu se poate pune la îndoială dreptul de a deține puterea. Astfel de opinii sunt exprimate pentru prima dată în fața reprezentanților poporului român, iar permanentizarea lor va coborî lupta politică la un nivel moral şi mai scăzut decât cel din prezent.

În timpul dezbaterilor din Parlament a mai fost ridicată o chestiune deloc originală din punct de vedere principial, care are însă o importanță majoră în viața reală, anume chestiunea poziției privilegiate a Valahiei în cadrul regatului în comparație cu Moldova. Această chestiune a fost ridicată pentru prima dată de la tribuna parlamentară anul trecut de către domnul Kogălniceanu, care, în timpul votării creditelor pentru fortificațiile Galați – Focşani, a declarat că guvernul, anticipând necesitatea protejării Valahiei şi cheltuind pentru aceasta milioane de franci suportate de toată populația regatului, lasă fără protecție Moldova[3]. Alți oratori au revenit ulterior la aceeaşi chestiune, însă răspunsurile miniştrilor au fost evazive, iar temerile pentru soarta Moldovei nu au fost calmate. În timpul sesiunii trecute, unul dintre deputații din partea opoziției i-a solicitat generalului Manu să explice motivele pentru care în guvernul actual nu există nici un ministru din Moldova; fapt care ar situa Valahia într-o situație dominantă față de Moldova în cadrul regatului. Generalul Manu a răspuns cu o patimă deosebită, susținând că nu mai există demult moldoveni şi valahi, ci doar români şi că pentru el este de mirare faptul că de la tribuna Parlamentului sunt formulate astfel de interpelări, care aruncă o umbră asupra unității întregului popor român. Însă jocul de cuvinte al Preşedintelui Consiliului de Miniştri nu a avut succesul scontat, fiindu-i demonstrat cu informații clare faptul că grijile pentru Valahia domină preocupările conducătorilor României în comparație cu grija pentru viitorul provinciilor moldoveneşti ale regatului. Alături de chestiunea protejării în fața unui posibil atac inamic, toate sumele votate de către Parlament pentru şosele şi căi ferate sunt direcționate către nevoile Valahiei şi doar o parte neînsemnată a acestora este atribuită provinciilor din nord şi est. Printre altele, s-a mai afirmat că Universității din Bucureşti i se alocă anual suma de 120 mii de franci, în timp ce Universitatea din Iaşi primeşte doar 30 mii de franci[4]. În acelaşi timp, guvernul, protejând prin toate mijloacele provinciile valahe de afluența elementului evreiesc, îi oferă în întregime Moldova. Astfel, potrivit datelor oficiale, cinci

şeptimi din populaţia Iaşilor este constituită din evrei. În majoritatea oraşelor din Moldova (Botoşani, Dorohoi, Fălticeni, Hârlău şi altele) această pondere este şi mai mare[5].

Aceste declaraţii au avut un ecou puternic în toată Moldova şi, cu toate că presa oficială încerca să înăbuşe începutul agitaţiei şi demonstra nevoia consolidării tuturor românilor şi protejării intangibilităţii unităţii naţionale, conştientizarea situaţiei inegale a celor două jumătăţi ale regatului devenea tot mai evidentă. În prezent, se constituie la Iaşi un comitet special pentru „apărarea drepturilor Moldovei", care trimite în oraşe diverşi mesageri speciali pentru difuzarea ideilor sale. În curând va fi creat clubul moldovenesc[6], care va milita la modul serios pentru apărarea jumătăţii exploatate a regatului. Astfel, din cauza nechibzuinţei, nedreptăţii şi indiferenţei guvernului, în România se conturează o nemulţumire serioasă, inexistentă până în prezent în formă clară, a unei părţi a statului împotriva alteia, de care nemulţumire sunt legate ideile separatismului, invidiei şi luptei pentru supremaţie. Nu există nici o îndoială că, în cazul evoluţiei lor ulterioare, aceste începuturi pot avea o influenţă nocivă atât asupra situaţiei interne, cât şi asupra celei externe a regatului, în special atunci când România va trebui să facă faţă crizei către care o conduc fără îndoială diriguitorii actuali ai sorţii sale.

Nu este lipsit de interes nici discursul deputatului Balş, ţinut în timpul dezbaterii răspunsului la Mesajul Tronului, în special acea parte a discursului în care sunt reproduse *ad litteram* laudele exprimate de rege cu privire la situaţia financiară a României. Propunându-şi să analizeze în detaliu bugetul regatului în forma propusă spre dezbari în cele două Camere, domnul Balş a spus doar că el protestează energic împotriva dezinformării premeditate a ţării, prin afirmaţiile potrivit cărora finanţele ţării s-ar afla într-o stare înfloritoare şi că bugetul ar fi unul echilibrat. Acest echilibru este însă unul înşelător, deoarece la capitolul venituri sunt luate în considerare şi sumele care intră în vistierie din vânzarea către ţărani a pământurilor statului şi alte câteva încasări din surse care ar urma să dispară în mod firesc. În acelaşi timp, datoria statului creşte constant, deoarece toate cheltuielile suplimentare, existente în fiecare an şi necorelate cu mijloacele ţării, sunt acoperite prin emiterea de obligaţiuni de stat. Domnul Balş a condamnat în termeni duri operaţiunile financiare ale ministrului Ghermani şi a anticipat declanşarea în România, în viitorul apropiat, a unei grave crize financiare. Declaraţiile domnului Balş au rămas fără un răspuns corespunzător şi majoritatea supusă guvernului a votat în grabă un răspuns la Mesajul Tronului, în forma elaborată de către deputatul Arion.

Dintre alte discuţii aprinse ale sesiunii încheiate, un anume interes prezintă şi solicitarea generalului Vlădescu privind chemarea sub drapel la următoarea recrutare a 17 mii de persoane, în loc de 14 mii, aşa cum era prevăzut. În timpul acestor dezbateri, la care au participat, alături de domnul Vernescu, alţi conservatori de vază, au fost atinse aspecte financiare, juridice şi politice. Totuşi, generalul Vlădescu a avut câştig de cauză, iar solicitarea sa a obţinut acordul majorităţii Camerei.

Aşa cum am avut deja ocazia de a raporta Excelenței Voastre prin telegraf, şedințele Camerelor se vor deschide abia pe data de 15 ianuarie. Vacanța de sărbătoare durează în mod obişnuit doar până pe data de 7 a lunii. Însă, în acest an, ca urmare a materializării intenției domnilor Manu şi Carp de a călători în timpul vacanței la Paris, reluarea lucrărilor Parlamentului a fost amânată cu o săptămână față de termenul obişnuit. De fapt, toată lumea este mulțumită de această amânare: şi miniştrii, scutiți de interpelări şi atacuri, şi senatorii şi deputații, care continuă să încaseze indemnizațiile zilnice de parcă şi-ar petrece timpul muncind pentru bunăstarea României. Poate că de această nepăsare a reprezentanților săi este nemulțumit poporul, ale cărui interese sunt călcate în picioare şi ale cărui nevoi sunt ignorate. Însă poporul este răbdător şi lipsit până una alta de voce, iar de el nu se îngrijeşte în esență nimeni.

Cu profundă considerație şi devotament nelimitat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, M. Hitrovo.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 639, filele 9-15.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Pentru a se asigura de sprijinul junimiştilor, la 16/28 noiembrie 1890, generalul Manu a fost nevoit să remanieze guvernul, încredințând Ministerul Cultelor şi Instrucțiunii Publice lui Titu Maiorescu, care era numit *ad interim* şi ministru al Lucrărilor Publice. În acelaşi timp, ministru al Justiției a devenit Grigore Triandafil.

[2] Regele Carol I nu era prea încrezător în şansele de „supraviețuire" ale guvernului Manu. Într-o telegramă de la sfârşitul anului 1890, adresată surorii sale, Maria de Flandra, avea să scrie: „Dezbaterile pe marginea Adresei au fost lungi şi au adus în prim plan pasiunile politice într-un mod supărător. Guvernul are majoritatea, dar este combătut în modul cel mai violent de ambele partide tradiționale şi nu este suficient de puternic" (Cristescu, *Carol I. Corespondența personală*, p. 258).

[3] Pentru un cadru mai larg legat de finanțarea sistemului de fortificații, a se vedea *Dezbaterile Adunării Deputaților*, sesiunea 1888-1889, sesiunea 1889-1890.

[4] În ultimele două decenii ale secolului XIX şi primul deceniu al secolului XX, situația privilegiată a Universității din Bucureşti s-a reflectat şi în exodul spre capitală al unui număr important de profesori universitari ieşeni. La finanțarea insuficientă şi la pericolul de desființare a unor facultăți sau chiar a Universității s-a răspuns prin trimiterea pe adresa guvernului a nenumărate memorii (A.D. Xenopol, *Istoricul Universității din Iaşi*, în „Anuarul General al Universității din Iaşi", tipărit cu prilejul jubileului de cincizeci de ani, Iaşi, 1911, p. X-XXXI). Pentru contextul general al evoluției învățământului universitar în Iaşi de la sfârşitul secolului XIX până în anii 1930, a se vedea: Leonidas Rados, *Complexul provincial în viața academică interbelică. Cazul Universității din Iaşi*, în „Archiva Moldaviae", vol. III, 2011, p. 103-123.

[5] În 1899, evreii reprezentau 4% din populația urbană a Olteniei, 6,9% din cea a Munteniei, 5,6% din cea a Dobrogei, 38,7% din cea a Moldovei şi 14,7% din cea a capitalei Bucureşti. În anul respectiv, ponderea totală a evreilor în structura etnică a populației urbane din Regatul Român era de 19% (Per Ronnås, *Urbanization in Romania. A Geography of Social and Economic Change Since Independence*, Stockholm, 1984, p. 96, apud *Recensământul general al populațiunei din decembre 1899*, Bucureşti, 1905, p. 72-91). Ponderea mai mare a evreilor în structura etnică a populației din oraşele şi târgurile moldoveneşti se explică prin proximitatea geografică de locurile de emigrație (Galiția şi guberniile vestice ale Imperiului Rus).

[6] Şi Constantin Bacalbaşa amintea de „planurile separatiste" ale moldovenilor, pe care le considera efemere: „La Iaşi se formează Liga moldovenească în cap cu un colonel Langa. Liga era ieşită – aşa se zicea – din suferinţele Moldovei care era nesocotită şi oropsită de către guvernele din Bucureşti. Acestei Ligi nu i se da prea multă importanţă în lumea politică, iar adversarii ei de la Iaşi o porecliseră Liga Langa" (Constantin Bacalbaşa, *Bucureştii de altădată 1885-1901*, vol. II, Bucureşti, 1928, p. 127).

27

[Санкт Петербург], 29 мая 1891 г. Проект инструкции гофмейстеру Фонтону[1]

Милостивый государь Николай Антонович,

Государю императору благоугодно было призвать Вас на пост Чрезвычайного посланника и полномочного министра при румынском дворе.

Назначение Ваше совпало с победою, одержанною на выборах румынским министерством, что обеспечивает существование консервативного кабинета, находящегося у дел в Бухаресте. Она кладёт, по-видимому, конец искусственным комбинациям, к которым прибегал король Карл после падения Иона Брэтиану, так долго управлявшего страною. Недавно воспоследовавшая смерть последнего ещё более упрочивает положение министров.

Мы имеем некоторые основания относиться сочувственно к генералу Флореску и Ласкэру Катарджиу, которые стоят во главе румынского правительства. Находясь в оппозиции, они не раз высказывали убеждение, что Румыния не должна связывать себя никакими преждевременными внешними обязательствами, а следовать национальной политике, опираясь на Россию. На первых же порах, вступив в управление страны, они действовали согласно с нашими внушениями в деле двух болгарских выходцев (Ризова[2] и Ножарова[3]), которые не были выданы софийскому правительству, вследствие угрожавшей им зверской расправы[4]. Нельзя, однако, совершенно упускать из виду, что так называемая консервативная румынская партия, когда она стояла у власти в 1871–76 годах, мало поддавалась нашему влиянию и не скрывала своих западных наклонностей[5]. Обстоятельство это побуждает нас тем строже придерживаться принятого нами раз [и] навсегда правила, не вмешиваться во внутренние расчёты политических партий на Балканском полуострове и не связывать себя поддержкой их частных интересов.

Хотя Румыния опередила по своему развитию прочие части вышеупомянутого полуострова, её внутренний политический строй представляет, однако, те же несообразности и противоречия, кои существуют в других балканских государствах.

Политические учреждения её, являясь осколком либеральных западных конституций[6], едва ли соответствуют истинным национальным потребностям и часто служат проводниками своекорыстных партийных видов или личных расчётов. Замечание это имеет особенное значение в виду личности самого короля Карла. Инородец по происхождению, он до сих пор ещё не успел освоиться с призвавшей его страной, несмотря на двадцатипятилетнее управление ею и официальное признание принца Фердинанда Гогенцоллернского наследником престола[7]. Династический вопрос поэтому ещё играет некоторую роль в Румынии, всплывая от времени до времени на поверхность среди внутренних волнений.

Иностранная политика румынского правительства находится почти исключительно в руках короля, который предоставляет полную свободу министрам лишь в вопросах внутренней администрации. В течение долговременного министерства Иона Брэтиану Румыния отличалась весьма определённым тяготением к Среднеевропейским державам, невзирая на то, что король Карл постоянно отрицал, даже в самых конфиденциальных объяснениях своих, существование письменного соглашения с Тройственным союзом Германии, Австро-Венгрии и Италии[8]. Вряд ли, однако, возможно оспаривать искусственность австро-венгерского влияния в Бухаресте (хотя бы даже под немецкой вывеской), ввиду естественных вожделений Румынии, направленных на воссоединение с Трансильванией, Банатом и Буковиной, а также национальной антипатии румын к австро-венгерцам. Весьма возможно, что вышесказанное направление до некоторой степени изменится вследствие давления консервативного кабинета, к которому король питает, по видимому, более доверия, чем к предшествовавшим Министерствам. Во всяком случае, возбуждение, вызванное после турецкой войны 1877 года присоединением к России Измаильского округа, по свидетельству Вашего предместника, уже улеглось[9]. С другой стороны, обнаружившееся в минувшем году довольно неожиданное сближение с Сербией, которая с некоторых пор находится в наилучших отношениям к нам, как будто бы указывает на предстоящий поворот в румынской политике[10].

Православие служило могущественной связью между Россией и балканскими народностями. Церковь во времена магометанского ига являлась, так сказать, политическим знаменем национальной независимости. К сожалению, однако, нельзя не сознать, что религиозный индифферентизм сделал с тех пор большие успехи на Востоке. Румынская церковь в особенности вышла умалённой и приниженной после удара, нанесённого ей политикой князя Кузы в шестидесятых годах настоящего столетия[11]. Мы вынуждены были в то время принять с нашей стороны надлежащие меры для охранения церковных владений, принадлежавших молдавским монастырям в Бессарабии, и для введения в них казённого управления[12]. Хотя впоследствии каноническая связь православного румынского клира с Вселенской церковью была восстановлена, мера эта осталась до сих пор в

силе по причине общей конфискации церковного имущества в Молдавии. Впрочем, по особым Высочайшим повелениям, румынскому правительству были разновременно отпускаемы весьма значительные суммы из доходов церковных молдавских имений в наших пределах[13].

Из переписки императорского министерства, с коей Ваше Превосходительство изволили ознакомиться во время пребывания Вашего в С.-Петербурге, Вы усмотрели нашу постоянную готовность оказывать содействие православию в Румынии всеми зависящими от нас путями и средствами. Мне остаётся поэтому лишь упомянуть о нескольких частных, второстепенных вопросах, заслуживающих с этой точки зрения Вашего особенного внимания, каковы вопросы о Ясском православном обществе[14], о румынских воспитанниках в наших духовных училищах и, наконец, о русской сулинской церкви.

Целью Ясского православного общества служит борьба против усиливающихся западных пропаганд и вредных социальных учений. К сожалению, предположение наше поддержать это общество посредством ежегодной субсидии из доходов молдавских монастырей в Бессарабии[15] оказалось неудобным, потому что румынское правительство поспешило запретить духовенству всякое официальное участие в частных благотворительных предприятиях. Средства, предназначенные для вышеупомянутой субсидии, были вследствие этого отчасти обращены на содержание учеников, присылаемых из Румынии в наши семинарии и духовные академии. Что же касается русской церкви в Сулине, то она была основана в 30^{x} годах, когда устья Дуная принадлежали нам исключительно, и сохранила[16] до сих пор свой национальный характер. В последнее время, однако, румынские епархиальные власти прилагают все свои старания к тому, чтобы сделать из неё ничтожный румынский приход.

Экономическое воздействие наше на Румынию может быть лишь весьма ограниченное вследствие сходства нашей производительности с румынской. Доказательством этого, между прочим, служит русский склад, устроенный при Вашем предместнике в Бухаресте и получивший до сих пор весьма слабое развитие, несмотря на правительственную субсидию. Наиболее значительным для русских интересов предприятием в Румынии является компания князя Гагарина[17] для плавания по Дунаю и поддержания коммерческих отношений с Одессой. Компания эта препоручается особенному попечению Вашему. Вы будете вместе с тем иметь возможность подробно следить за делами международной европейской комиссии в Сулине[18] из донесений делегата нашего в вышеупомянутой комиссии, сообщаемых Вам в копии. Что же касается торгового трактата нашего с Румынией, подписанного 4/16 декабря 1886 г., то румынское правительство уже заявило нам о прекращении его действия 28 июня/10 июля с.г. Оно [румынское правительство] имеет в виду установить один общий тариф для произведений всех государств с минимальным и максимальным размером пошлин[19]. Понижение или

повышение тарифа в этих пределах будет зависеть от частных соглашений с иностранными державами относительно выгод, предоставляемых ими Румынии, в свою очередь. Вашему Превосходительству, вероятно, в близком времени предстоит вступить в переговоры на этих основаниях.

Таковы в общих чертах наши политические, духовные и экономические сношения с Румынией, которая, вследствие своего географического положения между нами, Австро-Венгрией, Сербией и Болгарией, имеет для нас бесспорную политическую и стратегическую важность.

Из специальных вопросов, с коими Вы познакомились в архиве Азиатского департамента[20], наибольший интерес представляют вопросы о наших пограничных сношениях и о так называемых «protégés»[21].

Пограничные сношения подают повод к весьма частым столкновениям с Румынией, вследствие притеснения рыбаков наших на Килийском рукаве Дуная. Разграничение с этой стороны основано на протоколе, подписанном между нами и румынским правительством 5 декабря 1878 года[22]. К сожалению, однако, протокол этот совершенно умалчивает о взаимных правах на рыбную ловлю, что даёт повод к бесчисленным насилиям со стороны румынских властей. Устранить совершенно эти беспорядки, на кои императорское министерство считает необходимым обратить серьёзное внимание Ваше, возможно было бы лишь заключением специальной конвенции относительно рыболовства на Дунае.

«Protégés» наши в Румынии состоят почти исключительно из старообрядцев наиболее предосудительных сект или евреев. Они освобождаются от воинской повинности, и список их был представлен одним из Ваших предместников, князем Урусовым[23], румынскому Министерству, но местные власти стремятся к тому, чтобы во всех отношениях приравнять их к прочим румынским подданным.

В заключение долгом считаю присовокупить несколько слов о политических эмигрантах вообще и болгарских выходцах в Румынии.

Страна эта уже давно сделалась убежищем многих опасных политических личностей, изгоняемых из различных европейских государств[24]. Это побудило нас усилить наш пограничный надзор и учредить в самой Румынии тайную полицейскую агентуру[25]. Ваше Превосходительство ознакомитесь с её деятельностью по прибытии к Вашему посту.

Что же касается собственно болгарских выходцев, покидающих Болгарию вследствие гонения софийского правительства, то мы оказываем им постоянное покровительство. В распоряжении Вашем будет находиться для вспомоществования лицам этой категории, заслуживающим сочувствия, некоторая часть так называемого болгарского фонда, образовавшегося из уплат, произведённых нам Болгарским княжеством по разным долговым обязательствам.

Румыния является для нас вообще обсервационным пунктом относительно Болгарии с тех пор, как мы не имеем в княжестве представителей[26]. Вашему Превосходительству, поэтому, вменяется в обязанность по возможности тщательно следить за всем происходящим по ту сторону Дуная и доносить императорскому министерству о могущих произойти там волнениях или происшествиях.

Примите и проч.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 639, Листы 37-49.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] В тексте документа, в некоторых местах (между строк и на полях) имеются вставки, сделанные другим почерком.

[2] Димитр Ризов (1862–1918) – болгарский публицист, издатель и общественный деятель. В 1885 г. входил во Временное правительство в Пловдиве. В 1887 г. стал единственным депутатом Великого народного собрания, голосовавшим против выбора Фердинанда Саксен-Кобург-Готского князем Болгарии. В 1891 г. был одним из организаторов неудачного покушения на главу правительства Стефана Стамболова. Несколько лет жил за пределами Болгарии. С 1897 г. находился на дипломатической работе. См.: Радев С. *Строителите на съвременна България*. Т. 1. София, 1973. С. 494–496, 506–508.

[3] Крыстю Ножаров – болгарский офицер, один из исполнителей покушения на С. Стамболова и убийства министра финансов Х. Белчева 15 марта 1891 г., затем бежал в Сербию.

[4] Стамболов потребовал от правительства Сербии выдачи Ризова и Ножарова. Австро-Венгрия оказала в Белграде сильное давление, добиваясь осуществления этого требования. Тогда Ризов и Ножаров решили бежать в Россию через Румынию, однако, были задержаны в Крайове. Над ними снова нависла опасность быть выданными в Болгарию, но их русофильские сторонники попросили премьер-министра Сербии Н. Пашича обеспечить им алиби и заявить, что во время покушения 15 марта Ризов и Ножаров были в Белграде. Ризов действительно находился там, в отношении же Ножарова Пашич не рискнул солгать. Кабинет Флореску колебался, но под сильным нажимом из Санкт-Петербурга всё-таки освободил Ризова и Ножарова, и те уехали в Россию.

[5] Намёк на тот факт, что в 1875–1876 гг., во время Восточного кризиса, консерваторы, находившиеся в тот момент у власти, поддерживали нейтралитет Румынии, хотя в Санкт-Петербурге ожидали от них проведения политики, благожелательной к России.

[6] Имеется в виду тот факт, что некоторые положения Конституции Румынии, принятой в 1866 г., были почерпнуты из бельгийской Конституции 1831 г.

[7] Это мнение в значительной степени разделяли дипломаты других стран, аккредитованные в столице Румынии. Они отмечали закрытость личности короля Карла I, полагая, что румынский монарх стремится как можно меньше контактировать с народом.

[8] См. комментарии к документу № 24 от 14 апреля 1890 г.

[9] Согласно ст. 45 Берлинского трактата 1878 г. три уезда южной Бессарабии (Кагул, Измаил, Болград) снова вошли в состав Российской империи, что вызвало недовольство как румынской политической элиты, так и Карла I.

[10] Это касалось экономических отношений между Румынией и Сербией. 19 февраля (3 марта) 1890 г. были подписаны румынско-сербская торговая конвенция, а также отдельное соглашение о поставке румынской соли в Сербию. С другой стороны, в конце 1889 г. сербское правительство приняло решение об упразднении поста полномочного

министра в Бухаресте. Подробнее об эволюции двусторонних отношений в конце XIX и в первые годы XX в. см.: Catană B. *Relaţii diplomatice româno-sârbe 1880-1913.* Craiova, 2009.

[11] Имеется в виду Закон о секуляризации монастырских владений, принятый 17(29) декабря 1863 г.

[12] В качестве ответа на секуляризацию монастырских земель в Румынии, российские власти вывели владения в Бессарабии из-под администрации монастырей Молдовы. Решением царского правительства от мая 1864 г. эти владения следовало продавать с торгов. В том случае, если это имущество принадлежало преклонённым монастырям, система управления не изменялась. В 1873 г. земли и леса, находившиеся в собственности преклонённых монастырей, подобно владениям церквей и монастырей Молдовы, были отданы под управление государства с сохранением за собственниками их статуса. В ноябре 1873 г. российские власти окончательно определили особенности управления монастырскими владениями в Бессарабии, находящимися под контролем государства. См.: Tomuleţ V. *Basarabia în epoca modernă (1812–1918). (Instituţii, regulamente, termeni).* Vol. 2. Chişinău, 2012. P. 191.

[13] Эти платежи осуществлялись при сохранении права собственности.

[14] Ясское православное общество было создано в апреле 1885 г. Президентом этой ассоциации был избран епископ Мельхиседек, а секретарями Джордже Балш и Эмануэль Конаки Вогориде. Среди членов ассоциации значились Николае Росетти-Розновану, Нику Чаур Аслан, а с 1886 г. Николае Крецулеску, полномочный министр в Санкт-Петербурге в 1881-1886 гг. См.: Ceobanu A.-B. *Relaţii politico-diplomatice româno-ruse 1878-1893.* Teză de doctorat. Iaşi, 2013. Здесь см. параграф V.3. *Câteva consideraţii privitoare la Asociaţia Ortodoxă de la Iaşi*. P. 275–285.

[15] В октябре 1885 г. санкт-петербургские власти приняли решение о ежегодных субвенциях ассоциации в размере 27 400 рублей.

[16] По Адрианопольскому договору 1829 г. дельта Дуная перешла под контроль России. Через несколько лет была построена величественная церковь, ныне не существующая.

[17] На самом деле пароходное общество князя Гагарина еще в 1886 г. было преобразовано в акционерное общество «Черноморско-Дунайское пароходство». См. также комментарии к документу № 23 от 14 апреля 1890 г.

[18] Европейская Дунайская комиссия была создана в 1856 г. и разместилась в Сулине. В большинстве случаев Россию в комиссии представлял её консул в Галаце. См. подробно: *Comisia Europeană a Dunării* / Ed. I. Agrigoroaiei. Iaşi, 2010.

[19] Новое торговое соглашение предстояло подписать в октябре 1893 г.

[20] В конце XIX в. в структуре министерства иностранных дел Российской империи функционировали различные департаменты: совет министерства, канцелярия, а также департаменты – Азиатский, внутренних сношений и личного состава и хозяйственных дел.

[21] Для сравнения см. документ № 6 от 22 августа 1888 г.

[22] Ввиду того, что в конце 1878 г. между румынской и российской сторонами ещё существовали различия в вопросе о делимитации границы на участке от Измаила до устья Прута, 23 ноября (5 декабря) 1878 г. был подписан протокол. От имени румынского правительства его подписали полковник Пенкович и подполковник Н. Деметреску-Майкан, а с российской стороны полковник Тугенхольд. Протокол регулировал административные, финансовые и юридические вопросы. См.: *The Map of Europe by Treaty. Showing the Various Political and Territorial Changes Which Have Take Place Since the General Peace of 1814*. Vol. IV. 1875–1891 / Ed. E. Hertslet. L., 1891. Nr. 540. P. 2842–2843.

[23] Лев Урусов был первым полномочным министром России в Бухаресте. Он прибыл в румынскую столицу в конце 1880 г. и исполнял свои функции до середины 1886 г. О его деятельности в Бухаресте, а также о персональном составе миссии в это время см. подробно: Ceobanu A.-B. *La Légation de Russie à Bucarest, 1880–1886. Représentants et activité* // „Revue des Études Sud-Est Européennes”. T. L. Bucureşti, 2012. P. 295–308.

[24] Отметим большое количество российских революционеров (особенно народников), бежавших в Румынию, среди которых значительную часть составляли уроженцы Бессарабии.

[25] В результате деятельности российской тайной полиции («охраны») в Румынии осенью 1878 г. был арестован и депортирован на север России Константин Доброджану-Геря. См.: Ornea Z. *Viaţa lui C. Dobrogeanu-Gherea*. Bucureşti, 1982. P. 127–143.

[26] В конце 1886 г. дипломатические отношения между Россией и Болгарией были прерваны.

[Sankt-Petersburg], 29 mai 1891. Proiect de instrucţiune pentru *hofmeister*-ul Fonton[1]

Stimate Domnule Nikolai Antonovici,

Împăratul a binevoit să vă numească în postul de trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar pe lângă Curtea României.

Numirea dumneavoastră a coincis cu victoria obţinută la alegeri de către Guvernul român. Această victorie asigură existenţa Guvernului conservator, aflat la putere la Bucureşti, şi pune, probabil, capăt combinaţiilor artificiale la care a apelat regele Carol după căderea lui Ion Brătianu, care a condus atât de mult ţara. Moartea recentă a celui din urmă consolidează şi mai mult situaţia miniştrilor.

Există unele premise pentru a avea o atitudine înţelegătoare faţă de generalul Florescu şi Lascăr Catargiu, care sunt în fruntea Guvernului român. Aflându-se în opoziţie, aceştia şi-au exprimat de mai multe ori convingerea că România nu trebuie să se lege de mâini prin obligaţii externe pripite, ci să urmeze o politică naţională, bazându-se pe Rusia. Chiar de la început, preluând administrarea ţării, ei au acţionat potrivit sugestiilor noastre în chestiunea a doi fugari din Bulgaria (Rizov[2] şi Nojarov[3]) care nu au fost predaţi Guvernului de la Sofia, din cauza pericolului unor răfuieli crunte[4]. Nu poate fi scăpat însă din vedere faptul că, în timpul aflării la putere în anii 1871-1876, aşa numitul partid conservator român nu s-a lăsat aproape deloc influenţat de noi şi nu şi-a ascuns orientările sale prooccidentale[5]. Această circumstanţă ne determină să urmăm mai riguros, o dată pentru totdeauna, regula de a nu interveni în socotelile partidelor politice din Peninsula Balcanică şi a de a nu ne lega prin susţinerea intereselor lor particulare.

Cu toate că România a depăşit prin dezvoltarea sa alte părţi ale peninsulei amintite, structura sa politică internă reprezintă, totuşi, aceleaşi inconsecvenţe şi contradicţii, care există şi în alte state balcanice.

Instituţiile sale politice, reprezentând copii trunchiate după constituţiile liberale occidentale[6], nu răspund nevoilor naţionale adevărate şi servesc deseori la promovarea intereselor şi calculelor meschine de partid. Această observaţie are o importanţă deosebită, având în vedere personalitatea regelui Carol. Străin

de origine, el nu a reuşit încă să se familiarizeze până în prezent cu ţara care l-a chemat pe tron, cu toate că se află la conducerea ei deja de douăzeci şi cinci de ani şi cu toate că principelui Ferdinand de Hohenzollern i-a fost recunoscut dreptul la succesiune[7]. Chestiunea dinastică mai joacă, de aceea, un oarecare rol în România, ieşind la suprafaţă periodic în timpul tulburărilor interne.

Politica externă a Guvernului român se află aproape exclusiv în mâinile lui Carol, care lasă miniştrilor competenţe depline doar în chestiuni de administraţie internă. În timpul guvernării prelungite a lui Ion Brătianu, România s-a remarcat printr-o gravitare destul de pronunţată către Puterile Centrale, cu toate că regele Carol a negat mereu, chiar şi în cele mai confidenţiale mărturisiri, existenţa unei înţelegeri scrise cu Tripla Alianţă formată din Germania, Austro-Ungaria şi Italia[8]. Totuşi, caracterul artificial al influenţei austro-ungare la Bucureşti (fie şi sub paravan german) nu poate fi negat, având în vedere năzuinţele fireşti ale României, îndreptate către reunirea cu Transilvania, Banatul şi Bucovina şi, de asemenea, având în vedere antipatiile naţionale ale românilor faţă de austro-maghiari. Este foarte probabil ca orientarea amintită mai sus să se modifice până într-un punct ca urmare a presiunii Guvernului conservator, pentru care Carol are o mai mare încredere decât faţă de guvernele anterioare. În orice caz, potrivit opiniei predecesorului dumneavoastră, agitaţia provocată de alipirea la Rusia, în urma războiului turc din anul 1877, a judeţului Ismail s-a calmat deja[9]. Pe de altă parte, apropierea destul de neaşteptată faţă de Serbia din anul trecut, care se află de ceva vreme în relaţii foarte bune cu noi, indică se pare o modificare a politicii româneşti în viitorul apropiat[10].

Ortodoxia a reprezentat o legătură puternică între Rusia şi populaţiile balcanice. Se poate spune că în timpul jugului mahomedan biserica a reprezentat drapelul politic al independenţei naţionale. Din păcate însă, nu se poate ignora faptul că indiferentismul religios a înregistrat de atunci succese importante în Orient. Biserica română, în special, a ieşit umilită şi înjosită după loviturile încasate prin politica principelui Cuza în anii şaizeci ai acestui secol[11]. La acea vreme am fost constrânşi să luăm, la rândul nostru, măsurile care se impuneau pentru protejarea proprietăţilor bisericeşti care aparţineau mănăstirilor moldoveneşti din Basarabia şi pentru introducerea acolo a administrării de către stat[12]. Cu toate că ulterior legătura canonică a clerului ortodox român cu Biserica Ortodoxă Ecumenică a fost restabilită, această măsură a rămas până acum valabilă, din cauza confiscării generale a averilor bisericeşti în Moldova. De fapt, printr-o dispoziţie a împăratului, Guvernul român a primit de câteva ori sume importante din veniturile domeniilor bisericeşti moldoveneşti aflate între graniţele noastre[13].

Din corespondenţa Guvernului imperial, de care Excelenţa Voastră a avut amabilitatea să ia cunoştinţă în timpul aflării la Sankt Petersburg, aţi remarcat disponibilitatea noastră permanentă de a oferi asistenţă Ortodoxiei din România prin toate căile şi mijloacele dependente de noi. În legătură cu aceasta nu-mi rămâne decât să amintesc câteva chestiuni particulare secundare, care, din

acest punct de vedere, merită o atenție specială din partea dumneavoastră, cum ar fi chestiunea Asociațiunii Ortodoxe din Iaşi[14], a absolvenților români din seminarele noastre teologice şi, în sfârşit, a bisericii ruse din Sulina.

Scopul Asociațiunii Ortodoxe din Iaşi este de a lupta împotriva propagandei occidentale tot mai puternice şi împotriva teoriilor sociale dăunătoare. Din păcate, intenția noastră de a susține această asociațiune printr-un subsidiu anual din fondurile mănăstirilor moldoveneşti din Basarabia[15] nu şi-a găsit continuarea, deoarece Guvernul român s-a grăbit să interzică clerului orice participare oficială în acțiuni de binefacere. Drept urmare, mijloacele prevăzute pentru subsidiul amintit au fost utilizate pentru întreținerea elevilor trimişi de România în seminarele noastre şi academiile teologice. Cât priveşte biserica rusă din Sulina, aceasta a fost înființată în anii treizeci, când delta Dunării ne aparținea nouă exclusiv[16], păstrând astfel până în prezent caracterul său național. În ultimul timp însă, autoritățile eparhiale române depun toate eforturile pentru a o transforma într-o parohie neînsemnată.

Influența noastră economică asupra României poate fi doar foarte limitată din cauza asemănării producției noastre cu cea românească. O dovadă în acest sens o reprezintă, printre altele, depozitul rus inaugurat de către predecesorul dumneavoastră în Bucureşti, care nu a avut parte de o dezvoltare pe măsura aşteptărilor, cu toate că a fost sprijinit printr-un subsidiu guvernamental. Cea mai importantă întreprindere pentru interesele ruseşti în România o reprezintă compania cneazului Gagarin[17] specializată în navigație pe Dunăre şi în susținerea legăturilor cu Odesa. Această companie este încredințată protecției dumneavoastră speciale. Totodată, veți avea posibilitatea de a urmări cu atenție activitatea Comisiei Europene Internaționale de la Sulina[18] cu ajutorul rapoartelor reprezentantului nostru în respectiva comisie, care vă vor fi trimise în copie. Cu privire la acordul nostru economic cu România, semnat pe data de 4/16 decembrie 1886, Guvernul român ne-a comunicat deja încetarea acestuia începând cu data de 28 iunie/10 iulie a acestui an. Acesta [Guvernul român] are în vedere introducerea unor taxe comune pentru mărfurile provenind din toate statele, cu nivele minime şi maxime ale taxelor[19]. Creşterea sau micşorarea nivelului acestor taxe între aceste limite va depinde de înțelegerile separate cu statele străine, avându-se în vedere beneficiile oferite la rândul lor României. Pe această bază, Excelența Voastră va trebui să inițieze, probabil, în viitorul apropiat, negocieri în acest sens.

Acestea sunt în linii mari relațiile noastre politice, spirituale şi economice cu România, care, prin aşezarea sa geografică, între noi, Austro-Ungaria, Serbia şi Bulgaria, are pentru noi o indiscutabilă importanță politică şi strategică.

Dintre chestiunile speciale de care ați luat cunoştință în arhiva Departamentului Asiatic[20] o importanță deosebită o are chestiunea privind delimitarea granițelor şi aşa zişii „protégés”[21].

Contactele la granițe oferă motivul pentru dispute frecvente cu România, ca urmare a persecutării pescarilor noştri în brațul Chilia al Dunării.

Delimitările de graniță de aici se bazează pe un protocol semnat între noi şi Guvernul român pe data de 5 decembrie 1878[22]. Din păcate însă, acest protocol nu conține deloc referințe la drepturile comune la pescuit, fapt care oferă autorităților române pretexte pentru nenumărate abuzuri. Încetarea acestor abuzuri, asupra cărora Guvernul imperial consideră necesar să vă atragă în mod special atenția, ar fi posibilă doar prin încheierea unei convenții speciale relative la pescuitul pe Dunăre.

„Protejații" noştri din România constau aproape exclusiv din credincioşii de rit vechi, cele mai condamnabile secte sau evrei. Aceştia sunt scutiți de serviciul militar, iar lista lor a fost pusă la dispoziția Guvernului român de către unul dintre predecesorii dumneavoastră, cneazul Urusov[23], însă autoritățile locale doresc ca ei să se supună, din toate punctele de vedere, aceloraşi reguli ca toți supuşii români.

În încheiere, consider că este de obligația mea să adaug câteva cuvinte despre emigranți, în general, şi fugarii bulgari din România.

Această țară s-a transformat de mult timp în refugiu pentru personalități politice periculoase, expulzate din diferite state europene[24]. Acest lucru ne-a determinat să întărim controlul granițelor şi să instituim chiar în România o agentură polițienească secretă[25]. Excelența Voastră veți lua cunoştință de activitatea acesteia la preluarea postului dumneavoastră.

În ceea ce-i priveşte pe supuşii bulgari, care părăsesc Bulgaria ca urmare a prigoanei din partea Guvernului de la Sofia, acestora noi le oferim o protecție permanentă. Pentru ajutorarea persoanelor din această categorie, care merită încrederea noastră, la dispoziția dumneavoastră se va afla o parte a aşa numitului fond bulgar, constituit din plățile efectuate către noi de principatul bulgar în contul unor datorii.

De când nu avem reprezentanți în principat, România constituie pentru noi un punct de supraveghere a Bulgariei[26]. De aceea, obligația Excelenței Voastre este de a urmări, după posibilități, cu atenție ce se întâmplă pe celălalt mal al Dunării şi de a informa Guvernul imperial asupra tulburărilor şi altor incidente care pot avea loc acolo.

Vă rugăm să primiți şi etc.

APEIR, Fond Politarhiv, opis 482, dosar 639, filele 37-49.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] În text, în unele locuri, s-a intervenit cu alt scris, printre rânduri sau pe margini.

[2] Dimităr Rizov (1862–1918). Publicist, editor şi om politic bulgar. În 1885 a fost membru al guvernului provizoriu de la Plovdiv. În 1887 a fost singurul deputat în Marea Adunare Națională care a votat împotriva alegerii lui Ferdinand de Saxa-Coburg-Gotha în calitate de principe al Bulgariei. În 1891 a fost unul dintre organizatorii atentatului eşuat asupra prim-ministrului Ștefan Stambolov. A locuit câțiva ani în afara Bulgariei. Din 1897 a activat în serviciul diplomatic bulgar (С. Радев, *Строителите на съвременна България*, tom. 1, Sofia, 1973, p. 494-496, 506-508).

[3] Krăstiu Nojarov. Ofițer bulgar. Unul dintre participanții la tentativa de asasinare a lui Ș. Stambolov și a asasinării, pe data de 15 martie 1891, a ministrului de Finanțe, H. Belcev. Ulterior a fugit în Serbia.

[4] Stambolov a solicitat de la Guvernul Serbiei extrădarea lui Rizov și a lui Nojarov, iar Austro-Ungaria a făcut presiuni asupra Belgradului pentru satisfacerea acestei cereri. Drept urmare, Rizov și Nojarov au decis să se refugieze în Rusia prin România, fiind însă reținuți la Craiova. Exista pericolul de a fi extrădați în Bulgaria, însă adepții lor rusofili l-au rugat la prim-ministrul Serbiei, N. Pașici, să le asigure un alibi și să declare că în timpul atentatului din 15 martie se aflau la Belgrad. Într-adevăr, Rizov a fost în acea perioadă la Belgrad, iar în privința lui Nojarov Pașici a riscat, asumându-și răspunderea. Guvernul Florescu a ezitat un timp să ia o decizie, iar în urma presiunilor venite de la Sankt-Petersburg i-a eliberat pe Rizov și Nojarov, care au plecat în Rusia.

[5] Aluzie la faptul că pe parcursul anilor 1875-1876, în contextul izbucnirii crizei orientale, politicienii de orientare conservatoare, aflați în acele momente în guvern, au susținut neutralitatea României, deși guvernul rus s-ar fi așteptat la o atitudine binevoitoare Rusiei.

[6] Trimitere la faptul că unele prevederi din Constituția României, adoptată în 1866, erau inspirate din Constituția belgiană din 1831.

[7] Aceste idei erau în mare parte împărtășite și de către diplomații altor țări acreditați în capitala României. Aceștia sesizau firea închisă a regelui Carol I, considerând că suveranul român evita pe cât posibil contactul cu poporul.

[8] A se vedea comentariile la documentul nr. 24 din 14 aprilie 1890.

[9] Potrivit articolului 45 al Tratatului de la Berlin (1878), cele trei județe (Cahul, Ismail, Bolgrad) din sudul Basarabiei reintrau în componența Imperiului Rus, ceea ce a nemulțumit atât clasa politică românească, cât și pe Carol I.

[10] Referință la relațiile economice dintre România și Serbia. La 19 februarie/3 martie 1890 a fost semnată Convenția de comerț dintre Serbia și România, precum și un acord separat pentru livrarea sării românești către Serbia. Pe de altă parte, la sfârșitul anului 1889, guvernul sârb luase decizia suprimării postului de ministru plenipotențiar de la București. (Pentru mai multe detalii asupra evoluției relațiilor între cele două state la sfârșitul secolului XIX și în primii ani ai secolului XX, a se vedea Bogdan Catană, *Relații diplomatice româno-sârbe 1880-1913*, Craiova, 2009.)

[11] Trimitere la „Legea secularizării averilor mănăstirești", care a fost adoptată la 17/29 decembrie 1863.

[12] Ca răspuns la secularizarea în România a domeniilor mănăstirești, autoritățile ruse au scos moșiile din Basarabia ale mănăstirilor din Moldova de sub administrarea acestora. Printr-o decizie din luna mai 1864 a guvernului țarist, moșiile mănăstirești din Basarabia subordonate Moldovei urmau să fie scoase la licitație. În cazul domeniilor care aparțineau mănăstirilor închinate, sistemul de administrare nu a fost modificat. În 1873, moșiile și pădurile mănăstirilor închinate, la fel ca și proprietățile bisericilor și mănăstirilor din Moldova, au fost date în administrarea statului, cu păstrarea vechiului drept de proprietate. În luna noiembrie 1873, autoritățile centrale ruse au stabilit modalitatea de administrare a moșiilor mănăstirești din Basarabia aflate în administrarea statului (Valentin Tomuleț, *Basarabia în epoca modernă (1812-1918). Instituții, regulamente, termeni*, vol. 2, Chișinău, 2012, p. 191).

[13] Aceste plăți erau efectuate în virtutea păstrării dreptului la proprietate.

[14] Asociația Ortodoxă de la Iași a fost înființată în aprilie 1885. Președintele acestei asociații a fost ales episcopul Melchisedec, iar ca secretari George Balș și Emanuel Conachi Vogoride. Printre membrii asociației se numărau Nicolae Rosetti-Roznovanu, Nicu Ceaur Aslan, iar din 1886 Nicolae Kretzulescu, ministru plenipotențiar al României la Sankt-Petersburg în perioada 1881-1886 (Adrian-Bogdan Ceobanu, *Relații politico-diplomatice româno-ruse 1878-1893*, teză de doctorat, Iași, 2013, subcapitolul V.3., *Câteva considerații privitoare la Asociația Ortodoxă de la Iași*, p. 275-285).

[15] Printr-o decizie din octombrie 1885, autoritățile de la Sankt-Petersburg au decis subvenționarea anuală a asociației cu suma de 27.400 de ruble.

[16] În urma tratatului de la Adrianopol din 1829, Delta Dunării a intrat sub controlul Rusiei. Peste câțiva ani a fost construită o biserică impunătoare, astăzi dispărută.

[17] În realitate, compania navală a cneazului Gagarin a fost transformată încă în 1886 în societatea pe acțiuni „Черноморско-Дунайское пароходство". A se vedea și comentariile la documentul nr. 23 din 14 aprilie 1890.

[18] Comisia Europeană a Dunării a luat ființă în 1856, lucrările desfășurându-se la Sulina. În majoritatea cazurilor, consulul Rusiei la Galați a fost și reprezentant în comisie. Pentru detalii: *Comisia Europeană a Dunării*, volum editat de Ion Agrigoroaiei, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza", 2010.

[19] Un nou acord comercial avea să fie semnat în octombrie 1893.

[20] La sfârșitul secolului XIX, în cadrul Ministerului de Externe al Imperiului Rus funcționau mai multe departamente: Consiliul ministerului, Cancelaria, Departamentul asiatic, Departamentul relațiilor interne și Departamentul de personal.

[21] Pentru comparație, a se vedea și documentul nr. 6 din 22 august 1888.

[22] Dat fiind că la sfârșitul anului 1878 încă mai existau divergențe între partea română și cea rusă privitoare la delimitarea granței în porțiunea Ismail – locul de vărsare a Prutului –, a fost semnat un proces verbal la 23 noiembrie/5 decembrie 1878. Din partea guvernului român au semnat colonelul Pencovici și locotenent-colonelul N. Demetrescu-Maican, în timp ce delegatul Imperiului Rus a fost colonelul Touguenhold. Procesul verbal avea în vedere chestiuni administrative, financiare și juridice (*The Map of Europe by Treaty. Showing the Various Political and Territorial Changes Which Have Take Place Since the General Peace of 1814*, vol. IV, 1875 to 1891, ed. by Sir Edward Hertslet, London, 1891, nr. 540, p. 2842-2843).

[23] Leon Urusov a fost primul ministru plenipotențiar al Rusiei la București. A ajuns în capitala României la sfârșitul anului 1880, rămânând în funcție până la mijlocul anului 1886. Pentru activitatea acestuia la București precum și pentru componența personalului legației în timpul mandatului său, a se vedea Adrian-Bogdan Ceobanu, *La Légation de Russie à Bucarest, 1880–1886. Représentants et activité* în „Revue des Études Sud-Est Européennes", București, tom L, 2012, p. 295-308.

[24] Referință la numărul mare de revoluționari ruși (în special *narodnici*) refugiați în România, dintre care o bună parte erau originari din Basarabia.

[25] Rezultatul activității poliției secrete ruseşti („Ohrana") în România a fost și arestarea și deportarea în nordul Rusiei, în toamna anului 1878, a lui Constantin Dobrogeanu-Gherea (Z. Ornea, *Viața lui C. Dobrogeanu-Gherea*, București, 1982, p. 127-143).

[26] La sfârșitul anului 1886 au fost întrerupte relațiile diplomatice dintre Rusia și Bulgaria.

28

Бухарест, 20 декабря 1891 г., № 39. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Судя по многочисленным наведённым мною справкам, путешествие короля Карла, как в Италию, так и в Германию, не имело последствием никаких соглашений с римским и берлинским кабинетами по отношению к внешней политике Румынии[1].

Но, хотя эта тема и не была затронута, меня уверяют, что и король Умберто, и император Вильгельм в разговорах своих со своим высоким гостем неоднократно высказывали тот интерес, который внушают им

значительные экономические успехи юного королевства и развитие его благосостояния. Император германский особенно настаивал на этом вопросе и выставлял на вид все выгоды, кои Румыния могла бы извлечь от заключения торгового договора с Центральными державами и присоединения к таможенной системе, начало коей положено в Берлине[2].

Мой французский коллега[3], который получил сведения от господина Олэнеску, министра публичных работ, прибавляет, что собеседник его застал короля весьма озабоченным всем тем, что по тому поводу было сказано ему императором Вильгельмом.

И действительно, хотя король Карл и вернулся в свою страну под впечатлением выставленных его высоким собеседником аргументов, он не может, однако, не сознавать, что нынешнее настроение, господствующее в Румынии, далеко не сочувственно к мысли о присоединении королевства к таможенному соглашению, покровительствуемому Тройственным союзом.

Общий таможенный тариф[4], утверждённый палатами весной текущего года, есть дело консерваторов. Покровительствуя некоторым отраслям местной промышленности, может быть, даже более, чем они того заслуживают, новый тариф оставляет всё-таки много свобод торговому обмену между Румынией и иностранными державами. Ныне хотят испытать действие этого тарифа и вернуться к системе торговых договоров лишь когда на практике будет доказана непригодность этого тарифа для страны.

В своём увлечении румыны надеются обойтись без большинства произведений мелкой германской и австрийской промышленности, весьма низкого, правда, качества, но коими завалены румынские рынки. К числу таковых принадлежат шерстяные ткани. Говорят, что уже много мелких фабрикантов из Трансильвании переселились в Плоешти и Бухарест и производят теперь в стране те самые изделия, какие прежде, под покровительством старых пошлин, составляли значительную отрасль ввоза.

Отчёт об общей торговле Румынии с заграничными державами за 1890[й] год, недавно опубликованный министерством финансов, послужил новым доказательством уверениям тех лиц, которые утверждают, что Румыния может сама удовлетворять своим потребностям и что, каково бы ни было направление её таможенной политики, Запад всё-таки будет у неё покупать её сельскохозяйственные произведения[5].

Ваше Высокопревосходительство, позволите мне повергнуть на Ваше благоусмотрение извлечение[6] из упомянутого выше отчёта, а также таблицу торгового движения портов Галаца и Брэилы[7].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 639, Листы 138-141 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В сентябре 1891 г. Карл I встретился с королём Италии Умберто I. После этого свидания он отправился в Зигмаринген, а оттуда в Берлин, где встретился с Вильгельмом II. Несмотря на то, что уже осенью этого года истекал срок соглашений с Тройственным союзом, второй союзный договор между Австро-Венгрией и Румынией был подписан лишь 25 июля 1892 г.

[2] Подписание торговой конвенции с Германией состоялось 9(21) октября 1893 г.

[3] Густав де Кутули был полномочным министром Франции в Бухаресте в период с октября 1885 до марта 1894 г.

[4] Закон об общем таможенном тарифе был принят парламентом в июне 1891 г. В отличие от правил, существовавших с мая 1866 г., новый тариф повлёк за собой изменения в промышленной сфере.

[5] О внешнеторговых связях Румынии в конце XIX – начале XX в., включая экспорт сельскохозяйственной продукции, см.: Axenciuc V. *Evoluţia economică a României: Cercetări statistico-istorice, 1859-1947*. Vol. III. *Monedă – Credit – Comerţ – Finanţe publice*. Bucureşti, 2000. P. 351–609. Об общеевропейском контексте вопроса см.: Murgescu B. *România şi Europa: Acumularea decalajelor economice, 1500–2010*. Iaşi, 2010. P. 130–148.

[6] Не публикуется.

[7] Не публикуется.

Bucureşti, 20 decembrie 1891, **nr. 39. Fonton către Giers**

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Judecând după informaţiile multiple obţinute de mine, călătoria regelui Carol în Italia şi Germania nu a avut drept consecinţă semnarea unor acorduri cu Guvernele de la Roma şi Berlin privind politica externă a României[1].

Totuşi, chiar dacă acest subiect nu a fost atins, sunt asigurat că regele Umberto şi împăratul Wilhelm în discuţiile lor cu înaltul oaspete, au invocat de mai multe ori interesul provocat de succesele economice importante ale tânărului regat şi de creşterea bunăstării sale. Împăratul german a insistat în special asupra acestei chestiuni şi a expus toate beneficiile pe care le-ar putea avea România în cazul semnării unui acord comercial cu Puterile Centrale şi al aderării la sistemul vamal, ale cărui baze au fost puse la Berlin[2].

Colegul meu francez[3], care a obţinut informaţii de la domnul Olănescu, ministru al Lucrărilor Publice, mai spune că interlocutorul său l-a găsit pe rege foarte preocupat de lucrurile care i-au fost spuse în acest sens de împăratul Wilhelm.

Într-adevăr, cu toate că regele Carol a revenit în ţară sub impresia argumentelor invocate de către înaltul său interlocutor, el nu poate să nu conştientizeze totuşi faptul că starea actuală a opiniei publice dominante din România nu agreează nici pe departe ideea alierii regatului la acordul vamal tutelat de către Tripla Alianţă.

Taxele vamale unice[4] adoptate de către Camere în primăvara acestui an reprezintă opera conservatorilor. Protejând unele ramuri ale industriei locale, poate chiar mai mult decât merită acestea, noile taxe lasă totuşi destule libertăţi schimbului comercial dintre România şi puterile străine. În prezent se doreşte verificarea impactului acestor taxe, revenirea la sistemul acordurilor comerciale fiind avută în vedere doar pentru cazul în care se va demonstra în practică inutilitatea acestor taxe pentru ţară.

În entuziasmul lor, românii speră să se poată dispensa de majoritatea produselor industriei mici germane şi austriece, care sunt, adevărat, de o calitate destul de joasă, dar care invadează pieţele româneşti. Printre acestea se numără stofele de lână. Se spune că foarte mulţi mici fabricanţi din Transilvania s-au stabilit deja la Ploieşti şi Bucureşti şi produc în ţară tocmai acele produse care reprezentau înainte, sub protecţia vechilor taxe vamale, o parte considerabilă a importurilor.

Bilanţul comerţului general al României cu puterile străine pentru anul 1890, publicat recent de către Ministerul Finanţelor, a oferit o nouă dovadă pentru asigurările acelor persoane, care afirmă că România îşi poate satisface singură necesităţile de consum şi că, indiferent de orientarea politicilor vamale, Occidentul va cumpăra totuşi produsele ei agricole[5].

Excelenţa Voastră, vă rog să-mi permiteţi să supun atenţiei dumnea-voastră un extras[6] din bilanţul amintit mai sus şi, de asemenea, un tabel cu mişcarea mărfurilor în porturile Galaţi şi Brăila[7].

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 639, filele 138-141 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] În septembrie 1891, Carol I s-a întâlnit cu regele Umberto I al Italiei. După această întrevedere a plecat la Sigmaringen, iar de acolo la Berlin, unde s-a întâlnit cu Wilhelm II. Chiar dacă în toamna aceluiaşi an expirau şi acordurile cu Tripla Alianţă, al doilea tratat de alianţă dintre Austro-Ungaria şi România avea să fie semnat abia la 25 iulie 1892.

[2] Semnarea convenţiei comerciale cu Germania a avut loc la 9/21 octombrie 1893.

[3] Gustave de Coutouly a fost ministru plenipotenţiar al Franţei la Bucureşti în perioada octombrie 1885 – martie 1894.

[4] Legea privitoare la tariful general al drepturilor de vamă a fost votată în iunie 1891. Spre deosebire de tariful din mai 1886, cel din 1891 aducea modificări în zona industrială.

[5] Pentru schimburile comerciale externe ale României la sfârşitul secolului XIX – începutul secolului XX, inclusiv exportul de produse agricole, a se vedea Victor Axenciuc, *Evoluţia economică a României. Cercetări statistico-istorice, 1859-1947*, vol. III, *Monedă – Credit – Comerţ – Finanţe publice*, Bucureşti, 2000, p. 351-609. Privitor la contextul general, vezi Bogdan Murgescu, *România şi Europa. Acumularea decalajelor economice, 1500-2010*, Iaşi, 2010, p. 130-148.

[6] Nu se publică.

[7] Nu se publică.

29

Бухарест, 5 января 1892 г., № 2. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Господин Александр Гика[1], вероятно, известный Вашему Высокопревосходительству как занимавший доныне пост румынского генерального консула в Будапеште, будучи недавно назначенным дипломатическим агентом в Софию, отправился к месту своего нового служения.

Господин Гика, прошедший все иерархические ступени действительной службы, человек ума спокойного, и политические взгляды его представляются умеренными. Из разговора, который я имел с этим дипломатом незадолго до его отъезда, я мог убедиться, что он далеко не сочувствует установившемуся в соседнем княжестве порядку вещей и что, весьма неохотно повинуясь приказанию ехать в Софию, он заранее знает, чему он там будет свидетелем.

Этот новый агент, таким образом, явится, по-видимому, лишь беспристрастным наблюдателем и исполнителем данных ему указаний. Румыния, надо надеяться, умеренная опытом, останется в будущем в стороне от всего того, что происходит в Софии и ограничится развитием и улучшением своих торговых сношений с княжеством.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 643, Листы 12-13.

[1] Профессиональный дипломат, родившийся в 1847 г. в Яссах, Александру И. Гика был генеральным консулом Румынии в Будапеште в 1888–1891 гг., после чего служил дипломатическим агентом и генеральным консулом в Софии (1891–1892). Скончался в 1902 г.

Bucureşti, 5 ianuarie 1892, nr. 2. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Domnul Alexandru Ghica[1], cunoscut probabil Excelenței Voastre ca deținând până în prezent postul de consul general al României la Budapesta, fiind numit nu demult în funcția de agent diplomatic la Sofia, a plecat spre locul noii sale misiuni.

Domnul Ghica, având experienţa ascensiunii pe toate treptele ierarhice ale serviciului activ, este un om de o inteligenţă calmă, iar viziunile sale politice ni se prezintă drept moderate. Din conversaţia pe care am avut-o cu acest diplomat cu puţin timp înaintea plecării sale, am putut să mă conving că el nu nutreşte nici cea mai mică simpatie faţă de ordinea lucrurilor instaurată în principatul vecin şi că, supunându-se fără nici o plăcere ordinului de a pleca la Sofia, el anticipează deja acele lucruri, al căror martor va fi acolo.

Acest nou agent diplomatic va deveni, astfel, din câte se pare, doar un observator nepărtinitor şi un executor al instrucţiunilor ce i se vor da. Ar trebui să sperăm că România, fiind îndemnată spre moderaţie de propria experienţă, va rămâne în viitor neimplicată în tot ceea ce se întâmplă la Sofia şi se va limita la dezvoltarea şi îmbunătăţirea relaţiilor sale comerciale cu acest principat.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 643, filele 12-13.

[1] Diplomat de carieră, născut în 1847, la Iaşi, Alexandru I. Ghica (decedat în 1902) a fost consul general al României la Budapesta în perioada 1888-1891, după care a activat în calitate de agent diplomatic şi consul general la Sofia (1891-1892).

30

Бухарест, 5 февраля 1892 г., № 9. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Несколько лет тому назад румынское правительство, желая иметь собственную церковь для многочисленных румын, проживающих в Париже, приобрело у кармелитов часовню на улице Бове[1]. Осенью минувшего года церковь была окончена отделкою, на что, по-видимому, издержано было несколько сот тысяч франков. В то же время распространились слухи о том, что к освящению церкви из Бухареста прибудет митрополит примас и хор певчих ясского собора. Со своей стороны, парижская пресса заговорила об этой поездке, обещая румынам особо демонстративный приём. Между тем, время освящения храма под разными предлогами откладывалось, пока не стало известно, что поездка митрополита примаса и хора совсем не состоится[2]. Немедленно распространились толки о том, что распоряжение это последовало по воле короля, будто бы опасавшегося в интересах Тройственного союза какой-

либо демонстрации Франции по отношению к румынам. В то же время объяснили, что королю, как католику, было бы неприятно, если бы освящению православного храма была придана особая торжественность. Австро-славянская печать заинтересовалась этим вопросом и высказалась в том же смысле. Ввиду сего считаю нелишним высказать, что король Карл, несмотря на своё исповедание, безусловно, сознал свой долг и неизменно был совершенно безукоризнен по отношению к православной церкви. Имея полную возможность устроить во дворце своём католическую часовню, король никогда не воспользовался этим правом. При назначении на днях скончавшегося бухарестского епископа монсеньора Пальмы[3], король настаивал, вопреки намерениям курии, на назначении не иезуита, так как лиц этого ордена он не намерен допустить к пребыванию в Румынии.

Вышеизложенное достаточно доказывает, насколько преувеличено всё то, что говорится относительно клерикальных тенденций короля и выставляет на вид несправедливость наветов, заключающихся в одном из русинских журналов, издаваемом во Львове, и вырезку из коего имею честь представить при сём на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства[4]. Упомянутый в означенном приложении вопрос об органе для католического здешнего собора является ни более, ни менее как измышлением. Сумма, необходимая для покупки этого органа, составилась частью по подписке, частью была выручена от концерта, данного с этою целью в Атенее.

Несмотря на всё вышеизложенное, король Карл остаётся, тем не менее, в стране этой «инородцем»; он доныне не успел освоиться с призвавшим его народом, в глазах коего он по-прежнему остаётся «немцем». Он говорит по-румынски, так же, как впрочем, и по-французски, с сильным немецким акцентом. Случалось, как мне говорили, что при чтении тронной речи произношение его иногда вызывало среди присутствующих даже смех. Его холодный темперамент, методичный характер и любовь его к уединению и даже простота не соглашаются с местными обычаями. В натуре короля нет ни жару, ни увлечения. Более снисходительно оценивают Его Величество лишь те немногочисленные лица, которые приближены к нему и которые могут судить о тонкости его ума, развитии и трудолюбии. Король щедр, говорят, по отношению к тем, кто обращается к нему за помощью, или о коих ему известно, что они в трудности. Но его щедрость не служит ему во благо. Его дары, предлагаемые, говорят, весьма деликатно и иногда доходящие до нескольких десятков тысяч франков, как например, подарок сделанный покойному Когэлничану[5], принимаются, но немедленно же выходя от короля, его обвиняют в скупости и мелочности. Много толкуют о значительных частных поместьях короля, но эти поместья были куплены, когда стоимость их была ничтожна и ценность их возросла лишь в виду способа управления ими.

Значительная часть доходов с этих имений употребляется на улучшения. Во всяком из них построены церкви, школы и благотворительные учреждения для неимущих. Но всё это не создаёт королю популярности. Возможность подобной популярности предсказывают лишь тем молодым принцам, которые когда-нибудь родятся от брака нынешнего наследника престола. Принцы, рождённые здесь, вскормленные румынками и говорящие лишь по-румынски, одни, говорят, будут иметь прочные симпатии в стране. Поэтому здесь крайне желают, чтобы брак наследника состоялся. По этому поводу бывший министр иностранных дел и другие высказывали мне, насколько были бы счастливы браку принца Фердинанда с принцессой Эдинбургской ввиду родственных связей с императорским домом. Пожелания эти ещё более были подтверждены словами, сказанными мне одним из лиц моих старинных знакомых румын: «Союз наследного принца с дочерью герцогини Эдинбургской осуществил бы надежды всех румын. Тогда мы могли бы надеяться, что Россия несколько будет покровительствовать нам».

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 643, Листы 44-51.

---

[1] Согласно газетной статье, прилагаемой к данному донесению, часовня находилась в доме № 9 по улице Жана де Бове. До 1880 г. она принадлежала монахам-доминиканцам. Была куплена румынским государством в сентябре 1882 г.

[2] 2 февраля 1892 г. священник Иоан Северин произвел благословенный молебен, а 31 мая состоялось освящение церкви синодом духовенства во главе с епископом Иннокентием Плойештяну, викарием митрополита примаса Иосифа Георгиана. См.: Ducă L. Gh. *Biserica exilului românesc din Paris s-a întors acasă* // Lumina. 2009. 25 iunie.

[3] 19 мая 1885 г. папа римский Лев XIII назначил архиепископом Бухареста монсеньора Паоло Джузеппе Пальма.

[4] Вырезка статьи «Из Бухареста. Франция и Карл I, король Румынии». Автор: «Дунайский». Без названия газеты. Лист 51 не публикуется.

[5] Михаил Когэлничану скончался в Париже 1 июля 1891 г.

Bucureşti, 5 februarie 1892, **nr. 9. Fonton către Giers**

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Acum câțiva ani, Guvernul român, dorind să aibă o biserică proprie pentru numeroşii români care locuiesc la Paris, a achiziționat de la călugării carmeliți o capelă pe strada Beauvais[1]. În toamna anului trecut renovarea

bisericii a fost finisată, iar în acest scop, se pare, au fost cheltuiți câteva sute de mii de franci. În acelaşi timp, s-au răspândit zvonuri privitoare la faptul că, pentru sfințirea bisericii, va sosi din Bucureşti mitropolitul primat, precum şi un cor al cântăreților de la catedrala ieşeană. Din partea sa, presa pariziană a început să vorbească despre această călătorie, promițându-le românilor o primire deosebit de elocventă şi simbolică. Între timp, termenul de sfințire a lăcaşului sfânt era amânat, sub diverse pretexte, până în momentul când s-a aflat că această călătorie a mitropolitului primat şi a corului nu va mai avea loc[2]. Imediat s-au făcut auzite presupuneri şi zvonuri precum că o asemenea dispoziție ar fi fost luată conform voinței regelui, care ar fi avut anumite temeri legate de vreun gest demonstrativ al Franței față de români, contrar intereselor Triplei Alianțe. În acelaşi timp, se explica faptul că regelui, în postura sa de catolic, i-ar fi fost neplăcut dacă sfințirii unei biserici ortodoxe i s-ar fi acordat o solemnitate deosebită. Presa slavă din Austria a devenit interesată de această chestiune şi a început să se exprime în acelaşi sens. Având în vedere toate acestea, nu cred că ar fi de prisos să afirm că regele Carol, în pofida confesiunii sale, şi-a conştientizat fără îndoială datoria şi a avut, în mod constant, o atitudine absolut ireproşabilă față de Biserica Ortodoxă. Având în totalitate posibilitatea de a inaugura o capelă catolică în palatul său, regele nu s-a folosit niciodată de acest drept. În momentul numirii episcopului de Bucureşti, monseniorului Palma[3], decedat zilele acestea, regele a insistat, în pofida intențiilor curiei papale, ca să nu fie numit un iezuit, deoarece el nu are de gând să permită aflarea membrilor acestui ordin pe teritoriul României.

Cele expuse mai sus demonstrează în mod suficient cât de exagerat este tot ceea ce se spune în legătură cu tendințele clericale ale regelui şi scot în evidență caracterul nedrept al calomniilor care se conțin în paginile uneia dintre revistele rutene publicate la Lvov. Am onoarea să anexez un extras din această revistă la acest raport şi să-l pun la dispoziția Excelenței Voastre[4]. Chestiunea privind orga pentru catedrala catolică de aici, amintită în anexa mai sus menționată, este nici mai mult nici mai puțin decât o invenție. Suma necesară pentru cumpărarea acestui instrument a fost adunată, parțial, prin subscripție, iar parțial ca urmare a profitului rezultat din concertul organizat cu acest scop la Ateneu.

În pofida tuturor celor expuse mai sus, regele Carol rămâne, cu toate acestea, un „străin" în această țară; până în prezent, el nu a reuşit să se acomodeze cu poporul care l-a chemat la tron, în ochii căruia el rămâne încă, la fel ca în trecut, un „neamț". El vorbeşte româna, ca, de altfel, şi franceza, cu un puternic accent german. După cum mi s-a spus, s-a întâmplat ca, în timpul citirii Mesajului Tronului, pronunția sa să provoace uneori chiar şi ilaritate printre cei prezenți. Temperamentul său rece, caracterul metodic şi pedant, atracția sa față de singurătate şi izolare, chiar şi simplitatea sa nu se potrivesc cu obiceiurile locale. În natura regelui nu există nici înfocare, nici pasiune. Pe Majestatea Sa îl apreciază cu mai multă îngăduință doar acele puține persoane deosebit de apropiate față de rege şi care pot judeca direct despre subtilitatea inteligenței

sale, despre dezvoltarea sa multilaterală şi despre hărnicia sa. Se spune că regele este generos faţă de cei care i se adresează cu cereri de ajutor sau faţă de cei despre care ştie că au dificultăţi. Însă generozitatea sa nu îi este neapărat favorabilă. Darurile sale, oferite, se spune, cu foarte mare atenţie, care uneori pot ajunge şi până la câteva zeci de mii de franci, ca, de exemplu, cadoul pentru răposatul Kogălniceanu[5], sunt acceptate, însă, imediat ce beneficiarii ies de la rege, acesta este acuzat de zgârcenie şi lipsă de generozitate. Aici se vorbeşte mult despre importantele domenii private ale regelui, dar aceste moşii au fost cumpărate atunci, când costul lor era infim, iar valoarea lor a crescut doar datorită modului în care au fost administrate.

O mare parte a veniturilor obţinute de pe aceste moşii sunt folosite pentru diverse îmbunătăţiri. În oricare dintre ele au fost construite biserici, şcoli şi instituţii caritabile pentru cei nevoiaşi. Însă toate acestea nu îi creează o popularitate durabilă regelui. Posibilitatea unei asemenea popularităţi le este prezisă doar acelor tineri prinţi, care se vor naşte vreodată din căsătoria actualului moştenitor al tronului. Aceşti prinţi, născuţi aici, hrăniţi şi crescuţi de române şi vorbind doar limba română, doar aceşti prinţi, se spune, vor avea parte de simpatii trainice în ţară. Din această cauză, aici se doreşte foarte mult ca viitoarea căsătorie a moştenitorului tronului să fie reuşită. În această privinţă, fostul ministru al afacerilor externe, dar şi alţii îmi spuneau cât de bucuroşi ar fi toţi de căsătoria principelui Ferdinand cu principesa de Edinburgh, având în vedere legăturile sale de rudenie cu Casa Imperială. Aceste doleanţe mi-au fost confirmate încă o dată de cuvintele pe care mi le-a spus o persoană din rândul vechilor mei cunoscuţi români: „Uniunea dintre principele moştenitor şi fiica ducesei de Edinburgh ar fi o realizare a speranţelor tuturor românilor. Atunci noi am putea spera că Rusia ne va acorda, întrucâtva, protecţia sa".

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 643, filele 44-51.

---

[1] Potrivit articolului de presă ataşat la acest raport, capela se afla în strada Jean de Beauvais nr. 9. Până în 1880 a aparţinut călugărilor dominicani. A fost cumpărată de către statul român în septembrie 1882.

[2] Pe data de 2 februarie 1892, preotul Ioan Severin a condus o slujbă de binecuvântare, iar sfinţirea bisericii a avut loc pe data de 31 mai 1892, fiind oficiată de un sobor de preoţi condus de episcopul Inochentie Ploieşteanu, vicarul mitropolitului primat Iosif Gheorghian (Lucian Gheorghe Ducă, *Biserica exilului românesc din Paris s-a întors acasă*, în ziarul „Lumina", joi, 25 iunie 2009).

[3] La 19 mai 1885, Papa Leon XIII l-a numit arhiepiscop de Bucureşti pe Monseniorul Paolo Giuseppe Palma.

[4] Extras din articolul *Из Бухареста. Франция и Кароль I, король Румынии*. Autor: „Дунайский". Numele publicaţiei nu este indicat în raport. Anexa nu se publică.

[5] Mihail Kogălniceanu a decedat la Paris la 1 iulie 1891.

31

Бухарест, 20 февраля 1892 г., № 14. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Императорскому правительству небезызвестно, что в Румынии пребывает немалое число русских эмигрантов, нашедших здесь приют и безопасность[1]. Кроме этих лиц, здесь находятся также несколько молодых людей, утверждающих, что они покинули Россию ввиду особой привязанности их ко всему румынскому и невозможности жить иначе как среди «высокоразвитого румынского общества». Подобная лесть, ласкающая самолюбие румын, предоставляет этим молодым людям, записывающимся в студенты здешнего университета, некоторые денежные средства и возможность существования и нередко даёт им также протекции университетских профессоров, отличающихся, без исключения, крайним либерализмом. Ныне, под председательством начальника румынского государственного архива и бывшего русского офицера, господина Хашдеу[2], образовалось особое общество[3] для содействия недостаточным студентам бессарабским уроженцам. Весьма возможно, что общество это, если ему удастся окрепнуть и развиться, быть может, привлечёт сюда из России несколько молодых людей, которые будут рады воспользоваться материальной поддержкой тщеславных шовинистов, взявших на себя почин сего дела.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 643, Листы 68-69 об.

[1] См. документ № 27 от 29 мая 1891 г. и сопутствующие комментарии.

[2] Богдан Петричейку Хашдеу был директором государственного архива в Бухаресте с мая 1876 до апреля 1900 г.

[3] Речь идёт об обществе «Милков», созданном в 1890 г. и возглавляемом Хашдеу. Его секретарём являлся Замфир Арборе.

Bucureşti, 20 februarie 1892, nr. 14. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Guvernului imperial îi este bine cunoscut că în România se află un număr însemnat de emigranți ruși, care au găsit aici adăpost şi siguranță[1]. În afară de aceste persoane, aici se află de asemenea câțiva tineri care afirmă că ei au părăsit Rusia din cauza afecțiunii lor deosebite față de tot ce este românesc şi a imposibilității de a trăi altfel decât în mijlocul „societății româneşti înalt dezvoltate". Asemenea vorbe măgulitoare, care mângâie orgoliul românilor, le oferă acestor tineri, care obişnuiesc să se înscrie în rândurile studenților universității de aici, anumite mijloace băneşti, precum şi posibilitatea de a-şi asigura existența. Deseori, acest lucru le oferă, de asemenea, şi protecția profesorilor universitari, care se caracterizează, fără excepție, printr-un liberalism extrem. În prezent, sub preşedinția directorului Arhivei de Stat din România şi a fostului ofițer rus, domnul Hasdeu[2], a fost creată o societate specială[3] pentru asistența studenților fără mijloace suficiente originari din Basarabia. Este foarte posibil ca această societate, dacă va reuşi să se consolideze şi să se dezvolte, să atragă aici pe câțiva tineri din Rusia, care vor fi bucuroşi să profite de sprijinul material oferit de acei şovini orgolioşi care şi-au asumat inițiativa în această chestiune.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 643, filele 68-69 verso.

[1] A se vedea documentul nr. 27 din 29 mai 1891 şi comentariile aferente.

[2] Bogdan Petriceicu Hasdeu a fost director al Arhivelor Statului din Bucureşti în perioada mai 1876 – aprilie 1900.

[3] Trimitere la societatea „Milcov", înființată la 1890, condusă de Hasdeu şi avându-l pe Zamfir Arbore în calitate de secretar.

32

Бухарест, 20 мая 1892 г., № 30. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Наследный принц и принцесса Саксен-Мейнингенские[1], до отбытия их из Бухареста, присутствовали на праздновании годовщины провозглашения независимости королевства.

Их Высочества, сопровождавшие короля и принца Фердинанда в митрополию, где состоялось обычное торжественное молебствие, присутствовали засим на параде, на котором собрано было в нынешнем году до 10 тысяч человек пехоты, кавалерии и артиллерии.

Кроме этого, и ряд других военных зрелищ предложены были королём Карлом высокому своему гостю, а именно посещены были арсенал, лагерный сбор в Котрочень и засим не только укрепления в окрестностях Бухареста, но предпринята была принцем Мейнингенским в сопровождении наследного принца дальняя поездка в Галац для осмотра тамошних фортов.

Одна ли любознательность или склонность военного человека возбудили у гостя короля это желание так близко ознакомиться с румынскими боевыми силами и сооружаемыми здесь укреплениями, или посещения эти вызваны были тщеславием короля, гордящегося своей армией и в особенности укреплениями, представляющими собою – как здесь единогласно утверждается – последнее слово фортификационного искусства.

При этом невольно рождается вопрос, не следовало бы королю Карлу в данном случае быть более скромным; некоторая сдержанность в этом отношении при выполнении долга гостеприимства была бы, конечно, более уместною, дабы не подать повода к каким бы то ни было предположениям.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 643, Листы 119-121.

[1] В начале мая Бернгард, герцог Саксен-Мейнингенский, и его супруга Шарлотта, дочь императора Фридриха III, были гостями румынского монарха в течение нескольких дней.

Bucureşti, 20 mai 1892, nr. 30. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Principele Moştenitor şi principesa de Saxa-Meiningen[1], înainte de plecarea lor din Bucureşti, au fost prezenți la sărbătorirea aniversării declarării independenței regatului.

Altețele Lor, care l-au însoțit pe rege şi pe principele Ferdinand la Mitropolie, unde a avut loc obişnuitul serviciu divin solemn, au participat după aceea şi la parada militară, la care s-au adunat în acest an până la 10 mii de oameni din trupele de infanterie, cavalerie şi artilerie.

În afară de aceasta, regele Carol i-a oferit înaltului său oaspete şi un şir de alte spectacole şi reprezentaţii militare, şi anume au fost vizitate arsenalul şi tabăra de instrucţie de la Cotroceni. După aceea, au fost vizitate nu doar fortificaţiile din împrejurimile Bucureştiului, ci principele de Meiningen, fiind însoţit de principele moştenitor, a întreprins şi o călătorie pe distanţă lungă, la Galaţi, cu scopul inspectării forturilor de acolo.

Oare doar simpla curiozitate sau înclinaţie a omului legat de sfera militară i-au stârnit oaspetelui regelui această dorinţă de a face cunoştinţă într-atât de aproape cu forţele armate româneşti şi cu fortificaţiile construite aici, sau poate aceste vizite au fost motivate de orgoliul regelui, care este mândru de armata sa şi, în special, de fortificaţiile sale, care reprezintă – aşa cum se afirmă aici în mod unanim – ultimul cuvânt în materie de artă a fortificaţiei?

În acelaşi timp, în mod involuntar, apare întrebarea dacă nu cumva regele Carol ar trebui, în acest caz, să fie mai modest; o oarecare reţinere în această privinţă, chiar şi atunci când este respectată datoria ospitalităţii, ar fi, desigur, mai potrivită, astfel încât să nu se furnizeze vreun pretext pentru orice fel de presupuneri.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 643, filele 119-121.

[1] La începutul lunii mai, Bernhard, duce de Saxa-Meiningen, şi soţia acestuia, Charlotte, fiica împăratului Friedrich III, l-au vizitat pentru câteva zile pe suveranul român.

33

Бухарест, 5 июня 1892 г., № 38. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

В дополнение к известному уже Вашему Высокопревосходительству из одного из последних моих донесений правительственному сообщению[1], напечатанному в местных газетах по делу о рущукских бомбах[2], имею честь почтительнейше представить при сём сообщённую мне г. Лаховари выписку из внесённого министром юстиции в Совет министров доклада о результатах дознаний по сему делу.

Если составленное для газет сообщение по скудности помещённых в нём данных наводило на мысль, что всё это дело неимоверно было здесь раздуто, содержанием прилагаемой выписки далеко не выясняется та особенная важность, которую придавали здесь так называемому

динамитному заговору, предназначенному, будто бы, произвести общий переворот на Востоке.

Из упомянутой выписки усматривается, что дознания производились одновременно прокурорским надзором в Ботошань, в Галаце, в Фокшань, в Джурджу и даже бухарестским генеральным прокурором. Тревога поднята была на всех концах края, и одним из министров заявлено было даже в палате, что опасность, угрожающая спокойствию королевства, требовала особенной бдительности правительства.

Рядом с этим, крайняя таинственность по отношению к результатам судебного следствия и необыкновенное усердие румынских властей придали этому делу загадочный характер, разъяснение которого, всего вероятнее, должно искать в желании, с одной стороны, королевского правительства угодить софийским заправилам, стремившимся, очевидно, снискать себе благорасположение Порты обнаружением, при шумной обстановке, далеко не выясненного достаточно, а, быть может, и отчасти вымышленного заговора против Турции, а с другой, в послушном подчинении бухарестского кабинета внушениям графа Кальноки, адресовавшего, как мне известно из конфиденциального источника, господину Лаховари, быть может, по просьбе даже из Софии, весьма серьёзные наставления об обязанности Румынии не допускать на своей территории никаких предприятий, могущих угрожать спокойствию на Балканском полуострове.

В доверительном разговоре с одним из моих сотоварищей о том, как мало сообщённая ему и мне выписка из доклада министра юстиции оправдывает шум, поднятый здесь по поводу рущукских бомб, он высказал мне твёрдое своё убеждение, что при составлении этой выписки выпущены существенные подробности, обнаруженные следствием, присовокупив при этом, что заговор вовсе не лишён возможности, в чём он вполне убедился из дошедшей до него переписки из Софии и из Константинополя.

В заключение, нелишним, быть может, отметить, что в здешней печати и даже в некоторых политических кружках поныне держится тенденциозный слух, что принимавшие участие в деле рущукских бомб армяне были орудием так называемых в известной среде «панславистских» комитетов и что заговор, главным образом, направлен был против существующего в Болгарии порядка вещей.

Прилагаемая у сего выписка из либеральной газеты «La Patrie»[3] содержит мнимое письмо из Константинополя, очевидно, здесь составленное, представляющее собою образец тех нелепостей, которые печатаются здесь со времени возникновения дела об армянском заговоре.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 643, Листы 151-159.

[1] № 26 от 5 мая 1892 г. (не публикуется).

[2] Еще 19 ноября 1891 г. болгарский дипломатический агент в Константинополе Г. Вылкович уведомил Порту о том, что из Галаца в Русе (Рущук) и Свиштов доставлены бомбы, которые русофильские террористы, дескать, надеются применить при покушениях на болгарского князя Фердинанда и главу правительства Стамболова. Как писала в мае 1892 г. марсельская газета «Армения», в ответ «болгарскому правительству попытались доказать, что армяне заключили союз с недовольными болгарами для свержения правительства султана, а заодно с ним и князя Фердинанда», и болгарское «правительство подозревает армян в соучастии с русскими нигилистами» в совместном «болгаро-русско-армянском заговоре против Его Величества». Аналогичные слухи носились и в европейской прессе. В начале апреля 1892 г. болгарская полиция произвела массовые обыски среди армянского населения в Русе и других болгарских городах. Обнаруженные при этом самодельно изготовленные ручные гранаты, изготовленные местной организацией армянской политической партии «Гнчак», близкой к российским народникам, дали повод к массовым арестам болгарских армян. Обыскам и арестам подверглись также армяне в Румынии. Однако известные ныне источники пока не подтверждают наличие такого широко организованного заговора с целью якобы одновременного разжигания революции в Западной Армении и Болгарии.

[3] Не публикуется.

Bucureşti, 5 iunie 1892, nr. 38. Fonton către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

În completare la anunţul guvernamental tipărit în ziarele locale, pe care Excelenţa Voastră îl cunoaşte deja din cuprinsul unuia dintre ultimele mele rapoarte[1], cu privire la afacerea legată de bombele din Rusciuk[2], am onoarea să vă prezint respectuos, în anexă, un extras din raportul despre rezultatele anchetei asupra acestei chestiuni, depus de ministrul Justiţiei la Consiliul de Miniştri, care mi-a fost comunicat şi transmis de domnul Lahovari.

Dacă anunţul compus pentru a fi transmis ziarelor, din cauza datelor insuficiente din cuprinsul său, părea să ducă la concluzia că întreaga afacere a fost exagerată aici într-un mod incredibil, prin conţinutul extrasului anexat la raport nu se clarifică nici pe departe acea importanţă particulară care i-a fost acordată aici aşa-numitei „conspiraţii a dinamitei”, care ar fi fost, chipurile, predestinată să producă o răsturnare generală în Orient.

Din extrasul menţionat mai sus devine evident că anchetele au fost efectuate în acelaşi timp de organele afiliate parchetelor din Botoşani, Galaţi, Focşani, Giurgiu şi chiar de Procurorul General din Bucureşti. S-a dat alarma generală în toate colţurile ţării, iar unul dintre miniştri a declarat chiar în plenul Camerei că pericolul care ameninţă liniştea şi pacea regatului necesită o vigilenţă specială din partea guvernului.

Alături de aceasta, atitudinea extrem de misterioasă faţă de rezultatele anchetei judiciare, precum şi râvna neobişnuită a autorităţilor române i-au

conferit întregii afaceri un caracter destul de enigmatic. Clarificarea acestui mister ar trebui, cel mai probabil, căutată, pe de o parte, în dorința Guvernului regal de a face pe plac capilor regimului de la Sofia, care încercau, în mod evident, să-şi câştige bunăvoința şi simpatia Porții prin descoperirea, într-o atmosferă zgomotoasă, a unui complot împotriva Turciei, care nu este nici pe departe suficient de documentat şi clarificat, şi, poate, este în mare parte chiar inventat. Pe de altă parte, este vorba de supunerea docilă a cabinetului de la Bucureşti față de sugestiile asidue ale contelui Kálnoky, care i-a adresat domnului Lahovari, aşa cum am putut să aflu dintr-o sursă confidențială, poate chiar şi la rugămintea Guvernului de la Sofia, nişte instrucțiuni foarte serioase referitoare la obligația României de a nu permite, pe teritoriul său, nici un fel de potențiale acțiuni care ar putea ameninta liniştea în Peninsula Balcanică.

Într-o conversație confidențială, pe care am avut-o cu unul dintre colegii mei, referitor la faptul cât de puțin justifică extrasul din raportul ministrului Justiției care i-a fost comunicat atât lui, cât şi mie, întreaga zarvă pornită aici în legătură cu bombele din Rusciuk, el mi-a exprimat ferma sa convingere că în procesul elaborării acestui extras au fost omise anumite detalii semnificative descoperite în cursul anchetei. Cu această ocazie, el a adăugat că posibilitatea existenței unei conspirații nu ar trebui deloc exclusă, el convingându-se pe deplin de acest lucru pe baza corespondenței din Sofia şi din Constantinopol care a ajuns până la el.

În concluzie, poate că nu ar fi de prisos să observ că în presa de aici, şi chiar în unele cercuri politice, se menține până în prezent zvonul tendențios că armenii care au participat direct la afacerea bombelor de la Rusciuk au fost instrumentul aşa-numitelor (în unele medii bine cunoscute) „comitete panslaviste" şi că această conspirație a fost îndreptată, în mod principal, contra actualei ordini de lucruri existente în Bulgaria.

Extrasul din ziarul liberal „La Patrie"[3], pe care îl anexez la acest raport, conține o falsă scrisoare din Constantinopol, care, în mod evident, a fost compusă aici, şi care reprezintă o mostră a acelor absurdități tipărite aici începând din momentul apariției chestiunii referitoare la conspirația armeană.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 643, filele 151-159.

[1] Nr. 26, din 5 mai 1892. Nu se publică.

[2] Încă de pe data de 19 noiembrie 1891, agentul diplomatic bulgar de la Constantinopol, Gh. Vălkovici, a informat Poarta despre transportarea de la Galați la Ruse şi Sviştov a unor explozive, pe care teroriştii rusofili ar intenționa să le folosească pentru asasinarea principelui bulgar Ferdinand şi a prim-ministrului Stambolov. În luna mai 1892, ziarul „Armenia" din Marsilia scria că, „răspunzând guvernului bulgar, s-a încercat să se demonstreze că armenii au încheiat o alianță cu bulgarii nemulțumiți pentru înlăturarea guvernului sultanului şi a principelui Ferdinand" şi că „guvernul bulgar îi suspectează pe armeni de colaborare cu nihiliştii ruşi" la „complotul comun bulgaro-ruso-armean împotriva Majestății Sale". Zvonuri similare circulau şi

în presa europeană. La începutul lunii aprilie 1892, poliția bulgară a efectuat percheziții în masă în rândul populației armene din Ruse și alte orașe bulgare. Descoperirea cu această ocazie a unor grenade artizanale, confecționate de filiala locală a partidului politic armean „Gnciak", apropiat de narodnicii ruși, a oferit pretextul arestărilor în masă a armenilor bulgari. Percheziților și arestărilor au fost supuși și armenii din România. Totuși, sursele cunoscute până în prezent nu confirmă existența unui complot de amploare, cu scopul declanșării simultane a revoluției în Armenia Occidentală și Bulgaria.

[3] Nu se publică.

34

Бухарест, 20 сентября 1892 г., № 54. Фонтон – Шишкину

Его Высокопревосходительству Н.П. Шишкину

Милостивый государь Николай Павлович,

Считаю долгом препроводить при сём на благоусмотрение Вашего Превосходительства копию донесения консула нашего в Добрудже, сообщающего небезынтересные сведения о содействии, оказываемом будто бы королём Карлом трансильванскому движению.

С своей стороны считаю долгом присовокупить, что сообщаемые господином Челибидаки подробности императорской миссии не известны.

Во всяком случае, позволяю себе сомневаться в том, что Его Величество поддерживает средствами лично весьма неприятную ему и румынскому правительству агитацию в Трансильвании.

Что же касается событий вроде недавно состоявшегося приёма королём трансильванского патриота Мочони[1], который, быть может, и подал повод к упоминаемым господином Челибидаки толкам, то подобные, незначительные по существу, явления не могут изменить общего направления осторожной и сдержанной политики Румынии.

Подтверждением этому служит также разговор, который я имел с министром иностранных дел. Господин Лаховари, между прочим, высказал, что ни он, ни его политические друзья никаких видов на присоединение Трансильвании не имеют, и что даже если бы им предложили овладеть этой провинцией, то они от неё отказались бы по многим причинам.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 643, Листы 206-207 об.

Копия с донесения российского императорского консула в Добрудже российско-императорской миссии в Румынии от 14 сентября 1892 г. № 215.

На днях я узнал от личности, близко стоящей к председателю Центрального комитета Румынской культурной лиги[2], что успехами своей пропаганды в крае лига эта обязана, главным образом, негласной материальной помощи, которая оказывается будто бы из частных средств Его Величества короля.

Донося об этом Вашему Превосходительству, долгом считаю присовокупить, что сведения, доставленные мне в прошлом месяце из Трансильвании, из верных источников, представляют короля содействующим материально и движению, происходящему в этой провинции.

Так, из сведений этих оказывается, что трансильванский патриот Траян Дода[3], отставной генерал австрийской службы, сильно пострадавший материально в 1887 г. от гонений венгерских властей за своё воззвание к избирателям Карансебешского округа, обязан почину короля денежным негласным пособием, оказанным ему два года тому назад некоторыми из его почитателей, и что почин этот выразился в сумме тридцати тысяч франков, поднесённых ему от имени и из средств Его Величества генералом Флореску через трансильванского выходца Симеона Попя, профессора богословия бухарестского университета.

С отличным и пр.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 643, Листы 208-209.

[1] Александру Мочони (1841–1909), румынский политик из Трансильвании. (О нём см. в кн.: Botiş T. *Monografia familiei Mocioni*. Bucureşti, 1939). Он был принят на аудиенции румынским монархом 13(25) августа 1892 г. В своём дневнике Карл I записал: «На *lunch* Т. Ионеску и Мочони, румын, приехал из Пешта, долго разговаривал с ним о положении румын в Трансильвании». См.: *Carol I al României. Jurnal.* Vol. II. P. 322.

[2] Лига культурного единства всех румын была создана в декабре 1890 г. Её президентом был избран Ал. Орэску, хотя более двух лет, до февраля 1893 г., одним из наиболее влиятельных лидеров являлся Григоре Брэтиану.

[3] Траян Дода (1822–1895), профессиональный военный габсбургской армии, являлся признанным лидером движения за эмансипацию банатских румын. Хотя он был избран депутатом венгерского парламента, но демонстративно не участвовал в его работе. Такое вызывающее поведение отставного генерала побудило будапештские власти призвать его к ответственности. Судебный процесс состоялся в Араде. Дода был осуждён к двум годам тюремного заключения и к уплате штрафа в размере 1000 крон. В этих условиях он был вынужден обратиться с просьбой к императору Францу Иосифу, который решил помиловать генерала. См.: Groza L. *Oameni de seamă din graniţa bănăţeană*. Lugoj, 2000.

Bucureşti, 20 septembrie 1892, nr. 54. Fonton către Şişkin

Excelenței Sale, N.P. Şişkin

Stimate Domnule Nikolai Pavlovici,

Consider de datoria mea să vă expediez, în anexă la acest raport, la aprecierea şi discreția Excelenței Voastre, o copie a raportului consulului nostru

din Dobrogea, care ne comunică anumite informaţii nelipsite de interes despre sprijinul care ar fi, chipurile, acordat de regele Carol mişcării transilvănene.

Din partea mea, consider de datoria mea să adaug că detaliile comunicate de domnul Celibidaki nu sunt cunoscute de către misiunea imperială.

În orice caz, îmi permit să am îndoieli în legătură cu faptul că Majestatea Sa acordă sprijin personal, din propriile mijloace, agitaţiei din Transilvania, care este extrem de neplăcută pentru el şi pentru Guvernul român.

În ceea ce priveşte anumite evenimente, de felul primirii în audienţă de către rege a patriotului transilvănean Mocsony[1], care a avut loc nu demult, şi care, posibil, a şi dat prilejul pentru zvonurile amintite de domnul Celibidaki, asemenea fenomene neînsemnate, în esenţă, nu pot schimba direcţia generală a politicii prudente şi cumpătate promovate de România.

Ca o confirmare a acestui fapt poate servi şi conversaţia pe care am avut-o cu ministrul Afacerilor Externe. Domnul Lahovari, printre altele, a afirmat că nici el, nici prietenii săi politici nu nutresc nici un fel de planuri în privinţa alipirii Transilvaniei şi că, chiar dacă le-ar propune cineva să ia în stăpânire această provincie, ei ar renunţa la ea dintr-o multitudine de motive.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 643, filele 206-207 verso.

Copie după raportul consulului imperial rus în Dobrogea către misiunea imperială rusă din România din data de 14 septembrie 1892, nr. 215.

Zilele acestea am aflat de la o persoană care are relaţii apropiate cu preşedintele comitetului central al Ligii Culturale Româneşti[2] că succesele propagandei acestei ligi în ţinut se datorează, mai cu seamă, ajutorului material secret care i-ar fi, chipurile, acordat din mijloacele personale ale Majestăţii Sale regelui.

Raportând despre acest fapt Excelenţei Voastre, consider de datoria mea să adaug că informaţiile care mi-au fost furnizate luna trecută din Transilvania, din surse sigure, îl arată pe rege în postura de sprijinitor, în sens material, şi al mişcării care se desfăşoară în această provincie.

Astfel, din aceste informaţii devine evident că patriotului transilvănean Traian Doda[3], general în retragere aflat în serviciul armatei austriece, care a suferit mult din punct de vedere material în anul 1887, în urma persecuţiilor autorităţilor maghiare, din cauza apelului său adresat alegătorilor din districtul Caransebeş, i s-a acordat, acum doi ani, de către o parte din admiratorii săi, datorită iniţiativei regelui, o indemnizaţie bănească secretă. Această iniţiativă s-a concretizat într-o sumă de treizeci de mii de franci, care i-au fost oferiţi în numele şi din mijloacele Majestăţii Sale, de generalul Florescu, prin intermediul lui Simion Popea, originar din Transilvania, profesor de teologie la Universitatea din Bucureşti.

Cu deosebită consideraţie etc.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 643, filele 208-209.

[1] Alexandru Mocioni (1841-1909), om politic român din Transilvania (Teodor Botiş, *Monografia familiei Mocioni*, Bucureşti, 1939). A fost primit în audienţă de suveranul român la 13/25 august 1892. În jurnalul său, Carol I avea să noteze: „La *lunch* T. Ionescu şi Moşony, român, vine de la Pesta, vorbit cu el îndelung despre situaţia românilor din Transilvania" (*Carol I al României. Jurnal*, vol. II, p. 322).

[2] Liga pentru Unitatea Culturală a Tuturor Românilor a fost înfiinţată în decembrie 1890. Preşedintele acestei asociaţii a fost ales Al. Orăscu, însă timp de trei ani, până în februarie 1893, unul din liderii ei cei mai importanţi a fost Grigore Brătianu.

[3] Traian Doda (1822-1895), militar de carieră în armata habsburgică, a fost un important lider al mişcării de emancipare a românilor din Banat. Deşi ales în Dieta de la Budapesta, nu participă, în mod ostentativ, la lucrările acesteia. Această atitudine a determinat autorităţile de la Budapesta să îl cheme în instanţă, procesul având loc la Arad. Este condamnat la doi ani de închisoare şi pus să plătească o amendă de 1000 coroane. În aceste condiţii, Traian Doda înaintează un memoriu împăratului Austro-Ungariei, care a hotărât graţierea generalului (Liviu Groza, *Oameni de seamă din graniţa bănăţeană*, Lugoj, 2000).

35

Бухарест, 5 января 1893 г., № 1. Фонтон – Шишкину

Его Высокопревосходительству Н.П. Шишкину

Милостивый государь Николай Павлович,

Накануне наступления рождественских вакаций, министром иностранных дел внесён был в палаты заключаемый между Румынией и Англией договор о бракосочетании румынского наследного принца с Её Королевским Высочеством принцессой Марией Эдинбургской.

По отношению к содержанию этого документа, прилагаемого у сего в газетной вырезке, надлежит отметить, что третьею статьей оного постановлено, что принцесса Мария за вступлением в брак с принцем, принадлежащим к римско-католическому вероисповеданию, навсегда отказывается, согласно английским законам, от всех прав наследования на великобританский престол.

Прочтение договора встречено было восторженно, и по единогласному утверждению оного заседания законодательных собраний отсрочены были до 11го сего января, причём председателями сената и палаты депутатов заявлено, что им королём поручено представительство законодательных собраний на торжестве бракосочетания в Зигмарингене.

Кроме известных уже Вашему Превосходительству из предшествовавшего донесения моего высокопоставленных сановников и должностных лиц, назначенных королём Карлом для присутствования на этом торжестве, Его Величество, желая придать этому празднику

вполне национальный для румын характер, чуждый всякого партийного оттенка, избрало двух всеми уважаемых, заслуженных политических деятелей – бывшего председателя Совета министров, князя Гику и генерала Флореску – а вместе с сим и известного сподвижника Иона Брэтиану, бывшего министра народного просвещения Димитрия Стурдзу, добивающегося ныне стать во главе национал-либералов.

Выбор князя Гики – по преклонности лет не решившегося, однако, в настоящую суровую зиму последовать зову короля – и генерала Флореску всеми считается заслуженным вниманием, оказанным выдающимся представителям здешнего общества и личностям, ознаменовавшимся политической своею деятельностью.

Что же касается назначения господина Димитрия Стурдзы в число лиц, сопутствовавших королю Карлу на зигмарингенские торжества, оно подало повод, в некоторых политических кружках, к неодобрительным толкам, и истолковано было в том смысле, что королём Карлом имелось в виду указать этим на господина Димитрие Стурдзу, как на признаваемого им заранее вожака национал-либеральной партии.

Бракосочетание Их Королевских Высочеств состоялось, как Вашему Превосходительству уже, конечно, известно, 29 минувшего декабря, о каковом торжестве в здешней правительственной газете напечатан официальный оттиск, в вырезке у сего прилагаемый.

В заключение долгом считаю отметить здесь, что, судя по отзывам печати и по всесторонним общественным проявлениям, нельзя не заключить, что бракосочетание принца Фердинанда возбудило во всех слоях общества, без различия особых политических настроений, не существовавшие до сих пор у румын династические чувства. Если эти проявления не обманчивы и высказываемые чувства прочны и искренни, то вызвавшее их событие будет, конечно, иметь решающее значение в деле о династическом вопросе в Румынии, всплывавшем от времени до времени на поверхность среди внутренних волнений.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 2-5.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

Bucureşti, 5 ianuarie 1893, nr. 1. Fonton către Şişkin

Excelenței Sale, N.P. Şişkin

Stimate Domnule Nikolai Pavlovici,

În ajunul vacanței de Crăciun, ministrul Afacerilor Străine a introdus în Camere tratatul încheiat între România şi Anglia privind căsătoria principelui moştenitor al României cu Alteța Sa Regală principesa Maria de Edinburgh.

Cât priveşte conținutul acestui document, pe care îl găsiți alăturat într-un extras de ziar, merită amintit faptul că, prin articolul trei al respectivului tratat, în urma căsătoriei cu un principe aparținând confesiunii romano-catolice, principesa Maria renunță pentru totdeauna, potrivit legilor engleze, la toate drepturile de moştenitor al Tronului Marii Britanii.

Prezentarea tratatului a fost întâmpinată cu entuziasm şi, ca urmare a votului unanim, şedințele Camerelor au fost amânate până la data de 11 ianuarie a.c., preşedinții Senatului şi Camerei Deputaților afirmând cu această ocazie că regele i-a mandatat să reprezinte adunările legiuitoare la ceremoniile de la Sigmaringen.

În afară de înalții demnitari şi oficialități alese de regele Carol pentru participarea la această festivitate, cunoscute Excelenței Voastre din raportul meu anterior, Majestatea Sa, dorind să confere acestei sărbători un caracter național românesc, străin de orice tentă partinică, a ales două personalități politice respectate de toată lumea, pe fostul preşedinte al Consiliului de Miniştri, principele Ghica, şi pe generalul Florescu, iar odată cu aceasta şi pe cunoscutul apropiat al lui Ion Brătianu, fostul ministru al Instrucțiunii Publice, Dimitrie Sturdza, care încearcă să ajungă în fruntea național-liberalilor.

Alegerea principelui Ghica – care, din pricina vârstei înaintate, în condițiile unei ierni aspre, nu a răspuns chemării regelui – şi a generalului Florescu este considerată de toată lumea drept o recunoaştere meritată acordată unor reprezentanți de vază ai societății de aici, personalități care s-au făcut remarcate prin activitatea lor politică.

Privitor la alegerea domnului Dimitrie Sturdza printre persoanele care îl vor însoți pe regele Carol la ceremoniile de la Sigmaringen, aceasta a oferit pretextul unor interpretări dezaprobatoare în unele cercuri politice, considerându-se că astfel regele Carol a dorit să sugereze recunoaşterea de către Majestatea Sa a domnului Dimitrie Sturdza în calitate de viitor conducător al Partidului Național-Liberal.

Căsătoria Majestăților Lor Regale a avut loc, aşa cum Excelența Voastră cunoaşte deja, pe data de 29 decembrie trecut, despre această ceremonie fiind publicată în ziarul local guvernamental o informare oficială alăturată la acest raport în extras.

În încheiere, cred că este de datoria mea să remarc aici faptul că, potrivit ecourilor din presă şi nenumăratelor manifestări publice, căsătoria

principelui Ferdinand a generat în toate straturile societății, fără deosebire de orientările politice, sentimente dinastice inexistente până în prezent la români. Dacă aceste manifestări nu sunt înşelătoare, iar sentimentele exprimate sunt solide şi sincere, atunci evenimentul care le-a provocat va juca un rol decisiv în evoluția chestiunii dinastice în România, care ieşea din când în când la suprafață în timpul tulburărilor interne.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 2-5.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

36

Бухарест, 5 февраля 1893 г., № 7. Фонтон – Шишкину

Его Высокопревосходительству Н.П. Шишкину

Милостивый государь Николай Павлович,

Вопрос об улучшении быта и условий труда крестьянского сословия поочерёдно озабочивал меняющиеся у власти Министерства. Полная беспомощность этого сословия в борьбе с эксплуатацией фермеров и мелких арендаторов и крайняя тягость условий аренды земли, увеличенная ещё натуральными повинностями, делают положение земледельцев весьма печальным. Между тем, всякое серьёзное улучшение быта нижнего сословия представляло значительные затруднения для правительства, ибо как естественное последствие подобного улучшения являлось сокращение доходов и выгод, как земледельцев, так и арендаторов, весьма влиятельных в стране. Закон 1864 года и впоследствии закон 1887 года[1] об улучшении быта сельского населения, выработанные либералами, не были применяемы, и только восстание 1888 года, стоившее столько крови и жертв, наглядно выяснило грозившую опасность.

Едва консерваторы в том же 1888 году пришли к власти, как поспешили выработать и применить закон о продаже крестьянам на льготных условиях участков государственных земель, и ныне министерство Ласкэра Катарджиу провело в палатах упомянутый в общей программе консерваторов закон об арендных контрактах. Закон этот, не будучи совершенным, тем не менее, представляется значительным шагом вперёд в этом весьма существенном для государства вопросе. На основании нового закона в арендных контрактах отменяются всякие натуральные повинности, изменяются условия сдачи пастбищ для скота и устанавливается, что всякий крестьянин, арендующий пространство земли более 10 гектаров, уже не подчиняется условиям обыкновенных сельских контрактов, а признаётся самостоятельным арендатором.

Либеральное меньшинство, как всегда ищущее повода к нападкам на консерваторов, воспользовалось и этим случаем обвинить правительство, совершенно, впрочем, несправедливо, в новом обременении земледельческого сословия. Кроме закона о сельских арендных контрактах, палаты рассмотрели и одобрили представленный министерством внутренних дел закон об учреждении столь не доставшей доныне сельской жандармерии.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 23-25.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] См.: МО 272/1888. Здесь опубликован Регламент о применении закона от 11 декабря 1887 г., касающегося оказания помощи жителям, лишённым пропитания.

Bucureşti, 5 februarie 1893, **nr. 7. Fonton către Şişkin**

Excelenţei Sale, N.P. Şişkin

Stimate Domnule Nikolai Pavlovici,

Chestiunea ameliorării condiţiilor de trai şi de muncă pentru pătura ţărănească a preocupat pe rând guvernele care s-au succedat aici. Starea de neajutorare completă a acestei pături în lupta împotriva exploatării de către marii proprietari şi micii arendaşi, condiţiile de arendare a suprafeţelor arabile, la care se adaugă şi dările în natură, pun ţăranii într-o situaţie destul de tristă. Între timp, orice tentativă serioasă de ameliorare a condiţiilor de trai ale păturii de jos a creat dificultăţi serioase guvernului, deoarece una dintre urmările acestei ameliorări era reducerea veniturilor şi avantajelor chiar pentru ţărani, dar şi pentru arendaşi, foarte influenţi în ţară. Legea din 1864 şi mai târziu legea din 1887[1], privind ameliorarea condiţiilor de trai pentru populaţia rurală, elaborate de liberali, nu au fost aplicate şi doar răscoala de la 1888, care a însemnat atât de mult sânge şi victime, a semnalat cât se poate de clar pericolul posibil.

Conservatorii, abia ajunşi la putere în 1888, s-au grăbit să elaboreze şi să aplice legea privind vânzarea către ţărani, în condiţii preferenţiale, a terenurilor din domeniile statului, iar în prezent Guvernul Lascăr Catargiu a trecut prin Camere legea privind contractele de arendare, amintită în programul general al conservatorilor. Această lege, fără a fi perfectă, reprezintă totuşi un pas considerabil înainte, într-o chestiune foarte importantă pentru ţară. În baza

noii legi, din contractele de arendare sunt excluse orice dări în natură, sunt modificate condiţiile de folosire a pajiştilor şi se precizează faptul că orice ţăran care închiriază un teren mai mare de zece hectare nu se mai supune condiţiilor contractelor arabile simple, fiind considerat arendaş independent.

Minoritatea parlamentară liberală, care caută, ca de obicei, pretexte pentru atacuri asupra conservatorilor, s-a folosit şi de această ocazie pentru a acuza pe nedrept guvernul de o nouă împovărare a păturii ţărăneşti. În afară de legea privind contractele de arendare, ambele Camere au examinat şi aprobat legea prezentată de Ministerul Afacerilor Interne privind crearea jandarmeriei rurale, de care era nevoie atât de mult.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 23-25.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] A se vedea MO 272/1888, „Regulamentul pentru aplicarea legei din 11 decembre 1887, privitóre la ajutorul locuitorilor lipsiţi de hrană".

37

Бухарест, 20 февраля 1893 г., № 10. Фонтон – Шишкину

Его Высокопревосходительству Н. П. Шишкину

Милостивый государь Николай Павлович,

Донесением моим от сего числа за № 9 я уже имел честь довести до сведения Вашего Превосходительства о впечатлении, произведённом на высшее духовенство новым законопроектом об улучшении быта белого духовенства.

Как последствие этого является поданная ныне митрополитом примасом Иосифом отставка[1]. Ещё в начале сего года, при посещении моём блаженного Иосифа, митрополит горячо высказал мне свои сетования по поводу посягательств светской власти на прерогативы церкви. Отставка эта прикрыта нездоровьем. По слухам, митрополит Молдавский также намерен оставить свой пост. Впрочем, правительство надеется, по-видимому, успеть убедить митрополита Ясского принять бухарестскую кафедру и этим изгладить впечатление, которое произведёт одновременное удаление от деятельности двух высших иерархов румынской церкви.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 31-32.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В действительности, митрополит Иосиф Георгиан подал в отставку лишь месяц спустя. На его место был назначен Генадие Петреску, епископ Арджешский.

Bucureşti, 20 februarie 1893, **nr. 10. Fonton către Şişkin**

Excelenţei Sale, N.P. Şişkin

Stimate Domnule Nikolai Pavlovici,

Prin raportul meu cu nr. 9 din data de azi, am avut deja onoarea de a aduce la cunoştinţa Excelenţei Voastre impresia pe care a produs-o asupra înaltului cler noul proiect de lege privind ameliorarea condiţiilor de trai ale clerului mirean.

Una dintre urmările apariţiei acestui proiect de lege este cererea de demisie[1] înaintată de către mitropolitul primat Iosif. Încă la începutul anului, cu ocazia vizitării Preafericitului Iosif, mitropolitul mi-a relatat cu ardoare despre nemulţumirile sale în legătură cu amestecul puterii laice în treburile Bisericii. Această demisie a fost justificată prin pretinse probleme de sănătate. Potrivit zvonurilor, mitropolitul Moldovei intenţionează de asemenea să-şi părăsească postul. De fapt, guvernul speră probabil să-l convingă pe mitropolitul de Iaşi să accepte catedra Bucureştiului şi să netezească prin aceasta impresia pe care ar putea să o provoace retragerea simultană a doi înalţi ierarhi ai Bisericii Române.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 31-32.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Într-adevăr, o lună mai târziu, mitropolitul Iosif Gheorghian şi-a dat demisia. În locul său a fost numit episcopul Argeşului, Ghenadie Petrescu.

38

Бухарест, 21 июня 1893 г., № 31. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Привлечение венгерским правительством к суду за государственную измену членов национального трансильванского комитета[1] и группы студентов, выступивших поборниками национального пробуждения[2], вновь подало здесь повод общественному мнению к громкому проявлению сочувствия и соболезнования к тяжёлой судьбе трансильванских румын и к ожесточённым нападкам на Австро-Венгрию.

Даже близко стоящая к Министерству печать не осталась чуждою этой шумной кампании и восстала против жестокого обращения с содержащимся в сатмарской тюрьме руководителем трансильванской национальной партии доктором Лукачу. В числе самых умеренных газет и «l'Indépendance Roumaine», в противность обычной своей сдержанности, напечатала на днях передовую статью, под заглавием «Опасная политика», в которой, рядом с резкими нападками на будапештское правительство, выставляется на вид, что положение трансильванских собратьев неминуемо отзовётся неблагоприятно на отношении Румынии к соседней Монархии, а тем самым неизбежно и на отношении к Тройственному союзу.

Румыния, утверждает далее эта статья, ни в каком случае не может оставаться долее в дружественных отношениях с государством, стремящимся к истреблению румынской народности, как это ныне делается в Венгрии.

Радикальная печать воспользовалась случаем, чтобы винить настоящее правительство в потачке венгерцам. Таким образом, газета «Lupta», принимая с тенденциозным намерением за совершившийся будто бы факт приступление Румынии к Тройственному союзу, строго порицает столь невыгодную для Румынии политику, лишившую её благорасположения как России, так и Франции, и благодаря коей Австро-Венгрия над нею властвует и её унижает.

Хотя, быть может, сказанная статья не одна из самых резких, но очевидное в ней заискивание у России – до того небывалая вещь в радикальном лагере, что она тем более свидетельствует о возбуждённом настроении здешней печати. А посему нелишне, быть может, представить на воззрение Вашего Высокопревосходительства газетную вырезку, содержащую во французском переводе выдержки из сказанной статьи.

Университетская молодёжь, со своей стороны, как здесь, так и в Яссах, немедленно последовала за движением, проявившемся в

общественном мнении. Здешние студенты решили разослать по всему краю протест и порицательную записку против венгерских студентов. Одновременно отправлен ряд сочувственных телеграмм привлечённым к суду трансильванским сотоварищам и, наконец, выражена благодарность девяти славянским адвокатам, заявившим готовность защищать перед судом трансильванских патриотов.

Этим, по-видимому, едва ли ограничится здесь агитация против образа действия венгерцев. Несколько политических деятелей, в числе коих сенаторы и депутаты, намереваются отправиться в Сибиу, где имеет состояться национальный съезд. Будапештское правительство не может, конечно, отнестись равнодушно к подобной демонстрации.

Министр иностранных дел в беседе со мной о вышесказанном заметил, что королевское правительство, осуждая задуманную членами румынской законодательной палаты поездку, настойчиво посоветовало им отказаться от подобного намерения. При этом, присовокупил господин Лаховари, они мною предупреждены, что на случай, если их постигнут на венгерской территории неприятности, им, кроме как на самих себя, ни на кого нельзя будет пенять.

В заключение следует добавить, что министр иностранных дел, при всей своей обычной сдержанности по отношению к здешнему движению в пользу трансильванских румын, не мог не заметить мимоходом, что, если Венгрия не изменит своего образа действия по отношению к своим румынским подданным, она неизбежно создаст себе серьёзные внутренние затруднения.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 116-119.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Национальная партия румын Трансильвании.

[2] Основные требования трансильванских румын приняли форму петиции (меморандума) и были адресованы в мае 1892 г. австро-венгерскому монарху Францу Иосифу. Он не пожелал принять делегацию, состоявшую из 300 человек, и перенаправил меморандум на рассмотрение будапештских властей. Те же первоначально не предприняли никаких мер, но в мае 1893 г. начали юридическое преследование лидеров трансильванских румын, инкриминируя им покушение против венгерского государства.

Bucureşti, 21 iunie 1893, nr. 31. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Trimiterea în judecată de către Guvernul maghiar a membrilor comitetului național transilvănean[1] şi a grupului de studenți susținători ai deşteptării naționale[2] a oferit din nou ocazia opiniei publice de aici pentru exprimarea puternică a sentimentelor de solidaritate şi îndurerare față de situația românilor transilvăneni şi pentru atacuri puternice la adresa Austro-Ungariei.

Chiar şi presa apropiată guvernului nu a rămas străină de această campanie zgomotoasă şi s-a ridicat împotriva tratamentului crunt aplicat doctorului Lucaciu, conducător al Partidului Național din Transilvania, deținut în închisoarea din Satu Mare. Dintre cele mai moderate ziare, „L'Indépendance Roumaine", contrar reținerii sale obişnuite, a publicat zilele acestea un editorial cu titlul „O politică periculoasă", în care, alături de atacurile dure la adresa Guvernului de la Budapesta, pune în vedere faptul că situația confraților transilvăneni va avea fără îndoială un impact negativ asupra relațiilor României cu monarhia vecină, iar prin aceasta, inevitabil, şi asupra relațiilor cu Tripla Alianță.

În continuarea respectivului articol se spune că România nu poate rămâne nici într-un caz în relații amicale cu o țară care şi-a propus să lichideze populația românească, aşa cum se întâmplă în prezent în Ungaria.

Profitând de această situație, presa radicală a acuzat guvernul actual de îngăduință față de unguri. Astfel, „Lupta", admițând tendențios pretinsa aderare a României la Tripla Alianță, acuză dur această politică neconvenabilă României, care a lipsit-o de simpatia Rusiei şi a Franței şi prin care Austro-Ungaria o conduce şi umileşte.

Este chiar foarte probabil ca acest articol să nu fie cel mai dur, dar curtarea evidentă a Rusiei reprezintă un lucru nemaiîntâlnit în tabăra radicală. Articolul respectiv mai confirmă starea de agitație din presa locală. Din această cauză, nu ar fi poate în plus să pun la dispoziția Excelenței Voastre un extras care conține fragmente din articolul respectiv în traducere franceză.

La rândul său, tineretul universitar, atât aici, cât şi la Iaşi, a urmat imediat mişcarea apărută în opinia publică. Studenții de aici au decis să trimită în toată țara un protest, redactând şi un memoriu acuzator la adresa studenților maghiari. În acelaşi timp, au fost expediate mai multe telegrame de solidaritate pe numele camarazilor transilvăneni trimişi în judecată şi, în sfârşit, a fost exprimată gratitudinea față de nouă avocați slavi, care s-au declarat pregătiți să-i apere în instanță pe patrioții transilvăneni.

Este însă puțin probabil ca agitația față de acțiunile maghiarilor să se limiteze doar la aceasta. Astfel, câțiva oameni politici, printre care se află şi senatori şi deputați, intenționează să se deplaseze la Sibiu, unde urmează a avea

loc un congres național. Guvernul de la Budapesta nu poate avea, desigur, o atitudine indiferentă față de această demonstrație.

Într-o discuție cu mine, ministrul Afacerilor Străine a spus că, condamnând această intenție a membrilor Parlamentului român, Guvernul regal le-a recomandat insistent să renunțe la călătorie. Totodată, domnul Lahovari a adăugat că aceştia au fost avertizați de faptul că în cazul unor neplăceri pe teritoriul maghiar nu vor putea să mizeze decât pe ei înşişi.

În încheiere, ar trebui să mai adaug că ministrul Afacerilor Străine, cu toată reținerea sa obişnuită față de mişcarea de aici în favoarea românilor transilvăneni, nu a putut să nu observe în trecere faptul că, în cazul în care nu îşi va modifica atitudinea față de supuşii săi români, Ungaria îşi va crea inevitabil complicații interne importante.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 116-119.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Partidul Național Român din Transilvania.

[2] Principalele revendicări ale românilor transilvăneni au luat forma unei petiții (memorandum) şi au fost adresate împăratului Austro-Ungariei, Franz Josef, în mai 1892. Acesta nu a dorit să primească delegația formată din 300 de persoane şi a trimis memorandumul spre rezolvare autorităților de la Budapesta. Inițial, acestea nu au luat nici o măsură, dar în mai 1893 au deschis o acțiune în justiție împotriva liderilor transilvăneni, sub acuzația de atentat împotriva statului maghiar.

39

Бухарест, 6 августа 1893 г., № 33. Врангель – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н.К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Полная бесправность и притеснения, претерпеваемые трансильванскими румынами от венгерских властей не могли не вызвать сочувствия в пределах королевства. Предание суду лиц, подавших известный меморандум императору Францу Иосифу, жестокое обращение венгерских властей с заключёнными в тюрьму трансильванскими патриотами, особенно с пользующимся общим уважением стариком доктором Лукачу[1], новые стеснительные меры, принятые в Трансильвании

исключительно по отношению к румынам ввиду съезда в Сибиу (Германштадт)[2], придали недовольству этому более острый характер.

Не только в главных центрах королевства, но и во второстепенных городах, стали открываться отделения так называемой «Культурной лиги румын»[3], общества, задавшегося целью способствовать облегчению участи трансильванцев. Члены этого общества насчитываются тысячами, и во главе его встали видные политические деятели королевства, профессора бухарестского и ясского университетов и почти вся учащаяся молодёжь.

Правительству Ласкэра Катарджиу стоило немало труда сдержать движение это в законных пределах. Положение Министерства усложнялось ещё тем обстоятельством, что оппозиция не щадила усилий, чтобы воспользоваться этим движением с партийной целью и обвинить консерваторов в измене и подкупе их Австрией.

Но, оставляя в стороне воззрения на этот вопрос оппозиции, нельзя не остановиться на мнении лиц более беспристрастных, которые в более чем осторожном и угодливом Австрии образе действия Министерства в этом национальном вопросе видят доказательство если не принадлежности, то, по крайней мере, зависимости Румынии от Тройственного союза.

Самый съезд, состоявшийся в Сибиу 11 и 12 июля, на котором участвовало до 6000 ч[еловек], прошёл спокойно, и само постановление, как Вашему Высокопревосходительству благоугодно будет усмотреть из представленной у сего газетной вырезки, заключает лишь протест против нарушения Конституции венгерским правительством по отношению к румынам – подданным Австро-Венгрии.

В общем, съезд решил добиваться своих прав мирным, законным путём. В числе предположенных мер заслуживает внимания намерение трансильванцев сообща с чехами приступить к изданию газеты в Вене в защиту своих прав. Но самое горячее сочувствие съезд в Сибиу встретил со стороны другого народа, притесняемого венгерцами, именно словаков, и, без сомнения, сближение румын со славянским элементом Австро-Венгрии для общей борьбы с венгерцами не могло не произвести впечатления на руководящие круги Габсбургской монархии.

По окончании съезда украшавшие стены собрания флаги национальных цветов были торжественно доставлены на границу в Предял и вручены особым депутациям от бухарестского и ясского университетов.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Ник. Врангель.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 123-126.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Василе Лукачу (1852–1922), один из лидеров Румынской национальной партии в Трансильвании. Он предстал перед судом в Дебрецене в ноябре 1892 г. и, признанный виновным в агитации против венгерской нации, был приговорён к году тюремного заключения. Затем процесс переместился в Сату-Маре, где он был признан виновным в публичной клевете по адресу венгерского правительства и осуждён на четыре месяца заключения. В результате частичного сложения наказаний Василе Лукачу провёл 13 месяцев в тюрьме в Сегеде.

[2] Название города приведено без упоминания венгерской версии.

[3] См. документ № 34 от 20 сентября 1892 г.

Bucureşti, 6 august 1893, nr. 33. Vranghel către Giers

Excelenței Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Discriminările şi persecuțiile evidente la care sunt supuşi românii transilvăneni din partea autorităților maghiare nu au putut să nu provoace sentimente de solidaritate în regat. Trimiterea în judecată a persoanelor care au semnat cunoscutul memorandum către împăratul Franz Josef, tratamentul brutal la care sunt supuşi în detenție patrioții transilvăneni, în special bătrânul doctor Lucaciu[1], care se bucură de un respect general, noile măsuri de îngrădire, luate în Transilvania doar împotriva românilor, ca urmare a congresului de la Sibiu (Hermannstadt)[2], i-au conferit acestei nemulțumiri un caracter mult mai acut.

Nu doar în centrele de bază ale regatului, ci şi în oraşe secundare, au început să se inaugureze secțiuni ale aşa zisei „Ligi Culturale a Românilor”[3], societate care şi-a propus să contribuie la ameliorarea situației transilvănenilor. Numărul membrilor acestei societăți se ridică la câteva mii, iar în fruntea ei se află oameni politici cunoscuți din regat, profesori ai universităților din Bucureşti şi Iaşi şi aproape tot tineretul studios.

Guvernul lui Lascăr Catargiu a trebuit să facă un efort deosebit pentru a menține această mişcare în cadrul legal. Situația guvernului este agravată şi de faptul că opoziția a făcut totul pentru a folosi această mişcare în scopuri de partid, acuzându-i pe conservatori de trădare şi mituire de către Austria.

Făcând abstracție însă de atitudinea opoziției, nu putem lăsa neobservate punctele de vedere exprimate de persoane neimplicate, care văd în acțiunile guvernului în această chestiune națională, mai mult decât prudente şi convenabile Austriei, o dovadă dacă nu a apartenenței, atunci cel puțin a dependenței României de Tripla Alianță.

În ceea ce priveşte congresul care a avut loc la Sibiu pe data de 11 şi 12 iulie şi la care au participat până la 6.000 persoane, acesta s-a desfăşurat fără incidente şi în linişte. Decizia, de care Excelența Voastră va putea lua cunoştință din extrasul de ziar alăturat, constă doar într-un protest împotriva încălcării constituției de către Guvernul maghiar în raport cu românii – supuşi ai Austro-Ungariei.

În linii mari, congresul a decis obținerea de drepturi prin mijloace paşnice şi legale. Printre măsurile propuse, care merită atenția, se numără intenția transilvănenilor de a publica la Viena, împreună cu cehii, un ziar în apărarea drepturilor lor. Cea mai mare simpatie pentru congres a venit însă din partea altui popor discriminat de către maghiari, a slovacilor. Nu există nici o îndoială că apropierea românilor de elementul slav din Austro-Ungaria, cu scopul luptei în comun împotriva maghiarilor, nu a putut să nu atragă atenția cercurilor conducătoare ale monarhiei de Habsburg.

După încheierea congresului, drapelele în culorile naționale, care au decorat pereții adunării, au fost duse într-o atmosferă solemnă la graniță, la Predeal, unde au fost înmânate unor delegați speciali din partea Universităților din Bucureşti şi Iaşi.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul Excelenței Voastre, Nik. Vranghel.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 123-126.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Trimitere la Vasile Lucaciu (1852-1922), unul dintre liderii Partidului Național Român din Transilvania. Acesta a fost judecat la Debrecen în noiembrie 1892 şi găsit vinovat de agitație împotriva națiunii maghiare. A fost condamnat la un an de închisoare. Apoi, procesul a fost mutat la Satu Mare, unde este găsit vinovat de calomniere publică la adresa guvernului maghiar şi condamnat la patru luni de închisoare. Cele două pedepse vor fi cumulate, Vasile Lucaciu executând 13 luni de închisoare la Seghedin.

[2] Fără versiunea în limba maghiară a numelui oraşului.

[3] A se vedea documentul nr. 34 din 20 septembrie 1892.

40

Синая, 29 августа/10 сентября 1893 г., № 35. Врангель – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый Государь Николай Карлович,

После представления императору Францу Иосифу известного меморандума, составленного Румынским национальным комитетом, венгерская молодёжь составила ответ, в котором отрицала существование каких либо политических прав румын в Венгрии.

В свою очередь, студенты-румыны венского, грацского, пештского и клужского[1] университетов составили обширное и обстоятельное «Возражение».

Записка эта получила широкое распространение в европейской печати, и видные политические деятели и учёные, как, например, Гладстон[2] и Жюль Симон[3], открыто признали справедливость румынских заявлений.

За высказанные в этом «Возражении», напечатанном в газете «Трибуна», идеи, венгерские власти привлекли к ответственности редактора названной газеты Аурела Поповича[4]. Немедленно до двухсот трансильванских румын, из них большинство студенты, официально заявили о полной своей солидарности с Поповичем и о своём участии в составлении «Возражения.

Заявление это было оставлено без внимания венгерским правительством, которое прекрасно сознавало, что при таком громадном количестве привлечённых к ответственности лиц против его воли, в процессе могли бы обнаружиться такие его действия, которые в его собственных интересах держать в секрете.

Вследствие сего к суду были привлечены лишь Аурел Попович, Эуджен Брот[5], собственник типографии газеты, и Роман, казначей той же типографии, наиболее видные и опасные противники венгерских насилий.

Процесс должен был начаться осенью, вследствие чего Попович, с согласия венгерских властей, выехал по семейным делам в Румынию, а Брот в Швейцарию.

Воспользовавшись их отсутствием, венгерцы перенесли дело в Клуж, центр венгерского населения Трансильвании, причём в присяжные заседатели назначены были исключительно венгерцы и назначили разбирательство дела на 18/30 августа в надежде, что обвиняемые не поспеют к сроку и приговор поставлен будет заочно.

Но Аур. Попович, предуведомленный своими друзьями, немедленно выехал из Румынии. Несмотря на его добровольное прибытие, его арестовали на границе и под конвоем отвезли в Клуж, где посадили в тюрьму.

На заседание суда были допущены только венгерцы. Приговор был постановлен необычайно строгий. Попович приговорён к четырёхлетнему тюремному заключению и штрафу в 500 гульденов, а Роман к годичному тюремному заключению и штрафу в 200 гульденов.

Известие о приговоре этом вызвало негодование в королевстве, и вся печать, включая и официозные органы, поместила статьи против своеволия австро-венгерского правительства, угрожая скорым возмездием.

С глубоким почтением и неизменною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства, покорнейшим слугою, Ник. Врангель.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 129-130.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Сноска Врангеля: Клуж – по-немецки Клаузенбург, а по-венгерски Колошвар.

[2] Уильям Юарт Гладстон (1809–1898), видный представитель европейского либерализма. Четырежды возглавлял правительство Великобритании. См.: Matthew H. *Gladstone: 1809-98*. Vol. I–III. Oxford, 1985–1987.

[3] Жюль Франсуа Симон (1814–1896), французский политический деятель и философ.

[4] Аурел Константин Попович (1863–1917). Борец за права народов Австро-Венгрии и горячий приверженец федерализма. Свои взгляды выразил в книге: *Die Vereinigten Staaten von Groß-Österreich. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatsrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn*, Leipzig, 1906.

[5] Эуджен Брот (1850–1912) некоторое время являлся вице-председателем Румынской национальной партии в Трансильвании. См.: Boia L. *Eugen Brote 1850–1912: destinul frânt al unui luptător național*, Bucureşti, 2013.

Sinaia, 29 august/10 septembrie 1893, nr. 35. Vranghel către Giers

Excelenței Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Ca urmare a prezentării către împăratul Franz Josef a cunoscutului memorandum elaborat de către Comitetul Național Român, tineretul maghiar a redactat un răspuns, în care a contestat acordarea oricăror drepturi politice pentru românii din Ungaria.

La rândul lor, românii de la Universitățile din Viena, Graz, Pesta şi Cluj[1] au elaborat o vastă şi detaliată „Replică”.

Acest text s-a bucurat de o vastă difuzare în presa europeană, iar cunoscuți oameni politici şi savanți, ca Gladstone[2] şi Jules Simon[3], au recunoscut deschis justețea cererilor româneşti.

Pentru ideile exprimate în respectiva „Replică”, publicată în ziarul „Tribuna”, autoritățile maghiare l-au trimis în judecată pe Aurel Popovici[4], redactorul amintitului ziar. A urmat imediat replica a aproape două sute de români transilvăneni, majoritatea studenți, care au declarat oficial că sunt solidari cu Popovici şi că au participat la redactarea „Replicii”.

Această declarație a rămas fără reacție din partea Guvernului maghiar, care a conştientizat foarte bine faptul că, în condițiile existenței unui număr atât de mare de persoane trimise în judecată împotriva voinței sale, ar fi putut ieşi la iveală acțiuni ale guvernului care, în interes propriu, ar fi trebuit ținute în secret.

Ca urmare, au fost trimişi în judecată doar Aurel Popovici, Eugen Brote[5], proprietarul tipografiei gazetei, şi Roman, contabilul aceleiaşi tipografii – cei mai cunoscuți şi periculoşi adversari ai oprimărilor maghiare.

Procesul ar fi trebuit să înceapă în toamnă şi, ca urmare, Popovici, cu acordul autorităților maghiare, a plecat, din motive de familie, în România, iar Brote în Elveția.

Profitând de lipsa acestora, maghiarii au transferat procesul la Cluj, centrul populației maghiare din Transilvania. Printre juraţi au fost numiţi doar maghiari, iar data începerii procesului a fost stabilită pentru 18 (30) august, în speranța că acuzații nu vor reuşi să se prezinte la termen, iar condamnările vor fi pronunțate în lipsă.

Anunțat de prietenii săi, Aurel Popovici a părăsit însă imediat România. Cu toate că a intrat benevol în Ungaria, el a fost arestat la graniță, a fost escortat sub strajă până la Cluj şi întemnițat.

La şedințele de judecată au fost admişi doar maghiari, iar sentința a fost neobişnuit de aspră. Popovici a fost condamnat la patru ani de închisoare şi la plata unei amenzi de 500 guldeni, iar Roman la un an de închisoare şi la plata unei amenzi de 200 guldeni.

Ştirea despre această condamnare a provocat o indignare în regat, iar în presă, inclusiv în ziarele oficiale, au apărut articole împotriva samavolniciei Guvernului austro-ungar, amenințând cu răzbunări imediate.

Cu profundă considerație şi devotament nestrămutat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, Nik. Vranghel.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 123-126.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Notă a lui Vranghel: Cluj – în limba germană Klausenburg, iar în maghiară Kolozsvár.

[2] William Ewart Gladstone (1809-1898), reprezentant important al liberalismului european. A deținut de patru ori funcția de prim-ministru al Marii Britanii (Henry C.G Matthew, *Gladstone: 1809-98*, în trei volume, Oxford, 1985, 1986, 1987).

[3] Jules François Simon (1814-1896). Om politic şi filosof francez.

[4] Aurel Constantin Popovici (1863-1917). Militant pentru drepturile popoarelor din Austro-Ungaria şi promotor al federalismului. Lucrarea reprezentativă în acest sens este: *Die Vereinigten Staaten von Groß-Österreich. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatsrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn*, Leipzig, 1906.

[5] Eugen Brote (1850-1912). A fost un timp vice-preşedinte al Partidului Național Român din Transilvania (Lucian Boia, *Eugen Brote 1850-1912: destinul frânt al unui luptător național*, Bucureşti, 2013).

41

Бухарест, 7 сентября 1893 г., № 39. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Здешние руководители национального трансильванского движения, невзирая на все его неудачи, не пришли, по-видимому, к сознанию, что

шумные проявления их сочувствия оказывают весьма плохую услугу населяющим мадьярскую территорию румынам.

Начавшиеся здесь уже более года тому назад демонстрации вызвали в Будапеште усугубленно строгие меры против трансильванских патриотов и гонение за попытки добиться признания национальных прав своих. Но здешние подстрекатели, мечтающие об объединении всех румын, мало заботясь об осуществлении на деле домогательств своих собратьев, преследуют лишь тщеславные свои цели. В видах поддержания несколько улегшейся за последнее время агитации, эти политиканы, рассчитывая на легко возбуждаемое увлечение учащейся молодёжи, прибегли к её содействию. По их почину на состоявшемся на этот раз в Бузэу ежегодном съезде студентов, предназначенном для обмена мыслей по литературным и научным темам, поставлен был на очередь, согласно заранее составленной программе, так называемый дако-румынский вопрос.

По газетным известиям, студенты бухарестского университета были встречены в г. Бузэу местными властями, представителями разных обществ, учениками городских училищ и студентами ясского университета. Городской голова произнёс речь и пригласил студентов в собор, где была отслужена литургия. Муниципалитет города отпустил на приём гостей от 5^{ти} до 6^{ти} тысяч франков.

При подобных обстоятельствах нельзя не ожидать при обсуждении этого вопроса резких выходок по отношению к мадьярам, и, вероятно, все речи, которые будут произнесены на съезде, будут направлены против образа действий будапештского правительства и к явному возбуждению на посягательства на государственный строй соседней Монархии. Высказанное императором Францем Иосифом, в бытность его в Арадском[1] комитате, серьёзное предостережение при приёме депутации православного духовенства должно было подействовать отрезвительно на трансильванцев и не могло не дать понять бухарестскому правительству, что не только в Будапеште, но и в Вене зорко следят за румынским ирредентизмом.

Нет, к сожалению, ничего удивительного, что подобные демонстрации допускаются нынешним правительством, тем более что два года тому назад, до вступления во власть, министр народного просвещения проповедовал печатно теорию объединения всей румынской народности.

С глубоким почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 138-139.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В документе: Арарском.

Bucureşti, 7 septembrie 1893, nr. 39. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Ignorând toate eşecurile de până acum, conducătorii de aici ai mişcării naționale transilvănene se pare că nu conştientizează faptul că manifestarea zgomotoasă a sentimentelor lor aduce un deserviciu românilor de pe teritoriul maghiar.

Demonstrațiile începute aici acum un an şi ceva au condus la luarea de către Budapesta a unor măsuri deosebit de aspre împotriva patrioților transilvăneni şi la persecutarea pentru tentativele de a obține recunoaşterea drepturilor lor naționale. Însă provocatorii de aici, care visează la unirea românilor, fără a se îngriji de doleanțele confraților lor, urmăresc doar propriile scopuri vanitoase. Cu scopul susținerii agitației, care s-a mai calmat în ultimul timp, aceşti politicieni mizează pe resuscitarea acesteia, apelând la sentimentele uşor excitabile ale tineretului studios. La inițiativa lor, la congresul anual al studenților, care de această dată a avut loc la Buzău, pe ordinea de zi, potrivit programului elaborat din timp, alături de schimbul de păreri pe teme literare şi ştiințifice, a fost inclusă şi aşa zisa chestiune daco-română.

Potrivit relatărilor din ziare, studenții de la Universitatea din Bucureşti au fost întâmpinați la Buzău de autoritățile locale, reprezentanți ai diferitor asociații, elevii liceelor orăşeneşti şi studenții Universității din Iaşi. Primarul oraşului a ținut un discurs şi i-a invitat pe studenți la catedrală, unde a fost ținută o liturghie. Pentru găzduirea oaspeților, municipalitatea oraşului a pus la dispoziție între cinci şi şase mii de franci.

În această situație, în discutarea chestiunii respective, nu vor putea lipsi atacurile dure la adresa maghiarilor. Probabil că discursurile ținute la congres vor fi îndreptate împotriva modului de acțiune a Guvernului de la Budapesta şi vor conține în mod evident atacuri la ordinea de stat a monarhiei vecine. Avertismentul serios exprimat de către împăratul Franz Josef, în timpul vizitei în comitatul Arad[1], la recepția delegației clerului ortodox, ar fi trebuit să acționeze ca un duş rece asupra transilvănenilor şi nu a putut să nu dea de înțeles Guvernului de la Bucureşti că iredentismul românesc este urmărit cu atenție nu doar la Budapesta, ci şi la Viena.

Din păcate, faptul că astfel de manifestări sunt permise de guvernul actual nu ar trebui să ne mai mire, cu atât mai mult cu cât, acum doi ani, înainte de preluarea puterii, ministrul Instrucțiunii Publice predica în presă teoria unirii întregului popor român.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 138-139.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] În document: Arar.

42

Бухарест, 7 октября 1893 г., № 44. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

На случай если, как статься может, должна в непродолжительном времени состояться смена консервативного кабинета либеральным управлением[1], то нелишне, быть может, вкратце указать ныне на происходившую за несколько времени тому назад между оппозиционной и правительственной печатью полемику о внешней политике, которой придерживается кабинет Катарджиу.

Среди обыкновенно полного почти политического затишья во время вакационного периода, один из органов вожака либералов «Patrie», обзывая эту политику двусмысленной, лукавой и угодливой лишь России и Франции, резко осудил подобное направление в международных отношениях Румынии, противоречащее, на его взгляд, истинным интересам и чувствам румынского народа.

Выходка эта, не являющаяся, впрочем, как известно, небывалой на столбцах оппозиционных газет, вызвала резкое порицание со стороны консервативной печати, справедливо осуждающей либералов, между прочим, в стремлении создать вызывающий по отношению к известным государствам образ действия и придать Румынии роль зачинщика в среде народов Балканского полуострова.

Пытаясь отвергнуть, как будто ничем не заслуженные столь рассудительные упрёки, та же газета «Patrie» вслед засим выступила с громкою похвалою внешней политике национал-либералов, ради которой, будто бы, юное королевство всюду в Европе признаётся элементом порядка и мира, которому, по словам газеты г. Димитрие Стурдзы, угрожают лишь Франция и в особенности Россия, представляющая собою вечного врага и постоянную угрозу для Румынии, стоящей по дороге к Босфору и Средиземному морю.

А посему в заключении автор статьи указывает на необходимость для Румынии заручиться на случай нужды содействием извне, не могущим быть достигнутым двусмысленной политикой и заискиваниями попеременно, то в Вене и Берлине, то в Петербурге и Париже.

Подобным образом действия, скорбит национал-либеральная газета, Румыния не добьётся ничьей дружбы, и край отдан будет на произвол явного своего врага.

Конечно, эти избитые общие места, вызванные обычной словоохотливостью известной среды для возбуждения против нас недоверия и неприязни, не заслуживают внимания.

Но при всём том они периодически воспроизводятся в либеральной печати, проповедывающей ряд не изглаживаемых предубеждений против России, а посему предвещают, что с возвращением либералов во власть нам придётся воздействовать против упорно вкоренившихся по отношению к нам и умышленно предвзятых взглядов.

С глубоким почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 155-157.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Консервативный кабинет Ласкэра Катарджиу был сменён либеральным правительством во главе со Стурдзой лишь спустя два года, в октябре 1895 г.

Bucureşti, 7 octombrie 1893, nr. 44. Fonton către Giers

Excelenţei Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

În cazul în care se va produce în viitorul apropiat înlocuirea Guvernului conservator[1] cu o administraţie liberală, nu ar fi poate inutil de a atrage atenţia asupra polemicii consumate recent între presa de opoziţie şi guvernamentală privitoare la politica externă promovată de către Guvernul Catargiu.

În plină perioadă de acalmie, determinată de vacanţă, unul din ziarele conducătorului liberalilor, „Patria”, denunţând această politică drept duplicitară, perfidă şi convenabilă doar Rusiei şi Franţei, a condamnat în termeni gravi o astfel de orientare a politicii externe a României, care contravine, din punctul de vedere al acestui ziar, intereselor şi sentimentelor adevărate ale poporului român.

Această ieşire, care nu este, cum bine se ştie, neobişnuită pentru ziarele de opoziţie, a provocat o reacţie de respingere din partea presei conservatoare, care îi condamnă pe bună dreptate pe liberali pentru intenţia de a crea un tip condamnabil de atitudine faţă de aceste state şi de a conferi României rolul de provocator în mediul popoarelor din Peninsula Balcanică.

Încercând să respingă reproşurile aparent nemeritate, acelaşi ziar „Patria” a elogiat la scurt timp după aceasta politica externă a naţional-liberalilor, graţie

căreia tânărul regat este recunoscut peste tot în Europa ca element al ordinii şi stabilităţii, care sunt ameninţate, potrivit ziarului domnului Dimitrie Sturdza, doar de Franţa şi, în special, Rusia, care reprezintă duşmanul etern şi pericolul permanent pentru România, care îi stă în calea către Bosfor şi Marea Mediterană.

În continuare, în încheierea articolului, autorul susţine că România trebuie să se asigure de sprijinul din afară în caz de necesitate, sprijin care nu poate fi obţinut prin promovarea unei politici echivoce şi cochetarea, alternativ, ba cu Viena şi Berlinul, ba cu Petersburgul şi Parisul.

Prin astfel de acţiuni, consideră cu amărăciune ziarul naţional-liberal, România nu va obţine prietenia nimănui, iar ţara va fi oferită spre bunul plac al duşmanului său natural.

Desigur, aceste locuri comune demult răsuflate, generate de plăcerea de a vorbi şi de dorinţa de a trezi faţă de noi sentimentul de neîncredere şi ură, nu merită atenţie.

Totuşi, acestea sunt reproduse periodic de către presa liberală, care promovează o serie de prejudecăţi permanente cu privire la Rusia, obligându-ne, odată cu revenirea la putere a liberalilor, la reacţii împotriva unor opinii puternic înrădăcinate, preconcepute faţă de noi.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 155-157.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Guvernul conservator condus de Lascăr Catargiu avea să fie înlocuit de un cabinet liberal, condus de D.A. Sturdza, abia în octombrie 1895.

43

Бухарест, 6/18 декабря 1893 г., № 56. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый Государь Николай Карлович,

Прения об ответном адресе на тронную речь ознаменовались в сенате оживлённым обсуждением положения семиградских румын, равно и остальных единокровных собратий, живущих вне пределов юного королевства[1].

В обширной речи, занявшей целое заседание, господин Димитрий Стурдза, после резкого осуждения нынешнего управления и упрёка консерваторам за неустойчивость, открыто высказался в пользу

вмешательства бухарестского правительства в дело столкновения, возникшего между мадьярами и семиградскими румынами.

Искони сочувствовавший Тройственному союзу господин Стурдза ныне, однако, безоговорочно заявил, что Венгрии не следует рассчитывать на дружбу Румынии, пока не прекратится в стране угнетение румынской народности.

Заявление, столь противоречащее известным политическим убеждениям нынешнего вожака либеральной партии, нетерпеливо домогающегося председательства Совета, явилось немалою неожиданностью.

Приступив к разбору так называемого здесь национального вопроса, оппозиционный оратор выставил на вид, что вернейшая гарантия для Румынии состоит в том, что вдоль её пределов обитают единокровные собратья, и чем их положение удовлетворительнее, тем улучшается положение румын королевства.

Если же один миллион бессарабских румын обрусеет, три миллиона единоплеменников обмаджарются, и один миллион румын Македонии подвергнутся эллинизму, тогда, предсказывает господин Стурдза, национальное положение здешних румын значительно ослабеет, и если, наконец, семиградские румыны вполне будут порабощены мадьярами, тогда настанет последний час для Румынии.

В интересах же великих держав, отмечает господин Стурдза, сохранение не только Румынского королевства, но и румынской народности.

На его взгляд, к Румынии можно применить некогда сказанное про Австрию, что, если бы она не существовала, её следовало бы изобрести.

Указав затем на домогательства семиградских румын, оратор признаёт, что бухарестскому правительству надлежит настаивать на их удовлетворении, и строго порицает консерваторов, ничего не предпринявших в видах поддержания румынской народности. По его мнению, правительству следовало бы, по примеру князя Бисмарка на Берлинском конгрессе, выступить честным маклером и примирить будапештское правительство с семиградскими румынами[2].

В следующем заседании министр иностранных дел опроверг тенденциозные обвинения по отношению к финансовому управлению и торговой политике, равно и упрёки о неустойчивости консервативного режима.

Партия наша, заметил господин Лаховари, стоит у власти уже пять лет, и за последние два года кабинет не подвергался ни одной перемене в личном его составе. В брэтиановские времена один лишь председатель Совета не сменялся, хотя семь раз подавал в отставку, в общей же сложности с 1876 по 1887 г. насчитывается семнадцать министров внутренних дел, двадцать министров финансов, восемнадцать министров общественных работ, тринадцать военных министров, роковая цифра, заметил господин Лаховари, последний из них кончил карьеру в тюрьме.

Обратившись, наконец, к сказанному господином Стурдзой о трансильванских собратьях, господин Лаховари заметил, что вопрос этот из числа тех, к которым следует относиться с большой осторожностью и на который преступно смотреть с партийной точки зрения.

Господин Стурдза предлагает нам, заметил господин Лаховари, политику вмешательства, но до сих пор он постоянно советовал сближение с Тройственным союзом. Как согласовать его нынешний взгляд по отношению к Австро-Венгрии, входящей в состав этого союза? На его взгляд, Румынии нельзя оставаться безучастной к гонениям, которым подвергаются их трансильванские собратья, но, отозвался господин Лаховари, не следует преувеличивать этих гонений.

По мнению господина Стурдзы, правительству надлежит заботиться о неприкосновенности не только Румынского королевства, но и единокровных братьев, живущих за Прутом, за Карпатами и за Балканами, но, в бытность свою у власти, господин Стурдза далеко не проявлял стремлений к охране румынской народности. Требуя от нынешнего правительства непосредственного вмешательства, он забывает, что князь Бисмарк принял роль маклера между двумя независимыми державами, а не между державой и её подданными. Если бы я последовал совету господина Стурдзы, присовокупил господин Лаховари, граф Кальноки дал бы посланному мною лицу ответ, который нетрудно предвидеть, и тогда мне ничего не оставалось бы другого, как объявить войну[3] или представить извинения, но войны я предпринять не могу, а извинений не представляю.

Это прямой намёк на извинения господина Стурдзы пред венским кабинетом в бытность его министром иностранных дел, по поводу неуместного заявления одного из министров о необходимости присоединить к себе земли, населённые румынами и входящие ныне в состав Австро-Венгрии.

В заключение господин Лаховари выразил надежду, что между венгерцами и румынами состоится соглашение, но не понимает, каким образом можно было бы последовать советам господина Стурдзы. Мы далеко не равнодушны, закончил господин Лаховари, к положению закарпатских румын, но никогда не встанем в положение, которое может повлечь за собой одно лишь унижение.

Кроме господина Стурдзы, в прениях участвовали другие члены оппозиции, в том числе господа Мырзеску и Пану.

Возражая этим последним, министр уделов Карп заметил, что, если Румынии надлежит заботиться о трансильванских румынах, то почему же не заботиться и о румынах Бессарабии и затем обратиться с вопросом, которому из собратьев надлежит оказать помощь на случай войны между Россией и Австрией. При этом господин Карп, обращаясь к господину Мырзеску, предложил ему, как Вашему Высокопревосходительству

благоугодно будет усмотреть из прилагаемой у сего газетной вырезки[4], высказаться, предпочитает ли он Тройственный или франко-русский союз.

Господин Карп, самый ярый из здешних сторонников Тройственного союза, не мог, конечно, упустить случая, чтобы громогласно не провозгласить свои сочувствия и преданность берлинскому и венскому кабинетам.

Что же касается вообще сказанного в сенате по отношению к румынам, живущим вне королевства, оно, без сомнения, повторится при обсуждении адреса в палате депутатов и служит новым доказательством, до какой степени румынские деятели легко увлекаются во всех случаях, когда их непомерное самолюбие является затронутым и как они охотно предаются тщеславным мечтаниям.

С глубоким почтением и неизменною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 201-206. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Этот аспект признавал и румынский монарх. В телеграмме королеве Елизавете он указывал, что начинается «борьба, хотя и бескровная, но настолько ожесточённая, по проблеме Трансильвании, что она нас ставит в чрезвычайно трудное положение. Консерваторы и либералы оседлали боевых коней и беспощадно нападают на венгров, которых выставляют кем-то вроде варваров за то, что они осуществляют гонения на румын». См.: Cristescu, *Carol I. Corespondenţă personală*, p. 332.

[2] См., для сравнения, донесение австро-венгерского посланника в Бухаресте Голуховского в Вену министру иностранных дел Кальноки от 5(17) декабря 1893 г.: См.: *Regele Carol I în rapoartele diplomatice austro-ungare 1877–1914.* Vol. I. 1877–1896 /Ed. S. Cristescu. Bucureşti, 2013. P. 340–342.

[3] Австро-Венгрии.

[4] Не публикуется.

Bucureşti, 6/18 decembrie 1893, nr. 56. Fonton către Giers

Excelenţei Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Dezbaterile din Senat pe marginea răspunsului la Mesajul Tronului[1] s-au remarcat prin discutarea aprinsă a situaţiei românilor transilvăneni, la fel ca şi aceea a altor confraţi de acelaşi sânge care locuiesc în afara regatului.

Într-un amplu discurs care a ocupat o întreagă şedinţă, domnul Dimitrie Sturdza, după condamnarea dură a administraţiei actuale şi reproşurile aduse

conservatorilor pentru inconsecvență, s-a pronunțat deschis în favoarea implicării Guvernului de la Bucureşti în disputa dintre maghiari şi românii din Transilvania.

Cunoscut ca un aprig susținător al Triplei Alianțe, domnul Sturdza a declarat însă acum fără rezerve că Ungaria nu trebuie să mizeze pe prietenia României până când nu va înceta în țară persecutarea poporului român.

O astfel de declarație, care contravine atât de mult cunoscutelor convingeri politice ale actualului conducător al partidului liberal, care îşi doreşte cu nerăbdare şefia guvernului, a reprezentat o mare surpriză.

Analizând ceea ce aici se numeşte chestiunea națională, oratorul din partea opoziției a susținut că cea mai sigură garanție pentru România o reprezintă faptul că de-a lungul granițelor sale locuiesc confrați de acelaşi sânge. Cu cât este mai mulțumitoare situația acestora, cu atât mai mici sunt riscurile pentru românii din regat.

Însă dacă un milion de români basarabeni se vor rusifica, dacă trei milioane de conaționali se vor maghiariza şi dacă un milion de români din Macedonia vor fi supuşi elenizării, atunci, prezice domnul Sturdza, situația națională a românilor de aici se va deteriora simțitor. Şi dacă într-un sfârşit românii transilvăneni vor fi cu totul înrobiți, atunci va bate şi ceasul de pe urmă pentru România.

Este însă în interesul marilor puteri, subliniază domnul Sturdza, păstrarea nu doar a regatului român, dar şi a poporului român.

Din punctul său de vedere, privitor la România se poate spune ceea ce s-a spus cândva despre Austria: dacă aceasta nu ar fi existat, ea ar fi trebuit inventată.

Vorbind mai apoi despre solicitările românilor transilvăneni, oratorul recunoaşte că Guvernul de la Bucureşti trebuie să insiste pentru satisfacerea acestora, acuzând conservatorii, care nu au făcut nimic pentru sprijinirea poporului român. Din punctul său de vedere, după exemplul principelui Bismarck la Congresul de la Berlin, guvernul ar trebui să-şi asume rolul de mijlocitor onest şi să împace Guvernul de la Budapesta cu românii transilvăneni[2].

În cadrul următoarei şedințe, ministrul Afacerilor Străine a dezmințit acuzațiile tendențioase privitoare la administrarea finanțelor şi la politicile comerciale şi reproşurile privind instabilitatea regimului conservator.

Partidul nostru, a observat domnul Lahovari, se află deja de cinci ani la putere, iar în ultimii doi ani componența guvernului nu a suferit nici o modificare. În timpul lui Brătianu, doar preşedintele Consiliului nu a fost schimbat, cu toate că şi-a prezentat de şapte ori demisia; în total, din 1876 până în 1887 au existat 17 miniştri ai afacerilor interne, 20 miniştri ai finanțelor, 18 miniştri ai lucrărilor publice, 13 miniştri ai apărării, o cifră cu ghinion, a observat domnul Lahovari, iar ultimul dintre aceştia şi-a încheiat cariera în închisoare.

Adresându-se, în sfârşit, la cele afirmate de domnul Sturdza cu privire la confrații transilvăneni, domnul Lahovari a observat că această chestiune face parte din categoria acelora care trebuie examinate cu o atenție deosebită şi pe care este criminal să o tratezi din punct de vedere partinic.

Domnul Sturdza ne propune, a observat domnul Lahovari, o politică a ingerinţelor, dar până acum el ne recomanda apropierea de Tripla Alianţă. Cum pot fi explicate însă opiniile sale de acum privitoare la Austro-Ungaria, care face parte din Tripla Alianţă? Din punctul său de vedere, România nu trebuie să rămână indiferentă faţă de discriminările la care sunt supuşi confraţii lor din Transilvania, însă, a observat domnul Lahovari, aceste discriminări nu trebuie exagerate.

Din punctul de vedere al domnului Sturdza, guvernul este obligat să se îngrijească nu doar de inviolabilitatea regatului român, dar şi de aceea a fraţilor de acelaşi sânge, care locuiesc dincolo de Prut, dincolo de Carpaţi şi în Balcani, dar, în timpul în care s-a aflat la putere, domnul Sturdza nu a manifestat nici pe departe dorinţa de a proteja poporul român. Solicitând de la guvernul actual să se implice direct, el uită că principele Bismarck şi-a asumat rolul de mijlocitor între două state independente, iar nu între o putere şi supuşii săi. Dacă eu aş urma sfatului domnului Sturdza, a completat domnul Lahovari, contele Kálnoky i-ar da persoanei trimise de mine un răspuns care nu este dificil de anticipat, iar mie nu mi-ar rămâne altceva de făcut decât să declar război[3] sau să ofer scuze. Însă eu nu pot să declar război, iar scuze eu nu pot oferi.

Această aluzie directă la scuzele oferite Guvernului de la Viena de domnul Sturdza pe când era ministru al Afacerilor Străine, ca urmare a unei declaraţii nepotrivite a unui ministru privind necesitatea unirii tuturor teritoriilor locuite de români, care în prezent sunt parte a Austro-Ungariei.

În încheiere, domnul Lahovari şi-a exprimat speranţa că maghiarii şi românii vor ajunge la o înţelegere, dar că nu înţelege cum ar putea urma sfaturile domnului Sturdza. Noi nu suntem deloc indiferenţi faţă de situaţia românilor de dincolo de Carpaţi, a încheiat domnul Lahovari, dar nu vom accepta niciodată situaţia de a fi doar umiliţi.

În afară de domnul Sturdza, la dezbateri au mai participat şi alţi membri ai opoziţiei, printre care domnii Mârzescu şi Panu.

Replicându-le acestora din urmă, ministrul Domeniilor Publice, Carp, a observat că, dacă România trebuie să se îngrijească de românii transilvăneni, atunci de ce nu s-ar îngriji şi de românii din Basarabia, întrebând, mai apoi, cărora dintre confraţi ar trebui să li se acorde ajutor în cazul unui război dintre Rusia şi Austria? În acest context, domnul Carp s-a adresat domnului Mârzescu, propunându-i, aşa cum Excelenţa Voastră va putea constata din extrasul de ziar ataşat la acest raport[4], să spună dacă preferă Tripla Alianţă sau alianţa franco-rusă.

Domnul Carp, unul dintre cei mai aprigi susţinători ai Triplei Alianţe, nu a putut să rateze, desigur, ocazia pentru a-şi declara cu voce tare simpatia şi devotamentul său faţă de guvernele de la Berlin şi Viena.

În ceea ce priveşte opiniile exprimate în Senat cu privire la românii care locuiesc în afara regatului, acestea se vor repeta fără îndoială cu ocazia discutării răspunsului la Mesajul Tronului în Camera Deputaţilor, reprezentând o nouă dovadă a nivelului până la care se ridică entuziasmarea uşoară a

oamenilor politici români în toate cazurile în care este atinsă vanitatea lor nemăsurată şi cu câtă plăcere se lasă cuprinşi de vise de mărire.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 201-206.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Acest aspect era recunoscut şi de suveranul român. Într-o telegramă trimisă reginei Elisabeta, observa că se pornise „o luptă într-adevăr nesângeroasă, dar cu atât mai înverşunată asupra problemei Transilvaniei care ne pune într-o situație extrem de dificilă. Conservatorii şi liberalii au încălecat pe caii de luptă şi îi atacă fără cruțare pe unguri, pe care îi prezintă ca pe nişte barbari din cauza prigoanei lor asupra românilor" (Cristescu, *Carol I. Corespondență personală*, p. 332).

[2] A se vedea, pentru comparație, şi raportul trimis de ministrul plenipotențiar austro-ungar acreditat la Bucureşti, Gołuchowski, către Kálnoky, la 5/17 decembrie 1893 (*Regele Carol I în rapoartele diplomatice austro-ungare 1877-1914*, vol. I, 1877-1896, studiul introductiv, traducerea, adaptarea şi notele de Sorin Cristescu, Bucureşti, 2013, p. 340-342).

[3] Austro-Ungariei.

[4] Nu se publică.

44

Бухарест, 21 декабря 1893 г., № 58. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

По поводу прений об адресе в палате депутатов возобновились те же нападки на правительство, как и в сенате, и те же более или менее искренние проявления сочувствия к семиградским румынам.

Участвовавшие в прениях депутаты руководились всего более личными расчётами. Таким образом, жунимист Арион, желая, по примеру господина Карпа в сенате, отвлечь внимание от закарпатских румын, напомнил, что Брэтиану признавал, что Румынии нет дела до того, что делается в Австро-Венгрии, присовокупив, что на его взгляд, не следует забывать безмолвно страдающих бессарабских единоплеменников.

С другой стороны, ярый либерал Флева[1], резко упрекавший консерваторов в равнодушии к трансильванским румынам и не допускающий сравнения, сделанного господином Карпом между ними и живущими по ту сторону Прута собратьями, заявил, что бессарабские румыны находятся в одинаковом положении с остальными обитателями России, тогда как национальный вопрос в Трансильвании представляется

делом законности и справедливости, и в заключение высказал убеждение, что настоящее движение повлечёт за собой объединение всех румын.

Обративши вопрос о семиградских румынах в орудие против Министерства, оппозиция настаивала на необходимости вмешательства правительства, за исключением одного из бывших министров брэтиановских времён, господина Стойческу[2], который, хотя и горячий защитник трансильванских румын, тем не менее, предостерегал от опасных для Румынии увлечений.

Не смея утруждать внимания Вашего Высокопревосходительства дальнейшими подробностями, долгом считаю, однако, вкратце отметить возражения министров народного просвещения и иностранных дел в ответе на бездельное пустословие, продолжавшееся в палате целую неделю.

Господин Таке Ионеску, прежде всего, обратился к оппозиции с заслуженным упрёком, что нет на свете парламента, где бы происходило когда-либо подобного рода обсуждение, засим министр заметил, что румынский вопрос не вчера возник, но что обсуждение его в данном случае неуместно. При этом, однако, и он напомнил о том, что никогда Карпаты не составляли национального предела, но лишь политическую границу. На его взгляд, никакая опасность не угрожает ныне румынской идее, и все попытки в Трансильвании об искоренении национального духа оставались безуспешными. Упрекая засим оппозиционных депутатов в противоречиях, министр выставил на вид непоследовательный образ действия либерального управления по отношению к соседним румынам. В то самое время, когда преследования против трансильванских румын усиливались, Брэтиану не допускал ни малейшей тени агитации.

Нам надлежит, продолжал господин Ионеску, уважать автономию других государств, если мы хотим, чтобы уважали нашу собственную. В настоящее время вмешательство в борьбу, которую ведут наши братья, было бы пагубным для них. При этом никто из нас не отрицает, что, если существование румын вне пределов Румынии полезно для королевства, существование сего последнего необходимо для всего румынского племени.

Либералы, закончил господин Ионеску, хотели подставить нам ловушку в надежде, что мы сделаем заявления, которые нас скомпрометируют за границей и ослабят нас в самой стране. Но благодаря нашему прямому образу действия мы избегли этой ловушки.

Но этими заявлениями оппозиция не удовольствовалась. Один из оппозиционных депутатов счёл нужным при втором чтении произнести длинную речь, на которую ответил министр иностранных дел.

Господин Лаховари в общих чертах повторил в палате заявления свои в сенате, заметив либералам, что им нет никакого повода гордиться защитой, оказанной будто бы ими семиградским румынам. Брэтиану

говорил громко, лишь пока Австро-Венгрия занята была внутренними и внешними заботами, но когда обстоятельства изменились, несдержанность его довела тогдашнее правительство до унизительных приёмов перед Австро-Венгрией, и в угоду ей последовало удаление эмигрантов и другие меры строгости. Ныне же правительство допускает все дозволенные манифестации. Консерваторы не требуют ни от одного румына быть равнодушным к своим закарпатским собратьям. Правительство само им сочувствует, но есть большая разница между чувствами и политическими действиями. Но, прибавил господин Лаховари, нам нельзя будет официально вмешаться в какой бы то ни было форме, ибо это вмешательство было бы опасно и противно всем международным традициям. Война или извинения были бы последствием подобной политики. Кроме этого, мы не можем обусловливать нашу внешнюю политику желаниями трансильванских румын. Румынское королевство придерживается своей собственной политики.

Заявления господина Лаховари встречены были рукоплесканиями, и проект адреса утверждён 73^мя голосами против 31го.

С глубоким почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 646, Листы 210-213.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Николае Флева. В 1900–1909 гг. являлся румынским полномочным министром в Риме. Ранее же, в 1899 г. он согласился войти в правящий кабинет консерватора Дж. Кантакузино, получив портфель министра сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ.

[2] Константин И. Стойческу (1852–1911) являлся одним из руководящих членов либеральной партии, однако, вплоть до 1888 г. не получал министерских портфелей. После 1895 г. он входил в различные либеральные правящие кабинеты, возглавляя попеременно министерства народного образования и культов, иностранных дел, юстиции, а также сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ.

Bucureşti, 21 decembrie 1893, nr. 58. Fonton către Giers

Excelenţei Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

La fel ca în Senat, în timpul dezbaterilor din Camera Deputaţilor pentru răspunsul la Mesajul Tronului au fost reluate atacurile asupra guvernului, fiind exprimate aceleaşi sentimente mai mult sau mai puţin sincere de compasiune faţă de situaţia românilor transilvăneni.

Deputații care au participat la dezbateri s-au condus de calcule personale și mai evidente. Astfel, junimistul Arion, dorind, după exemplul domnului Carp la Senat, să abată atenția de la românii transilvăneni, a amintit faptul că Brătianu recunoștea că ceea ce se întâmplă în Austro-Ungaria nu este de competența României, adăugând că, din punctul său de vedere, nu trebuie să se uite de conaționalii basarabeni care suferă în tăcere.

Pe de altă parte, liberalul înflăcărat Fleva[1], care i-a acuzat dur pe conservatori de indiferență față de românii din Transilvania, respingând comparația făcută de domnul Carp între aceștia și confrații care locuiesc în partea cealaltă a Prutului, a declarat că românii basarabeni se află în aceeași situație ca și ceilalți locuitori ai Rusiei, în timp ce chestiunea națională din Transilvania reprezintă o problemă a legalității și dreptății. Acesta a exprimat în încheiere convingerea că actuala mișcare va conduce la unirea tuturor românilor.

Transformând chestiunea românilor transilvăneni într-o armă de luptă împotriva guvernului, opoziția a insistat asupra necesității amestecului guvernului, cu excepția unui fost ministru din perioada lui Brătianu, domnul Stoicescu[2], care, chiar dacă este un apărător înflăcărat al românilor transilvăneni, a atras atenția asupra patimilor periculoase pentru România.

Fără a cuteza să împovărez atenția Excelenței Voastre cu alte detalii, consider totuși că este de datoria mea să remarc pe scurt observațiile ministrului Instrucțiunii Publice și ministrului Afacerilor Străine, formulate în răspunsul la vorbele goale, fără rost, exprimate în Parlament timp de o săptămână.

Domnul Take Ionescu s-a adresat mai întâi opoziției cu un reproș întemeiat, că nu există pe lume un parlament unde ar avea loc o astfel de dezbatere, după care ministrul a observat că chestiunea românească nu a apărut de ieri și că discutarea ei în această situație este nepotrivită. Totuși, el a reamintit faptul că munții Carpați nu au reprezentat niciodată o frontieră națională, ci doar o graniță politică. Din punctul său de vedere, ideea românismului nu este amenințată astăzi nici într-un fel și toate tentativele de a dezrădăcina în Transilvania spiritul național au rămas fără succes. Reproșându-le după aceasta deputaților din opoziție faptul că se pierd în contradicții, ministrul le-a pus în vedere inconsecvența în acțiuni a administrației liberale față de românii din țările vecine. În perioada în care persecutarea românilor transilvăneni s-a întețit, Brătianu nu a admis nici cea mai mică agitație.

Se cuvine, a continuat domnul Ionescu, să respectăm autonomia altor state, dacă noi dorim să ne fie respectată și autonomia noastră. În prezent, implicarea noastră în lupta pe care o duc frații noștri ar fi păguboasă pentru ei. În același timp, nimeni dintre noi nu neagă faptul că dacă existența românilor în afara României este utilă pentru regat, existența acestuia din urmă este necesară pentru tot neamul românesc.

În încheiere, domnul Ionescu a spus că liberalii au dorit să ne întindă o cursă, în speranța că noi vom face declarații care ne-ar compromite în afară și ne-ar slăbi pozițiile în interior. Însă, grație modului nostru direct de acțiune, noi am evitat această cursă.

Opoziția nu s-a mulțumit însă cu aceste declarații. Unul dintre deputații din opoziție a considerat necesar de a rosti în timpul celei de-a doua lecturi un discurs prelungit, la care a răspuns ministrul Afacerilor Străine.

În linii mari, domnul Lahovari a repetat în Camera Deputaților declarațiile din Senat, atrăgându-le liberalilor atenția asupra faptului că nu au nici un motiv să se mândrească cu protecția pe care ar fi acordat-o românilor transilvăneni. Brătianu a vorbit cu voce tare doar în perioada în care Austro-Ungaria era ocupată cu urgențe de politică internă şi externă, însă, în clipa în care împrejurările s-au modificat, lipsa sa de reținere a pus guvernul de atunci în situația de a apela la procedee umilitoare în fața Austro-Ungariei şi, spre a-i da acesteia satisfacție, i-a expulzat pe emigranți şi a luat alte măsuri restrictive. Guvernul actual admite însă orice manifestare legală. Conservatorii nu cer nici unui român să fie indiferent față de soarta confraților de peste Carpați. Însuşi guvernul împărtăşeşte sentimente de solidaritate față de aceştia. Există însă o mare diferență între sentimente şi acțiuni politice. Noi nu vom avea dreptul să ne amestecăm oficial sub orice formă, a adăugat domnul Lahovari, deoarece acest amestec ar fi periculos şi contrar tuturor practicilor internaționale. Războiul sau scuzele ar fi consecința unei astfel de politici. În afară de aceasta, noi nu putem condiționa politica noastră externă de doleanțele românilor transilvăneni. Regatul român are politica sa proprie.

Declarațiile domnului Lahovari au fost însoțite de aplauze, iar proiectul Răspunsului a fost adoptat cu 73 voturi pentru şi 31 împotrivă.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 646, filele 210-213.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Nicolae Fleva avea să ajungă la începutul secolului XX ministru plenipotențiar al României la Roma (1900-1909). În 1899, a acceptat să facă parte din guvernul conservator Cantacuzino, deținând portofoliul Agriculturii, Industriei şi Comerțului.

[2] Trimitere la fruntaşul liberal Constantin I. Stoicescu (1852-1911), care nu a deținut totuşi portofolii ministeriale până la 1888. După 1895, a făcut însă parte din diferite guverne liberale: ministru al Instrucțiunii Publice, ministru de Externe, de Justiție şi ministru al Agriculturii, Industriei, Comerțului şi Domeniilor.

45

Бухарест, 6 января 1894 г., № 1. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Состоявший здесь с 1888-го года германским посланником Бернгард фон Бюлов, назначенный ныне послом при Его Величестве короле Италии, вручил на днях королю Карлу свои отзывные грамоты[1]. За время почти шестилетнего пребывания в Румынии мой германский сотоварищ своею умеренностью и тактом снискал себе уважение и любовь не только среди здешнего правительства и общества, но и среди пребывающего в Бухаресте дипломатического корпуса. Этот умный и даровитый дипломат, имеющий лишь 45 лет от роду, необыкновенно быстро прошел иерархические ступени службы. Настоящее его высокое назначение доказывает, что отличающие его умственные и нравственные достоинства должным образом оценены в Берлине.

Воспитанный в преданиях старой прусской дипломатии, он часто говорил мне о чувствах почитания, которые покойный отец его питал к нашему светлейшему канцлеру и о его собственном продолжительном пребывании в С.-Петербурге в должности советника, оставившем в нём самое искреннее сочувствие нашему отечеству и крайне признательную память о благосклонном расположении, которым Вашему Высокопревосходительству угодно было его удостаивать. В течение более чем двухлетнего нашего сослужения в Бухаресте, – при всей его сдержанности, – он неоднократно давал мне повод заметить из его разговоров, с каким чувством он возвращался к прежним отношениям между Берлином и С.-Петербургом.

В свою очередь, благодаря воспоминаниям о времени пребывания отца его при Германском союзе и тогдашней дружбе его с моим бывшим начальником, я с самого приезда моего в Бухарест постоянно встречал со стороны господина фон Бюлова искреннее товарищеское расположение. Едва ли можно сомневаться, что на новом своем посту молодой посол останется верен преданиям своей семьи и собственным чувствам по отношению к России[2].

Заместитель его, граф Лейден, несколько лет пробывший дипломатическим агентом в Египте, ожидается сюда в будущем феврале месяце.

С глубочайшим почтением и неизменною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 2-3 об.

[1] В 1880–1914 гг. Германию представляли в Бухаресте девять полномочных министров в следующей последовательности: граф Людвиг фон Весделен (1880–1882); барон Иоганн Саурма фон дер Йелч (1882–1885); Август Клеменс Буш (1885–1888); Бернгард фон Бюлов (1888–1893); граф Казимир фон Лейден (1894–1897); граф Ипполит фон Брай-Штайнбург (1897–1899); Альфред фон Киделен-Вехтер (1899–1910); Фридрих Розен (1910–1912); Юлиус фон Вальдтхаузен (1912–1914).

[2] См., для сравнения, характеристику фон Бюлова, данную ему Н. Хитрово в 1890 г. (док. № 24).

Bucureşti, 6 ianuarie 1894, nr. 1. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Bernhard von Bülow, care a ocupat aici postul de trimis german începând din anul 1888, fiind numit acum ambasador pe lângă Majestatea Sa regele Italiei, i-a înmânat zilele acestea regelui Carol scrisorile sale de rechemare din funcție[1]. În timpul celor aproape şase ani de şedere în România, colegul meu german şi-a câştigat, prin moderația şi tactul său, respectul şi afecțiunea nu doar în mediul guvernului şi societății de aici, ci şi în rândul corpului diplomatic rezident la Bucureşti. Acest diplomat inteligent şi talentat, având vârsta de doar 45 de ani, a avansat extraordinar de rapid pe scara ierarhică a serviciului diplomatic. Numirea sa de acum într-o funcție atât de înaltă demonstrează că acele calități intelectuale şi morale prin care se distinge au fost apreciate în mod cuvenit la Berlin.

Educat în tradițiile vechii diplomații prusace, el îmi vorbea deseori despre sentimentele de profund respect pe care le nutrea răposatul său părinte față de prea luminatul nostru cancelar şi despre propria sa şedere îndelungată la Sankt Petersburg, în funcția de Consilier, în urma căreia a rămas cu cele mai sincere sentimente de simpatie pentru patria noastră şi cu amintiri pline de recunoştință pentru atitudinea favorabilă şi binevoitoare pe care Excelența Voastră a binevoit să i-o acorde. În timpul celor peste doi ani de serviciu neîntrerupt la Bucureşti, în pofida caracterului său rezervat, el mi-a dat ocazia să observ din spusele sale, în repetate rânduri, cu câtă însuflețire revenea asupra relațiilor de odinioară dintre Berlin şi Sankt Petersburg.

La rândul meu, datorită amintirilor sale despre perioada aflării tatălui său pe lângă Confederația Germană şi despre prietenia sa de atunci cu fostul meu superior, chiar din momentul sosirii mele la Bucureşti eu m-am bucurat în mod constant de o sinceră bunăvoință şi colegialitate din partea domnului von Bülow. Cu greu putem pune la îndoială faptul că, în noua sa funcție, tânărul ambasador va rămâne fidel tradițiilor familiei sale şi propriilor sale sentimente față de Rusia[2].

Înlocuitorul său, contele Leiden, care a fost timp de câțiva ani agent diplomatic în Egipt, este aşteptat aici în luna februarie.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 2-3 verso.

[1] În perioada 1880-1914, Germania a avut la Bucureşti nouă miniştri plenipotenţiari, ordinea acestora fiind: Ludwig Friedrich von Wesdehlen (1880-1882); Johann Anton Saurma von der Jeltsch (1882-1885); Clemens August Busch (1885-1888); Bernhard von Bülow (1888-1893); Kasimir von Leyden (1894-1897); Hippolyt von Bray-Steinburg (1897-1899); Alfred von Kiderlen-Waechter (1899-1910); Friedrich Rosen (1910-1912); Julius von Waldthausen (1912-1914).

[2] A se vedea, pentru comparație, descrierea făcută de M. Hitrovo în 1890.

46

Бухарест, 6 февраля 1894 г., № 3. Фонтон – Гирсу

и одно приложение (на французском языке)

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Двадцать второго минувшего января прибыл в Бухарест адъютант Его Высочества князя Николая Черногорского полковник Славомир Джуркович для поднесения наследнику румынского престола пожалованного ему князем Черногорским ордена князя Данило I[1]. До посещения министра иностранных дел, полковник Джуркович просил меня не отказать ему в советах и содействии.

Полковник Джуркович был принят на другой день королём и принцем Фердинандом в частной аудиенции, а 25-го января состоялся торжественный прием, на котором он имел честь передать королю письмо князя Черногорского и вручить принцу с пожалованным ему орденом второе письмо князя, адресованное лично Его Королевскому Высочеству. Полковник Джуркович произнёс при этом на французском языке представляемую у сего в выписке речь, в которой выставлял на вид дружеские отношения, существующие между Черногорией и Румынией. В честь посланного князя Черногорского состоялся во дворце парадный обед и танцевальный вечер.

Король пожаловал полковнику Джурковичу орден Румынской Звезды II степени и румынскую медаль, установленную в память перехода через Дунай[2], как лицу, входившему в состав нашей действующей армии в

качестве командира одного из пароходов нашей дунайской флотилии. Полковнику Джурковичу оказаны были все почести, присвоенные здесь Чрезвычайным посланникам. При нём в бытность его в Бухаресте назначены были состоять начальник кабинета министра иностранных дел, Флореску, и адъютант военного министра капитан Ромало.

На состоявшемся у меня в честь посланного князя Черногорского обеде, на котором присутствовали министры иностранных дел и военный, равно как и другие румынские сановники, полковник Джуркович на тост мой в честь князя Черногорского отвечал глубоко прочувствованным тостом за здравие государя императора, покровителя черногорского народа. Уезжая из Бухареста 29-го января, полковник Джуркович заявил мне, что оказанный ему приём превзошел все его ожидания.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 8-10.

К №3: Приложение (на французском языке)
Bucarest, 1894

Sire,

Le Prince Nicolas, Mon Auguste Maître, désireux de témoigner une fois de plus les sentiments d'amitié et de haute considération à Votre Majesté Royale et à Son Altesse Royale le Prince Ferdinand, Héritier de Roumanie, lui accorde La Grande Croix de Son Ordre de Danilo I.

En présentant par ordre de mon Auguste Souverain à Votre Majesté cette haute distinction, pour Son Altesse Royale le Prince Héritier de Roumanie, je suis très heureux, Sire, d'avoir une mission si agréable à accomplir, qui est une preuve de plus des rapports amicaux et sincères qui lient les deux Augustes Souverains et Leurs Peuples.

En fidèle interprète des sentiments de Son Altesse le Prince Nicolas, mon Auguste Maître, j'ose assurer Votre Majesté Royale qu'Il fera tout pour maintenir et resserrer encore, s'il est possible, les relations d'amitié qui existent entre la Roumanie et le Monténégro.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 11-11 об.

[1] Орден князя Данило I, или орден Независимости, был учреждён в 1853 г.

[2] Орден Румынской Звезды был учреждён в 1877 г. Он имел пять степеней и вручался за достижения на военной и гражданской службе румынскому государству. Медалью «Защитнику независимости», учрежденной в июне 1878 г., могли награждаться также и лица, не относившиеся к кадровому составу румынской армии, но призванные на военную службу.

Bucureşti, 6 februarie 1894, nr. 3. Fonton către Giers

cu o anexă (în limba franceză).

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Pe data de douăzeci şi doi ianuarie trecut, a sosit la Bucureşti aghiotantul Alteței Sale principele Nicolae de Muntenegru, colonelul Slavomir Djurković, pentru a-i decerna în mod oficial moştenitorului tronului României Ordinul Principelui Danilo I, pe care i l-a conferit principele de Muntenegru[1]. Înainte de a-l vizita pe ministrul Afacerilor Externe, colonelul Djurković mi-a solicitat să îi acord sfaturile şi asistența mea.

A doua zi, colonelul Djurković a fost primit în audiență privată de rege şi prințul Ferdinand, iar pe 25 ianuarie a avut loc o recepție solemnă, în timpul căreia el a avut onoarea să îi transmită regelui o scrisoare din partea principelui de Muntenegru şi să îi înmâneze prințului, odată cu ordinul care i s-a conferit, o a doua scrisoare a principelui, adresată personal Alteței Sale Regale. Colonelul Djurković a ținut, cu acest prilej, un discurs în limba franceză, extrasul căruia îl prezint în anexă la acest raport, şi în care a scos în evidență relațiile de prietenie existente între Muntenegru şi România. În onoarea trimisului principelui de Muntenegru, la Palat a avut loc un prânz festiv şi o serată dansantă.

Regele i-a decernat colonelului Djurković Ordinul Steaua României de gradul II şi medalia românească emisă în memoria trecerii peste Dunăre[2], ca fiind o persoană care făcea parte din componența armatei noastre active, în calitatea sa de comandant al uneia dintre navele flotilei noastre dunărene. Colonelului Djurković i-au fost acordate toate onorurile rezervate aici în mod obişnuit trimişilor extraordinari. În timpul aflării sale la Bucureşti pe lângă persoana sa au fost detaşați şeful de cabinet al ministrului Afacerilor Externe, Florescu, şi aghiotantul ministrului de Război, căpitanul Romalo.

În timpul prânzului organizat în onoarea trimisului principelui de Muntenegru la reşedința mea, la care au fost prezenți miniştrii Afacerilor Externe şi de Război, precum şi alți demnitari români, colonelul Djurković a răspuns la toastul meu, rostit în onoarea principelui de Muntenegru, printr-un toast plin de emoție profundă pentru sănătatea împăratului, protector al poporului muntenegrean. La plecarea sa din Bucureşti, pe data de 29 ianuarie, colonelul Djurković mi-a declarat că primirea care i s-a făcut i-a depăşit toate aşteptările.

Cu cel mai profund respect şi acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 8-10.

Anexă la nr. 3 (în limba franceză)
Bucureşti, 1894

Sire,

Principele Nicolae, augustul meu stăpân, doritor să demonstreze şi să confirme, o dată în plus, sentimentele de prietenie şi de înaltă considerație pentru Majestatea Voastră regală şi pentru Alteța Sa regală, principele Ferdinand, moştenitor al Tronului României, îi conferă Marea Cruce a Ordinului Principelui Danilo I.

Prezentând Majestății Voastre, la ordinul augustului meu suveran, această înaltă distincție pentru Alteța Sa regală principele moştenitor al României, sunt foarte bucuros, Sire, de a avea onoarea să execut o misiune atât de plăcută, care este o dovadă în plus a raporturilor amicale şi sincere care îi leagă pe cei doi augusti suverani şi popoarele lor.

Fiind un purtător fidel al sentimentelor Alteței Sale principelui Nicolae, augustul meu stăpân, îndrăznesc să o asigur pe Majestatea Voastră regală că el va face totul pentru a menține şi a întări şi mai mult, dacă este posibil, relațiile de prietenie care există între România şi Muntenegru.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 11-11 verso.

[1] Ordinul Principelui Danilo I sau Ordinul „Independenței" a fost instituit în 1853.

[2] Ordinul „Steaua României" a fost instituit în 1877. Cuprindea cinci grade şi recompensa serviciile militare şi civile aduse statului român. Medalia „Apărătorii independenței", instituită în iunie 1878, putea fi acordată şi acelor persoane care, neaparținând armatei române, au fost chemate de un serviciu permanent pe lângă trupă.

47

Бухарест, 21 мая 1894 г., № 17. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Состоявшийся на днях в Клуже[1] строгий судебный приговор над участниками в деле прошлогоднего меморандума трансильванских румын к императору Францу Иосифу вновь вызвал здесь сильное возбуждение против мадьяр. В продолжение пяти дней возобновлялись многолюдные уличные демонстрации в знак соболезнования к горькой судьбе «семиградских мучеников»[2]. В демонстрациях этих участвовали, кроме нескольких сот учащейся молодежи, самые разнородные элементы, не исключая лиц, занимающих выдающееся политическое положение.

Невзирая на многолюдность, которой отличались эти уличные демонстрации, порядок не был нарушен, и надлежащими полицейскими мерами предотвращены были всякие враждебные проявления против австро-венгерской миссии и консульства. Рядом с отмеченными выше демонстрациями, два вечера подряд перед французской и итальянской миссиями появлялись многолюдные шествия с факелами и музыкой в знак признательности к французской и итальянской печати, высказавшейся так сочувственно в пользу семиградских румын. Эти же процессии во время их шествия по городу прошли и мимо здания императорской миссии и, остановившись перед парадным двором, сочувственными возгласами чествовали Россию и удалялись при криках «Ура!».

Видимо, руководители этих демонстраций старательно избегали беспорядков. Тем не менее, в воскресенье произошло столкновение, вызванное бестактичностью Венгерского общества пения (Gesangverein), предпринявшего загородную прогулку со своим флагом. Узнав об этом, румынская учащаяся молодежь последовала за ними, отняла флаг и избила одного из участников.

Ввиду сего австрийская миссия, признавая, что при неограниченной свободе в королевстве сходок и манифестаций, румынское правительство не властно было воспрепятствовать состоявшимся уличным демонстрациям, ограничилась лишь требованием материального вознаграждения пострадавшему. Все органы печати, в крайне резких статьях осуждающие образ действия мадьярских судей, тенденциозно раздули и вышеприведённый инцидент, приписывая его непомерному шовинизму и вызывающему образу действия мадьяр[3]. Из разговора моего с румынским министром иностранных дел я вынес впечатление, насколько все румыны королевства, не исключая, видимо, и членов правительства, разделяют проявляемое здесь общее настроение масс по отношению к приёмам венгерского правительства. Господин Лаховари при этом не скрыл от меня, насколько дело это доставляет им много забот.

Председатель палаты депутатов генерал Ману менее сдержанно высказался в беседе со мной по отношению к положению, созданному непомерным шовинизмом мадьяр, причём заметил, что, на его взгляд, нельзя не упрекнуть семиградских румын в отсутствии достаточной энергии и личного почина, чтобы противодействовать против наносимых им угнетений. В этом отношении нельзя не отметить следующую фразу передовой статьи одной из самых умеренных здесь газет, автор которой, после самых крайних нападок на мадьяр, обзывая их действия преступными и варварскими, в своем увлечении гласит: «Время красноречивых, но платонических и тщетных заявлений миновало. Ныне надлежит действовать серьёзно, не выходя, однако, из пределов законности».

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 53-56.

[1] В документе: в Ключах.

[2] См., для сравнения, донесения австро-венгерских, британских, французских, бельгийских, германских и итальянских дипломатов от мая 1894 г., опубликованные в кн.: Diplomația europeană şi mişcarea memorandistă 1892–1896 / Coord. C.-M. Lungu. Bucureşti, Arhivele Statului din România, 1995. P. 183–279.

[3] См. точку зрения поверенного в делах Австро-Венгрии в Румынии Константина Думба (Ibid. P. 253–256). Он занимал эту должность с момента отъезда графа Агенора Голуховского до прибытия 9 октября 1894 г. нового чрезвычайного посланника и полномочного министра, графа Рудольфа Вельзерсхаймба. Но наиболее жёсткая реакция, возможно, последовала со стороны издававшейся в Бухаресте либеральной франкоязычной газеты „L'Indépendance Roumaine", директором которой являлся Джордже Эммануэль Лаховари.

Bucureşti, 21 mai 1894, nr. 17. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Aspra sentință judecătorească pronunțată zilele acestea la Cluj[1], împotriva participanților în cazul Memorandumului de anul trecut trimis de românii transilvăneni împăratului Franz Josef, a provocat din nou aici o puternică agitație contra maghiarilor. Timp de cinci zile reîncepeau constant mari demonstrații de stradă în semn de compătimire față de soarta amară a „martirilor ardeleni"[2]. La aceste manifestații au participat, în afară de câteva sute de persoane din rândul tineretului studios, cele mai eterogene elemente, inclusiv unele persoane care au o situație politică distinsă.

În pofida numărului mare de participanți prin care se remarcau aceste manifestații de stradă, ordinea publică nu a fost încălcată, iar prin măsurile polițienești de rigoare au fost prevenite orice manifestări ostile îndreptate împotriva misiunii şi consulatului austro-ungar. În afară de demonstrațiile menționate mai sus, timp de două seri la rând, în fața misiunilor franceză şi italiană, îşi făceau apariția procesiuni numeroase cu torțe şi muzică, în semn de recunoştință față de presa franceză şi italiană, care s-a exprimat cu atâta simpatie în favoarea românilor ardeleni. Aceleaşi procesiuni, în timpul defilării lor prin oraş, au trecut şi pe lângă clădirea misiunii imperiale şi, oprindu-se în fața curții de gală, au aclamat Rusia prin exclamații de simpatie şi s-au îndepărtat cu strigăte de „Ura!".

Din câte se pare, conducătorii acestor manifestaţii făceau eforturi pentru a evita dezordinile. Cu toate acestea, duminică a avut loc o confruntare, provocată de lipsa de tact a Societăţii Corale Ungare (Gesangverein), care a organizat o ieşire în afara oraşului cu steagul său naţional. Aflând despre acest lucru, tineretul studios românesc le-a urmat itinerariul, i-a deposedat de steag şi l-a snopit în bătăi pe unul dintre participanţi.

Având în vedere aceste fapte, misiunea austriacă, recunoscând că, în condiţiile libertăţii neîngrădite a întrunirilor şi manifestaţiilor din Regat, nu era în puterea Guvernului român de a împiedica desfăşurarea acestor demonstraţii de stradă, s-a limitat doar la a solicita o despăgubire materială pentru victima incidentului. Toate organele de presă, care condamnă în articole extrem de tăioase modul de acţiune al judecătorilor maghiari, au exagerat în mod tendenţios şi incidentul mai sus menţionat, atribuindu-l şovinismului nemăsurat şi modului provocator de acţiune al maghiarilor[3]. Din convorbirea mea cu ministrul român al Afacerilor Externe, mi-am dat seama cât de mult împărtăşesc toţi românii din Regat, fără a-i exclude, se pare, nici pe membrii guvernului, starea generală de spirit a maselor care se manifestă aici faţă de metodele Guvernului ungar. În acest context, domnul Lahovari nu mi-a ascuns cât de multe preocupări le provoacă această chestiune.

În timpul unei conversaţii avute cu mine, preşedintele Camerei Deputaţilor, generalul Manu, a avut mai puţine rezerve în exprimare în privinţa situaţiei create de şovinismul nemăsurat al maghiarilor, observând cu acest prilej că, în viziunea sa, românilor ardeleni li se poate fără îndoială reproşa lipsa de suficientă energie şi de iniţiativă personală pentru a opune rezistenţă faţă de asupririle la care sunt supuşi. În această privinţă, nu pot să nu remarc următoarea frază dintr-un editorial al unuia dintre cele mai moderate ziare de aici, autorul căruia, după cele mai extreme atacuri la adresa maghiarilor, calificându-le acţiunile drept criminale şi barbare, în elanul său proclamă: „timpul declaraţiilor elocvente, dar platonice şi zadarnice, a trecut. Acum trebuie să acţionăm serios, fără a ieşi însă din limitele legalităţii”.

Cu cel mai profund respect şi acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenţei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 53-56.

---

[1] În raport: Cliuci / Ключ.

[2] A se vedea, pentru comparaţie, rapoartele diplomaţilor austro-ungari, britanici, francezi, belgieni, germani, italieni, din luna mai 1894, publicate în *Diplomaţia europeană şi mişcarea memorandistă 1892-1896*, coord. Corneliu-Mihai Lungu, Bucureşti, 1995 (în continuare: *Diplomaţia europeană şi mişcarea memorandistă 1892-1896*), p. 183-279.

[3] A se vedea punctul de vedere al însărcinatului cu afaceri al Austro-Ungariei la Bucureşti, Constantin Dumba, în *Ibidem*, p. 253-256. Poate cea mai dură reacţie a avut-o periodicul „L’Indépendance Roumaine”, al cărui director era George Emanuel Lahovari.

48

Бухарест, 21 сентября 1894 г., № 28. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

В Бухаресте образовался недавно комитет для приёма студентов Трансильвании и Буковины, приглашённых на обычный ежегодный конгресс, собравшийся в Кюстендже[1] университетской молодежью. Приём этот состоялся 16/28 сентября и принял довольно бурный характер[2].

С утра были наклеены на стенах домов листы с распоряжением полиции, указывающим на статьи закона, запрещающие сходки под открытым небом, на основании которых префект полиции не разрешил никаких манифестаций. Увидев эти объявления, студенты начали вычёркивать на них подпись «Дешлиу»[3] и заменять её словом «Кальноки».

Хотя члены организационного комитета явились к префекту полиции с просьбой об отмене сказанного запрещения и дали формальное обещание не выходить при манифестациях из пределов, указанных законом, тем не менее, увлечённая подстрекательствами либералов университетская молодёжь, вместе с огромным числом присоединившихся к ней посторонних лиц, сильно волновалась и шумела. Вопреки стараниям полиции не допустить эту толпу до площади, где находится памятник народного героя Михаила Храброго[4], манифестанты, прорвав кордон, возложили на голову статуи венок, говорили речи, а недовольство против полиции и городских властей выразили свистками и даже рукопашными схватками с городовыми и жандармами, причём было ранено несколько человек.

К сему считаю долгом присовокупить, на основании сведений, полученных из достоверного источника, что накануне этого приёма иностранных студентов, австро-венгерское правительство, через своего поверенного в делах господина Думба, обратилось к здешнему кабинету, прося его принять все необходимые меры к предупреждению такого рода румынофильской демонстрации по отношению к семиградским патриотам. Правительство, недовольное распоряжениями префекта полиции в настоящем случае, предложило ему подать в отставку.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью, честь имею быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 83-85 об.

[1] В Констанце.

[2] В то время было распространено мнение, что бухарестские власти прибегали к различного рода мошенническим проделкам, дабы воспрепятствовать приёму студентов из числа наиболее активных деятелей данной акции. С этой целью поезд, который вёз студентов в Бухарест, на длительное время был остановлен в Фетешть под предлогом неисправности локомотива. Таким образом, власти надеялись, что опоздание поезда сделает малочисленным митинг у статуи Михая Храброго. См.: *Bacalbaşa C.* Bucureştii de altădată 1885–1901. Vol. II. Bucureşti, 1928. P. 170.

[3] Михаил Дешлиу, префект полиции Бухареста.

[4] Михай Храбрый, господарь Валахии в 1593–1601 гг.

Bucureşti, 21 septembrie 1894, nr. 28, Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Recent, la București s-a creat un comitet pentru ceremonia de întâmpinare a studenților din Transilvania şi Bucovina, invitați la obişnuitul congres anual convocat la Kiustenge[1] de tineretul universitar. Această ceremonie de întâmpinare a avut loc pe data de 16/28 septembrie şi a avut un caracter destul de furtunos[2].

De dimineață, pe pereții caselor au fost lipite proclamații cu o dispoziție a poliției, care conținea referințe la articolele din lege ce interziceau întrunirile sub cerul liber şi pe baza cărora prefectul poliției nu a permis nici un fel de manifestații. Văzând aceste anunțuri, studenții au început să şteargă de pe ele semnătura „Deşliu”[3] şi să o înlocuiască cu cuvântul „Kálnoky”.

Deşi membrii comitetului organizatoric s-au prezentat la prefectul poliției cu rugămintea de a anula amintita interdicție şi au făcut promisiuni oficiale să nu iasă din limitele prevăzute de lege în timpul manifestațiilor, cu toate acestea, tineretul universitar atras de instigările liberalilor, împreună cu un foarte mare număr de persoane din afară care li s-au alăturat, se agita puternic şi făcea mare zgomot. În pofida eforturilor poliției de a nu permite accesul acestei mulțimi către piața unde se află monumentul eroului național Mihai Viteazul[4], manifestanții, spărgând cordoanele poliției, au depus o cunună pe capul statuii, au ținut discursuri, iar nemulțumirea față de poliție şi autoritățile municipale şi-au exprimat-o prin fluierături şi chiar prin lupte corp la corp cu poliția orăşenească şi jandarmii, în urma cărora au fost rănite câteva persoane.

Consider de datoria mea să adaug la cele spuse mai sus, pe baza unor informații pe care le-am primit dintr-o sursă demnă de încredere, că, în ajunul acestei ceremonii de întâmpinare a studenților străini, Guvernul austro-ungar s-a adresat Cabinetului de aici, prin intermediul însărcinatului său cu afaceri, domnul Dumba, solicitându-i să ia toate măsurile necesare pentru prevenirea

acestui gen de demonstrație românofilă în favoarea patrioților ardeleni. Guvernul, nemulțumit de dispozițiile prefectului poliției în cazul de față, i-a sugerat să își dea demisia.

Cu cea mai profundă considerație și același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 83-85 verso.

[1] Constanța.

[2] În epocă, s-a vehiculat ideea conform căreia autoritățile de la București au apelat la diverse tertipuri pentru a împiedica primirea studenților de către un număr cât mai mare de simpatizanți. În acest sens, trenul care îi aducea pe studenți la București a fost oprit pentru mai multe ore la Fetești, pe motivul că locomotiva era defectă. Astfel, se spera că întârzierea trenului va împrăștia mulțimea adunată la statuia lui Mihai Viteazul (Constantin Bacalbașa, *Bucureștii de altădată 1885-1901*, vol. II, București, 1928, p. 170).

[3] Mihail Dești, prefectul poliției București.

[4] Mihai Viteazul, domn al Valahiei între 1593 și 1601.

49

Бухарест, 21 сентября 1894 г., № 30. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Первые известия об одобрительном отзыве, которым австро-венгерский министр иностранных дел в речах своих в Будапеште наделил румынское правительство, встречены были здесь с великим удовольствием. В особенности защитительная речь, произнесённая графом Кальноки среди венгерского сейма, превзошла все здешние ожидания. Но рядом с этим, однако, безусловное удостоверение, выданное австро-венгерским министром иностранных дел бухарестскому кабинету, в полном добропорядочном поведении по отношению к семиградским румынам, вызвало в правительственных сферах некоторое смущение[1]. Опасаются, что это подаст повод оппозиции обвинить перед страною правительство в антинациональном направлении и в равнодушии к судьбе семиградских собратий, и что либералы, усугубив ныне же свои нападки на консервативный кабинет, создадут себе из заявлений графа Кальноки новое орудие к предстоящим парламентским выборам.

Под влиянием этих соображений, в официальной газете «Timpul» помещена была на днях статья, составленная в румынском министерстве иностранных дел, с обстоятельной оценкой заявлений графа Кальноки[2].

Отметив, что граф Кальноки вполне признал правильным образ действия бухарестского кабинета, статья эта заканчивается заверением, что румынским правительством в пределах своей власти «всё уже сделано и будет сделано, чтобы сохранить дружеские отношения обеих стран, но что ныне подлежит и мадьярам облегчить ему эту задачу, а государственным людям, направляющим судьбы австро-венгерской монархии, следует просвещенными советами своими произвести давление среди мадьяр». В разговоре со мной господин Лаховари сам сослался на эту статью, и из слов его я вынес подтверждение того, что уже ранее мне со стороны стало известным, а именно, что после первого благоприятного впечатления многое из сказанного графом Кальноки здесь не особенно понравилось. Таким образом, на замечание мое, что слова австро-венгерского министра об почине, принятом королём румынским и его правительством об установлении крайне дружеских отношений с Среднеевропейскими державами подало некоторым газетам повод заключить, что Румыния примкнула к Тройственному союзу, господин Лаховари поспешно выразил мне, что Румыния никогда не забывает, что она маленькое государство, не вмешивающееся в дела великих держав и желающее со всеми иметь наилучшие отношения. Таким образом, этими словами подтверждаются заверения, сделанные мне неоднократно в течении трёх лет как нынешним Министерством, так и предшествовавшим кабинетом. Кроме этого, до беседы моей с господином Лаховари до меня из верного источника дошло, что в доверительном разговоре с одним из своих близких министр иностранных дел высказал, что заявление графа Кальноки во многих отношениях неуместно.

К этому следует прибавить, что и другие члены кабинета, а именно председатель кабинета и даже господин Карп, ярый приверженец Австро-Венгрии, высказались в таком же смысле. Столь же неуместным со стороны главы иностранного правительства здесь считают резкий упрек графа Кальноки по отношению к вождю оппозиции господину Димитру Стурдзе, выступавшему с самого начала ярым сторонником национальной дако-румынской агитации. Наконец, нельзя не отметить видимых опасений правительственных кругов, что оппозиция припишет правильный образ действия кабинета раболепству перед Веной, и что, с другой стороны, слова господина Кальноки не понравятся тем консерваторам, которые не сочувствуют ни Вене, ни Берлину.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 88-91.

[1] Британский дипломат Уолтер Таунли отмечал, что, хотя речь графа Кальноки произвела в Румынии «благоприятное впечатление благодаря своему умеренному тону и стилю, подобающему настоящему государственному деятелю», газеты, близкие к национал-либеральной партии, будут спекулировать на этом аспекте во время предстоящей предвыборной кампании. См.: *Diplomaţia europeană şi mişcarea memorandistă 1892-1896*, p. 373–375.

[2] Timpul. 1894. 14(26) sept. Nr. 202. P. 1.

Bucureşti, 21 septembrie 1894, nr. 30. Fonton către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Primele veşti despre reacţia pozitivă faţă de poziţia Guvernului român pe care a exprimat-o ministrul austro-ungar al Afacerilor Externe în discursurile sale de la Budapesta au fost întâmpinate aici cu o mare satisfacţie. Mai ales pledoaria de apărare ţinută de contele Kálnoky în mijlocul Dietei Maghiare a depăşit toate aşteptările de aici. Pe de altă parte însă, certificatul incontestabil de totală bună purtare faţă de românii ardeleni, acordat de ministrul austro-ungar al Afacerilor Externe Cabinetului de la Bucureşti a provocat, în sferele guvernamentale, o oarecare jenă[1]. Există temeri că acest lucru va furniza opoziţiei un pretext pentru a acuza guvernul în faţa ţării de promovarea unei direcţii anti-naţionale şi de indiferenţă faţă de soarta fraţilor ardeleni şi că liberalii, intensificându-şi imediat atacurile asupra Cabinetului conservator, îşi vor crea, din declaraţiile contelui Kálnoky, o nouă armă în vederea viitoarelor alegeri parlamentare.

Sub influenţa acestor consideraţii, în ziarul oficial „Timpul” a fost publicat zilele acestea un articol, alcătuit de Ministerul român al Afacerilor Externe, cu o evaluare detaliată a declaraţiilor contelui Kálnoky[2].

Remarcând că şi contele Kálnoky a considerat absolut corect modul de acţiune al Cabinetului de la Bucureşti, acest articol se încheie cu asigurări că Guvernul român, în limitele autorităţii sale, „a făcut deja totul şi va face totul pentru a păstra relaţiile de prietenie dintre cele două ţări, dar că în prezent ar trebui ca şi maghiarii să îi înlesnească această sarcină, iar oamenii de stat care ghidează destinele monarhiei austro-ungare ar trebui, prin sfaturile lor luminate, să exercite presiuni în rândul maghiarilor”. În conversaţia pe care a avut-o cu mine, domnul Lahovari a făcut el însuşi trimitere la acest articol, iar din cuvintele sale am obţinut confirmarea acelor lucruri, pe care le cunoşteam deja mai devreme de la terţe persoane, şi anume a faptului că după prima impresie favorabilă, multe dintre cele afirmate de contele Kálnoky nu au plăcut în mod deosebit celor de aici. Astfel, ca răspuns la observaţia mea că afirmaţiile ministrului austro-ungar despre iniţiativa adoptată de regele României şi guvernul său cu privire la stabilirea unor relaţii deosebit de prieteneşti cu

Puterile Centrale au oferit pretextul anumitor ziare să conchidă că România a aderat la Tripla Alianță, domnul Lahovari mi-a replicat în grabă că România nu uită niciodată că este un stat mic, care nu se amestecă în treburile marilor puteri şi care doreşte să aibă cele mai bune relații cu toate țările. În acest fel, prin aceste cuvinte se confirmă acele asigurări pe care mi le-au dat în repetate rânduri, pe parcursul ultimilor trei ani, atât guvernul actual, cât şi Cabinetul precedent. În afară de aceasta, înaintea conversației mele cu domnul Lahovari, până la mine au ajuns informații dintr-o sursă sigură, precum că, într-o convorbire confidențială cu unul dintre apropiații săi, ministrul Afacerilor Externe a afirmat că declarația contelui Kálnoky este, în multe privințe, nepotrivită.

La toate acestea ar trebui să adaug că şi alți membri ai Cabinetului, şi anume preşedintele Consiliului şi chiar domnul Carp, care este un partizan înfocat al Austro-Ungariei, au făcut declarații în acelaşi sens. La fel de nepotrivite din partea şefului unui guvern străin sunt considerate aici reproşurile vehemente ale contelui Kálnoky la adresa liderului opoziției, domnului Dimitrie Sturdza, care s-a manifestat de la bun început drept un adept înflăcărat al propagandei naționale daco-române. În fine, nu putem să nu remarcăm temerile evidente ale cercurilor guvernamentale că opoziția va pune modul corect de acțiune al Cabinetului pe seama servilismului şi că, pe de altă parte, cuvintele domnului Kálnoky nu vor fi pe placul acelor conservatori care nu au simpatii nici față de Viena, nici față de Berlin.

Cu cel mai profund respect şi acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 88-91.

[1] Diplomatul britanic Walter Townley observa că, deşi discursul contelui Kálnoky a produs în România „o impresie favorabilă datorită tonului său moderat şi stilului dem de un adevărat om de stat", ziarele apropiate Partidului Național Liberal vor specula acest aspect în viitoarea campanie electorală (*Diplomația europeană şi mişcarea memorandistă 1892-1896*, p. 373-375).

[2] A se vedea în acest sens „Timpul", an XVI, nr. 202, miercuri, 14/26 septembrie 1894, p. 1.

50

Бухарест, 7 октября 1894 г., № 31. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Немедленно по получении известия о счастливом разрешении[1] от бремени Её Королевского Высочества принцессы Марии, председатель Совета и министр юстиции выехали в Синаю и, по поднесении королю

поздравлений, к немалому их удивлению, выслушали из уст Его Величества сообщение о том, что принц Леопольд, отец наследного принца, и в особенности принцесса Гогенцоллернская настойчиво просили его окрестить новорожденную в католическое вероисповедание. Король, сознавая, что отступление от коренного закона страны немыслимо, со своей стороны запросил министров, не признано ли будет возможным окрестить принцессу в униатскую веру. Это предположение короля вызвано, будто бы, тем обстоятельством, что поныне не улажены ещё затруднения, возникшие с Ватиканом по поводу бракосочетания принца Фердинанда и усугубившиеся крещением принца Карла в православную веру[2].

Вернувшись тотчас же в Бухарест, председатель Совета на другой же день созвал Совет министров, на котором при общем порицании задуманного как принцем и принцессой Гогенцоллернскими, так и королём, единогласно принято решение отклонить это предложение. Засим, на состоявшемся в Пелешском дворце под председательством короля Совете, министры единогласно заявили королю о крайней невозможности подобного нарушения коренного закона страны, которое нанесло бы глубокое оскорбление религиозному чувству народа, дорожащего своей верой и подорвало бы обаяние и преданность к королевской семье. Они напомнили о пламенном проявлении счастья и радости, когда год тому назад состоялось св. крещение первого румынского принца в православной вере[3]. Дабы более точно подчеркнуть решение своё, министры предложили королю совокупную отставку всего кабинета.

Король без возражений отказался от своего намерения, и таинство св. крещения состоится в непродолжительном времени. О вышеприведённом мне было сообщено из достоверного источника под обещанием держать это в крайнем секрете. В самый день приезда великой княгини Марии Александровны[4] в Синаю председатель Совета, возвращаясь из Пелешского дворца, в разговоре со мною, ограничился лишь заявлением, что св. крещение состоится в тот день, который Её Императорскому Высочеству угодно будет назначить.

Министры вернулись в столицу, видимо, довольные результатом своих совещаний с королём, в полной надежде, что о совещании этом ничего не проникнет в публику, но надежда эта кажется крайне сомнительной. Сколько мне известно, ради обычной здесь нескромности, слухи о причинах созвания Совета министров в Бухаресте и Пелеше дошли до сведения посторонних лиц и даже членов оппозиции. А посему трудно ожидать, чтобы это дело осталось без следов и не вызвало неблагоприятного в стране отголоска.

Нельзя не удивляться, что король, при обычной его осторожности, так необдуманно последовал внушениям родителей принца Фердинанда и возбудил столь крупный и деликатный вопрос, составляющий серьёзное покушение на религиозное чувство православного народа. К сожалению,

нельзя не отметить, что настоящий случай, по-видимому, последствие дерзкого и опасного примера, преподанного в Софии принцем Фердинандом[5].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 92-95.

[1] См. об этом статью «Дочь Румынии». Fetiţa României // Timpul. An XVI. 1894. 1 oct. Nr. 26. P. 1.

[2] Сын католика (принца Фердинанда) и англиканки (принцессы Марии), принц Карл был крещён в православие, которое являлось государственной религией страны.

[3] Речь идёт о принце Карле, родившемся 15 октября 1893 г., будущем короле Румынии, правившем под именем Карла II с 8 июня 1930 до 6 сентября 1940 г.

[4] Мария Александровна (1853–1920), дочь императора Александра II, герцогиня Саксен-Кобург-Готская, замужем за принцем Альфредом Эрнестом Альбертом, герцогом Эдинбургским (1844–1900).

[5] Намёк на Бориса, первенца болгарского князя Фердинанда I и его супруги Марии Луизы Бурбон-Пармской. Он родился 30 января 1894 г. и был крещен по католическому обряду. Спустя два года, в 1896 г., престолонаследник Борис был перекрещен в православие. Это было одним из главных требований России при восстановлении российско-болгарских дипломатических отношений, прерванных ещё в конце 1886 г. См. подробно: *Jelavich Ch.* Russo-Bulgarian relations, 1892–1896: with particular reference to the problem of the bulgarian Succession // The Journal of Modern History. 1952. Vol. 24. Nr. 4. P. 341–351; *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 51, 55–56, 59, 75–83.

Bucureşti, 7 octombrie 1894, nr. 31. Fonton către Giers

Excelenţei Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Imediat după primirea veştii despre naşterea reuşită[1] şi încununată cu succes a Alteţei Sale Regale principesa Maria, preşedintele Consiliului şi ministrul Justiţiei au plecat la Sinaia şi, după ce i-au prezentat regelui felicitările, spre marea lor uimire, au auzit chiar din gura Majestăţii Sale ştirea despre faptul că prinţul Leopold, tatăl principelui moştenitor, şi mai ales prinţesa de Hohenzollern l-au rugat insistent să o boteze pe nou-născută în confesiunea catolică. Regele, conştientizând că această derogare de la legea strămoşească a ţării este de neconceput, din partea sa a cerut părerea miniştrilor în sensul eventualei posibilităţi ca prinţesa să fie botezată în ritul bisericii greco-catolice. Această intenţie a regelui ar fi determinată, chipurile, de circumstanţa că nici până în prezent nu au fost încă aplanate dificultăţile apărute în relaţia cu

Vaticanul în legătură cu căsătoria principelui Ferdinand, care au fost agravate de botezul prințului Carol în credința ortodoxă[2].

Întorcându-se imediat la Bucureşti, preşedintele Consiliului a convocat Consiliul de Miniştri chiar a doua zi, pe parcursul căruia, în contextul dezaprobării generale a celor plănuite atât de prințul şi prințesa de Hohenzollern, cât şi de către Rege, a fost adoptată în unanimitate decizia de a respinge această propunere. Ulterior, la Consiliul care a avut loc la castelul Peleş şi a fost prezidat de Rege, miniştrii i-au declarat în unanimitate regelui că o asemenea încălcare a legii strămoşeşti a țării este absolut imposibilă şi că ar aduce o adâncă ofensă sentimentului religios al poporului, care ține foarte mult la propria credință, şi ar submina atracția şi loialitatea față de familia regală. Ei i-au amintit regelui despre manifestările înflăcărate de fericire şi bucurie, când acum un an a avut loc Sf. Botez în credința ortodoxă a primului prinț român[3]. Pentru a-şi pune şi mai exact în evidență hotărârea luată, miniştrii i-au oferit regelui demisia în bloc a Cabinetului.

Regele a renunțat fără obiecții la intenția sa inițială, iar taina Sf. Botez va avea loc peste puțin timp. Am fost informat despre cele relatate mai sus dintr-o sursă demnă de încredere, în schimbul promisiunii de a păstra acest lucru în deplin secret. Chiar în ziua sosirii marii ducese Maria Alexandrovna[4] la Sinaia, preşedintele Consiliului, întorcându-se de la castelul Peleş, în timpul unei convorbiri avute cu mine, s-a limitat doar la a declara că Sf. Botez va fi organizat în acea zi pe care va binevoi să o stabilească Alteța Sa Imperială.

Miniştrii s-au întors în capitală fiind, probabil, mulțumiți de rezultatul consfătuirilor lor cu regele şi având deplina speranță că publicul nu va afla nici un detaliu despre această consfătuire, dar această speranță pare extrem de îndoielnică. Din câte ştiu, în mijlocul indiscreției atât de obişnuite aici, zvonurile legate de motivele convocării Consiliului de Miniştri de la Bucureşti şi Peleş au ajuns la cunoştința unor persoane din afară şi neavizate şi chiar până la cunoştința membrilor opoziției. Iată de ce am putea cu greu să ne aşteptăm ca această chestiune să rămână fără urmări şi să nu provoace un ecou nefavorabil în țară.

Nu putem decât să ne mirăm că regele, având în vedere obişnuita sa prudență, a urmat în mod atât de necugetat sugestiile insistente ale părinților principelui Ferdinand şi a creat o problemă atât de importantă şi delicată, care constituie un atentat serios asupra sentimentelor religioase ale unui popor ortodox. Din păcate, nu putem să nu observăm că, după toate aparențele, cazul de față este o consecință a exemplului insolent şi periculos oferit la Sofia de principele Ferdinand[5].

Cu cel mai profund respect şi același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 92-95.

[1] A se vedea articolul *Fetiţa României* publicat în „Timpul", an XVI, nr. 26, sâmbătă, 1 octombrie 1894, p. 1.

[2] Fiul unui catolic (principele Ferdinand) şi al unei anglicane (prinţesa Maria), prinţul Carol a fost botezat în religia ţării, ortodoxă.

[3] Trimitere la prinţul Carol, născut la data de 15 octombrie 1893, viitorul rege al României, sub numele de Carol II, între 8 iunie 1930 şi 6 septembrie 1940.

[4] Maria Alexandrovna (1853-1920). Fiica împăratului Alexandru II, ducesă de Saxa-Coburg-Gotha, căsătorită cu Alfred Ernest Albert, duce de Edinburgh (1844-1900).

[5] Aluzie la Boris, primul copil al lui Ferdinand I al Bulgariei şi al prinţesei Marie Louise de Bourbon-Parma. S-a născut la 30 ianuarie 1894 şi a fost botezat în rit catolic. Doi ani mai târziu, în 1896, moştenitorul Tronului, Boris, a fost rebotezat în rit ortodox. Aceasta a fost una din cererile de bază ale Rusiei la reluarea relaţiilor diplomatice, întrerupte încă la finele anului 1886. Pentru o discuţie mai largă, a se vedea Charles Jelavich, *Russo-Bulgarian relations, 1892–1896: with particular reference to the problem of the bulgarian Succession*, în „The Journal of Modern History", 1952, Vol. 24. Nr. 4, p. 341-351; А.К. Мартыненко, *Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг.*, Киев, 1967, p. 51, 55-56, 59, 75-83.

51

Бухарест, 7 октября 1894 г., № 33. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Третьего минувшего октября прибыла в Синаю Её Императорское Высочество герцогиня Сакс-Кобург-Готская, великая княгиня Мария Александровна. Навстречу Её Императорскому Высочеству на венгерскую границу выехали из Синаи король и королева, принц Фердинанд, герцог Сакс-Мейнингенский[1] и принцесса Александра Сакс-Кобург-Готская[2], все министры и свита короля. Его Величеству угодно было пригласить в свой вагон английского поверенного в делах[3] и меня.

В среду, 5-го октября, я имел честь поднести Её Императорскому Высочеству поздравления по случаю дня её рождения в особой аудиенции, на которой я представил великой княгине весь состав миссии. В тот же день в Пелешском замке состоялся обед, на котором гостями короля были принц Фердинанд, герцог и герцогиня Сакс-Мейнингенские, принцесса Александра Сакс-Кобург-Готская и российская и германская миссии в полном составе. Великая княгиня, торопившаяся к родам наследной принцессы, опоздала на два дня. Она намерена присутствовать при таинстве св. крещения новорожденной принцессы, которая наречена будет Елисаветой[4], а равно и при праздновании серебряной свадьбы королевской четы.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 99-100.

[1] Бернгард III, Фридрих Вильгельм Альбрехт Георг фон Саксен-Мейнинген (1851–1928).

[2] Александра Саксен-Кобург-Готская (1878–1942). Дочь принца Альфреда Эрнеста Альберта Саксен-Кобург-Готского и великой княгини Марии Александровны.

[3] Уолтер Таунли являлся британским поверенным в делах в Румынии в течение 1894 г., вплоть до прибытия в декабре того же года в Бухарест нового чрезвычайного посланника и полномочного министра Великобритании Хью Уайндхэма.

[4] Речь идёт о втором ребёнке престолонаследника Фердинанда и принцессы Марии, Елизавете, родившейся в Синае 29 сентября (11 октября) 1894 г. В 1921 г. она вышла замуж за греческого принца Георга, ставшего впоследствии королём Греции под именем Георга II.

Bucureşti, 7 octombrie 1894, nr. 33. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Pe data de 3 octombrie trecut a sosit la Sinaia Alteța Sa Imperială ducesa de Saxa-Coburg-Gotha, marea ducesă Maria Alexandrovna. În întâmpinarea Alteței Sale Imperiale din Sinaia spre frontiera ungară s-au îndreptat regele şi regina, principele Ferdinand, ducele de Saxa-Meiningen[1] şi prințesa Alexandra de Saxa-Coburg-Gotha[2], alături de toți miniştrii şi suita regelui. Majestatea Sa a binevoit să îl invite în vagonul său pe însărcinatul cu afaceri al Angliei[3] şi pe mine.

În ziua de miercuri, 5 octombrie, eu am avut onoarea să îi prezint Alteței Sale Imperiale felicitările cu ocazia zilei sale de naştere într-o audiență particulară, în timpul căreia i-am prezentat marii ducese întreaga componență a Misiunii. În aceeaşi zi, la castelul Peleş a avut loc un prânz la care au fost invitați, ca oaspeți ai regelui, principele Ferdinand, ducele şi ducesa de Saxa-Meiningen, prințesa Alexandra de Saxa-Coburg-Gotha, precum şi Misiunile rusă şi germană în componență deplină. Marea ducesă, care se grăbea să ajungă la naşterea prințesei moştenitoare, a întârziat două zile. Ea intenționează să asiste la Taina Sf. Botez a prințesei nou-născute, care va fi numită Elisabeta[4], precum şi la celebrarea nunții de argint a cuplului regal.

Cu cel mai profund respect şi acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 99-100.

[1] Bernhard III, Friedrich Wilhelm Albrecht Georg de Saxa-Meiningen (1851-1928).

[2] Alexandra de Saxa-Coburg-Gotha (1878-1942). Fiica lui Alfred Ernest Albert de Saxa-Coburg-Gotha şi marea ducesă Maria Alexandrovna.

[3] Walter Townley a fost însărcinatul cu afaceri al Legației britanice de la Bucureşti pe parcursul anului 1894, până la sosirea noului trimis extraordinar şi ministru britanic în România, Hugh Wyndham, în decembrie acelaşi an.

[4] Referire la Elisabeta, cel de-al doilea copil al principelui moştenitor Ferdinand şi al principesei Maria, născută la 29 septembrie/11 octombrie 1894 la Sinaia. S-a căsătorit în 1921 cu prinţul grec George, devenit ulterior rege al Greciei cu numele de George II.

52

Бухарест, 19 октября 1894 г., № 35. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Ввиду чрезвычайно тревожных известий о состоянии здоровья государя императора[1], Её Императорское Высочество великая княгиня Мария Александровна, герцогиня Кобургская, решила немедленно отправиться в Ливадию и вчера, 18-го октября, в начале 9-го часа вечера, выехала из Синаи на Яссы в Одессу, где, по сведениям, полученным непосредственно от Его Императорского Высочества князя Алексея Александровича[2], ожидал пароход добровольного флота для дальнейшего следования. В нетерпении видеть Его Императорское Величество, Её Высочество первоначально решила поехать 17-го, т.е. в самый день, назначенный для крестин новорождённой принцессы, но в ожидании телеграммы из Ливадии, была вынуждена отложить отъезд до следующего дня и, таким образом, присутствовала при состоявшемся в королевском замке Пелеш священном крещении августейшей своей внучки.

Обряд крещения был совершён митрополитом примасом[3] с большою торжественностью. Восприемниками были Их Величества король и королева румынские. Многие из присутствовавших высказали в разговоре со мной особенную радость, что теперь в румынской королевской семье будет воспитываться в православии не только принц, но и принцесса. В то же время, лицом, весьма приближённым королю, было мне выражено крайнее удивление, что мог быть возбуждён вопрос о крещении принцессы вне православия. Между тем, я из достоверного источника узнал, что председатель Совета министров[4] и министр юстиции[5], вызванные, как Вашему Высокопревосходительству известно, в Пелешский дворец в самый день разрешения от бремени принцессы Марии, составили там надлежащий акт о рождении, в котором было сказано, что «принцесса будет крещена по обряду униатского исповедания». По возвращении названных министров в Бухарест,

документ этот был немедленно предложен на рассмотрение собравшегося с этой целью Совета министров, который категорически отклонил первоначальную редакцию, постановив, что принцесса будет крещена в православие, и в этом смысле был обнародован акт, французский перевод которого я имею честь при сем представить[6].

В глазах большинства членов кабинета и румын вообще, не могло быть двух толкований основного закона по этому вопросу; но, так как текст 82 ст. Конституции[7] дословно гласит: «Потомки Его Величества будут воспитаны в православной восточной вере», то желающим уклониться от прямого смысла этой статьи представилась возможность объяснить, что она обязательна только для прямого потомства короля, а не для Его потомства вообще. По этому поводу мне было даже замечено одним из самых высокопоставленных сановников, известным своею преданностью особе короля, что иностранная династия обратилась в румынскую семью и, следовательно, не может быть, чтобы члены румынской семьи исповедовали другую веру, чем остальной народ.

В заключение осмеливаюсь представить на воззрение Вашего Высокопревосходительства вырезку статьи французской газеты, близко стоящей к здешнему правительству, которая высказывает радость румынского народа, что вера его предков проникла в семью царствующего дома и заключает соображением о блистательной будущности, которою Провидение может наделить новорождённую румынскую принцессу[8].

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 105-109.

---

[1] В 1894 г. заболевание почек, возникшее у Александра III, как полагали современники, в результате ушиба, полученного им во время крушения императорского поезда в Борках 17 октября 1888 г., прогрессировало очень быстро. 21 сентября императорская семья прибыла в Крым в надежде на целительный климат, но 20 октября император скончался в Ливадии.

[2] Великий князь Алексей Александрович (1850–1908), четвёртый сын императора Александра II, брат императора Александра III. С 1881 г. являлся Главным начальником флота и морского ведомства.

[3] Митрополит Генадие Петреску.

[4] Ласкэр Катарджиу.

[5] Александру Маргиломан.

[6] Не публикуется.

[7] Конституция 1866 г.

[8] Статья *Baptême de la Princesse Elisabeth* // „L'Independance Roumaine", an 18, nr. 5262, 19/31 octombrie 1894, p. 1.

Bucureşti, 19 octombrie 1894, nr. 35, Fonton către Giers

Excelenței Sale, N. K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Având în vedere veştile extrem de alarmante cu privire la starea sănătății împăratului[1], Alteța Sa Imperială marea ducesă Maria Alexandrovna, ducesa de Coburg, a hotărât să plece imediat la Livadia şi ieri, pe data de 18 octombrie, la orele 8 şi ceva seara, s-a îndreptat din Sinaia în direcția Iaşi cu destinația Odesa, unde, conform informațiilor primite nemijlocit de la Alteța Sa Imperială ducele Alexei Alexandrovici[2], era aşteptată de o navă a flotei voluntare pentru a îşi continua călătoria. Nerăbdătoare de a îl vedea pe Majestatea Sa Imperială, Alteța Sa a hotărât inițial să plece pe data de 17, adică chiar în ziua stabilită pentru botezul prințesei nou-născute, dar, în aşteptarea telegramei din Livadia, a fost nevoită să îşi amâne plecarea până în ziua următoare şi, astfel, a fost prezentă la Sfântul Botez al augustei sale nepoate care a avut loc la castelul regal Peleş.

Ritualul Botezului a fost săvârşit de către mitropolitul primat[3] cu o mare solemnitate. Naşi de botez au fost Majestățile Lor regele şi regina României. Mulți dintre cei prezenți şi-au exprimat în discuțiile avute cu mine deosebita bucurie că acum în familia regală română vor fi educați în religia ortodoxă nu doar un prinț, ci şi o prințesă. În acelaşi timp, o persoană foarte apropiată de Rege mi-a exprimat extrema sa uimire că a putut fi abordată chestiunea despre botezul prințesei în afara Ortodoxiei. Cu toate acestea, am aflat, dintr-o sursă demnă de încredere, că preşedintele Consiliului de Miniştri[4] şi ministrul Justiției[5], convocați, după cum cunoaşte Excelența Voastră, la castelul Peleş chiar în ziua când a născut principesa Maria, au întocmit acolo cuvenitul certificat de naştere, în care se spunea că „prințesa va fi botezată în ritul confesiunii greco-catolice". După întoarcerea sus-numiților miniştri la Bucureşti, acest document a fost imediat supus dezbaterii Consiliului de Miniştri, convoca, în acest scop, care a respins categoric versiunea inițială, stipulând că prințesa va fi botezată în religia ortodoxă, iar în acest sens a fost dat publicității actul, traducerea lui franceză având onoarea să o prezint în anexă la acest raport[6].

În ochii majorității membrilor Cabinetului şi a românilor în general, nu putea fi vorba despre două interpretări ale Legii Fundamentale referitor la această chestiune; dar, deoarece textul art. 82 din Constituție[7] prevede textual: „Coborâtorii Măriei Sale vor fi crescuți în religiunea ortodoxă a Răsăritului" celor care doresc să se eschiveze de la sensul direct al acestui articol li s-a prezentat oportunitatea să explice că acest articol este obligatoriu doar pentru urmaşii direcți ai regelui, dar nu şi pentru urmaşii săi, în general. Unul dintre cei mai înalți demnitari, cunoscut prin loialitatea sa deosebită față de persoana regelui, mi-a menționat chiar în legătură cu aceasta că dinastia străină s-a

transformat într-o familie românească şi că, prin urmare, este de neconceput ca membrii unei familii românești să împărtăşească o altă credință decât restul poporului.

În concluzie, îndrăznesc să supun atenției Excelenței Voastre extrasul unui articol decupat dintr-un ziar francez aflat pe poziții apropiate față de guvernul de aici, care exprimă bucuria poporului român că credința strămoşilor săi a pătruns în familia casei domnitoare şi se încheie cu nişte considerații privind viitorul strălucit, cu care Pronia Cerească s-ar putea să o înzestreze pe nou-născuta prințesă a României[8].

Cu cea mai profundă considerație şi acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 105-109.

---

[1] În 1894, boala de rinichi a lui Alexandru III, declanşată, potrivit unor contemporani, ca urmare a unei contuzii suferite în timpul deraierii trenului imperial la stația Borki pe data de 17 octombrie 1888, s-a agravat progresiv. Pe data de 21 septembrie familia imperială a sosit în Crimeea, sperându-se în efectele curative ale climei, însă pe data de 20 octombie împăratul a decedat la Livadia.

[2] Marele cneaz Alexei Alexandrovici (1850-1908), cel de-al patrulea fiu al împăratului Alexandru II, fratele împăratului Alexandru III. Din 1881 a fost şeful principal al flotei şi al departamentului maritim.

[3] Mitropolitul Ghenadie Petrescu.

[4] Lascăr Catargiu.

[5] Alexandru Marghiloman.

[6] Nu se publică.

[7] Constituția din 1866.

[8] Articolul *Baptême de la Princesse Elisabeth*, în „L'Independance Roumaine", an 18, nr. 5262, 19/31 octombrie 1894, p. 1.

53

Бухарест, 21 ноября 1894 г., № 153. Фонтон – графу Капнисту

Его Высокопревосходительству графу Д. А. Капнисту

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич,

Имею честь представить у сего на благоусмотрение Вашего Сиятельства письмо консула нашего в Яссах от 10-го ноября с. г., полученное мною в дополнение к донесению статского советника Гирса[1] от 10-го ноября с. г. за № 45.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности, Н. Фонтон.

К № 153

Яссы, 10 ноября 1894 г.

Милостивый государь Николай Антонович,

Донесением от сего числа за № 45 я довожу официально до сведения Вашего Превосходительства и министерства о состоявшемся два дня тому назад в церкви попечительства Св. Спиридона церковном торжестве по случаю горестного события 20 октября[2]. Торжественное чествование памяти почившего императора со стороны означенного попечительства вызвано было некоторыми особыми обстоятельствами.

Дело в том, что местные власти отнеслись с крайней небрежностью к вопросу о соблюдении обычных форм выражения соболезнования по случаю кончины императора Александра III. Префект Вентура[3] (о других представителях власти я уже не говорю) был в консульстве лишь на третий день по получении им известия о кончине императора, и то лишь после того, как узнал, что неисполнение им установленного приёма выражения соболезнования могло бы быть истолковано в неблагоприятном для него смысле и вызвать нежелательную переписку.

На устроенное им 24 октября по приказанию из Бухареста торжественное богослужение приглашения были разосланы весьма ограниченному числу лиц. Отсутствие на панихиде представителей попечительства Св. Спиридона, учреждения, связь и сношения которого с Россией слишком хорошо всем известны, было особенно заметно. Как впоследствии оказалось, эпитропы, не предупреждённые заблаговременно о дне устраиваемого румынскими властями торжественного церковного служения, в Яссах в данный день не оказались. Вскоре, впрочем, затем они поспешили откомандировать ко мне одного из них с извинениями в невольной погрешности и с заявлением, что они решили почтить самостоятельно память почившего императора. Приносимая ими *amende honorable* заслуживает некоторого внимания в виду склонности современных румын избежать всякого случая выразить какую-либо общность с Россией из боязни скомпрометироваться в глазах той или другой политической партии.

По поводу всего предшествующего, считаю также долгом отметить то характерное явление, что на бывших здесь нескольких богослужениях об упокоении души почившего монарха лица из общества отсутствовали совершенно.

Все эти сведения, сообщаемые мною *post factum*, я не счёл удобным делать в своё время предметом официальных донесений, из естественного побуждения не нарушать без весомой причины общей картины величественного по единодушию проявления соболезнования,

известия о которых поступали отовсюду. Ныне же, для полноты и точности моих сообщений, всё вышеупомянутое считаю долгом изложить Вашему Превосходительству в настоящем письме.

С совершенным почтением и преданностью, имею честь быть, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, А. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 125-127 об.

[1] Александр Александрович Гирс приходился племянником министру иностранных дел Н. К. Гирсу и занимал пост российского консула в Яссах в 1890–1899 гг.

[2] В этот день скончался император Александр III. Румынскую королевскую семью на похоронах представлял престолонаследник Фердинанд.

[3] Григоре Вентура, член консервативной партии, занимал различные посты в период правления консерваторов.

Bucureşti, 21 noiembrie 1894, nr. 153. Fonton către contele Kapnist

Excelenței Sale, Contelui D.A. Kapnist

Stimate Domnule, Conte, Dmitrii Alexeevici,

Am onoarea să prezint în anexă, la evaluarea şi discreția Luminăției Voastre, scrisoarea consulului nostru din Iaşi din data de 10 noiembrie a.c., pe care am primit-o ca supliment la raportul consilierului de stat Giers[1] din 10 noiembrie a.c., cu nr. 45.

Vă rog să primiți, stimate domn, asigurarea deosebitei mele considerații şi a deplinului meu devotament. N. Fonton.

Anexă la nr. 153

Iaşi, 10 noiembrie 1894

Stimate Domnule Nikolai Antonovici,

Prin raportul meu de astăzi, cu nr. 45, aduc în mod oficial la cunoştința Excelenței Voastre şi a Ministerului despre solemnitatea religioasă care a avut loc acum două zile în biserica Epitropiei Sf. Spiridon, ca urmare a tristului eveniment din 20 octombrie[2]. Comemorarea solemnă a răposatului împărat din partea sus-numitei Epitropii a fost determinată de circumstanțe deosebite.

Este vorba de faptul că autoritățile locale au avut o atitudine de o extremă neglijență față de chestiunea respectării formelor cutumiare de exprimare a condoleanțelor ca urmare a decesului împăratului Alexandru III. Prefectul Ventura[3] (fără a vorbi despre alți reprezentanți ai autorităților) a vizitat Consulatul abia în a treia zi după ce a primit vestea despre decesul împăratului,

şi asta doar după ce a aflat că nerespectarea procedurilor deja stabilite pentru exprimarea condoleanţelor ar fi putut fi interpretată într-un sens care i-ar fi fost nefavorabil şi ar fi putut cauza o corespondenţă nedorită.

Invitaţiile pentru liturghia solemnă organizată de el pe data de 24 octombrie, în urma ordinului venit de la Bucureşti, au fost expediate unui număr foarte limitat de persoane. Absenţa de la slujba de pomenire a reprezentanţilor Epitropiei Sf. Spiridon, o instituţie ale cărei legături şi relaţii cu Rusia sunt prea bine cunoscute de toată lumea, a fost remarcată în mod deosebit. După cum s-a dovedit ulterior, epitropii, nefiind anunţaţi din timp despre ziua slujbei religioase solemne organizate de autorităţile române, nu erau prezenţi în Iaşi în ziua respectivă. Totuşi, la scurt timp după aceea, ei s-au grăbit să îl trimită în vizită oficială la mine pe unul dintre ei, cu scuzele de rigoare pentru această greşeală involuntară şi cu declaraţia că ei au hotărât să îl comemoreze de sine stătător pe răposatul împărat. Această *amende honorable* manifestată de ei merită o anumită atenţie, având în vedere înclinaţia românilor de astăzi de a evita orice ocazie de exprimare a oricărui fel de comuniune cu Rusia din teama de a se compromite în ochii unui sau altui partid politic.

În contextul tuturor celor menţionate mai sus, consider, de asemenea, de datoria mea să remarc acel fenomen caracteristic, că persoanele din înalta societate au lipsit cu desăvârşire de la cele câteva liturghii organizate aici pentru odihna de veci a sufletului răposatului monarh.

La timpul respectiv, nu am găsit de cuviinţă să fac din toate aceste informaţii, pe care vi le comunic *post factum*, un obiect al rapoartelor mele oficiale, din pornirea firească de a nu tulbura, fără vreun motiv demn de luat în seamă, imaginea generală a manifestărilor de compasiune, atât de măreţe prin unanimitatea lor, despre care primeam veşti de pretutindeni. În prezent însă, pentru a garanta caracterul exhaustiv şi exactitatea informaţiilor mele, consider de datoria mea să expun Excelenţei Voastre toate cele amintite mai sus în cuprinsul scrisorii de faţă.

Cu absolută consideraţie şi devotament, am onoarea de a fi supusul fidel al Excelenţei Voastre, A. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 125-127 verso.

---

[1] Alexandr Giers, nepotul de frate al ministrului rus de Externe, N.K. Giers. A fost consul la Iaşi între 1890 şi 1899.

[2] Decesul împăratului Alexandru III a avut loc la data de 20 octombrie 1894. Principele Ferdinand a reprezentat Casa Regală din România la funeraliile împăratului.

[3] Grigore Ventura. Membru al Partidului Conservator. A deţinut diverse funcţii în timpul guvernării conservatoare.

54

Бухарест, 7 декабря 1894 г., № 42. Фонтон – Гирсу

Его Высокопревосходительству Н. К. Гирсу

Милостивый государь Николай Карлович,

Генеральный секретарь министерства иностранных дел, в звании полномочного посланника, господин Александр Гика[1], который более 2-х лет состоит в этой должности, постоянно оказывает императорской миссии полное содействие во всех интересующих нас вопросах и открыто является одним из наиболее видных друзей и сторонников России. Ввиду сего, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой, если Вы изволите признать это благовременным, испросить Всемилостивейшее награждение господина Гики орденом Св. Станислава первой степени[2]. К той же награде имею честь представить и ясского префекта, господина Вентуру, одного из наиболее видных членов консервативной партии, который как в настоящее время, так и в бытность свою префектом в Дорохое и в других пограничных с Россией местностях всегда являлся преданным нам другом[3] и вмешательством своим неоднократно способствовал к предупреждению могущих возникнуть недоразумений.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 648, Листы 137а-137б.

---

[1] Александру И. Гика занимал пост генерального секретаря министерства иностранных дел с 24 марта 1893 по 6 октября 1895 г. В ранге полномочного министра находился с 12 февраля 1894 г. С 1 мая 1896 до 1 ноября 1899 г. являлся дипломатическим агентом и генеральным консулом в Софии, а с 1 ноября 1899 до 14 февраля 1902 г. был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе. В том же году скончался в Париже. См. также донесение Н. Фонтона от 5 января 1892 г. (док. № 29).

[2] Орден Св. Станислава был учреждён в 1765 г. королём Речи Посполитой Станиславом II. После вхождения большей части Польши в состав Российской империи, император Александр I сохранил орден в качестве награды для уроженцев Польши, разделив его на 4 степени. В 1831 г. включён в Капитул российских орденов с уменьшением количества степеней до трёх.

[3] См., для сравнения, донесение российского консула в Яссах А. Гирса от 10 ноября 1894 г. (док. № 53), который, наоборот, выставлял Вентуру противником России.

Bucureşti, 7 decembrie 1894, nr. 42. Fonton către Giers

Excelenței Sale, N.K. Giers

Stimate Domnule Nikolai Karlovici,

Secretarul general al Ministerului Afacerilor Externe, având gradul diplomatic de ambasador plenipotențiar, domnul Alexandru Ghica[1], care ocupă această funcție timp de peste doi ani, acordă în permanență misiunii imperiale întreaga sa asistență în toate chestiunile care ne interesează şi se manifestă în mod deschis drept unul dintre cei mai de seamă prieteni şi susținători ai Rusiei. Având în vedere acest fapt, eu îndrăznesc să mă adresez Excelenței Voastre cu umila rugăminte, dacă veți binevoi să considerați oportună această solicitare, să faceți demersurile necesare pe lângă prea milostivul împărat pentru a obține decorarea domnului Ghica cu Ordinul Sf. Stanislav[2] de gradul I. Am onoarea să îl recomand pentru aceeaşi distincție şi pe Prefectul de Iaşi, domnul Ventura, care este unul dintre cei mai eminenți membri ai Partidului Conservator şi care, atât în prezent, cât şi în perioada în care s-a aflat în funcția de prefect la Dorohoi şi în alte localități limitrofe cu Rusia, ne-a fost întotdeauna un prieten fidel[3] şi, prin intervențiile sale, a contribuit nu o singură dată la prevenirea oricăror neînțelegeri regretabile care ar fi putut să apară.

Cu cel mai profund respect şi acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 648, filele 137a-137b.

[1] Alexandru I. Ghica a ocupat funcția de secretar general al Ministerului Afacerilor Străine în perioada 24 martie 1893 – 6 octombrie 1895. A fost avansat în funcția de ministru plenipotențiar la 12 februarie 1894. De la 1 mai 1896 şi până la 1 noiembrie 1899 a ocupat funcția de agent diplomatic şi consul general la Sofia, iar între 1 noiembrie 1899 şi 14 februarie 1902 a fost trimis extraordinar şi ministru plenipotențiar la Constantinopol. A decedat în acelaşi an în capitala Franței. A se vedea şi raportul din 5 ianuarie 1892.

[2] Ordinul Sf. Stanislav a fost introdus în 1765 de regele Poloniei, Stanisław II. După anexarea Poloniei, a intrat în rândurile ordinelor ruseşti. În timpul împăratului Alexandru I, Ordinul avea patru clase, iar în timpul lui Nicolae I a fost redus la trei.

[3] A se vedea, pentru comparație, raportul din 10 noiembrie 1894 (documentul nr. 53) al consulului rus la Iaşi, Alexandr Giers, care, dimpotrivă, îl considera pe Ventura adversar al Rusiei.

55

Бухарест, 21 мая 1895 г., № 16. Фонтон – князю Лобанову-Ростовскому

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

Посетив господина Лаховари на другой день после моего приезда, я застал его под впечатлением, произведённым в Бухаресте отставкой графа Кальноки[1]. Уход этого государственного человека признаётся здесь большой потерей для Румынии. Обаяние и авторитет графа Кальноки давали ему возможность умиротворяюще влиять на мадьяр в щекотливом для Румынии семиградском вопросе. Бывший министр сознавал затруднительность положения здешнего правительства по отношению к проявляемому румынами Королевства сочувствию своим единоплеменникам в пределах Венгрии.

Каково бы ни было желание графа Голуховского[2] действовать в духе и направлении своего предшественника, здесь обнаруживается сомнение в том, будет ли новый австро-венгерский министр располагать достаточным влиянием в Будапеште, чтобы, по примеру своего предшественника, склонять тамошних политических руководителей к умеренности.

При свидании моём в тот же день с французским моим сотоварищем, граф д'Обиньи[3] заметил по поводу отставки графа Кальноки, что неблагоприятное впечатление, произведённое здесь этой отставкой, доказывает основательность догадок, что господину Лаховари, в своё время, удалось заручиться у бывшего министра вполне успокоительными заверениями и даже обещанием помилования доктора Рациу и его соучастников в деле меморандума.

Распространившись далее о видимом перевесе мадьярского влияния в Вене, внушающем румынам недоверие, граф д'Обиньи передал мне высказанное ему на днях, одним из близко стоящих к правительству политических деятелей убеждение, что Румынии нельзя ожидать никакой поддержки из Вены. Юному королевству, присовокупил собеседник графа д'Обиньи, надлежит исключительно искать опоры в могущественной соседней империи и с этой целью сделать всё возможное, чтобы доказать искренность своих чувств к России и заслужить мощное её благорасположение. Эти домогательства и эти же самые стремления неоднократно высказывались мне некоторыми здешними политическими людьми и своевременно доводились мною до сведения императорского Министерства.

Если я и ныне ещё долгом считаю о них докладывать Вашему Сиятельству, то это потому, что они дошли на этот раз до меня не прямым, а указанным окольным путём и, по видимому, настроение это

упрочивается, но при этом заметно, что здесь желали бы хотя бы малейшего с нашей стороны поощрения.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 651, Листы 39-41.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

---

[1] Отставка австро-венгерского министра иностранных дел графа Густава Кальноки произошла вследствие его конфликта с премьер-министром Венгрии бароном Дезё Банфи, который обвинял главу дипломатии в мнимом русофильстве и в проведении слабой политики на Балканах.

[2] Агенор Мария Голуховский был полномочным министром Австро-Венгрии в Бухаресте с 1887 по 1894 г.

[3] Жюль Людовик Анри, граф д'Обиньи, являлся французским полномочным министром в румынской столице в 1894–1897 гг.

Bucureşti, 21 mai 1895, nr. 16. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

Făcându-i o vizită domnului Lahovari a doua zi după întoarcerea mea, l-am găsit sub impresia, produsă la Bucureşti de demisia contelui Kálnoky[1]. Plecarea acestui om de stat este considerată aici drept o mare pierdere pentru România. Farmecul şi autoritatea contelui Kálnoky îi dădeau posibilitatea să acţioneze, într-un mod împăciuitor, asupra maghiarilor în chestiunea ardeleană, atât de delicată pentru România. Fostul ministru îşi dădea seama de dificultatea situaţiei guvernului de aici în raport cu simpatia manifestată de românii din Regat faţă de conaţionalii lor din cuprinsul hotarelor Ungariei.

Oricât de mare ar fi dorinţa contelui Gołuchowski[2] să acţioneze în spiritul şi în aceeaşi direcţie ca predecesorul său, aici se manifestă anumite îndoieli în privinţa faptului dacă noul ministru austro-ungar va dispune de suficientă influenţă la Budapesta ca să îi atragă pe conducătorii politici de acolo spre moderaţie, urmând exemplul predecesorului său.

În timpul întrevederii mele din aceeaşi zi cu colegul meu francez, contele d'Aubigny[3] a remarcat, în legătură cu demisia contelui Kálnoky, că impresia nefavorabilă produsă aici de această demisie demonstrează temeinicia supoziţiilor conform cărora domnul Lahovari, la timpul său, a reuşit să obţină, din partea fostului ministru, anumite asigurări destul de liniştitoare şi chiar promisiuni de graţiere a doctorului Raţiu şi a complicilor săi din afacerea Memorandumului.

Expunându-şi, în continuare, detaliat ideile despre vizibila preponderenţă a influenţei maghiare la Viena, care le inspiră românilor neîncredere, contele d'Aubigny mi-a transmis convingerea, pe care i-a împărtăşit-o zilele acestea unul dintre politicienii aflaţi destul de aproape de guvern, că România nu se poate aştepta la nici un fel de sprijin din partea Vienei. Tânărul Regat, a adăugat interlocutorul contelui d'Aubigny, ar trebui să îşi caute sprijin exclusiv la puternicul imperiu vecin, iar în acest scop ar trebui să facă tot posibilul ca să demonstreze sinceritatea sentimentelor sale faţă de Rusia şi să câştige astfel puternica şi ferma ei bunăvoinţă. Aceste stăruinţe insistente şi absolut aceleaşi tendinţe mi-au fost exprimate, nu o singură dată, de anumiţi oameni politici de aici şi au fost aduse de mine, la momentul oportun, la cunoştinţa Ministerului Imperial.

Dacă mai consider şi în prezent de datoria mea să vă raportez despre aceste lucruri Luminăţiei Voastre, o fac din motivul că, de această dată, ele au ajuns până la mine nu pe cale directă, ci în modul ocolit arătat mai sus şi, din câte se pare, această stare de spirit se consolidează. În acelaşi timp, este evident că aici s-ar dori, cel puţin, o cât de mică încurajare din partea noastră.

Cu cel mai profund respect şi acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 651, filele 39-41.
Copie la ANIC, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Demisia ministrului austro-ungar de Externe, contele Gustav Kálnoky, a avut la bază o dispută cu prim-ministrul Ungariei Dezső Bánffy, care îl acuza pe şeful diplomaţiei de presupusă rusofilie şi de o politică timidă în Balcani.

[2] Agenor Maria Gołuchowski fusese ministru plenipotenţiar al Austro-Ungariei la Bucureşti în perioada 1887-1894.

[3] Trimitere la Jules Ludovic Henrys, conte d'Aubigny, ministru plenipotenţiar al Franţei în capitala României între 1894 şi 1897.

56

Бухарест, 6 августа 1895 г., № 23. Львов – князю Лобанову-Ростовскому

Весьма секретное

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

Барон Вельзерсхаймб[1], австро-венгерский посланник при здешнем дворе передал мне на днях мнение, высказанное ему королём Карлом, что здесь, «на Востоке», нельзя руководствоваться понятиями, существующими в Западной Европе, и необходимо считаться с привычкой румын не

останавливаться перед выбором средств. Его Величество привёл в пример подобной неразборчивости деятельность господина Дмитрия Стурдзы, который в отчаянной своей борьбе с консерваторами так жестоко нападает на их миролюбивую политику по отношению к Австро-Венгрии. Прекрасно сознавая всю опасность этого приёма для Румынии, господин Стурдза, однако, постоянно пользуется сим, как средством для поддержания значения партии. Тем не менее, продолжал король, я, не задумываясь, поручу Стурдзе составление кабинета[2], и он немедленно обнародует программу, которая вполне удовлетворит венское правительство.

Король ни в чём не упрекает стоящих ныне у власти консерваторов, но считает, что пришло время их сменить, чтобы удовлетворить оппозицию. Господин Стурдза стареет, и теперь крайний срок дать именно ему Министерство, так как другого выдающегося либерала налицо не имеется. В то же время, министр сельского хозяйства, торговли и промышленности господин Карп, играющий здесь, как Вашему Сиятельству известно, крупную политическую роль, неоднократно высказывался, что при теперешнем составе кабинета он не может провести некоторых частей своей программы и желал бы смены Министерства, рассчитывая, что либералы пробудут у власти года два или три и снова уступят место консервативному кабинету, состав которого будет более благоприятен для осуществления политических задач господина Карпа.

Таковы признаки возможного, в скором времени, падения консерваторов и водворения на их место либералов. Позволяю себе высказать мнение, что обстоятельство это не может иметь особенного значения для русских интересов. Познакомившись несколько ближе с нравственными свойствами здешних политических деятелей различных лагерей и, в частности, с их взглядами на отношения Румынии к России, я теперь окончательно убедился в верности возникшего во мне с приезда в Бухарест мнения, что как консерваторы, так и либералы, питают к нам одинаковое недоверие и неприязнь, и что лучшая тактика – стоять вне всяких партий.

Действительно, сблизиться ни с теми, ни с другими немыслимо и, кроме того, непрактично дружить с одними, раздражая тем самым других, которые завтра будут у власти. Целесообразность ровного обращения со всеми, основанного на скептическом и объективном отношении к здешним людям и порядкам доказана 30-летней практикой короля Карла и достойна подражания.

Я позволю себе повергнуть на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства этот мой взгляд, не вполне совпадающий со смыслом предписания Императорского министерства от 22-го августа 1888 года, в котором сказано: «Несмотря на своё продолжительное пребывание в Румынии, король Карл не мог освоиться с вверившей ему судьбу свою страной, он смотрит на своё положение как на временное и потому

предпочитает служить интересам, к коим питает личное сочувствие, нежели верно понятым интересам румынского народа, с которым он ничем прочным не связан. При этих условиях трудно ожидать, чтобы король добровольно изменил своё направление, пока не наступит какой-либо острый кризис, который низвергнет искусственно созданную систему отчуждения Румынии от России и заставит румынский народ искать своих интересов в сближении с единоверной Россией».

«Надо заботиться о поддержании в благомыслящей части румынского общества сочувствия к тем нравственным принципам…».

Я же позволю себе высказать мнение, что король давно вполне освоился в Румынии, что Его Величество смотрит на своё положение как на вполне прочное и постоянное, что все обстоятельства благоприятствуют отождествлению взглядов здешних руководящих классов со взглядами их монарха на необходимость согласного действия Румынии с Австрией и Германией во внешней политике. При всех этих условиях осуществление задачи поддержания в благомыслящей части общества Румынии сочувствия к каким-либо удовлетворяющим нашим интересам принципам становится всё труднее.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Львов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 651, Листы 50-53 об.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Рудольф фон Вельзерсхаймб (1842–1926), преемник графа Голуховского, занимал пост полномочного министра Австро-Венгрии в Бухаресте всего лишь один год – с октября 1894 до октября 1895 г.

[2] Это и произошло два месяца спустя. Д. Стурдза сформировал правительство в октябре 1895 г.

Bucureşti, 6 august 1895, nr. 23. Lvov către cneazul Lobanov-Rostovski

Strict secret

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

Baronul Welsersheimb[1], trimisul austro-ungar la curtea de aici, mi-a transmis zilele acestea opinia, pe care i-a exprimat-o regele Carol, conform căreia aici, „în Orient”, nu este posibil să te călăuzeşti de noţiunile existente în Europa Occidentală şi este necesar să se ţină cont de obişnuinţa românilor de a

nu se opri în fața nici unui obstacol în alegerea mijloacelor de acțiune. Majestatea Sa a adus drept exemplu al unei asemenea lipse de scrupule activitatea domnului Dimitrie Sturdza, care, în lupta sa disperată împotriva conservatorilor, atacă atât de acerb politica lor pacifistă şi amicală la adresa Austro-Ungariei. Conştientizând perfect întregul pericol al acestui procedeu pentru România, domnul Sturdza, totuşi, se foloseşte în mod constant de acest lucru, pe care îl vede un mijloc de a menține importanța partidului. Cu toate acestea, a continuat regele, eu îl voi însărcina fără şovăire pe domnul Sturdza cu formarea guvernului[2], iar el va face public imediat un program care va da satisfacție deplină Guvernului de la Viena.

Regele nu le reproşează nimic conservatorilor, aflați acum la putere, dar consideră că a venit timpul să fie schimbați, pentru a satisface cerințele opoziției. Domnul Sturdza îmbătrâneşte şi acum a sosit ultimul termen pentru a-i încredința lui şefia guvernului, deoarece momentan nu există nici o altă personalitate liberală proeminentă. În acelaşi timp, ministrul Agriculturii, Comerțului şi Industriei, domnul Carp, care deține aici, aşa cum îi este cunoscut Luminăției Voastre, un rol politic de primă mărime, s-a exprimat nu o singură dată în sensul că, având în vedere actuala componență a Cabinetului, el nu îşi poate promova anumite părți ale programului său şi că ar dori o schimbare de minister, reieşind din calculul că liberalii se vor menține la putere vreo doi sau trei ani şi vor ceda din nou locul unui cabinet conservator, componența căruia va fi mai favorabilă pentru realizarea sarcinilor politice ale domnului Carp.

Aceste semnale pot prevesti posibila cădere, în timpul apropiat, a Guvernului conservator şi instalarea în locul lor a liberalilor. Îmi permit să îmi exprim opinia că această schimbare nu poate avea o importanță mare pentru interesele ruseşti. Făcând cunoştință din aproape cu trăsăturile morale ale oamenilor politici de aici, aparținând diverselor tabere, şi, în special, cu viziunile lor asupra atitudinii României față de Rusia, eu m-am convins definitiv de justețea opiniei pe care mi-am format-o încă din momentul sosirii mele la Bucureşti, anume că atât conservatorii, cât şi liberalii nutresc față de noi aceeaşi neîncredere şi ostilitate şi că cea mai bună tactică ar fi să nu ne implicăm în lupta dintre aceste partide.

Într-adevăr, ar fi de neconceput să ne apropiem şi de unii şi de ceilalți şi, în afară de aceasta, nu ar fi deloc indicat să fim prieteni doar cu unii dintre ei, iritând din această cauză pe ceilalți, care vor fi mâine la putere. Rațiunea unui comportament echilibrat față de toți, bazat pe o atitudine rezervată şi obiectivă în raport cu oamenii şi obiceiurile de aici, este demonstrată de experiența de 30 de ani a regelui Carol şi este demnă de a fi luată în seamă.

Îmi voi permite să supun spre evaluare atenției binevoitoare a Luminăției Voastre această viziune a mea, care nu coincide în totalitate cu sensul instrucțiunii din 22 august 1888 a ministerului imperial, în care se afirmă: „În pofida aflării sale îndelungate în România, regele Carol nu s-a putut adapta la țara care i-a încredințat propriul destin; el vede situația actuală ca pe un lucru trecător şi de aceea preferă mai curând să servească acele interese, față

de care nutreşte o simpatie personală, decât interesele corect înţelese ale poporului român, cu care nu are nici o legătură trainică. În aceste condiţii, ar fi dificil să ne aşteptăm ca regele să schimbe în mod benevol direcţia politică, până în momentul izbucnirii vreunei crize acute, care va înlătura cauzele înstrăinării României de Rusia, ridicate artificial, şi va determina poporul român să caute protecţia propriilor interese în apropierea de Rusia, cu care împărtăşeşte aceeaşi credinţă".

„Trebuie să avem grijă de menţinerea în mediul sănătos al societăţii româneşti a simpatiei faţă de acele principii morale…"

Eu însă îmi voi permite să opinez că regele s-a acomodat demult şi în totalitate în România, că Majestatea Sa priveşte situaţia actuală ca fiind destul de sigură şi de durată, că toate circumstanţele sunt favorabile suprapunerii totale a viziunilor claselor conducătoare de aici cu viziunile monarhului lor asupra necesităţii armonizării dintre acţiunile de politică externă a României şi cele ale Austriei şi Germaniei. Având în vedere toate aceste premise, realizarea scopului de a menţine în rândurile părţii sănătoase a societăţii din România o simpatie faţă de principiile care ar satisface propriile noastre interese devine tot mai dificilă.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Luminăţiei Voastre, Lvov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 651, filele 50-53.
Copie la ANIC, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Rudolf von Welsersheimb (1842-1926). Succesorul contelui Gołuchowski. A fost ministru plenipotenţiar al Austro-Ungariei la Bucureşti doar un an de zile, între octombrie 1894 şi octombrie 1895.

[2] Ceea ce s-a şi întâmplat câteva luni mai târziu, guvernul Dimitrie Sturdza fiind instalat în octombrie 1895.

57

Бухарест, 6 августа 1895 г., № 25. Львов – князю Лобанову-Ростовскому

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

По приезде моём в прошлом году в Румынию, оставшись здесь поверенным в делах, я имел честь одним из моих донесений обратить внимание императорского министерства на политические взгляды здешнего министра народного просвещения и исповеданий господина

Таке Ионеску и изложил главнейшие места его сочинения «La politique étrangère de la Roumanie»[1], в высшей степени враждебного России. Вместе с тем я позволил себе обратить внимание на то обстоятельство, что сочинение это, проникнутое пренебрежением к религии (православию), указывает, в каком духе правительство в лице господина Таке Ионеску воспитывает румынскую молодёжь.

Впоследствии мне говорили, что высказанные в помянутой брошюре взгляды неискренни, что, поджигаемый непреодолимым тщеславием, автор её писал с целью обратить на себя внимание и, попав, наконец, в министры, он забыл прошлое. Однако на днях обнаружилось, что взгляды господина Таке Ионеску на внешнюю политику Румынии не изменились.

«Indépendance Roumaine», официозный орган румынского министерства иностранных дел, поместил статьи[2], которые, по сведениям здешней французской миссии, принадлежат перу министра народного просвещения и исповеданий, и действительно по мысли и тону статьи эти вполне могут служить новой главой «La politique étrangère de la Roumanie».

«Пусть знают, говорит Таке Ионеску, что Добруджа стала для нас плотью нашей плоти, кровью нашей крови и настолько необходима нашему существованию, что мы не понимаем возможности лишиться её, не погибнув вместе с нею».

«Если бы у нас было малейшее сомнение в том, что часть Румынии, расположенная на правом берегу Дуная, не навсегда наша, мы не бросили бы миллионы на мост (Черноводы) и на порт (Кюстенджи[3])».

«Впрочем, болгары должны быть счастливы, что Добруджа принадлежит нам, а не им. Нет большего благополучия для маленькой страны, как не иметь сильного соседа. Чего бы ни дали румыны, чтобы Болгария была не с юга, а с севера».

«Человеческая глупость так велика, что находятся в Болгарии головы, которые сожалеют, что страна их не смежна с Россией».

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Львов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 651, Листы 57-59.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Эта брошюра, вышедшая в свет в 1891 г., насчитывала 53 страницы.

[2] См. например статьи *La Dobroudja*, anul 19, nr. 5516, 29 iulie/10 august 1895, p.1; *A propos des Bulgares*, nr. 5500, 12/24 Juillet 1895.

[3] Турецкое наименование Констанцы.

Bucureşti, 6 august 1895, nr. 25. Lvov către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

După sosirea mea în România anul trecut, rămânând aici în calitate de însărcinat cu afaceri, prin unul din rapoartele mele, am avut onoarea de a atrage atenţia Guvernului imperial asupra opiniilor politice ale ministrului Instrucţiunii Publice şi Cultelor de aici, domnul Take Ionescu. Am opinat atunci că cele mai importante părţi din lucrarea sa „La politique étrangère de la Roumanie”[1] sunt covârşitor duşmănoase la adresa Rusiei. Totodată, mi-am permis să atrag atenţia asupra faptului că această lucrare, pătrunsă de o atitudine de dispreţ faţă de religie (Ortodoxie), arată în ce spirit educă guvernul, în persoana domnului Take Ionescu, tineretul român.

Mai târziu mi s-a spus că opiniile exprimate în respectiva broşură nu sunt sincere, că autorul, purtat de o vanitate de neînfrânt, a scris-o cu scopul de a atrage asupra sa atenţia şi, ajungând în guvern, a uitat trecutul. Totuşi, zilele acestea s-a putut constata că opiniile domnului Take Ionescu privind politica externă a României nu s-au schimbat.

„Indépendance Roumaine”, ziarul oficial al Ministerului Afacerilor Străine, a publicat câteva articole[2] care, potrivit mărturiilor misiunii franceze de aici, aparţin ministrului Instrucţiunii Publice şi Cultelor. Într-adevăr, din punct de vedere ideatic şi după ton, aceste articole pot constitui un nou capitol al lucrării „La politique étrangère de la Roumanie”.

„Să se ştie”, spune Take Ionescu, „că Dobrogea a devenit trup din trupul nostru, sânge din sângele nostru, fiind indispensabilă existenţei noastre, că nici nu ne putem imagina să ne lipsim de ea, fără a muri împreună cu ea”.

„Dacă noi am avea cea mai mică îndoială că o parte a României, situată în partea dreaptă a Dunării, nu este pentru totdeauna a noastră, noi nu am fi aruncat milioane pentru pod (la Cernavodă) şi pentru port (Kiustenge[3]).”

„De fapt, bulgarii ar trebui să fie fericiţi că Dobrogea ne aparţine nouă, iar nu lor. Nu există o binefacere mai mare pentru o ţară mică decât aceea de a nu avea un vecin puternic. Ce nu ar fi făcut oare românii ca Bulgaria să se situeze la nord de noi şi nu la sud.”

„Prostia omenească este atât de mare, încât se găsesc în Bulgaria minţi care regretă că ţara lor nu se învecinează cu Rusia.”

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, Lvov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 651, filele 57-59.
Copie la ANIC, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Lucrare apărută în 1891, însumând 53 pagini.
[2] A se vedea, în acest sens, articolele *La Dobroudja*, anul 19, nr. 5516, 29 iulie/10 august 1895, p. 1; *A propos des Bulgares*, nr. 5500, mercredi 12/24 Juillet 1895.
[3] Constanța.

58

Бухарест, 21 октября 1895 г., № 32. Фонтон – князю Лобанову-Ростовскому

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

На днях новый председатель Совета министров посетил Яссы, где, как известно, у либеральной партии большое количество сторонников. Своим пребыванием в этом городе господин Дмитрий Стурдза воспользовался, чтобы в многочисленном собрании либералов развить программу деятельности нового правительства.

Главнейшие обещания этой программы следующие: отсутствие правительственного давления при выборах; экономия в финансовом управлении и стремлении упорядочить бюджет сокращением трат, а не новыми налогами; отмена сбора в размере четырёх франков, установленного на содержание духовенства; изменение последнего закона об улучшении быта духовенства; реформа начального образования; поддержание в армии строгой дисциплины. Развив эти положения и дав обещание, что правительство исполнит свои предначертания, господин Стурдза коснулся и так называемого национального вопроса, то есть положения семиградских румын, и определил отношение к нему румынского правительства.

Консерваторы обвиняли нас, будто мы желали вмешательства в дела соседней Монархии в интересах румынской национальности в Венгрии. Мы всегда были далеки от такой мысли, хорошо понимая опасность подобной политики. Мы всегда желали лишь прекращения раздоров и установления согласия между румынами и венгерцами. Неразрушенным звеном такого согласия является ныне помилование императором Францем Иосифом румын, осуждённых в клужском процессе. Этой частью речи господин Стурдза желал изгладить впечатление, произведённое его прошлогодними речами, когда он, в качестве главы оппозиции, со свойственною ему страстностью нападал на тиранию венгерцев по отношению к румынской народности. Неудивительно поэтому, что эта часть речи и подверглась наиболее нападкам консервативной прессы, поспешившей подчеркнуть непоследовательность господина Стурдзы и

противоречие его прежних взглядов, как главы оппозиции, с мнениями, только что им высказанными в качестве министра-президента.

Позволю себе по этому случаю обратить внимание Вашего Сиятельства на приведённое в донесении господина поверенного в делах от 6-го августа с. г. № 23 мнение короля Карла о неразборчивости здешних политических деятелей в выборе средств при оппозиционной борьбе. По этому поводу Его Величество приводил пример господина Стурдзы, который неоднократно нападал на консерваторов за их образ действия по отношению к Австро-Венгрии в вопросе о семиградских румынах. Король выразил, тем не менее, уверенность, что господин Дмитрий Стурдза, призванный к власти, тотчас же переменит тон и обнародует программу, которая вполне удовлетворит австро-венгерское правительство. Консервативные органы, поэтому, не без основания называют последнюю часть речи нового председателя Совета министров извинениями в адрес венского кабинета.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 651, Листы 77-79 об.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

Bucureşti, 21 octombrie 1895, nr. 32. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

Zilele trecute, noul preşedinte al Consiliului de Miniştri a vizitat Iaşul, unde, cum se ştie, partidul liberal are un număr mare de adepţi. Domnul Dimitrie Sturdza a profitat de călătoria sa în acest oraş pentru a prezenta în faţa unui numeros auditoriu liberal programul de activitate al noului guvern.

Cele mai importante promisiuni din acest program sunt următoarele: eliminarea presiunilor din partea guvernului în timpul alegerilor; economisirea resurselor financiare şi consolidarea bugetului prin reducerea cheltuielilor, iar nu prin noi impozite; anularea taxei de patru franci introdusă pentru întreţinerea clerului; modificarea ultimei legi privind ameliorarea condiţiilor de viaţă ale clerului; reformarea învăţământului primar; menţinerea unei discipline stricte în armată. Dezvoltând aceste principii şi asigurând audienţa de faptul că guvernul îşi va respecta promisiunile, domnul Sturdza a abordat şi aşa zisa chestiune naţională, adică situaţia românilor transilvăneni şi a formulat în felul următor atitudinea guvernului în această chestiune:

Conservatorii ne-au acuzat de faptul că noi am fi dorit amestecul în afacerile interne ale monarhiei vecine în interesul naţionalităţii române din

Ungaria. Noi am fost însă mereu străini de această idee, deoarece eram conştienţi de riscurile unei astfel de politici. Noi am dorit mereu doar încetarea dezbinării şi instaurarea încrederii între români şi maghiari. Un element important pentru instaurarea unei astfel de încrederi îl reprezintă graţierea de către împăratul Franz Josef a românilor condamnaţi în procesul de la Cluj. Prin această parte a discursului, domnul Sturdza a încercat să netezească impresia creată de discursurile sale de anul trecut, când, în calitate de şef al opoziţiei, a atacat, cu patima care îl caracterizează, tirania maghiarilor faţă de poporul român. Deloc întâmplător, această parte a discursului său a fost supusă atacurilor din partea presei conservatoare, care s-a grăbit să atragă atenţia asupra inconsecvenţei domnului Sturdza şi contradicţiei dintre fostele sale opinii, exprimate în calitate de şef al opoziţiei, cu opiniile făcute publice recent în calitate de şef al guvernului.

Profit de ocazie pentru a-mi permite să atrag atenţia Luminăţiei Voastre asupra opiniei regelui Carol, adusă la cunoştinţă prin raportul nr. 23 din 6 august a.c. al domnului însărcinat cu afaceri, privind lipsa de scrupule a oamenilor politici de aici în alegerea mijloacelor de a lupta în opoziţie. În acest sens, Majestatea Sa aducea exemplul domnului Sturdza, care i-a atacat de nenumărate ori pe conservatori pentru modul de acţiune faţă de Austro-Ungaria în chestiunea românilor transilvăneni. Totuşi, regele şi-a exprimat convingerea că, ajuns la putere, domnul Dimitrie Sturdza îşi va modifica imediat tonul şi va anunţa un program care va putea să mulţumească Guvernul austro-ungar. De aceea, nu fără motive, ziarele conservatoare susţin că ultima parte a discursului noului preşedinte al Consiliului de Miniştri nu reprezintă altceva decât scuze în faţa Guvernului de la Viena.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 651, filele 77-79 verso.
Copie la ANIC, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

59

Бухарест, 6 ноября 1895 г., № 34. Фонтон – князю Лобанову-Ростовскому

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

В видах надлежащего подготовления почвы для предстоящих парламентских выборов, новое правительство, прежде всего, озаботилось сменой префектов и распущением муниципальных советов. Засим испрошено было согласие короля на распущение палат.

24-го минувшего октября Законодательные собрания созваны были в экстраординарное заседание для слушания декрета о распущении. Королевское послание прочитано было председателем Сената перед почти пустыми скамьями: из консерваторов присутствовало лишь двое или трое сенаторов и депутатов; явились также на заседание и бывшие депутаты либеральной партии, хотя и сложившие ещё весною свои полномочия.

Выборы начнутся для Сената 15-го ноября и закончатся 24-го, а для палаты депутатов 28-го сего месяца. Ныне в первый раз выборы, в противность установленному порядку, начнутся в Сенате; это отступление не более как тактический приём со стороны правительства, делающего выборы: смотря по количеству мест, которые достанутся в Сенате на долю консерваторов, Правительство, если оно найдёт это количество слишком значительным, будет иметь возможность, при выборе депутатов, усилить своё давление на избирателей. Открытие палат состоится 6-го декабря.

При вступлении своём в должность, новый министр внутренних дел, господин Флева, в продолжение 20 лет отстаивавший безусловную необходимость устранения при выборах правительственного вмешательства, неоднократно заявлял о твёрдом намерении своём обеспечить полную свободу предстоящих выборов. Но, тем не менее, уже ряд принятых мер предвещает, что обещание это не осуществится. Предоставление полной свободы выборов настолько чуждо здешней политической жизни, что в правительственной партии тотчас же явилось противодействие подобным стремлениям господина Флевы; в среде же консерваторов с самого начала к этим обещаниям отнеслись с полным недоверием.

Большинство министров предпринимают поездки по провинции, где присутствуют на сходках своих приверженцев. Кроме того, местные либеральные клубы учредили повсюду в уездах избирательные комитеты, которые будут руководить выборами. Консерваторы, по-видимому, мало рассчитывают на успех даже самых выдающихся членов партии. Так, господин Лаховари прямо заявил мне, что почти не надеется быть избранным. Многие консерваторы готовятся к крупным денежным жертвам. Полковник Розновану[1] и генерал Ману[2], бывшие председатели палаты депутатов, выступают кандидатами в своих уездах лишь для проформы; и даже успех господина Ласкэра Катарджиу является далеко не обеспеченным.

Король Карл, с которым я имел случай беседовать на прошлой неделе, осуждая подобную нетерпимость при выборной борьбе, заметил, что для страны было бы крайне желательно, чтобы выдающиеся личности оппозиции были постоянно избираемы в Палаты. При этом Его Величество прибавил, что при сложившихся здесь политических нравах дальнейшее пребывание у власти консерваторов являлось невозможным и нежелательным в интересах самой партии. Даже при частичном преобразовании кабинета, правительство до весны истощило бы свои

последние силы. Оппозиция, со своей стороны, прибегла бы к крайним мерам, и кабинет Катарджиу подал бы в отставку, вынужденный к тому давлением уличной толпы, как то случилось в 1888 г. с кабинетом Брэтиану, потерявшим после двенадцати лет управления страной всякий престиж и популярность.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 651, Листы 80-83.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Георге Русет-Розновану являлся депутатом и сенатором от консервативной партии.
[2] Джордже Ману был председателем палаты депутатов с 26 февраля 1892 до 24 октября 1895 г.

Bucureşti, 6 noiembrie 1895, nr. 34. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

În scopul cuvenitei pregătiri a terenului pentru viitoarele alegeri parlamentare, noul guvern s-a îngrijit, înainte de toate, de schimbarea prefecţilor şi dizolvarea consiliilor municipale. După aceasta, a fost solicitat acordul regelui pentru dizolvarea Camerelor.

Pe data de 24 octombrie trecut Adunările Legislative au fost convocate într-o sesiune extraordinară pentru a audia decretul regal de dizolvare. Mesajul regal a fost citit de preşedintele Senatului în faţa unor bănci aproape goale: dintre conservatori erau prezenţi doar doi sau trei senatori şi deputaţi; s-au prezentat, de asemenea, la şedinţă şi foştii deputaţi ai partidului liberal, în pofida faptului că îşi depuseseră mandatele încă din primăvară.

Alegerile vor începe, pentru Senat, pe data de 15 noiembrie şi se vor încheia pe 24, iar pentru Camera Deputaţilor pe data de 28 a lunii curente. Acum, pentru prima oară, contrar ordinii stabilite anterior, alegerile vor începe pentru Senat; această abatere nu reprezintă decât o manevră tactică din partea guvernului, care organizează alegerile: plecând de la numărul de mandate care le vor reveni, în Senat, conservatorilor, guvernul, dacă va găsi că acest număr este prea mare, va avea posibilitatea, în timpul alegerilor deputaţilor, să îşi intensifice presiunea asupra alegătorilor. Deschiderea Camerelor va avea loc pe 6 decembrie.

La investirea sa în funcţie, noul ministru al Afacerilor Interne, domnul Fleva, care a pledat, timp de 20 de ani, pentru necesitatea necondiţionată de a

elimina intervenția guvernamentală în timpul alegerilor, a vorbit nu o singură dată despre ferma sa intenție de a asigura libertatea deplină a viitoarelor alegeri. Dar, cu toate acestea, deja un întreg şir de măsuri luate în prezent prevestesc că această promisiune nu va fi îndeplinită. Acordarea unei libertăți depline în timpul alegerilor este atât de străină de viața politică de aici încât, în rândurile partidului guvernamental, s-a făcut imediat simțită rezistența față de asemenea tendințe exprimate de domnul Fleva; iar mediile conservatoare au avut, de la bun început, o atitudine de neîncredere totală față de aceste promisiuni.

Majoritatea miniştrilor întreprind călătorii prin provincie, unde participă la întrunirile electorale ale propriilor partizani. În afară de aceasta, cluburile liberale locale au înființat pe tot cuprinsul județelor comitete electorale care vor dirija organizarea alegerilor. Conservatorii, se pare, se aşteaptă destul de puțin la succes chiar şi în cazul celor mai remarcabili membri ai partidului. Astfel, domnul Lahovari mi-a declarat deschis că aproape că nu mai speră să fie ales. Mulți conservatori se pregătesc de sacrificii financiare considerabile. Colonelul Roznovanu[1] şi generalul Manu[2], foşti preşedinți ai Camerei Deputaților, şi-au depus candidaturile în propriile județe doar de formă; până şi succesul domnului Lascăr Catargiu nu este nici pe departe asigurat.

Regele Carol, cu care am avut ocazia să discut săptămâna trecută, condamnând o asemenea intoleranță în timpul luptei electorale, a remarcat că pentru țară ar fi extrem de binevenit ca personalitățile marcante ale opoziției să fie alese în mod constant în componența Camerelor. În acelaşi timp, Majestatea Sa a adăugat că, având în vedere moravurile politice care s-au instalat aici, rămânerea la putere a conservatorilor era imposibilă şi nu era de dorit fie şi luând în considerație propriile interese ale acestui partid. Chiar şi în condițiile unei remanieri parțiale a cabinetului, guvernul şi-ar fi epuizat ultimele forțe până la primăvară. Opoziția, la rândul ei, ar fi recurs la măsuri extreme, iar Cabinetul Catargiu şi-ar fi dat demisia, fiind forțat să facă acest lucru de presiunea mulțimii şi a străzii, aşa cum s-a întâmplat în anul 1888 cu Cabinetul Brătianu, care îşi pierduse orice prestigiu şi popularitate după doisprezece ani de guvernare a țării.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 651, filele 80-83.
Copie la ANIC, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Gheorghe Ruset-Roznovanu. A fost deputat şi senator din partea Partidului Conservator.

[2] George Manu a fost preşedinte al Adunării Deputaților între 26 februarie 1892 şi 24 octombrie 1895.

60

Бухарест, 21 ноября 1895 г., № 36. Фонтон – князю Лобанову-Ростовскому

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

В дополнение к предыдущему донесению от сего дня долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что социалистическая пресса[1] до последнего времени не прекращала начатую ею кампанию против России, постоянно печатая сенсационные известия о мнимых русских агентах, наводняющих Добруджу, о русских офицерах, приезжающих для съёмки планов и ознакомления с местностью, о сосредоточении русских войск в Бессарабии и пр. Некоторые из этих ложных сообщений были перепечатаны недавно в здешних умеренных органах.

Вследствие сего, я указал господину Стурдзе на настоятельную необходимость категорического официального опровержения указанных мною тенденциозных слухов. Желаемое опровержение, появившееся 4/16-го сего ноября на страницах «Правительственного указателя», я имею честь представить у сего в переводе на воззрение Вашего Сиятельства.

За последнее время появились также в печати и публике толки о близости европейской войны и о переменах во внешней политике Румынии, причём достойно внимания, что слухи эти распускались почти одновременно из лагерей консервативного и либерального и эксплуатировались теми и другими в целях партийной борьбы. В разговоре со мною некоторые консерваторы, ещё при начале министерского кризиса, нередко высказывали убеждение, что призыв либералов к власти предвещает тревожное будущее для страны и вовлечение её в европейскую войну. Либералы пользовались теми же слухами, чтобы выставить себя будущими спасителями отечества, призванными именно ввиду грядущей опасности.

По этому поводу Его Величество недавно выразился мне в том смысле, что единственным основанием распространённости этих нелепых и тенденциозных слухов служит то обстоятельство, что незадолго до начала последней Восточной войны 1877–78 гг. либералы также заместили консерваторов. Министр-президент, говоря со мною о том же предмете, энергически порицал эти неуместные выходки печати в стране, первой заботой которой должно быть внутреннее развитие своего благосостояния. В том же смысле высказался господин Стурдза и в своей ясской речи.

Тем не менее, господин Стурдза не мог воздержаться, чтобы в одной из сходок либеральной партии, ссылаясь на события 1877–1878 гг. не польстить своим единомышленникам и не выставить либералов партией, избранной Провидением для управления страной во всех

случаях, когда наступают важные события. Подобное заявление объяснимо лишь настроением присутствовавших на сходке либералов, и партийные увлечения господина Стурдзы в этом случае взяли верх над его прежними благоразумными заявлениями, как словесными, так и помещёнными в указанном выше правительственном сообщении.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 651, Листы 86-87 об.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Имелись в виду периодические издания «Мунка», «Адевэрул», «Лумя ноуэ» и «Лумина».

Bucureşti, 21 noiembrie 1895, nr. 36. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

În completare la raportul anterior de astăzi, consider că este de datoria mea de a raporta Luminăţiei Voastre faptul că presa socialistă[1] nu încetează campania împotriva Rusiei, publicând fără întrerupere ştiri senzaţionale despre presupuşi agenţi ruşi care ar inunda Dobrogea, despre ofiţeri ruşi care vin pentru a face fotografii şi a se familiariza cu împrejurimile, despre concentrarea trupelor ruseşti în Basarabia şi altele. Unele dintre aceste materiale mincinoase au fost republicate recent în ziare moderate de aici.

Drept urmare, i-am indicat domnului Sturdza asupra nevoii imperioase de dezminţire categorică a zvonurilor semnalate de mine. Am onoarea de a supune atenţiei Luminăţiei Voastre dezminţirea dorită, publicată pe data de 4/16 noiembrie în paginile „Monitorului Oficial”.

În ultimul timp, în presă şi opinia publică şi-au făcut loc interpretări privind apropierea războiului european şi modificarea politicii externe a României. Este de reţinut faptul că aceste zvonuri au fost lansate aproape simultan în taberele conservatoare şi liberală şi au fost exploatate de unii şi de alţii în scopurile luptei politice. În discuţiile pe care le-am avut cu unii conservatori, încă la începutul crizei guvernamentale, a fost exprimată convingerea că venirea liberalilor la putere anunţă un viitor îngrijorător pentru ţară şi implicarea ei în războiul european. La rândul lor, liberalii se foloseau de aceleaşi zvonuri pentru a se erija în viitori salvatori ai naţiunii, aduşi la guvernare tocmai din cauza pericolului iminent.

În legătură cu aceasta, Majestatea Sa mi-a spus recent că singurul motiv pentru răspândirea unor astfel de zvonuri tendenţioase îl reprezintă faptul că, la fel, în ajunul ultimului război oriental din anii 1877-1878, liberalii i-au înlocuit pe conservatori. Întreţinându-se cu mine în aceeaşi chestiune, preşedintele Consiliului de Miniştri a respins energic aceste ieşiri nepotrivite ale presei într-o ţară în care prima grijă ar trebui să fie dezvoltarea internă şi propria bunăstare. În acelaşi sens s-a exprimat domnul Sturdza şi în discursul său de la Iaşi.

Totuşi, domnul Sturdza nu s-a putut abţine ca, la o reuniune a partidului liberal, făcând trimitere la evenimentele din 1877-1878, să nu-i măgulească pe partizanii săi şi să-i prezinte pe liberali drept partid ales de Providenţă pentru conducerea ţării în toate situaţiile când se anunţă evenimente importante. O astfel de declaraţie se explică doar prin starea de spirit a participanţilor prezenţi la întrunirea liberalilor, pornirile partinice de moment ale domnului Sturdza acoperind în acest caz declaraţiile sale raţionale anterioare, atât verbale cât şi inserate în comunicatul guvernamental invocat mai sus.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 651, filele 86-87 verso.
Copie la ANIC, Xerografii Rusia. Pachetul XVIII.

[1] Printre acestea: „Munca”, „Adevărul”, „Lumea Nouă”, „Lumina”.

61

Бухарест, 6 марта 1896 г., № 6. Фонтон – князю Лобанову-Ростовскому

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

Две недели тому назад прибыли в Бухарест македонские уроженцы господин Апостолеску[1] и доктор Кристович[2] – эфоры румынских школ в Битоли[3].

Целью их приезда была жалоба на инспектора этих школ известного Апостола Маргарита[4], пользующегося полным доверием нынешнего правительства. Эфоры обвиняли последнего в неуплате школьным учителям жалования за последние месяцы, а также в бесконтрольном распоряжении субсидиями, доставляемыми для школ из Румынии[5].

После неуспешных ходатайств пред министром народного просвещения, эфоры обратились к министру-президенту. Господин

Стурдза не принял их, выставив предлогом, что правительству ничего не известно об официальном существовании в Македонии румынских эфорий и, кроме того, считая пребывание их в Бухаресте нежелательным, пригласил их чрез префекта полиции немедленно покинуть Румынию.

Господин Флева и его сторонники воспользовались этой мерой, принятой правительством против «македонских братьев», чтобы дважды обратиться по этому поводу с запросом к министру-президенту[6]. Господин Флева потребовал также предъявления палате всей переписки о румынских школах в Македонии и отчёта в расходовании отпускаемых на них сумм.

На это требование господин Стурдза отвечал отказом, ссылаясь на то, что дело это до некоторой степени касается внешней политики страны. Подобное заявление господина Стурдзы до некоторой степени служит признаком, что вопрос о румынских школах в Македонии не чужд политической пропаганды. Наконец, раздражённый настоятельными требованиями противников, председатель Совета счёл нужным прибегнуть даже к вопросу о доверии, которое и было ему выражено значительным большинством палаты.

Однако, не умолкавшие нападки газет и готовившиеся в защиту македонцев манифестации представителей здешней печати при содействии господина Флевы и его сторонников, по-видимому, заставили господина Стурдзу одуматься и, во избежание дальнейшей агитации его противников, отказаться от высылки Кристовича и Апостолеску, которые тем временем нашли убежище в доме господина Флевы.

Но 1-го сего марта турецкий посланник[7], по всей вероятности, в угоду господину Стурдзе призвал обоих македонцев в миссию и дал им совет как можно скорее возвратиться обратно на родину, что они и исполнили на следующий день.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 655, Листы 17-19.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Филипп Апостолеску. Учитель влахского (македо-румынского) происхождения. В 1878 г. получил разрешение на открытие первой влахской школы в Битоли, а в 1895 г. участвовал в создании попечительского совета влахских школ в Македонии. См.: *Cordescu M.-V.* Istoricul şcoalelor române din Turcia, Sofia şi Turtucaia din Bulgaria şi al seminariilor de limbă română din Lipsca, Viena şi Berlin, 1866–1906. Bucureşti, 1906. P. 131.

[2] Подробности о семье Кристу (Кристович) из Битоли (Монастира) см.: *Hâciu A.* Aromânii: comerţ, industrie, arte, expansiune, civilizaţie. Focşani, 1936. P. 257, 274, 279.

[3] Первые школы для балканских влахов (арумын) были открыты в 1860-х гг. Впоследствии возникли и лицеи, в которых преподавание велось и на румынском языке. Многие ученики этих школ получали поддержку в виде стипендий, выдаваемых

румынским правительством. В конце XIX – начале XX в. некоторые из выпускников этих школ приобрели известность и влияние в Румынии. Влахский лицей в Битоли был открыт в 1880 г. Подробно см.: *Burada T.* Cercetări despre şcoalele românesci din Turcia. Bucureşti, 1890; *Cordescu M.-V.* Op. cit.; *Барболов Г.* Политиката на Букурещ в Македония по арумънския въпрос през 1878-1913 г. // Исторически преглед. София, 1993. № 1. С. 148–163; *Peyfuss M. D.* Die Aromunische Frage: ihre Entwicklung von den Ursprüngen bis zum Frieden von Bukarest (1913) und die Haltung Österreich-Ungarns. Wien, 1974. Здесь и далее книга цит. по румынскому изданию: *Peyfuss M. D.* Chestiunea aromânească: Evoluția ei de la origini până la pacea de la Bucureşti (1913) şi poziția Austro-Ungariei. Bucureşti, 1994.

[4] Учитель влахского (аромунского) происхождения, изначально работавший в рамках греческой образовательной системы в Македонии. Был одним из инициаторов создания особых школ для арумын. С конца 1870-х гг. стал главным представителем интересов влахского населения Европейской Турции. См.: *Peyfuss M. D.* Op. cit. S. 41 etc.

[5] В 1866 г. по ходатайству Апостола Маргарита, Константин А. Росетти, министр вероисповеданий и народного просвещения, впервые утвердил решение об ассигновании субсидии из средств румынского правительства для поддержки образования влахского населения Османской империи. На протяжении последующих десятилетий, Маргарит обвинялся другими представителями влахского сообщества в самоуправном распределении субсидий, предоставленных румынским правительством. См.: *Peyfuss M. D.* Op. cit. S. 42, 74. Сноска 139.

[6] Николае Флева и его сторонники внутри национал-либеральной партии использовали кризис, вызванный вопросом о финансировании влахских школ в Османской империи, для ослабления позиций Стурдзы в руководстве партии.

[7] В тот период полномочным посланником Османской империи в Бухаресте был Хюсейн Казым-бей. С 1878 по 1914 г. Османская империя имела восемь дипломатических представителей в Бухаресте. Подробно об их биографиях и деятельности в румынской столице см: *Rachieru S.* Relații româno-otomane între anii 1878–1908. Teză de doctorat. Bucureşti, 2009.

Bucureşti, 6 martie 1896, nr. 6. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăției Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

Acum două săptămâni au sosit la Bucureşti macedonenii domnul Apostolescu[1] şi doctorul Cristovici[2], eforii şcolilor româneşti din Bitola[3].

Scopul călătoriei lor a fost să depună o plângere pe numele inspectorului acestor şcoli, cunoscutul Apostol Mărgărit[4], care se bucură de încrederea deplină a guvernului actual. Eforii îl acuzau pe cel din urmă de neplata în ultimele luni a salariilor pentru învățătorii şcolilor şi de utilizarea fără control a subsidiilor puse la dispoziție de România[5].

După ce au eşuat în demersurile de pe lângă ministrul Instrucțiunii Publice, eforii s-au adresat preşedintelui Consiliului de Miniştri. Domnul Sturdza nu i-a primit însă în audiență, sub pretextul că guvernul nu are cunoştință despre existența oficială în Macedonia a eforiilor româneşti şi că,

totodată, considerând nedorită prezența acestora în Bucureşti, i-a rugat, prin intermediul prefectului poliției, să părăsească imediat România.

Domnul Fleva şi adepții săi au profitat de această măsură, luată de către guvern împotriva „fraților macedoneni", pentru a depune două interpelări vizându-l pe preşedintele Consiliului de Miniştri[6]. Domnul Fleva a cerut, de asemenea, punerea la dispoziția Camerei a întregii corespondențe privind şcolile româneşti din Macedonia şi un raport privind fondurile băneşti care le sunt puse la dispoziție.

Domnul Sturdza a refuzat să dea curs acestei solicitări, argumentând prin faptul că această chestiune priveşte în parte politica externă a țării. Astfel de declarații ale domnului Sturdza dovedesc că problema şcolilor româneşti din Macedonia nu este străină de propaganda politică. În sfârşit, deranjat de cererile insistente ale adversarilor săi, preşedintele Consiliului de Miniştri a considerat necesar de a apela la votul de încredere, care i-a fost acordat cu o majoritate consistentă a Camerei.

Totuşi, continuarea atacurilor din partea unor ziare şi pregătirea de către presa locală, cu concursul domnului Fleva şi a adepților săi, a unor manifestații în favoarea macedonenilor, l-au determinat pe domnul Sturdza să-şi revadă poziția şi, pentru evitarea continuării agitației de către adversarii săi, să renunțe la expulzarea lui Cristovici şi Apostolescu, care îşi găsiseră între timp refugiu în casa domnului Fleva.

Însă, pe data de 1 martie a.c., trimisul turc[7], probabil că la intervenția domnului Sturdza, i-a chemat pe cei doi macedoneni la sediul misiunii şi i-a sfătuit să revină cât mai repede posibil în patrie, lucru care s-a şi întâmplat a doua zi.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 17-19.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Filip Apostolescu, învățător de origine aromână. În 1878 a obținut autorizația de funcționare pentru prima şcoală aromânească din Bitola, iar în 1895 a participat la înființarea eforiei şcolilor aromâne din Macedonia: Mihail-Virgiliu Cordescu, *Istoricul şcoalelor române din Turcia, Sofia şi Turtucaia din Bulgaria şi al seminariilor de limbă română din Lipsca, Viena şi Berlin, 1866-1906*, Bucureşti, 1906 (în continuare: Cordescu, *Istoricul şcoalelor române din Turcia*), p. 131.

[2] Pentru familia Cristu (Cristovici) din Bitola (Monastir): Anastase N. Hâciu, *Aromânii: comerț, industrie, arte, expansiune, civilizație*, Focşani, 1936, p. 257, 274, 279.

[3] Primele şcoli pentru aromânii din Balcani au fost înființate în anii 1860. Ulterior au apărut şi licee în care se preda şi în limba română, mulți dintre elevi fiind susținuți prin burse oferite de către guvernul român. La sfârşitul secolului XIX şi începutul secolului XX, unii dintre absolvenții acestor şcoli au dobândit notorietate în România. Liceul aromân din Bitola a fost deschis în 1880. A se vedea, pe larg: Theodor T. Burada, *Cercetări despre şcoalele românesci din Turcia*, Bucureşti, Tipografia Românul, 1890; Cordescu, *Istoricul şcoalelor române din Turcia*; Г. Барболов, *Политиката на Букурещ в Македония по арумънския въпрос през 1878-1913 г.*,

în „Исторически преглед” (Sofia), 1993, nr. 1, p. 148-163; Max Demeter Peyfuss, *Die Aromunische Frage: ihre Entwicklung von den Ursprüngen bis zum Frieden von Bukarest (1913) und die Haltung Österreich-Ungarns*, Wien, 1974. Citat după versiunea în limba română: *Chestiunea aromânească: evoluția ei de la origini până la pacea de la Bucureşti (1913) şi poziția Austro-Ungariei*, Bucureşti, 1994 (în continuare: Peyfuss, *Chestiunea aromânească*).

[4] Învățător de origine aromână, încadrat inițial în sistemul educațional grec din Macedonia. A fost unul dintre animatorii înființării unor şcoli pentru aromânii din Balcani. De la sfârşitul anilor 1870 a devenit principalul reprezentant al intereselor aromânilor din Turcia europeană (Peyfuss, *Chestiunea aromânească*, p. 41 şi urm.).

[5] În 1866, la solicitarea lui Apostol Mărgărit, Constantin A. Rosetti, ministrul Cultelor şi Instrucțiunii Publice, a aprobat pentru prima dată alocarea unei subvenții guvernamentale româneşti pentru şcolarizarea aromânilor din Imperiul Otoman. Mărgărit a fost acuzat, de-a lungul timpului, de alți reprezentanți ai aromânilor de distribuirea discreționară a subvențiilor alocate de către România (Peyfuss, *Chestiunea aromânească*, p. 42, 74, nota 139).

[6] Nicolae Fleva şi susținătorii săi din Partidul Național Liberal au folosit criza declanşată de finanțarea şcolilor aromâne din Imperiul Otoman pentru slăbirea poziției lui Dimitrie A. Sturdza la conducerea partidului.

[7] În acele momente, ministrul plenipotențiar otoman la Bucureşti era Hüseyin Kazım Bey. În perioada 1878-1914, Imperiul Otoman a avut la Bucureşti opt miniştri plenipotențiari. Pentru mai multe detalii asupra biografiilor şi activității acestora în capitala României, a se vedea Silvana Rachieru, *Relații româno-otomane între anii 1878-1908*, teză de doctorat, Bucureşti, 2009.

62

Бухарест, 21 апреля 1896 г., № 12. Фонтон – князю Лобанову-Ростовскому

Его Сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

Милостивый государь князь Алексей Борисович,

Я в своё время долгом счёл доложить Вашему Сиятельству о благоприятном впечатлении, произведённом здесь как на короля Карла, так и на председателя Совета известием о командировании в Софию свиты Его Императорского Величества генерал-майора графа Голенищева-Кутузова[1]. В их глазах восстановление сношений между Россией и Болгарией[2], представляя собой мощный залог мира в Княжестве и упрочение существующего положения вещей, устраняет опасность возобновления македонского движения, могущего угрожать спокойствию на Балканском полуострове.

С тех пор дальнейший ход дел породил среди некоторых здешних политиканов произвольные толкования о невыгодности этого сближения для Румынии. Отголосок их отразился в органах крайней оппозиционной печати, указывавшей, что, так как ныне Болгария, Сербия и Черногория вошли в сферу влияния русской политики, то Румыния оказывается, с одной стороны, в соседстве с государствами, идущими за Россией, а на

остальном протяжении непосредственно прилегает к «дружественной» (?) Венгрии.

В последнее время, если доверять впечатлениям хладнокровных наблюдателей, эти суждения, до некоторой степени, нашли распространение и среди правительственных кругов. Из моих же разговоров с господином Стурдзой и другими политическими людьми я не усмотрел признаков подобного беспокойства, а французскому моему сотоварищу, в беседе по поводу статьи одной парижской газеты, указывавшей на всеобщее тяготение к России всех балканских государств, а равно Греции и Турции, господин Стурдза определительно высказал, что указанное политическое настроение соседей не представляет для Румынии никакого неудобства, так как она сама находится в наилучших к России отношениях.

Не настаивая на том, насколько искренни эти заверения господина Стурдзы, нельзя не видеть в них старание изгладить его известные по отношению к нам заблуждения.

Как бы сильно ни было его влечение к Тройственному союзу, проявленное им в бытность министром в брэтиановском кабинете, ныне, будучи сам главой правительства и неся ответственность, господин Стурдза, по-видимому, сознаёт необходимость для Румынии заслужить доверие и расположение России.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 655, Листы 34-35 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Граф Александр Васильевич Голенищев-Кутузов (1846–1897).

[2] С 1886 по 1896 г. у России не было дипломатических представителей в Софии. Возобновление дипломатических отношений состоялось в феврале 1896 г., когда Российская империя направила в Софию Н. В. Чарыкова в качестве дипломатического агента.

Bucureşti, 21 aprilie 1896, nr. 12. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Stimate Domnule, Cneaz, Alexei Borisovici,

Acum ceva timp, am considerat de datoria mea să vă raportez Luminăţiei Voastre despre impresia favorabilă produsă aici, atât asupra regelui Carol, cât şi asupra preşedintelui Consiliului, de ştirea despre detaşarea la Sofia a general-maiorului suitei Majestăţii Sale Imperiale, contele Golenişcev-Kutuzov[1].

În ochii lor, restabilirea relațiilor dintre Rusia şi Bulgaria[2], reprezentând o garanție puternică a păcii în acest principat şi contribuind la consolidarea stării de lucruri existente în prezent, elimină pericolul reizbucnirii mişcării macedonene, care ar putea amenința liniştea din Peninsula Balcanică.

De atunci, evoluția ulterioară a lucrurilor a dat naştere, în rândurile unor politicieni iresponsabili de aici, la anumite interpretări neîntemeiate referitoare la presupusele dezavantaje ale acestei apropieri pentru România. Ecoul acestor presupuneri s-a reflectat în organele de presă ale opoziției extremiste, care afirmau că, deoarece în prezent Bulgaria, Serbia şi Muntenegru au intrat în sfera de influență a politicii ruseşti, România s-a pomenit, pe de o parte, în vecinătate cu statele care urmează politica Rusiei, iar de-a lungul celeilalte părți a întinderii frontierelor sale se mărgineşte direct cu „statul-prieten" Ungaria.

În ultimul timp, dacă ar fi să avem încredere în impresiile unor observatori calmi şi cu sânge rece, aceste opinii şi-au găsit, până la un punct, o anumită răspândire şi în mediul cercurilor guvernamentale. Totuşi, din conversațiile mele cu domnul Sturdza şi cu alți oameni politici, nu am observat nici un fel de semne ale unei asemenea îngrijorări. Totodată, domnul Sturdza s-a exprimat destul de hotărât, în fața colegului meu francez – într-o conversație referitoare la un articol al unui ziar parizian, care vorbea despre o atracție generală față de Rusia a tuturor statelor balcanice, ca şi a Greciei şi a Turciei –, în sensul că tendința politică menționată a vecinilor nu prezintă pentru România nici un fel de incomodități, deoarece ea singură se află în cele mai bune relații posibile cu Rusia.

Fără a insista să aflăm cât de sincere sunt aceste asigurări ale domnului Sturdza, nu putem să nu vedem în ele o încercare asiduă de a atenua părerile sale eronate, bine cunoscute de altfel, față de noi.

Oricât de puternică ar fi atracția sa față de Tripla Alianță, manifestată în timpul mandatului său de ministru în Cabinetul lui Brătianu, în prezent, fiind el însuşi şef al guvernului şi asumându-şi anumite responsabilități, domnul Sturdza, se pare, conştientizează necesitatea ca România să câştige încrederea şi bunăvoința Rusiei.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 34-35 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Contele Alexandr Vasilevici Golenişcev-Kutuzov (1846-1897).

[2] Între 1886 şi 1896, Rusia nu a avut reprezentanți diplomatici la Sofia. Reluarea relațiilor diplomatice s-a produs în februarie 1896, prin trimiterea la Sofia, în calitate de agent diplomatic, a lui N.V. Ciarâkov.

63

Bucarest, le 21 mai 1896. Fonton au prince Lobanov-Rostovsky

A Son Excellence monsieur le prince Lobanov-Rostovsky

Mon prince,

Au nombre des pièces diplomatiques qui m'ont été transmises récemment par le ministère impérial, se trouvait la copie d'un télégramme, par lequel notre envoyé à Athènes[1] rapportait à Votre Excellence que la Grèce allait incessamment renouer les relations avec la Roumanie[2]. Les tentatives de réconciliation entre les deux royaumes datent encore de l'hiver dernier. Monsieur Sturdza m'en a parlé à plusieurs reprises. Dès l'avènement des libéraux au pouvoir, le ministre de l'Intérieur de Grèce, personnellement lié avec monsieur Statesco, ministre de la justice, l'a fait sonder par l'intermédiaire d'un de ses amis sur les dispositions du Conseil de Bucarest. Monsieur Statesco fit répondre que les libéraux ne demandaient pas mieux que de renouer les relations. Depuis, le chargé d'affaires de Grèce à Rome[3] a fait confidentiellement une ouverture analogue à son collègue de Roumanie. Monsieur Sturdza commit à ce dernier le soin de répondre que le Gouvernement roumain était entièrement disposé à accueillir favorablement une demande tendant à une reprise de relations.

Là-dessus le Cabinet d'Athènes fit parvenir à son agent à Rome, pour être transmises à Bucarest, les conditions auxquelles il subordonnait un rétablissement de relations, à savoir: l'engagement de la part de la Roumanie de régler l'affaire Zappa et de conclure une convention consulaire sur la base de la convention italiano-roumaine. Monsieur Sturdza répliqua que semblables conditions n'étaient pas d'usage en pareil cas, qu'il importait de livrer le passé à l'oubli, à se tendre la main, et, une fois les relations diplomatiques renouées, traiter des affaires amicalement, dans un entier esprit de conciliation. Récemment, le baron d'Aehrenthal s'enquit auprès du ministre des Affaires Étrangères des résultats de ces premières démarches, et, apprenant que les choses n'avaient pas avancé, demanda à monsieur Sturdza, s'il ne lui serait pas agréable, que le Cabinet de Vienne fasse parvenir à Athènes un mot à ce sujet.

En me communiquant ces détails, le ministre président m'a dit que lorsque monsieur Alexandropoulos, fonctionnaire du Ministère des Affaires Étrangères de Grèce, adjoint à la légation impériale, se rendait dernièrement à Athènes, il lui a dit, que le gouvernement libéral, ayant été étranger à la rupture et que d'autre part, à Athènes d'autres hommes étant aujourd'hui au pouvoir, le moment pour une réconciliation serait le plus propice. De retour d'Athènes, monsieur Alexandropoulos en a rapporté pour monsieur Stourdza un message de la part de son chef, portant, que le Cabinet hellénique, pour justifier devant le pays le renouvellement de rapports diplomatiques avec Bucarest, avait besoin

d'engagements favorables de la part de la Roumanie. Monsieur Sturdza s'est borné à lui répéter une fois de plus, qu'il n'y avait pas lieu de subordonner une réconciliation désirée des deux parts à aucune condition préalable.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect, mon prince, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur N. de Fonton.

APEER, F. 151 Политархив, inv. 482, doss. 655, fol. 42-44.
Copie: ANHC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В 1889–1901 гг. Михаил Константинович Ону был полномочным посланником Российской империи в Афинах.

[2] В период с октября 1892 по июль 1896 г. румынско-греческие дипломатические отношения были прерваны. В основе разногласий между двумя государствами стоял вопрос недвижимого наследства Вангелия Заппы. *Ulinici L.* Afacerea Zappa şi conflictul diplomatic greco-român. Diss. Iaşi, 2012. Интерпретацию этого конфликта «по горячим следам» см.: *Streit G.* L'affaire Zappa: conflit gréco-roumain. Paris, 1894.

[3] С декабря 1892 г. греческим поверенным в делах в Риме был Д. Кондуриотис.

Bucureşti, 21 mai 1896. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Luminăţiei Sale, cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Prinţe,

Printre documentele diplomatice care mi-au fost transmise recent de ministerul imperial se găsea şi copia unei telegrame prin care trimisul nostru la Atena[1] îi raporta Excelenţei Voastre că Grecia urma să restabilească neîntârziat relaţiile cu România[2]. Tentativele de reconciliere dintre cele două regate datează încă de iarna trecută. Domnul Sturdza mi-a vorbit deja despre asta în mai multe rânduri. Imediat după venirea liberalilor la putere, ministrul de Interne al Greciei, care are relaţii personale cu domnul Stătescu, ministrul Justiţiei, a tatonat terenul, întrebându-l, prin intermediul unuia din prietenii săi, despre intenţiile Consiliului de la Bucureşti. Domnul Stătescu i-a răspuns că liberalii nu doreau, nici ei, nimic altceva decât să reînnoade legăturile. De atunci, însărcinatul cu afaceri al Greciei la Roma[3] i-a făcut, confidenţial, o propunere similară colegului său din România. Domnul Sturdza i-a încredinţat acestuia din urmă sarcina de a răspunde că Guvernul român era pe deplin dispus să primească favorabil o cerere tinzând spre o reluare a relaţiilor.

În această privinţă, Cabinetul de la Atena i-a trimis agentului său de la Roma, pentru a le transmite la Bucureşti, condiţiile necesare unei restabiliri a relaţiilor, şi anume: angajamentul din partea României de a soluţiona afacerea Zappa şi încheierea unei convenţii consulare pe baza convenţiei italiano-române. Domnul Sturdza a răspuns că astfel de condiţii nu corespundeau

uzanţelor în acest caz, că era important ca trecutul să fie dat uitării, cele două părţi să-şi dea mâna, şi, odată reînnodate relaţiile diplomatice, afacerile să fie tratate în mod amical, într-un perfect spirit de reconciliere. Recent, baronul d'Aehrenthal s-a interesat pe lângă ministrul Afacerilor Externe despre rezultatele acestor prime demersuri şi, aflând că lucrurile nu avansaseră, l-a întrebat pe domnul Sturdza dacă nu ar dori ca Guvernul de la Viena să intervină la Atena pe acest subiect.

Comunicându-mi aceste detalii, preşedintele Consiliului de Miniştri mi-a spus că, întâlnindu-l pe domnul Alexandropoulos, funcţionar al Ministerului de Afaceri Externe al Greciei, adjunct al legaţiei imperiale, pe când se ducea, nu demult, la Atena, acesta i-a spus că, deoarece Guvernul liberal nu avusese nimic de-a face cu această ruptură şi dat fiind că, pe de altă parte, la Atena erau actualmente alţi oameni la putere, acum ar fi momentul cel mai propice pentru o reconciliere. Întors de la Atena, domnul Alexandropoulos i-a adus domnului Sturdza un mesaj din partea şefului său în care se susţinea că, pentru a justifica în faţa ţării reînnoirea raporturilor diplomatice cu Bucureştiul, Cabinetul elen avea nevoie de angajamente favorabile din partea României. Domnul Sturdza s-a limitat să-i repete încă o dată că nu este cazul ca o reconciliere dorită de ambele părţi să fie supusă unei condiţii prealabile.

Am onoarea de a fi, cu profund respect, prinţe, cel mai umil şi supus servitor al Excelenţei Voastre, N. de Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 42-44.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Între 1889 şi 1901 ministrul plenipotenţiar rus la Atena a fost Mihail K. Onu.

[2] Între octombrie 1892 şi iulie 1896 relaţiile diplomatice româno-elene au fost întrerupte. La baza disensiunilor între cele două state a stat problema moştenirii imobiliare a lui Vanghelie Zappa (Laura Ulinici, *Afacerea Zappa şi conflictul diplomatic greco-român*, teză de doctorat, Iaşi, 2012). Pentru o viziune din epocă asupra acestui diferend: Georges Streit, *L'affaire Zappa: conflit gréco-roumain*, Paris, 1894.

[3] Din decembrie 1892 însărcinatul cu afaceri al Greciei la Roma a fost D. Condouriotis.

64

Bucarest, le 6 juillet, 1896. Fonton au prince Lobanov-Rostovsky

Particulière

A Son Excellence monsieur le prince Lobanov-Rostovsky

Mon prince,

Bien que depuis plusieurs jours déjà on était préparé ici, par des bruits quelque peu vagues, il est vrai, à l'intention de l'Empereur François-Joseph de

rendre visite au roi Charles, après l'inauguration solennelle du canal des Portes de Fer, la nouvelle que la réalisation de ce projet était chose certaine a causé une vive satisfaction.

La venue de Sa Majesté Impériale et Royale flatte d'une part l'amour propre des roumains et de l'autre elle est saluée comme une preuve manifeste d'amitié et de liens étroits entre Vienne et Bucarest.

La satisfaction que l'on ressent ici est évidemment due, en grande partie, à un certain malaise que l'on éprouvait, j'ai déjà eu l'honneur de le rapporter à Votre Excellence, depuis la reprise des relations entre la Russie et la Bulgarie. On se voyait isolé par le fait que tous les états balkaniques gravitaient vers la Russie.

Aussi, aujourd'hui escompte-t-on les sympathies et l'appui de Vienne.

Monsieur Sturdza, en se rendant à Wildbad[1], s'est arrêté à Vienne pour voir le comte Gołuchowski[2], qui avait rompu toutes relations avec lui, bien des mois avant d'avoir quitté le poste de Bucarest. Le premier ministre roumain y aura fait à nouveau „mea culpa" et il aura renforcé les rétractations et les excuses faites lors de son entrée au pouvoir tant dans son discours-programme de Iassy, qu'à huis clos, au comte de Welsersheimb[3].

C'est cette nouvelle apostasie de Monsieur Sturdza qui sans doute, aura inspiré au „Fremden Blatt"[4] l'article du 12 Juillet sur la signification du voyage de l'empereur François-Joseph en Roumanie. Le journaliste officieux bat la grosse caisse pour glorifier le roi Charles, l'importance de Roumanie et les mérites éminents de ses hommes d'état. Cet article, très commenté ici, est la manne du Ciel pour les Roumains et il exalte leur vanité.

Contrairement aux assurances du baron d'Aehrenthal[5], il est peu probable que la visite de l'empereur François-Joseph soit tout-à-fait étrangère à la politique. Elle rappelle en quelque sorte la visite de l'empereur d'Allemagne au roi Humbert[6] à Venise. On ne peut ignorer à Vienne le sentiment de malaise qui s'était produit ici et on aura cherché l'occasion de donner aux Roumains ce témoignage de sympathique intérêt et souligner le „rapprochement politique" qui s'est produit entre l'Autriche-Hongrie et la Roumanie, selon les propres termes de la feuille officieuse de la Staats-Kanzley[7].

Le séjour de l'empereur François-Joseph, dont la durée est fixée du 16/28 Septembre au 18/30, se partagera entre Bucarest et le château de Pelesch.

Au dire de mon collègue d'Autriche, cette visite aurait eu lieu depuis longtemps, si ce n'était que l'époque des manœuvres, auxquelles l'Empereur assiste annuellement en Hongrie, coïncidait toujours avec les voyages du roi Charles à l'étranger.

Le baron d'Aehrenthal a cru devoir m'assurer, en me parlant de la réconciliation entre Bucarest et Athènes, que le Cabinet de Vienne ne s'était inspiré d'aucune arrière-pensée en y prêtant ses bons offices.

Toutefois, il est à noter que l'article du Fremden-Blatt, cité plus haut, souligne comme un mérite signalé le fait que c'est grâce au Cabinet de Vienne, qui y a „travaillé avec succès", que la reprise des relations diplomatiques entre la Roumanie et la Grèce est devenu un fait accompli.

On avait sans doute en vue de faire à la fois deux obligés et l'on croyait se créer des clients à Athènes.

J'ai l'honneur d'être avec un très-profond respect, mon prince, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur, N. de Fonton.

APEER, F. 151 Политархив, inv. 482, doss. 655, fol. 51-53.
Copie: ANHC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Бад Вильдбад, курорт в Германии.

[2] В конце XIX – начале XX в. во время своих поездок в Германию или Францию, румынские политические деятели часто останавливались в Вене для неофициальных политических переговоров.

[3] Цено Филоменус, граф Вельзер фон Вельзерсхаймб, фрайхерр цу Гумпенштейн (1835–1921). Австро-венгерский офицер, дипломат и политический деятель. В 1880–1905 гг. являлся министром ландвера австрийской части Двуединой монархии.

[4] Австрийская газета, выходившая в Вене в 1847–1919 гг.

[5] Алоис Лекса фон Эренталь (1854–1912), австро-венгерский дипломат. В 1894–1899 гг. был полномочным министром Австро-Венгрии в Бухаресте.

[6] Умберто I (1844–1900), король Италии с 1878 по 1900 г.

[7] Здесь имеется в виду министерство иностранных дел Габсбургской монархии, которое называлось с 1743 по 1848 г. „Kaiserliche Königliche geheime [Haus-,] Hof- und Staatskanzlei". См.: *Matsch E.* Der Auswärtige Dienst von Österreich(-Ungarn) 1720–1920. Graz, 1986. S. 53 etc.

Bucureşti, 6 iulie, 1896. Fonton către cneazul Lobanov-Rostovski

Scrisoare privată

Luminăţiei Sale, Cneazului A.B. Lobanov-Rostovski

Prinţe,

Deşi aici eram pregătiţi deja de mai multe zile de zvonurile, destul de vagi e adevărat, privitoare la intenţia împăratului Franz Josef de a-i face o vizită regelui Carol, după inaugurarea solemnă a canalului de la Porţile de Fier, vestea că realizarea acestui proiect era un lucru sigur a provocat o vie satisfacţie.

Venirea Majestăţii Sale Imperiale şi Regale flatează pe de o parte amorul propriu al românilor şi, pe de altă parte, este salutată ca o dovadă evidentă de prietenie şi o mărturie a legăturilor strânse dintre Viena şi Bucureşti.

În mod evident, satisfacţia resimţită aici este datorată în mare parte unei anumite nelinişti, manifestată, cum am avut deja onoarea de a raporta Excelenţei Voastre, de la reluarea relaţiilor dintre Rusia şi Bulgaria. Românii se vedeau izolaţi din cauza faptului că toate statele balcanice gravitau către Rusia.

Aşa că astăzi contează pe simpatia şi sprijinul Vienei.

Domnul Sturdza, în drum spre Wildbad[1], s-a oprit la Viena pentru a-l vedea pe contele Gołuchowski[2], care rupsese toate relaţiile cu el, cu multe luni înainte de a fi părăsit postul de la Bucureşti. Prim-ministrul român şi-a făcut

probabil din nou „mea culpa" şi va fi întărit retractările şi scuzele făcute în momentul venirii sale la putere atât în discursul-program de la Iaşi, cât şi, cu uşile închise, faţă de contele de Welsersheimb[3].

Această nouă apostazie a domnului Sturdza este cea care a inspirat, fără îndoială, ziarului „Fremden Blatt"[4], articolul din 12 iulie despre semnificaţia călătoriei împăratului Franz Josef în România. Ziaristul de la publicaţia oficioasă îşi dă multă osteneală pentru a-l ridica în slăvi pe regele Carol, a lăuda importanţa României şi meritele eminente ale oamenilor săi de stat. Acest articol, foarte comentat aici, reprezintă o mană cerească pentru români şi le gâdilă orgoliul.

Contrar asigurărilor baronului d'Aehrenthal[5], este puţin probabil ca vizita împăratului Franz Josef să nu aibă nici o legătură cu politica. În oarecare măsură, ea aminteşte de vizita împăratului Germaniei făcută regelui Umberto[6] la Veneţia. Cu siguranţă, la Viena nu a fost ignorat sentimentul de nelinişte manifestat aici şi s-a căutat ocazia de a da românilor o dovadă de amabil interes, subliniind „apropierea politică" care s-a produs între Austro-Ungaria şi România, după termenii folosiţi de foaia oficioasă de la Staatskanzlei[7].

Şederea împăratului Franz Josef, a cărei durată este fixată între 16/28 septembrie şi 18/30, se va împărţi între Bucureşti şi castelul Peleş.

După spusele colegului meu din Austria, această vizită ar fi avut loc de mult timp dacă nu s-ar fi întâmplat ca perioada manevrelor, la care împăratul asistă anual în Ungaria, să coincidă întotdeauna cu călătoriile regelui Carol în străinătate.

Baronul d'Aehrenthal a considerat că trebuie să mă asigure, vorbindu-mi despre reconcilierea dintre Bucureşti şi Atena, că, acordând bunele sale oficii în acest caz, Cabinetul de la Viena nu avusese nici un gând ascuns.

Totuşi, trebuie precizat că articolul din „Fremden-Blatt", citat mai sus, subliniază ca un merit recunoscut faptul că datorită Cabinetului de la Viena, care „a lucrat cu succes", reluarea relaţiilor diplomatice dintre România şi Grecia a devenit un fapt împlinit.

Fără îndoială, Viena a intenţionat să îndatoreze în acelaşi timp ambele părţi şi a crezut că astfel poate să-şi facă clienţi la Atena.

Am onoarea de a fi, cu profund respect, cel mai umil şi supus servitor al Excelenţei Voastre, N. de Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 51-53.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Bad Wildbad. Staţiune balneară în Germania.

[2] La sfârşitul secolului XIX şi începtul secolului XX, în timpul călătoriilor spre Germania sau Franţa, oamenii politici români se opreau frecvent la Viena pentru discuţii politice informale.

[3] Zeno Philomenus Graf Welser von Welsersheimb, Freiherr zu Gumpenstein (1835-1921), ofiţer, diplomat şi om politic austro-ungar. Între 1880 şi 1905 a fost ministru al Apărării Teritoriale în partea austriacă a Dublei Monarhii.

[4] Ziar austriac, care a apărut la Viena între 1847 şi 1919.

[5] Alois Lexa von Aehrenthal (1854-1912), diplomat austro-ungar. Între 1894 şi 1899 a fost ministru plenipotenţiar al Austro-Ungariei la Bucureşti.

[6] Umberto I (1844-1900), rege al Italiei din 1878.

[7] Trimitere la Ministerul de Externe al Imperiului Habsburgic, numit între 1743 şi 1848 „Kaiseriliche Königliche geheime [Haus-,] Hof- und Staatskanzlei" (Erwin Matsch, *Der Auswärtige Dienst von Österreich(-Ungarn) 1720-1920*, Graz, 1986, p. 53 şi urm.).

65

Бухарест, 21 августа 1896 г., № 30. Львов – Шишкину

Весьма секретно

Его Высокопревосходительству Н. П. Шишкину

Милостивый государь Николай Павлович,

Ваше Превосходительство, быть может, обратили внимание на мнение, высказанное нашим дипломатическим агентом в Софии[1] в донесении его от 30го июня/12го июля с. г., что в случае вступления болгар в Македонию румынские войска перейдут через Дунай со стороны Добруджи с целью обеспечить за собой линию Рущук–Варна в возмещение территориальных приобретений Болгарии в Македонии.

Таково глубокое убеждение действительного статского советника Чарыкова. Я, со своей стороны, не имею положительных данных, чтобы настолько же утвердительно высказаться по этому предмету, но с искренним сочувствием отношусь к содержанию помянутого донесения, потому что близкая возможность движения румынских войск в Болгарию – дело чрезвычайной важности, и простое благоразумие ставит в непременную обязанность обратить на него особенное внимание.

Но если опасения действительного статского советника Чарыкова оправдаются, то, по моему мнению, этот важный шаг состоится вопреки желанию и нуждам румынского народа.

Общее настроение здесь вполне миролюбивое: не заметно никаких намерений пользоваться усложнениями на Балканском полуострове и делать захваты. Последние известия о чрезвычайных серьёзных смутах в Константинополе вызвали искренние сожаления, но не было слышно даже намёка на приближающуюся возможность осуществить какую-либо мечту.

Масса чувствует, что если Румыния предпримет военные действия на Балканском полуострове, то это произойдёт не в её интересах, а в удовлетворение мнимых или действительных нужд Австрии –

Тройственного союза. Это соображение, вероятно, в значительной степени охлаждает немногих воинственных румын, когда вспышки на Балканском полуострове грозят приближением минуты быть вынужденным жертвовать собой для других.

В последнюю восточную войну румыны работали на себя; они присоединились к русским войскам, будучи уверены в нашем успехе, а от него зависело ни более, ни менее как осуществление их независимости, которую они и получили. При этих условиях решимость воевать понятна, но что теперь может побудить румын занять своими войсками часть смежной с их страной дружественной державы и чрез это создать себе из неё врага? Какое вознаграждение румыны могут ожидать за такой крупный ущерб?

Если Румыния это сделает, то только под давлением западной соседки и её друзей. Существует ли такое давление, мне конечно неизвестно; но позволю себе думать, что вернее иметь в виду возможность его существования.

На мой взгляд, вступление румынских войск в Болгарию при известии о движении болгар в Македонию возможно не потому, что это в интересах румынского народа или что он этого желает, а потому, что им руководствует группа политических деятелей, в высокой степени развращённых, в смысле оппортунизма.

Что касается пребывающего здесь греческого посланника, господина Рангабе[2], то он с восторгом отнёсся к известиям о неистовствах в Константинополе. В его глазах прямыми их последствиями будут полное разложение Турции, в самом непродолжительном времени, а главное - присоединение к Греции Крита и значительной части Македонии. Говорит господин Рангабе об этом всем и каждому. Не знаю, насколько этот образ действия согласен с указаниями, данными посланнику его правительством.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Львов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 655, Листы 57-60.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Более подробный отчет о возобновлении дипломатических отношений между Россией и Болгарией также см. в документе № 62 от 21 апреля 1896 г.

[2] С июля 1896 г. полномочным посланником Греции в Бухаресте был Клеон Ризо Рангабе.

Bucureşti, 21 august 1896, nr. 30. Lvov către Şişkin

Strict secret

Excelenței Sale, N.P. Şişkin

Stimate Domnule Nikolai Pavlovici,

Poate că Excelența Voastră a luat cunoștință de opinia agentului nostru diplomatic de la Sofia[1], din raportul acestuia din 30 iunie/12 iulie a.c. Potrivit acestui raport, în cazul intrării bulgarilor în Macedonia, armatele române vor trece Dunărea dinspre Dobrogea, cu scopul de a-şi asigura controlul liniei Rusciuk – Varna, drept recompensă teritorială pentru achizițiile Bulgariei în Macedonia.

Aceasta este convingerea fermă a consilierului de stat Ciarâkov. În ce mă privește, eu nu sunt în posesia unor informații sigure, pe baza cărora să mă pot pronunța atât de clar în această chestiune. Totuşi, eu examinez cu toată seriozitatea conținutul acestui raport, deoarece posibilitatea iminentă a trecerii armatelor române în Bulgaria reprezintă o chestiune deosebit de importantă, iar o prudență elementară impune în mod obligatoriu acordarea unei atenții deosebite unor astfel de informații.

Însă dacă temerile consilierului de stat Ciarâkov se vor confirma, atunci, din punctul meu de vedere, acest pas important va fi făcut contrar dorinței şi nevoilor poporului român.

Starea de spirit de aici este destul de paşnică: nu se observă nici un fel de intenții de a profita de complicațiile din Peninsula Balcanică pentru anexări. Ultimele ştiri despre rebeliunile excepționale de la Constantinopol au provocat un sentiment de compasiune sinceră, dar nu a fost auzită nici măcar o aluzie la apropierea posibilității de realizare a vreunui vis.

Masele simt că, dacă România va întreprinde acțiuni militare în Peninsula Balcanică, acest lucru se va întâmpla nu în interesul său, ci spre satisfacerea unor nevoi imaginare sau adevărate ale Austriei, adică a Triplei Alianțe. Acest considerent temperează zelul puținilor români belicoşi, deoarece exploziile din Peninsula Balcanică prevestesc apropierea clipei în care ai putea fi obligat să te sacrifici pentru alții.

În timpul ultimului război oriental, românii au lucrat pentru sine; ei s-au alăturat armatelor ruseşti, fiind convinşi de succesele noastre, de aceasta depinzând, nici mai mult nici mai puțin, realizarea independenței lor, pe care au şi obținut-o. În aceste condiții, dorința de a lupta era de înțeles, dar ce i-ar putea stimula acum pe români să ocupe, cu ajutorul armatelor, o parte a teritoriului unei puteri amicale vecine, creându-şi prin aceasta un dușman, este greu de explicat. La ce recompensă ar putea spera românii pentru o astfel de daună de proporții?

Dacă România va face acest lucru, atunci doar la presiunea vecinei din vest şi a prietenilor acesteia. Dacă există o astfel de presiune, eu nu am desigur

cunoştinţă, dar mi-aş permite să cred că mai corect este să avem în vedere posibilitatea existenţei acesteia.

Din punctul meu de vedere, intrarea armatelor române în Bulgaria, în cazul veştii despre intrarea bulgarilor în Macedonia, este posibilă nu pentru că aceasta ar fi în interesul poporului român, sau pentru că el îşi doreşte acest lucru, ci pentru că acesta este condus de un grup de oameni politici puternic pervertiţi, în sensul oportunismului.

Cât priveşte aflarea aici a trimisului grec, domnul Rangabé[2], acesta s-a exprimat entuziasmant în legătură cu veştile despre atrocităţile de la Constantinopol. Din punctul său de vedere, urmările directe ale acestora vor fi destrămarea totală a Turciei, în timpul cel mai apropiat, şi, mai important, alipirea la Grecia a Cretei şi unei părţi importante a Macedoniei. Despre aceasta domnul Rangabé vorbeşte cu orice ocazie. Nu cunosc cât de conform este acest gen de atitudine cu instrucţiunile primite de trimis de la guvernul său.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, Lvov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 57-60.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Pentru reluarea relaţiilor diplomatice dintre Rusia şi Bulgaria, a se vedea şi documentul nr. 62, din 21 aprilie 1896.

[2] Din iulie 1896, ministrul plenipotenţiar grec la Bucureşti a fost Cleon Rizo Rangabé.

66

Бухарест, 21 сентября 1896 г., № 34. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Предшествующим донесением от сего числа я довёл до сведения Вашего Сиятельства о состоявшемся приезде в Румынию императора Франца Иосифа.

Что касается значения этого посещения, долгом считаю представить нижеследующее:

Тогда как король, в минувшем июле месяце, говоря со мной, высказал, что это посещение есть исполнение давно данного императором обещания погостить у него в Пелешском дворце, который уже посетили несколько лет тому назад императрица Елизавета[1] и покойный эрцгерцог Рудольф[2], здешняя печать, в продолжение уже более недели, толкует об

огромной важности этого путешествия и, отмечая его выдающееся политическое значение, приветствует его мирный характер.

Тем не менее, одна из газет высказала мнение, что в случае возможных событий на Востоке, румыны ныне не окажутся одни.

Этот взгляд, быть может, не есть произвольное газетное толкование. Ещё недавно, после восстановления наших отношений с Болгарией, как я докладывал императорскому министерству, здесь чувствовали себя совершенно уединёнными, и эти опасения даже высказывались мне выдающимися политическими людьми.

Допуская, что посещение это не чуждо желания исполнить акт вежливости, нельзя не признать, что оно имеет политический характер. Оно обнаружило старания венского кабинета открыто привлечь к себе Румынию, что в особенности видно из следующих слов тоста короля Карла: «Юное Королевство взирает на [свидание] с доверием благодаря отличным отношениям, установленным между нашими государствами».

Едва ли настоящее свидание, как и прошлогоднее в Ишле[3], будет иметь последствием формальное присоединение Румынии к Тройственному союзу или подписание какой-либо иной военной конвенции. Но несомненно, что это свидание, послужив к взаимному обмену мыслей и заверений между двумя сторонами, усугубит тесную дружбу между обоими соседними государствами и взаимное доверие между их правительствами, и это тем более, что господин Стурдза известен своею приверженностью к Среднеевропейской лиге.

Здесь кстати сказать, что уже несколько лет тому назад граф Кальноки в делегациях сказал о Румынии, что она есть первое из второстепенных государств, искавшее приближения к Тройственному союзу; что в прошлом году барон Банфи[4] пред своими избирателями высказался, что венгерцам надлежит вести дружбу с румынами, ибо Румыния друг и почти союзник Австро-Венгрии; и, наконец, что граф Голуховский в последних делегациях в высокопарных выражениях восхвалял все достоинства здешнего правительства, признавая за Румынией особое политическое значение.

Что касается господина Стурдзы, он с видимым удовольствием выразил мне свою радость по случаю приезда императора Франца Иосифа. Он отметил, что Румыния лишь во второй раз удостоена чести видеть у себя государя великой державы, после того как её осчастливил своим присутствием наш незабвенный государь Александр II, в памятное время военных событий[5].

На мой намёк, что некоторые газеты заговорили в настоящее время о формальном присоединении Румынии к Тройственному союзу, либо о заключении ею военной конвенции с Австро-Венгрией, министр иностранных дел уверял меня, что эти слухи ни на чём не основаны, и что посещение Франца Иосифа ничего подобного в виду не имело, а лишь являет собою доказательство взаимных дружественных отношений.

Не излишним считаю привести слух, что по сообщении пребывающим здесь австро-венгерским посланником приглашения королю Карлу присутствовать на открытии канала Железных Ворот, здесь выражена была надежда, что император Франц Иосиф, находясь на самой границе Румынии, не откажет посетить короля в его столице.

Если приведённый слух не лишён оснований, то нельзя не предположить, что это заявление было сделано под впечатлением того чувства уединённости и беспокойства, на которое указано выше.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моём почтении и таковой же преданности. Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 655, Листы 72-74 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Елизавета Виттельсбахская (Сисси), герцогиня Баварская.

[2] Наследный принц Австро-Венгрии. Родился в 1858 г. Покончил с собой в замке Майерлинг в ночь с 29 на 30 января 1889 г.

[3] Бад-Ишль. В августе 1895 г. в этом курортном местечке состоялась встреча короля Карла I с императором Францем Иосифом и с новым министром иностранных дел Австро-Венгрии, графом А. Голуховским. Обсуждалось несколько основных тем, в том числе македонский вопрос, российско-болгарские отношения и проблема трансильванских румын.

[4] Дезё Банфи (1843–1911). Премьер-министр Венгрии с 1895 по 1899 г.

[5] Имеется в виду война 1877–1878 гг.

Bucureşti, 21 septembrie 1896, nr. 34. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V.N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În raportul meu anterior din data de astăzi, eu am adus la cunoştinţa Luminăţiei Voastre detalii despre sosirea în România a împăratului Franz Josef, care a avut loc recent.

În ceea ce priveşte semnificaţia acestei vizite, consider de datoria mea să prezint relatarea de mai jos:

În timp ce regele, în luna iulie a anului curent, în timpul unei conversaţii cu mine, a afirmat că această vizită reprezintă îndeplinirea unei promisiuni, făcute mai demult de către împărat, de a-i fi oaspete la castelul Peleş, care a fost deja vizitat acum câţiva ani de împărăteasa Elisabeta[1] şi de răposatul arhiduce Rudolf[2], presa de aici, pe parcursul a mai mult de o săptămână deja, discută insistent despre importanţa enormă a acestei călătorii şi, remarcând semnificaţia sa politică ieşită din comun, salută caracterul ei paşnic şi amical.

Cu toate acestea, unul dintre ziare şi-a exprimat opinia că, în cazul unor posibile evenimente în Orient, românii nu vor rămâne singuri.

Acest punct de vedere nu este, poate, doar o interpretare arbitrară a unui ziar. Nu demult încă, după restabilirea relațiilor noastre cu Bulgaria, așa cum am raportat ministerului imperial, cei de aici se simțeau totalmente izolați, iar aceste temeri mi-au fost exprimate chiar şi de anumiți oameni politici proeminenți.

Admițând că această vizită nu este completamente străină de dorința de a împlini o acțiune dictată de politețe, nu putem să nu recunoaştem că ea are un caracter politic. Vizita a scos la iveală încercările asidue ale Cabinetului de la Viena de a atrage deschis România de partea sa, ceea ce este evident în mod special din următoarele cuvinte rostite de regele Carol cu ocazia unui toast: „Tânărul Regat priveşte [această întâlnire] cu încredere datorită relațiilor excelente care s-au stabilit între statele noastre".

Este puțin probabil că prezenta întâlnire, ca şi întâlnirea de anul trecut de la Ischl[3], va avea drept urmare alăturarea formală a României Triplei Alianțe sau semnarea vreunui alt fel de convenție militară. Dar este de netăgăduit că această întâlnire, contribuind la schimbul reciproc de idei şi asigurări mutuale dintre cele două părți, va aprofunda şi mai mult prietenia strânsă dintre ambele state vecine şi va întări încrederea reciprocă dintre guvernele lor, şi aceasta cu atât mai mult cu cât domnul Sturdza este bine cunoscut pentru devotamentul său față de Liga Europei Centrale.

Aici ar fi oportun să menționez că deja acum câțiva ani contele Kálnoky, într-un discurs ținut în Parlamentul comun, a spus despre România că este primul dintre statele de importanță secundară care a căutat să se apropie de Tripla Alianță; că anul trecut Baronul Bánffy [4], în fața alegătorilor săi, s-a exprimat în sensul că maghiarii ar trebui să aibă relații prieteneşti cu românii, fiindcă România este un prieten şi aproape un aliat al Austro-Ungariei; şi, în fine, contele Gołuchowski, la ultima şedință a Parlamentului comun, a ridicat în slăvi, folosind expresii grandilocvente, toate calitățile merituoase ale guvernului de aici, recunoscându-i României o semnificație politică deosebită.

În ceea ce îl priveşte pe domnul Sturdza, el şi-a exprimat în fața mea, cu vădită plăcere, bucuria sa cu ocazia sosirii împăratului Franz Josef. El a subliniat că este doar a doua oară când România se bucură de onoarea de a-l vedea la ea acasă pe monarhul unei mari puteri, după ce a avut fericirea să se bucure de prezența neuitatului şi regretatului nostru împărat Alexandru II, în epoca memorabilă a evenimentelor militare[5].

Răspunzând aluziei mele că unele ziare au început să vorbească, în prezent, despre alipirea formală a României la Tripla Alianță sau, cel puțin, despre încheierea de către ea a unei convenții militare cu Austro-Ungaria, ministrul Afacerilor Externe m-a asigurat că aceste zvonuri nu au absolut nici un fundament şi că vizita lui Franz Josef nu a avut în vedere nimic de felul acesta, ci ar reprezenta doar o dovadă a relațiilor amicale.

Consider că nu ar fi de prisos să relatez zvonul, conform căruia, după ce a fost comunicată, de către trimisul austro-ungar aflat la curtea de aici, invitația adresată regelui Carol de a participa la deschiderea oficială a canalului Porților

de Fier, aici a fost exprimată speranța că împăratul Franz Josef, aflându-se chiar la granița României, nu va refuza să îl viziteze pe Rege în capitala acestuia.

Dacă zvonul amintit mai sus nu este lipsit de un anumit temei, atunci ar fi firesc să presupunem că această declarație a fost făcută sub impresia acelui sentiment de singurătate şi îngrijorare, asupra căruia am atras atenția mai sus.

Vă rog să primiți, stimate domn, asigurări ale deosebitului meu respect şi neschimbatului meu devotament. N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 72-74 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Elisabeta de Wittelsbach (Sisi), ducesă de Bavaria.

[2] Născut în 1858. Principe moştenitor al Imperiului Habsburgic. S-a sinucis în castelul Mayerling în noaptea de 29 spre 30 ianuarie 1889.

[3] Bad-Ischl. În august 1895, în această staţiune balneară, regele Carol I a avut o întrevedere cu împăratul Franz Josef şi cu noul ministru de externe al Austro-Ungariei, contele Gołuchowski. S-au discutat mai multe chestiuni: problema macedoneană, relațiile ruso-bulgare şi problema românilor din Transilvania.

[4] Dezső Bánffy (1843-1911). Prim-ministru al Ungariei între 1895 şi 1899.

[5] În timpul războiului din 1877-1878.

67

Бухарест, 21 сентября 1896 г. Фонтон – графу Ламсдорфу

Частное и доверительное

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Беседуя со мною на днях о последних константинопольских событиях, господин Стурдза коснулся также Македонии и вожделений, коих она служит предметом.

По этому поводу он мне сказал, что ничто не может быть менее справедливым, чем приписываемые Румынии виды на эту область, что единственное, к чему здесь стремятся, это то, чтобы македонские румыны сохранили свою народность и язык, и что такова есть цель даруемых македонским училищам воспособлений, и что ничего иного здесь не домогаются.

Предшествующее дало мне случай направить нашу беседу к некоторым подробностям, сообщённым господином Чарыковым 30го июня по поводу Македонии. Тщательно их изменив и скрыв от господина Стурдзы происхождение предположений, касающихся задуманного Румынией по отношению к Болгарии положения в случае вторжения княжеских войск в Македонию, я представил, будто во время моего

последнего отпуска до меня дошли из неофициальных источников слухи, согласно коим, в этом случае румыны намеревались бы войти в Болгарию и потребовать линию Рущук–Варна, как возмещение за приобретения болгар в Македонии.

Господин Стурдза восстал против такового наговора, настаивая на том, что Румыния никогда не создавала затруднений великим державам, что ни в каком случае настоящее правительство, и, конечно, никакое другое, бросятся в подобную затею, что единственное, чего здесь желают, есть сохранение *status quo* на полуострове, но что в случае нарушения оного Румыния воззовёт к великим державам, коим балканские государства обязаны настоящим положением вещей.

Что же касается предпринятой минувшим летом офицерами румынского Генерального штаба поездки вдоль границы Добруджи, то министр мне сказал, что дело шло исключительно о выяснении одного из вопросов разграничения, оставшегося доныне неразрешённым с соседним Княжеством и об определении топографического положения одной деревни, образующей ныне нейтральную полосу между двумя странами[1].

Так как беседа наша происходила у меня, то господин Стурдза предложил, в ближайшее моё посещение министерства, указать мне на карте местность, о коей идёт речь.

Объяснения господина Стурдзы вновь подкрепляют уже отмеченные в моих донесениях здешние опасения видеть Болгарию увеличившейся на счёт Македонии.

Подобное увеличение было бы признано посягательством на установленное ныне на полуострове равновесие и здесь рассчитывают на *veto* держав, подписавших Берлинский договор, *veto*, которое остановило бы такого рода попытку.

Ревнивость румын по отношению к неприкосновенности *status quo*, конечно, не вызвана их чувством уважения к международным постановлениям. В ней проявляется их домогательство играть первенствующую роль на полуострове и взять на себя руководительство среди юных балканских государств, что так ясно обнаружилось при возникновении, в известной среде, мысли о создании Балканской конфедерации.

В заключение долгом считаю присовокупить, что из достоверного источника мне известно, что в инструкции, данной вновь назначенному румынским посланником в Константинополе, господину Джуваре[2], вменено в обязанность заверить турецкое правительство, что единственное желание Румынии – видеть настоящее положение на полуострове неизменённым.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы просить Вас, милостивый государь, принять уверение в отличном почтении и таковой же преданности. Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 655, Листы 75-77 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Действительно, после 1878 г. между румынским и болгарским правительствами возникли разногласия из-за демаркации морской и сухопутной границы. Данный конфликт будет разрешен лишь в 1908 г., после подписания конвенции о демаркации речной границы по Дунаю. См.: *Buşă D.* Modificări politico-teritoriale în sud-estul Europei între Congresul de la Berlin şi Primul război mondial 1878-1914. Bucureşti, 2003.

[2] Трандафир Джувара (1856–1935), профессиональный дипломат. Был полномочным посланником Румынии в Константинополе в 1896–1899 гг. Подробности его биографии, в том числе воспоминания о периоде, проведенном в столице Османской империи, см.: *Djuvara T.* Misiunile mele diplomatice (1887–1925) / Ed. A. Căpuşan. Iaşi, 2009.

Bucureşti, 21 septembrie 1896. Fonton către contele Lamsdorff

Personal şi confidenţial

Luminăţiei Sale, Contelui V.N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În timpul unei conversaţii avute cu mine zilele acestea despre ultimele evenimente din Constantinopol, domnul Sturdza s-a referit şi la Macedonia şi, mai ales, la dorinţele arzătoare, ale căror obiect este această regiune.

În această privinţă el mi-a spus că nimic nu poate fi mai puţin adevărat şi echitabil decât intenţiile care i se atribuie României în legătură cu această regiune, că singurul lucru la care se aspiră aici este ca românii macedoneni să îşi păstreze specificul lor naţional şi limba, că acesta este scopul subvenţiilor acordate şcolilor macedonene şi că aici nu se cere nimic în afară de asta.

Cele spuse mai sus mi-au oferit ocazia să orientez discuţia noastră spre anumite detalii care au fost comunicate de domnul Ciarâkov, pe data de 30 iunie, în legătură cu Macedonia.

Modificând meticulos conţinutul acestora şi tăinuind faţă de domnul Sturdza proveniența presupunerilor referitoare la poziţia plănuită de România cu privire la Bulgaria în cazul invaziei trupelor principatului în Macedonia, eu i-am dat de înţeles că, în timpul ultimului meu concediu, ar fi ajuns până la mine, din surse neoficiale, anumite zvonuri conform cărora într-o asemenea eventualitate românii ar fi intenţionat să intre în Bulgaria şi să revendice linia Rusciuk – Varna, în calitate de compensaţie pentru achiziţiile bulgarilor din Macedonia.

Domnul Sturdza a protestat energic împotriva unei asemenea calomnii, insistând pe faptul că România nu a creat niciodată vreo dificultate marilor puteri, că actualul guvern şi, desigur, nici un alt guvern, nu se vor avânta, în nici un caz, într-o asemenea tentativă aventuroasă, că singurul lucru care se doreşte aici este păstrarea *statu quo*-ului în peninsulă, dar că, în cazul încălcării acestui *statu quo*, România va invoca intervenţia marilor puteri, cărora statele balcanice le datorează actuala stare de lucruri.

În ceea ce priveşte călătoria întreprinsă vara trecută de către ofiţerii Statului Major General Român de-a lungul frontierei Dobrogei, ministrul mi-a spus că în acest caz era vorba exclusiv despre clarificarea uneia dintre chestiunile legate de delimitarea frontierei, care rămăsese, până în prezent, nerezolvată cu principatul vecin şi despre fixarea poziţiei topografice a unui sat, care formează actualmente o fâşie neutră între cele două ţări[1].

Deoarece conversaţia noastră avea loc la mine acasă, domnul Sturdza mi-a propus ca, în timpul proximei mele vizite la guvern, să îmi indice pe hartă regiunea despre care este vorba. Explicaţiile domnului Sturdza fac să pară, din nou, şi mai întemeiate temerile de aici de a vedea Bulgaria mărindu-se din contul Macedoniei, pe care le-am menţionat deja în rapoartele mele anterioare.

O asemenea mărire teritorială ar fi considerată un atentat asupra echilibrului stabilit, în acest moment, în peninsulă. Aici se contează mult pe *veto*-ul Puterilor semnatare ale Tratatului de la Berlin, un *veto*, care ar opri orice încercare de acest fel.

Ataşamentul şi râvna României în raport cu intangibilitatea *statu quo*-ului nu este desigur provocată de sentimentul lor de respect faţă de hotărârile congreselor internaţionale. Prin această atitudine se manifestă cerinţa lor insistentă de a juca un rol de prim ordin în peninsulă şi de a-şi asuma un rol conducător printre tinerele state balcanice, ceea ce s-a văzut cu atâta claritate în momentul apariţiei, în anumite medii bine cunoscute, a ideii privind crearea Confederaţiei Balcanice.

În concluzie, consider de datoria mea să adaug că am aflat, dintr-o sursă demnă de încredere, că în instrucţiunile date domnului Djuvara[2], recent numit în postul de trimis român la Constantinopol, i se fixează ca sarcină de a da asigurări Guvernului turc că singura dorinţă a României este ca actuala situaţie din peninsulă să rămână neschimbată şi în continuare.

Profit de prezenta ocazie pentru a vă ruga, stimate domn, să primiţi asigurările deosebitului meu respect şi a neschimbatului meu devotament. N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 75-77 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Într-adevăr, după 1878 au existat unele neînţelegeri între guvernul român şi cel bulgar în ceea ce priveşte delimitarea frontierei atât pe mare cât şi pe uscat dintre cele două state. Diferendul avea să fie rezolvat abia în 1908, prin semnarea Convenţiei pentru delimitarea frontierei fluviale pe Dunăre (Daniela Buşă, *Modificări politico-teritoriale în sud-estul Europei între Congresul de la Berlin şi primul război mondial 1878-1914*, Bucureşti, 2003).

[2] Trandafir Djuvara (1856-1935), diplomat de carieră, a fost ministru plenipotenţiar al României la Constantinopol între 1896 şi 1899. Inclusiv pentru perioada petrecută în capitala Imperiului Otoman, a se vedea: Trandafir G. Djuvara, *Misiunile mele diplomatice (1887-1925)*, ediţie îngrijită de Andrei Alexandru Căpuşan, Iaşi, 2009.

68

Бухарест, 27 сентября 1896 г., № 36. Фонтон – графу Ламсдорфу

Одно приложение

Особая заметка коллежского советника Гирса, российского консула в Яссах, от 19 сентября 1896 г.

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Имею честь представить у сего на воззрение Вашего Сиятельства особую записку консула нашего в Яссах, коллежского советника Гирса, доставленную при донесении его в императорскую миссию от 19го сего сентября, № 43, в которой им изложены наблюдения над тем впечатлением, которое произвело в стране посещение Румынии императором Францем Иосифом.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моём почтении и таковой же преданности. Н. Фонтон.

Приложение:
Яссы, 19 сентября 1896 г.

Посещение Румынии при весьма торжественной обстановке императором Францем Иосифом, монархом соседней великой державы, событие несомненной важности для маленькой страны, усиленно добивающейся играть более заметную роль в европейской политике. Понятно поэтому волнение, охватившее все, без различия, политические сферы Румынии, забывшие на время внутренние раздоры и единодушно и восторженно приветствующие прибытие в столицу страны маститого монарха, издавна благоволившего к молодому королевству, упорно, со своей стороны, тяготевшему к Австро-Венгрии и усматривавшему в таком тяготении залог своего политического преуспеяния.

Официозная пресса не без напыщенности возвещает, что «очи всего мира направлены в эту минуту на то, что творится в столице Румынии, и что всё население страны, как один человек, в радостном восторге сознаёт честь, оказанную ему могущественным монархом, славою и украшением не только своего государства, но и века»[1].

Злейшие противники пребывающих в данное время у власти либералов, жунимисты, не отстают от последних в выражении восторга, но заслугу сближения Румынии с Австро-Венгрией приписывают, главным образом, себе, и печатный орган их, доселе отличавшийся сдержанностью, в статье, посвящённой оценке политического значения

посещения императора Франца Иосифа, впервые и категорически заявляет, что посещение это служит открытым и ясным признанием совершившегося отныне факта приступления Румынии к Тройственному союзу, и что достигнуто это совместными дружными усилиями всех выдающихся лиц в стране под просвещённым руководством короля Карла I[2].

Не менее, чем жунимисты, и консерваторы всяких оттенков (за исключением, быть может, весьма немногих отдельных лиц, коренных молдаван, вообще мало склонных к определённым и порывистым манифестациям в пользу того или другого направления внешней политики) восторженно приветствуют приезд австрийского императора, напирают на необходимость установления самых дружеских отношений не только к австрийскому, но и к венгерскому правительству, и лишь не могут скрыть досады на то, что празднуемое населением событие совершилось не в бытность их у власти.

О настроении мелких политических партий радикалов, демократов, социалистов и т. п. многого сказать не приходится, тем более что партии эти представляют покамест ничтожную величину и влияния на ход правительственных дел не имеют.

Что касается до крестьянства, составляющего громадное большинство всего населения страны, то оно относится совершенно безучастно к устроенному в столице празднеству; неподвижное, малоразвитое вообще и привыкшее одинаково повиноваться, во времена оные турецким ставленникам, а ныне властям новейшего пошиба, какую бы политическую кличку они ни носили, оно остаётся в стороне от охватившего правящие классы оживления. Чувство привязанности к династии ему чуждо, и если представление о последней ограничивается для него сведениями, что в стране поставлен на царство чужеземец, то и естественно равнодушие, с которым он относится к свиданию монархов и к вытекающей отсюда политической роли Румынии.

Но в скороспелом и имеющем столь мало собственной исторической подготовки государстве как Румыния, народные массы пока в счёт не идут, и важно лишь знать истинное настроение и замыслы правящих классов; несомненное чувство единодушного удовлетворения, с которым последние относятся к приезду императора Франца Иосифа, как к событию, имеющему дать решительное и желанное направление внешней политики Румынии, вынуждает нас с некоторым вниманием отнестись к вопросу о том, чего мы должны ожидать и, быть может, в недалёком будущем от небольшой страны, нами же призванной к самостоятельной жизни и в отношениях которой к России, в особенности со времени наибольших её, Румынии, успехов, т.е. с эпохи войны 1877-78 года, проглядывает, если не преобладает, чувство, которое вернее всего обозначить выражением «la haine de l'obligé».

Собственно говоря, в Румынии политических партий, резко отличающихся воззрениями на государственный строй и программой

действий, нет (характеристика деятельности тех или других, чередующихся у власти групп людей, связанных скорее общностью личных интересов, нежели единомыслием, изложена мною в подробной записке о современном положении Румынии, представленной на воззрение императорского министерства в феврале 1893 года); но имеются две крупнейших категории лиц интеллигентного класса, постоянно борющихся из-за власти – либералов и консерваторов. Последние слывут и у нас, и в Румынии, среди своих противников, за русофилов, пребывание которых у власти знаменует, если не формальное сближение с Россией, то, по крайней мере, некоторое удаление от намеченной либералами цели подчинить внешнюю политику Румынии исключительно требованиям, вытекающим из тесных взаимоотношений с Австро-Венгрией и прочими среднеевропейскими государствами.

Ближайшее наблюдение над условиями, при которых Министерство переходит в течение последних 20 лет из рук либералов к консерваторам и обратно, поможет нам выяснить, в какой мере разнится политика по отношению к России тех и других.

В течение 12 лет, с 1876 по 1888 год, управление страною было в руках либералов-коллективистов, сплочённых в сильную и дисциплинированную партию диктаторски распоряжавшимся в ней первым министром Ионом Брэтиану. Умышленно скрыв от громадного большинства своих соотечественников сущность личных переговоров своих в Ливадии с императором Александром II, переговоров, из которых явствовало, что восстановление бессарабской границы в том виде, в каком она существовала до Парижского трактата, становилось прямой задачей предстоявшей войны, Брэтиану тем самым дал повод румынам негодовать на Россию, обвинять её в обмане и т. п. Известно, что с момента окончания военных действий и до падения Брэтиану подготовленное им общественное мнение Румынии с особенною озлобленностью относилось к России.

В 1888 году доведённые до отчаянья преследованиями со стороны либерального правительства на всех поприщах общественной и частной жизни (а вовсе не из побуждений политического свойства, как некоторые думали) консерваторы произвели мятеж, и король Карл вынужден был им передать власть, несмотря на то, что Брэтиану располагал подавляющим большинством и в Сенате, и в палате депутатов. Устранённые от власти либералы громко обвинили русского посланника в Бухаресте, гофмейстера Хитрово, в участии в совершённом перевороте, а консерваторов в русофильстве и измене отечеству.

По обнародовании состава нового Министерства, в котором выдающуюся роль играли жунимисты, впервые выступившие официально признаваемою партией и группа валахских консерваторов (Лаховари, Ману, Кантакузин и др.), один из ярых поклонников и сотрудников Брэтиану, Дмитрий Стурдза, нынешний министр-президент, подписался

во главе манифеста, опубликованного павшей партией, переполненного самых враждебных возгласов по адресу России.

Со своей стороны, вновь составленное министерство, вышедшее из группы лиц, никогда симпатиями к России не отличавшихся, спешило стряхнуть с себя подозрения в русофильстве, для чего, в вопросах внешней политики воспользовалось болгарскими делами, ход которых принимал для нас в ту пору весьма неблагоприятный оборот. В один голос с венскою печатью румынские официозные органы выражали удивление и одобрение мужественному народцу, решившемуся отстаивать свою независимость наперекор разгневанной и вечно посягающей на свободу народов Балканского полуострова великой державы.

Как бы по указке из Вены консервативное министерство воздвигло гонение на спасавшихся в Румынии беглецов, искавших спасения от Стамболова, без колебания возвращая их на болгарскую границу; русскому посланнику с боем приходилось отстаивать невыдачу некоторых из них, жизнь которых была в прямой опасности[3].

Некоторым из скрывшихся в Румынии русских анархистов были даны полные права румынского гражданства[4], а поглощавшие десятки миллионов франков укрепления начали воздвигаться с лихорадочною поспешностью[5].

Такова была первоначальная деятельность нового консервативного министерства, несколько смягчившего свою открыто русофобскую политику лишь с падением министров Лаховари и Ману и появлением во главе его сначала генерала Флореску, а затем Ласкэра Катарджиу.

В октябре минувшего года, т.е. почти восемь лет спустя после падения либералов, в правительстве опять произошла резкая перемена; консерваторы должны были уступить место либералам, вожаку которых, Димитрию Стурдзе, король Карл поручил составить новое Министерство, имевшее вскоре после того распустить парламент и произвести новые выборы.

Многолетняя практика уже давно выяснила, что в Румынии успех выборов обеспечен за партией у власти, так как разностороннее давление администрации на избирателей нигде так не в обычае и не действительно, как здесь. В Сенате и в Палате Стурдза получил подавляющее большинство, и страна снова очутилась в руках либералов-коллективистов.

Обстоятельства, при которых произошла последняя перемена, заслуживают некоторого внимания, так как немало способствуют выяснению поставленного нами вопроса.

Прежде всего, следует отметить, что эта перемена произошла, если не неожиданно, то, во всяком случае, ранее, чем на то рассчитывали Стурдза и его сторонники. Либеральная оппозиция, правда, уже давно вела упорную борьбу против Ласкэра Катарджиу и его сотрудников, и, несомненно, уже года за три перед тем консерваторам пришлось бы уступить место либералам, если бы Катарджиу не призвал тогда на

помощь устранённых им сначала жунимистов, с Карпом во главе. Такое сближение консерваторов с жунимистами, всегда друг с другом враждовавшими[6], искренним никогда не было; тем не менее, в ту минуту оно устранило опасность прихода к власти либералов. Вскоре, впрочем, снова пошли раздоры; среди консерваторов появились диссиденты, которые, упрекая жунимистов в заносчивости, требовали от Катарджиу, чтобы он непременно с ними порвал и составил министерство чисто консервативное. Жунимисты, со своей стороны, представляли Катарджиу требования в вопросах о различных назначениях в администрации, на которые последний не считал возможным согласиться[7].

Короче, нелады в правительственном лагере достигли крайних пределов; министры, не сходившиеся уже ни на одном назначении, перессорились окончательно, когда возникло наделавшее необычный шум дело, по существу весьма незначительное, о злоупотреблениях администрации и городских управлений в Галаце и Брэиле. Министр юстиции, жунимист Маргиломан, с особенною тяжестью обрушился на префекта и на городского голову Галаца, ставленников Катарджиу; последний стал их выгораживать и отчасти в том успел. Карп, как глава жунимистов, не счёл возможным долее оставаться в министерстве и ушёл в отставку со своими единомышленниками, министрами юстиции и финансов; следует заметить, что разрыв с катаржистами он считал неизбежным и воспользовался галацким делом, усмотрев в нём благоприятный предлог к почётному, будто бы, но, во всяком случае, театральному уходу, имевшему поколебать в основании положение консервативного министерства. Оно действительно разрушилось; Катарджиу оказался вынужденным подать коллективную отставку кабинета, но предложил королю свои услуги для составления нового министерства из одних консерваторов и просил дать такому министерству распущение палат и производство новых выборов. Король Карл на это не согласился и поручил составление нового кабинета главарю либеральной оппозиции, давно и с нетерпением ожидавшей очереди стать распорядительницею судеб Румынии и её бюджета.

Либералы, по собственному их признанию, не ожидавшие столь быстрой и в особенности столь благоприятной для них развязки министерского кризиса, объяснили отказ короля тем обстоятельством, что он утомился иметь дело с кабинетом, члены которого постоянно враждовали друг с другом и обратился к либеральной партии, всегда единодушной, помимо других её заслуг.

Устранённые же от власти консерваторы утверждали, что, отклоняя новую попытку Катарджиу образовать консервативное Министерство, король Карл руководился соображениями внешней политики; в предвидении осложнений и постоянно угрожающей возможности европейской войны, ему желательно было иметь под рукою министерство, более склонное без всяких оговорок примкнуть к союзу Центральных

европейских держав и что, ввиду этого, он воспользовался случаем отделаться от Ласкэра Катарджиу, человека, настроенного отнюдь не воинственно, шедшего порою и в известных пределах наперекор слишком ясно манифестируемой австрофильской политике своего монарха.

Как бы то ни было, вследствие ли требований внешней политики, или же вследствие необходимости дать «покормиться» обедневшей многочисленной фаланге таких же румын, систематически, в течение восьми лет, устранённых от всяких правительственных и общественных должностей, но власть досталась поклоннику и сподвижнику Брэтиану, Димитрию Стурдзе, вдохновителю программы-манифеста, в котором отчуждение от России, злейшего врага Румынии, возводилось в одну из задач государственной жизни страны.

Очевидно, что вступив снова во власть, Стурдза, взявший портфель министерства иностранных дел, должен был принести русскому правительству некоторого рода повинную и, путём обычной фразеологии, уверить его, что он приложит все усилия к установлению самых дружеских отношений к могущественной соседней монархии, что нельзя ставить в строку всего того, что он проповедовал последние годы в бытность свою в оппозиции, не всегда разборчивой в выборе способов достижения власти, что такие способы дело обычное в странах конституционных и т.д.

В циркулярной ноте румынского министра иностранных дел представителям Румынии при иностранных дворах, Стурдза поспешил покаяться перед Австро-Венгрией в громоносных речах, произнесённых им в предшествовавшем году по вопросу о трансильванских румынах; кроме того, в декларации своей перед лицом собравшейся в Яссах либеральной партии, он заявил, что в его намерения отнюдь не входит вмешиваться во внутренние дела соседней державы, что в этом залог дружеских сношений с ней и т.п.

Неизвестно, как отнеслись в ту пору австро-венгерские правители к разъяснениям Стурдзы; относительно же русских правящих сфер, едва ли можно сомневаться в том, что они не придали словам нового министра-президента цены большей, нежели та, которую они заслуживают, и отнесли их к обычным фразам, подсказываемым чувством удовольствия, испытываемым от прихода к власти и соблюдением установленных рутиною дипломатических приёмов.

За время двенадцатилетнего существования министерства Брэтиану, в котором Стурдза был довольно долгое время министром иностранных дел, политика Румынии по отношению к нам была открыто враждебной; консерваторы, тогдашняя оппозиция, старались нас убеждать, что если они только добьются власти, то первым долгом озаботятся восстановить дружеские отношения к России и тогда за ними укрепилась, как отчасти у нас, так и в самой Румынии, легендарная репутация русофилов.

Но вот они и у власти; правда, они не одни, ими взяты на подмогу жунимисты, «соль земли румынской», менее всего приверженцы близкого общения с Россией, быстро добившиеся, при негласной, но сильной, как утверждали, поддержке короля Карла, преобладающего значения в парламенте. По их настоянию были ассигнованы значительные (в десятках миллионов) кредиты на скорейшее сооружение крепостей. Ласкэр Катарджиу, маститый вождь чистых (в отличие от других фракций партии) консерваторов, устраняется совсем из Министерства (1889), вошедшего в сделку с жунимистами группою вышеупомянутых валахских консерваторов, Лаховари, Ману и др., как открыто противящийся сооружению крепостей и подозреваемый в слишком усердном русофильстве. Но вскоре Катарджиу торжествует, благодаря отчасти содействию некоторых либералов-диссидентов, жунимисты отступают на самый задний план, и образовывается новое Министерство с Ласкэром Катарджиу во главе. Не проходит несколько недель, как новый министр-президент сам вносит в палату проект миллионных ассигнований на продолжение сооружения укреплений, а его министр иностранных дел, консерватор Лаховари, за время восьми лет руководительства внешней политикой страны, достигает тесного сближения Румынии с Центральными европейскими державами, в особенности с Австро-Венгрией.

Из приведённого беглого перечня событий, обусловливавших в течение последних двадцати лет присутствие у власти той или другой партии, легко вывести заключение, что направление внешней политики Румынии, не без ясности выразившееся во всей обстановке торжества приёма императора Франца Иосифа, выработано совместными усилиями всех интеллигентных сил страны, без различия партий.

Трудно долее верить тому, что в Румынии есть русофилы, и что лишь либералы наши завзятые противники. И те, и другие от нас открещиваются; но ради удобства и успеха сношений, быть может, предпочтительнее иметь дело с открытыми недоброжелателями, нежели с теми, кто, говоря языком востока, в международных сношениях постоянно прибегает к приёмам, смягченно называемым «византийскими».

Приезд в Румынию императора Франца Иосифа и значение, которое придают этому приезду сами румыны, венчают многолетние и совокупные усилия; но вместе с тем они полагают предел дальнейшему существованию двух легенд, пускаемых в ход самими румынскими деятелями: первой – о русофильстве консерваторов и второй – о личной, не справляющейся будто бы с настроением населения, внешней политике короля Карла. В этом отношении минувшие бухарестские торжества рассеяли многие сомнения не для одних только румын.

А. Гирс. Яссы, 19 сентября 1896 г.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 655, Листы 79-96.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Visita împărătească [Императорский визит] // Voinţa Naţională. Bucureşti, 1896. 13(25) sept. Nr. 3522. P. 1. „Через несколько дней, глаза всего мира будут направлены на нашу страну, на её столицу. Событие, к празднованию которого мы готовимся, действительно превышает даже чисто национальное значение, которое оно имеет для нас, и возвышается до масштабов события всеобщего, европейского значения". В том же номере газеты см.: Program pentru primirea Majestăţii Sale Imperiale şi Regale Francisc Iosef I Împărat al Austriei şi Rege Apostolic al Ungariei 1896.

[2] O vizită imperială [Императорский визит] // Constituţionalul. Bucureşti, 1896. 14(26) sept. Nr. 2099. P. 1. „Для нас этот визит не является лишь актом вежливости, проявленным государем великой империи по отношению к государю маленького королевства, он также является торжественным подтверждением доброго соседства между Австро-Венгрией и Румынией, как и праздничным признаннием положения, которого добилось в европейской семье Румынское Королевство, через долгие и упорные труды всех руководителей этой страны, под мудрым направлением короля Карла I; этот визит есть и еще кое-что, а именно подтверждение перед всем миром, что Румыния является четвертым государством внутри благодетельной Лиги мира, сформированной Тройственным союзом".

[3] См. док. № 20 от 22 июня 1889 г., № 27 от 29 мая 1891 г., № 33 от 5 июня 1892 г.

[4] См. док. № 1 от 18 мая 1888 г., № 4 от 11 июня 1888 г., № 6 от 22 августа 1888 г., № 14 от 17 марта 1889 г., № 19 от 22 июня 1889 г., № 27 от 29 мая 1891 г., № 60 от 21 ноября 1895 г.

[5] См. док. № 11 от 17 марта 1889 г., № 13 от 17 марта 1889 г., № 22 от 1 ноября 1889 г., № 26 от 12 января 1891 г., № 32 от 20 мая 1892 г.

[6] Пометка Гирса: *Карп не стеснялся прежде говорить, что вступление Катарджиу во власть означает «шаг назад», что он и его единомышленники будут считать патриотическим долгом приуготовить «погребение» (политическое) «по первому разряду», и т.п.*

[7] Пометка Гирса: *Известно, что все вообще назначения на высшие должности, как в столице, так и в провинции, в особенности на должности префекта, обсуждаются и решаются в Совете Министров.*

Bucureşti, 27 septembrie 1896, nr. 36. Fonton către contele Lamsdorff

Cu o anexă

Memoriu special al Consilierului de Colegiu, consulul rus din Iaşi, Giers, din 19 septembrie 1896.

Luminăţiei Sale, Contelui V.N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Am onoarea de a supune analizei Luminăţiei Voastre un memoriu special al consulului nostru din Iaşi, Consilierul de Colegiu Giers, alăturat raportului nr. 43 din 19 septembrie depus la misiunea imperială, în care sunt prezentate rezultatele observaţiilor privind impresia pe care a lăsat-o în ţară vizita în România a împăratului Franz Josef.

Vă rog să acceptaţi, stimate domn, asigurarea deosebitei mele consideraţii şi a aceluiaşi devotament, N. Fonton.

Anexă:

Iaşi, 19 septembrie 1896

Vizita în România într-o atmosferă solemnă a împăratului Franz Josef, monarhul marii puteri vecine, reprezintă, fără îndoială, un eveniment de o importanță deosebită pentru o țară mică, care încearcă insistent să joace un rol mai important în politica europeană. De aceea, este de înțeles agitația care a cuprins, fără deosebiri, mediile politice româneşti, care au uitat pentru o vreme de disputele interne, salutând unanim şi călduros sosirea în capitala țării a unui monarh distins, cunoscut deja pentru sentimentele sale față de tânărul regat, care se orientează, la rândul său, cu insistență, către Austro-Ungaria şi care vede în această orientare o garanție a succesului său politic.

Presa oficială, nu fără emfază, anunță că „ochii întregii lumi sunt orientați în această clipă spre ceea ce se întâmplă în capitala României", „că toată populația țării, ca o singură ființă, conştientizează, într-o explozie de bucurie, onoarea ce i-a fost acordată de către puternicul monarh, nu doar prin gloria şi mândria propriului stat, ci şi a întregului veac"[1].

Junimiştii, cei mai înverşunați adversari ai guvernării liberalilor, nu rămân în urma acestora din urmă în exprimarea entuziasmului, revendicându-şi însă meritul pentru apropierea României de Austro-Ungaria. Ziarul lor oficial, care s-a remarcat până în prezent prin moderație, într-un articol consacrat importanței politice a vizitei împăratului Franz Josef, declară, pentru prima dată şi în termeni categorici, că această vizită reprezintă o recunoaştere deschisă şi clară a certitudinii apartenenței de acum a României la Tripla Alianță, că acest lucru a fost obținut prin eforturile comune solidare a tuturor personalităților țării, sub luminata conducere a regelui Carol I[2].

La fel ca şi junimiştii, şi conservatorii de toate nuanțele (poate cu excepția câtorva persoane separate, de origine moldovenească, care sunt în genere puțin dispuse la manifestări clare şi înflăcărate în favoarea unei sau altei orientări în politica externă) salută cu entuziasm sosirea împăratului austriac şi accentuează necesitatea instalării celor mai amicale relații nu doar cu Guvernul austriac, ci şi cu Guvernul maghiar, regretând doar faptul că evenimentul sărbătorit de către populație nu a avut loc în timpul aflării lor la putere.

Cu privire la starea de spirit a partidelor mici – a radicalilor, democraților, socialiştilor şi a altor asemenea partide –, nu ar fi prea multe de spus, cu atât mai mult cu cât aceste partide reprezintă împreună o parte insignifiantă şi nu influențează mersul guvernării.

Țăranii, care reprezintă majoritatea covârşitoare a populației țării, au o atitudine cu totul indiferentă față de sărbătoarea organizată în capitală; inertă, foarte slab evoluată în general şi obişnuită să se supună oricui, în vremurile de demult creaturilor turceşti, iar astăzi autorităților de soi nou, indiferent de porecla politică pe care o poartă, ea rămâne în afara agitației care cuprinde clasele conducătoare. Sentimentul de apartenență la dinastie îi este străin, iar dacă reprezentarea despre aceasta se rezumă la faptul că pe tronul țării a fost pus

un străin, atunci este explicabilă indiferența cu care este privită întâlnirea monarhilor şi, în consecință, atitudinea pe măsură față de rolul politic al României.

Însă, în state precum România, apărute prematur şi fără un fundament istoric propriu, nu contează masa poporului, fiind important a cunoaşte doar starea de spirit şi intențiile claselor conducătoare; sentimentul mulțumirii generale, cu care cele din urmă reacționează la sosirea împăratului Franz Josef, ca un eveniment care poate influența puternic direcția dorită a politicii externe a României, ne obligă să ne gândim cu oarecare grijă la ceea ce ar trebui să ne aşteptăm în viitorul apropiat de la o țară mică, îndrumată chiar de noi către o existență independentă şi în atitudinea căreia față de Rusia, în special din timpul celor mai importante succese ale sale, adică din epoca războiului din 1877-78, se desprinde, dacă nu domină chiar, un sentiment care ar putea fi definit mai corect prin expresia „la haine de l'obligé".

De fapt, în România partidele politice nu se deosebesc radical prin viziunile asupra ordinii de stat şi asupra programului de acțiuni (caracterul comun al activității unora şi altora dintre grupurile de persoane, care se succed alternativ la putere, îl reprezintă mai degrabă comunitatea intereselor personale decât unitatea de idei, caracteristică analizată de mine într-un memoriu detaliat privind starea actuală a României, prezentat spre analiză Guvernului imperial în februarie 1893); însă există două categorii de persoane ale clasei inteligheției, care luptă permanent pentru putere – liberalii şi conservatorii. Ultimii sunt considerați de către adversarii lor, la noi şi în România, drept rusofili, a căror aflare la putere marchează dacă nu apropierea formală de Rusia, atunci măcar o oarecare îndepărtare de ținta stabilită de către liberali – de a supune politica externă a României exclusiv cererilor care se desprind din relațiile strânse cu Austro-Ungaria şi alte state din centrul Europei.

Analizarea din aproape a modului în care guvernul trece în ultimii 20 de ani din mâinile liberalilor în cele ale conservatorilor şi invers ne va permite să înțelegem în ce măsură se deosebeşte politica față de Rusia a unora şi altora.

Timp de 12 ani, din 1876 şi până în 1888, administrarea țării s-a aflat în mâinile liberalilor-colectiviști, sudați într-un partid puternic şi disciplinat de către prim-ministrul Ion Brătianu, care l-a avut la dispoziție prin măsuri dictatoriale. Ascunzând intenționat de marea majoritate a concetățenilor săi esența discuțiilor personale de la Livadia cu împăratul Alexandru II, discuții din care rezulta că restabilirea graniței în Basarabia, în felul în care a existat până la tratatul de la Paris, devenea scopul principal al viitorului război, Brătianu a oferit, prin aceasta, românilor pretextul să fie supărați pe Rusia şi să o acuze de înşelăciune etc. Este cunoscut că, de la încheierea operațiunilor militare şi până la căderea lui Brătianu, opinia publică din România, pregătită de el, a avut o atitudine deosebit de răuvoitoare față de Rusia.

În anul 1888, aduşi la disperare de persecuțiile din partea Guvernului liberal pe toate palierele vieții sociale şi private (şi nu ca urmare a impulsurilor

de ordin politic, aşa cum credeau unii), conservatorii au organizat o rebeliune în urma căreia regele Carol a fost obligat să le transfere puterea, chiar dacă Brătianu beneficia de o majoritate covârşitoare atât în Senat, cât şi în Camera Deputaților. Îndepărtați de la putere, liberalii l-au acuzat deschis pe trimisul rus la București, hofmeister-ul Hitrovo, de participarea la lovitură, iar pe conservatori de rusofilism şi trădare de patrie.

La anunțarea componenței noului guvern – în care rolul principal era jucat de junimişti, în calitate de partid recunoscut oficial pentru prima dată, şi de un grup de conservatori valahi (Lahovari, Manu, Cantacuzino şi alții) – unul dintre adepții şi colaboratorii înfocați ai lui Brătianu, Dimitrie Sturdza, actualul preşedinte al Consiliului de Miniştri, s-a numărat printre semnatarii de frunte ai manifestului făcut public de către partidul demisionar, document plin de cele mai belicoase exclamații la adresa Rusiei.

La rândul său, noul guvern, format dintr-un grup de persoane care nu s-au remarcat niciodată prin simpatii față de Rusia, s-a grăbit să se elibereze de orice suspiciuni de rusofilism, motiv pentru care, s-a folosit în chestiuni de politică externă de afacerile bulgare, care luaseră la vremea respectivă o turnură defavorabilă nouă. Urmând din aproape presa vieneză, ziarele oficiale româneşti se declarau uimite şi încântate de micul popor eroic care a decis să-şi apere independența în ciuda furiei marii puteri care atentează mereu la libertatea popoarelor din Peninsula Balcanică.

De parcă ar acționa la ordinele venite de la Viena, Guvernul conservator a inițiat o prigoană a refugiaților care îşi căutau salvarea de Stambolov în România, escortându-i până la granița bulgară; trimisul rus era obligat să intervină din mers pentru a preveni predarea unora dintre aceştia, a căror viață era în pericol iminent[3].

Unora dintre anarhiştii ruşi care se ascundeau în România le-au fost acordate toate drepturile cetățeniei române[4], fiind inițiată şi ridicarea într-o grabă febrilă a unor fortificații care consumau zeci de milioane de franci[5].

Aceasta a fost la început activitatea noului guvern conservator, care a mai atenuat din politica sa deschis rusofobă doar după căderea Guvernului Lahovari şi Manu şi preluarea acestuia mai întâi de către generalul Florescu, iar mai apoi de către Lascăr Catargiu.

În luna octombrie a anului trecut, adică la aproape opt ani de la căderea liberalilor, guvernul a suferit din nou schimbări radicale; conservatorii au fost obligați să cedeze puterea liberalilor, căpeteniei cărora, Dimitrie Sturdza, regele Carol i-a încredințat formarea unui nou guvern, după care a fost dizolvat parlamentul şi organizate noi alegeri.

Experiența de foarte mulți ani a demonstrat că în România partidului aflat la putere îi este asigurată victoria în alegeri, deoarece presiunea administrației asupra alegătorilor nu este nicăieri atât de obişnuită şi de eficace ca aici. În Senat şi în Camera Deputaților, Sturdza a obținut o majoritate covârşitoare, iar țara a căzut din nou în mâinile liberalilor-colectivişti.

Circumstanțele în care a avut loc ultima schimbare merită o anumită atenție, deoarece ne pot ajuta la clarificarea chestiunii pe care am ridicat-o.

Trebuie menționat, întâi de toate, faptul că această schimbare a avut loc dacă nu pe neașteptate, atunci cel puțin mai devreme decât mizau Sturdza şi adepții săi. Este adevărat că opoziția liberală lupta mai demult cu înverşunare împotriva lui Lascăr Catargiu şi a colaboratorilor săi şi, fără îndoială, conservatorii ar fi fost obligați să cedeze liberalilor locul acum vreo trei ani, dacă L. Catargiu nu ar fi apelat la ajutorul junimiştilor, în frunte cu Carp, îndepărtați inițial de la putere. Această apropiere dintre conservatori şi junimişti, care s-au dușmănit reciproc mereu[6], nu a fost niciodată sinceră; totuşi, atunci, această colaborare a prevenit revenirea la putere a liberalilor. De fapt, la foarte scurt timp, au renăscut disensiunile; printre conservatori au apărut dizidenți, care, acuzându-i pe junimişti de aroganță, îi cereau lui Catargiu să rupă neapărat legăturile cu aceştia şi să formeze un guvern doar din conservatori. De partea cealaltă, junimiştii îi solicitau să accepte diverse numiri în posturi de administrație, cu care Catargiu nu putea fi de acord[7].

Într-un sfârşit, neînțelegerile din tabăra guvernamentală au atins limitele admisibile; miniştrii, care nu puteau cădea de acord nici pentru o numire, s-au certat definitiv când s-a declanşat disputa neobişnuit de vocală, în esență însă nesemnificativă, legată de abuzurile administrațiilor orăşeneşti din Galați şi Brăila. S-a remarcat mai ales ministrul Justiției, junimistul Marghiloman, prin virulența atacurilor la adresa prefectului şi primarului oraşului Galați, sprijiniți de Catargiu; ultimul a încercat să-i protejeze, reuşind parțial în aceasta. Carp, în calitate de conducător al junimiştilor, a considerat că nu mai poate rămâne în continuare în guvern şi şi-a dat demisia împreună cu adepții săi, miniştrii Justiției şi Finanțelor; este de menționat faptul că ruptura de catargişti era considerată de către acesta inevitabilă şi că s-a folosit de situația de la Galați ca pretext favorabil pentru o plecare dacă nu onorabilă, atunci cel puțin teatrală, care a zdruncinat definitiv poziția Guvernului conservator. Guvernul s-a şi destrămat; Catargiu a fost obligat să depună demisia colectivă a guvernului, dar i-a oferit regelui serviciile pentru formarea unui nou guvern doar din conservatori, rugându-l să ofere noului guvern dreptul de a dizolva Parlamentul şi de a organiza noi alegeri. Regele Carol nu a fost de acord cu acest lucru şi a însărcinat opoziția liberală cu formarea unui nou guvern, care aştepta demult şi cu nerăbdare să-i vină rândul în a decide asupra sorții României şi bugetului său.

La rândul lor, liberalii, care, după propriile mărturii, nu se aşteptau la un deznodământ atât de rapid şi, în special, favorabil lor, au explicat refuzul regelui prin faptul că acesta a obosit să aibă de-a face cu un guvern ai cărui membri se războiau neîntrerupt între ei şi s-a adresat partidului liberal, care are capacitatea, alături de alte merite, de a fi unit.

Conservatorii, îndepărtați de la putere, afirmau că, respingând noua tentativă a lui Catargiu de a forma un guvern conservator, regele Carol a avut în vedere considerente de politică externă; în aşteptarea unor noi complicații şi în condițiile pericolului permanent al izbucnirii unui război european, el prefera să

aibă la dispoziție un guvern mult mai receptiv la ideea de a adera necondiționat la alianța puterilor europene centrale și că, din acest considerent, el s-a folosit de ocazie pentru a scăpa de Lascăr Catargiu, o persoană cu un temperament deloc belicos, care a mers uneori, și în limite anumite, împotriva manifestărilor politice excesiv de austrofile ale monarhului său.

Oricum, fie ca urmare a unor interese de politică externă, fie din dorință de „a da de mâncare" unei falange numeroase sărăcite formată tot din români, ținuți sistematic timp de opt ani departe de orice funcții guvernamentale și publice, puterea a ajuns în mâinile admiratorului și tovarășului de luptă al lui Brătianu, Dimitrie Sturdza, inspiratorul programului-manifest, în care îndepărtarea de Rusia, dușmanul înverșunat al României, era ridicată la rangul de obiectiv de stat în viața țării.

Evident, după preluarea puterii, Sturdza, care a revendicat pentru sine și portofoliul Afacerilor Străine, a fost obligat să aducă Guvernului rus un fel de tribut și, apelând la o simplă frazeologie, l-a asigurat că va depune toate eforturile pentru instaurarea celor mai amicale relații în raport cu puternica monarhie vecină, că nu trebuie luat în considerare chiar tot ce a afirmat el în ultimii ani, cât s-a aflat în opoziție, nu întotdeauna foarte scrupuloasă în selectarea metodelor de luptă pentru accederea la putere, că astfel de metode sunt chestiuni obișnuite în țările cu regim constituțional etc.

În nota circulară a ministrului Afacerilor Străine, trimisă reprezentanților României pe lângă statele străine, Sturdza s-a grăbit să prezinte regretele față de Austro-Ungaria pentru discursurile virulente ținute anul trecut în chestiunea românilor transilvăneni; în afară de aceasta, în discursul său ținut la Iași în fața partidului liberal, el a declarat că printre intențiile sale nu se numără și amestecul în treburile interne ale puterii vecine, că acest lucru reprezintă garanția unor relații de prietenie cu aceasta etc.

Nu se știe cum au reacționat atunci conducătorii austro-ungari la explicațiile lui Sturdza; cât privește cercurile conducătoare rusești, nu există nici o îndoială că ele nu au pus pe cuvintele noului președinte al Consiliului de Miniștri un preț mai mare decât cel pe care acestea îl merită, tratându-le ca pe niște fraze dictate de sentimentul de bucurie, provocat de venirea la putere și nevoia de a respecta procedeele stabilite de practicile diplomatice obișnuite.

În timpul celor doisprezece ani ai Guvernului Brătianu, în care Surdza a ocupat mult timp funcția de ministru al Afacerilor Externe, politica României față de noi a fost deschis ostilă; conservatorii, opoziția de atunci, încercau să ne convingă că, imediat după ce vor reuși să ajungă la putere, prima obligație va fi restabilirea relațiilor amicale cu Rusia, iar de atunci, atât, în parte, la noi, cât și în România, li s-a întărit reputația legendară de rusofili.

Dar iată că aceștia au ajuns la putere; este adevărat, nu sunt singuri, le-au fost oferiți spre ajutor junimiștii, „sarea țării românești", mai puțin dispuși unei comunicări mai strânse cu Rusia, care au reușit rapid să controleze Parlamentul, cu ajutorul nedeclarat, dar, cum se spunea, puternic al regelui Carol. La

insistența acestora au fost alocate credite importante (în valoare de zeci de milioane), pentru ridicarea rapidă de fortificații. Lascăr Catargiu, conducătorul venerabil al conservatorilor puri (spre deosebire de alte facțiuni ale partidului) este îndepărtat cu totul din guvern (1889), din cauza opoziției față de programul de ridicare de fortificații, de către grupul conservatorilor valahi, Lahovari, Manu şi alții, care au încheiat un pact cu junimiştii, fiind acuzat chiar şi de rusofilism excesiv de zelos. Însă, foarte curând, Lascăr Catargiu va triumfa, grație, în parte, dizidenței unor liberali; junimiştii se retrag în plan secund şi este format un nou guvern în frunte cu Lascăr Catargiu. Nu trec decât câteva luni şi noul preşedinte al Consiliului de Miniştri introduce personal în parlament un proiect de alocare bugetară, în valoare de milioane, pentru continuarea construirii de fortificații, iar ministrul Afacerilor Străine, conservatorul Lahovari, în timpul celor opt ani de conducere a politicii externe a țării, reuşeşte să apropie puternic România de puterile europene centrale, în special de Austro-Ungaria.

Din descrierea sumară a evenimentelor, care au însoțit aflarea la putere în ultimii douăzeci de ani a unui sau altui partid, se poate trage uşor concluzia că direcția politicii externe a României, reflectată, nu fără claritate, în toată atmosfera festivității de primire a împăratului Franz Josef, a fost elaborată cu efortul comun al tuturor forțelor intelectuale ale țării, fără deosebire de partid.

Se poate crede cu greu că în România există rusofili şi că doar liberalii sunt adversarii noştri inveterați. Şi unii, şi alții se delimitează demonstrativ de noi; totuşi, pentru comoditate şi reuşita relațiilor ar fi poate de preferat a colabora cu răuvoitori pe față, decât cu aceia care, vorbind pe limba Orientului, apelează constant în relațiile internaționale la astfel de procedee, care pot fi numite cu blândețe „bizantine".

Sosirea în România a împăratului Franz Josef şi importanța pe care o acordă acestei vizite înşişi românii, încununează eforturi conjugate întinse pe durata mai multor ani; totodată, aceasta marchează limita pentru existența în continuare a legendelor, puse în circulație chiar de politicienii români: prima legendă – privind rusofilismul conservatorilor, iar cea de-a doua – privind politica externă personală a regelui Carol, care ar fi în contradicție cu starea de spirit a populației.

Din acest punct de vedere, festivitățile consumate la Bucureşti au risipit mai multe îndoieli, şi nu doar pentru români.

A. Giers. Iaşi, 19 septembrie 1896.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 79-96.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Articolul *Visita împărătească* în „Voința Națională”, 13/25 septembrie 1896, Bucureşti, an XIII, nr. 3522, p.1: „Ochii lumii întregi se vor îndrepta peste câteva zile spre țara noastră, spre capitala ei. Evenimentul, pentru a cărui sărbătorire ne pregătim, se ridică, în adevăr, chiar şi peste însemnătatea pur națională ce o are pentru noi, până la proporțiile unui eveniment de o importanță generală, europeană” A se vedea în același număr: *Program pentru primirea Majestății Sale Imperiale şi Regale Francisc Iosef I Împărat al Austriei şi Rege Apostolic al Ungariei 1896*.

[2] Articolul *O vizită imperială* în „Constituționalul”, 14/26 septembrie 1896, Bucureşti, anul VIII, nr. 2099, p. 1: „Pentru noi această vizită nu este numai un act de curtenire al suveranului unui mare imperiu către Suveranul unui mic regat, ea mai este şi confirmarea solemnă a bunei vecinătăți dintre Austro-Ungaria şi România, cum şi sărbătoreasca recunoaştere a poziținii dobândite în familia europeană de regatul român, printr-o îndelungată şi stăruitoare muncă a tuturor fruntaşilor acestei țări, sub înțeleapta călăuzire a regelui Carol I; ea mai este încă ceva: confirmarea dinaintea tuturor că România este al patrulea stat în binefăcătoarea Ligă a păcii constituită de Tripla Alianță”.

[3] A se vedea doc. nr. 20 din 22 iunie 1889, doc. nr. 27 din 29 mai 1891, nr. 33 din 5 iunie 1892.

[4] A se vedea doc. nr. 1 din 18 mai 1888, doc. nr 4 din 11 iunie 1888, nr. 6 din 22 august 1888, nr. 14 din 17 martie 1889, doc. nr. 19 din 22 iunie 1889, doc. nr. 27 din 29 mai 1891, doc. nr. 60 din 21 noiembrie 1895.

[5] A se vedea doc. nr. 11 din 17 martie 1889, nr. 13 din 17 martie 1889, doc. nr. 22 din 1 noiembrie 1889, nr. 26 din 12 ianuarie 1891, nr. 32 din 20 mai 1892.

[6] Nota lui Giers: *Carp nu s-a sfiit niciodată să spună că preluarea puterii de către Catargiu reprezintă „un pas înapoi”, că el şi adepții săi vor considera că este de datoria lor patriotică să le pregătească „funeraliile” (politice) „de primă mănă”*.

[7] Nota lui Giers: *Este cunoscut faptul că toate numirile în posturi importante, atât în capitală cât şi în provincie, în special numirile prefecților, sunt discutate şi decise de către Consiliul de Miniştri*.

69

Bucarest, le 6 Octobre, 1896. Fonton à Chichkine

Particulière

A Son Excellence monsieur N. P. Chichkine

Très-Chère Excellence,

L’arrivée au château de Pelesch de Son Altesse Impériale Monseigneur Le Grand-Duc Boris Vladimirovitch[1] m’a fourni, à plus d’une reprise, l’occasion de causer avec le Roi Charles. Sa Majesté m’a dit en premier lieu que grande était Sa satisfaction de recevoir Son Altesse Impériale et qu’elle se flattait de l’espoir que cette visite serait suivie de celle d’autres augustes membres de la famille impériale avec les quels le prince et la princesse royale ont été à même, durant leur séjour à Moscou[2], de parler de la situation

pittoresque du château de Pelesch. Le Roi passa ensuite à la visite de l'empereur François-Joseph, en disant que cette visite l'avait infiniment réjoui; elle a été le témoignage de l'amitié, a-t-il relevé, de Sa Majesté à mon égard.

«J'appelle de tous mes vœux, a-t-il continué, le jour où Sa Majesté l'empereur Nicolas voudra bien m'honorer de sa présence au château de Pelesch». Ce vœu particulièrement souligné, serait-il une tournure oratoire pour masquer le véritable caractère de la visite des monarques austro-hongrois, ou bien doit-on y voir une confirmation de ce qui m'a été dit tout récemment par le confident attitré du Roi, qu'il n'attendait qu'une occasion propice pour se rendre à St. Pétersbourg. En continuant, le Roi s'est étendu sur les bontés dont Leurs Majestés Impériales ont daigné combler le prince et la princesse Royales, lors de leurs séjour à Moscou, en insistant combien lui sont chers les liens de parenté qui existent aujourd'hui avec la famille impériale. Cette assurance, visiblement marquée, me remet en mémoire un propos du général Mano, jadis président du Conseil qui – lors du mariage du prince royal avec la princesse Marie – me disait: «puisse la proche parenté de la princesse avec la cour impériale nous attirer la bienveillance de votre auguste maître».

Dans un entretien subséquent touchant les questions du jour, le Roi me dit qu'il a été infiniment heureux d'avoir constaté, durant le séjour de l'empereur François-Joseph, ses dispositions éminemment pacifiques et que ces mêmes dispositions étaient partagées par toutes les grandes puissances. Le Roi me fit observer alors, qu'autant il avait désiré, en 1877, la guerre pour s'affranchir du vasselage à la Turquie, «situation intolérable», releva-t-Il, «pour un Hohenzollern – autant aujourd'hui, il n'avait qu'un vœu, – celui du maintien de la paix». Cette exclamation signifierait-elle, qu'en cas d'une guerre, on se croirait ici obligé d'y participer?

En ce qui est des aspirations que l'on prête à la Roumanie quant à la Macédoine, Sa Majesté m'a affirmé qu'il n'en est rien et que le seul desiderata, que l'on avait ici, était celui, que les roumains de la Macédoine ne soient pas absorbés par les grecs et les bulgares et qu'ils conservent leur langue et leur nationalité. Ensuite, répondant à une insinuation de ma part touchant les rapports avec la Bulgarie, le Roi m'a dit qu'on ne lui demandait ici rien d'autre, si ce n'est de laisser les roumains tranquilles possesseurs de la Dobroudja. Ces paroles sont un écho de la suspicion enracinée ici, comme quoi on chercherait à semer de Sofia des idées de pan-bulgarisme parmi la population de la Dobroudja.

Dans le but de ramener la conversation sur la venue de l'empereur François-Joseph en Roumanie, je mis sur le tapis le langage, à cet égard, de certains journaux, tant roumains qu'étrangers. Le Roi s'écria que tout ce qu'en a dit la presse n'est que fantaisiste ou tendancieux et que la visite Impériale n'avait été amenée par aucun des mobiles que l'on se plaisait à lui attribuer dans les journaux. Je citai alors le compte-rendu publié par le «Pester Llyod», d'un entretien de son correspondant avec monsieur Sturdza et j'ajoutai que je ne manquerai pas d'interpeller le [premier] Ministre à ce sujet. Le Roi me fit observer, que par sa propre expérience Il connaissait les inconvénients de

semblables entretiens et que le journaliste hongrois aura fait passer ses appréciations pour celles de son interlocuteur. Cette observation du Roi tendait, sans doute, à plaider par avance la cause de son premier ministre.

Quant à celui-ci, rendu attentif par moi à certains passages de son entretien, reproduit en français dans la coupure ci-jointe d'une feuille bucarestoise, il s'est récrié contre l'infidélité du compte-rendu et tout particulièrement en ce qui est des paroles concernant la Russie. Monsieur Sturdza m'a dit que je pouvais être certain que jamais il n'aurait pu avancer des choses semblables. Quant à la phrase concernant les sentiments des roumains envers la Russie, le [premier] ministre a cherché à m'assurer, dans le langage cauteleux qui lui est propre, qu'elle avait été entièrement dénaturée par le journaliste et qu'elle visait les conservateurs, qui, par manque de confiance à l'égard de la Russie, craignirent de s'associer à elle en 1877, tandis que les libéraux n'ont point hésité de le faire.

Quoi qu'il en soit des assurances du Roi et de celles de son premier ministre, la croyance s'affirme ici que la venue de l'empereur François-Joseph en Roumanie a été autre chose qu'une visite de courtoisie. Conservateurs et junimistes y voient l'évidence, qu'il y a plus qu'un rapprochement. Les uns croient à la conclusion d'une convention séparée avec Vienne, d'autres à une adhésion formelle à la Triple Alliance, l'empereur François-Joseph étant arrivé ici comme mandataire de ses deux alliés. La mise en scène militaire, le long du trajet de l'auguste voyageur, la grande revue, la visite d'un des nombreux forts, tout cela avait, en quelque sorte, le caractère d'une inspection générale d'une part et de l'autre témoignait de l'empressement calculé de faire montre des forces dont on dispose. L'Autriche a déjà proclamé la Roumanie comme un facteur politique important, il s'agissait de s'assurer de ce qui en est de ses ressources militaires. C'est un appoint de 180 mille hommes, qui ne serait pas négligeable, le cas échéant.

Il est certain que la visite Impériale marquera une phase nouvelle dans les relations entre Vienne et Bucarest. C'est une contrepartie décidée, sans doute, de notre réconciliation avec la Bulgarie et il reste à savoir si Vienne a réussi à accaparer irrévocablement la Roumanie. Il est ici des hommes politiques de valeur qui pensent que „l'on a trop fait" lors de la réception de l'hôte impérial et „plus qu'il n'en faut" sur le terrain politique; enfin d'autres estiment qu'une alliance avec Vienne ne peut être, en fin de compte, qu'une duperie pour la Roumanie, car, au jour venu, elle ne pourrait rien obtenir de l'Autriche-Hongrie ni voir réaliser aucune des aspirations. Il est à noter que cette dernière opinion émane d'un ancien ministre, appartenant au groupe junimiste, groupe qui est cependant connu pour ses sympathies pour l'Autriche. Il sera dès lors instructif d'observer si un courant contraire à une inféodation de la Roumanie à l'Autriche gagnera du terrain et pourra produire, en temps opportun, un salutaire revirement.

J'ai l'honneur d'être, avec un profond respect, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur, N. de Fonton.

APEER, F. 151 Политархив, inv. 482, doss. 655, fol. 97-100.
Copie: ANHC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Великий князь Борис Владимирович (1877–1943) был сыном российского великого князя Владимира Александровича, внуком императора Александра II и двоюродным братом Николая II. В письме своему брату Леопольду, Карл I высказал свое легкое раздражение слишком долгим присутствием российского гостя: „Чересчур долгий визит молодого Бориса, в общем мальчика милого и хорошо воспитанного, дал повод ко многим пересудам, так как кузен и кузина стали не разлей вода, в особенности во время его двух визитов в Котрочень, где танцы часто продолжались до утра, и даже во дворе, вокруг церкви". См.: *Scrisorile regelui Carol I,* p. 362.

[2] Принц Фердинанд и принцесса Мария присутствовали в мае 1896 г. на церемонии коронации императора Николая II. Они были приятно удивлены оказанным им приёмом. Более подробный анализ состава миссии и российских впечатлений румынской наследной четы см.: *Чеобану А.-Б.* Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. М., 2013. № 5. С. 61–68.

Bucureşti, 6 octombrie 1896. Fonton către Şişkin

Scrisoare particulară

Excelenţei Sale, N.P. Şişkin

Excelenţă,

Sosirea la castelul Peleş a Alteţei Sale Imperiale monseniorul mare-duce Boris Vladimirovici[1] mi-a oferit ocazia de a discuta, în mai multe rânduri, cu regele Carol. Majestatea Sa mi-a spus înainte de toate cât de mare îi era satisfacţia de a o primi pe Alteţa Sa Imperială şi că spera că această vizită va fi urmată de cea a altor membri augusţi ai familiei imperiale cu care prinţul şi prinţesa Casei Regale au putut, în timpul şederii lor la Moscova, să vorbească despre aşezarea pitorească a castelului Peleş. Regele se referi apoi la vizita împăratului Franz Josef, spunând că această vizită îl bucurase nespus; ea era, a subliniat el, dovada prieteniei Majestăţii Sale faţă de mine.

„Sper din tot sufletul, a continuat el, să vină ziua în care Majestatea Sa împăratul Nicolae va binevoi să mă onoreze cu prezenţa sa la castelul Peleş". Această dorinţă, evidenţiată în mod atât de deosebit, poate fi doar o turnură oratorică care să mascheze adevăratul caracter al vizitei monarhilor austro-ungari, sau într-adevăr trebuie să vedem în ea o confirmare a ceea ce mi-a spus recent confidentul recunoscut al regelui, şi anume că el nu aşteaptă decât o ocazie propice pentru a merge la Sankt-Petersburg. În continuare, regele s-a oprit îndelung asupra amabilităţilor cu care Majestăţile Lor Imperiale au binevoit să-i copleşească pe prinţul şi pe prinţesa Casei Regale, în timpul şederii lor la Moscova[2], arătând cu insistenţă cât de dragi îi sunt legăturile de rudenie actuale cu familia imperială. Această asigurare, atât de clar exprimată, îmi

readuce în memorie cuvintele generalului Manu, pe vremuri Preşedintele Consiliului, care, cu ocazia căsătoriei prinţului regal cu prinţesa Maria, îmi spunea: „să sperăm că apropiata înrudire a prinţesei cu curtea imperială ne va aduce bunăvoinţa augustului dumneavoastră stăpân".

Într-o întrevedere ulterioară, referitoare la problemele cotidiene, regele îmi spuse că a fost foarte fericit să constate, în timpul şederii împăratului Franz Josef, că înclinaţiile sale sunt profund paşnice şi că aceste intenţii erau împărtăşite de către toate marile puteri. Apoi regele mi-a mărturisit că, pe cât de mult dorise războiul în 1877, pentru a se elibera de vasalitatea faţă de Turcia, „situaţie intolerabilă", spuse el, „pentru un Hohenzollern", pe atât de mult astăzi nu mai dorea decât un singur lucru: „menţinerea păcii". Această exclamaţie ar putea oare însemna că, în caz de război, cei de aici se vor crede obligaţi să se implice?

În ceea ce priveşte pretenţiile faţă de Macedonia care îi sunt atribuite României, Majestatea Sa mi-a afirmat că nici vorbă de asta şi că singurul deziderat al lor este acela ca românii din Macedonia să nu fie asimilaţi de greci şi bulgari şi să-şi păstreze limba şi naţionalitatea. Pe urmă, răspunzând unei aluzii din partea mea, privitoare la relaţiile cu Bulgaria, regele mi-a spus că acesteia nu i se cere nimic altceva decât să-i lase pe români să stăpânească liniştiţi în Dobrogea. Aceste cuvinte sunt un ecou al suspiciunii înrădăcinate aici, cum că de la Sofia s-ar încerca să se semene ideile pan-bulgarismului în rândul populaţiei din Dobrogea.

În scopul de a readuce conversaţia la venirea împăratului Franz Josef în România, am adus în discuţie ceea ce scriu, pe acest subiect, anumite ziare, atât româneşti, cât şi străine. Regele exclamă că tot ceea ce spune presa pe tema asta este fie fantezist, fie tendenţios şi că vizita imperială nu fusese determinată de nici unul din motivele care i se atribuiau de către ziare. Am citat atunci rezumatul, publicat de „Pester Llyod", al unei întrevederi a corespondentului său cu domnul Sturdza şi am adăugat că nu voi ezita să-l interpelez pe domnul [prim-]ministru pe acest subiect. Regele mi-a atras atenţia că, din propria sa experienţă, cunoştea inconvenientele unor asemenea interviuri şi că ziaristul ungur va fi trecut, probabil, aprecierile sale drept cele ale interlocutorului său. Această observaţie a regelui pleda, fără îndoială, dinainte, în favoarea prim-ministrului său.

Cât despre acesta, după ce i-am atras atenţia asupra unor pasaje din interviul respectiv, reprodus în franceză alăturat, extras dintr-un ziar bucureştean, el a protestat împotriva inexactităţilor din rezumat şi mai ales în ceea ce priveşte cuvintele referitoare la Rusia. Domnul Sturdza mi-a spus că puteam fi sigur că el nu ar fi pronunţat niciodată asemenea lucruri. Cât despre fraza privitoare la sentimentele românilor faţă de Rusia, [prim-] ministrul a încercat să mă asigure, în limbajul prevenitor care îi este propriu, că sensul ei fusese complet denaturat de către ziarist şi că ea se referea la conservatori, care, neavând încredere în Rusia, s-au temut să se asocieze cu ea în 1877, în timp ce liberalii nu au ezitat deloc să o facă.

Oricare ar fi asigurările date de Rege şi de prim-ministrul său, aici persistă credinţa că venirea împăratului Franz Josef în România a fost cu totul

altceva decât o vizită de curtoazie. Conservatorii şi junimiştii văd în ea ceea ce este evident, şi anume că e mai mult decât o apropiere. Unii cred că este vorba de încheierea unei Convenţii Separate cu Viena, alţii că ar fi o aderare formală la Tripla Alianţă, împăratul Franz Josef sosind aici ca mandatar al celorlalţi doi aliaţi ai săi. Punerea în scenă militară, de-a lungul traseului parcurs de augustul călător, marea paradă militară, vizitarea unuia din numeroasele forturi, toate acestea aveau, în oarecare măsură, caracterul unei inspecţii generale, şi de o parte şi de cealaltă, dovedind zelul calculat de a arăta forţele de care dispun. Austria a proclamat deja România ca un factor politic important, mai trebuia să se asigure şi de resursele sale militare. E vorba de un sprijin de 180 de mii de oameni, care nu ar fi deloc de neglijat la nevoie.

Vizita imperială va marca desigur o fază nouă în relaţiile dintre Viena şi Bucureşti. Este, fără îndoială, un răspuns la reconcilierea noastră cu Bulgaria şi se va vedea de acum încolo dacă Viena a reuşit să acapareze definitiv România. Există aici oameni politici de valoare care cred că „s-a făcut prea mult" în timpul primirii oaspetelui imperial şi „mai mult decât trebuie" pe plan politic; în sfârşit, alţii consideră că o alianţă cu Viena nu poate reprezenta, până la urmă, decât o înşelătorie pentru România, căci, atunci când va veni ziua, ea nu va putea obţine nimic de la Austro-Ungaria – nici nu-şi va vedea realizate nici una din aspiraţii. Trebuie precizat că această ultimă opinie provine de la un fost ministru aparţinând grupului junimist, grup cunoscut totuşi ca simpatizant al Austriei. De acum înainte va fi interesant de observat dacă un curent care se opune înfeudării României faţă de Austria va câştiga teren şi va putea produce, la momentul oportun, un reviriment salutar.

Am onoarea de a fi, cu profund respect, cel mai umil şi supus servitor al Excelenţei Voastre, N. de Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 655, filele 97-100.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Marele duce Boris Vladimirovici (1877-1943), era fiul marelui duce Vladimir Alexandrovici al Rusiei, nepotul împăratului Alexandru II şi vărul împăratului Nicolae II. Într-o scrisoare trimisă fratelui său, Leopold, Carol I avea să fie un pic deranjat de prezenţa îndelungată a oaspetelui rus: „Prea lunga şedere a tânărului Boris, altminteri un băiat drăguţ şi bine crescut, a dat prilej la multe comentarii, căci vărul şi verişoara deveniseră de nedespărţit, mai ales în timpul celor două şederi la Cotroceni, unde adesea s-a dansat până dimineaţa, chiar în curte, în jurul bisericii" (*Scrisorile regelui Carol I*, p. 362).

[2] Prinţul Ferdinand şi prinţesa Maria au fost prezenţi în mai 1896 la încoronarea împăratului Nicolae II, fiind plăcut impresionaţi de modul în care au fost primiţi. Pentru mai multe detalii asupra componenţei misiunii şi impresiilor din Rusia a se vedea, Adrian-Bogdan Ceobanu, *Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II*, în „Славяноведение", nr. 5/2013, p. 61-68.

70

Бухарест, 21 октября 1896 г. Фонтон – Шишкину[1]

Частное с двумя приложениями

Его Высокопревосходительству Н. П. Шишкину

Милостивый государь Николай Павлович,

Я уже имел честь докладывать Вашему Превосходительству, что приезд императора Франца Иосифа в Бухарест имел, по всем вероятиям, последствием заключение между Австро-Венгрией и Румынией военной конвенции или даже приступление последней к Тройственному союзу[2].

Долгом считаю представить на воззрение Вашего Превосходительства краткую заметку, заключающую в себе предположения по сему предмету бывшего министра народного просвещения в последнем консервативном кабинете, господина Ионеску, сообщённую мне близким ему лицом.

Спрошенный по поводу этой записки, господин Ласкэр Катарджиу отозвался, что ему ничего положительного не известно о заключённой, будто бы, покойным Брэтиану в 1883 году военной конвенции с Австрией[3]; слухи о конвенции носились в то время, но следов её в архивах, при вступлении консерваторов во власть, не оказалось; равно неизвестно ему, была ли сказанная конвенция возобновляема жунимистами, как то предполагает господин Ионеску.

Что же касается догадки, будто эта конвенция была возобновлена в бытность его у власти, а также предположения, что во время пребывания Александра Лаховари в 1894 году на австрийских манёврах в Лемберге состоялось присоединение Румынии к Тройственному союзу, то Катарджиу категорически это отрицает; о том же, что могло состояться ныне, он ничего определённого высказать не может.

При этом он заметил, что, в общем, склонен думать, что король Карл, видя сколь мало он пользовался расположением покойного государя императора[4] и, опасаясь для Румынии изолированного положения, стал, дабы избегнуть такового (по выражению Катарджиу: pour ne pas rester en l'air) искать опоры, и, при свиданиях своих с императорами Вильгельмом и Францем Иосифом сумел лично склонить их в свою пользу.

Исходя от Ласкэра Катарджиу, эти заявления имеют свой вес и, притом, служат новым доказательством, что король Карл, помимо своих министров и без их ведома, руководит внешней политикой.

Наконец, господин Катарджиу высказал мнение, что, как приезд императора Франца Иосифа, с его вероятными последствиями, так и призыв либералов в октябре минувшего года к власти – подготовлены были в бытность короля Карла в июле 1895 г. в Ишле[5]. До отъезда за

границу король обещал Катарджиу распущение палат, необходимое для дальнейшего пребывания консерваторов у власти после выхода всех либеральных депутатов из состава обеих палат. По приезде же из-за границы, король стал откладывать окончательное своё решение; наконец воспоследовал немотивированный отказ, что и побудило консерваторов выйти в отставку. Король, по мнению Катарджиу, желал иметь у власти либералов для осуществления нового направления внешней политики.

Рядом с вышеизложенным, долгом считаю представить у сего вручённую мне моим французским сотоварищем записку, заключающую, по видимому, точные сведения о военной конвенции, подписанной 21го мая с.г. между Австро-Венгрией и Румынией. В силу этой конвенции, в случае столкновения между Австро-Венгрией и Россией, Румыния приступит одновременно с Австро-Венгрией к мобилизации своих войск. Две румынские дивизии поступят под команду австрийских генералов, и предназначаются для действий на нашей границе, в Буковине и Молдавии. Остальная часть румынской армии, под начальством короля Карла, будет сосредоточена у Бухареста.

Передавая мне эту заметку, граф д'Обиньи особенно отметил, что в Париже, судя по источнику, из которого исходят эти данные, не имеют ни малейшего сомнения в их достоверности.

Здесь в Бухаресте тайна о состоявшемся соглашении не была пока нарушена; со своей стороны я не премину проверить сообщённые мне сведения.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

Приложение 1

Mr. Take Ionesco a émis les suppositions suivantes: qu'une convention militaire entre l'Autriche-Hongrie et la Roumanie avait été conclue par Jean Bratiano dès 1883. Qu'elle avait été renouvelée par Théodore Rosetti, après la chûte des libéraux. Cela aurait même été la seule raison de la constitution d'un cabinet junimiste; Enfin qu'elle a été renouvelée par Alexandre Lahovary. Au point de vue de l'adhésion à la Triple Alliance, le casus foederis que l'Allemagne se serait refusé longtemps à admettre aurait été, peut-être, reconnu, il y a deux ans, à Lemberg, lors de la visité qu'Alexandre Lahovary y fit, à l'occasion des grandes manœuvres autrichiennes et il l'est certainement aujourd'hui à l'occasion de la venue à Bucarest de l'empereur François-Joseph. Excepté sur le dernier point, Mr. Take Ionesco n'avance que des probabilités, mais d'après son interlocuteur ce sont des certitudes.

Приложение 2

Le 21 mai 1896, a été signée une Convention entre l'Autriche-Hongrie et la Roumanie, aux termes de laquelle, en cas de conflit entre l'Autriche-Hongrie et la Russie, la Roumanie mobilisera son armée en même temps que celle de l'Autriche-Hongrie. Deux divisions roumaines seront placées sous les ordres des généraux autrichiens et manœuvreront sur les confins de la Bucovine et de la Moldavie. Le reste de l'armée sera placé sous le commandement du Roi et se concentrera à Bucarest. Ces renseignements émanent d'une source confidentielle très sûre.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 655, Листы 107-111 verso. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] На первом листе, в верхнем левом углу, другим почерком написано: «Этого надо было ожидать; меня эта новость совсем не удивляет!».

[2] 18(30) сентября 1896 г. был подписан протокол о продлении секретного договора между Австро-Венгрией и Румынией.

[3] Статья 3 союзнического договора между Румынией и Австро-Венгрией от 1883 г. предусматривала, что вопросы военного характера будут урегулированы специальной военной конвенцией. Этот документ, однако, так и не был подписан.

[4] Здесь имеется в виду император Александр III.

[5] См. док. № 66 от 21 сентября 1896 г., сн. 3.

Bucureşti, 21 octombrie 1896, Fonton către Şişkin[1]

Scrisoare particulară, cu două anexe

Excelenţei Sale, N.P. Şişkin

Stimate Domnule Nikolai Pavlovici,

Am avut deja ocazia să raportez Excelenţei Voastre că vizita împăratului Franz Josef la Bucureşti a avut, după toate probabilităţile, printre consecinţe, semnarea între Austro-Ungaria şi România a unei convenţii militare, sau chiar aderarea[2] celei din urmă la Tripla Alianţă.

Consider că este de datoria mea de a pune la dispoziţia Excelenţei Voastre o scurtă notă, care conţine în anexă presupunerea în această chestiune a fostului ministru al Instrucţiunii Publice în ultimul guvern conservator, domnul Ionescu, comunicată mie de persoane din anturajul său.

Chestionat în legătură cu această notă, domnul Lascăr Catargiu a susţinut că el nu are cunoştinţă despre încheierea, se pare că de către defunctul Brătianu, în 1883, a unei convenţii militare[3] cu Austria; zvonurile despre această convenţie au circulat atunci, dar, la preluarea puterii de către conservatori, nu au fost găsite urme ale acesteia în arhive; domnia sa nu ştia nici

dacă această convenţie a fost reînnoită de către junimişti, aşa cum presupune domnul Ionescu.

Cât priveşte bănuiala că această convenţie a fost reînnoită în timpul aflării sale la putere şi presupunerea că în 1894, cu ocazia prezenţei lui Alexandru Lahovari la manevrele austriece de la Lemberg, a avut loc aderarea României la Tripla Alianţă, Catargiu neagă categoric acest lucru; cât priveşte posibilele înţelegeri de acum, el nu poate afirma nimic cu certitudine.

În acelaşi timp, el a observat că, în general, este tentat să creadă că regele Carol, cunoscând încrederea mică de care se bucura din partea defunctului împărat[4] şi fiindu-i frică de faptul că România ar putea fi izolată, pentru a evita acest lucru (potrivit expresiei lui Catargiu: pour ne pas rester en l'air), a încercat să caute sprijin în altă parte şi, în timpul întrevederilor sale cu împăraţii Wilhelm şi Franz Josef, a reuşit să-i atragă personal de partea sa.

Provenind de la Lascăr Catargiu, aceste declaraţii au o anumită greutate şi, de aceea, reprezintă o nouă dovadă a faptului că regele Carol, ocolindu-i pe miniştrii săi şi fără ştirea lor, conduce politica externă.

În sfârşit, domnul Catargiu a opinat că atât vizita împăratului Franz Josef, cu toate consecinţele sale, cât şi aducerea la putere a liberalilor în luna octombrie a anului trecut au fost pregătite în timpul călătoriei regelui Carol, în iulie 1895, la Ischl[5]. Până la plecarea din ţară, regele i-a promis lui Catargiu că va dizolva Parlamentul, lucru necesar pentru rămânerea în continuare a conservatorilor la putere, după ieşirea tuturor deputaţilor liberali din ambele Camere. După revenirea în ţară însă, regele a început să amâne decizia sa finală; după aceea a urmat un refuz fără explicaţii, fapt care i-a şi determinat pe conservatori să demisioneze. Potrivit lui Catargiu, regele dorea să-i aducă pe liberali la putere pentru imprimarea unei noi direcţii în politica externă.

Alături de cele relatate mai sus, consider că este de datoria mea de a vă pune la dispoziţie o notă primită de la colegul francez, care conţine informaţii concrete privind convenţia militară semnată pe data de 21 mai a.c. între Austro-Ungaria şi România. Potrivit acestei convenţii, în cazul unui conflict între Austro-Ungaria şi Rusia, România va iniţia, în acelaşi timp cu Austro-Ungaria, mobilizarea armatelor sale. Două divizii vor intra sub comanda generalilor austrieci şi vor fi folosite pentru operaţiuni la graniţa noastră, în Bucovina şi Moldova. Celelalte unităţi ale armatei române, sub comanda regelui Carol, vor fi concentrate în Bucureşti.

Transmiţându-mi această notă, contele d'Aubigné a subliniat în mod special faptul că la Paris, având în vedere sursa din care provin aceste informaţii, nu există nici cele mai mici dubii privind autenticitatea lor.

Aici, în Bucureşti, secretul privind încheierea convenţiei nu a fost divulgat încă; în ceea ce mă priveşte, nu voi uita să verific informaţiile care mi-au fost comunicate.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Excelenţei Voastre, N. Fonton.

Anexa 1

Domnul Take Ionescu a avansat următoarele supoziții: că între Austro-Ungaria şi România fusese încheiată o convenție militară, semnată de Ion Brătianu, încă din 1883. Că ea fusese reînnoită de Theodor Rosetti după căderea liberalilor. Acesta ar fi fost de altfel singurul motiv de constituire a unui cabinet junimist. În sfârşit, convenția a fost reînnoită de Alexandru Lahovari. Din perspectiva aderării la Tripla Alianță, acel *casus foederis* (motiv de alianță) pe care Germania a refuzat mult timp să-l admită ar fi fost, poate, recunoscut acum doi ani la Lemberg, în timpul vizitei pe care Alexandru Lahovari a făcut-o acolo, cu ocazia marilor manevre austriece, şi el este cu siguranță recunoscut astăzi cu ocazia venirii împăratului Franz Josef la Bucureşti. Cu excepția acestui ultim punct, domnul Take Ionescu nu avansează decât probabilități, care, după părerea interlocutorului său, sunt certitudini.

Anexa 2

La 21 mai 1896, a fost semnată o convenție între Austro-Ungaria şi România, în termenii căreia, în cazul unui conflict între Austro-Ungaria şi Rusia, România îşi va mobiliza armata în acelaşi timp cu Austro-Ungaria. Două divizii româneşti vor fi plasate sub ordinele generalilor austrieci şi vor efectua manevre la granițele Bucovinei şi ale Moldovei. Restul armatei va fi plasat sub comanda regelui şi se va concentra la Bucureşti. Aceste informații provin dintr-o sursă confidențială, foarte sigură.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar, filele 107-111 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] La prima filă, în colțul de sus din partea stângă, cu alt scris: „Acest lucru era de aşteptat; pe mine această ştire nu mă miră!"

[2] La 18/30 septembrie 1896 se semnase reînnoirea tratatului secret dintre Austro-Ungaria şi România.

[3] Articolul trei al tratatului de alianță din 1883 dintre România şi Austro-Ungaria prevedea ca aspectele militare să facă obiectul unei convenții speciale, însă aceasta nu a mai fost semnată.

[4] Referirea la împăratul Alexandru III.

[5] A se vedea doc. nr. 66 din 21 septembrie 1896, nota 3.

71

Бухарест, 25 апреля 1897 г., № 25. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Беззастенчивые в выборе средств для нападок на правительство, консерваторы не постеснялись воспользоваться для таковых нападок

ответным сообщением, сделанным на телеграмму Вашего Сиятельства от 16го апреля, королевским министром иностранных дел.

В ряде статей, напечатанных на столбцах консервативного органа «Timpul»[1], автор их, бывший министр консервативного кабинета, выражает удивление, что после полувековой борьбы за независимость и славного 30ти-летнего царствования такого монарха, как король Карл, Румыния, благодаря неспособности нынешнего правительства, приведена снова к тому прежнему международному положению, когда ей выдавались свидетельства о хорошем или дурном поведении или высказывались предостережения.

«Мы поставлены на одну ногу с вассальным государством и с другими, которые ниже нас во всех отношениях», – гласит далее статья и находит, что подобное обращение с Румынией не соответствует её корректной и осторожной политике; тогда как другие балканские государства воспользовались настоящим положением, чтобы настойчиво домогаться разных уступок со стороны Турции, Румыния к этому не прибегала; эту разницу в поведении Румынии и других правительств и надлежало отметить в ответе на сообщение петербургского и венского кабинетов и тем подчеркнуть разницу между традиционною политикою Румынии и политикою других государств Балканского полуострова.

По мнению консервативного органа, Д. Стурдза упустил все эти соображения в своём ответе и тем причинил Румынии несказанное унижение.

Те же взгляды, выраженные, кроме газеты «Timpul», ещё другими консервативными органами, высказал мне на днях бывший румынский посланник в С.-Петербурге – Александр Катарджиу[2], уверяя, что все его единомышленники порицают господина Стурдзу за его ответ, и что, к крайнему своему сожалению, не могут скрыть, что и самое сообщение, адресованное Румынии, произвело на них тяжёлое впечатление.

Перебив господина Катарджиу, я заметил, что именно ему и его политическим друзьям надлежало бы с радостью приветствовать лестные слова, касающиеся румынского правительства, так как в первый раз по истечении почти двух десятков лет выпало на долю Румынии подобное благорасположение к ней России.

Несправедливый и неосновательный взгляд консерваторов ещё раз доказывает, что здесь руководствуются исключительно партийными увлечениями. Не подлежит сомнению, что те же консерваторы, будь они ныне у власти, ещё более Стурдзы, были бы польщены высоким одобрением, которого в настоящее время удостоилась Румыния.

Надлежит отметить, что один из деятельных членов консервативной партии высказал мне опасение, что обращённое императорским кабинетом к румынскому правительству сообщение упрочит положение господина Стурдзы. Этим предположением и

объясняется шум, поднятый по этому случаю противниками нынешнего председателя Совета.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 656, Листы 57-59 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] См., например: La Coadă [В хвосте] // Timpul. Bucureşti, 1897. 19 apr. (1 mai). № 87. P. 1. На фоне греко-турецкого конфликта в Санкт-Петербурге состоялась встреча между императорами и министрами иностранных дел Австро-Венгрии и России. Голуховский и Муравьев отправили из российской столицы идентичные ноты дипломатическим представителям обеих империй в Болгарии, Румынии и Сербии. В них отмечалось, что «обмен идеями между двумя императорами стал поводом, для обоих государей, с удовлетворением убедиться в общем отношении этих государств к положению Турции. Это отношение тем более соответствует желаниям двух государей, что они твердо намерены поддерживать всеобщий мир, принципы порядка и статус-кво». См.: Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1952. С. 303–308. Статья подвергала крайне жесткой критике действия румынского министра иностранных дел: „Уже доказано, что вассальное государство – Болгария – и другие государства, намного слабее, чем наше, смогли получить большее влияние на берегах Босфора, чем Румынское Королевство. Благодаря твердости и сообразительности, с которыми господин Димитрие Стурдза руководит судьбами Румынии, мы таки оказались в хвосте балканских государств, в то время как, благодаря нашему благоприятному положению, во всех отношениях, мы должны были бы оказаться во главе их". Также см. статьи в той же газете от 22 апреля (4 мая) *Decadenţa* [Упадок], от 23 апреля (5 мая) *Nota austro-rusă* [Австро-российская нота] и от 26 апреля (8 мая) 1897 г. *Slugărnicie* [Пресмыкательство].

[2] Александру Катарджиу. Родился в 1839 г. Влиятельный член консервативной партии, был полномочным посланником Румынии в Санкт-Петербурге с ноября 1892 по октябрь 1895 г. Впоследствии являлся полномочным посланником в Риме, с ноября 1899 по декабрь 1900 г., и в Лондоне, до 1911 г.

Bucureşti, 25 aprilie 1897, nr. 25. Fonton către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Deloc sfiitori în alegerea mijloacelor de atac la adresa Guvernului, conservatorii nu s-au ferit să se folosească, pentru astfel de atacuri, de comunicatul de răspuns, la telegrama Luminăţiei Voastre din 16 aprilie, făcut public de Ministerul Regal al Afacerilor Străine.

În câteva articole, publicate în paginile ziarului conservator „Timpul"[1], autorul acestora, fostul ministru în guvernul conservator, şi-a exprimat mirarea

că, după jumătate de secol de luptă pentru independență și treizeci de ani de domnie glorioasă a unui astfel de monarh ca regele Carol, România, din cauza incapacității Guvernului actual este adusă din nou la statutul internațional anterior, când îi erau eliberate certificate de bună sau proastă purtare sau îi erau formulate avertismente.

„Suntem puși pe picior de egalitate cu state vasale și cu alte state care sunt sub noi din toate punctele de vedere", se spune în continuare în articol, rezumându-se că o astfel de atitudine față de România nu este pe măsura politicii ei corecte și precaute; în timp ce alte state din Peninsula Balcanică s-au folosit de situația actuală, pentru a obține diferite concesii din partea Turciei, România nu a făcut acest lucru; această diferență în comportamentul României, în raport cu alte guverne, ar fi trebuit menționată în răspunsul la comunicatul guvernelor de la Petersburg și Viena, subliniind astfel deosebirea dintre politica tradițională a României și politica altor state din Peninsula Balcanică.

Din punctul de vedere al ziarului conservator, domnul Sturdza a făcut abstracție de toate aceste considerente în răspunsul său, cauzându-i astfel României o umilire fără precedent.

Astfel de opinii, exprimate, alături de „Timpul", și de către alte ziare conservatoare, le-am regăsit și la fostul trimis al României la Sankt-Petersburg, Alexandru Catargiu[2], în timpul unei discuții pe care am avut-o acum câteva zile, asigurându-mă că toți tovarășii săi de idei îi aduc reproșuri domnului Sturdza pentru răspunsul său și că, spre profundul său regret, nu pot ascunde faptul că și comunicatul adresat României le-a provocat o impresie profund negativă.

L-am întrerupt pe domnul Catargiu, observând că tocmai el și prietenii săi politici ar trebui să salute cu bucurie cuvintele elogioase la adresa Guvernului român, deoarece este pentru prima dată, după aproape două decenii, când România se bucură de o astfel de bunăvoință din partea Rusiei.

Punctul de vedere nedrept și nefundamentat al conservatorilor demonstrează încă o dată faptul că oamenii politici de aici sunt conduși exclusiv de patimi de partid. Nu există nici o îndoială asupra faptului că și conservatorii, dacă s-ar afla la putere, ar fi fost încântați, chiar mai mult decât Sturdza, de recunoașterea deosebită de care a avut parte în prezent România.

Se mai cuvine a spune că unul dintre membrii remarcabili ai Partidului Conservator mi-a destăinuit temerea că, prin comunicatul Guvernului imperial către Guvernul român, va fi consolidată poziția domnului Sturdza. Anume această temere explică agitația provocată cu această ocazie de către adversarii actualului președinte al Consiliului de Miniștri.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 57-59 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Este vorba de articolul *La Coadă* din „Timpul", ediția a treia, 19 aprilie/1 mai 1897, Bucureşti, an XIX, nr. 87, p. 1. Pe fondul conflictului turco-grec, a avut loc întâlnirea de la Sankt-Petersburg între împărații şi miniştrii de externe ai Austro-Ungariei şi Rusiei. Din capitala Rusiei, Gołuchowki şi Muraviev au expediat note identice reprezentanților diplomatici ai celor două state în Bulgaria, România, Serbia, prin care apreciau că „schimbul de idei dintre ambii împărați a oferit suveranilor prilejul de a constata cu satisfacție atitudinea acestor state față cu Turcia. Această atitudine, zice nota, corespunde cu atât mai mult dorințelor celor doi suverani, cu cât ei sunt ferm hotărâți să mențină pacea generală, principiile de ordine şi *statu-quo*" (A se vedea: *Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917*, под редакцией Е.А. Адамова, Москва, 1952, p. 303-308). Articolul era virulent la adresa ministrului român de externe: „Este dovedit că un stat vasal ca Bulgaria şi alte state mult mai slabe decât al nostru au ştiut să aibă mai mare trecere pe malurile Bosforului decât Regatul României. Grație tăriei şi istețimii cu care domnul Dimitrie Sturdza conduce destinele României, iată-ne dar ajunşi la coada statelor balcanice, pe când prin poziținea noastră priincioasă în toate privințele, ar trebui să fim în frunte". A se vedea şi articolele din acelaşi ziar din 22 aprilie/4 mai 1897, *Decadența*; din 23 aprilie/5 mai 1897, *Nota austro-rusă*; din 26 aprilie/8 mai 1897, *Slugărnicie*.

[2] Alexandru Catargiu, născut în 1839, membru important al Partidului Conservator, a fost ministru plenipotențiar al României la Sankt Petersburg, între noiembrie 1892 şi octombrie 1895. A mai fost ministru plenipotențiar la Roma, între noiembrie 1899 şi decembrie 1900, apoi la Londra, până în 1911.

72

Бухарест, 7 августа 1897 г., № 42. Сомов – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Румынское правительство не щадит средств на создание торгового флота и обращения Румынии, как говорят здесь, в «морскую державу».

Нужно отдать справедливость государственным людям Королевства, что они ведут дело это с редкою последовательностью, смотрят на него как на чисто национальное и, в виде редкого исключения, ставят выше партийных интриг. Такой постановке этого вопроса более всего способствовал король Карл, который горячо принимает его к сердцу.

Первоначально были затрачены громадные для маленького государства средства на постройку моста через Дунай, затем открыт ещё более крупный кредит на сооружение порта в Констанце, который станет, по словам румын, «Гамбургом Востока», наконец ныне отпускаются 30 миллионов на заказ 5 морских пароходов в 3500 тонн каждый. Три парохода заказаны в Англии, два в Германии.

Правительство действовало крайне осмотрительно и заранее обеспечило новые суда грузами.

Предполагается установить пока линию Галац–Роттердам, а по окончании работ констанцского порта последний будет служить пунктом отправления. Пароходы будут ходить два раза в месяц.

Правительство уже заключило контракт на 5 лет с торговым домом «W. H. Müller & Co»[1] в Роттердаме, имеющим своё отделение в Галаце. Контора эта не только берёт на себя нагрузку пароходов при отправлении, но и гарантирует полность груза. Предположено в 24 рейса вывести до 100 тысяч тонн разного хлеба.

На обратном пути пароходам уже обеспечен груз в 60 тысяч тонн угля. Дирекцией Румынских железных дорог подписан одновременно контракт с германским синдикатом, на крайне выгодных условиях, на доставку этого количества угля в Роттердам.

Кроме того, пароходы будут перевозить многочисленные заказы, постоянно делаемые румынским правительством в металлургических центрах Германии на нужды военного и инженерного ведомств: броненосные плиты для укреплений, орудия, рельсы, мосты.

Мануфактурные товары, ввозимые из Бельгии и Германии, также перейдут, по расчётам румын, на их национальную линию.

Первый из трёх заказанных фирме Нэпир в Глазго[2] пароходов «Dobrogea» пришёл 18 июля в Сулину. Подробное описание размеров, морских качеств и технических особенностей нового парохода имею честь представить у сего на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства в газетной вырезке[3].

Выбор конечного пункта линии подал повод к продолжительной и упорной борьбе. Торговые сношения Румынии с Голландией незначительны, между тем обороты Румынии с Бельгией постоянно возрастают. Между Галацем и Антверпеном давно существуют бельгийские пароходные линии.

Всем казалось, что Антверпен является самым выгодным конечным портом для румынской линии. Выбор Роттердама состоялся под сильным влиянием Германии, заинтересованной в сбыте своего угля и в покупке дешёвого румынского хлеба. Действительно, Роттердам, стоящий на многоводной реке, соединённой с Рейном, судоходным до самого Мангейма, с германской точки зрения, является портом наиболее выгодным.

Таким образом, в выигрыше оказывается Германия, а потерявшей Англия, которая не только лишилась значительной поставки угля, отвоёванной Германией, но и груза при отправлении для многочисленных судов своих, идущих в Галац за хлебом.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 656, Листы 106-108 об. Копия в ЦНИА, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Созданная в 1876 г. в Дюссельдорфе, эта фирма расширила впоследствии свою деятельность в Нидерландах и Великобритании, в основном путем покупки других компаний, занимавшихся речным и морским транспортом.

[2] R. Napier & Sons.

[3] Прилагается статья на французском языке, без указания источника. Не публикуется.

Bucureşti, 7 august 1897, nr. 42. Somov către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Guvernul Român nu cruţă mijloace pentru crearea unei flote comerciale şi transformarea României, cum se afirmă aici, într-o „putere maritimă".

Trebuie recunoscut faptul că oamenii politici din Regat conduc tot acest dosar cu rară consecvenţă, îl tratează ca pe o prioritate naţională şi, cu mici excepţii, îl situează deasupra intrigilor de partid. Acest gen de atitudine a fost determinat de regele Carol, care tratează dosarul cu multă pasiune.

Iniţial au fost cheltuite, pentru un stat atât de mic, mijloace imense pentru construirea unui pod peste Dunăre; apoi a fost contractat un credit şi mai mare pentru amenajarea portului din Constanţa, care va deveni, după spusele românilor, un „Hamburg al Orientului"; în sfârşit, în prezent au fost alocate 30 milioane de franci pentru comanda a cinci vapoare maritime, cu o capacitate de 3.500 tone fiecare. Trei vapoare au fost comandate în Anglia, iar două în Germania.

Într-adevăr, guvernul a luat din timp măsuri de precauţie, asigurându-se din timp noile nave cu încărcături.

Se presupune că va fi preferată ruta Galaţi – Rotterdam, iar după încheierea lucrărilor la portul Constanţa, acesta va reprezenta punctul de plecare. Vapoarele vor circula de două ori pe lună.

Guvernul a încheiat deja un contract cu firma comercială „W. H. Müller & Co."[1] din Rotterdam, a cărei rută pleacă din Galaţi. Biroul comercial al acesteia asigură nu doar încărcarea vaselor, dar garantează şi integritatea mărfurilor. Se presupune că prin 24 de curse vor fi transportate circa 100 mii tone de cereale.

Pentru cursele de întoarcere, vaselor le sunt asigurate 60 mii tone de cărbune. În acelaşi timp, conducerea Căilor Ferate Române a semnat, în condiţii foarte convenabile, un contract cu un trust german pentru transportarea acestei cantităţi de cărbune la Rotterdam.

Totodată, vasele respective vor transporta numeroase comenzi angajate de către Guvernul român la centre metalurgice din Germania, pentru nevoile domeniilor militare şi inginereşti: plăci blindate pentru fortificaţii; utilaje; şine de cale ferată; poduri.

Mărfurile de manufactură importate din Belgia şi Germania vor trece, potrivit estimărilor românilor, pe ruta lor naţională.

„Dobrogea", primul dintre vapoarele comandate la firma Napier din Glasgow[2], a ajuns pe data de 18 iulie la Sulina. Am onoarea de a pune la dispoziţie spre analiza binevoitoare a Luminăţiei Voastre, dintr-un extras de ziar[3], descrierea detaliată a dimensiunilor, calităţilor maritime şi particularităţilor tehnice a acestui nou vapor.

Alegerea punctului terminus al rutei a oferit pretextul pentru o intensă şi prelungită dezbatere. Relaţiile comerciale ale României cu Olanda sunt nesemnificative; între timp, schimburile României cu Belgia sunt în creştere continuă. Între Galaţi şi Antwerpen există mai demult o rută comercială.

Aparent, portul Antwerpen reprezintă punctul terminus cel mai convenabil al rutei comerciale româneşti. Alegerea Rotterdam-ului s-a făcut la presiunea puternică a Germaniei, interesată de vinderea cărbunelui său şi cumpărarea de cereale româneşti ieftine. Într-adevăr, portul Rotterdam, situat pe un fluviu cu debit mare de apă, legat cu Rinul, navigabil până la Mannheim, este, din perspectiva Germaniei, cel mai convenabil port.

Astfel, Germania are de câştigat, iar de pierdut pierde Anglia, care nu a fost doar lipsită de livrarea unor cantităţi importante de cărbune, în dauna Germaniei, dar şi de importante cantităţi de marfă pentru navele sale care pleacă la Galaţi după cereale.

Cu excelentă consideraţie şi acelaşi devotament, am onoarea de a rămâne, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 106-108 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Creată în 1876 la Düsseldorf, firma şi-a extins ulterior activitatea în Olanda şi Marea Britanie, prin achiziţionarea altor companii de transport fluvial şi maritim.

[2] R. Napier & Sons.

[3] Este anexat un articol în limba franceză, fără indicarea sursei. Nu se publică.

73

Бухарест, 23 августа 1897 г., № 43. Сомов – Графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

За последнее время в Румынии замечается сильное движение в пользу учреждения в Македонии румынской митрополии или экзархата.

В многочисленных статьях, появившихся в печати, настоящая минута признаётся наиболее выгодной. Указывается на безупречное поведение и верноподданнические чувства, высказанные румынским населением Македонии за последнюю войну. Газеты в ярких красках описывают бедственное положение своих соотечественников в Македонии, поставленных в полную зависимость от греческого духовенства. Тем не менее, признаётся, что положение болгар в Македонии в 1863 г., когда избранный ими экзарх подвергся изгнанию до султанского фирмана (1870 г.), было хуже, чем положение румын в этой провинции в настоящее время, так как избранный ими митрополит, несмотря на протест патриарха, остаётся в самой Македонии и пользуется даже покровительством властей[1].

Но до признания его Султаном он лишён наиболее существенных своих прав: он не имеет представителя в совете вилайета, не может открывать школ и все дела, касающиеся метрических свидетельств, смерти, рождения, браков, наследств изъяты из его ведения и ими по-прежнему заведует греческое духовенство.

Поэтому и в печати, и в обществе усиленно предлагается правительству воспользоваться греко-турецкой распрей и добиться ираде и фирмана[2] султана для румынского митрополита или экзарха в Македонии.

Господин Стурдза хранит упорное молчание, но, тем не менее, все уверены здесь, что вопрос этот разрешится к приезду короля.

В связи с этим ходят слухи о возможной поездке Его Величества в Константинополь.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 656, Листы 110-111 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В 1892 г. делегаты от нескольких влахских (арумынских) общин Османской империи, при поддержке румынских дипломатов в Константинополе, ходатайствовали перед султаном о разрешении на учреждение автономной религиозной структуры для влахов. В том же году высокопоставленные османские чиновники выдвинули идею учреждения двух епископств. Впоследствии, в 1894 г., Вселенский Патриарх поддержал создание только одного епископского престола для влахов. Между тем, имя кандидата на должность епископа стало причиной конфликта между представителями влахов и румынскими политическими партиями. В 1896 г. румынское правительство попыталось заручиться поддержкой Австро-Венгрии в этом вопросе, в том числе настаивая на опасности возрастания влияния России на Балканах. В ноябре 1896 г., несмотря на сопротивление Вселенского Патриарха, четыре влахских делегата подписали протокол, согласно которому они утверждали избрание Антумоса (Антима, иерарха албанско-влахского происхождения), греческого митрополита Охрида, в качестве митрополита-

примаса всех влахов (арумын) Турции. Какое-то время Антим проводил церковные службы в капелле, оборудованной в здании румынского дипломатического представительства в Константинополе. Подробно см.: *Peyfuss M. D.* Op. cit. P. 66–70.

[2] Официальный акт от имени султана (ираде) был опубликован лишь 9 (22) мая 1905 г. Влахи Османской империи получали право создавать школы и использовать румынский язык в образовании и церкви. См подробно: *Nistor I.* „Problema aromână" în raporturile României cu statele balcanice 1903–1913. Iaşi, 2009.

Bucureşti, 23 august 1897, nr. 43. Somov către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

În ultimul timp, în România se constată o puternică mişcare în favoarea instituirii în Macedonia a unei mitropolii româneşti sau a unui exarhat.

În nenumăratele articole apărute în presă, momentul este considerat deosebit de favorabil. Sunt invocate comportamentul impecabil şi sentimentele de fidelitate exprimate de către populaţia românească din Macedonia în timpul ultimului război. Ziarele descriu în culori aprinse situaţia jalnică a compatrioţilor din Macedonia, aduşi în dependenţă totală faţă de clerul grec. Totuşi, este recunoscut faptul că situaţia bulgarilor din Macedonia în anul 1863, când exarhul ales de ei a fost expulzat, şi până la firmanul Sultanului (din anul 1870), a fost mai proastă decât aceea din prezent a românilor din această provincie, deoarece, contrar protestului exprimat de către patriarh, mitropolitul ales de ei se află în continuare în Macedonia şi se bucură chiar de protecţia autorităţilor[1].

Însă, până la recunoaşterea de către Sultan, el este lipsit de cele mai importante drepturi: nu are un reprezentant în consiliul vilaietului; nu poate deschide şcoli; toate chestiunile privitoare la certificate de metrică, deces, naştere, căsătorii, moştenire, sunt scoase din competenţa sa, rămânând în continuare în mâinile clerului grec.

De aceea, presa şi opinia publică propun cu insistenţă guvernului să se folosească de diferendul greco-turc şi să obţină iradeaua[2] şi firmanul Sultanului pentru mitropolitul sau exarhul român din Macedonia.

Domnul Sturdza păstrează însă cu insistenţă tăcerea, lumea fiind convinsă că această chestiune se va rezolva după sosirea regelui.

În legătură cu aceasta, circulă zvonuri privind o posibilă călătorie a Majestăţii Sale la Constantinopol.

Cu excelentă consideraţie şi aceleaşi devotament, am onoarea de a rămâne, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 110-111 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] În anul 1892, delegaţii mai multor comune aromâneşti din Imperiul Otoman, cu concursul diplomaţilor români din Constantinopol, au solicitat sultanului să se permită crearea unei instituţii religioase autonome pentru aromâni. În acelaşi an, înalţi funcţionari otomani au avansat ideea înfiinţării a două episcopii, pentru ca ulterior, în 1894, patriarhul ecumenic să susţină inaugurarea unui singur scaun episcopal. Între timp, numele candidatului a devenit motiv de dispută între reprezentanţii aromânilor şi partidele politice din România. În 1896, guvernul român a încercat să obţină sprijinul Austro-Ungariei pentru acest proiect, invocând inclusiv pericolul creşterii influenţei Rusiei în Balcani. În noiembrie 1896, în ciuda opoziţiei patriarhului ecumenic, patru delegaţi aromâni au semnat un protocol prin care consemnau alegerea lui Anthumos (Antim, de origine albanezo-aromână), mitropolitul grec al Ohridei, drept „mitropolit primat" al aromânilor din Turcia. Un timp, Antim a oficiat slujbele religioase într-o capelă amenajată în incinta reprezentanţei diplomatice a României de la Constantinopol. Pentru detalii: Peyfuss, *Chestiunea aromânească*, p. 66-70.

[2] Decret al sultanului. Abia, pe 9/22 mai 1905 a fost emisă iradeaua imperială. Potrivit acesteia, aromânii din Imperiul Otoman aveau dreptul de a înfiinţa şcoli, dreptul de a folosi limba română în învăţământ şi biserică. Pentru mai multe detalii a se vedea Ionuţ Nistor, *„Problema aromână" în raporturile României cu statele balcanice 1903-1913*, Iaşi, 2009.

74

Бухарест, 21 сентября 1897 г., № 45. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

18ro сентября Их Величества возвратились из заграничного пребывания в Синаю. Приветствованные на границе в Предяле митрополитом-примасом и министрами, они были встречены на синайском вокзале наследным принцем и принцессой и пребывающей здесь сестрою Её Высочества – принцессой Беатрисой[1].

Посещение королём Карлом императора Франца Иосифа, на этот раз в столице Венгерского королевства, дало румынской печати и общественному мнению повод лишний раз обнаружить антипатии свои к мадьярам.

Первоначально, когда стало известно, что посещение румынским королём австрийского императора, несостоявшееся в Ишле, по случаю наводнений, будет иметь место в Пеште, печать отнеслась к этому довольно сдержанно, и, надо признать, что если она теперь изменила свой тон, то была вызвана к тому крайне несдержанными статьями мадьярских газет.

Последние, в увлечении своём лестными для их национального самолюбия посещениями императора Вильгельма IIro и румынского короля, усмотрели в нынешнем визите короля Карла акт большого политического значения для Венгерского королевства, долженствующий отрезвить трансильванских румын и отнять у них тщетные надежды на сохранение своего языка и национальности и пр.

Эти бестактные выходки мадьярских газет, постоянные упоминания о больном месте мадьяро-румынских отношений вывели и румынскую печать из соблюдённой ею доселе сдержанности.

Газеты консервативной оппозиции, как и органы оппозиционных групп либеральной партии, нападают на шовинизм мадьяр и толкование, данное ими визиту короля Карла в Пешт. Лучшим доказательством дружеских соседских отношений, о которых так много говорят венгерцы, было бы, по мнению большинства румынской прессы, рядом с блестящим приёмом, оказанным королю Карлу, ещё и иное, более гуманное отношение к венгерско-подданным румынской национальности. В этом же смысле высказалось мне на днях одно из приближённых ко двору лиц, выражая сожаление, что во время чествования короля Карла в Пеште, многие трансильванские румыны томятся в тюрьмах.

Я не стану упоминать о мнении крайних органов здешней печати: те выходили последние дни с чёрной каймою, считая пребывание румынского короля в столице Венгрии днями национального траура.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 656, Листы 117-118 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Здесь имеется в виду Беатриса Леопольдина Виктория Сакс-Кобург-Готская (1884–1966), сестра принцессы Марии.

Bucureşti, 21 septembrie 1897, nr. 45. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V.N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe data de 18 septembrie, Majestăţile Lor au revenit la Sinaia din călătoria în străinătate. La graniţă, la Predeal, ei au fost salutaţi de către mitropolitul primat şi miniştri, fiind întâmpinaţi la gara din Sinaia de către prinţul moştenitor, împreună cu principesa moştenitoare, şi de către sora Alteţei Sale – principesa Beatrice[1].

Vizitarea de către regele Carol a împăratului Franz Josef, de această dată în capitala regatului ungar, a oferit presei şi opiniei publice româneşti pretextul de a da frâu liber, o dată în plus, antipatiilor faţă de maghiari.

Iniţial, după ce a devenit cunoscut faptul că întâlnirea dintre regele român şi împăratul austriac va avea loc la Pesta, vizita programată anterior la

Ischl fiind anulată din cauza inundaţiilor, presa a avut o reacţie reţinută şi, trebuie să recunoaştem acest lucru, faptul că aceasta şi-a schimbat tonul este pentru că a fost provocată prin articolele incitatoare apărute în ziarele maghiare.

Ultimele, în entuziasmul provocat de vizita împăratului Wilhelm II şi a regelui român, măgulitoare pentru mândria naţională, a văzut în vizita actuală a regelui Carol un gest politic major pentru regatul ungar, care are menirea de a-i trezi la realitate pe românii transilvăneni stingându-le şi speranţele zadarnice la păstrarea limbii şi naţionalităţii proprii etc.

Aceste ieşiri lipsite de tact ale ziarelor maghiare, invocarea permanentă a locului dureros în relaţiile maghiaro-române, au scos şi presa română din starea de reţinere de până acum.

Ziarele opoziţiei conservatoare, la fel ca şi cele ale grupurilor dizidente liberale, atacă cinismul maghiarilor şi interpretarea pe care o dau aceştia vizitei regelui Carol la Pesta. Cea mai bună demonstraţie a relaţiilor amicale de vecinătate, despre care vorbesc atât de mult maghiarii, ar fi, potrivit majorităţii ziarelor româneşti, alături de primirea strălucitoare oferită regelui Carol, o atitudine mai umană faţă de supuşii maghiari de naţionalitate română. În acelaşi sens s-a exprimat recent, într-o discuţie cu mine, o persoană apropiată Curţii, care îşi exprima regretul că, în timp ce regelui Carol îi erau oferite onoruri la Pesta, mulţi români transilvăneni se chinuiau în închisori.

Nu voi aminti opiniile ziarelor radicale de aici: acestea au apărut în ultimele zile într-un chenar negru, considerând că vizita regelui român în capitala Ungariei reprezintă zile de doliu naţional.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 117-118 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Trimitere la Beatrice Leopoldine Victoria de Saxa-Coburg-Gotha (1884-1966), sora prinţesei Maria.

75

Бухарест, 19 октября 1897 г., № 46. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Недавнее посещение королём Карлом императора Франца Иосифа в Будапеште повлекло за собою отголоски, которые, конечно, не могут способствовать установлению с Венгрией отношений, соответствующих

дружбе между обоими соседними государями и между кабинетами Вены и Бухареста.

Тотчас по отбытии короля Карла из венгерской столицы возникла ярая газетная полемика о значении будапештского свидания. Мадьярские газеты провозгласили, между прочим, что посещение короля свидетельствует о полном отречении от так называемого здесь национального движения в пользу трансильванских румын. Эти заявления вызвали громкие протесты во всех здешних газетах, которые и поныне не стихают. Культурная лига и студенты Бухарестского университета поспешили устроить ряд сходов в Бухаресте, Крайове и Плоешти, дабы, как выразилось большинство воззваний, обратить общественное мнение Европы на угнетённое состояние семиградских собратий и протестовать против стремления мадьяр придать поездке короля Карла тенденциозное значение.

На этих сходках постановлено было выразить трансильванским румынам самое сердечное сочувствие и одобрение на дальнейшую борьбу за сохранение языка и национальности.

При таком возбуждённом общественном мнении против мадьяр сделалось здесь известным, что в числе венгерских чиновников, получивших румынские ордена, находится бывший Клужский (Клаузенбургский) прокурор Ешенский[1], игравший роль сурового обвинителя в процессе о Меморандуме трансильванских патриотов.

Награждение господина Ешенского, ныне стоящего при венгерском министерстве иностранных дел, произвело здесь самое сильное впечатление. Ежедневно здешняя печать громко восстаёт против такого факта, в котором видит вызов и оскорбление всей румынской нации.

Не сомневаясь в искренности этого негодования, нельзя не признать, что оппозиции представился ныне очень удобный случай к основательным нападкам на главу Кабинета и к началу против него ожесточённой кампании, подобно той, какую она сумела вести в прошлом году в деле о низложении митрополита Геннадия[2].

Рядом с делом Ешенского, оппозиции представился и другой случай к нападкам.

Ясский муниципалитет, по случаю открытия усовершенствованной скотобойни, имеющей целью, между прочим, способствовать сбыту в Вену свежего мяса, возымел намерение пригласить на это открытие первого бургомистра Вены – господина Люегера[3], считаемого другом румын и известного за свои антимадьярские чувства. Но господин Стурдза, опасаясь дурного впечатления, которое приглашение Люегера могло бы произвести в Пеште, воспротивился оному и заставил муниципалитет отказаться от принятого им решения; прибавляют к этому, что и сам король воспротивился приезду Люегера в Яссы, каковой совпал

бы с пребыванием там короля по случаю открытия здания университета. Всё это может быть только на руку оппозиции, которая уже без того, не стесняясь, обвиняет самого короля в деле пожалования господину Ешенскому румынского ордена.

Из вышеизложенного Вашему Сиятельству, быть может, угодно будет признать справедливым моё предположение, что как бы ни были дружественны между собою венский и бухарестский кабинеты, вопрос о положении трансильванских румын будет всегда являться источником нелегко устранимых затруднений.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 656, Листы 124-127. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Шандор Йесенски (1852–1917). Венгерский юрист, политический деятель и писатель.

[2] Геннадий Петреску, преемник Иосифа Георгиана (см. док. № 37 от 20 февраля 1893 г.). Был избран митрополитом в 1893 г. при поддержке лидеров консервативной партии. В мае 1896 г., во время правления либералов, был удален с митрополичьего престола решением Синода, которое часть клира и политическая оппозиция считали незаконным и самовольным. Политический кризис, вызванный этим событием, привел к падению кабинета Стурдзы.

[3] Карл Люегер, бургомистр Вены в 1897–1910 гг. О нём см.: *Goldinger W.* Lueger, Karl // Neue Deutsche Biographie. Bd. 15. Berlin, 1987. S. 464.

Bucureşti, 19 octombrie 1897, nr. 46. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V.N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Vizitarea recentă a împăratului Franz Josef de către regele Carol la Budapesta a provocat reacţii care nu contribuie desigur la iniţierea cu Ungaria a unor relaţii care să corespundă prieteniei dintre cei doi monarhi vecini şi dintre guvernele de la Viena şi Bucureşti.

Imediat după plecarea regelui Carol din capitala ungară, a fost declanşată o aprigă polemică de presă privind importanţa întrevederii de la Budapesta. Ziarele maghiare au declarat, printre altele, că vizita lui Carol confirmă renunţarea totală la sprijinirea a ceea ce aici se numeşte aşa zisa mişcare naţională a românilor transilvăneni. Aceste afirmaţii au generat proteste puternice în ziarele de aici, care nu încetează încă. Liga Culturală şi studenţii

Universității din Bucureşti s-au grăbit să organizeze câteva întruniri la Bucureşti, Craiova şi Ploieşti, pentru a atrage atenția opiniei publice europene, potrivit majorității apelurilor, asupra statutului de popor asuprit al confraților transilvăneni şi pentru a protesta împotriva dorinței maghiarilor de a conferi călătoriei regelui Carol o semnificație tendențioasă.

La aceste întruniri s-a decis de a exprima românilor transilvăneni cea mai cordială simpatie şi de a-i încuraja să continue lupta pentru păstrarea limbii şi a naționalității.

În condițiile unei astfel de stări de agitație a opiniei publice împotriva maghiarilor a apărut vestea că printre funcționarii maghiari cărora le-au fost decernate decorații româneşti se află şi fostul procuror de la Cluj (Klausenburg), Jeszenszky[1], care a jucat rolul de acuzator sever în procesul privind Memorandumul patrioților transilvăneni.

Decorarea domnului Jeszenszky, care funcționează în prezent la Ministerul Afacerilor Străine, a avut aici un impact foarte puternic. Presa de aici protestează în fiecare zi împotriva acestui gest, în care vede o provocare şi o umilire a întregii națiuni române.

Fără a pune la îndoială sinceritatea acestei indignări, nu poate fi negat faptul că opoziției i s-a oferit o situație favorabilă pentru atacuri puternice la adresa guvernului şi pentru inițierea unei campanii susținute împotriva acestuia, identică aceleia pe care a dus-o anul trecut în cazul destituirii mitropolitului Ghenadie[2].

Alături de afacerea Jeszenszky, opoziției i-a fost oferită şi altă ocazie pentru atacuri.

Cu ocazia inaugurării unui nou abator, care, printre altele, are ca scop livrarea către magazinele vieneze de carne proaspătă, municipalitatea din Iaşi şi-a manifestat intenția de a-l invita la eveniment pe primarul Vienei, domnul Lueger[3], considerat a fi prieten al românilor şi cunoscut pentru sentimentele sale antimaghiare. Însă, domnul Sturdza, îngrijorat de impresia proastă pe care ar fi lăsat-o această vizită la Pesta, s-a opus invitației şi a impus municipalității să renunțe la luarea unei astfel de decizii; se mai spune că regele însuşi s-a opus venirii lui Lueger la Iaşi, mai ales că aceasta ar fi coincis cu prezența sa acolo, cu ocazia inaugurării clădirii Universității. Toate acestea vin în sprijinul opoziției, care, chiar şi aşa, îl acuză fără jenă pe Rege de implicare în decorarea lui Jeszenszky cu un ordin românesc.

Din cele relatate mai sus, Luminăția Voastră va avea poate amabilitatea de a observa justețea presupunerii mele că, indiferent de cât de amicale ar fi relațiile dintre guvernele de la Viena şi Budapesta, chestiunea privind situația românilor transilvăneni va rămâne mereu o sursă de dificultăți greu de depăşit.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 124-127.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Sándor Jeszenszky (1852-1917). Jurist, om politic şi scriitor maghiar.

[2] Ghenadie Petrescu, succesorul lui Iosif Gheorghian (a se vedea doc. nr. 37 din 20 februarie 1893). A fost ales mitropolit în 1893 cu concursul liderilor conservatori. În mai 1896, în timpul guvernării liberale, a fost îndepărtat din scaunul mitropolitan printr-o decizie a sinodului, considerată abuzivă de către o parte a clerului şi a opoziţiei politice. Criza politică declanşată de acest caz a avut drept consecinţă căderea guvernului condus de Dimitrie Sturdza.

[3] Karl Lueger, primar al Vienei în anii 1897-1910 (Walter Goldinger, *Lueger Karl*, în *Neue Deutsche Biographie*, Band 15, Berlin, 1987, p. 464).

76

Бухарест, 6 ноября 1897 г., № 49. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

На другой же день по возвращении из Ясс[1], председатель Совета Министров посетил меня и первым долгом счёл на словах ещё раз повторить мне, как глубоко был тронут король Карл столь лестным для него вниманием государя императора, благоволившего командировать в Яссы генерал-лейтенанта Константиновича[2] для приветствования Его Величества. Господин Стурдза при этом не преминул вновь засвидетельствовать мне, сколь осчастливлено было румынское правительство этим высоким проявлением благорасположения нашего августейшего повелителя.

Вслед за сим господин Стурдза настоятельно просил меня не придавать ни малейшей веры тенденциозному отчёту, появившемуся в оппозиционной ясской газете «Evenimentul»[3] о состоявшемся в Яссах банкете либералов.

По словам моего собеседника, этот незначительный листок намеренно извратил слова одного из присутствовавших, сенатора Ионеску. Большинство участвовавших в этом собрании, пожилые люди, выставили на вид нынешнее, столь изменившееся к лучшему положение Румынии, приобретшей всеобщее признание и уважение благодаря своему благоразумию и сознанию международных обязательств для державы второстепенной и, сопоставляя это положение с недавним прошедшим, вспоминали, как в эпоху 1848 года, они, юные ясские студенты, под влиянием тогдашнего революционного движения, восклицали, подходя к реке Пруту, «смерть России», но одновременно, подпадая обаянию величия могущественной соседней империи, возглашали, «да здравствует Россия»!

В таких именно словах рассказал мне этот случай господин Стурдза, и если я считаю не излишним их приводить, то это потому, что консул наш в Яссах, в донесении своём от 24 октября за № 40 передал об этом банкете дословно версию названного оппозиционного листка, конечно, не успев её проверить.

Очевидно, что оппозиция пыталась измышленным представлением этого случая поставить господина Стурдзу в неловкое положение и создать неприятный ему инцидент.

Действительно, консервативные органы поспешили перепечатать крупным шрифтом навет ясского листка, и некоторые друзья мои из консерваторов не преминули обратить внимание моё на эту газетную сплетню.

В заключение разговора господин Стурдза мне сказал, что король Карл пожаловал генерал-лейтенанту Константиновичу орден Румынской Звезды Большого Креста, камергеру действительному статскому советнику князю Александру Мурузи[4] Большой Офицерский Крест ордена Румынской Короны и консулу нашему в Яссах, статскому советнику Гирсу Командорский Крест ордена Румынской Короны.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 656, Листы 134-136.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Румынский король присутствовал на торжественном открытии нового здания Ясского университета в районе Копоу. Карла I сопровождали королева Елизавета, префект королевского дворца генерал Влэдеску, и королевские адъютанты, полковник Ману и полковник Прибояну.

[2] Александр Петрович Константинович занимал пост губернатора Бессарабии с 1883 по 1899 г.

[3] См.: Evenimentul. 1897. 24 oct. № 1372. P. 3. Заголовок (крупными буквами) гласил: „СМЕРТЬ РОССИИ”. Согласно статье, на банкете либералов депутат Николае Ионеску утверждал, что он поддерживает Стурдзу, так как последний имеет смелость бороться против «северного Колосса», «который воплощает лишь деспотизм и беззаконие и который представляет собой только стыд всего XIX века”.

[4] Отпрыск княжеского рода Морузи, находившийся на русской дипломатической службе.

Bucureşti, 6 noiembrie 1897, nr. 49. Fonton către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

A doua zi după revenirea de la Iaşi[1], am fost vizitat de către preşedintele Consiliului de Miniştri, care a considerat că cea dintâi datorie a sa este de a-mi spune încă o dată cât de mult a fost impresionat regele Carol de atenţia atât de

elogioasă din partea împăratului, care a binevoit de a-l trimite la Iaşi, pentru salutarea Majestății Sale, pe general-locotenentul Konstantinovici[2]. Totodată, domnul Sturdza s-a folosit de ocazie pentru a-mi confirma din nou cât de onorat a fost Guvernul român prin acest înalt semn de bunăvoință din partea augustului nostru suveran.

După aceasta, domnul Sturdza m-a rugat insistent să nu acord deloc crezare raportului tendențios despre banchetul liberalilor la Iaşi, apărut în ziarul de opoziție din Iaşi, „Evenimentul”[3].

Potrivit interlocutorului meu, această foaie neimportantă a denaturat intenționat cuvintele unuia dintre cei prezenți, senatorul Ionescu. Majoritatea participanților la această adunare, oameni în vârstă, au scos în evidență statutul actual, schimbat foarte mult în bine, al României, care a obținut recunoaştere generală şi respect, grație rațiunii sale şi conştientizării obligațiilor internaționale care revin unei puteri de rang secund; comparând acest statut cu cel anterior, aceştia şi-au amintit de epoca anului 1848, când, fiind tineri studenți ieşeni, sub influența mişcării revoluționare de atunci, strigau, apropiindu-se de râul Prut, „moarte Rusiei” şi, fiind fermecați de măreția puternicului imperiu vecin, exclamau, în acelaşi timp, „trăiască Rusia!”.

Anume în aceste cuvinte mi-a descris acest caz domnul Sturdza, iar eu le reproduc deoarece consulul nostru din Iaşi, în raportul său nr. 40 din 24 octombrie, a reprodus exact versiunea foii de opoziție amintite, fără a avea desigur timp să o verifice.

Este evident că, prin prezentarea denaturată a acestui eveniment, opoziția a încercat să-l pună într-o situație incomodă pe domnul Sturdza şi să creeze un incident neplăcut pentru domnia sa.

Într-adevăr, ziarele conservatoare s-au grăbit să republice, cu litere mari, calomnia din foaia ieşeană, iar câțiva prieteni de-ai mei din rândul conservatorilor nu au ezitat să-mi atragă atenția asupra acestei bârfe gazetăreşti.

În încheierea discuției, domnul Sturdza mi-a spus că regele Carol i-a conferit general-locotenentului Konstantinovici ordinul Steaua României în grad de Mare Cruce, şambelanului şi consilierului de stat efectiv, cneazului Alexandru Muruzi[4], Marea Cruce a Ordinului Coroana României în grad de Ofițer, iar consulului nostru din Iaşi, consilierului de stat Giers, Crucea de Comandor al Ordinului Coroana României.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminății Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 134-136.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Regele român fusese prezent la inaugurarea palatului universitar din Copou. Carol I a fost însoţit de regina Elisabeta, de prefectul Palatului, generalul Vlădescu şi de aghiotanţii regali colonelul Manu şi colonelul Priboianu.

[2] Alexandr Petrovici Konstantinovici. Guvernator al Basarabiei între 1883 şi 1899.

[3] Trimitere la „Evenimentul", Iaşi, vineri 24 octombrie 1897, anul V, nr. 1372, p. 3 cu litere mari „MOARTEA RUSIEI". Potrivit periodicului ieşean, la banchetul liberalilor, Neculai Ionescu a susţinut că este alături de D.A. Sturdza, deoarece acesta are curajul de a lupta contra colosului de la Nord „care reprezintă numai despotismul, arbitrariul, şi care reprezintă numai ruşinea secolului al XIX-lea".

[4] Descendent din familia domnească Moruzi, aflat în serviciul diplomatic rus.

77

Бухарест, 6 ноября 1897 г., № 50. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

До последнего времени в здешнее общество ничего не проникло о желании короля Карла отправиться в Россию для посещения государя императора.

Как мне утверждают, в бытность свою в Яссах, Его Величество, в беседах своих с тамошней знатью, в первый раз огласил это своё желание. Вслед за тем один из здешних листков поспешил напечатать это известие, которое тотчас же передано было по телеграфу в «Pester Lloyd» и послужило этой газете поводом к свойственным ей перетолкованиям.

Эти перетолкования вызвали со стороны здешней французской газеты, бывшей консервативной, ныне же стоящей вне партий, «l'Indepéndance Roumaine», статью, характеризующую возрастающее среди румын раздражение против мадьяр.

Выставляя особенно на вид чрезвычайно лестное внимание, оказанное государем императором королю румынскому командированием генерал-лейтенанта Константиновича в Яссы, газета указывает[1], как Ваше Сиятельство благоволит усмотреть из прилагаемой вырезки, что предполагаемое посещение королём Карлом могущественного северного своего соседа является для румын событием первостепенным. Но газета не упускает случай выразить и по этому поводу неприязнь свою к мадьярам, глубоко в последнее время оскорбившим румынское народное чувство. Статья заканчивает, что никакое румынское правительство не будет в силах идти против этого народного настроения.

Следует отметить, что это усиливающееся возбуждение начинает раздражать пребывающую здесь австро-венгерскую миссию. Она упрекает

румын в заносчивости и в несоответствующем самовозвеличении, как будто бы соседняя Монархия в них нуждается.

Таковы, между прочим, именно слова моего австро-венгерского сотоварища, неоднократно слышанные мною от него за последние дни.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 656, Листы 137-138 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Статья *Russie et Roumanie* // „L'Independance Roumaine", an 21, nr. 6271, 4/16 noiembrie 1897, p. 1. Не публикуется.

Bucureşti, 6 noiembrie 1897, nr. 50. Fonton către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Până recent, opinia publică de aici nu avea cunoştinţă de dorinţa regelui Carol de a călători în Rusia pentru a se întâlni cu împăratul.

Aşa cum mi s-a comunicat, în timpul aflării la Iaşi, Majestatea Sa, în discuţiile sale cu aristocraţia locală, a făcut pentru prima dată publică această dorinţă a sa. După aceasta, una dintre foile locale s-a grăbit să publice ştirea, care a fost transmisă imediat prin telegraf la „Pester Lloyd", oferindu-i acesteia ocazia de a apela la interpretările specifice acestui ziar.

Această interpretare a provocat ziarul de limbă franceză de aici, fost conservator, iar în prezent aflat în afara partidelor, „L'Indépendance Roumaine", să publice un articol care reprezintă o referinţă pentru creşterea printre români a iritării împotriva maghiarilor.

Accentuând în mod special atenţia deosebit de măgulitoare acordată regelui român de către împărat prin delegarea la Iaşi a general-locotenentului Konstantinovici, ziarul susţine, aşa cum Luminăţia Voastră va binevoi să constate din extrasul de ziar ataşat[1], că aşteptata vizitare de către regele Carol a puternicului său vecin din nord reprezintă pentru România un eveniment de prim rang. Însă ziarul nu ratează această ocazie pentru a-şi etala şi în legătură cu acest caz dușmănia față de maghiari, care au jignit în ultimul timp profund sentimentul naţional românesc. Articolul se încheie prin afirmaţia că nici un guvern român nu va fi capabil să meargă împotriva acestei stări de spirit populare.

Trebuie remarcat faptul că această agitaţie în creştere începe să deranjeze misiunea austro-ungară de aici. Aceasta îi acuză pe români de aroganţă şi autopreamărire neadecvată, de parcă monarhia vecină ar avea nevoie de ei.

Printre altele, anume acestea sunt cuvintele colegului meu austro-ungar, pe care le-am auzit de nenumărate ori de la el în ultimele zile.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 137-138 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Articolul *Russie et Roumanie,* în „L'Independance Roumaine", an 21, nr. 6271, 4/16 noiembrie 1897, p. 1. Nu se publică.

78

Бухарест, 23 апреля 1898 г., № 17. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Среди консерваторов многие не могут свыкнуться с мыслью, что господину Димитрию Стурдзе, нынешнему первому министру и главе либералов, суждено сопутствовать королю Карлу в С.-Петербург по случаю посещения им государя императора.

Из зависти, что высокая честь участвовать в столь многозначащем для Румынии событии выпадает на долю либералов и, в особенности, на долю господина Стурдзы, ярые его противники подвергли его самым жестоким обвинениям.

Подобрав факты из прошлой многолетней деятельности господина Стурдзы, они печатно выставляют его в самом чёрном виде, утверждая, что он виновен в подстрекательстве офицеров к подаче коллективной отставки в 1894 году; что вся ответственность за печальное дело низвержения митрополита[1] ложится исключительно на него; что автором неприличных брошюр «l'Espion Prussien» и «le Régicide» является нынешний первый министр; что в 1871 году он принимал будто бы участие в неудавшемся заговоре о низложении короля, тогда князя Карла[2].

Из числа газетных статей, направленных против господина Стурдзы с целью очернить его и возбудить против него общественное мнение до такой степени, чтобы поставить его в неловкое положение, не лишним, быть может, представить у сего на воззрение Вашего Сиятельства вырезку во французском переводе из газеты «Timpul», главного органа консервативной партии[3].

Статья эта вполне даёт меру вражды, существующей между соперничествующими партиями и свидетельствует о необузданности политических нравов страны.

Автор этой статьи, один из видных деятелей консервативной партии, с которым я в близких отношениях, сознавшись сам, что статья исходит из под его пера, разразился при этом самыми враждебными нападками на господина Стурдзу. Наконец, он прямо заявил мне, что человек, подписавший в апреле 1888 года известный императорскому министерству манифест либеральной партии за подписью Брэтиану и всех его единомышленников, в котором Россия объявлялась вечным врагом румын, не может ехать в С.-Петербург.

По поводу этого манифеста я не могу не припомнить, что король Карл вскоре после моего приезда в Бухарест, в беседе со мною, коснувшись, между прочим, господина Стурдзы, сказал мне, что здесь подобным заявлениям не надлежит придавать какого либо значения, так как все румынские политические деятели в оппозиции предаются самым необузданным увлечениям, от которых они немедленно отрекаются, лишь только достигают власти.

При этом надлежит отметить, что в 1888 году, когда пал кабинет Брэтиану, успех консерваторов приписывали нашей поддержке, что и возбудило в среде либералов такое озлобление против России.

В заключении долгом считаю присовокупить, что, на мой взгляд, проявляемая консерваторами досада на то, что именно господину Стурдзе предстоит честь сопровождать короля, вызвана тем, что дружба с Россией считается как бы исключительным их достоянием.

При этом, однако, не следует забывать, что эти самые консерваторы, постоянно выставляющие свою любовь к России, высказались, тем не менее, против участия в последней войне с Турцией, тогда как либералы, сменившие их у власти, не поколебались присоединиться к России.

Что касается господина Стурдзы, я не могу не признать, что, со времени его вступления во власть, он не пропускает случая, чтобы доказать своё особенное усердие к удовлетворению всех наших требований и установлению с Россией самых дружественных отношений. Руководим ли он искренним чувством, трудно решить, но очевидно, что он сознаёт необходимость для Румынии заслужить доверие и благорасположение России.

По моему глубокому убеждению, то обстоятельство, что поездка короля в С.-Петербург состоится не при консерваторах, которые, безусловно, здесь наши истинные сторонники, а при нынешнем правительстве, ещё знаменательнее, так как именно господину Стурдзе приходится отправиться к нам на искупление своих минувших грехов и так как к нему вполне применимо в данном случае известное изречение «отправиться в Каноссу».

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 70-73. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] См. док. № 75 от 19 октября 1897 г.

[2] Напротив, Стурдза являлся одним из наиболее лояльных сторонников династии в 1871 году, когда, в контексте создания следственной комиссии в связи с «делом Строуссберг», а также скандала в зале Слэтиняну, в ходе которого был даже ранен германский консул, князь Карл I сделал попытку отречься от престола.

[3] Не публикуется.

Bucureşti, 23 aprilie 1898, nr. 17. Fonton către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Mulţi dintre conservatori nu se pot împăca totuşi cu gândul că domnului Dimitrie Sturdza, actualul prim-ministru şi conducătorul liberalilor, îi este rezervat dreptul de a-l însoţi pe regele Carol la Sankt-Petersburg, cu ocazia vizitării de către acesta a împăratului.

Din invidie pentru faptul că marea onoare de a participa la acest eveniment de mare însemnătate pentru România îi este rezervată liberalilor şi în special domnului Sturdza, adversarii săi înverşunaţi l-au supus celor mai dure acuze.

Selectând fapte din fosta activitate de mai mulţi ani a domnului Sturdza, aceştia îl prezintă în presă în cele mai sumbre culori, afirmând că el poartă vina pentru incitarea ofiţerilor la prezentarea demisiei colective în anul 1894; că toată răspunderea pentru tristul dosar al îndepărtării mitropolitului[1] îi aparţine exclusiv lui; că autor al broşurilor indecente „l'Espion Prussien" şi „le Régicide" este actualul prim-ministru; că în anul 1871 el ar fi participat la complotul eşuat împotriva regelui, pe atunci principele Carol[2].

Dintre articolele cunoscute îndreptate împotriva domnului Sturdza, cu scopul de a-l defăima şi de a ridica împotriva sa opinia publică, până acolo încât să fie pus într-o situaţie incomodă, ar fi probabil util a supune atenţiei Luminăţiei Voastre un extras în limba franceză din ziarul „Timpul", principalul organ de presă al partidului conservator[3].

Acest articol arată adevărata dimensiune a urii existente între partidele concurente şi dovedeşte degradarea fără limite a moravurilor politice ale ţării.

Autorul acestui articol, unul dintre membrii de vază ai partidului conservator, cu care sunt în relaţii apropiate, recunoscând faptul că articolul îi aparţine, s-a dezlănţuit cu cele mai duşmănoase atacuri la adresa domnului

Sturdza. În sfârşit el mi-a spus direct că persoana care a semnat, în aprilie 1888, manifestul partidului liberal sub semnătura lui Brătianu şi a tuturor tovarăşilor săi de idei, cunoscut ministerului imperial, în care Rusia era declarată pentru totdeauna duşman al românilor, nu poate merge la Sankt-Petersburg.

În legătură cu acest manifest, nu pot să nu amintesc faptul că, la scurt timp după sosirea mea la Bucureşti, regele Carol, într-o discuţie, invocând printre altele şi numele domnului Sturdza, mi-a spus că, aici, unor astfel de declaraţii nu trebuie să li se acorde o prea mare atenţie, deoarece toţi oamenii politici români din opoziţie recurg la cele mai nesăbuite gesturi, de care se dezic imediat după ce ajung la putere.

În plus, trebuie amintit faptul că în 1888, când a căzut Guvernul Brătianu, succesul conservatorilor a fost trecut în contul sprijinului acordat de noi, fapt care a generat în rândul liberalilor o stare de întărâtare împotriva Rusiei.

În încheiere, consider că este de datoria mea în a mai spune că, din punctul meu de vedere, supărarea conservatorilor pe faptul că domnului Sturdza îi este rezervată onoarea de a-l însoţi pe Rege este provocată de convingerea că prietenia cu Rusia este considerată a fi apanajul lor exclusiv.

Totuşi, nu trebuie uitat faptul că aceiaşi conservatori, care îşi etalează mereu dragostea faţă de Rusia, s-au pronunţat însă împotriva participării la ultimul nostru război cu Turcia, în timp ce liberalii, care i-au înlocuit la putere, nu au ezitat să se alăture Rusiei.

În ceea ce îl priveşte pe domnul Sturdza, nu pot să nu recunosc că, din timpul intrării la guvernare, el nu ratează nici o ocazie pentru a-şi demonstra zelul său deosebit pentru satisfacerea solicitărilor noastre şi pentru instaurarea celor mai amicale relaţii cu Rusia. Nu se poate şti dacă el este condus de sentimente sincere, totuşi este evident faptul că el conştientizează cât de importantă este pentru România obţinerea încrederii şi bunăvoinţei Rusiei.

Potrivit convingerii mele profunde, faptul că aşteptata călătorie a regelui la Sankt-Petersburg nu va avea loc în timpul guvernării conservatorilor, care sunt aici, fără îndoială, adepţii noştri sinceri, ci în timpul guvernului actual, este şi mai remarcabil, deoarece însuşi domnului Sturdza îi revine sarcina de a ne vizita pentru ispăşirea păcatelor din trecut, deoarece lui i se potriveşte în acest caz cunoscuta expresie „a merge la Canossa”.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 70-73.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] A se vedea doc. nr. 75 din 19 octombrie 1897.

[2] Dimpotrivă, D.A. Sturdza a fost unul dintre susţinătorii dinastiei la 1871, în contextul constituirii unei comisii de anchetă dedicate „chestiunii Stroussberg” şi scandalului de la Sala Slătineanu; consulul german fiind chiar rănit, prinţul Carol I a avut tentativa de a abdica.

[3] Nu se publică.

79

Бухарест, 1 мая 1898 г., № 18. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Из донесения статского советника Гирса императорскому Министерству уже известно о состоявшемся в ясском театре спектакле[1] под непосредственным руководством полковника Генерального Штаба Тейшану, в котором в живых картинах и стихах выставлялось бедственное положение румын в Трансильвании, Буковине и Бессарабии и указывалось на необходимость объединения румын «от реки Тисы до Днестра».

Дополнительное донесение консула нашего в Яссах[2] по тому же предмету долгом считаю представить у сего в подлиннике на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства.

Хотя весь спектакль и был, по преимуществу, направлен против Австро-Венгрии, но, ввиду того, что речь шла и о Бессарабии и что манифестация эта произошла на самой нашей границе, я счёл долгом обратить внимание господину Стурдзе как на крайнее неприличие этой затеи, так и на беспримерный факт появления полковника Генерального Штаба и румынских солдат в мундирах на театральных подмостках в манифестации, направленной против дружественных соседних держав.

Господин Стурдза заявил мне, что, лишь только происшедшее в Яссах стало ему известным, он обратился к военному министру, который тотчас же вызвал сюда корпусного командира генерала Ярку.

Из объяснений этого генерала, отсутствовавшего в то время из Ясс, видно, что, хотя ему и было известно о готовившемся благотворительном представлении, но он не имел повода предполагать, чтобы оно приняло характер манифестации при участии подчинённых ему лиц и что, поэтому, он был крайне удивлён происшедшим в его отсутствие.

Ввиду сего, господин Стурдза сообщил мне о своём решении посадить немедленно же на 40 дней под строгий арест главного виновника Тейшану, заметив при этом, что он доложит о происшедшем королю, от которого будет зависеть дальнейшая участь виновного.

Как видно из последнего донесения статского советника Гирса, первый министр уже привёл в исполнение своё решение, и полковник Тейшану действительно на 40 дней посажен под арест.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 82-83 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Здесь имеется в виду спектакль *Visul României* [Мечта Румынии].
[2] Не публикуется.

Bucureşti, 1 mai 1898, nr. 18. Fonton către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Din raportul consilierului de stat Giers către Guvernul imperial se ştie deja despre organizarea în Teatrul din Iaşi a unui spectacol[1] sub conducerea directă a colonelului Statului Major Teişanu, în cadrul căruia a fost prezentată, în imagini plastice şi versuri, situaţia jalnică a românilor din Transilvania, Bucovina şi Basarabia şi a fost invocată necesitatea unirii românilor „de la râul Tisa până la Nistru".

Privitor la acelaşi subiect, consider că este de datoria mea de a supune atenţiei binevoitoare a Luminăţiei Voastre, în original, un raport suplimentar al consulului nostru din Iaşi[2].

Cu toate că întreg spectacolul a fost îndreptat, cu precădere, împotriva Austro-Ungariei, totuşi, având în vedere faptul că a fost invocată şi Basarabia şi că această manifestare a avut loc chiar la graniţa noastră, am considerat că este de datoria mea de a-i atrage domnului Sturdza atenţia atât asupra indecenţei unei astfel de năzbâtii, cât şi asupra unui fapt fără precedent, anume apariţia pe scena unui teatru a unui colonel al Statului Major şi a unor soldaţi în uniforme, la o manifestaţie îndreptată împotriva puterilor vecine prietene.

Domnul Sturdza mi-a declarat că, imediat după ce a aflat de cele întâmplate la Iaşi, s-a adresat ministrului de Război, care l-a convocat imediat pe comandantul de corp de armată, generalul Iarcu.

Din explicaţiile acestui general, care a lipsit în acea perioadă din Iaşi, se poate vedea că, chiar dacă acesta a avut cunoştinţă de pregătirea reprezentaţiei de binefacere, el nu a avut nici un motiv să presupună că aceasta va lua forma unei manifestaţii cu participarea unor persoane aflate în subordinea sa şi că a fost, din aceste motive, extrem de surprins de cele întâmplate în lipsa sa.

Având în vedere aceste lucruri, domnul Sturdza mi-a comunicat decizia sa de a-l pune sub arest sever pentru 40 de zile pe vinovatul principal Teişanu, observând, totodată, că îi va raporta despre cele întâmplate regelui, de care va şi depinde soarta ulterioară a celor vinovaţi.

Aşa cum se poate observa din ultimul raport al consilierului de stat Giers, prim-ministrul a pus deja în aplicare decizia sa, astfel încât colonelul Teişanu a fost pus sub arest pentru 40 de zile.

Cu cea mai profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 82-83 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Trimitere la sceneta *Visul României*.
[2] Nu se publică.

80

Бухарест, 7 июля 1898 г. Донесение коллежского советника Сомова

Копия

Предстоящее путешествие короля Карла в Россию даёт постоянную пищу румынской печати. В многочисленных появившихся по сему поводу статьях событие это приветствуется с несказанною радостью, но ему приписывают самые разнообразные причины и последствия. Большинство видит в нём прямое последствие установившихся за последние годы хороших отношений и состоявшегося между Россией и Австрией соглашения по балканским делам[1]; но раздаются и такие голоса, которые видят в них крутой поворот во внешней политике Румынии, разочарованной в дружбе с Австрией и Германией, которые ровно ничего не сделали до сего времени, чтобы облегчить положение румын в Венгрии и Македонии.

Нельзя не отметить, вместе с тем, того отрадного явления, что вопрос о Бессарабии не волнует более общественное мнение и всё реже и реже затрагивается в печати. Такую перемену можно объяснить тем, что, с одной стороны, всё внимание Королевства поглощено ныне действительно небывалыми притеснениями, которым венгерское правительство подвергнуло своих румынских подданных; с другой, тем интересом, который возбуждает ныне в румынах Добруджа с новым портом в Констанце, торговым и военным флотом, которыми румыны занимаются со свойственным им детским увлечением. И вряд ли согласились бы они ныне поменять обратно Добруджу на Бессарабию.

При таких условиях им остаётся обходить последнюю молчанием.

Наконец, нельзя не упомянуть и о мудром образе действия в этом вопросе самого короля, который, с самого начала, поняв всю беспомощность сетований на потерю Бессарабии, крайне неодобрительно относится ко всякой агитации и сумел заинтересовать румын Добруджей и направить их деятельность на эту новую и богатую область.

С глубочайшим уважением и проч.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 136-137.
Копия в ЦНИА, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В апреле 1897 г., во время визита Франца Иосифа в Санкт-Петербург, российский и австро-венгерский монархи достигли соглашения о сохранении статус-кво на Балканах.

Bucureşti, 1 mai 1898. Raport al consilierului de colegiu Somov

Copie

Aşteptata călătorie a regelui Carol în Rusia alimentează continuu presa românească. În foarte multe articole apărute pe acest subiect, evenimentul este salutat cu o bucurie nedisimulată, fiindu-i atribuite totuşi cele mai diferite explicaţii şi consecinţe. Majoritatea vede în acesta o consecinţă directă a bunelor relaţii instaurate în ultimii ani şi a înţelegerii încheiate între Rusia şi Austria în chestiunile balcanice[1]; totuşi, există şi altfel de voci, care văd în acest eveniment o schimbare radicală a direcţiei politicii externe a României, dezamăgită de prietenia cu Austria şi Germania, care nu au făcut absolut nimic până acum pentru uşurarea situaţiei românilor din Ungaria şi Macedonia.

Pe lângă aceasta, nu poate fi trecut cu vederea faptul îmbucurător că chestiunea Basarabiei nu mai interesează opinia publică şi că această chestiune este adusă din ce în mai rar în discuţie de către presă. O astfel de schimbare poate fi explicată prin faptul că, pe de o parte, toată atenţia Regatului este absorbită în prezent de discriminările cu adevărat fără precedent aplicate de către Guvernul maghiar supuşilor săi români, iar pe de altă parte prin interesul pe care îl trezeşte în prezent românilor Dobrogea, cu noul port la Constanţa, cu flota comercială şi militară, de care românii se ocupă cu o pasiune copilărească specifică lor. Şi este foarte puţin probabil ca ei să fie de acord să schimbe acum Dobrogea pe Basarabia.

În aceste condiţii, lor nu le rămâne decât să o ocolească pe ultima prin tăcere.

În sfârşit, nu poate fi trecut cu vederea modul înţelept de acţiune a regelui în această chestiune, care, chiar de la început, înţelegând toată zădărnicia lamentărilor pentru pierderea Basarabiei, dezaprobă cu fermitate orice agitaţie, reuşind să le trezească românilor interesul pentru Dobrogea şi să le canalizeze activitatea în direcţia acestei regiuni noi şi bogate.

Cu cel mai profund respect etc.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 136-137.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] În aprilie1897, pe fondul vizitei lui Franz Josef la Sankt Petersburg, cei doi împăraţi au căzut de acord asupra păstrării *statu-quo*-ului în Balcani.

81

Бухарест, 22 июля 1898 г., № 35. Сомов – графу Муравьёву

Доверительно

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Полученные здесь телеграммы о приёме, оказанном королю Карлу и наследному принцу в России, продолжают вызывать ряд сочувственных нам статей во всей местной печати.

Консервативная партия, которая до последней минуты не хотела примириться с мыслью о возможности поездки в Россию нынешнего министра-президента и крупным шрифтом печатала в заголовках своих газет выдержки из враждебной России брошюры господина Стурдзы «L'Europe, la Russie et la Roumanie», решилась, наконец, оставить противника своего в стороне и горячо приветствует великое и светлое событие в жизни Королевства.

Особенно сильное впечатление произвели здесь назначение короля шефом русского полка и посещение Его Величеством и принцем Фердинандом Его Высокопреосвященства митрополита С.-Петербургского[1].

Бывший посланник в С.-Петербурге, господин Катарджиу, передал мне по этому поводу, что, несмотря на все его старания, наследный принц[2] в первый приезд свой в Россию отказался посетить митрополита. Вместе с тем господин Катарджиу сообщил мне доверительно, что король наотрез отказался в то время пожаловать румынский орден обер-прокурору Св. Синода, к которому он питал сильное нерасположение.

Румынские газеты, сопоставляя все отзывы и оценку путешествия, делаемую иностранной печатью, не без иронии замечают, что одна только венгерская печать впала по этому поводу в «тихую меланхолию».

Её Величество королева, получающая подробные известия о ходе путешествия от короля, не скрывает своего удовольствия и неоднократно высказывала, насколько она польщена вниманием, оказанным ей императорской Академией наук.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 147-148 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Палладий (Раев-Писарев). Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский с октября 1892 по декабрь 1898 г.

[2] В ноябре 1894 г. принц Фердинанд посетил Россию и присутствовал на похоронах Александра III.

Bucureşti, 22 iulie 1898, nr. 35. Somov către contele Muraviev

Confidenţial

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Telegramele sosite aici, privind primirea care a fost oferită în Rusia regelui Carol şi principelui Moştenitor, continuă să genereze în presa locală articole de simpatie la adresa noastră.

Partidul conservator, care nu s-a putut împăca până în ultima clipă cu ideea călătoriei în Rusia a actualului preşedinte al Consiliului de Miniştri, publicând, cu majuscule, în ziarele lor, extrase din broşura ostilă Rusiei semnată de domnul Sturdza, „L'Europe, la Russie et la Roumanie", a decis în sfârşit să-şi lase în pace adversarul şi să salute cu căldură acest mare şi luminos eveniment din viaţa Regatului.

O impresie cu totul specială a fost provocată aici de numirea regelui în calitate de şef al regimentului rus şi de vizita Majestăţii Sale şi a principelui Ferdinand la Înaltpreasfinţia Sa, mitropolitul de Sankt-Petersburg[1].

Fostul trimis la Sankt-Petersburg, domnul Catargiu, mi-a comunicat, în legătură cu aceasta, că, în ciuda tuturor stăruinţelor sale, în timpul primei sale călătorii în Rusia, principele moştenitor[2] a refuzat să-i facă o vizită mitropolitului. Totodată, domnul Catargiu mi-a spus confidenţial că regele a refuzat categoric să-l decoreze cu un ordin românesc pe înaltul reprezentant al împăratului în Sf. Sinod, faţă de care nutrea puternice sentimente de antipatie.

Ziarele româneşti, comparând reacţiile şi evaluările privind călătoria apărute în presa străină, observă, nu fără ironie, că doar presa maghiară a căzut din această cauză „într-o melancolie tăcută".

Majestatea Sa regina, care primeşte informaţii detaliate privind călătoria direct de la rege, nu îşi ascunde satisfacţia şi a declarat de mai multe ori că este măgulită de atenţia acordată ei de către Academia Imperială de Ştiinţe.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 147-148 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Paladie (Raev-Pisarev), Mitropolit de Sankt-Petersburg şi Ladoga între octombrie 1892 şi decembrie 1898.

[2] În noiembrie 1894, prinţul Ferdinand a vizitat Rusia, fiind prezent la funeraliile împăratului Alexandru III.

82

Бухарест, 1 августа 1898 г., № 39. Сомов – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Король Карл, возвратившийся в Синаю 26го июля вечером, при самом выходе из вагона заявил собравшемуся встретить Его Величество дипломатическому корпусу, что всё путешествие от начала до конца было чистым волшебством.

Обратившись ко мне, Его Величество, упомянув о милостивом внимании, оказанном ему государем императором назначением шефом полка, близкого ему по минувшей войне, с волнением описывал почести и искренний приём, оказанные ему во всё время пребывания в России[1], которые далеко превзошли все его ожидания.

На завтраке, данном сегодня в честь императорской миссии, король, появившийся с Георгиевским Крестом, подробно описывал всё путешествие, безошибочно припоминая все фамилии [тех, с кем встречался].

Её Величеству королеве путешествие известно до малейших подробностей.

Король был, видимо, поражён блестящим видом 60.000 русских войск, по его расчёту, осмотренных им в Петербурге, Москве и Киеве, и неоднократно высказывал, насколько он счастлив был вновь увидеть безукоризненными и полными отваги великолепные полки гвардии, с которыми он связан столькими воспоминаниями.

Особенно тронут король памятью и вниманием, оказанными ему старыми соратниками, издалека явившимися его приветствовать.

Близкие к королю люди единогласно заявляли мне, что Его Величество всё время был искренне тронут и взволнован, и что они не запомнят, чтобы король Карл, обыкновенно крайне сдержанный, когда-либо так открыто и без всякого стеснения выражал своё удовольствие.

После завтрака король долго беседовал о виденных им православных храмах и особенно восхищался чисто русским стилем, без всякой примеси иноземного влияния, возрождённым по личному почину в бозе почившего императора Александра III.

В заключение Его Величество, коснувшись формы креста, принятой той или другой церковью, заявил, к великому изумлению присутствовавших, что, по его мнению, единственно правильною и верною исторически является форма креста, сохранившаяся в [Русской] Православной Церкви.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 166-168. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] В тронной речи, обращенной к Законодательному собранию, 15(27) ноября 1898 г. Карл I заявил: „По случаю визита, нанесенного мною императору России, Его Величество изволил проявить ко мне многочисленные знаки внимания, доказывающие его истинную дружбу. Прием, оказанный мне, был таким же симпатичным, насколько и торжественным. Во время всей моей поездки по России я смог увидеть, с особым удовлетворением, что память о братском сотрудничестве нашего оружия, скрепленном на полях Болгарии, осталась нетронутой". См.: Cuvântările regelui Carol I. M Vol. II. 1887–1914 / Ed. C. Giurescu. Bucureşti, 1939. P. 216.

Bucureşti, 1 august 1898, nr. 39. Somov către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Regele Carol, revenit la Sinaia pe data de 26 iulie, a declarat, chiar la coborârea din vagon, în faţa corpului diplomatic reunit pentru a-l întâmpina pe Majestatea Sa, că întreaga călătorie a fost, de la început până la sfârşit, cu adevărat încântătoare.

Adresându-se mie, Majestatea Sa, invocând atenţia binevoitoare acordată de către împărat, prin numirea în calitate de şef al regimentului apropiat lui din timpul războiului trecut, a descris, copleşit de emoţii, onorurile şi primirea sinceră ce i-au fost rezervate în timpul şederii în Rusia[1], care au depăşit toate aşteptările sale.

În timpul micului dejun, oferit azi în onoarea misiunii imperiale, regele, purtând Crucea Sfântului Gheorghe, a descris în detaliu toată călătoria, amintind corect numele tuturor [persoanelor cu care s-a întâlnit].

Majestatea Sa regina cunoaşte călătoria până la cele mai mici amănunte.

Regele a fost, se pare, puternic impresionat de imaginea sclipitoare a celor 60.000 de ostaşi ruşi, inspectaţi de către Majestatea Sa la Petersburg, Moscova şi Kiev, menţionând de mai multe ori faptul că a fost fericit de a revedea regimentele de gardă, impecabile şi neînfricate, de care este legat prin atâtea amintiri.

Regele a fost impresionat în mod special de amintirea şi atenţia care i-au fost acordate de vechii camarazi de luptă, veniţi de departe pentru a-l saluta.

Persoane din anturajul regelui mi-au declarat la unison că Majestatea Sa a fost tot timpul sincer impresionat şi emoţionat şi că ei nu îşi aduc aminte ca regele Carol, de obicei deosebit de rezervat, să-şi fi exprimat vreodată satisfacţia atât de deschis şi fără orice reţinere.

După micul dejun, regele a discutat îndelung despre lăcaşurile de cult ortodoxe vizitate, fiind impresionat în mod special de stilul rusesc al acestora, lipsit de oricare influenţă străină, renăscut la iniţiativa personală a întru Dumnezeu adormitului împărat Alexandru III.

În încheiere, Majestatea Sa, invocând forma crucii a uneia sau alteia dintre Bisericile Creştine, a declarat, spre marea mirare a celor prezenţi, că, din punctul său de vedere, singura formă corectă şi adevărată din punct de vedere istoric este aceea a crucii păstrate în Biserica Ortodoxă [Rusă].

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 166-168.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] În Mesajul Tronului adresat Corpurilor Legiuitoare, la 15/27 noiembrie 1898, regele Carol I avea să declare: „Cu prilejul vizitei ce am făcut Împăratului Rusiei, mi s-a dat de Majestatea Sa numeroase dovezi de adevărată prietenie. Primirea ce mi s-a făcut a fost tot atât de simpatică pe cât de strălucită şi în toată călătoria mea prin Rusia am văzut, cu o deosebită mulţumire, că amintirea confraternităţii de arme, consacrată pe câmpiile Bulgariei, a rămas neatinsă" (*Cuvântările regelui Carol I*, vol. II 1887-1914, ediţie îngrijită de Constantin C. Giurescu, Bucureşti, 1939, p. 216).

83

Бухарест, 5 августа 1898 г., № 40. Сомов – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Путешествие короля Карла в Россию, признаваемое здесь всеми актом первостепенной важности, не могло, вместе с тем, не породить некоторых второстепенных случаев, толков и надежд, о которых и позволяю себе донести Вашему Сиятельству, так как они обрисовывают отчасти настроение умов.

Любопытство здешних политических деятелей крайне возбуждено разрешением вопроса, кто именно отправил в С.-Петербург брошюру господина Стурдзы «L'Europe, la Russie et la Roumanie».

До сих пор вопрос этот остаётся открытым, хотя никто не сомневается, что дело это исходит от оппозиции, то есть от консерваторов или от отделившихся от господина Стурдзы аурелианистов[1].

Подозрения, прежде всего, пали на бывшего посланника в С.-Петербурге, господина Александра Катарджиу, и бывшего министра юстиции, господина Таке Ионеску.

Действительно, первый из них имел много причин быть недовольным господином Стурдзой. Ещё весной этого года сын господина Катарджиу, никогда политикой не занимавшийся и с успехом состоявший прокурором при бухарестском окружном суде, был уволен господином Стурдзой самым обидным и унизительным образом.

Господин Катарджиу, [который] первый заговорил со мной о павших на него подозрениях, заявил, что он политический противник господина Стурдзы и, сверх того, глубоко презирает его, как человека, но что, несмотря на это, он, равно как и товарищи его, консерваторы, считают рассылку брошюр в данную минуту бестактной, и что человек воспитанный и порядочный должен был бы воздержаться от мести в этой форме. По его мнению, брошюра эта была разослана из Венгрии, где недовольство румын на образ действия господина Стурдзы в трансильванском вопросе достигло крайних размеров.

Хотя оппозиция и примирилась с фактом поездки господина Стурдзы в С.-Петербург и даже начинает отдавать справедливость великодушию императорского правительства, принявшего первого министра Королевства, несмотря на то, что пост этот занят господином Стурдзой, тем не менее, печать не упускает случая выставить его в самом неблаговидном виде.

Так, целая полемика возгорелась между правительственными и оппозиционными газетами из-за вопроса, был ли удостоен государем императором господин Стурдза подачей руки или нет.

После долгого спора, вопрос был решён в том смысле, что государь император действительно удостоил господина Стурдзу подачей руки, но по ошибке, так как первый министр, зная, что его ожидает, забежал в число дежурных адъютантов.

Как Вашему Сиятельству небезызвестно, путешествие короля в Россию особенно не понравилось венгерцам, которые не преминули выразить своё неудовольствие, разрезав на куски, в день отъезда короля, портрет Его Величества, в продолжение 20 лет мирно украшавший парадную комнату в лечебном местечке Элёпаток[2], посещаемом, по преимуществу, румынами.

Этот дикий акт вызвал не менее сильный отпор во всей румынской печати.

Вообще, и в печати, и в обществе твёрдо уверены, что прямым последствием поездки короля в Россию будет уменьшение притеснений румын в Трансильвании. Убеждение это, отчасти, разделяется и дипломатическими кругами. Так, недавний вызов графом Голуховским здешнего австро-венгерского посланника барона Эренталя в Пешт объясняют намерением венгерского правительства несколько смягчить

применение в Трансильвании нового школьного закона, направленного, главным образом, против румын.

Равным образом, после путешествия короля, с новой силой возникли толки о посещении императором германским короля Карла, на возвратном пути из Константинополя. Хотя и правительство, и германский посланник упорно опровергают это известие, но, по общему убеждению, император Вильгельм непременно должен приехать, чтобы умалить значение поездки [короля Карла] в С.-Петербург.

В заключение, считаю долгом присовокупить, что германское правительство было сильно заинтересовано путешествием, и здешний германский посланник граф Брей[3] получил из Берлина дважды строгие внушения за несвоевременное и неполное сообщение о путешествии короля в Россию.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 170-173 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Фракция, сформировавшаяся внутри национал-либеральной партии под руководством Петре С. Аурелиана, который занимал пост премьер-министра Румынии в ноябре 1896 – марте 1897 г.

[2] Нынешнее название – Вылчеле. Село в бывшем графстве Харомсек. Сейчас находится в уезде Ковасна, Румыния.

[3] Граф Ипполит фон Брай-Штейнбург, посланник Германии в Бухаресте с октября 1897 до октября 1899 г. См.: Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes, 1871–1945. Bd. 1. Paderborn, 2000. S. 269–270.

Bucureşti, 5 august 1898, nr. 40. Somov către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Călătoria regelui Carol în Rusia, recunoscută aici de către toată lumea drept eveniment de importanţă majoră, nu a putut să nu genereze, totodată, câteva situaţii mai puţin importante, interpretări şi speranţe, despre care îmi permit să relatez Luminăţiei Voastre, deoarece acestea ilustrează în parte starea de spirit.

Curiozitatea oamenilor politici de aici este stimulată în mod special de identificarea persoanei care a expediat la Sankt-Petersburg broşura domnului Sturdza „L'Europe, la Russie et la Roumanie".

Această chestiune rămâne încă deschisă, cu toate că nimeni nu se îndoieşte de faptul că demersul a aparţinut opoziţiei, mai bine zis conservatorilor sau aurelianiştilor desprinşi de domnul Sturdza[1].

Suspiciunile s-au îndreptat întâi de toate către fostul trimis la Sankt-Petersburg, domnul Alexandru Catargiu, şi fostul ministru al Justiţiei, domnul Take Ionescu.

Într-adevăr, primul dintre aceştia a avut destule motive să fie nemulţumit de domnul Sturdza. Încă din primăvara acestui an, fiul domnului Catargiu, care nu s-a interesat niciodată de politică şi care era un procuror de succes pe lângă Judecătoria de Ocol Bucureşti, a fost concediat de către domnul Sturdza în cel mai supărător şi umilitor mod.

Domnul Catargiu, [care] a adus personal într-o discuţie suspiciunile care cad asupra sa, a declarat că el este un adversar politic al domnului Sturdza şi că, în afară de aceasta, îl detestă profund ca om, dar, cu toate acestea, atât el, cât şi tovarăşii săi consideră expedierea broşurii în acest moment drept lipsă de tact şi că un om cult şi corect ar fi trebuit să se abţină în a se răzbuna în acest fel. După părerea sa, această broşură a fost expediată din Ungaria, unde nemulţumirea românilor faţă de modul de acţiune al domnului Sturdza în chestiunea transilvăneană a atins limite negative maxime.

Cu toate că opoziţia s-a resemnat cu vizita domnului Sturdza la Sankt-Petersburg şi chiar începe să recunoască generozitatea Guvernului imperial, care l-a primit pe prim-ministrul Regatului, cu toate că acest post este ocupat de domnul Sturdza, presa nu ratează nici o ocazie pentru a-l prezenta pe acesta în cel mai reprobabil mod.

Astfel, s-a declanşat o întreagă polemică între ziarele guvernamentale şi de opoziţie, dacă domnul Sturdza a fost sau nu onorat de împărat cu strângere de mână.

După o dispută prelungită această dilemă a fost rezolvată în sensul că împăratul l-a onorat într-adevăr pe domnul Sturdza cu strângere de mână, dar din greşeală, deoarece, cunoscând ceea ce îl aşteaptă, prim-ministrul şi-a căutat un loc printre aghiotanţii de serviciu.

Aşa cum este cunoscut Luminăţiei Voastre, călătoria regelui în Rusia nu a fost, în special, pe placul maghiarilor, care nu au ezitat să-şi exprime nemulţumirea, rupând în bucăţi, în ziua plecării regelui, portretul Majestăţii Sale, care a decorat paşnic, timp de douăzeci de ani, reşedinţa de gală din staţiunea balneară Előpatak [2], frecventată în special de către români.

Acest act sălbatic a provocat o reacţie de respingere la fel de puternică în toată presa românească.

În general, atât presa, cât şi opinia publică sunt ferm convinse că o consecinţă directă a călătoriei regelui în Rusia va fi reducerea presiunilor la care sunt supuşi românii din Transilvania. Aceste convingeri sunt împărtăşite, în parte, şi de cercurile diplomatice. Astfel, convocarea recentă la Pesta de către contele Gołuchowski a Trimisului austro-ungar de aici, Baronul Aehrenthal, este explicată prin intenţia Guvernului maghiar de a atenua întrucâtva efectele

aplicării în Transilvania a noii legi a instrucțiunii publice, îndreptată, în special, împotriva românilor.

De asemenea, după călătoria regelui, au revenit, cu forțe noi, interpretările privind vizitarea de către împăratul german a regelui Carol, în drumul de întoarcere de la Constantinopol. Cu toate că guvernul şi trimisul german resping cu vehemență această ştire, totuşi, potrivit convingerii generale, împăratul Wilhelm ar trebui să vină neapărat, pentru a atenua din importanța călătoriei la Sankt-Petersburg [a regelui Carol].

În încheiere, consider că este de datoria mea de a mai spune că Guvernul german a manifestat un interes mare pentru călătorie, iar trimisul german de aici, contele Bray[3], a primit de două ori de la Berlin mustrări ferme pentru faptul că a trimis informări întârziate şi incomplete privitoare la călătoria regelui în Rusia.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 170-173 verso.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Facțiune a Partidului Național Liberal, în frunte cu Petre S. Aurelian, prim-ministru al României în perioada noiembrie 1896 – martie 1897.

[2] Vâlcele. Sat în fostul comitat Trei Scaune. În prezent în județul Covasna, România.

[3] Conte Hippolyt von Bray-Steinburg. Trimis al Germaniei la Bucureşti între octombrie 1897 şi octombrie 1899 (*Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes, 1871-1945*, Band 1, A-F, Bearbeiter Johannes Hürter u.a., Paderborn, 2000, p. 269-270).

84

Бухарест, 9 августа 1898 г., № 44. Гирс – Сомову

Его Высокородию, А. С. Сомову

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Со времени отъезда короля Карла в Россию и поныне здешнее общественное мнение было занято едва ли не исключительно толками о значении поездки Его Величества вообще, а в частности, о почестях, кои ему были оказаны, и о различных эпизодах его пребывания в Петергофе, Москве и Киеве.

Краткий свод всего услышанного мною и заслуживающего некоторого внимания считаю долгом представить императорской миссии.

В суждениях лиц, причисляющих себя к консерваторам и в настоящее время всецело поглощённых борьбой с Министерством Стурдзы, нельзя не заметить, прежде всего, кроме усиления злобы против последнего, досады на присутствие либералов у власти как раз в такую

пору, когда посещение королём Карлом императорского двора и оказанный ему приём должны, по мнению консерваторов, внести новый влиятельный фактор в отношения румынского государства к России. Но вместе с тем о последствиях состоявшегося официального сближения российского самодержца с румынским монархом консерваторы отзываются вообще сдержанно, хотя и продолжают утверждать, вопреки действительности и ради удержания в силе порою выгодной для них легенды, что они всегда добивались такого сближения; плодами их усилий воспользовались ныне коллективисты, остающиеся будто бы в душе ненавистниками России. Кроме того, верные раз [и] навсегда установленному ими образу действий, когда они в оппозиции, консерваторы, в озлоблении на нынешнего министра-президента, не щадят в своих отзывах и самого короля Карла, утверждая, что, лишь ради наглядного доказательства своего всемогущества в стране и следуя принятой им системе обезличения румынских государственных деятелей всех политических партий, он взял с собою в Петербург Стурдзу, доселе громко причислявшего себя к ненавистникам России.

Либералы, проникнутые, благодаря нахождению у власти, благодушным спокойствием и необходимостью следовать тону речей короля Карла в его отзывах о совершённой поездке, соблюдают [необычную][1] против консерваторов сдержанность в выражении удовольствия по поводу этого события, связывая с последним укрепление созданного в стране порядка вещей, себе приписывая заслугу наступающего переворота к лучшему в отношениях Румынии к России и не без ехидства упрекая консерваторов в том, что в течение недавнего и довольно продолжительного пребывания у власти они упустили благоприятный случай доказать своё русофильство или, по крайней мере, проявить хотя бы малейшее желание сблизиться на деле с российской державой.

О жунимистах многого сказать не приходится; отзывы их сдержаннее всех прочих, и это понятно, так как вожак этой небольшой политической группы, Карп, диктаторски в ней распоряжающийся, всегда был открытым и убеждённым сторонником тесного сближения с Австрией и неоднократно высказывал своё убеждение, применяя его в своё время в бытность у власти и к делу, что у Румынии с Россией никогда и ничего общего быть не может.

О том, как относится к совершённой королём Карлом поездке военный мир, составить себе вполне определённое понятие несколько трудно за отсутствием в том мире стройности суждений об отношениях к монарху как верховному начальнику войска.

Высшее офицерство, воспитанное за границей и получившее специальное образование в военных школах Германии, Австрии, Франции и Италии, носит отпечаток некоторого космополитизма, да и, помимо этого, уже принадлежит к той или другой политической партии; низшие же офицерские чины люди вообще не особенно высокого уровня развития

и воспитания. Поскольку мне пришлось ознакомиться с их отзывами, я не мог не заметить некоторого безучастия к вопросу о поездке короля Карла в Россию. Такое равнодушие становится понятным, если принимать в соображение, что в Румынии военная служба является для лиц средних слоёв лишь профессией, притом хорошо оплачиваемой, и что румынское офицерство, лишённое лишь традицией вырабатываемого чувства искренней привязанности к царствующему дому, всегда мало интересовалось тем, что до него относится.

Справедливость требует, однако, заметить, что некоторые из румынских офицеров высших чинов, преимущественно из тех, кто участвовал в турецком походе 1877-78 года, с нескрываемым удовольствием отзываются о военных торжествах, устроенных в России в честь короля Карла, об оказанном Его Величеству государем императором отличии пожалованием ему полка и вообще о восстановлении известной связи между румынской и русской армиями. Один командир кавалерийской бригады, высказывая мне своё удовольствие по поводу всего происшедшего, прибавил в порыве откровенности: «должен вам признаться, что в нашем высшем военном мире ещё недавно были немало озабочены вопросом о поведении войска на случай ожидавшегося, и, как нас уверяли, неизбежного столкновения с Россией. На офицерство мы могли более или менее рассчитывать, но на солдат надежда была плоха; нам было положительно известно, что в случае неприятельских действий против русских они готовились дезертировать массами».

Таковы несколько пёстрые суждения румын по поводу совершённого королём Карлом путешествия; но в оценке значения этой поездки для самого монарха представители всех политических партий всех слоёв общества сходятся совершенно. Все они в один голос утверждают, что, освободясь от тяготившей его некоторой сдержанности в отношении к нему российского царствующего дома и заручившись благоволением государя императора, король Карл ещё более укрепил положение своё в стране и отныне без всяких стеснений будет проводить свою личную политику на благо румынского народа, как громко заявляют приверженцы партии, стоящей у власти, и к окончательному обезличению и унижению его, как утверждает оппозиция.

К вышеизложенным отзывам румынского общества позволяю себе представить со своей стороны нижеследующие соображения, вытекающие из долголетних над ним наблюдений.

Для лица, несколько ближе знакомого с населением, с людьми, причисляющими себя к политическим партиям того или другого оттенка, невольно является сомнение в искренности суждений румын в данном вопросе, как и всех отзывов их о важнейших моментах их государственной жизни; чувства, на которые они ссылаются, или вовсе не существуют, или крайне поверхностны. За отсутствием устойчивой нравственной основы и связанных с ней стремлений к высшим политическим идеалам, румынская

интеллигенция возвела в сущности в кумир лишь личную выгоду; погоня за последней, вошедшая в плоть и кровь политикующих румын – а политикой занимаются все, ибо она даёт насущный хлеб – вносит поэтому необычайную смуту в их суждения о делах страны и о том, что должно считаться благом для неё. Политических партий с ясно установленными и различающимися программами внутренней или внешней политики нет, а имеются лишь общественные слои, не исчезнувшие, вопреки усилиям демократизации, отдельные группы людей, борющиеся из-за власти и для достижения её не останавливающиеся, когда дело идёт о вопросах внешней политики, перед официальным исповеданием сегодня германо- и австрофилизма, завтра русофилизма и т. п.

Поездка короля Карла в Россию едва ли внесёт какую-либо перемену в их политические вкусы, и в душе они останутся приверженцами западных обычаев, усвоенных, хотя и поверхностно, а часто и ложно, благодаря свойствам своего характера, но навсегда; едва ли они изменят, поэтому, свои отношения к России.

В данном случае для нас, как смею думать, имеет решающее значение отзыв самого короля Карла, ибо он один может властной рукой изменить поведение по отношению к нам румынских правителей, к какой бы политической партии они не принадлежали. Из отзывов же, которые мне довелось услышать непосредственно от Его Величества, как в Бурдуженах, так и затем в Синае, отзывов, при которых король, всегда крайне сдержанный, с необычной живостью передавал вынесенные им за время его путешествия и оказанного ему приёма впечатления, с видимым удовольствием перебирая в памяти многие подробности своего пребывания при российском дворе, нельзя не прийти к заключению, что Его Величество проникнут не только благодарностью к государю императору за оказанные ему почести, но и сознанием всей важности для него благоволения русского монарха.

Ближайшее будущее доставит, конечно, королю Карлу, фактически полновластному хозяину страны, [возможность] доказать свою признательность на деле; но уже и теперь нет оснований сомневаться в том, чтобы он не приложил искренних усилий к устранению многих шероховатостей, накопившихся в сношениях его монархии с державой, расположение которой является едва ли не вернейшим залогом прочного преуспеяния и действительной самостоятельности молодого румынского государства.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моём почтении и совершенной преданности. А. Гирс.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 240-245 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Частично стёртое слово.

Bucureşti, 9 august 1898, nr.44. Giers către Somov

Excelenței Sale, A.S. Somov

Stimate Domnule Alexandr Sergheevici,

Din clipa plecării regelui Carol în Rusia şi până în prezent, opinia publică de aici a fost ocupată aproape exclusiv de interpretările fără sfârşit privind importanța călătoriei Majestății Sale, în general, de onorurile care i-au fost acordate şi, în particular, de diferitele episoade ale aflării sale la Peterhof, Moscova şi Kiev.

Consider că este de datoria mea de a pune la dispoziția misiunii imperiale o scurtă prezentare a celor auzite de mine, lucruri care merită o oarecare atenție.

În aprecierile persoanelor care se consideră conservatori, prinşi în prezent în totalitate în lupta împotriva Guvernului Sturdza, nu poate trece neobservat, în primul rând, alături de amplificarea furiei împotriva acestuia din urmă, regretul pentru aflarea liberalilor la putere, chiar în aceste timpuri, în care vizita regelui Carol la curtea imperială şi primirea oferită acestuia ar trebui să introducă, din punctul de vedere al conservatorilor, un nou factor de influență în atitudinea statului român față de Rusia. Totodată însă, în legătură cu urmările apropierii oficiale care a avut loc între autocratul rus şi monarhul român, conservatorii se pronunță în general cu reținere, cu toate că mai continuă să susțină, contrar evidențelor şi pentru întreținerea unei legende convenabile lor uneori, potrivit căreia ei şi-ar fi dorit mereu o astfel de apropiere, că de roadele eforturilor lor s-au folosit în prezent colectiviştii, care ar rămâne în suflet potrivnici Rusiei. În afară de aceasta, fideli o dată [şi] pentru totdeauna modului lor de acțiune în timpul în care se află în opoziție, conservatorii, în furia față de actualul preşedinte al Consiliului de Miniştri, nu îl menajează în comentariile lor nici pe regele Carol, afirmând că acesta, doar pentru a demonstra limpede atotputernicia sa în țară şi urmând sistemul său de depersonalizare a oamenilor de stat români din toate partidele politice, l-a luat cu sine la Sankt-Petersburg şi pe Sturdza, care s-a afişat până atunci, cu voce tare, printre persoanele care urăsc Rusia.

Liberalii, pătrunşi, grație aflării la putere, de un calm blând şi de nevoia de a urma tonul discursurilor regelui Carol privitoare la călătorie, dau dovadă de o [neobişnuită][1] reținere față de conservatori în exprimarea satisfacției în legătură cu acest eveniment, legându-l de starea de lucruri creată în țară şi atribuindu-şi lor înşişi meritul pentru anunțata schimbare în bine în relațiile României cu Rusia şi, nu fără maliționitate, reproşându-le conservatorilor faptul că, în timpul recentei şi prelungitei lor aflări la putere, au ratat şansa favorabilă de a-şi demonstra rusofilismul, sau, în orice caz, pentru a sugera un interes cât de mic pentru apropierea de statul rus.

Despre junimişti nu este nevoie de a spune prea multe; atitudinea lor este cea mai rezervată, iar acest lucru este de înțeles, deoarece conducătorul acestui mic grup politic, Carp, care îl conduce în stil dictatorial, a fost dintotdeauna un susținător deschis şi convins al apropierii strânse de Austria şi şi-a exprimat de nenumărate ori convingerea, punând-o în practică la timpul său, în perioada în care s-a aflat la putere, considerând că România nu a avut niciodată şi nici nu poate să aibă ceva în comun cu Rusia.

Cât priveşte atitudinea cercurilor militare față de călătoria efectuată de către regele Carol, este destul de dificil de a formula o opinie clară, din cauza lipsei în aceste cercuri a unei armonii a judecăților privind atitudinea față de monarh, în calitatea acestuia de comandant suprem al armatei.

Ofițerimea superioară, educată peste hotare şi cu studii de specialitate la şcolile militare din Germania, Austria, Franța şi Italia, poartă amprenta unui anumit cosmopolitism şi, în afară de aceasta, este deja divizată între diverse partide politice; cât priveşte gradele ofițereşti inferioare, acestea sunt reprezentate de persoane cu un nivel nu foarte ridicat de dezvoltare şi educație. Deoarece am avut ocazia să le cunosc impresiile, nu pot să nu observ o oarecare indiferență în chestiunea călătoriei regelui Carol în Rusia. O astfel de indiferență devine de înțeles dacă avem în vedere faptul că, în România, pentru persoanele din clasele mijlocii, serviciul militar reprezintă doar o simplă profesie, foarte bine plătită, de altfel, şi că ofițerimea română, lipsită de sentimentul unei legături strânse cu Casa Domnitoare, dezvoltat de tradiție, s-a interesat dintotdeauna puțin de aspecte privitoare la aceasta.

Trebuie recunoscut totuşi faptul că unii dintre ofițerii români cu grade superioare, în special dintre aceia care au participat la campania turcească din 1877-78, vorbesc cu o nedisimulată satisfacție despre ceremoniile militare organizate în Rusia în onoarea regelui Carol, despre distincția acordată Majestății Sale de către împărat, prin oferirea şefiei regimentului şi, în general, despre restabilirea legăturii de glorie dintre armatele română şi rusă. Într-un puseu de sinceritate, arătându-mi satisfacția pentru cele întâmplate, un comandant al unui detaşament de cavalerie a adăugat următoarele: „trebuie să recunosc că în cercurile noastre militare superioare existau până recent temeri în legătură cu comportamentul armatei în cazul unei aşteptate, sau, aşa cum eram asigurați, inevitabile confruntări cu Rusia. Pe ofițeri ne puteam baza într-o măsură mai mare sau mai mică, în timp ce în cazul soldaților aşteptările erau sumbre; noi cunoşteam foarte bine faptul că, în cazul unor acțiuni de luptă împotriva ruşilor, aceştia intenționau să dezerteze în masă".

Acestea sunt câteva opinii disparate ale românilor, relative la călătoria regelui Carol; cât priveşte aprecierea importanței acestei călătorii pentru persoana monarhului, punctele de vedere ale reprezentanților tuturor partidelor, ale tuturor păturilor societății, sunt în totalitate identice. Toată lumea afirmă la unison că, eliberându-se de disconfortul creat de atitudinea distantă față de domnia sa a Casei Imperiale Ruse şi asigurându-se de bunăvoința împăratului, regele Carol şi-a consolidat şi mai mult poziția în țară şi că va promova de acum

înainte fără nici o reținere politica sa personală, spre binele poporului român, așa cum susțin vocal simpatizanții partidului aflat la putere, sau spre depersonificarea definitivă şi umilirea acestuia, așa cum afirmă opoziția.

În completare la reacțiile societății românești, îmi permit să expun în continuare reflecțiile mele personale, așa cum rezultă acestea din observările de pe parcursul mai multor ani.

Pentru o persoană care cunoaşte din aproape populația, oamenii care se consideră parte a partidelor politice de o orientare sau alta, este permisă îndoiala legată de sinceritatea opiniilor exprimate de români în această chestiune punctuală, la fel ca şi față de toate opiniile legate de momentele de referință din viața lor statală; sentimentele la care fac ei trimitere nu există în general sau sunt foarte superficiale. În lipsa unui fundament moral stabil, care să influențeze şi aspirațiile lor la idealuri politice superioare, inteligheția românească a ridicat, în esență, pe post de idol doar câştigul personal; goana după acesta, intrată în trupul şi sângele românilor care fac politică – iar de politică se ocupă toți, deoarece aceasta oferă pâinea cea de toate zilele – induce o stare neobişnuită de confuzie în raționamentele lor privind treburile țării şi privind ceea ce trebuie să fie considerat bunăstare pentru țară. Nu există partide politice cu programe de politică internă şi externă bazate pe principii clare, ci doar straturi sociale, care nu au dispărut, în pofida eforturilor de democratizare, doar grupuri de oameni care luptă pentru putere şi care, pentru obținerea acesteia, nu se opresc de la confesări oficiale nici atunci când sunt avute în vedere chestiuni de politică externă, azi în versiunea germanofilismului şi austrofilismului, iar mâine în cea a rusofilismului ş.a.m.d.

Călătoria regelui Carol în Rusia nu are cum să aducă vreo modificare a preferințelor lor politice, iar în suflet ei vor rămâne adepți ai obiceiurilor occidentale, pe care şi le-au însuşit pentru totdeauna, fie doar şi superficial, iar deseori şi fals, ca urmare a specificului caracterului lor; de aceea ei nu au cum să-şi modifice nici atitudinea față de Rusia.

Îndrăznesc să cred că, pentru noi, în acest caz, decisivă este impresia regelui Carol însuşi, deoarece doar el este în stare să modifice, prin mâna sa forte, atitudinea față de noi a guvernanților români, indiferent de apartenența la un partid politic sau altul. Plecând de la impresiile Majestății Sale, pe care le-am putut auzi personal, atât la Burdujeni, cât şi, mai apoi, la Sinaia, expuneri în timpul cărora regele, de obicei foarte rezervat, a reprodus, cu o neobişnuită animație, experiențele călătoriei sale şi a primirii oferite, selectând din memorie multe amănunte din timpul aflării sale la Curtea rusă, nu poți să nu ajungi la concluzia că Majestatea Sa este pătruns nu doar de sentimentul de recunoştință față de împărat, pentru onorurile ce i-au fost oferite, ci şi de conştientizarea importanței pe care o are pentru el bunăvoința monarhului rus.

Desigur, viitorul apropiat îi va oferi posibilitatea regelui Carol, în realitate stăpânul deplin al țării, de a dovedi prin fapte recunoştința sa; nu există însă încă de pe acum motive pentru a pune la îndoială faptul ca el să nu

depună sincer toate eforturile pentru înlăturarea multor asperităţi acumulate în relaţiile monarhiei sale cu statul, a cărui simpatie reprezintă poate cea mai sigură garanţie pentru propăşirea de durată şi pentru independenţa adevărată a tânărului stat român.

Cu supunere, vă rog, stimate domn, să acceptaţi asigurarea întregii mele consideraţiuni şi a devotamentului meu deplin. A. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 240-245 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Cuvânt parţial şters.

85

Бухарест, 4 декабря 1898 г., № 61. Фонтон – Графу Муравьёву

Его Сиятельству, Графу М.Н. Муравьёву

Милостивый Государь Граф Михаил Николаевич,

Известное императорскому министерству дело о субсидиях, поступающих от здешнего правительства румынским школам в Трансильвании снова было возбуждено на этих днях в Сенате.

Во время заседания 23го прошлого ноября сенатор Майореску[1] внёс запрос относительно вышеупомянутых субсидий, причём изложил вкратце их историю.

Две сохранившиеся дарственные записи – одна князя Арона Воды[2] 1594 года, а другая князя Раковитцы[3] 1731 года – упоминают о тех вкладах, которые школы в Брашове получали ещё исстари.

Документы, хранящиеся в тамошней церкви Св. Николая, обнаруживают также, что последняя владела землею в Будиштенах, которой и управляла.

После секуляризации церковных имуществ на заседаниях [Парламента] в Яссах 1860, года а затем в Бухаресте 1861 года румынским школам в Брашове была присуждена известная годовая субсидия в размере 35-ти тысяч старых лей.

Это решение было подтверждено последующими законодательными собраниями.

Несмотря на новый венгерский закон 1883 года, не допускающий школам, находящимся в Венгрии, пользоваться субсидиями иностранных государств, здешнее правительство продолжало выдавать трансильванским румынским школам известную сумму денег.

В заключение оратор резко обвинил президента Совета в том, что он прекратил выдачу субсидий румынским школам в Трансильвании, нанося этим ущерб национальному вопросу. В виду последнего, он, Майореску, и вынужден был согласиться быть защитником интересов церкви Св. Николая перед судом.

В своём ответе господин Стурдза подчеркнул тот политический характер, который был придан этому делу его недоброжелателями.

Далее президент Совета упомянул о тех обвинениях, которые были на него взведены Таке Ионеску во время заседания Палаты Депутатов 28 апреля сего года, когда впервые был поднят вопрос о субсидиях румынским школам в Трансильвании.

В опровержение взводимых на него обвинений, будто он сообщил венгерскому правительству цифру субсидий и т.д., господин Стурдза прочёл переписку, которую имел с здешним австро-венгерским министром; из последней явствует, что те два документа, на которые ссылался Таке Ионеску, недействительны. Что же касается прекращения выдачи, то первый министр открыто объявил, что принуждён был принять такое решение под влиянием угрозы венгерского правительства применить закон 1883 года, постановляющий закрыть румынские школы на случай продолжения получения ими субсидий. К сему Стурдза присовокупил, что он деятельно продолжает переговоры с венгерским правительством, стараясь убедить последнее, что выдаваемая сумма денег здешним правительством румынским школам в Трансильвании должна быть рассматриваема не как пособие, а лишь как исполнение воли завещателей, узаконенное местными законодательными собраниями. господин Стурдза прибавил, что он рассчитывает на благоприятный исход этих переговоров.

Из сказанного мне моим австрийским сотоварищем можно заключить, что венгерское правительство, вероятно, согласится, по подробном рассмотрении документов, относящихся к этому делу, о передаче румынским правительством брашовской церкви Св. Николая полностью всего капитала, по которому проводятся ежегодные выдачи.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 658, Листы 299-300 об. Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Титу Майореску (1840-1917), румынский писатель и политический деятель, один из членов-учредителей Румынской Академии.

[2] Господарь Молдавского Княжества в 1591–1595 гг.

[3] Михай Раковицэ. Князь Молдавии в 1703-1705, 1707-1709, 1715-1726 годах и князь Валахии в 1730-1731, 1741-1744 годах.

Bucureşti, 4 decembrie 1898, nr. 61. Fonton către contele Muraviev

Luminăţiei Sale, Contelui M.N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Zilele acestea au fost reluate în Senat discuţiile referitoare la chestiunea subsidiilor acordate de către guvernul de aici şcolilor din Transilvania, chestiune despre care Guvernul imperial are deja cunoştinţă.

În timpul şedinţei din data de 23 a lunii noiembrie, senatorul Maiorescu[1] a depus o interpelare referitoare la subsidiile amintite mai sus, prezentând pe scurt şi istoria acestor ajutoare.

Două zapise păstrate până în prezent – unul de la 1594, aparţinând domnitorului Aron Vodă[2], şi altul de la 1731, aparţinând domnitorului Racoviţă[3], amintesc de ajutoarele pe care şcolile din Braşov le primeau din vechime.

Documentele care se păstrează la biserica Sf. Nicolae de acolo, confirmă faptul că aceasta din urmă deţinea moşii la Budişteni, pe care le şi administra.

După secularizarea proprietăţilor bisericeşti, la şedinţele [Parlamentului] din Iaşi din anul 1860, iar mai apoi la cele din Bucureşti în anul 1861, şcolilor româneşti din Braşov le-a fost stabilit un subsidiu anual în valoare de 35 mii de lei vechi.

Această decizie a fost confirmată de către şedinţe ulterioare ale adunărilor legislative.

În pofida noii legi maghiare din anul 1883, care interzice şcolilor de pe teritoriul Ungariei de a se folosi de subsidii ale unor state străine, guvernul de aici a continuat să acorde şcolilor româneşti din Transilvania o anumită sumă de bani.

În încheiere, oratorul l-a acuzat dur pe preşedintele Consiliului de Miniştri de încetarea acordării de subsidii către şcolile româneşti din Transilvania, fapt prin care ar fi adus atingeri interesului naţional. Având în vedere acest din urmă aspect, el, Maiorescu, a fost nevoit să fie de acord cu apărarea intereselor bisericii Sf. Nicolae în instanţă.

În răspunsul său, domnul Sturdza a subliniat caracterul politic care i-a fost atribuit acestui dosar de către adversarii săi.

În continuare, preşedintele Consiliului de Miniştri a amintit de acuzaţiile care i-au fost aduse de Take Ionescu în timpul şedinţei Camerei Deputaţilor din data de 23 aprilie a acestui an, când a fost ridicată pentru prima dată chestiunea subsidiilor pentru şcolile româneşti din Transilvania.

Respingând acuzaţiile care i se aduc, potrivit cărora el ar fi comunicat Guvernului maghiar valoarea subsidiilor etc., domnul Sturdza a citit din

corespondența pe care a avut-o cu ministrul austro-ungar de aici; din aceasta rezultă că acele două documente la care face referință Take Ionescu nu sunt autentice. Cât privește încetarea acordării subsidiilor, prim-ministrul a declarat deschis că a fost constrâns să ia această decizie de amenințarea Guvernului maghiar de a aplica prevederile legii din anul 1883, care prevede posibilitatea închiderii şcolilor românești, în cazul în care acestea vor continua să accepte subsidii. La aceasta, domnul Sturdza a mai adăugat că el continuă intens discuțiile cu Guvernul maghiar, încercând să-l convingă de faptul că suma alocată de guvernul de aici şcolilor din Transilvania nu trebuie văzută ca subvenție, ci doar ca expresie a îndeplinirii voinței testatorilor, legiferată de către adunările legislative de aici. Domnul Sturdza a mai spus că el mizează pe un rezultat pozitiv în aceste negocieri.

Din cele relatate mie de colegul meu austriac, se poate deduce că, după o examinare atentă a documentelor referitoare la această chestiune, Guvernul maghiar va fi probabil de acord cu transferul de către Guvernul român către Biserica Sf. Nicolae a întregului capital, din care se efectuează plățile anuale.

Cu profundă considerație şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 658, filele 299-301.
Copie la ANIC, Colecția Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Titu Maiorescu (1840-1917), politician, scriitor român, membru fondator al Academiei Române.

[2] Domn al Moldovei în anii 1591-1595.

[3] Mihai Racoviță. Domn al Moldovei în anii 1703-1705, 1707-1709, 1715-1726 şi al Valahiei în anii 1730-1731, 1741-1744.

INDICE DE NUME DE PERSOANE[1]

A

Aehrenthal, Alois Lexa von, 63-64, 83
Alexandra, prințesă de Saxa-Coburg-Gotha, 51
Alexandropoulos, diplomat grec, 63
Alexandru II, împărat al Rusiei, 66, 68
Alexandru III, împărat al Rusiei, 53, 82
Alexandru (Obrenović), rege al Serbiei, 13
Alexei Alexandrovici, mare duce rus, 52
Algiu, Ion, 14
Apostolescu, Filip, 61
Arbore Ralle (Ralli), Zamfir, 4
Arion, deputat, 26, 44
Aubigny (Aubigné), Jules Ludovic Henrys, 55, 70
Aurelian, Petre S., 23

B

Balș, George, 26
Bánffy, Dezső , 66
Beatrice Leopoldine Victoria de Saxa-Coburg-Gotha, 74
Beldiman, Alexandru V., 10
Bismarck, Herbert, 24
Bismarck, Otto von, 24, 43
Boris Vladimirovici, mare duce rus, 69
Brațu, căpitan, 5
Bray-Steinburg, Hippolyt von, 83
Brătianu, I.C., 1-5, 7, 14-17, 22, 24, 27, 35, 43-44, 62, 68, 70, 78
Brote, Eugen, 40
Bülow, Bernhard von, 18, 24, 45

C

Carol I, rege al României, 3, 5-8, 10-13, 16, 18, 22, 24-25, 27-28, 30, 32, 34-35, 45-46, 50-52, 56, 58-59, 64, 66, 68-72, 74-84
Carol, prinț al României, 50
Carp, Petre P., 2, 3, 7, 8, 12, 14-16, 22, 24, 26, 43-44, 49, 56, 68, 84
Catargiu, Alexandru, 71, 81, 83
Catargiu, Lascăr, 15, 22, 27, 36, 39, 42, 59, 68, 70
Celibidaki, consul rus în Dobrogea, 34
Chințu, locotenent, 6
Ciarâkov, V. N., 65, 67
Cristovici, doctor de origine aromână, 61
Cuza, Alexandru A. I., fiul domnitorului Al. I. Cuza, 5, 10
Cuza, Alexandru Ioan, domnitor al Principatelor Unite/României, 4-5, 27

D

Djurković, Slavomir, 46
Djuvara, Trandafir, 6, 67
Doda, Traian, 34
Dumba, Constantin, 48

E

Elisabeta de Wittelsbach (Sisi), ducesă de Bavaria, împărătească a Austro-Ungariei, 66
Elisabeta, principesă a României, 51
Elisabeta, regină a României, 8, 16-17, 19, 24-25, 51-52, 82
Epstein, Olga, 14

[1] Trimiterea se face la numărul documentului.

F

Ferdinand de Hohenzollern-Sigmaringen, principe al României, 7-8, 12, 16-20, 25, 27, 30, 32, 35, 46, 50-51, 81
Fleva, Nicolae, 44, 59, 61
Florescu, I. Em., 12, 16, 27, 34-35, 46, 68, 70
Fonton, N. A., 27-38, 41-55, 58-64, 66-71, 74-79, 85
Franz Josef, împărat al Austro-Ungariei, 39-41, 47, 58, 64, 66, 68-70, 74-75

G

Gagarin, cneaz, 27
Gane, Nicolae, 1
Ghenadie Petrescu, mitropolit al României, 75
Gheorghian, Vasile, 1
Ghermani, Menelas, 26
Ghica, Alexandru, 29, 54
Ghica, Dimitrie, 1-2, 35
Ghica, Grigore M., 9
Giers, Alexandr A., 53, 68, 76, 79, 84
Giers, Nikolai Karlovici, 1-26, 28-33, 38-52, 54
Gladstone, William Ewart, 40
Gołuchowski, Agenor Maria, 24, 55, 64, 66, 83
Greceanu, Ioan 12, 16

H

Hasdeu, B.P., 14, 31
Hitrovo, Mihail A., 1-7, 15-26, 68

I

Iarcu, general, 79
Ionescu, Take, 15, 44, 57, 70, 76, 83-84
Iosif Gheorghian, mitropolit al României, 37

J

Jeszenszky, Sándor, 75

K

Kálnoky, Gustav, 22, 33, 43, 48-49, 55, 66
Kapnist, D.A, 53
Kiseleff, Pavel, 5
Kogălniceanu, Mihail, 24, 26, 30
Konstantinovici, Alexandr Petrovici, 76-77
Kremnitz, Mite, 24
Kremnitz, Wilhelm, 24

L

Lahovari (Lahovary), Alexandru, 15, 33-34, 38, 43-44, 47, 49, 55, 59, 68, 70
Lamsdorff, V.N., 66-68, 74-75
Lecca, Dimitrie, 2-3
Leiden (Leyden), Kasimir von, 45
Leopold, principe de Hohenzollern-Sigmaringen, 16, 50
Lobanov-Rostovski, A. B., 55-64
Lodâjenski, A., diplomat rus, 8-14
Lucaciu, Vasile, 38
Lueger, Karl, 75
Lvov, V. E., 56-57, 65

M

Maiorescu, Titu, 2, 84
Manu, George 11, 26, 47, 59, 68
Marghiloman, Alexandru, 23, 68
Maria Alexandrovna, ducesă de Saxa-Coburg-Gotha, 50-52
Maria, principesă de Edinburgh, 35, 50, 52, 69
Maria, prințesă de Bourbon, 19
Mărgărit, Apostol, 61
Mârzescu, Gheorghe, 43
Melchisedec Ştefănescu, episcop, 4
Miclescu, Zoe, 25
Mihai, Radu, 1, 14
Milan Obrenović IV, principe şi rege al Serbiei, 13
Mocsony (Mocioni), Alexandru, 34
Morțun, Vasile, 14
Moruzi, Dimitrie, 1
Muraviev, M.N, 71-73, 76-79, 81-83, 85
Muruzi (Moruzi), Alexandru, 76

N

Nădejde, Ioan, 14
Nicolae II, împărat al Rusiei, 69
Nicolae, principe de Muntenegru, 46
Nojarov, Krăstiu (Hristo), 27

O

Olănescu, Constantin, 28

P

Pallady, Constantin, 8
Panu, George, 43
Popea, Simion, 34
Popovici, Aurel, 40

R

Rangabé, Cleon Rizo, 65
Rațiu, doctor, 55
Rizov, Dimitar, 27
Romalo, căpitan, 46
Rosetti, Theodor, 4, 12, 70
Roznovanu, Gheorghe, 59
Rudolf, principe moștenitor al Imperiului Austro-Ungar, 66

S

Simon, Jules, 40
Somov, A. S., 72-73, 80-84
Stambolov, Ștefan, 20, 68
Stancev, politician bulgar, 20
Stătescu, Eugen, 17, 63
Stoicescu, C. I., 17, 24, 44
Stolojan, Anastasie, 1
Sturdza, D. A., 3, 35, 42-43, 49, 56, 58, 60-64, 66-69, 71, 73, 75-79, 81, 83-84
Sturdza, Grigore, 16

Ș

Șișkin, N. P., 34-37, 65, 69-70

T

Teișanu, colonel, 79
Teodori, Iuliu, 25

Ț

Țankov, Dragan, 15, 20

U

Umberto I, rege al Italiei, 28, 64

V

Văcărescu, Elena, 19, 25
Veniamin, Lascăr, 14
Ventura, Grigore, 53-54
Vernescu, George, 22, 26
Vlădescu, Matei, 26
Vranghel, N. 39-40

W

Welsersheimb, Rudolf von, 56
Welsersheimb, Zeno Philomenus von, 64
Wilhelm II, împărat al Germaniei, 18, 28, 70, 74, 83
Wilhelm, prinț de Hohenzollern, 16

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

А

Александр (Обренович), король Сербии, 13
Александр II, российский император, 66, 68
Александр III, российский император, 53, 82
Александра, принцесса Сакс-Кобург-Готская, 51
Александропулос, греческий дипломат, 63
Алексей Александрович, российский великий князь, 52
Альджиу, Ион, 14
Апостолеску, Филип, 61
Арборе Ралле (Ралли), Замфир, 4
Арион, депутат, 26, 44
Аурелиан, Петре С., 23

Б

Бальш, Джордже, 26
Банфи, Дезё, 66
Беатриса Леопольдина Виктория Сакс-Кобург-Готская, 74
Белдиман, Александру В., 10
Бисмарк, Герберт, 24
Бисмарк, Отто фон, 24, 43
Борис Владимирович, российский великий князь, 69
Брай-Штейнбург, Ипполит фон, 83
Брацу, капитан, 5
Броте, Еуджен, 40
Брэтиану, И. К., 1-5, 7, 14-17, 22, 24, 27, 35, 43-44, 62, 68, 70, 78
Бюлов, Бернгард фон, 18, 24, 45

В

Вельзерсгеймб, Зенон Филоменус фон, 64
Вельзерсгеймб, Рудольф фон, 56
Вениамин, Ласкар, 14
Вентура, Григоре, 53-54
Вернеску, Джордже, 22, 26
Вильгельм II, император Германии, 18, 28, 70, 74, 83
Вильгельм, принц Гогенцоллернский, 16
Влэдеску, Матей, 26
Врангель, Н., 39-40
Вэкэреску, Елена, 19, 25

Г

Гагарин, князь, 27
Гане, Николае, 1
Генадие Петреску, митрополит Румынии, 75
Георгиан, Василе, 1
Германи, Менелас, 26
Гика, Александру, 29, 54
Гика, Григоре М., 9
Гика, Димитрие, 1-2, 35
Гирс, А. А., 53, 68, 76, 79, 84
Гирс, Николай Карлович, 1-26, 28-33, 38-52, 54
Гладстоун, Уильям Юарт, 40
Голуховский, Агенор Мария, 24, 55, 64, 66, 83
Гречану, Иоан, 12, 16

Д

Джувара, Трандафир, 6, 67
Джуркович, Славомир, 46

[1] Ссылка даётся на номер документа.

Дода, Траян, 34
Думба, Константин, 48

Е

Елизавета, королева Румынии, 8, 16-17, 19, 24-25, 51-52, 82
Елизавета, румынская принцесса, 51
Елизавета Виттельсбахская (Сиси), герцогиня Баварская, императрица Австро-Венгрии, 66

И

Ионеску, Таке, 15, 44, 57, 70, 76, 83-84
Иосиф Георгиан, митрополит Румынии, 37

Й

Йесенски, Шандор, 75

К

Кальноки, Густав, 22, 33, 43, 48-49, 55, 66
Капнист, Д. А., 53
Карл I, король Румынии, 3, 5-8, 10-13, 16, 18, 22, 24-25, 27-28, 30, 32, 34-35, 45-46, 50-52, 56, 58-59, 64, 66, 68-72, 74-84
Карл, румынский принц, 50
Карп, Петре П., 2, 3, 7, 8, 12, 14-16, 22, 24, 26, 43-44, 49, 56, 68, 84
Катарджиу, Александру, 71, 81, 83
Катарджиу, Ласкэр, 15, 22, 27, 36, 39, 42, 59, 68, 70
Кинцу, лейтенант, 6
Киселёв, Павел, 5
Когэлничану, Михаил, 24, 26, 30
Константинович, А. П., 76-77
Кремниц, Вильгельм, 24
Кремниц, Мите, 24
Кристович, доктор влахского происхождения, 61
Куза, Александру А.И., сын князя Ал. И. Кузы, 5, 10
Куза, Александру Иоан, румынский князь, 4-5, 27

Л

Ламсдорф, В. Н., 66-68, 74-75
Лаховари, Александру, 15, 33-34, 38, 43-44, 47, 49, 55, 59, 68, 70
Лейден, Казимир фон, 45
Лекка, Димитрие, 2, 3
Леопольд, принц Гогенцоллерн-Зигмарингенский, 16, 50
Лобанов-Ростовский, А. Б., 55-64
Лодыженский, А., российский дипломат, 8-14
Лукачу, Василе, 38
Львов, В. Е., российский дипломат, 56-57, 65
Люгер, Карл, 75

М

Майореску, Титу, 2, 84
Ману, Джордже 11, 26, 47, 59, 68
Маргарит, Апостол, 61
Маргиломан, Александру, 23, 68
Мария Александровна, герцогиня Сакс-Кобург-Готская, 50-52
Мария, принцесса Бурбонская, 19
Мария, принцесса Эдинбургская, 35, 50, 52, 69
Мельхиседек (Штефэнеску), епископ, 4
Миклеску, Зое, 25
Милан Обренович IV, князь, затем король Сербии, 13
Михай, Раду, 1, 14
Морузи, Димитрие, 1
Морцун, Василе, 14
Мочони, Алксандру, 34
Муравьёв, М.Н., 71-73, 76-79, 81-83, 85
Мурузи (Морузи), Александру, 76
Мырзеску, Георге, 43

Н

Николай II, российский император, 69
Николай, князь Черногории, 46
Ножаров, Христо, 27
Нэдежде, Иоан, 14

О

Обиньи (Обинье), Жюль Людовик Анрис, 55, 70
Олэнеску, Константин, 28

П

Паллади, Константин, 8
Пану, Георге, 43
Попович, Аурел, 40
Попя, Симеон, 34

Р

Рангабе, Клеон Ризо, 65
Рациу, доктор, 55
Ризов, Димитар, 27
Розновану, Георге, 59
Ромало, капитан, 46
Росетти, Теодор, 4, 12, 70
Рудольф, наследный принц Австро-Венгерской Империи, 66

С

Симон, Жюль, 40
Сомов, А. С., российский дипломат, 72-73, 80-84
Стамболов, Стефан, 20, 68
Станчев, болгарский политический деятель, 20
Стоическу, К. И., 17, 24, 44
Столожан, Анастасие, 1
Стурдза, Д. А., 3, 35, 42-43, 49, 56, 58, 60-64, 66-69, 71, 73, 75-79, 81, 83-84
Стурдза, Григоре, 16
Стэтеску, Е., 17, 63

Т

Теишану, полковник, 79
Теодори, Юлиу, 25

У

Умберто I, король Италии, 28, 64

Ф

Фердинанд Гогенцоллерн-Зигмарингенский, наследный принц, 7-8, 12, 16-20, 25, 27, 30, 32, 35, 46, 50-51, 81
Флева, Николае, 44, 59, 61
Флореску, И. Ем., 12, 16, 27, 34-35, 46, 68, 70
Фонтон, Н. А., 27-38, 41-55, 58-64, 66-71, 74-79, 85
Франц Иосиф, император Австро-Венгрии, 39-41, 47, 58, 64, 66, 68-70, 74-75

Х

Хашдеу, Б. П., 14, 31
Хитрово, М. А., 1-7, 15-26, 68

Ц

Цанков, Драган, 15, 20

Ч

Чарыков, В. Н., 65, 67
Челибидаки, российский консул в Добрудже, 34

Ш

Шишкин, Н. П., 34-37, 65, 69-70

Э

Эпштейн, Ольга, 14
Эренталь, Алоис Лекса фон, 63-64, 83

Я

Ярку, генерал, 79

În colecţia **Documenta** au apărut:

Documente româneşti din Arhiva Mănăstirii Xiropotam de la Muntele Athos. Catalog, vol. I,
Florin Marinescu, Ioan Caproşu, Petronel Zahariuc (editori)

Domeniul mănăstirilor din Bucovina în secolele XIV-XVIII. Inventar de documente,
Mihai-Ştefan Ceauşu, Marius Chelcu (coordonatori)

Condica lui Mavrocordat. Vol. 1, 2, 3,
ediţie îngrijită de **Corneliu Istrati**

Contribuţii privitoare la istoria relaţiilor dintre ţările române şi bisericile răsăritene în secolele XIV-XIX,
Petronel Zahariuc (editor)

Catagrafia fiscală a Moldovei din anul 1831,
Corneliu Istrati (editor)

Comisia Europeană a Dunării,
Ion Agrigoroaiei (editor)

Primele studente ale Universităţii din Iaşi,
Vol. I: Facultatea de Litere şi Filosofie: (1879-1897),
Leonidas Rados (editor)

Documente româneşti din arhiva mănăstirii Xenofon de la Muntele Athos,
Petronel Zahariuc, Florin Marinescu (editori)

Condica vistieriei Moldovei din anul 1803,
Corneliu Istrati (editor)

C*atagrafia fiscală a Moldovei din anul 1820*,
Corneliu Istrati (editor)

Emil von Richthofen şi românii la 1848,
Stela Mărieş şi Octavian Nicolae (editori)

Manuscrise slavo-române din Moldova. Fondul Mănăstirii Dragomirna,
Ioan Iufu, Victor Brătulescu

Săteni şi stăpâni în munţii Moldovei. La răscruce de veacuri,
Corneliu Istrati

Documente româneşti din Arhiva Mănăstirii Xiropotam de la Muntele Athos. Catalog, vol. II,
Petronel Zahariuc, Florin Marinescu, Ioan Caproşu, (editori)

Alexandru Em. Lahovari. Note, amintiri, corespondenţă diplomatică oficială şi personală (1877-1914). Paris, Petersburg, Bucureşti, Roma,
Rudolf Dinu, Adrian-Bogdan Ceobanu (editori)

Documente privitoare la negustorii din Ţara Românească, vol. 1: 1656-1688,
Gheorghe Lazăr (editor)

Supușii austrieci în Principatul Moldovei (1833-1835). Contribuții,
Silviu Văcaru